Дневники 1932-1947 гг

Лазарь Константинович Бронтман

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лазаря Бронтмана современники называли «королём московских журналистов» — и за ироничным звучанием этого неофициального титула скрывалось весьма много настоящего. Бронтман четверть века жил и работал в самой, что ни на есть, гуще событий, бесперебойно поставляя советскому читателю передовицы (псевдоним Лев Огнев). Во время «бума рекордов» 30-х годов Бронтман, по долгу службы и, как можно понять из дневников, из-за собственной любознательной натуры, побывал везде — освещал строительство первых линий метро, участвовал в знаменитом автопробеге Москва-Каракумы-Москва, был в экспедиции под руководством Ушакова в Арктике, искавшей земли Джиллиса и Санникова, потом — посетил Северный полюс, дрейфовал на одной льдине с Папаниным (а до того принимал участие в спасении седовцев); тесно дружил с лётчиками-испытателями ЦАГИ, с Коккинаки, Чкаловым, освещал стратосферную эпопею. Перед войной Л. Бронтман был назначен начальников информационного отдела «Правды». Потом — четыре года войны, без прикрас отображённые в дневниках. Масса интереснейших малоизвестных деталей об интереснейших известных событиях. И, на протяжении всего этого времени, описания встреч со знаменитыми людьми, в т. ч. Сталиным, Калиныным, Молотовым, Голованом, Василием Сталиным, Чкаловым, Громовым, Папаниным и многими другими. Эти дневники — ранее не публиковавшиеся замечательный документ эпохи.

- Бронтман Лазарь Константинович
  - Аннотация публикатора
  - ВСТРЕЧИ, СОБЫТИЯ. 1932–1936
  - Год 1936
  - ЗАПИСИ СОБЫТИЙ,ВСТРЕЧИ (ОТРЫВКИ) 1936–1939
  - 1936 год
  - 1937 год
  - 1938 год
  - 1939 год
  - ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1939–1940 г
  - 1940 год
  - ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1940–1941 г
  - 1941 год
  - ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. МОСКВА. 1942
  - 1942 год

- ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1942–1943 Г
- 1943 год
- ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1943 г
- ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1943 г
- 1944 год
- ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1944-45 г
- 1945 год
- ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1945-46 г
- 1946 год
- ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1946-47 г
- 1947 год
- ПРИМЕЧАНИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Бронтман Лазарь Константинович
Дневники 1932–1947 гг

Аннотация публикатора

Вашему вниманию предлагаются дневники журналиста Лазаря Константиновича Бронтмана, моего деда, работавшего в «Правде» больше 25 лет. Дневники велись с 1932 г. по 1947 г. За свою долгую журналистскую жизнь Л.К. Бронтман участвовал в автопробеге Москва-Каракумы-Москва, путешествовал в Арктике на ледоколах, вместе с коллегой И.Виленским стал первым журналистом в мире, побывавшим на Северном Полюсе с экспедицией Папанина. Уникальность дневников в том, что они писались в стол, для себя, сохранили аромат того времени, содержат тысячи уникальных эпизодов, нигде ранее не публиковавшихся.

Внимание. Пока публикуются только дневники. В дальнейшем появятся подробные записи (в разделе Первопроходчество): 1) Плавание на ледоколе «Садко» 1935 г. (Экспедиция под руководством Ушакова в Арктике. Поиски легендарных земли Джиллиса и земли Санникова); 2) Экспедиция Папанина на Северный полюс; 3) Экспедиция на ледоколе «Сталин» по спасению «Седова». Рассказы и очерки Л.К. Бронтмана уже доступны в разделе Проза.

Просьба. В тексте дневников остались непрокомментированными многие фамилии, аббревиатуры, термины и т. п. Если у кого-нибудь, особенно знакомых с авиационной тематикой, появится желание добавить примечания, пишите.

ВСТРЕЧИ, СОБЫТИЯ. 1932–1936

Аннотация: Встречи с Калининым, Луначарским, заметки о Сталине, открытие метро в Москве. Встречи с летчиками, гибель Берлин и Ивановой, похороны Павлова, встречи со Сталиным, встреча Чкалова.

Тетрадь 1. С 23.10.32 по 10.08.36

1932–1935

23.11.1932

Из встреч с Калининым.

Первой встречи и первого реферата не помню. Одно время (в 1927–1928 г.) мне его приходилось реферировать почти каждую неделю. То он приветствует выпускников, то вступает на НКПРОСе.

Небольшие штрихи: На выпуске ПП института в Политехническом институте Калинин, говоря об облике коммуниста-человека (и подчеркивая особенно его роль, как организатора) сказал:

— Вот вы все слышали выражение: женщина с изюминкой. Что это за изюминка такая? С виду женщина как женщина, а вот что-то в ней есть отличное. Так вот — он прервал свое хождение по эстраде и весело улыбнулся коммунист — это мужчина с изюминкой.

На торжественном вечере 10-летия ОДН в экспериментальном театре Калинин выступил с большим докладом. По окончании он быстро побежал за кулисы. Я за ним. Нагнал его. Поздоровались. Диалог:

— М.И.! вашу речь можно давать без визы?

— А что вы записали?

— Все записал.

— Ради Бога не давайте! Такая чушь получится!

Это он говорил, конечно, смеясь. Как-то в другой раз от отвечал на такой же вопрос:

— Если вы уверены, что хорошо записали, тогда виза ни к чему. Если вы не уверены — то зачем вас редакция посылала?!

(Очень хорошо сказано!)

Было какое-то торжественное заседание УС ОДН в Кремле, в зале заседаний президиума ВЦИК. Столик прессы — рядом со столом Калинина. Калинин курит «Ориент», все время бегает к нам за спичками (Одно стекло золотых очков треснуто).

Посовещавшись — преподнесли ему от журналистов коробку спичек. Весело благодарил.

15.12.1934.

Перевыборы в Моссовет. Ротационный цех новой типографии переполнен. Калинин выступает с докладом. Произносит, между прочим, истину чрезвычайно огорчившую работников комбината: «работники редакции являются мозгом комбината, умом газеты, а вы только их обслуживаете». Потом в частной беседе признался Мехлису: «вот у вас я чувствую себя дома, а в „Известиях“ — в гостях. Мне часто Сталин говорит, „твоя газета“, „в твоей газете“. Какая она моя! Вот „Правда“ — это моя газета!»

5.04.1936

Дежурный по заводу им. «Осоавиахима» Слободский рассказал мне (я ждал полета «…жевдо»).[1]

Есть у него приятель Котов, шофер Калинина. Как-то Слободский сидел у него, раздается звонок:

— Приезжай сейчас за мной, поедем на охоту. (Дело было осенью 1934 года)

— Котов говорит «Хорошо». Сейчас приеду. И возьму с собой приятеля.

— А что за человек?

— Надежный.

— Ну хорошо.

Дал он мне свое ружье. Поехали. Ехали по шоссе, а затем в сторону. Увязли. Пошли пешком, потом постреляли, вернулись. Машина ни с места. Подложили плащ Котова — мало. Было на мне новенькое кожаное пальто постелили в грязь, проехали немного, опять постелили. Так выехали. Но во что превратилось пальто… Едем. Я и Котов дрожим от холода. Калинин нас пригласил к себе, дал коньяку, согрелись. Больше всего мне понравилось, что он чай из самовара пьет. Потом позвонил в секретариат — приказал, чтобы принесли несколько пальто. Принесли, кое-какие драповые пришлись впору и мы уехали.

А утром на следующий день мне доставили на квартиру новенькое замечательно кожаное пальто Я его не ношу — в шкафу висит.

23.11.1932

Из встреч с Луначарским.

Первой встречи не упомню.

Штрихи: В Доме Печати делает доклад «Идеализм и материализм». Битком. Блестящий доклад. По окончании тесный толпой — в секретариат. Одна экзальтированная девица все время рвется к нему с бессменным восклицанием:

— А.В.! Какой Вы прекрасный доклад сделали! (надоело)

— А вы что ж меня за круглого дурака считали, что ли?!

Девицы след простыл.

После назначения его Зав. ученым комитетом при УИКС, как-то я и Родин И.М. встретили его у нач. Главнауки Луппола. Присели в приемной.

— Я отдыхаю сейчас, — говорил А.В. — Наконец-то я получил возможность заняться научной работой, заняться собой. Нельзя же вечно жить на проценты с капитала («Капитала»?).

Отчетливо помню обстановку первой беседы. Это было в начале 1926 г. (или в конце 1925). Вечером позвонили в редакцию и сообщили, что А.В. приехал из-за границы и дает беседу (в 7 часов) советским журналистам о своих впечатлениях. Галкин предложил мне ехать. Громадный дом в Денежном пер. на Арбате. Шестой этаж (табличка «Нарком просвещения А.В. Луначарский на дому никого не принимает»). Газетчики («Известия», «Гудок», «Наша газета» и др.) съехались почти одновременно. А.В. у входа в свой кабинет всем пожимал руки. Кабинет небольшой. Почти весь занят письменным столом, около — столик для стенографистки. На одной стене — широченные книжные полки, у другой — книжный шкаф. Кругом картины, наброски, снимки, много женских лиц. Началась беседа. А.В. рассказывал свои впечатления о культурной жизни Франции и Германии Беседа длилась около 30–40 минут. По окончании — тот же прощальный ритуал.

Заголовки в газетах были самые разнообразные: «А.В.Л. о Европе», «Беседа с А.В.Л», я дал: «Культура Запада на переломе».

Луначарский никогда не отказывал в беседе. Мне приходилось брать у него беседы в вагоне, на перроне, в автомобиле, в приемной, на дому за полчаса до его отъезда в Ленинград («Что готовят художники к 10-му октябрю») Вообще он относился к журналистам с предельной внимательностью. Вспоминается заседание (открытие) первой международной конференции революционных писателей — в зале заседаний НКПРОСа. Говорил Барбюс. После его горячей речи все повскакали с мест. А.В.Л. переводил, окруженный писателями. Я стоял против него и записывал. Заметив, что я не успеваю, он резко замедлил речь и убыстрил темп только после того, как убедился в моей успеваемости.

25.10.1932 г.

Похороны Стопани.

Помимо того, что я дал в отчете, хочется отметить только два момента:

— первое. При выносе урны из клуба общества старых большевиков страшно растерянное близорукое лицо

Ярославского.

— второе. У мавзолея, после замуровывания урны, я обратился к Малышеву с просьбой дать точный список ораторов панихиды. Смерть Стопани очевидно на него подействовала чрезвычайно. Он взволнованно шарил руками по карманам и говорил растерянно: «да, да, он у меня… Мне его Ярославский передал… Вот он тут должен быть… Старики мы стали, куда я его дел, из ума выживаем… Вот старый дурак..» и проч.

Как он постарел за последний год! Месяца 3–4 назад он еще совсем бодрым, но постаревшим, заходил в редакцию и просил меня съездить на собрание колхоз. торговцев Кр. Пресни. Год назад, когда я его видел в столовой V съезда Советов — был совсем молодым.

Дневник событий

21.11.1932

Был у Владимирского (НКЗдрав). Брал беседу о предстоящей (с 28.11.32) советско-германской медицинской неделе. Он немного запоздал, извинился по телефону, затем вышел ко мне, потолковали и уговорились встретиться еще раз в 5 ч. вечера. В 5 я был, дополнительно поговорили, он пригласил на вечерний прием иностранных журналистов. Какая у него демократическая, совсем не наркомовская обстановка и какой…(зачеркнуто) стал!

15.12.1934

На ночной летучке Мехлис потребовал освещения новых видов хлопка (итальянской конопли и других). «Сталин на них сейчас необычайно нажимает. Его подлинные слова: „мобилизовать на это дело все живое и мертвое“. Он даже хотел выговор закатать некоторым членам ЦК».

— Сегодня напечатан отчет о приеме Сталиным делегации хозяйственников. Любопытно, как Сталин внимательно заботится о своевременном выходе «Правды». Вчера на ночной летучке Мехлис рассказал, что в 11 час 15 мин. вечера Сталин позвонил ему и сказал, что отчет о беседе готов и его можно давать, но пришлет он его завтра. Мехлис смеется: «Он сам постановил, что позже 11 часов вечера материал в газету присылать нельзя, было же 11 ч.15 мин. и он решил перенести отчет на завтра. Я не настаивал».

— Мы выступили с номером, посвященном Закавказью. Сегодня вверху шестой полосы напечатано на двух колонках сообщение «исправление ошибок». Там говорится о том, что в зарождении большевистской организации в Баку главную роль играл отнюдь не Енукидзе. (Хотя многие историки и в частности БСЭ это и утверждают). Оказывается поправку писал сам Сталин.

10.01.1935.

Раневский рассказывает любопытную историю. В Баку он виделся с секретарем Азерб. комитета Багировым. 29 или 30 ноября он был в Москве. В Кремле зашел к Поскребышеву, чтобы узнать, когда его на следующий день сможет принять Сталин. Внизу у подъезда он встретил Сталина.

— А, здравствуй! ты чего?

— Да вот иду к Поскребышеву узнать, когда ты сможешь меня принять.

— Принять смогу завтра часов в 5, а сейчас меня другое интересует: ты «Чапаева» видел?

— Нет не видел.

— Как же ты мог не видеть «Чапаева»? Непростительно! Идем сейчас же смотреть.

Подобралась группа в несколько человек, в том числе и Киров и все отправились наверх, в просмотровый зал, где просмотрели «Чапаева». Демонстрировал Шумяцкий. Сталин сказал, что он смотрит «Чапаева» не то в одиннадцатый раз (не помню — Л.Б.). Во время просмотра кто-то напомнил, что на Кавказе был партизан не менее легендарный, чем Чапаев. Сталин заинтересовался — где он сейчас? Оказалось, что где-то пропадает в безвестности в пределах Сев-Кав. края. Немедленно ушло предписание найти и водворить в хорошие условия.

21.01.1935

Сегодня был в Большом театре на траурном заседании. Давал отчет. Докладывал Стецкий. Сталину устроили бурную овацию. Он стоял во втором ряду за Ворошиловым и Молотовым. Затем сел, желая прекратить аплодисменты. Не тут то было. Овации раздавались с новой силой и ему пришлось опять встать. Боговой предложил сократить в отчете описание овации. «Он этого не любит. Он даже не разрешил принять на заседании приветствие по его адресу».

21.01.1935

Вспоминается довольно забавная история с Капицей. Капица — один из крупнейших физиков мира, советский гражданин, но с 1921 г. живет в Лондоне, член Королевского научного общества, читает в университете. В Лондоне ему создан специальный институт. В 1934 году он приехал в Ленинград на менделеевский съезд. и остался в СССР. О нем на съезде мне говорил проф. Румер, что он «ставит материю в такие условия, в которых она никогда не была на Земле со времен первоздания» (он сконструировал установки сверхмощных магнитных напряжений и необычайно низких температур — до -272 с десятыми градуса, помещает туда тела и изучает, в частности открыл явление сверхпроводимости диэлектриков). Мехлис предложил мне взять

с ним беседу. Вечером мы получили из Совнаркома сообщение: «В Академии наук. Президиум Академии наук постановил назначить известного советского физика П.Я. Капицу (стояло „тов.“, но зачеркнуто) директором организуемого в системе Академии наук института физических проблем». Я позвонил Баху. Он мне сказал, что беседу об этом дать не может, ибо не знаком с работами Капицы. Я застукал вице-президента Академии — Комарова. Тот ответил то же самое «Капице мы создаем персональный институт для его работ — будет заниматься чем хочет, институт мы решили создать магнитно-криогенный, а не физических проблем». Проф. Вулл ответил скептическим незнанием. Утром из Ленинграда приехал Капица. Я приехал к нему. Представился. Он заявил, что без санкции Межлаука ничего дать не сможет и долго любезно поддерживал разговор. «Знаете, я не люблю говорить о своих работах. Это все равно, что снимать копию с картины Рембранта — мазня!» Я позвонил Межлауку, он был болен. Добились его согласия, позвонил Капице, сообщил, что Межлаук ждет его звонка и сперва поехал к нему. Он меня огорошил сообщением, что уговорил Межлаука пока не давать беседы. Мехлис договорился с Молотовым. «Давать можно, даже полезно объяснить читателям, чем будет заниматься институт». Мехлис попросил меня пригласить Капицу к нему. Поехал на Линкольне в «Метрополь». Капица любезно отказался — «Иду на „Веселые ребята“». (Лифшиц сообщил, что ленинградские академики отказались дать беседу о Капице и институте).

23.01.1935

Последние предпусковые дни метро. Сегодня вечером я поехал на ст. «Комсомольская площадка»., чтобы дать небольшой очерк об опытном поезде метро. Встретил Петриковского — директора метрополитена. Ходит взволнованный, на вопросы отвечал отрывисто. Тут же вертится начальник штаба особой охраны метро. Стал ждать. Часов около десяти приехал Л.М.Каганович. с ним вместе Булганин, Хрущев — в робе и ватнике и Старостин. Каганович быстро осмотрел станцию, коротко ее одобрил и предложил поехать по опытной трассе. Поезд стоял, дожидаясь. Сам Каганович встал в кабину машиниста. Доехали до Красносельской. Осмотрели. Одобрил, понравилась — «с большим вкусом». Дальше поехал в вагоне. «Это что, дерматин на диванах? Немедленно заменить кожей, рваться будет. Лампочек слишком много: зажигать через одну.» Подъезжаем к Сокольникам. Каганович выглядывает в окно «Вот она, красавица!». Внимательно смотрел все. Разговорился с начальником службы связи:

— Фамилия? (Каганович твердо сморит ему в газа и страшно

внимателен.)

— Кувшинников.

— Давно кончили? Где работали раньше? Кем?

— В 29. На Курской, пом. нач. станции.

— Значит — советской формации. За границей были?

— Нет

— Обязательно надо побывать и чем скорее, тем лучше. Это же страшно сложное хозяйство. Дело знаете?

— Знаю.

— Любите?

— Люблю.

— Крушений по вашей вине не будет?

— Нет.

— Хорошо. А за границу его все таки послать надо.

Такой же разговор произошел с нач. движения Зотовым. (А через неделю их всех сделали помощниками, а начальниками назначили побывавших заграницей, их же Каганович специально вызвал и предложил не обижаться).

Прошли в блок-участок. Каганович заставил продемонстрировать ему работу централизованного поста и проэкзаменовал дежурного по посту. Лейтмотив тот же: крушений не будет?. Затем осмотрели вестибюль. Произошел забавный инцидент. Каганович обратил внимание, что двери (входные) имеют ручку, отрываются только в одну сторону и имеют стеклянное нутро. «Надо поставить на пружинах. Здесь же десятки тысяч будут проходить. Этак только в кабинете можно. Заграницей совсем дверей нет. И стекло снять, или в крайнем случае, забрать решеткой. Вот до такого уровня. Не возражаю. Вы как полагаете, товарищи? Вот спросим практиков» — он обратился к плотникам-строителям. «Да, конечно» — замялись те. Один, посмелее ответил: — «Ты же сам говоришь — десятки тысяч. Вот и представь: дверь на пружинах, я иду впереди, ты за мной. Я отпустил дверь — она раз тебя по лбу. Нет, так лучше». Каганович засмеялся. — «А что, сюда только входят?» — «Да» — «Тогда оставьте так. Не возражаю».

Поехали обратно. На ст. Комсомольская он спросил Петриковсокго: «А уборные построили?» — «Да». — «Поставьте швейцара. И деньги берите. Обязательно. В чем дело? Захотел получить удовольствие — плати монету».

Осмотр длился два часа. На следующий день он созвал у себя совещание эксплуатационников.

27.01.1935

Мы хотели в связи с пуском, выступить широко. Каганович запротестовал. «Пишите сейчас немного. А то все расскажете, а

когда пустим метро — никто и читать не будет».

4.02.1935

Прошел первый испытательный поезд по всей трассе. Мы ждали его на Комсомольской. Ждали 5 часов. С поездом приезжал страшно довольный Хрущев, Булганин и Старостин. Сели составлять коммюнике. Через день — 6.02 прокатили депутатов. Ночью проехал Каганович.

8.02.1935

Заходил Саша Безымянский. Все хлопочет напечатать свою песню о метро с нотами. Долго ходил по коридору, агитировал меня: «Ведь ее петь везде будут». Ночью пропел ее Мехлису. Мехлис послушал и сказал: «Пишешь ты хорошо, а поешь — хуево».

20-22. 01.

Сидел два часа с Леваневским. Составлял вместе с ним проект беспосадочного перелета Москва-Сан-Франциско, через Северный полис. Идея моя, доработка его. Хочу лететь с ним. Проект дали Мехлису, он передаст в ЦК.

7.02.

Заехал сегодня вечером (около часа ночи) вместе с Хватом к Ляпидевскому. Сидит один в белье, разучивает на баяне «не белы снеги». На столе — чертежи, осиливает аналитическую геометрию. Вчера он избран членом ЦИК. Показывал все регалии. Доволен.

10.02

Был Прокофьев. Избран членом ЦИК. Смеется: «Сейчас могу к вам в редакцию ходить без пропуска». Протестовал против радиозондов («Подумаешь — на 17 тыс. метров!»)

9.01

Ехал вместе с Молоковым в Ленинград. Он мне рассказал о совей единственной аварии: из Новосибирска в Красноярск. «Мотор выработался. Заявляю — лететь нельзя. Лети! Пассажиров брать нельзя. Бери! Полетел. Налетел на лесной пожар, дым, ничего не видно, и мотор сдал. Врезался. Четыре пассажира убились, механик тоже. Как сам жив остался — не знаю. И самое тяжелое — ничего не могу вспомнить, урок который надо из этого извлечь, научиться, других научить». Разволновался, всю свою жизнь рассказал.

Год 1936

2 или 4 апреля.

Вчера был выходной. Днем позвонили с завода им. «Авиахима», сказали, что стратопоезд инженера Щербакова полетит завтра, 2 апреля, на предел — на 14 км. 2 апреля в 7 утра был на заводе. Поехали на аэродром. Холодно. На аэродроме стоит двухмоторный «Р-6» — у него Давыдов и Майер, за ним на тросе «Г-14» с Венславым и Рогатневым, дальше светло-голубой «Г-9» с Шевченко. Ему сегодня быть на «вышке», болтаться на планере в стратосфере. Шевченко весел, шутит. Щербаков нервничает. Я и Петр Носиков усадили Шевченко в кабину, проверили ремни, кислородные шланги. Старт, рывок, трос оборвался. Опять Шевченко замахал руками, отменяя старт, но на «Р-6» не заметили и поезд рванул с места.

— Отцепится, если что-нибудь не в порядке, — заметил Щербаков.

— Кто отцепится? Шевченко? Никогда в жизни! — засмеялся Носиков.

Поезд умчался кругами вверх. И только к часу дня все постепенно вернулись на аэродром. Кроме Шевченко. Он сел где-то около Клязьмы. «Р-6» был на 5000 м., «Г-14» — на 6000 м., а «Г-9» на 7 000 м. Оказалось, что оборвались тросы. Перед отлетом, одеваясь, Шевченко рассказывал забавные истории:

1. «Понадобилось мне как-то починить сапоги. Дело было в прошлом году. Я недавно ушел из Щелково на завод. В Москве чинить — надо ордер, а мне ходить не в чем. Сел в машину и смотал в Щелково. Приземлился, вышел, иду с сапогами по аэродрому — на встречу Алкснис. Я вытянулся, а сапоги проклятые под мышкой, рваные. Начвоздуха спрашивает: — „Зачем прилетел?“ — „Сапоги починить, тов. начвоздуха, износились“. Пронесло, засмеялся.»

2. «Прилетает как-то Коккинаки на центральный аэродром из Щелково. Смотрим, он машину как-то боком сажает. Приземлился. Подбегаем: справа к фюзеляжу истребителя его велосипед привязан.»

Уехал с завода в 2 часа.

2 апреля.

Ворошилов на заводе им. Авиахима.

Через пару часов по коридору раздался неистовый крик Зины Ржевской: «Бронтман, бросай все, иди к Янтарову». Пошел. — «Поезжай немедленно на завод „Авиахима“. Там Ворошилов, Каганович и другие». Помчался, захватив фотографа Вдовенко.

Приезжаем, встречает секретарша директора Беленковича — Клавдия Алексеевна Липкина: «Слава Богу, везде вас искали! Догоняйте, он сейчас в таком-то цехе» Вместе с дежурным по заводу Слободским ринулись туда. Ворошилов вместе с нач ГУАП Л.М. Кагановичем, проф. А.Н. Туполевым и (вычеркнуто) осматривал новою машину завода. Он внимательно осматривал каждую деталь машины. Беленкович представил ему конструкторов Маркова и Скарбова. Военный приемщик Кузнецов, (вычеркнуто), непрестанно пикировались с Беленковичем по поводу отдельных деталей. Воршилов молчал, слушал, очень редко задавал вопросы. Он интересовался вопросом как удобно сидеть в этой машине, какая видимость, какое поле обстрела, удобно ли выкидываться. Беленкович приказал продемонстрировать скидывание бомб. Кто-то залез в машину, дал контакт. Бомбы остались на месте. Он снова взялся за контакт.

— Поздно, цель осталась позади, — засмеялся Ворошилов, — сейчас уже бесполезно сбрасывать.

Показали новый бензиновый кран «для умных людей» — говорит Беленкович.

— Нет, умные люди делали, — поправил Ворошилов, — а раньше делали дураки.

У него очень тихий голос, говорит он очень спокойно. Сзади кто-то поражается: наркому больше 50 лет, а какой свежий цвет лица, посеребрены только виски, блестящая выправка. Он чуть заметно прихрамывает, вернее чуть волочит ногу (вероятно, след ранения). Одет в форму, фуражку, светлое легкое застегнутое пальто с отворотами.

Пошли дальше.

Беленкович представил наркому Шевченко — «тот, который ходил на 11 км.» Шевченко стоял вытянувшись.

— Знаю. Как дела? — спросил Ворошилов.

Позднее, осматривая машину, на которой летал Шевченко, Ворошилов спросил его: «На какую высоту собираетесь еще?» Шевченко подумал: «Тысяч 14». Беленкович засмеялся «Мне он говорил 15. Значит — тысячу оставляет в запасе.» Засмеялся и Ворошилов.

Вышли на аэродром. Его развезло. Ворошилов вышел из машины и проваливаясь в снегу и лужах пошел к деревянному мостику впереди. Вылезли и другие. Машина с летчиком Калиншиным И.И. и диспетчером Слуцким поднялась в воздух, сделали два круга, прошли на полной скорости. Одновременно мимо прошел истребитель. «Быстро летает»- улыбнулся Ворошилов.

Летчики вернулись когда мы были в новом ангаре. Калиншин вытянулся перед маршалом.

— Машина мягкая, в управлении хорошая — доложил он.

— Скорость? Пробег? Работа тормозов? — спрашивал Ворошилов.

Затем он обратился к Слуцкому:

— Тесно или нет в задней кабине? Удобно ли стрелять? Обзор?

Затем он попросил Слуцкого сесть в пилотскую кабину.

— Откройте колпак! Закройте! Откройте! Закройте! — командовал он.

— А как вам нравится колпак? — обратился он к Шевченко. — Вы же на ней летали?

— Так точно, на ней! — ответил Шевченко — Я бы его немного переделал.

Беленкович представил инж. Щербакова.

— А, помню — сказал Ворошилов — Замечательная идея.

Ему рассказали о прошлых и сегодняшнем полете. Сообщили, что на «каланче» сидел Шевченко.

— Идет? — улыбаясь, спросил Ворошилов Володю.

— Хорошо идет!

— Не бросайте этого дела, у него большое будущее — сказал, прощаясь, нарком Щербакову.

Ворошилов дал несколько практических указаний Беленовичу, осмотрел другие машины и затем около часа участвовал вместе с другими приехавшими в техническом совещании у директора завода. Всего он пробыл на заводе больше трех часов.

Дали короткую заметку о посещении.

8 апреля.

Л.Берлин — Т. Иванова.

Хотел восстановить в памяти историю гибели Берлин и Ивановой. Они готовились к прыжку давно. Еще прошлым летом Люба говорила Хвату: «Когда же будет получено разрешение?!» Наконец, разрешение было получено. Берлин и Иванова начали систематическую тренировку. они учились затягивать точно, определять время падения, управлять своим телом в полете, выходить из штопора.

Встретившись как-то со мной в Доме Печати, Люба усиленно просила при звонках ей домой ничего не говорить о прыжках: «Мама не знает, не надо ее беспокоить. Она с ума сойдет.»

За несколько дней до прыжка — 19 марта — мы сидели за банкетом в Центральном аэроклубе (по случаю прибытия первого парашютного десанта, вылетевшего в Смоленск, там прыгнувшего

и прибывшего обратно на лыжах.)

Рядом со мной сидел Хват, против Нина Камнева, Слепнев и Тамара Иванова. Она шутила и рассказывала о своих последних прыжках, смеясь отказывалась от предложения Слепнева поехать в ресторан.

— Снимите меня с пивными бутылками, — попросила она меня. Я щелкнул. Затем в кабинете снял группу (она, Слепнева, Шахт и еще кого-то). После, на аэродроме, она мне все время напоминала про этот снимок и просила обязательно ей отпечатать. Я обещал.

На Люберецкий аэродром мы приехали в 10 часов 26 марта. Накануне мне домой позвонил Машковский и сказал, что разрешение наркома на прыжок получено. Еще но банкете я спрашивал Горшенина когда прыжок и он мне ответствовал: вот сегодня Берлин делала последний тренировочный прыжок с затяжкой в 40 секунд. Сейчас доложили наркому что все готово и будем ждать.

— Но ведь разрешение было?

— Да, но сейчас нужно новое — на прыжок.

Прыжок был назначен в 10 ч. утра. Собралось 15–20 газетчиков, представители «союзкинохроники», многочисленные фотокорреспонденты. Приехали нач. ЦАК,[2] нач. авиации ЦС ОАХ комдив Уваров,[3] мастер Забелин, летчики ЦАК — Алексеев,[4] Демин и др.

Парашютистки приехали на автобусе позднее, около 12 часов. Машковский и Балашов прилетели на двух «Р-5» около 11. Люба и Тамара уже были одеты в меховые комбинезоны. У обоих на правой руке было привязано по два больших авиационных секундомера. Сразу их окружили газетчики, друзья. Весело и оживленно разговаривали.

— Какой раз вы прыгаете?

Б. — Это будет мой 50-й прыжок — сразу рекорд и юбилей.

И. — Я отстала. Это будет 47-й.

— А с затяжкой?

Б. и И. — У обоих — по….

— Когда вы последний раз прыгали?

Б. - 19, с затяжкой в 40 секунд.

И. - 7-го, нормальный.

Иванова мне рассказывает: Знаете, мы тогда после банкета отправились со Слепневым в ресторан «Аврора». Я его уговаривала там танцевать. Он отказывался — «неудобно». Я говорю — сними ордена.

— Лазарь! — позвала меня Берлин — будете писать — обязательно укажите, что моя фамилия Берлин-Шапиро. А то

Миша обижается. А он у меня хороший, его обижать не нужно.

— Хорошо, я напишу Л.Берлин-М.Шапиро, — пошутил я.

Она рассмеялась: — А это уже больше чем я просила.

В прошлом году, во время посещения Сталиным центрального аэроклуба Берлин дала ему обещание перекрыть мировые рекорды. И когда мы шли на аэродром, Рафаллович (близкий товарищ семьи Берлин, корреспондент газеты «Красный Спорт») передал мне просьбу Берлин помочь им после прыжка написать письмо Сталину о том, что обещание выполнено. Я, разумеется, согласился.

Пришли на летное поле. Парашютистки стали одеваться. Одели парашюты, шлемы. *** (вычеркнуто) подозвал Машковского и Балашова.

— Если земля будет прикрыта облаком или дымкой — прыжок отменить. Обязательно.

— Слушаем! — и обращаясь к парашютисткам: — смотреть на землю и секундомер.

— Так мы будем именовать тебя начальником старта, — сказал я.

— Как хотите — ответил ***.

Простившись с друзьями, парашютистки уселись в самолет. Задание было: с 5000 метров падать 80 секунд и на 1000 метров раскрыться. Позже фотографы рассказывали, что усаживаясь в самолет Иванова весело смеялась и кричала: «Дальше, чем в 100 метрах не раскроюсь!» (если это так, то очевидно основанием служило, что Камнева раскрылась в 250 метрах от земли, Евсеев — в 200, Евдокимов — в 150)

Наконец оторвались. Один самолет, за ним другой поднялись. С Машковским — Берлин, с Балашовым — Иванова. Через 15–20 минут самолеты можно было разобрать с большим трудом. (В это время на поле с опозданием принесли запечатанные барографы.) Затем опять появились в виде маленьких блестящих тире. Вот они идут по направлению к аэродрому и над ним плавно расходятся в стороны.

— Видимо прыгнули! С такой высоты прыгуна заметить невозможно. Пустили секундомеры, гадали в какой части аэродрома раскроются. Пробные прыжки, предшествовавшие этому показали снос в сторону ст. Ухтомская.

Прошло полторы минуты. Парашютов не было нигде видно. Смотрим — один самолет резко идет на посадку почти пикируя. Кинулись к нему. Дать с Алексеевым сели в стоявший наготове У-2 и полетели осматривать окрестности.

Самолет Машковского рулил по аэродрому. В это время к *** подбежал связист и доложил:

- ***! С метеостанции сообщают, что они все время наблюдали за парашютистками в теодолит. Они скрылись возле того леска.

— А парашюты раскрылись? — тревожно спросил *** и обернулся — Прошу всех отойти.

Почуяв неладное мы бросились к машинам. На посадку шел самолет Балашова. Он несся почти не обращая внимания ни на что и сделал грубейшего «козла». Еще при их снижении мы все настороженно всматривались в задние кабины: м.б. девушки не прыгнули. Увы, кабины пусты! (Позже Машковский мне рассказывал: «…с 2000 метров я заметил, что дело неладно. Выбросились они отлично, как пуля. Я ждал раскрытия парашютов — не видно. Тогда резко спикировал. Смотрю с 2000- все стоят на месте, санитарка на месте. Значит где-то упали и вы не видели. Облетел кругом — нет, незаметно. Пошел на посадку Как сели — ни я ни Балашов не помним..»

Снизился и самолет Дать. Дать немедленно сел в аэросани и умчался с аэродрома. Мы — за ним. Выехали на шоссе, смотрим — едет «Скорая помощь». Мы за ней — на полном ходу по снегу нас обогнала машина ***. он сидел рядом с шофером бледный и взволнованный.

— Где упали? — спросил он деревенских ребятишек.

— Там, дальше — показали они.

Мы туда. Уперлись в колючую проволоку. Выскочили. На большом снежном поле, метрах в 70-100 от нас лежала Люба Берлин. Подъехавший врач возвращался обратно, носилки стояли рядом: им нечего было делать.

Мы стояли молча и ошеломленно От трупа шел ***, он на ходу безнадежно и (растерянно) убито всплеснул руками. Прошел мимо нас, обернулся:

— Все — сказал он горько. Махнул рукой и уехал.

У изгороди стоял муж Ивановой. Он положил руки на колючую проволоку, опустил на них голову и не двигался.

Комиссия пошла дальше к лесу. В 300–400 метрах от Берлин лежала Иванова. Парашюты у обоих были пораскрыты. Колхозники рассказывали, что видели, как они падали, в 30–50 метрах от земли раскрыли парашюты, но было уже поздно и парашюты мешком падали вместе с ними. Медицинское освидетельствование показало, что у Берлин сломаны все кости, у Ивановой два ребра. Секундомеры Берлин разбились, у Ивановой показал 91,7 секунды, т. е. перетяжку почти на 12 секунд — т. е. на 700 метров.

Мы в тягостном молчании не прощаясь друг с другом уехали. На следующий день было опубликовано сообщение ЦКВЛКСМ и

УСОАХ, 29-го их тела были выставлены в Доме Печати. В карауле стояли ********** (вычеркнуто очень много фамилий), летчики, турецкие летчики, Слепнев, и др. Мимо гроба прошло несколько тысяч человек. В 7 часов состоялась кремация. Во дворе крематория — митинг. Выступали ********** (вычеркнуто очень много фамилий)

Парашютные прыжки с затяжкой пока запрещены.

5.03.1936

Похороны Павлова

Ночью 26 февраля 1936 г. мне позвонил Янтаров.

— Лазарь! С академиком плохо. Тебе завтра придется подъехать в Ленинград.

— Хорошо.

В 6 часов утра он позвонил снова.

— Академик умер. Билет заказан.

Утром 28 февраля я был в Ленинграде. Город — в траурных флагах. Прямо с вокзала я проехал в…[5] Меня встретил фото[корреспондент] — Л. Халин и сообщил, что на квартире у академика на Васильевском острове творится что-то невообразимое: попы, знакомые, болельщики.

Вечером, когда гроб был уже установлен во дворце Урицкого, художник Меркуров рассказал мне забавную сценку. Он приехал в Ленинград с поручением правительственной комиссии снять маску с лица И.П. Павлова. С вокзала он отправился на Васильевский остров. Постучал в квартиру. Доносилось бормотание попов. Дверь открылась и вышел какой-то старичок.

— Что вам угодно?

Меркуров объяснил.

— Все это хорошо. Но ведь здесь, милостивый государь, частная квартира.

Обращение, давно неслыханное, взвинтило художника.

— Милостивый государь, если я не ошибаюсь, это квартира академика Павлова?

— Да, но как я имел вам возможность объяснить, это его частная квартира. Понимаете — частная, частная, частная!

И разгневанный старичок захлопнул дверь.

Ближайший сподвижник Павлова — доцент Денисов поведал мне три взаимно диаметральных эпизода:

1) Когда Павлов умер, его вдова Серафима Витальевна заявила:

— Иван Петрович принадлежал не только мне, но и народу. Полтора дня я буду делать с ним, что считаю нужным, а остальное время пускай он принадлежит народу, который имеет на него право.

2) Уходя из квартиры покойного один из ленинградских работников спросил:

— Ну, Серафима Витальевна, попов-то вы каких пригласите — тихоновцев или обновленцев?

— Обновленцев и на порог не пущу!

3) Во время последней поездки Павлова за границу (в Лондон) — в Париже, в гостиницу к нему пришли представители французской печати. Павлов их охотно принял и милостиво интервьюировался.

Неожиданно один из корреспондентов спросил у него

— Скажите пожалуйста, господин профессор, какие у вас отношения с советской властью?

Павлов рассвирепел. Он повернулся к сыну и Денисову и приказал:

— Передайте им, что мои отношения с советской властью это мое частное семейное дело и я никому не позволю вмешиваться в него. Пусть спрашивают меня о работах с обезьянами и собаками — это я им охотно объясню.

10.08.1936

И.В. Сталин.

Товарища Сталина мне приходилось видеть много раз. На съездах, сессиях, некоторых заседаниях. Очень близко я с ним столкнулся два раза. Впервые это произошло во время V съезда советов в Большом театре. Не помню по какому случаю я поднимался вихрем по винтовой лесенке за кулисами и, стремглав выскочив на площадку, столкнулся лицом к лицу со Сталиным. Он шел в ложу. Сталин посмотрел на мое растерянное лицо, усмехнулся и прошел в ложу.

Второй раз я близко видел Сталина в Колонном Зале Дома Союзов в прошлом году на вечере, посвященном пуску московского метро (14 мая 1935 г.)

Реферировали заседание я и Хват. К тому дню, если не ошибаюсь, был выпущен (в основном сделанный нами) специальный номер. В нем, ежели не изменяет память, стояли и наши «одиннадцать километров под землей». Задание редакции было короткое:

— Реферировать все!

— А если выступит Каганович?

— Все равно записывать!

Хорошо. Выступил Каганович. Еще до начала заседания я с Хватом договорился о том, что я записываю первую половину заседания и смываюсь, затем он даст концовку, дабы не задерживать концовку. Поэтому я добросовестно записал блестящую речь Кагановича. До сих пор помню его слова: «в нем

(каждом камне) радость наша, кровь наша, любовь наша». Я много раз слышал Кагановича, но, по моему, это была его самая яркая, самая темпераментная речь. Он увлек всех, зал неистово аплодировал, и я писал сам горячий от возбуждения.

Во время речи Кагановича неожиданно пришел Сталин, Ворошилов, Хрущев……

Овация. Сталин приветливо кивнул кому-то в первом ряду.

Мне сразу стало ясно, что уходить нельзя. Да и Левка смотрел на меня умоляюще. Дали знать редакции и остались.

Неожиданно председательствующий объявил:

— Слово для предложения имеет товарищ Сталин.

Что поднялось в зале! Наконец Сталин начал речь. Она непрерывно прерывалась аплодисментами.

Хват подбежал ко мне:

— Будем записывать?

— Конечно!

И оба лихорадочно записывали. Стояли мы довольно близко, но иногда из-за аплодисментов было слышно плохо, но так как записывали оба, то ни одно слово не пропало.

Остальные газетчики даже не осмелились записывать. Надо сказать, что это было нелегко. Я несколько раз сам, до предела возбужденный и приподнятый общим настроением, дергал Хвата за рукав: забыв о блокноте и записи, он аплодировал!

Кончилась речь и мы помчались в редакцию. Прежде всего написали отчет о Сталине и привели дословно его речь, сопоставив две записи. Янтаров схватил ее с машинки и помчался к Поскребышеву.

Затем я продиктовал запись речи Кагановича. Янтаров приехал через час. Сталин внес в нашу запись только одно исправление, заменил слово «….» словом «….».[6] Речь Кагановича опоздали визировать.

На другой день речь Сталина появилась только у нас. И через день все газеты вынуждены были ее перепечатать.

10 августа 1936 года. Москва встречала Чкалова Байдукова и Белякова. Когда машина приземлилась и начала затихать на поле, за черту зрителей выехало несколько закрытых машин. Побежали фотографы. Меня сначала затерли. Обнажив «лейку» побежал и я, прорвав цепь в наиболее слабом месте — сквозь музыкантов. Бегу. До машины около полутора километров.

На ходу обогнал Таля, Заславского, Финна, Геккера. Задыхался, а бежал. Вот уже немного осталось.

— Опоздали, садятся в машины — сказал кто-то идущий навстречу.

— Все равно добегу! — решил я и приналег.

Добежал. Смотрю, среди машин стоит группа людей. Ищу глазами Хвата. Не вижу. Неожиданно наткнулся на Чкалова. Он шел прямо на меня.

— Здравствуй, Валерий, поздравляю!

Он посмотрел на меня. На лице — улыбка, широкая, радостная, растерянная.

— Здравствуй, здорово, — сказал он, сделал движение обнять меня, затем махнул рукой, пожал мне руку и крикнул «Беги дальше!»

Я пробежал еще несколько шагов, отыскивая остальных, и наткнулся прямо на Ворошилова. В белом кителе он шел на меня. Я посторонился, обернулся и обомлел: рядом со мной шел Сталин! Это было так неожиданно, что я даже не сразу сообразил, что это Сталин. Мне бросилась в глаза пожелтевшая кожа его лица, и я подумал: как он постарел. Лицо у Сталина выглядело уставшим, долгой непрерывной усталостью. Но он был доволен, улыбался.

Кто-то, кажется Л.М.Каганович, упрашивал его выступить. Сталин дважды сказал:

— Да, надо сказать слово. Заслужили. Заслуживают.

К нему подбежали дети пионеры. Сталин обнял их и шел вместе с ними. Спрашивал их как зовут. (разговор с ними напечатан в «комсомолке» от 11.08.1936). Я шел все время рядом со Сталиным.

Обступили фотографы. Закричали:

— Бронтман, отойдите!

Я подумал, что им портить кадр и отошел.

Затем встретил Байдукова и Белякова. Поздоровались. Сталин, Ворошилов, Каганович, (.. зачеркнуто) сели в машины и уехали. Герои тоже.

Я нашел Хвата и пошел с ним к трибуне. Он мне рассказал, что Сталин и другие расцеловался с героями, обнимал их. Бросив Хвата на полдороге, я побежал вперед. Не добегая до трибуны, я заметил большую группу:

Сталин, Каганович, Ворошилов, Серго и другие, вместе с героями, стояли в ряд, и их снимали со всех сторон. Оказывается это фотографы их попросили и они согласились попозировать. Я тоже снял два раза и случайно заметил как между вождями проныривает мордочка Васильковского. Ах, как Гриша любит сниматься с большими людьми!

Затем все пошли к трибуне. Тут собравшиеся впервые узнали, что на финиш приехал Сталин и члены политбюро. Овации. Сталин, а за ним остальные поднялись на трибуну. Митинг открыл Серго, за ним говорил Ворошилов, затем Чкалов. (см.

отчет от 11.08.36)

Я не записывал речей, а наносил бегло впечатления. Меня поразило как внимательно Сталин слушал Чкалова. Он смотрел на него неотрывно, а затем аплодировал, высоко подняв руки и редко хлопая.

Затем все сели в машины и уехали. Я дал отчет.

ЗАПИСИ СОБЫТИЙ,ВСТРЕЧИ (ОТРЫВКИ) 1936–1939

Аннотация: Разговоры с летчиками: Леваневским, Ляпидевским, Алексеевым, Чкаловым, Коккинаки, Громовым, Молоковым и пр. Рекорды и беспосадочные перелеты экипажей. Рассказы Чкалова, Белякова, Байдукова о посещении Сталина на даче. Банкет в Кремле — чествование папанинцев, речь Сталина. Гибель Бабушкина. Поездка с Вышинским. Встреча с Расковой, Осипенко, Гризодубовой, их полет на «Родине». Гибель Чкалова, его поиски, у его тела в Боткинской. Эпизоды встреч и бесед с Чкаловым. Встреча со Сталиным, Ворошиловым после экспедиции.

ТЕТРАДЬ № 6. 21.08.1936- 14.03.1939 [ОТРЫВКИ]

Дополнение к записной книжке.

Во время митинга я стоял рядом с Кагановичем Л.М. Он вдруг нагнулся:

— Советская? — показывая на «лейку»

— Да. 15-я тысяча.

— Хорошо работает, не заедает?

— Хорошо.

— Хуже заграничных?

— Нет. Вот только пленка плохая.

Выступил Леваневский. Сказал две фразы и кончил.

— Вот арап, — засмеялся Каганович. — А сказал хорошо.

Митинг закончился.

— Ну, давайте сниматься — предложил Молотов.

— Я растрепанный, — замялся Сигизмунд.

— Я тоже — ответил Молотов.

Вечером был банкет в Моссовете.

Леваневский после рассказывал:

«Предложил я В.М. (Молотову):

— Полетим, В[ячеслав] Мих[айлович]?

— Да я бы с удовольствием, с Вами я без всякого червячка полетел бы.

Спрашивал — в чем особенности машины. Заинтересовался, когда Леваневский сказал, что заснял кино[камерой] весь путь и попросил отпечатать тов. Сталину, ему и другим членам правительства».

1936 год

21 августа

См. записи — репортаж репортажа. Речь будет идти только о деловых встречах, событиях, штрихах. Необходимость такого дневника почуял очень давно, но все не мог собраться с силами.

Итак — путь начинается.

Коккинаки сегодня опять слетал. Услышав речь Сталина на приеме тройки (Чкалова и иных) в Кремле 13 августа Володя расцвел от предсказания Сталина. Когда я его несколько дней назад спрашивал — с чем полетишь (500 кг. он дожал до отказа, рекорд с тонной — за ним) он ответил:

— Собирался с тонной, а пойду с двумя — надо отвечать Сталину.

На аэродром я не поехал. Часа в три позвонил Спирину.

— Ну как?

— Коккинаки слетал. Уехал в город. На аэродроме ждет Алексеев.

— В газетах писать будем?

— Видимо да. Настроение хорошее.

Часа через полтора после Коккинаки в воздух пошел Алексеев с тонной. Как узнал позже — на старт Коккинаки все, кроме комиссаров опоздали.

Ночью Владимир позвонил мне в редакцию.

— С чем ты летал?

— С тонной.

— ?!

— Да так пришлось. Рядом стояли с таким грузом.

22 августа

Днем позвонил Алексееву.

— Какие результаты?

— Еще не знаю. Вскроют в четыре. Думаю, что удачно.

За несколько дней до этого мы с Хватом (15–16 августа) приехали в Щелково. Должен был лететь Коккинаки. Оказалось, что у его самолета что-то оказалось не в порядке и Володя уехал. Но на метео-вышке стоял Алексеев.

Поднялись. Алексеев высматривал дыры в небе. Все в облаках. Надвигался вечер. Наконец посветлело. Взмыл. Его самолет вы видели все время. Через час 15 минут вернулся. Долго стоял на крыле, объяснял всякие вещи Архангельскому (шалил мотор).

— Какая температура?

— 48

В тот же вечер мне позвонил Кокки.[7]

— Цаговцы[8] говорят о 12000. Верно?

— Не знаю

— А температура?

— 48

— А, тогда все в порядке. Больше мне ничего не надо.

— Когда летишь?

— Завтра, рано утром.

Но Дап[9] не прислал комиссаров («я оштрафовал за то, что не явился не тренировку к параду 18.08»)

Обработка барограммы огорчила ЦАГИ.

Я позвонил Чекалову — зам. нач. ОЭЛИД.[10]

— Пишем?

— Нет не надо. Считайте тренировочным полетом.

Вечером позвонил Володя.

— Результатов сегодня не будет. Запарились, с утра считали.

— У кого перспективы?

— У меня. Есть два варианта — 12350 м. и 12050 м. (рекорд его собственный — 11746)

— А у Алексеева?

— 12 100. Завтра будет считать с утра.

Вечером провожал…….. (вычеркнуто) на 36 конференцию ФАИ в Варшаву.

Алексеев (ЦАК) сообщил о своем желании лететь на «Грозе»

Днем в редакции был Ляпидевский. Трепался часа четыре.

23 августа.

Утром был в центр. аэроклубе на приеме французской авиационной парламентской делегации. В числе других были Кодос (толстый, краснощекий, грузный) и Боссутро.

…. (зачеркнуто) интервьюировал Кодоса:

— Что вы можете сказать о полете Чкалова?

— Не слыхал.

— А Громова (на «РД»)?

— К сожалению тоже не знаю.

— Кого из советских пилотов вы знатете?

— Россинского.

Зато Кодос с большой готовностью рассказывал о своих полетах над Африкой, показывал руками как болтает, как самолет пикирует, виражит и проч.

В конце завтрака, Боссутро благодарил за прием и виденное, сказал:

— Я надеюсь что французская молодежь пойдет по стопам советской молодежи.

За завтраком Кошиц рассказал интересные вещи.

После банкета я и Реут засиделись. Неожиданно приехал Коккинаки.

— 12 101 — объявил он с порога.

— Рассказывай!

Рассказал. Забавен эпизод с колпачком, который пришлось заменить письмами почитателей (см. отчет в «Я» от 24 авг)

— А у Алексеева?

— Даже считать бросили. Не вышло.

Коккинаки явно доволен тем, что у Алексеева не вышло.

Попутно он рассказал о приезде к нему неизвестной знакомой, студентки Новороссийского техникума, передавшей привет от родителей, потребовавшей свести ее с….. и получить какие-то документы в ВУСИС. Владимир просто и грубо предложил ей 60 рублей на билет до Новороссийска, дал еще 10 руб на еду и выпроводил, очень довольную.

27 августа.

Был у Прокофьева на даче. Болен. Лежит. Обсуждает какой-то план с Украинским. Трепались, рассказывали анекдоты, разговаривали.

— Обидно лежать. Фира, купи коньяку «О.С.» — вылечусь мгновенно.

— Какая сволочь Тардо и Тивель.[11]

— Надо лететь Вот через два дня ждем погоды.

— Эх, какую бы статью можно было написать! Столько нового за этот год, объедение. Такая тематика!

(25-го напечатан мой отчет о Тушино. Хорош был Кокки на «ЦКБ» и пятерка)

Вечером позвонил Коккинаки. Он болен.

— Голову ломит, жуткий насморк. Лежу. Обидно. Сегодня должен был лететь, завтра надо было перегнать машину из Тушино. Знаешь, я позавчера что сделал? Вырулил от Райвигера[12] — да направился по дорожке к заводу. А дорожка перепахана. Ни разбежаться, ни взлететь. Я ее поднял на дыбы — все шарахнулись, и перелетел.

28 августа.

День непримечательный и сплошь разговорный. Прокофьев обещал, что завтра «погода наклюнется». Кокки уже готов лететь, да облачность не пускает…… (зачеркнуто) иронически повествует о том, как трудно сесть на ТБ-3 с полной нагрузкой.

Вечером позвонил Павлов из ВВА. Сообщил, что он сделал пятый прыжок со своими крылами. Спрыгнул с 3400. Планировал 140 секунд. v=15 mt/sek Делал развороты, виражи. На 400 раскрылся. Вот и все.

29 августа.

Вечером сидели с Левкой у Кокки. Делился своей жизнью, планами. Оказалось был в штрафном отряде — на «авиационном Сахалине», еле-еле унес оттуда ноги. Рассказал о прошлогоднем групповом полете на 12000 и о ужасах, свалившихся на него, после того, как начал фигурять на «ЦКБ-26».

Поведал забавные россказни Алексеева о нем: спортивные-де комиссары пишут то, что хочет Коккинаки, а журналистов он, мол, спаивает. По этому поводу Коккинаки велел жене достать две бутылки пива и мы их действительно и торжественно распили.

Сегодня Алексеев попробовал слетать с тонной. Допер до облаков, не мог (либо не решился) пробить и сел. 21 августа он оказывается сделал 12089.

Сегодня Шевченко испытывал новый «R-Z», свалился в штопор, не мог выйти и на 600 м. выскочил сам и техник. Самолет — вдребезги.

Сегодня же пришло сообщение, что первые три полета Кокки (17 и 26 июля и 3 августа) зарегистрированы.

31 августа.

Утром у Каминского в аэропорту встретил чехословацких летчиков капитана Полма и надпорутчика Зеленого, пролетевших без пересадки на спортивном самолете (вес 280 кг.) без посадки 1651 км. из Праги в Москву. Мотор — 36 сил.

Днем Каминский вылетел в Прагу, открывая линию Москва-Прага. Я смеялся над ним:

— Летишь ты на «РНТ-9». Два мотора по 450 сил. А сделаешь по дороге 5 посадок и будешь ночевать. А тут — 36 сил!

Вечером пилотов принимал ЦАК. Полма изливался в любви: «Я чувствую себя здесь больше, чем дома» Делился планами: весной 1937 г. хочет бить рекорд англичанина Брука перелета по маршруту на спортивном самолете из Гамбурга в Кейптаун (Ю.Африка) вместо 17 за 12 дней, а рекорд дальности на самолете весом 560 кг. — на Сибирь. Секретарь посольства др. Брож провозгласил тост «за первую конную и ее вождей».

1 сентября.

Был у Алексеева. Он рассказал любопытную историю. 19 августа он хотел слетать с тонной на побитие рекорда (на «АНТ-40»). На 800 неожиданно потерял сознание. Самолет посыпался вниз. Он пикировал со скоростью около 600 км/ч. Тысячах на двух Алексеев очнулся от резкого хлопка — напором воздуха вдавило «моссельпром»,[13] выбило стекла в кабине. Алексеев не помнит, как сел. Забыл выпустить шасси и сел на брюхо. Сел благополучно. Ремонта недели на три. Алексеев рассказывает, что 21 августа по баротермографу у него давление

было 154 у Кокки — 163. Т. е. Алексеев был выше на 300–350 метров. Это хочет доказать полетом.

Между прочим, Коккинаки показал полученную им только что книжку пилота I класса. Оказывается, раньше он, Чкалов, Пионтковский получили от «Аэрофлота» только 5-й класс. Они не брали и им запрещал «Аэрофлот» летать без книжек.

2 сентября.

Сегодня Кокки смотался с двумя тоннами. Вылез довольный. Обработка завтра. Спортивные комиссары чуть смущены — Спасский опоздал и вместо него приборы пускал в ход какой-то шмендрик. Вечером сидели у А.В. Белякова завтра уезжает. Пили. Встретили там Чкалова и Тайда.[14]

3 сентября.

Утром провожали тройку в Сочи. Чкалов появился за полминуты до отхода поезда. Еле успел сесть. Хмельной. Вечером позвонил Володя.

— Плохо, Лазарь. Приборы, гады, подвели. Нельзя засчитать. Обидно очень.

— Мы все-таки дадим.

— Приезжай.

Приезжаю — валяется на ковре с женой и ее подругой. Играют в преферанс. Перед ним бутылка пива, бокал.

— Пей! Все равно скажут, что спаиваю. Семь первых!

Он уже отошел. А был весьма расстроен.

— Да как же. Ведь на этом финишировал работу. И так прекрасно слетал. Вылез и знал, что побил.

— Пойдешь опять?

— Обязательно. Ведь на 2–2,5 всегда перешибу.

Его жинка рассказывает: «Я и не занала, что он вчера летал. Ложимся вчера спать, я спрашиваю:- Вова, а сколько рекорд? Он говорит — у меня 10400. — Вовка, да ты разве летал? — Да нет, спи, спи, красивая!»

4 сентября.

Днем был у Ушакова. Сообщил ему о своих планах. Он сказал, что возможно он поведет экспедицию. Вчера зашел Громов с женой. Подробно рассказывал о перелете. Осведомленность и эрудиция — исключительны.

— Над Сахарой — половину ночью. Ветры попутные — 20 км. в час. Машина выдержит хорошо. Крыло сделали неплохо. Спать будем. Удивляюсь, почему Чкалову есть не хотелось. Мы очень хотели есть в своем трехдневном полете. Термосы остыли в день. Возьмешь курицу — холодная, вода — тоже, а колбаса «салями»- хорошо.

Вообще как только долетим до берега — рекорд будет на

600 км (или тысячу — как считать). Так что есть только два выхода — или долетим или разбиться. А по берегу — сколько хватит бензина. Ориентироваться поможет луна. Вести трудно — очень различные условия. С этой точки зрения — оставляя в стороне опасность — через Северный Полюс лететь гораздо легче. В смысле пилотирования. Я думаю, что в будущем году наши уже полетят. В будущем году думаю совершить перелет вокруг света без посадки с доливкой в воздухе. Двукратной. Такого перелета еще никто не делал и заполнить эту графу было бы полезно. Уверены ли мы в успехе? Трудно сказать, что наверняка долетим. История перелетов на дальность знает столько же неудач, сколько удач. Летим для того, чтобы долететь.

5 сентября.

Сегодня сидел в редакции. Говорил по телефону. Позвонил Громову. Он несколько возбужден.

— Плохо дело. Крестинский говорит, что Бразилия не хочет дать разрешения. Я думаю, что ломается. Иначе получается черт знает что. Второй вариант гораздо сложнее и подготовка потребует очень много времени. Вечером буду у наркома.

Позвонил Прокофьеву.

— Не теряй с нами свяжи. Увидел плохую погоду и успокоился. А нам и такая погода годится. Берем ставку во чтобы то ни стало в течение ближайших дней сделать. Как только промелькнет более или менее подходящее — так есть в полете. Вот на завтрашний день очень серьезно смотрим. Позвони обязательно.

— Позвоню!

Каува приглашал на банкет завода в честь Кокки. Не мог поехать дежурил.

6 сентября.

Днем позвонил Прокофьеву.

— Есть подозрение.

Позже позвонил мне Беляков Михаил.

— Будьте готовы!

Вечером поехал в редакцию (был сегодня выходной). В 11 позвонил Прокофьев:

— Собираемся. Обстановка больно благоприятная. Правда на западе собираются облака. Жди звонка моего.

Ждали. Экипаж ушел спать. В три часа ночи они пришли и засели вместе с метеорологами. Сидели два часа, прикидывали все и наконец решили отменить.

В 5-20 утра я позвонил Георгию. Голос его мрачный, угрюмый.

— Езжай спать.

— А когда?

— Думаю, что в ближайшие дни.

Небо покрыто облаками. Туман. Сейчас я уже дома. 6 часов утра. Вот так выходной! Сегодня купил драп на пальто (2,5 метра по 300 рублей) Хорош!

7 сентября.

Днем Коккинаки все же слетал. Выбрал просвет в жутком дне и выскочил в какое-то немыслимое окно. Мерз (вверху было — 62 градуса мороза), чувствовал себя очень плохо, летел простуженным.

— Вечером полежал в горячей водичке — стало легче. Сейчас думаю выпить рюмочку семидесятилетней «старки»- говорят помогает.

Звонил Громову.

— Пока ничего ясного.

Вспоминается одна его реплика.

— Самое лучшее в полете — это не орехи «кола», а сон. Помню сменишься, ляжешь, никак не можешь уснуть. Потом вдруг замечаешь, что перестал слышать звук мотора. Оглянешься — спал 40 минут. И это замечательно освежает.

По редакции гуляет моя фраза: «В Мадриде никогда не бывал, читать о нем не приходилось, а писать — писал».

8 сентября.

Вечером были у Коккинаки. Разговаривали. У входа стояла какая-то девушка и просила взять ее с собой: посмотреть на Коккинаки. Кто-то взял. Расспросили — рабфаковка 4 курса Плехановского рабфака комсомолка Лида. Хотела посмотреть на живого. «Очень понравился».

— Работу по ЦКБ-26 закончил.

А вечером он с женой приехал в редакцию, смотрел типографию, радовался как ребенок.

— А знаешь, Лазарь, высота больше 11000 (днем была неизвестна). Я тогда думаю еще раз с тонной сходить попробовать.

Валентина Андреевна жаловалась:

— Екает, екает, когда летает. Особенно при его манере брать бензина в обрез. И потом обижает, что скрывает, когда летит.

— Это из деликатности. Чтобы не тревожилась.

У Громова дела неважно. Разрешения еще нет. А время уходит.

Вчера кто-то в Щелкове лазил с 5 тоннами в тренировку. Надо узнать.

12 сентября

Вчера был Ботвинник с женой. Он зашел почти прямо с

поезда, с Ноттингемского турнира. Рассказывал о турнире, своих впечатлениях (см. «Правду»).

— Последнюю партию с Винтером я играл ничего не соображая. Накануне спал не больше двух часов.

Сегодня должен был, наконец, прилететь Леваневский. Но вчера его прилет неожиданно отложили на завтра. Видимо дело в том, что сегодня закончились маневры в М… и завтра очевидно на встрече сможет быть Ворошилов. Сегодня обсуждали план — где сесть ему — в Щелкове или в Тушино. Решили — в Щелкове. Молотов утвердил.

Вчера и сегодня разговаривал по телефону с Эстеркиным, в Свердловске. Он мне передал нежные приветы Леваневского и Левченко.

Отлично гонит Молоков. Сегодня он уже в Архангельске. Есть решение посадить его на Москва-реке, у ЦПКиО. Там садился и Линдберг.

13 сентября

Сегодня встречали Леваневского на Щелковском аэродроме. Мы стояли у трибуны, нас никуда не пускали. Около 5 часов подъехала закрытая машина. В ней сидели Молотов, Каганович…. [зачеркнуто].

К ней подбежал кто-то из опередовцев[15] и машина отъехала с сопровождающими к краю аэродрома. Мы стояли.

Вдруг Геккер меня окликнул:

— Видел Рудзутака? Вот он пошел к машинам!

Я сразу ринулся вперед, догнал Рудзутака и пошел рядом с ним. Слышал, не оборачиваясь, как охрана сдерживала кинувшихся за мной газетчиков.

Леваневский уже рулил по аэродрому. Увидев машины он остановился, выглянул в окно. Левченко спрыгнул на землю, его окружили. Следовавший за мной хвост газетчиков распался.

Молотов пожал ему руку.

— Привет, поздравляю. Очень рады.

Каганович протянул ему большой красный конверт.

— Вам лично от товарища Сталина!

Левченко прочел и кинулся к самолету. Леваневский непрерывно кричал:

— От винта! Убьет!

Я тихо обошел самолет, нашел дверку и влез внутрь. Навтречу мне кинулся Оскар.

— Лазарь! Ты здесь! — мы расцеловались. Затем с Левченко.

— Смотри — письмо от Сталина, — показал он мне.

Я прочел, личная подпись. А на передней переборке самолета — портрет Сталина.

Леваневский вышел из пилотской кабины в общую.

— Здравствуйте, здравствуйте, вот и встретились опять!

Он крепко пожал мне руку и пошел к выходу. Подошел к Молотову и отрапортовал, вытянувшись:

— Товарищ председатель совета народных комиссаров. Разрешите доложить, что перелет Лос-Анджелес — Москва закончен благополучно.

Молотов пожал ему руку.

— Поздравляю с большим успехом. Очень рады вас видеть.

Каганович:

— Вот вам лично от Сталина.

— Как долетели? — спросил Молотов.

— Хорошо. 295 давали.

— А последний этап?

— Тяжелей. И на аэродроме здесь трудно. Боялся, что винтом фотографов убьет.

— Ну пойдемте к трибуне, нас ждут — сказал Молотов.

— А как с машиной?

— Да вот хозяин тут, озаботится — ответил Молотов, показывая на Янсона.

— Разрешите лучше мне самому отвести ее к трибуне.

— Как хотите.

Леваневский сел и подрулил. Молотов и другие ждали.

— Хозяин. Не доверяет машины, — одобрительно заметил Коганович. — А откуда тут комары?

— Леваневский из Лос-Анджелоса привез, — засмеялся Молотов.

Пошли на трибуну.

— А где семьи? — спросил Молотов.

— На соседней трибуне.

— Давайте их сюда.

— Тов. Леваневская, идите сюда — пригласил Каганович.

Митинг — см. «Правду» от 14.09

14 сентября

Дали о полете Юмашева с пятью тоннами. Вечером вытащили Леваневского и Левченко к нам в редакцию. Затем по его приглашению я и Оскар поехали к нему домой.

Пред этим мне позвонил Чкалов и сообщил, что завтра «ДНТ-35» летит в скоростной перелет в Ленинград и берет меня с собой.

— Еще кто-нибудь?

— Никого.

У Леваневского был Янсон,[16] (вычеркнуто), Водопьянов, Ушаков,[17] Серкин,[18] Жигалев и мы. Было весело и хорошо.

Водопьянову я сказал о своем проекте.

— Согласен?

— Согласен!

15 сентября

Слетал в Ленинград. Написал (см. «Правду» от 17 сентября) Толковал с Громовым: вмешался Молотов. Ответа еще нет.

Вечером узнали, что Сталин прислал приветствие Юмашеву. Я ему позвонил, передал текст, поздравил. Взял беседу.

16 сентября

Юмашев сходил сегодня с 10 тоннами.

19 сентября

Сегодня прибыл Молоков со своим экипажем из северного перелета. Встречали на Москве-реке. Были Молотов, Ворошилов, Каганович, Андреев, Хрущев.

Была очень теплая встреча. Хрущев обнявшись ходил с Молоковым, долго с ним разговаривали Каганович и Ворошилов. (см. отчет в № от 20 сент.)

21 сентября

Летали вместе Юмашев и Рыков. Рыков не дотянул до аэродрома и сел в лесу. Снес крыло. Не хватило бензина.

— Почему вы полетели? — Юмашева.

— Было поздно. Но раз полетел Рыков…

22 сентября

Звоню Дейну.[19] Он отвечает:

— У меня сидит Моисеев. Хочет идти с 5 и 10 тоннами. Просят приборы.

Звоню Коккинаки.

— Договорился я с Марголиным о машине. Хотел сам слетать — забросить груз, чтобы весь кагал не достал. Узнал Яша — говорит, зачем отдавать славу чужому заводу. Уговорил. Сейчас просил у меня приборы. Вот горячка! А мне скоро лекцию читать. Тяжелее полетов.

Был Юмашев.

— Громов не хочет. Бразильцы отказались. Намечаем французскую Гвиану. Тысяч 11. Громов говорит — мало, нет смысла. А я думаю — стоит, лежит — надо взять. Трасса только труднее.

Рассказал забавную историю. Испытывал он «Сталь-6» Бартини. На земле пробовать нельзя, надо в воздухе. А машина с одним колесом и паровым охлаждением. Все говорят не выйдет. Поднялся — и сразу ничего не видать. Пар как из самовара. Приборов не видать — в тумане, как в бане. Боится разлетится хозяйство. Быстренько сел. Потом разобрался. Летал — садился отлично. Талантливый конструктор.

— Обязательно хочу сходить на осеннюю выставку художников. Очень люблю Юона. Вот бы привлечь к авиационной тематике. Сам начну зимой накручивать.

Вчера был Яковлев. Пионтковский летел на «ВИР-12» от Москвы — через Севастополь до Москвы, но сел в Харькове на обратном пути. 2000 км. Яковлев хочет бить около десятка рекордов. Показывал список.

24 сентября

День прошел тихо и степенно. Был на «Динамо», дал отчет на первую полосу о митинге, посвященном Испанским событиям.

Вечером позвонил Моисеев.

— Ходил на «ТБ-3» на 6000. Посидел там час — привыкал к кислородному голоданию. Слез, перелез на «СГ» — слазил на 7000 без кислорода, пробыл полчаса. Ничего, выходит.

— Приезжай, и тебя поголодаю.

Я поблагодарил, предпочитаю быть сытым, а не голодать. Его рекордная машина уже вышла из цеха, доделывается на поле.

25 сентября

Вечером зашли Леваневский и Левченко. Говорили о всяких вещах. Сигизмунд несусветно ругал АНТ. Я ему рассказал о «ЦКБ-26». Он страшно заинтересовался. Заставлял меня рассказывать и рассказывать.

— Вот это машина! Это настоящая машина!

— Постойте! — уже сейчас она значит может прийти (7х8 = 48 8х8 = 64 и т. п.) около девяти. Да можно добавить, доделать.

— Вот это машина! Обязательно надо с ней познакомиться, и с конструктором.

— А если закрыть заднее место, — вставил Левеченко.

— Погодите, Виктор Иванович. Это вещь.

— Вообще через Северный Полюс переть нет смысла. Нужно идти через полюс на побитие рекорда.

— Но машина одна, С.А. и она у Коккинаки.

— Ничего, сделают другую.

27 сентября

Вечером позвонил Кокке.

— Как дела?

— Собиаюсь лететь на высоте в Сталинград или Оренбург. Пойду как только будет погода — сейчас все станции работают на меня.

— О-кей!

— Сложно?

— Очень. В прошлом году Вилли Пост? стр29 ходил. В скафандре. И то вылез мутный. А какой был замечательный летчик!

28 сентября

Сегодня было совещание у Ткачева о прокладке воздушных путей в Америку. Выступали Ткачев, Леваневский, Слепнев, Левенко, Фарих, Карф.

Леваневский прислал мне записку: «Прошу организовать встречу с Илюшиным (конструктором). Когда можно? С.Леваневский».

Ага, начинается!

30 сентября

Утром заехал за Левченко и поехали на Москву-реку провожать Молокова в Красноярск. Погода жуткая.

— Отложи!

— Видали хуже. Это — хороша.

— Улетает наша квартира, — вздохнул Беравин.[20]

Оттуда поехали завтракать к Ляпидевскому. Затем встречал женский автопробег.

1 октября

Поехал к Прокофьеву. Ходит мрачный по кабинету. Не подписывает никаких бумаг.

— Завтра пойду к командарму. Буду проситься в Оренбург. Пойдем, посмотри какая там прекрасная погода (повел в свой ГЭМС)

— А какие замечательные приборы достал (оживился). Один для количественного определения кислорода от земли до потолка, другой — … (я забыл). Ни одним наблюдением не хочу поступаться — что толку в одном голом рекорде. Поедем ко мне чай пить!

Вместе с Украинским поехали. Дед поставил чайник, сходил за конфетами и сушками.

— Больше всего на свете люблю хлебные изделия, — говорит Украинский и грызет, грызет сушки и сухари без конца.

Прокофьев подходит к окну, смотрит на дождливый мокрый снег, на мерзостную погодную слякоть.

— Все равно улетим, — говорит он.

Звонил Юмашеву.

— Воспользовался плохой погодой — сходил на осеннюю выставку художников. Слабенькая., в газетах она выглядит сильнее.

Нарком одобрил мой проект, обещал поставить в правительстве.

Был у Ушакова. Лежит больной. Почки. Нервный. Сообщил, что его прочат в начальники метеоуправления при Совнаркоме.

— А как тогда быть с Антарктикой?

— В отпуск! Поедем организовывать метеостанцию на Южном

полюсе.

3 октября

Утром, в 12–40 с Щелкова улетел в беспосадочный полет на 30 часов и 4100 км. пилот НКТП Фиксон. Летит на паршивом самолете «САМ-5-бис», с мазутом «М-11». Об этом самолете сам конструктор Москалев говорит извиняющимся тоном.

Вечером заехал за Яшей Моисеевым и поехал на доклад Коккинаки в Политехнический музей. Яша гордо шел со всеми своими пятью орденами. Ехали обратно:

— Хочу сходить с 5, 10 и 13 тоннами, а потом на скорость с грузами. Эх, слетал бы я в Испанию — старое сердце военное порадовать.

— Я воспитываю в молодежи самолюбие, честолюбие. Это основное в жизни.

4 октября

Днем позвонил Кокке.

— Ой, Лазарь, какое дело задумал. Если Бог поможет — знаменито получится.

— Ага, с часами в руках?

— Да. Правильно. Могу свежую «Правду» взять.

Вечером он приехал к нам в редакцию. Затем мы поехали с ним на вокзал. В дороге разговорились, потом полчаса сидели у здания редакции в машине и доканчивали разговор.

— Думаю пройти из Москвы до Хабаровска в одни сутки. На «ЦКБ-26». Это сильно тяжело. В это время года никто на восток не лазил сквозняком.

— Возьми меня.

— Все дело будет зависеть от центровки. Я все заполняю баками, бачками, насобирал всяких, вплоть до консервных банок. Весной я просил разрешения у Хозяина. Он сказал «погоди, рано еще, испытай сначала машину». Сейчас время подошло.

— А может непросвещенный человек, пробыв на высоте 4000 сутки дать потом молнию?

— Человек все может (смеется). Но будет тяжело. Определенный ответ я тебе пока не дам: как задняя центровка.

— А за погодой уже следишь?

— А как же! Собачья погода на востоке. Ну пойду, если нельзя на 3- на 4-х, нельзя на 4-х — пойду на пяти, на шести тысячах.

— До какой высоты лазил без кислорода?

— На 7 с половиной летал. Ничего. Выше не приходилось. Ох, если выйдет! Какой японцы шум поднимут. Ты представляешь: в сутки от одной границы до другой. Но для себя я рассматриваю этот полет как тренировочный.

7 октября

Был Леваневский. Заехал «специально» достать Ильюшина.

— Сегодня я был у М.М. Кагановича.[21] Говорил с ним. Объяснил, что сейчас лететь на «АНТ-25» — значит позориться. Нужна современная машина. Он говорит — а вот и возьмите Ильюшина. Хороший конструктор. Я ему ответил, что имею его в виду. А пора уже начинать. Через несколько дней я уеду на три месяца в Америку. А он пока тут будет готовиться. Я ему смогу привезти из Америки что нужно. А то время уходит.

Я сегодня делал полосу, посвященную итогу арктической навигации. Выправил подвал Шмидта, сделал статьи Цатурова, Мелехова.

8 октября

Сегодня вечером у меня в редакции наконец состоялась встреча Леваневского и Ильюшина. Леваневский прямо сказал зачем ему нужна машина Ильюшин ответил, что для этой цели он уже готовит одну машину для Кокки.

— Но ведь можно сделать еще?

— Можно. Я делаю так-то и так.

И объяснил. Леваневский заволновался.

— Так это же тридцать часов!

— Да.

— Так это около 12000.

— Нет, больше десяти, — скромно ответил Ильюшин.

В таком духе шел разговор. Около трех часов.

Прощаясь Ильюшин тихо сказал мне:

— Знаешь, я все таки думаю, что Володя раньше их всех смотается.

16 октября

Все изменилось под нашим Зодиаком. Уезжая 11 октября в Ленинград встречать возвращающегося из-за границы Булганина, я встретил на вокзале Юмашева

— Что слышно?

— Плохо дела. Перелет заглох. Как говорят шахматисты, противники разошлись вничью, точнее — все проиграли. Собираюсь лететь на скорость с грузом, но тут самое легкое — полет, все остальное страшно сложно. Часы должны тарироваться 51 день, маршрут нужно утверждать в Париже, с воздуха я должен снимать этапы. Тьфу!

Вчера говорил с Прокофьевым. Позвонил ему в 12 ночи в штаб.

— Что ты так поздно сидишь?

— Дела.

— Нас они интересуют?

— Даже очень. Но не сегодня. Ближайшие дни.

Звонил Моисееву.

— Готовлюсь. Ходил на 7000, лазил в барокамеру. Езжай!

Кокки вчера делал доклад на обед. заседании стратосферной комиссии Акад. Наук и страто. к-та ОСО.

13 ноября

Почти месяц не записывал. Никуда не годится. Правда, особых событий за это время не случилось. Сейчас хочу отметить основные.

В конце октября Сергей узнал о приезде Микояна из длительной заграничной поездки. Приезжаю на вокзал. Подходит поезд из Минска. На перроне — заместители Микояна — нынешние и бывшие: Болотин, Гроссман, Бадаев. Из вагона вышел Микоян. В пальто, шляпе.

— Пятнадцать лет знаю Анастаса — никогда не видел в шляпе, — говорит Болотин.

Поздоровавшись он быстро идет к машине. А жены нет, Микоян ждет, рассказывает:

— Проехал по одной только Америке около 500 000 миль. Все увидел. Показывали охотно. Любопытный народ: свое дело отлично знают, чужого совсем не знают. А у нас наоборот — своего дела не знают, а в чужом разбираются замечательно. Любой из вас может доклады читать о работе соседа.

Смех.

— А воруют там много?

— По мелочи — почти совсем не воруют, по крупному — сильно. Наказание строгое — поэтому предпочитают попасться — так уз за дело.

— Был во Франции в Шампани. Сколько думаешь там бутылок вина? — спросил Микоян кого-то.

— Не знаю.

— 20 километров!

— Торговля идет легко: все готово, развешено, расфасовано.

Много еще рассказывал. А беседы не дал.

1 ноября Алексеев наконец слетал. С тонной. Набрал 12685 метров. летал в Каче. Побил-таки рекорд Коккинаки.

10 ноября Нюхтиков[22] и Липкин[23] побили Юмашева с 10 000 км. Поднялись на 7032 метров.

Через день после полета Нюхтикова ко мне пришел Яша Моисеев.

— А меня забыли?

— Как так?

— Ведь я первый испытывал эту машину 2 мая прошлого года после полета на параде я был представлен Ворошиловым Сталину

и Серго, Сталин пожал мне руку и долго осматривал машину.

— Сказал от тебе что-нибудь?

— Нет. Я ведь молчал — военный человек. Так не забудь как-нибудь отметить.

Несколько дней назад разговаривал с Семеновым.

— Мы придумали приспособление одно. Резиновые амортизаторы. Старт будем давать в воздухе! Во!

Рад и Прокофьев:

— Скоро сможем положить на Альтовского.[24] Пришлем своим друзьям пригласительные билеты из плотного картона с золотым ободком и напишем как на футбольных афишах: «в случае ненастной погоды матч не отменяется» или «игра состоится при любой погоде».

Он бедняга совсем вымотался. Лицо стало нервным цвет — желтый. Несколько раз ему давали (вернее силой посылали) в Архангельское. Побудет день-два и сбежит. Фира даже тихо жаловалась по начальству.

— Погоди, — отвечал на все Георгий, — вот слетаем, тогда все сделаем и отдохнем, и квартиру оборудуем, и в театр даже сходим. Готовь тогда, Лазарь, бутылку коньяку!

16 ноября

Сегодня у нас вышла моя заметка об альпинизме. Вечером, в зале профсоюзов Дворца Труда был доклад Евг. Абалакова о его восхождении на Хан-Тенгри. Собрались московские альпинисты — человек 800. Хай, крик, аплодисменты. Абалаков говорил два часа. Затем выступил Крыленко. Встретили в штыки. Ну и… (зачеркнуто).

5 декабря

С международной выставки в Париже приехал Кокки. Я позвонил ему, что Лабенко[25] собирается бить рекорд с грузом на гидросамолете.

— Меня знаешь, Лазарь, это уже не трогает. Я дал эти рекорды в серию, все идет нормально. Вот сели бы не били — тогда волновался бы… А сейчас надо другую идею в серию закладывать…

14 декабря

За это время, пожалуй, самым интересным авиационным событиями были полеты Гроховского на «Р-5» с 10 и 16 людьми. Позавчера вечером я и Левка заехали к нему на квартиру. Сидели, толковали о всяких делах. Туполева он ненавидит звериной ненавистью:

— Он меня съел. Он ест всех, кто строит самолеты, отличные от АНТ.

Затем он перешел к своей последней идее:

— Разрабатывая систему самолета-снаряда я пришел к новой теории всемирного тяготения и дал новое объяснение движению всей галактики, Земли, солнца, происхождению солнечных пятен на земле и всякой прочей вещи.

Башка у этого человека гениальная. Это — Эдиссон авиации, человек, не знающий преград технике.

Вчера в редакцию пришел Прокофьев. Виделись мы с ним до этого на выпуске аэроклубовцев. Веселый, довольный.

— В начале января — жду.

— А Юрий?

— Юрий, выздоровел, начал работать. Пойдет самостоятельно месяца через три на «ОСО-2». Еще с кем-нибудь.

— Со мною!

— Ну что ж, и с тобой.

Позже зашел Шевченко. Ругательски ругал стратопоезд. Рассказывал, как однажды садился после обрыва троса с километром троса.

— Хотел выпрыгнуть — обидно биться из-за паршивого планера — не вылезешь. Еле сел.

Рассказал о своей последней летной аварии.

— Нужно было проверить наш разведчик в штопоре. Набрал тысячи две и начал штопорить. Витков 15 сделал и вижу, что машина не выходит в нормальное положение. Попробовал еще — и мотор сглох. До земли — метров 700. На 25 витке приказал летнабу выкидываться. Тот моментально выбросился и его пулей отбросило в сторону. Я посмотрел — раскрылся. Начал сам выкидываться. Трудно. Сижу в центре тяжести — прижимает. Машина сделала уже 28 витков. До земли 450–500 метров. Наконец выскочил, раскрылся. Вздохнул свободно. В этот момент меня догнала машина и крылом по стопе — раз! Половину перебила. Здоровенная встряска. Парашют мешком. Пер к земле пулей. Но отделался удачно — сел на Кр. Пресне и всего-то сместил все суставы. Счастливый билет! Один из 1000. Лежал 2 месяца.

Делился планами. Сейчас облетывает тренировочный истребитель «НВ-2» инж. Никитина. Хвалит. Очень просит написать. Родное ему дело. Конструкторы Шевченко и Носиков сами сделали эту машину. Все воскресения выкались, все свободные вечера.

Затем страдает за амфибию. Того же Никитина. Почти готова, нет только мотора. С увлечением чертил ее вид. Собирается на ней бить рекорд дальности. Долго всматривался у меня в таблицу.

А затем носится с идеей построить сверхлегкую машину на

10–13 тысяч. «И нужно-то только полтораста тысяч рублей. Пойду завтра к Якову просить..»

16 декабря

Сегодня провел почти весь день у Брюхоненко. Толковали по душам.

— Вам я все рассказываю и показываю, потому что удостоверился в Вашей порядочности.

Он развивал мне свои планы. Скоро ему дадут клиники, в т. ч. у Склифосовского, в коих он будет экспериментировать над людьми.

— Только ради Бога не пишите — и так меня поднимают днем и ночью. А тогда будут со всех концов страны свозить мертвецов. Сейчас мне проблема оживления человека полностью ясна. Я могу твердо сказать, что принципиального отличия между оживлением собаки и человека нет. Я абсолютно убежден, что оживление трупа — дело уже не техники, а времени.

— Что же мешает?

— Видите ли, дело все-таки очень сложное. Нужно прежде всего знать группу крови. Затем у собаки мы ведь умерщвляем второго пса, берем у него кровь и легкие, а здесь где взять? Однажды мне привезли 7 трупов, утонувших при аварии речного трамвая. Мы сначала попробовали обычные медицинские средства возврата жизни (мы обязаны были это сделать), а когда пустили автожектор было уже поздно.

Мне вспоминается рассказ проф. Спасокукоцкого о том, как Брюхоненко оживлял одного покойника.

— Это, — говорил профессор, — было страшное дело. Покойник открыл глаза, щеки порозовели, на губах появилась пена, из глаз потекли слезы, трупный цвет пропал. Но больше ничего не удалось сделать.

Дня через два после убийства французского президента….. (пару лет назад) я разговаривал с директором ин-та переливания крови Багдасаровым.

— Что ж, — сказал он, — если бы там находился Брюхоненко со своим автожектором, м.б. президент и остался бы жив.

Как-то Брюхоненко рассказывал мне:

— Несколько дней назад меня усиленно разыскивали везде. Наконец нашли. Оказывается повесился кто-то из родственников (зачеркнуто). Я загорелся: случай, который дает надежды на благоприятный результат. Но нашли меня слишком поздно. Несколько часов мы возились с ним, но, увы, безрезультатно.

Вообще работники института говорят об оживлении человека, как о деле завтрашнего дня. М.К. Марцинкевич объясняет мне работу физиологической лаборатории:

— Мы стремимся продлить срок между наступлением смерти и началом оживления. Наша ближайшая задача разработать методику после 30-ти минутного перерыва (сейчас — 11 минут, в острых опытах — до 30).

— Зачем вам это нужно?

— Видите ли, 30 минут — это уже реальный срок. За это время можно, скажем, доставить утопленника в институт, привезти повешенного. Я уж не говорю о том, что вполне можно успеть в больнице перетащить внезапно скончавшегося больного из палаты в операционно — оживленческую лабораторию.

20 декабря

Сегодня прилетели из Парижа на «АНТ-25» Чкалов, Байдуков и Беляков. Встречал их. Вышли иностранцами — в шляпах, пальто, ботиночках, крахмальных воротничках. Летели с 17 декабря.

Вечером Чкалов пригласил меня и Льва к нему. Приехали. Косой. Показывал вещички. Потом позвал меня в соседнюю комнату, выгнал всех, снял с меня галстук и надел другой.

— Долго думал, чем тебя порадовать. Ты бы сказал. Не обессудь, если не уважил.

— Валерий, брось. Я ничего не ждал.

— Я тоже не ждал, а ты вон какие статьи писал обо мне.

Я даже растрогался. Расцеловались. Чкалов гневно и просто рассказывал, как у подъезда отеля «Режина»[26] безработные отворяют двери и кланяются в пояс до тех пор, «пока идешь, подымаешься по лестнице, заворачиваешь. Да, вот…»

Зашел разговор об экспедиции Папанина. Валерий опять вернулся к своей идее северного перелета.

— Через несколько дней опять пойду к нему. Прошлый раз мне показали кукиш, сейчас может тоже покажут, а может…

Днем Громов мне сказал, что «АНТ-3Г» будто вылетел. Я позвонил в Кельн — выбыли, в Берлин — выбыли. Наконец застал в Кенигсберге. Говорил с Арнольдовым, Алексеевым,[27] Чекаловым.[28] Ребята были очень рады. Довольны, что связался.

— Приходи, обязательно, на аэродром.

25 декабря

Наконец прилетели. Корзинщиков[29] рассказал между прочим, что в Кельне ночью часовые на всех лопастях машины нарисовали свастику. Комоленков плюнул на тряпку и стер.

Утром беседовал с Полиной Осипенко.[30]

26 декабря

Был на награждении жен командиров часами. Дело было в ЦДКА, за столами — жены и фрукты, за центральным столом — Ворошилов…[зачеркнуты 5 фамилий] и др.

Ворошилов их приветствовал, затем маршалы обошли столы и раздали женщинам 450 золотых часов. После начались речи жен. Одна их них сказала (жена командира северной военной флотилии), что они сделают светлой вечную темноту полярной ночи. Ворошилов засмеялся:

— Ну какая там темнота. Мне довелось жить на севере. Там где я жил всегда северное сияние светило.

Жена казачьего командира рассказывала, что они научились отлично рубать.

Закрывая речи нарком сказал:

— В искусстве владения клинком я м.б. с вами еще поспорю, ну а вот в ораторском искусстве никак… (и продолжал речь… — см. Правду от 27.12.1936)

Кончилось заседание. Группа женщин столпилась вокруг наркома. Вдруг одна жена раскидала подруг и бросилась на шею Ворошилова. Могуче обхватила и целует. Он вырывается — она крепко держит его и кладет голову то на правое, то на левое плечо. Кругом смех, одобрение. Коля Кулешов поставил стул и не торопясь успел снять пять кадров, пока нарком сумел освободиться.

Фира Аранштам[31] рассказала забавный штрих. На награждении группа московских делегаток попросила Стасову, идущую в президиум, передать наркому, что жены его очень любят. Ворошилов ответил: «Я очень тронут. Но если они молодые, то это безнадежно, если старые — то это очень лестно, но я первый сторонник и друг безопасности».

27 декабря

Днем беседовал с Члитовским.[32] Оказывается он своим электромагнитным концентратором (см. Правду от 29.12) лечит опухоли и гонореи. Он забавно рассказывает, как Серго вызвал гл. инженера ЧУМП[33] Точинского и показывая сему кусок листового чугуна спросил:

— Что это?

— Чугун, — подсказал Члитовский.

— Нет, не чугун, — отвечал Точинский.

— Чугун, — повторил Члитовский.

— Нет, не чугун!

Вечером сидел с Левкой у Байдукова. Тот рассказывал о посещении Сталина в Сочи летом этого года. Валерий напился и заставил всех. Сталин со Ждановым играли на биллиарде против Байдукова и Корейкиса.[34] Первые две партии (в американку) выиграли первые и все время «подначивали». Затем три партии выиграл Байдук. Положил он кий и говорит партнерам: «Вам еще учиться у нас надо». Сталин засмеялся.

— Играет он очень своеобразно: не целится. Держит кий на весу, затем опускает его на левую руку и в тот же миг бьет. Получается впечатление, что играет одной рукой.

[Между прочим рассказывал об игре Сталина на биллиарде недавно Ровинский. Сталин как-то играл в Абхазии с Лакобой. Лакоба хитрый мужик и решил сдипломатничать — раз не положил верного шара, второй…

Сталин опустил кий на стол, посмотрел на него внимательно и спросил:

— Ты будешь играть, или не будешь играть?

Лакоба начал спешно класть.]

Ребята просились через Северный полюс. Сталин:

— Подождите. Не терпится. Там не изучено, неизвестно.

28 декабря

Вечером был на Х-летии Пролетарской дивизии. В числе других юбиляра приветствовала делегация московских рабочих от имени которых выступал инженер Зис Зотов.

Буденный подозвал меня и попросил:

— Ты обязательно напиши, что отец Зотова был у меня в Первой Конной начальником полевого штаба, а вот его сын сейчас выступает как инженер. Всего у него, заметь себе, три сына: старший — начальник цеха, средний приват-доцент, а младший — инженер. А сам Зотов — сейчас у меня помощником инструктора кавалерии РККА.

Обязательно покажи, что советская власть с людьми делает.

— 29 декабря. Сегодня появилась моя первая вещь за подписью Л.Береговой. «Печь: прокат и штамповка чугуна»

1937 год

1 января

Встречали Новый Год у Прокофьева. Было человек 20. Напились изрядно. Закончили в 8 утра.

Перед отходом:

— Георгий, так я в этом году.

— Обязательно!

Был Мехлис.

9 января

Был Шевелев Рассказывал истории вопроса с подшипником:

В начале прошлого года у Хозяина собралось несколько человек: О.Ю.,[35] К.Е.,[36] В.М.,[37] Сигизмунд[38] и Мих. Мих.[39] Речь шла о проекте Сигизмунда. Он говорил, что времени мало, нужно нажимать.

— А вы как, — спросил Хозяин М.М.[40]

Тот ответил, что сейчас поздно, телега старая.

— Ах ты сукин сын. Когда лежал в больнице — набивался, а сейчас на попятную, — рассмеялся К.Е.

Хозяин сказал, что место неизученное. О.Ю. предложил изучить, сделать рекогносцировку, готовиться. Там согласились на эти предварительные меры. Так и записали.

13 января

Вчера в «Зи»[41] появилась заметка строк на 80 о постройке четырех самолетов для северной экспедиции. Днем мне позвонил Яша Моисеев и просил не забыть, что именно он будет тренировать народ.

— Я тебе позвоню когда — приедешь, сам полетаешь.

Сегодня в «Изв.»[42] напечатан «научно-фантастический рассказ» Слепнева «десант на полюс». Вечером позвонил Водопьянов и сказал, что у него готов полемизирующий рассказ. Я приехал за ним. Прочел. Рассказ — мура. Потолковали о деле. Сильно возмущается: «Слепнев — сбоку припеку».

14 января

Я предложил дать не рассказ, а деловую статью. Сам и написал. Миша остался весьма доволен. Говорили о деле. Скоро тренировка. Старт — 15 марта.

— Одна подломается[43] почти наверняка, — говорит он.

28 января

Много воды утекло. Пару дней назад был в Томской.[44] Народ там живет грядущими рекордами. Речь только о них. Дня за два до этого встретив Кокки я ему рассказал, что за ним записан рекорд высоты на «РВ».[45] Он усмехнулся.

— Никому я ничего не обещал. А планировать можно что угодно. Чем на «РВ», так я лучше пойду на своей старушке. А вообще, Лазарь, я пока ни на чем еще не остановился. Делать так делать. Вот к весне может что наклюнется.

А за несколько дней до этого он попросил меня узнать у Дейга,[46] уехавшего в Париж на пленум ФАИ — правила скоростного полета на 1000 км и высотного прыжка.

Был недавно у Байдукова. На столе снимок: Сталин с дочерью Светланой и сыном Яшей. Такой домашний простенький снимок.

— Мы на него насели: отдайте на память. Он не хочет: дети в Москве, мне без них ведь скучно. Мы наперли — давайте! Пришлось дать.

В Щелкове встретили Водопьянова, Бабушкина — в летных комбинезонах. Тренируются.

— Как?

— Хорошо, — отвечает Водопьянов.

А потом спросили Адама. Тот усмехнулся.

— Сначала говорили — на третьем полете вылетим. А сегодня девятый, а инструктор все еще не пускает. Сложная машина.

Папанин — с неиссякаемой энергией. По утрам с 7 ч. занимается астрономией, с 11 час. до 1 часу — работает и изучает моторы. Потом нормальная деятельность. И лишь помечтал вчера:

— Хорошо бы шашлычку и кахетинского.

29 января

Был у Улитовского[47] в «Науканале». Он рассказывал о работах своего института, раскрывал духозахватывающие перспективы.

— Или сделаем, или наши установки взорвут нам черепа. В лучшем случае будем сумасшедшими.

3 февраля

Сидел у Байдукова. Занятно говорили о «легендарном перелете». Байдук, между прочим, рассказал о эпизоде, случившимся за о. Виктория.

— Сашка кричит — поворачивай! А я — куда к е.м.

— Могли бы смело лететь еще тысячу, да я поглядел на Валерия, Сашку. Уставшие, ноги не держат, глаза красные….

— Вот нет Сигизмунда. Предложили бы ему на нашей машине двумя парными экипажами лететь. Я думаю все бы согласились.

— А сделали бы?

— Об чем разговор!

6 февраля

Вчера провожал Лиона Фейхтвангера. Забавно. Сначала подвезли багажную тележку, полную разномастных чемоданов с иностранными наклейками и без них, кожаных — заграничных и советских. Потом пришли 2 почитательницы. Наконец появился и писатель. Вышел в группе. Среди них — Накоряков,[48] Бехер,[49] Барто,[50] Марин и другие. Фейхтвангер — очень маленького роста, щуплый, в пенсне. Типичное еврейское лицо.

Переводчик передал нашу просьбу о беседе.

— Нет, нет, — я прежде всего должен посмотреть свои вещи.

Ушел в вагон. Нескоро вернулся. По нашей просьбе навалился Третьяков. Уламывал.

— Я приехал, я видел, я буду писать, — наконец сказал Фейхт.

Кругом засмеялись — «лень такая, форс».[51]

Он почувствовал себя неудобно и произнес еще несколько фраз (см. Правду от 6.02.37 на 3 или 4 полосе)

18 февраля

Борьба между нами и дружественной державой все обостряется. Помнится, как-то месяца два-три назад был такой эпизод: торжественное заседание, посвященное десятилетию «ЗИ» послало приветствие Сталину. Текст был забран «Известиями». Ночью Мехлис звонил Борису Марковичу — «снимите, мы же договорились снять». Тот отказался. «Как хотите, как хотите» — сказал Мехлис и положил трубку.

С тех пор пошла неприкрытая вражда. Но ее факты проявились резко совсем недавно. Не дожидаясь решения ЦК «держава» дала подвал М.М. Громова о готовившемся перелете Москва — Нью-Йорк. (Громов и сам был немало поражен появление подвала). Мы ответили на это серией статей: Чкалова, затем Байдукова с Кастонаевым, затем Ильюшина.

В статью Байдукова я вставил абзац о приятности и полезности воздушных гонок. Ребятам понравилось, одобрили. Напечатали 7 февраля. 8-го дали отклики. 12-го небольшую информационную заметку о совещании у Ткачева.

14-го держава вдруг напечатала статью Ляпидевского, Доронина, Филина и др. об организации воздушных гонок, в коей они слезно и настойчиво просят державу возглавить это дело, учредить свой кубок, толкнуть и т. д. О нас — не слова. В примечании держава сообщала, что идя на встречу просьбам героев она созывает 16-го совещание.

Вот бляди! Грабеж на большой дороге! Ужо тебя! Я с Левкой засели на телефоны: просим придти на совещание к Мехлису 15-го в 6 ч. вечера его кабинете. В номер бухнули три колонки откликов на Байдука, со ссылкой на 7 февраля — Дейга, (…

зачеркнуто), Яковлева, Моисеева.

На следующий день Мехлис созвонился с Ворошиловым. Тот благословил и обещал кубок…. (зачеркнуто) согласился войти в комитет, М. М. Каганович и… Алкснис (зачеркнуто) — тоже.

Вечером состоялся триумф. Пришли все: Каганович…….. (много вычеркнуто) у Туполева было назначено совещание — мы его отложили и он с готовкой совещания прибыл к нам. Понаехала орда щелковцев, Кокки, Юмашев, злополучный Ляпидевский, выглядевший неважно.

Создали комитет, бахнули в номер отчет на четыре колонки, передовую, снимок участников на первой полосе.

«Известия» пронюхали, дали отчетик на 40 строк, сославшись на инициативу «Правды» и «Известий».

На следующий день у них было весьма куцее совещание, даже без авторов статьи. Т. тка демонстративно сидел у нас до 9 часов. (оказывается, когда он подписывал статью там никаких абзацев об державе не было)

1938 год

23 января

Год не записывал. Все руки не доходили. Постараюсь кое-что восстановить.

2 апреля

Лариса Коган рассказывает о появлении в Москве Эмиля Гилельса. был очередной конкурс (всесоюзный) пианистов. Музыканты уже заранее распределили места: этому — первое, этому — второе. И вдруг прошел слух: «едет какое-то рыжее чудо из Одессы» И чудо приехало!

Конкурс проводился в Б.Зале консерватории. На концерте, когда выступал Гилельс присутствовали Сталин и члены ПБ. Гилельс сошел — невзрачный, куце одетый юноша, никто не него не обратил внимания. Сел и сыграл «……..». И когда он кончил играть встал зал, встали в правительственной ложе, встали члены жюри. Овация — сумасшедшая!

Гилельса позвали в правительственную ложу. Он пришел Сталин предложил ему сесть на переднее кресло. Эмиль сел, спиной к Сталину, не сообразив что это неудобно. Разговаривал через плечо — Сталин улыбнулся.

— Когда ты уезжаешь? — спросил он.

— Через три дня.

— А не можешь ли отложить?

— А зачем?

— Я хочу, чтобы ты пришел в гости, хочу тебе подарок сделать.

— Ладно.

Через пару дней обоих Гилельсов вызвали в Кремль. Там их буквально задарили.

Был вчера у Тольки Ляпидевского. Он рассказывал, как Ворошилов оберегает их от всяких покушений. Многие хотели забрать героев на работу. Ворошилов не дает: пусть сначала окончат Академию.

К XX годовщине РККА ребятам хотели дать звание майоров (они были капитанами). Ворошилов лично написал «ПОЛКОВНИКИ!»

23 апреля

Все как-то не хватает времени записывать. Нужно написать следующее: встречу нас на аэродроме, прием папанинцев в Кремле, Чкалов у нас, разговор Папанина со Сталиным, мой разговор с Шевченко и Джими Каллинзе, проводы Леваневского, проводы Громова, встречу Чкалова и Громова (взять отчеты!),

старт «СССР-3», демонстрация 1 мая.

Сейчас просматривал старые записи в этой книжке. Сколько сукиных сынов терлось у авиации! Как ясна становится ныне вся эта дейгевская волокита с приборами и регистрацией рекордов.

25 апреля

Только что пришел от Коккинаки. Он заявил, что его проект потерпел фиаско. Разрешение было выдано еще в прошлом году. Но сейчас не дают. «М.б. дадут позже, а тогда мне и самому не нужно» Огорчен весьма.

— Думаю осенью смотаться во Владивосток.

— Лучше на Сахалин.

— А верно. Знаешь, когда-то я сказал об этом наркому — он глазами повел: это же будет замечательно.

Рассказал он мне пару забавных летных случаев: как на его глазах человеку винтом ударило по голове, винт разлетелся в куски, а человек хоть бы что. И другой: на рулежке клюнул носом, летчик сломал шейные позвонки.

Сам Владимир (1937 г.) несколько лет назад летел на морской машине над лесом. Снегопад, видимости никакой, сдал мотор. На 50 метрах надо решать, что делать. Увидел впереди маленькие кустики: решил близко поляна. Решил дотянуть. Тянет, ровняет на последнем моторе. Машина — чирк, чирк по верхушкам. Все дно выдрало, хвост, крылья, но дотянул. Сосчитал: все живы.

28 апреля

Сегодня у нас напечатана огромная, на полполосы, рецензия на книгу «История XIX века» (под редакцией профессоров Лависса и Рамбо, I–VIII т.т. Перевод с французского. Государственное социально-экономическое издательство. Москва 1937 г.) Заголовок рецензии: «Ценное издание по истории XIX века», автор — Ф. Ротштейн.

На летучке Леонтьев рассказал интересные вещи по поводу этой рецензии, показывающие огромный диапазон интересов Сталина, его глубочайшую эрудицию в вопросах истории. Сначала соцэкгиз издал эту книгу — восьмитомник — тиражом в 20 000 экз. Узнав об этом Сталин выругал их и предложил издать 100 000.

Нам было рекомендовано дать рецензию. Написали, показали ему. Сталин сделал несколько существенных замечаний. Основной смысл их сводился к следующему: книга дает чрезвычайно ценный фактический материал, но написана не марксистами — так ее и надо брать. Сталин предложил также указать на полиграфические небрежности издания, опечатки.

Как известно, книги «Ваши крылья» и «Москва» Фейхтвангера

— обе по 100 000 экз. — были изданы также по указанию Сталина. Недавно он предложил нам отметить — не расхваливая — картину «Богатая невеста». Видимо потому, что в ней неплохо показана новая индустриальная деревня.

29 апреля

Коккинаки и Давидюк рассказывали — оба в разное время, но одно и то же: на приеме в Кремле депутатов I сессии Верховного Совета СССР Сталин выступил с речью о летчиках:

— Люблю я летчиков. И должен прямо сказать — за летчиков мы должны стаять горой. И когда какого-нибудь летчика обижают — у меня сердце болит. Больше всего я уважаю участников гражданской войны — людей старшего поколения и летчиков — представителей нового поколения.

27 марта вечером в день награждения папанинцев Папанин уехал к Ширшову. Раздался звонок: Митрича вызывал Сталин. Он поздравил четверку с награждением и спросил, что они собираются делать?

— Ехать к избирателям.

— К избирателям вы успеете съездить. Сейчас вам нужно поездить по стране, отчитаться перед народом, перед научными кругами. Вот вас приглашала Украина — поезжайте туда, побывайте в городах, селах, на заводах, сделайте доклады в украинской Академии Наук.

Как-то в прошлом году в Щелково (кажется, во время подготовки Громова к полету в США) я встретил Шевченко. Он мне рассказал, что проводит опыты испытания самолета на перегрузку по Джими Коллинзу.

— Забираюсь на 2 000 и оттуда пикирую до земли. У земли вывожу. Коллинз верно пишет: «Черти в глазах прыгают». Но ничего.

— Коллинз же выводил на 3000!

— Какая разница! Если самолет сломается — все равно гроб.

Вчера В.Шевченко зашел ко мне в редакцию. Вспомнили об этом деле. Владимир сообщил, что успешно закончил испытания и сейчас они включены в нормальную программу.

5 мая

А.В. Беляков рассказывает о своем посещении Сталина осенью 1936 года. Чкалов, Байдуков и Беляков тогда отдыхали в Сочи. (Между прочим, еще на приеме в Кремле Чкалов сказал т. Сталину: «За великую награду, за такую встречу, разрешите нам, т. Сталин, повторить этот маршрут»).

«…. И вот раздался телефонный звонок. Вызвали Чкалова. Он пришел от телефона взволнованный.

— Ребята! Сталин Приглашает нас всех с женами сегодня в 16

часов к себе в гости.

Побрились, приоделись. Пришла машина.

Сталин отдыхал на небольшой даче, стоящей на пригорке. Кругом фруктовый сад. Идя по аллее, увидели на одной дорожке поджидавших нас Сталина, Жданова, Чубаря и Поскребышева. Сталин покуривал трубку. Он был одет в простой парусиновый китель, коричневые брюки и невысокие легкие сапоги. И.В. очень радушно встретил нас, и, заметив наше волнение, очень просто, по хозяйски, предложил:

— Может быть погуляем?

И он стал показывать нам деревья, посаженные вокруг дачи. Нас особо заинтересовали лимонные деревья с желтевшими на них ароматными лимонами. И.В. тотчас же заметил это:

— Можете сорвать по лимону, — сказал он с улыбкой.

Затем мы пошли по направлению к беседке. В ней на столике лежала „Правда“, неподалеку был подвешен гамак. Держа в одной руке трубку, Сталин другой обвел вокруг и заметил:

— Ну, вот здесь я и отдыхаю.

Сталин оказался большим знатоком садоводства, он любит деревья, любит о них рассказывать. Мы обратили внимание, что весь сад около дачи засажен какой-то душистой сосной, словно озонирующей воздух. Сталин объяснил нам, что раньше здесь рос дуб, но т. к. сосна прекрасно очищает воздух, то он решил заменить дуб сосной. Ему говорили, что сосна тут расти не будет. Но Сталин все-таки не послушался и настоял на своем.

— Как видите прекрасно растет, — улыбнулся И.В.

— Видно, т. Сталин, можно все сделать, если только руки приложить, заметил Чкалов.

— Да, — ответил Сталин, — Только не надо унывать. Если раз не вышло надо попробовать еще, опять не вышло — надо зайти с другой стороны. Большевики всегда так делают. Так нас еще Ленин учил!..

Разговор зашел о том, что ночью на этом холме теплее, чем у самого берега моря. Сталин объяснил нам, что к подножию горы ночью стекается холодный воздух и там сыро. Поэтому санатории нужно строить на возвышенностях, а не внизу, у самого берега моря.

Незаметно беседа перешла на авиационные темы. Разговор стал еще оживленнее. Сталин с возмущением говорил, например, о том, как мало работают у нас над проблемами электрообогрева самолетов, указывая, что в этом виноват, пожалуй, также и летный состав, который мало следит за своим здоровьем.

Речь зашла о парашютах. Сталин сказал, что все летчики обязаны пользоваться ими при аварийном положении.

Человеческая жизнь нам дороже машины. т. Сталин припомнил, как однажды во время испытания нового самолета погиб один член экипажа. А когда вызвали командира этого самолета для объяснений, тот стал оправдываться, что выпрыгнул с парашютом.

— Этот летчик, — сказал Сталин, — считал себя виноватым в том, за что мы хотели его наградить! Почему, — спросил затем с досадой в голосе Сталин, — почему у вас, летчиков, бывает иногда вот такая странная психология?

И тут же заметил:

— Человек — существо „земноводное“. Он часто боится воздуха, тогда как его бояться совсем не надо. Парашютизм — вот спорт, где человек приучается не бояться воздуха…

В это время подошли наши жены, которые снова восхищенно заговорили о лимонных деревьях. Сталин рассмеялся:

— Ну, раз так понравилось — сорвите себе столько лимонов, сколько кто захочет!

Кроме сосны в саду росли какие-то неизвестные деревья с серебряной листвой. Сталин объяснил, что это — эвкалипты. Он сорвал несколько листочков, растер их в руках и дал нам понюхать. Они издавали специфический запах, напоминавший запах скипидара. Сталин рассказал, как эвкалипты отгоняют малярийных комаров и как они были использованы американцами на постройке Панамского канала для борьбы с малярией.

Разговаривая мы подошли к кегельбану. Сталин показал нам, как нужно бросать шары по доске, чтобы они не скатывались в сторону. Он взял шар и очень ловким движением пустил его по доске. Шар ровно побежал по узкой доске и сразу сшиб несколько фигур. У нас же дело никак не клеилось. Сталину пришлось снова показать нам, как нужно играть…

Меж тем стало смеркаться, и Сталин пригласил нас обедать. Мы увидели несколько небольших и очень просто обставленных комнат (сравни с описанием сталинской квартиры в книге Барбюса „Сталин“), в одной из которых был накрыт обеденный стол.

Сталин сел на хозяйское место и с большим радушием начал ухаживать за нами. Он предложил тосты за летчиков, за их жен, за тяжелую промышленность.

Затем он с большим юмором рассказывал нам о своем побеге в 1903 году. Сталин был в ссылке около Иркутска, пробыл там год и решил бежать. Ему посоветовали нанять подводу до ст. Зима. Крестьянин, которого он нанимал, долго отказывался, спрашивая Сталина: „А ты не арестованный?“. Затем согласился, но с

условием, что на каждой остановке Сталин будет покупать ему по „пол-аршина“ водки. Сталин аккуратно выполнял это обязательство, как, проехав половину пути, крестьянин не потребовал уже по целому „аршину“. Когда и это требование было удовлетворено, и крестьянин доставил Сталина на станцию, он казал своему седоку: „Уж очень ты хороший человек, откудова ты такой?“

Сталину нужно было сесть в поезд. Чтобы не выдать себя он попросил привезшего его крестьянина купить билет. Тот уже охотно выполнил просьбу. Затем Сталин рассказал второй эпизод, относящийся к Красноярской ссылке. Сталин опять бежал. Он шел на лыжах по льду Енисея и неожиданно провалился под лед. Одет он был в меховую одежду, и, пока выкарабкивался из воды, эта одежда замерзла. Чтобы не погибнуть, Сталин бежал на лыжах. Когда он пришел в ближайшее селение — жители очень напугались — от обледеневшей одежды шел пар.

К концу обеда разговор вновь перешел на авиационные темы:

— Жизнь даже самого отсталого летчика-„замухрышки“, — сказал Сталин, стоит в нашей стране дороже 200 самолетов. Я за тех летчиков, которые сочетают риск с умением и с расчетом!

Сталин вспомнил Ленина, который „нас, замухрышек, вывел в люди“.

После обеда Сталин сам завел патефон, ставя свои любимые пластинки: народные песни „Стонет сизый голубочек“, „Ты канава“, „Ты взойди, солнце красное“, „Вспомним-ка, товарищи“, „Ревела буря, дождь шумел“ и бурлацкую песню „Истоптали мы земной бархат вдоль по бережку реки“ в исполнении ансамбля Красноармейской песни и пляски.

Я заметил, что слова этой песни замечательны. Сталин сказал:

— Да, в ней и ужас и угроза.

Мы подпевали патефону, а затем запели и сами. Роль запевалы отлично выполнял Жданов. Он прекрасно пел и один. Пели и частушки. Мы пели, танцевали, веселились.

Было далеко за полночь, когда мы отправились играть на биллиарде. Сталин и Жданов — с одной стороны, Байдуков и Х[рущев] (я вскоре сменил Егора (Байдукова) — с другой. После двух партий Сталин шутя предложил сыграть еще „контровую“, затем была сыграна „отходная“ и, наконец, „вышибательная“. (Ср. с описанием Байдука в „Зи“).

Настало время уезжать. Сталин все так же просто и весело, по-отечески, проводил нас.

Прощаясь, мне захотелось иметь что-нибудь на память об этом исключительном дне. Я обратился к И.В. с просьбой

написать мне на листочке бумаги что-нибудь на память. Он, улыбаясь, сказал:

— Нет, сейчас уже поздно. Давайте завтра утром…

Я ответил, что буду счастлив получить от него хотя бы даже через год. Синели горы, пели птицы, Сталин стоял на крыльце и улыбался.

Какого же было мое удивление, когда утром мне прислали от Сталина фотографию его дочки с надписью „Светлана. На память товарищу Белякову. И. Сталин“».

Байдуков говорил, что он увидел у Сталина фотографию детей и попросил ее на память. Сталин не давал: «Я один тут, а дети — в Москве. Скучно без них. Смотрю». Но Егор настоял. Сталин дал снимок и надписал.

5 мая

Сегодня мы получили письмо от читателя — токаря наладчика «Шарика» Сахарина. Он пишет, что в ночь с 30 апреля на 1 мая осматривал прибывшие к Кремлю волжские теплоходы «Иосиф Сталин», «Вячеслав Молотов» и «Михаил Калинин» и 6 эскортных катеров. Он неожиданно увидел Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова. Они шли по набережной 15–20 минут и тоже осматривали теплоходы. Сталин весело разговаривал и улыбался.

Молва распространилась. Все смотрели на них. Сахарин шел со Сталиным и «все осматривался по сторонам».

Затем сели в машины и медленно уехали.

7 мая

Хочется записать банкет в Кремле 17 марта на приеме папанинцев. Описание их встречи в Москве и пути в Кремль дано в газетах. Я их встречал у вагона, расцеловались и на том потерял на день с ними связь.

Отчет о встрече в Кремле писал я же, так что его можно не повторять. А вот о речи Сталина надо написать (привожу ее по своей записи текстуально сверял на банкете с Черненко, это и воспроизвожу).

Не помню, каким по счету говорил Чкалов. Затем Молотов объявил, что слово имеет Сталин. Овация. Он говорил тихо, а народ шумел, поэтому в немногих местах есть пропуски.

Сталин:

— Товарищ Чкалов — способный талантливый человек, каких мало не только у нас в СССР, но во всем мире. Там на Западе, например, во Франции, Германии, Англии и Америке, герои — те, которые, уверяю вас……

Вот — интересное дело — Папанин выступал с большой речью. Стало нам известно, что весь лед, идущий с полюса, идет к

Гренландскому берегу и там погибает. Раньше мы этого не знали……

…..Шмидт — самоуверенность какая-то непонятная. В конце марта он хотел начать компанию….

…Норвежское общество обратилось к нам……базы на берегу Гренландского моря предлагали оказать помощь, а сами знают, что обойдемся без них. Они так прикидывали — какая тут выгода, какая выгода. Мы для внешнего эффекта поблагодарили, а между тем организовывали сами.

Пошел один ледокол — мало, послали за ним другой, пошел другой — мало, за ним третий, пошел третий — мало, за ним четвертый (аплодисменты). Послали бы больше, да они все у Шмидта во льдах замерзли (смех). Что не понятно другим….. героев спасаем, чего бы это не стоило. Нет такого критерия, чтобы оценить смелость человека, героизм — сколько рублей это стоит, какой это капитал человек? Так мы и решили — никаких денег не жалеть, никаких ледоколов не жалеть(мало ли их у вас застряло?). Маленький ботик «Мурманец» — как он там трепыхался! (аплодисменты). Так вот, товарищи, за то, чтобы европейско-американский критерий прибыли и выгод у нас был похоронен в гроб, за то, чтобы люди научились любить и ценить смелость, таланты способных людей, цены которым нет. Кто знал Папанина, Ширшова, Федорова Кренкеля? (Кренекля знали, правда, а остальных мало знали). Сколько они стоят? Американцы скажут — 10 000 франков, а сам франк стоит копейку (смех). А мы скажем — миллиарды. Героям таким нет цены.

За талантов, мало известных раньше, а теперь — героев, которым нет цены, за Папанина, Кренкеля, Ширшова, Федорова. За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, англичанами, не заискивали, чтобы мы, советские люди, усвоили новую меру в оценке людей — не по рублям, не по долларам, чтобы вы научились по-советски ценить людей по их подвигам.

А что такое подвиг? Чего он стоит? Никакой американец не ответит на это, не скажет — кроме доллара, стерлинга, франка. Талант, энергия, отвага (эти три слова даю по Черненко, у меня было записано: «Отвага, мужество, геройство» Л.Б.) — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных ф. стерлингов, презренных франков (бурные аплодисменты).

Чкалов говорит: готовы умереть за Сталина…

Чкалов: За Сталина умрем!

Сталин: Я считаю, что оратора перебивать не стоит (смех)

Чкалов: За Сталина умрем!

Сталин: Простите меня за грубое выражение, умереть всякий дурак способен. Умереть конечно тяжко, но не так трудно…… Я пью за людей, которые хотят жить! Жить, жить как можно дольше, а не умереть.

Чкалов: От имени всех героев заверяю Сталина, что будем драться за него так, что он даже сам не знает. За Сталина мы готовы отдать все. [Ногу надо ногу, голову надо — голову, руки надо — руки.] (вычеркнуто). Водопьянов, Громов, Байдуков, Юмашев, Данилин, Молоков, все герои, сидящие здесь в зале, идите все сюда, идите к Сталину, будем драться за Сталина, за Сталинскую эпоху.

(Со всех сторон зала идут герои Советского Союза — богатыри родины и становятся стеной около Сталина. Зал грохочет и неистовствует).

Сталин улыбнулся, посмотрел на них и продолжал:

Сталин: Я еще не кончил… За здоровье всех героев — старых, средних, молодых, за здоровье той молодежи, которая нас, стариков, переживет с охотой.

Чкалов: Я прошу слова. От имени присутствующих здесь заявляю: никто не захочет пережить Сталина.

— Никто не отберет у нас Сталина! За Сталина мы готовы отдать все! Сердце надо — отдадим сердце, ноги надо — ноги, руки надо — отдадим руки.

Сталин: Сколько вам лет?

Чкалов: 33

Сталин: Дорогие товарищи большевики, партийные и непартийные! К слову сказать иногда непартийные большевики лучше партийных. Бывает. Мне — 58, пошел 59-ый. Тов. Чкалову — 33. Мой совет, дорогие товарищи, не ставить задачу умирать за кого-нибудь, особенно за старика. Лучше жить, бороться и жить, бороться во всех областях — промышленности, сельского хозяйства, культуры; не умереть, а жить, жить и разить врагов, жить, чтобы побеждать.

Я пью за тех, кто не забывает идти вперед за нашу правду, таланты и смелость, за молодых (Сталин подчеркнул это слово — ЛБ), потому, что в молодых сила, за Чкаловых! (тут Сталин сделал паузу и добавил нарочито картавя ЛБ) — потому, что ему тлидцать тли года! (Овация)

Затем Сталин ушел с Чкаловым в соседний зал (так рассказывали, сам я не видел). Вернувшись Сталин взял слово и сказал: (даю по своей записи)

— Чкалов — человек способный, талантливый, самородок…….. он взял меня в свои секретари. Что ж остается делать — я согласен (смех)…… Я каждый день готов….. Я,

товарищи, постараюсь…. За Чкалова!

Шмидт поднял тост за героев Советского Союза, в том числе за Молокова. Поднялся Сталин:

— Молоков — один из героев, скромных и простых, который боится шума. Я пью за товарища Молокова не только потому, что он герой, а потому, что он скромный, простой человек, не требующий большого блеска. (овация).

Папанин после рассказывал, что в разговоре с ними на банкете Сталин сказал: «Я больше всех за вас переживал».

Папанинцы сидели за одним столом с членами ПБ, жены — за другим столом. Сталин подошел к тому столу и начал их спрашивать: «Вы чья?» — «Кренкеля!»«Вы чья?» — «Папанина»- и так всех и затем пригласил за свой стол.

Затем Сталин прошел к столу, где сидели жены чкаловской тройки и сами герои и обратился к Ольге Эразмовне Чкаловой:

— Вы на меня недовольно смотрите, думаете я ваших мужей подбиваю на новые полеты. Это неверно. Да только я их — сорванцов — и удерживаю!

И обращаясь к героям, сказал:

— На этот год — никаких полетов. Побалуйтесь с женами.

Потом Сталин пошел вдоль столов, что-то отыскивая. Наконец нашел — взял бутылку нарзана, подошел к столу, где сидел Чкалов, отодвинул в сторону графин с коньяком, поставил нарзал и сказал: «Пей!».

15 мая

Надо восстановить разговор с Коккинаки от 25 апреля. До этого мне стало известно о том, что он собирается лететь. Поэтому я и приехал к нему. Сидим, разговариваем о том, о сем. Весь кабинет увешан большими и малыми картами Европы, Америки, мира. В углу глобус.

— Ну когда, Володя, провожаем? — спросил я наконец.

Он рассмеялся:

— Думаешь не знаю, что за этим приехал. Увы, не дают разрешения. Понимаешь, может быть дадут после, а тогда мне самому не нужно. Условия не устраивают.

— А справишься? Ведь ветры?

— Что ж ветры — с ими надо умело обращаться. Знаешь — как парусные моряки — галсами. Тут все рассчитано. Вот только внимания не потерять больше тридцати часов за ручку держаться.

— А почему второго не берешь?

— А кому я могу так доверять, как себе? Да и места нету.

— Летал когда-нибудь по трассе?

— Нет. В эту сторону никто. С той — да.

— Что ж тебе сказали?

— Да разрешение принципиальное я еще в прошлом году получил. Зажал в кулаке. Молчу. Недавно поднял: давайте визы, договариваться. А мне — трр. Позавчера был на одном совещании, подошел к Молотову после.

Он говорит: «Вам передали, что сейчас, как ни жаль, не выйдет». Я стороной узнавать почему: отвечают, что из-за Леваневского и «В6». А я готовился, летаю, испытываю по работе, а сам всякие задачи для себя решаю. А как бы хорошо было запросто в соседнюю столицу слетать.

— Лодки, плавучесть машины обеспечены?

— Зачем, я же биться не собираюсь. Лечу наверняка: а если упаду — куда на трипперборе уплыву. Ни к чему!

11 мая я с Зиной поехали в гости к Моисееву. Был там Громов, Юмашев, Байдуков с женой. Речь зашла о Володьке. Все подтвердили, что летит.

— А как у вас? — спросил я Юмашева.

— В этом году тихо. Не на чем.

— А в будущем?

— Будет. Сейчас строим машину.

Сегодня я опять позвонил Владимиру.

— Как?

— Обещали вызвать, но молчат. А мне погода только до 1-го. Позже — с месте не двинусь. Боюсь, что не успею: разрешения нет, машина не готова и, видимо, не успеют приготовить. Вот и хожу пока по театрам. Сегодня смотрел «Господина Бартиньяка». Ничего… Вот не везет! Хотел в этом году высотенкой заняться, подсмотрел моторчики. А меня как два наркома взяли в шоры — только дым идет. Вот, может, осенью дорвусь.

— А чего тебя держат? Такой обыкновенный полет по рейсовой трассе.

— Ну да. Ничего необычного. Смотри сам — по всей летали, правда по кусочкам. Ты знаешь, я сегодня обледенел. (Я удивился — погода была солнечная, кое где висели, правда, густые насупленные облака — ЛБ)

— А зачем ты летал?

— Бедному летчику все нужно. Я уже месяца три гоняюсь по облакам. Ведь мне некому будет сказать: «Егор, садись!» А облака сегодня были отличные, редкие, густые, насыщенные. Я за ними по всему горизонту гонялся. В Москве дождя не было, а я там три раза в дождь попадал. Кидало зверски: метров на 15. Машину трепало во всю — а мне этого и надо. Обледенел, крылья сантиметра на два льдом покрылись (t = -3, -4). К концу полета из-за обледенения все приборы слепого полета отказали. Лафа! Ну давай спать! Я еще молока выпью.

20 мая

Сегодня у нас помещено короткое сообщение об аварии самолета «СССР Н-212». Подробности, как сообщает наш архангельский корр-т, рисуются в следующем виде: катастрофа произошла 18 мая в 4 часа 10 минут утра. На борту было 16 человек. Машина стартовала на Москву с аэродрома Княж-острова. В момент отрыва из левого среднего мотора показалось пламя. Мотор сдал обороты и машина, поднявшаяся на 3–4 метра, начала снижаться. Самолет находился узе за чертой аэродрома. Машина сильно ударилась о земляной выступ, затем, подпрыгнув, пролетела несколько десятков метро и свалилась в реку Лингосровку (рукав Двины). Сильным течением потащило ее на середину реки, ширина которой там ~ 500 м. огнем охватило всю левую плоскость. Один из левых баков, видимо, от удара, был поврежден и бензин разлился по воде. Над машиной и водой поднялось пламя. Самолет держался несколько минут. Люди выбрались на правое крыло и хвост и бросились в воду. Огромную помощь им оказали находившиеся в лодке вблизи работники АрхБумСтроя кассир А.П. Михайлов, плотник В.М. Беляев и экспедитор В.П. Тепляков. Они вытаскивали людей, рискуя сами вспыхнуть. Пилот Бойко плыл к левому берегу. Выбился из сил. Моторист беломорского отряда полярной авиации т. Шулепов бросился в воду и вытащил его. Мошковский добрался до плота у правого берега. Вдруг заметил, что вода неподалеку несет Бабушкина. Вытащил его, но М.С. был уже мертв. Все спасшиеся получили ссадины, ушибы, ожоги. Им оказали помощь на аэродроме и в больнице.

Шмидт позавчера мне сказал, что доложил Молотову обо всем.

Мошковский заявил Дубилверу:

— Перед стартом мы тщательно проверили моторы и машину. Все было в порядке. В момент отрыва от земли по необычному звуку моторов я почувствовал, что случилось что-то неладное. Средний мотор сдал. Машина снизилась, ударилась об землю. В тот же момент внутри самолета вспыхнуло пламя. Самолет круто завернуло влево и понесло в реку. В последнюю секунду я инстинктивно рванул штурвал — нос машины приподнялся и мы упали в воду. Если бы шли носом вниз — сразу бы нырнули. При ударе меня выбросило из пилотской кабины на правую плоскость. Вскочив, я бросился открывать задний люк, чтобы освободить товарищей. В передней части самолета бушевал огонь. Я сосчитал людей — по-моему в самолете никого не оставалось, все были наверху. Самолет погружался в воду. Кругом было пламя. Я нырнул. За мной бросились в воду и остальные.

Плыть было трудно: все были одеты в теплую одежду. Как добрался до плота — не знаю.

Сегодня вечером говорил с Коккинаки.

— Как?

— Все еще ничего определенного. Да уж кто-кто, а ты — не выпытывай. Я тебе сам скажу, когда будет ясно.

— Нам же готовиться надо!

— Успеете. Твоего запаса хватит. У других вообще ничего нет.

24 мая

Вчера Молотов принял участников всесоюзного совещания прокуроров. Центральными он ставил задачи: участия в выборах народных судов («эта компания не менее важна, чем выборы в Верховный Совет СССР»), усиления следствия, повышения культуры прокурора. В связи с этим редакция предложила мне изготовить в номер подвал Вышинского. Взяв с собой стенографистку я поехал в Парк Горького, где он должен был выступать с докладом о выборах в Верховный Совет РСФСР. Поздоровались, договорились после доклада поехать в прокуратуру — там он продиктует. Я его не видал несколько лет: он потолстел, немного обрюзг.

— Сколько вы мне дадите на доклад?

— Сколько нужно? — спросил директор парка.

— Только не мало. Я как хороший портной — из большого всегда малое сделаю.

— 1 час 20 минут.

— Хорошо.

Он сделал блестящий яркий доклад. Оценивая процессы остроумно заметил: «Денежки империалистов, покупавших шпионов, плакали», «торговали кирпичом и остались ни при чем».

«А все эти Бухарины и Каменевы отправлены прямым рейсом без пересадки на тот свет», «У капитализма при взгляде на наши успехи такое же выражение лица, как у человека, принявшего слишком большую дозу касторового масла».

Он говорит четка, раздельно выговаривая слова, ярко и образно, загораясь, изредка жестикулируя левой рукой, которую указательно поднимает вверх. Голос трибуна. Кончился доклад. Поехали.

— Тепло в вашей машине.

— Еще бы, машина прокурора. Жарок должно быть!

Приехали. Любезно показал здание, объяснил, что сейчас ремонтируют. Поднялись на 4-й этаж. Ключи к кабинету не подходят. Бились, бились.

— Придется ваших подшефных вызывать!

Он рассмеялся. Наконец, открыли. Кабинет просторный, очень простой. Много книг на столе. Под рукой — маленькая красная Конституция СССР. Диктовка началась. Профессионально быстро, четко. Воодушевился, говоря о прокурорском ВТУЗе и индустриализации следствия.

После разговорились. Я сказал, что хорошо бы заняться в печати советскими сыщиками. Загорелся:

— Знаете, я сам вам напишу. Какие люди есть. Вот дело…… Подозревали самоубийство. Следователь узнал, что его жена накануне написала записку и, изорвав, бросила в урну на одной из Киевских улиц. Разными путями он пришел к выводу, что в этой записке все. За ночь он сам перетряхнул все урны на улице, нашел записку, склеил. Важнейшая улика, она убила мужа. Шейнин пишет об этих делах, но с бульварным стилем.

— А о современной юридической науке?

— Тоже напишу. С удовольствием. Как тут много нового. Это действительно наука!

— Как по вашему дело Афанасьева?

— По-моему, он убил. Но прямых улик нет. Дело страшно сложное и запутанное. Пусть суд разбирается — его решение будет окончательным.

В лифте стенографистка уронила гривенник. Вышинский бросился искать, нашел, поднял, вручил. Одинцова была растрогана.

Вчера хоронили Бабушкина. Замуровали рядом с дирижаблистами. Распоряжался Слепнев. Потом мы стояли с ним и говорили, что урна С.М. могла стоять рядом с нашими. Шмидт выступал крайне расстроенным. Был мрачен.

26 мая

Вчера прилетело звено Алексеева из Восточной Африки. Чудесный солнечный день. Собрались все на встречу. Сердце засвербело, когда увидели знакомые машины.

Гутовский и Шевелев только вернувшиеся из Архангельска рассказывают, что виноват в аварии «Н-212» Мошковский. На взлете сдыхал мотор, он прибавил другим. Машина накренилась, стойка влезла в бак. Все наполнилось бензином. Достали самолет — все как на ладони. Бабушкин плыл на шубе, захлебнулся. Пробовали делать искусственное дыхание — ребра перебиты, кровь в легких.

Вечером сегодня говорил с Коккинаки.

— Запретили. Сейчас буду проситься на восток — то что тебе говорил. Если разрешат — до 10-го смотаюсь. Тебя взять? Не могу, Лазарь. Если не разрешат — садись, закуривай, Володя, до осени. Год летной жизни пропал. А как ребята на заводе

переживают! Эх!

29 мая

Сегодня после работы нас вызвал Ушеренко и предложил написать как следует о жилищном строительстве. Оказывается, Молотов недавно принимал москвичей и сказал им, что правительство даст сколько угодно денег на жилищное строительство. Только выполняй и перевыполняй его план! Виданное ли дело? Это — не на заводы, не на предприятия, которые вырабатывают средства производства, а на дома, которые прямой выгоды государству не приносят. Вот это пример заботы о человеке!

3 июня

Сегодня был у меня Мошковский. Осунулся. Рассказывал подробности жизни на Рудольфе. Бардак. Угробили две машины. Аварию рисует так:

— Не спали перед вылетом. Отклонились от линии взлета. Машина перегружена. На взлете задел левым колесом о бугор канавы. Треск. И в тот же момент пламя. Внутри все горит. Сунулись в реку Не успели даже дотянуться до аварийного контакта. Фонарь сломало, Моссельпром смяло. Меня выбросило на правое крыло. Кинулся к заднему люку. Отркыл. Все вылезли. И в воду. Жутовский попал под плоскость — зацепился там за что-то. Бабушкину сломало ребра при ударе — захлебнулся, плыл в шубе. Россельс утопил Гурского.

Говорил с Коккинаки.

— Сегодня говорил с Кагановичем. Подписал прошение и направил ввысь. Я говорю, может, можно сначала слетать — а потом доложить. Смеется: уехал бы ты в отпуск — а то всех беспокоишь.

17 июля

Сегодня вернулся из отпуска. Ехал с вокзала — у светофора рядом с нашей машиной остановилась серебристая. Гляжу — Коккинаки.

— Здоров, Володя!

— Здоров, Лазарь! Вернулся? Загорел?

— Есть немного. А ты что тут?

— Да вот мать встретил. Собралась старая.

Рядом с ним сидела старушка, видать, без ума от сына. На заднем сидении — Бряндинский, Валентина Андреевна. Машут мне руками.

Вечером я ему позвонил домой.

— Володя, давай сразу договоримся, что ты мне не нужен.

— Вот это здорово. Ну тогда давай разговаривать! Как отдохнул?

— Хорошо, но жарко, вам завидовал.

— Ну и нам жарко было. Ты хоть купаться мог!

— Устал?

— По совести, очень. Поверишь, Лазарь, у меня до сих пор мозоли не сошли с рук. Очень трудный был полет. Почти все время шли выше 6000 метров. Кислорода сожрали страшное количество: весь жидкий и два баллона сжатого. Встретила меня ваша братия — вот турки. Ну представь сам: Измученные люди, еле дыхают, а тут пристают с самыми элементарными вопросами. Дал я одному всю нашу переписку полетную: клад, хоть роман пиши. Так что ты думаешь? Приходит через два дня, возвращает и просит: а может быть вы что-нибудь о полете все-таки расскажите? Так представь, мне пришлось собрать их и прочесть лекцию — как надо работать в газете.

— Молодец, что свернул на море!

— Вот за эти слова спасибо, Лазарь! Я доволен, что ты правильно оценил. И больше всего доволен собой, что у меня после 20 часов тяжелейшего полета хватило смелости принять такое решение. Это значит, что голова работала.

— Во время встречи о западе не заикался?

— Что ты, что ты! Вот сейчас прилетел — уже можно говорить. У меня же все по плану. Но твердо идет. И помяни мое слово — в будущем году проводишь.

— Ну что ж, к тому времени вернусь.

— А ты куда?

— Да по старым делам (я имел в виду минеевскую экспедицию). Пойдем?

— Послушаю с удовольствием. Заходи. А только я хожу — это ну стиль мой что ли — когда мне все ясно: и задачи, и машина, и навигация, и погода, и продовольствие. Только тогда. И когда я сам могу принять решение — быть хозяином.

Я сказал ему о наметке Гризодубовой.

— Да знаю. Только им не сейчас надо идти, а позднее. Сейчас погода вроде моей, а такую им просто не выдержать.

Рассказал ему об аварии Ершова на «АРК-3». Страшно жалел Ершова чудный парень, веселый, славный, был у меня в прошлом году, советовался. Мы работали вместе в НИИ.

8 августа

Был у Чкалова на даче. Сидели долго. Он вспоминал полеты, и между прочим, рассказывал о своем разговоре с Серго перед стартом в 1936 году.

Чкалов доложил ему по телефону о вылете:

— Счастливого пути, — сказал Серго, — Я уверен в успехе. Буду занят, на старт не приеду, но в успехе уверен. Передайте

привет товарищам.

Накануне старта в Америку Чкалов сидел у наркома оборонной промышленности. Присутствовал и М.М. Каганович. Чкалов заявил, что летит. Нарком протестовал. Чкалов настаивал. Тогда нарком снял трубку.

— Я позвоню Сталину.

Произошел следующий диалог:

— Товарищ Сталин. Вот Чкалов хочет лететь, а синоптики говорят, что погода неважная, плохая, лучше отложить……Да, да… Слушаю… Хорошо…

И, повернувшись к Чкалову:

— Можете лететь.

После Чкалов узнал, что Сталин сказал наркому:

— Чкалов лучше вас знает, какая ему погода нужна.

В последние дни Валерий летает на своем «У-2» в часть инспектировать один полк. Загоняет его на высоту: дело идет весело.

— На какой высоте вы летаете, капитан?

— На 4000, т. комбриг.

— Поднимитесь на 8000 и посидите там 40 минут.

Замешательство.

— Слушаюсь.

После полковник говорил, что если бы дело не шло так публично, он бы подал рапорт о том, что не отвечает за часть. Спустя неделю вся часть выполнила задание.

Много говорили о Леваневском. Валерий считает основным летную неподготовленность экипажа. Лучшим исходом было прикрыть левый мотор и идти на двух к Папанину.

10 августа

Были сегодня у девушек. Сидели в лесу и готовили с ними статьи. Осипенко рассказывала о встрече со Сталиным и Молотовым 18 июля на даче Вяч. Мих.

Сталин был очень весел и распоряжался, как хозяин. По его настоянию стол накрыли на террасе, а не в комнате. Разговор шел долгий (см. стенограмму Коккинаки).

Зашла речь об авиационном масле и маслопроводах. Сталин ругался:

— Тратим громадные деньги и не можем осилить.

Осипенко позвали представляться: «А у меня новые туфли жмут, ходить не могу. Еле-еле дошла».

Затем начал расспрашивать Данилина о его поездке в Берлин, на пленум ФАИ,[52] обо всем виденном.

— Только не врите — какие самолеты лучше, наши или заграничные? Только прямо: здесь дело государственное.

Громов начал говорить начистоту. Сталин был доволен:

— Вот теперь ясно. Наши самолеты должны быть во всех отношениях во сто крат лучше других. Если в 10 крат — это нам мало.

Осипенко пожаловалась, что девушек в армии зажимают. Сталин огорчился:

— Как так? — спросил он Ворошилова.

— Может быть бывает кое-где. — ответил тот

— Надо поддерживать их, — сказал Сталин — Вот в колхозах женщина стала большой силой, надо создать для этого условия и в армии.

Кокки поднял тост за рекордсменов.

— Я поддерживаю тост, — сказал Сталин, — Но надо, чтобы у нас было больше рекордсменов, больше мастеров. Героям Советского Союза следует ездить по частям и учить, воспитывать других, чтобы те, в свою очередь, передавали знания молодым.

Молотов пригласил посмотреть кино.

Сталин спросил:

— Какие картины?

— «Волоч. дни»[53] и «Волга-Волга».

— Хорошие картины, — одобрил Сталин.

В кино он сидел с Осипенко и Коккинаки и все время делал замечания («очень корректные, специальные — вот если бы режиссеры их слышали») Очень смеялся при сцене с ледяной горой в «Волоч. днях».

Прокрутили.

— Больше нет? — спросил Сталин.

— Нет.

Вернулись к столу. Сталин увидел, что Ломако пьет чай, подошел, налил ей шампанского, чокается. А та растерялась, непьющая. Мы ей издали машем «Пей, дура, со Сталиным пьешь!».

Сталин засмеялся:

— Что ж вы не хотите выпить со старым человеком, который скоро умрет.

— Такие люди не умирают, — ответила Ломако.

Сталин рассмеялся и они выпили.

Молоков мне рассказал, что и он выступил, жаловался («вижу все о своих делах говорят»), что летает на машинах 17 (18) типов.

Сталин обещал оставить три типа.

Вечером мне сообщили, что Папанина в тяжелом сердечном припадке увезли в Кремлевку. Он позвонил, хотел меня видеть. Я приехал. Очень обрадовался. Расспрашивал, что было на сессии (как раз открылась), очень жалел, что не был на открытии,

спрашивал в дальневосточных делах.

Речь зашла о минеевской экспедиции.

— Я думаю сам пойти, — сказал И.Д. - а то что-то засиделся.

— Меня возьмешь?

— Почему бы нет, ты человек проверенный, работать любишь, не то, что Эзра.

Рассказал он мне о конфузе экспедиции за мамонтом на о. Врангеля. Раззвонили на весь мир, организовали экспедицию в 1 млн. руб., а оказалось, когда разбросали гальку, что это туша кита. Комуфлет!

Кокки говорил там о своем западном перелете — через океан (на даче).

14 августа

Уже несколько дней не вылезаю от Коккинаки. Готовим статью «Сталин и авиация» (см. стенограмму). Ничего получается, крепко.

Ильюшин мне сказал, что они готовятся к полету, вроде прошлогоднего. Я спросил Владимира. Он помялся (даже мне о заповедных планах он умалчивает, но, видя, что деваться некуда, выкладывает все).

— История такая. Когда мы были 18 июля на даче у Молотова, я спросил Сталина: «А можно теперь слетать на Запад?» Он ответил: «Зачем? Нет смысла. Ваш перелет показал возможности машины. Все равно, что на Запад, что на восток. Каждый человек поймет, что это расстояние машина может покрыть в любую сторону». — «Да ведь хочется!» Сталин засмеялся. «Да и скорость мала 300 км. в час. Этим сейчас никого не удивишь»…

— А если… — тут я замялся и отошел. Ходил с час, прикидывал. Потом через час подошел и спрашиваю:

— А если 350?

Сталин нисколько не удивился вопросу и ответил так, как если бы разговор продолжался.

— Это уже вещь.

— Хорошо. Я вас сейчас ничего не обещаю, ничего не прошу. Сделаю прикидку, проверю. Если выйдет — можно придти?

— Можно.

Вот и готовлюсь Хочу пройти на 5000 с двумя тоннами. Трудное дело: выкидываю баки, чтобы разместить мешки, бензину беру в обрез, а расход по сравнению с прошлым годом повышается. Ух… Вот только не знаю, кого штурманом взять — Сашка в отъезде…

Пообсуждали. Остановились на Данилине. Поговорили вообще о штурманском деле. Я высказал мнение, что штурману

нужно кроме знаний — чувство места (вроде чувства земли у летчиков). Володя согласился и рассказал о чувстве (чутье) любопытную историю:

— Вот сегодня (14 августа) я испытывал новые моторы. Нужно было снять характеристику скорости на разных высотах. Снял на двух и, оборвав испытания, вернулся на землю. Вылез и говорю: «Разберите правый мотор, по-моему, у правого верхнего цилиндра (а их 14) поршень начал гореть».

Приехали моторщики. Выслушали меня.

— Приборы показывали нормально?

— Да.

— Масло?

— В норме.

— Шум, перебои?

— Нет.

— Что же?

— Чутьем чую и могу твердо сказать, что в следующем полете мотор рассыплется в воздухе.

Не верят Вот завтра снимут мотор — позвони. Уверен, что не ошибся, хотя никаких сигналов нет, вот только стрелка оборотов чуть качалась.

Он рассмеялся:

— Вот в прошлом году у меня забавно получилось. Хотел я прикинуть скорость на 2000. Вдруг мотор начал сыпаться. Цилиндр за цилиндром — чик, чик. Вскоре один совсем кончился. Я был километрах в 150 от Москвы. Домой. Тяну на одном, он тоже сыпется, но знаю, что дойду. Долетел. Посмотрели — 8 цилиндров осталось.

— Вообще, в воздухе случается все. Нужно быть всегда готовым, а для этого знать, что машина может выложить Иначе — хуже. Я не говорю паника это для валетов, но можно принять не самое хорошее решение. Вот когда летели в прошлом году на 5000 — ведь по сути дела надо было прекращать полет. У меня начали вылетать один патрубок за другим, огонь хлещет, магнето барахлит. А я знал машину и поэтому летел.

Рассказал интересные вещи о посещении Сталина перед полетом на Восток.

Сталин спросил:

— Вы отдыхали в этом году?

А у меня петрушки было по горло. Машину задержали, бензин подсовывали не тот, я говорю — не возьму. Они мне — вы испытайте. Я: не буду, хотите испытать — наймите самолет, летчика. Начали испытывать — моторы полетели. Они в кусты — никого нет. Присылают спецрезину — рулю — лопается.

Поставил второй сорт — держит. Почему? Моторы — не те. Все сам, сам, сам.

Я и говорю Сталину — некогда было, сам готовил машину, сам проверял все, ибо у меня такая привычка. Он одобрительно заметил:

— Правильно. Пока сами все не проверите, пока не будете убеждены, что все до последнего винтика действует безотказно — не летайте.

И добавил:

— Мы потому так и доверяем Вам, что знаем, что вы все сами проверите и предусмотрите.

Каждый раз Владимир рассказывает мне новые подробности о восточном перелете. Он взял с собой таблетки колы. Никогда раньше не ел и решил не пробовать до полета, чтобы усилить действие самогипнозом. «Десять часов я в любых условиях летаю без всяких признаков усталости, абсолютно свободно». Поэтому через 10 часов съел одну, еще через час — другую, затем, примерно через 1,5 часа (некогда было) — третью и т. д. Ждал действия — незаметно, но и усталости все же не чувствовалось. Втыкал и втыкал. Только пить очень хотелось — сказывалась высота, сохло горло. Все время требовал от Сашки термос с кофе. Один раз ошибся — чай с коньяком. К черту!

Прилетели не место. Я вышел из самолета. Люди гурьбой, пыль. Закурили. Я говорю: «Уйдите, дайте поглотать кусок воздуха». Ушли. Лег под плоскость, дышу. А усталости все еще нет. Пошли в штаб. Еда. Ничего не хочу — пить. Выпил жидкости стаканов 20. И спать. Уснул мгновенно. Через 7 часов проснулся. Ночь. Пить! Стаканов 12. И опять спать — часов восемь. Проснулся — огурчик!

А Сашка немного слабоват. Ведет и чувствует место отлично. Я убедился в этом в прошлом году и доверял. Но все же положил перед собой простенькую карту из ученической тетрадки и контролировал. На себя надеюсь: никогда не плутал. А часов через 20 полета спрашиваю: «Где мы?» Говорит: «У озер». Я думаю — ошибся.

Затем принес показал его книжку, изданную Детиздатом, восхищался рисунками Дейнеки. И впрямь хороши! Показал книги, купленные на сессии. Восхищался «Стоит ли им жить» Крюи.

— Тяжелая книга, страшная. Но очень много добросовестного материала. Прочти обязательно!

Речь зашла о многомоторных самолетах.

— Я считаю, что у них — будущее. Но на высоте. Иначе — мишень. Вооружение может взять такое, что ни один истребитель

не сунется. Грузоподъемность — великая, скорость — отличная. Ты смотри — американцы сейчас только и строят 4-х моторные «Боинги». Был у нас недавно Линдберг на заводе. Мы с ним много спорили. Он категорически настаивает, что будущий военный самолет — это 4-х моторный, с отличным вооружением.

— Напиши нам статью о девушках!

— О чем писать? Я лучше дам статью «Экипаж дальнего полета». На эту тему никто не писал. А тема — нужная.

— Почему у тебя телефона нет?

— Чтобы не мешали работать.

Чкалов рассказывает, что 18 августа в День авиации Сталин был такой веселый, как никогда.

Линдберг в сопровождении Коккинаки, Слепнева и Мазурука все осматривает столицу. 22 августа ему устроил у себя прием Водопьянов. Были Линдберг с женой, три описанных героя, Фатмонвилл. Сидели несколько часов.

Линдберг не верил, что на полюсе можно садиться (и вообще в Арктике). Водопьянов рассказал о 11 наших посадках.

Затем Линдберг спросил: «Есть ли у Водопьянова дети?»

Михаил ответил: «Пять! Старший — 20 лет — на Чукотке. И не боюсь, что украдут. У нас страна не такая».

— Это счастье, — сказал Линдберг. — Это дороже всего, что может быть у человека.

Говорили о полетах, настоящих и будущих, о Москве. Линдберг был здесь несколько лет назад и находит ее неузнаваемой.

— Я вижу новые улицы, дома, много красивых замечательных советских автомобилей, — сказал он.

Благодарил за дружеский прием.

19 августа

Чкалов рассказывает, что 18 августа, когда стояли на трибуне, он предложил Сталину представить Линдберга. Он, мол, тут.

— Не нужно, — ответил Сталин.

— Но ведь мировой известности человек.

— Не надо, ни к чему, — повторил Сталин.

Как он все провидел!

20 сентября

Почти две недели печатали «Краткий курс истории ВКП(б)». Сидели до 5–7 утра. Особенно много занимала сверка, считка. Пару раз и я считывал полосы. Листы набора напечатаны на машинке и правлены Сталиным. Правка — черным карандашом. Правка всякая: принципиальная, стилистическая. Образцы на читанных много полосах я восстановил (см. архив). Сталин часто

ночью звонил, спрашивал, как идет газета, все ли набрано.

Сегодня утром или вчера вечером он, видимо, снова звонил, ибо редактора дали нам знать, что краткий курс — это не учебник, а УЧЕНИЕ и рассчитан главным образом на интеллигенцию. «Я бы хотел видеть в „Правде“ больше материала о жизни служащих», — сказал Сталин редакторам. Причем, он три раза повторил слово «служащих». Будем разрабатывать планы и темы. Дело новое.

Был у Молокова, обедал. Василий Сергеевич рассказывал о делах, сокрушался о том, что не летает. Вспоминал полет с м. Желания на Амдерму.

— Чувствую, что меня хватит ну еще на час. А когда сели — выскакивает Ивашина, жмет руку: «Ну спасибо, В.С., я второй раз сегодня родился».[54]

«Ермак» вытащил изо льдов все зазимовавшие в прошлом году суда, в том числе и караван «Садко» («Садко», «Малыгин», «Седов»), сидевший за 820. На обратном пути «Седов» пришлось одного оставить во льдах, т. к. у него сломано рулевое управление.

Несколько дней назад Шмидта и Папанина вызвали в Кремль, к Сталину, Молотову и Ворошилову. и спросили — можно ли вытащить «Седова» без особого риска для спасающих? И решили послать «Сталина» и «Ермака», но с обязательным условием: не зарываться!

Начальник эксплуатационного управления Аэрофлота Захаров рассказал: 24 и 26 июня в день выборов Верховных Советов Союзных республик они, по примеру предыдущих выборов в Грузии (там было 12 июня) собрались послать во все Союзные республики самолеты с комплектом центральных газет, посвященных выборам. Разослали людей, подготовили трассы. Заместитель Молокова случайно проговорился об этом Молотову. Вячеслав Михайлович сказал:

— Не советую. Поберегите народные деньги.

Несколько дней назад был у Прокофьева. Бодр, вновь женат. Расцеловались. Чувствует себя хорошо, лишь изредка побаливает разбитая нога.

— Принимаюсь за старое. Какой мы красивый полет сделаем. Американцев побьем так, что долго будут помнить. Рекордную высоту гарантирую.

27 сентября

Три дня назад Гризодубова, Осипенко и Раскова начали свой дальний беспересадочный полет на самолете «Родина». Записать об этом было все некогда, сейчас хочу вспомнить кое-что.

Разговоры об этом полете были давно, еще до моего отпуска

(в июне). В августе мы решили взяться за подготовку. Срок вылета намечался на 20 августа. Девушки жили конспиративно в доме отдыха НКАП в Подлипках. 12 августа я с Богорадом завалились туда. В столовой застали Гризодубову и Яковлева. Поговорили, договорились явиться на следующий день. Явились. Я сел с Расковой, Сенька — с Осипенко, Ходаков — с Гризодубовой. Командир и Осипенко рассказали о встречах со Сталиным, о приеме на даче Молотова 18 июля, Раскова — о трассе. Поговорили мы с ней о нашем полете к полюсу, она очень высоко оценила Ритсланда.

— Маршрут? Москва — Хабаровск. В успехе не сомневаюсь. От Красноярска пойдем через Душкаган. Это — труднее, но короче на 500 км. Нас не хотели туда пускать. Сталин узнал — разрешил.

Затем снимались, болтали. Скоро пришли инженеры заниматься по теории. Мы уехали. Дело у них не клеилось. Машина долго была не готова. Девушки нервничали, летали на дублере.

Наконец, в начале сентября, переехали в Щелково. Мы приготовили статьи и приехали туда. Гризодубова читала и внесла очень дельную стилистическую правку. В числе другого я написал портрет Расковой. Ей страшно понравилось место, где я пишу, что она в детстве и не думала об авиации, вопреки обычным утверждениям.

— Вот за это спасибо!

Осипенко зло и заслуженно ругала портрет, написанный Лапиным и Хауревиным.

— Они хотели дать лирику и не получилось.

Затем Полина предложила нам использовать ее дневник подготовки, который она систематически вела. Я с радостью согласился. Уезжал я оттуда с некоторым недоумением: особой дружбы в экипаже не чувствовалось. К слову сказать, Осипенко поведала об одном тяжком событии, случившимся с ней. Они купались там на озере Медвежьем. Мать Гризодубовой начала тонуть. Полина бросилась ее спасать. Та схватила спасителя и обе захлебываются.

— Уже круги в глазах пошли.

Еле их вытащили.

За день до старта я снова был в Щелково. Напомнил Осипенко о дневнике.

— Пишу, и сегодня допишу. Завтра получите.

И верно, хоть хватало у них дел — честно написала.

Утром в день старта, как только они проснулись, я снова зашел к ним. Поздоровались. Вид у них был очень озабоченный.

Они одевались, пристегивали револьверы. Прочли письмо Сталину, подписали.

Осипенко на ходу прочла обработанный нами дневник, попросила добавить о людях, готовивших машину.

— Как погода? — спросил я Раскову.

— Хороша. Летим,

Вошел Антонов.

— В вашей кабине стрелка индикатора радиокомпаса отклоняется слабо, сказал он Расковой.

— А в пилотской?

— Нормально.

М.М. Каганович начал припирать.

— Ничего, — ответила Раскова, — не страшно. Я, в крайнем случае, лишаюсь только боковой пеленгации.

— А может быть на завтра? — спросил Каганович.

— Нет, надо лететь, — сказала Гризодубова.

И они улетели.

Осипенко собирала №№ «Правды» в которых публиковалась «История партии». Как-то дня за три до старта она с горестью заметила, что кто-то задевал три №№ «Правды». Тогда она попросила меня привезти на старт недостающие №№. Я привез.

27 октября

Сегодня экипаж «Родины» вернулся в Москву. Прямо с вокзала их повезли в Кремль. Прием был небольшой, интимный, в Грановитой палате. Отчет о нем написал Кольцов (см. «Правду» за 28 окт) Дополнение к отчету мен рассказывал Коккинаки.

— Подняли тост за меня, как первого проложившего дорогу на Дальний Восток. Я встал, пошел чокаться. Подхожу к Сталину. Он спрашивает:

— Что такой скучный?

Я говорю, что вот, мол, недавно Бряндинского похоронил.

— Да, — отвечает, — нехорошо получилось.

Подходит к Молотову и Ворошилову и о чем-то шепчется. Потом встает Молотов. Предложил выпить за товарищей, погибших при спасении экипажа «Родины», за Героя Советского Союза Бряндинского. Все встали.

Сталин пригласил Громова за стол президиума.

Громов, выступая, сказал:

— Я считаю, что за этим столом могут сидеть только те летчики, которые в идущем году установили хотя бы международный рекорд. У меня за душой в этом году ничего нет. Вот в будущем году, я надеюсь, можно будет претендовать на место за столом.

Все засмеялись, поняли о чем речь.

Выступил Сталин:

— Вот тут выступали Чкалов, Громов, другие. Одни явно, другие молча просят о новых рекордах. Чкалов — летчик безумно смелый просит разрешения облететь вокруг шарика. Коккинаки — тот просит, чтобы ему просто не запрещали, и он несколько раз обернется вокруг Земли. Нет, мы должны очень строго подходить к рассмотрению всех заявок. Но я прошу также жен и близких этих летчиков — удерживайте их.

Был и такой разговор. Сталин спросил Кокки:

— Почему без жены пришел?

И Громова тоже.

Затем он много говорил о матриархате, о том, что женщины сейчас завоевали многие, если так можно выразиться, матриархальные права.

30 октября

Хочется сделать несколько мелких заметок.

Был на днях Шевелев. Рассказал: докладывал Молотову о положении «Седова». Сказал, что походы «Ермака», «Сталина», «Литке» обошлись на много дороже стоимости «Седова»

Молотов ответил:

— Здесь нельзя на деньги мерить. Здесь речь идет о чести советских моряков.

Магид[55] называет Степана Зенушкина — фельдшером экономических наук, Фисунова — военизированным шариком.

Рыклин встретил Левина. Тот носит часы на позолоченной цепочке. Гриша взял цепочку в руки и задумчиво произнес:

— Златая цепь на дубе том.

….. (зачеркнуто) рассказал историю о обследовании психиатрической лечебницы.

— Не сказывается ли близкое общение на врачах?

— Нет, вот разве ординатор заговаривается, утверждает, что он — Иисус Христос, а ведь Христос — это я!

31 октября

В 11 ч. вечера Коккинаки заехал за мной в редакцию и мы отправились к нему. Еще в машине он сразу задал мне вопрос:

— Слушай, в каком часу пришло позавчера постановление о награждении конструкторов?

(СНК постановил наградить Ильюшина, Поликарпова и Архангельского по 100 000 руб. и «ЗИС» у.

— В третьем ночи.

— Все правильно.

— Что?

— Потом расскажу.

Приехали. Сначала, как водится, сыграли пульку. Володя

играл смело, но расчетливо, умно. Затем мы пошли в кабинет. Он оживленно и волнуясь рассказывал:

— Понимаешь, позавчера, около часу ночи (с 28 на 29 октября) раздается звонок. Слушаю. Говорит Сталин.

— Я, товарищ Коккинаки, хочу пред вами извиниться.

— Что Вы, т. Сталин!

— Да, да. Извиниться за вчерашний прием. За то, что Вам такого не сделали.

Я обмер.

— Да что Вы, т. Сталин! Меня встретили и приняли как Бога, на даче, что может быть лучше. И вообще всем доволен. Я стою и краснею.

— Нет, надо было иначе.

— Разрешите, т. Сталин, раз уж Вы позвонили, обратиться к Вам с одним вопросом.

— Пожалуйста!

— Вот тут нелепое положение получилось. Возьмем писателя — с каждого экземпляра книжки получает, драматург — с каждого представления. А вот есть у нас конструктора — немного их ведь — так бедствуют. Ильюшин машину продал, Поликарпов — фамильный рояль.

— Это верно?

— Насчет Поликарпова — мне сказали, а относительно Ильюшина совершенно точно сам знаю. Он, по совести говоря, занял у меня деньги, продал машину и отдал.

— Ну это дело поправимое. Большое Вам спасибо, что сказали. Я не знал.

— И еще, т. Сталин. Вот все заводы наградили, а наш нет. Я летал, ставил рекорды, меня награждают, а людей, которые все это обеспечили — нет. Совестно в глаза смотреть. А ведь завод хороший.

— Это поправимо. Составьте список. А как вообще Ваши дела?

— Ничего. 350 получилось.

— Верно? Это хорошо. Зайдите, поговорим. Нам нужно собраться вместе с Вами и Громовым и поговорить.

— Мне независимо от разрешения нужно готовить машину.

— Когда Вы думаете лететь?

— Нужно, чтобы машина была готова к апрелю. Это значит — готовить сейчас.

— Хорошо, поговорим.

На том беседа закончилась Володька доволен до черта.

— Володя, а когда на высоту?

— Вот погоди, температура упадет. Мне уж неудобно.

Разрешение есть, а я молчу.

— Стаскай меня наверх, потренироваться.

— Ладно. Попозже. Надо.

Затем сидели, разбирали записки о перелете. Он все восхищался точностью Бряндинского. («19:23 будем в Хабаровске» «7:36 — Енисей» и т. д.)

Уехал в три ночи.

1 ноября

Вчера в доме актера был прием в честь экипажа «Родины». Из «Родины» была Гризодубова. Встретила очень холодно, жаловалась, конечно, на газеты: «Все наврано, все переврано».

Из остальных были — Громов, Коккинаки, Ляпидевский, Туржанский, Серов, Слепнев, Головин, Мазурук, Молоков, Данилин, Чкалов, Фарих, Орлов, артисты Москвин, Тарханов, Козловский, Новикова, Церетелли, Лепешинская, Орлова, Гилельсы, писатели Толстой, Фадеев, Кольцов, Катаев и мн. другие.

Ну чествовали там и прочее. Был отличный концерт (Степанова, Церетели, Тарханов, Редель и Хрусталев, Зеленая, Кара-Димитриев и др.)

Затем сели за столы, потом танцы.

Стоим с Ляпидевским и Утесовым. Толя вспоминает, как Утесов выступал в Кремле на встрече челюскинцев:

— Помнишь, Леонид, спели вы все, а затем подзывает тебя Ворошилов и говорит: «Давайте лучше что-нибудь из южных песен».

— Да, как же, — смеется Утесов, — я даже не поверил ушам.

— Ну я ясно слышал. Это и Сталин сказал Климу, — глаголит Ляпидевский. — А потом что творилось в зале, когда ты объявил: «Популярная южная песенка „С одесского кичмана“».

Оба смеются. Затем Утесов рассказывает, весьма выразительно, как накануне, во время торжественного заседания в честь 20-ти летия ВЛКСМ в Большом театре собрались за сценой артисты:

— Все с орденами. А я нацепил свое единственное отличие — значок железнодорожника и иду. Общее смущение. Все всматриваются, затем — вздох облегчения и радостно: «А, здравствуйте, Леонид Осипович»

Переживает Утесов весьма отсутствие ордена. Илья Мазурук рассказывал о готовящейся экспедиции по смене экипажа «Седова».

— Поедем, Лазарь, зимовать. Интереснейшее дело. Корабль вступает в самую драматическую полосу — пройдет мимо полюса. Поедем?!

Я обещал потолковать с редакцией. Хорошее дело. Леопольд сегодня встретил это довольно сухо:

— А кто останется в лавке? — спросил он.

25 ноября

Сейчас вернулся от Кокки. Закончили с ним первый этап работы над книгой — стенографирование его рассказов о перелете. Он опять очень много и тепло вспоминал о Бряндинском. Рассказывал, что ищет сейчас штурмана.

— Главное, чтобы понимал в операторском деле и радионавигации, а штурманом уж я как-нибудь сам буду.

Рассказывал, что перепробовал нескольких — не выходит. Одного возил, возил вокруг Москвы при плохой видимости, вывел на Фили, оттуда прошел мимо Тушина на «наш аэродром — ничего не соображает». Другой стучать не может («Зачем, раз радио есть?»).

Сегодня он вспомнил, как Бряндинский улетал в полет на восток. Один ребенок только родился, второй болел, лежал почти при смерти — он полетел. Скучал, конечно. Зато сколько радости было во Владивостоке, когда узнал, что все в порядке. Прямо на голове ходил в присутствии комфлота.

Сегодня Кокки опять ходил на высоту. Все пытался перебить свой рекорд с грузом.

— Не выходит, Лазарь. Как ни бьюсь, не получается. Прямо ума не приложу, что сделать. Сегодня был на 10. И дальше не идет. Но я его дожму. Мне иначе нельзя — разрешение-то получил. Я уж из-за этого от отпуска отказался.

Вспоминали, как он ездил заграницу и привез обратно валюту. Жена особенно возмущалась: «Сколько чулок можно было приобрести!».

Володя очень гордится своей авиационной семьей. Один брат — Костя — уже летает испытателем на первом заводе.

— Сегодня ушел на высоту и потерялся. Прямо все обмерло: сам летаешь ничего, а тут поди вот…

Второй брат кончил авиашколу, третий — сдает зачеты. «Хочу чтобы в части пошли».

Книжкой очень заинтересован. Каждый раз спрашивает у стенографистки: сколько написали, интересуется, как будет оформлена, хватит ли материала, интересно ли получится.

18 ноября был у меня очень интересный человек — полковник Полынин. Он бывал заграницей, был в Испании, в Китае. Рассказывает много занятного. Кое-что мы опубликовали.

Вчера Коссов во время дежурства рассказывал о старых репортерах. Был у нас такой Локшин. Его любимая поговорка была: «Я могу писать, как Тургенев, только акцент мешает».

Хочется записать, как внимательно Сталин следит за газетой. Раньше мы много давали петитом и даже нонпарелью. Сталин порекомендовал этого не делать, так как газету читают и люди не шибко грамотные, а им петит разобрать трудно.

Бывало давали по несколько клише на полосу. Он заявил, что лучше не перебарщивать — не делать из политической газеты картинку. Одно, много два клише на полосу — и хватит.

Последнее время у нас вся газета состояла их крупных кусков, на каждой полосе подвал. Сталин посоветовал давать не больше одного подвала в номер (и то — публицистический или теоретический), а остальное — мелкий материал, а то трудно газету читать. Это оказалось сделать не так легко. Многие отделы до сих пор не могут перестроиться. В итоге резко возрос спрос на информацию. В иные дни даем по 3 полосы. Все что сдаем — на ходу, инстатум насуенди[56] идет в номер.

18 декабря

Вот и похоронили Валерия Чкалова. Это было страшно и неожиданно. 15 декабря около двух часов дня меня разбудил звонок Мартына.

— Правда, что с Чкаловым что-то случилось?

Я поднял Левку. Немедля позвонили на 22-ой завод. Подошел Громов, очень взволнованный:

— Что-то произошло. Вылетел и не сел. Байдуков вылетел на самолете искать.

Позвонили Белякову. Тоже горячий:

— Что-то случилось, а что — не знаю.

Через полчаса вернулся Байдук, обшарил все, ничего не нашел. Я звонил Кокки — его нет. Славка притих, испуганный.

В 8-20 мне позвонил Александров. Ему сообщили из «Скорой помощи», что Чкалов разбился и доставлен в Боткинскую. Немедленно позвонили Шимелиовичу, гл. врачу.

— Да, верно.

— В каком положении? Живой?

— Труп. Приезжайте.

Страшно. Вызвали машину, поехали туда.

Встретил растерянный главврач.

— Только что был Ворошилов. Пойдемте.

— Как произошло?

— Вылетел, ударился головой в кучу железного лома, перелом основания черепа.

— Смерть мгновенная?

— Да, во всяком случае, исчислялась минутами. Я позвонил Поскребышеву. Привезли проезжие.

Пошли во временный приемный покой. Мороз, ветер, 24о.

В комнате приема хирурга на кушетке, обставленной цветами, лежал Валерий. Тело закрыто простыней, голова обложена ватой. Руки сложены на груди под простыней.

Раны над правым глазом, он почти прикрыт ватой, ранена верхняя губа. Лицо опухло, неузнаваемо, чужое, проступила борода. Можно узнать только в профиль. Левка заплакал. Я с трудом сдерживался. Долго смотрели.

Вышли.

В 6 часов вечера я позвонил Байдуковой. Она уже знала, еле говорила.

— Каждую минуту забегают дети Валерия. Ждут обедать.

Позвонил Егор, позвал Левку ехать к Ольге Эразмовне. Лев ходил по комнате и дул на руки, волнуясь. Уехал. Приехал, рассказывал тяжкое. Собрались Байдук, Беляков, Локтионов, Громов. Вбежала лифтерша и сказала, что ей кто-то уже сообщил. Вошли.

Она бегает по комнате с Валерией.

— Где он, я хочу на него посмотреть!

Мечется и рыдает Игорь.

— Не верю, не верю!

Потом ушли. Игорь прибежал к Байдукову.

— Дядя Егор, так это правда? Неужели папы больше никогда не будет? Неужели он никогда не придет?

Байдукову позвонил Ворошилов.

— Напишите некролог. Душевный, хороший. Забудьте, что я буду его подписывать. Пишите так, как будто пойдет от Вашего имени.

Я позвонил героям, попросил приехать. В 8 часов вечера приехал Кокки и Ильюшин. Продиктовали статьи.

— Как ты думаешь, Володя?

— Я этот мотор знаю. Новый. Очень нежный, быстро отзывающийся на температуру. Зашел на посадку — на планировании переохладился. Дал газ, чтобы подтянуть на моторе — заглох. Машина тяжелая, утюг — никуда не спланируешь, высота малая. Вот и все ясно. Убежден. Да, потеряли Вальку.

Приехал Кренкель, очень расстроенный. Привез некролог за подписью полярников. Дали телеграмму Папанину в Кисловодск о том, что ставим его подпись. Он немедленно вызвал нас по телефону, продиктовал статейку.

Я позвонил Юмашеву. У Андрея — беда: у Марии Петровны открылся хбу,[57] она в санатории, дочь оперировали, началось воспаление брюшины, t = 39,5°. Андрей мечется, сам не свой, дежурит в больнице: «Это страшно потерять дочь», но сразу

приехал.

Ночью в 2 часа заехали Байдуков и Беляков — продиктовали подвал. Убитые.

Непрерывно звонки, вся Москва знает.

Пришло соболезнование ЦК и СНК, сообщение правительства. Дали три полосы. Кончаем в 9-10 утра.

На следующий день — тоже. Вчера — тоже.

Вчера я поехал возложить венок от «Правды». Привезли, установили. Долго смотрел в лицо. Торжественно, народ, чувствуется тяжелая скорбь. Как его все любили!

Игорь не пошел в Колонный зал.

— Не хочу видеть папу мертвым!

Это хорошо: он останется в его памяти живым.

Вчера был Супрун. Он — член правительственной комиссии по расследованию причин. Назначен лично за подписями Сталина (ЦК) и Молотова (СНК). Сидели двое суток. Картина рисуется так: испытывал новый истребитель Поликарпова. Взлетел, сделал два круга, зашел на посадку, сдал мотор. Гробанулся в 500 метрах от аэродрома. Валя видел, что бьется. Садил машину на крыло, чтобы амортизировать удар. V~200 км./ч. Огромной силой вырвало вместе с сиденьем, пролетел 25 метров с головой в железный лом. Пролом черепа, сдвинулось сердце, печень.

— Если бы земля — может быть остался бы жив, — говорит Супрун.

Взлетал отлично, садился уверенно, опробовал мотор и взмыл.

Вчера в карауле стоял Сталин, сегодня нес его урну. Он очень его любил. Брат Чкалова — Алексей — заехал ночью в редакцию, рассказывает, что Сталин у стены поздоровался со всеми родными, обнял и приласкал Игоря.

Вспоминаются некоторые встречи с Валерием.

Перед полетом на восток в 1936 году Валерия больше всего интересовали условия полета над Охотским морем. В Москве таких знатоков не было. И вдруг объявился летчик Иванов, который только что приехал из Хабаровска, привез «Форда», переделанного в гоночный автомобиль. Я сказал Чкалову, что вот, имеется специалист по полетам над Охотским морем.

— Кто? — заинтересовался Валя.

— Иванов.

— Какой, «Цыган»?

Он расхохотался и рассказал Байдуку:

— Ты знаешь, что это за птица. В гражданскую войну его послали бомбить белых. Он налетел на фабричный поселок, где был штаб. Сбросил бомбу, она попала в трубу, разворошила все к

черту. Обломками было кругом все поковеркано. Так он, сукин сын, до сих пор уверяет, что целился именно в дыру трубы! Нет, не надо этого специалиста.

1939 год

27 января 1939 года

Долгая мучительная работа над книгой Кокки подошла к концу. Я закончил диктовку, машинистки перепечатку. Позавчера я отвез ее Володе. Он читал две ночи и сегодня правил.

Поправок было немного.

— Понравилось. Читаю и снова все переживаю.

Его страшно заинтересовали перспективы и предложения издательств. Он был чрезвычайно польщен популярностью еще не вышедшей книги.

— Хорошо, очень кстати, если она выйдет в Америке. Когда открывается выставка в Нью-Йорке?

— 30 апреля.

— Так. Значит можно вылетать 30-го же.

— Ты же пишешь 30 часов?

— Меньше.

— А штурмана подобрал?

— Гордиенко.

— Как?

— Так себе. Ему кажется, что много знает.

Он попросил меня изменить формулировку о реальности трансарктической связи, сделать так, что на ней настаивают полярники.

— Я считаю более реальным западный вариант. Иначе не разрешали бы. Елси бы я считал, что проще и практичнее лететь через полюс, то так бы и полетел.

Разговор зашел о «Седове». Я сказал, что собираюсь лететь. Он заинтересовался маршрутом, количеством кораблей.

— Сколько от Москвы?

— 3 200-3 500.

— Только то! А сколько туда надо доставить народа?

— 15. И обратно 15. Немного груза.

— Гм. берусь сегодня вылететь из Москвы на моей машине. Мальчиков посажу в зад. Вечером там сяду на прямую. Утром следующего дня буду здесь. Вот и вся экспедиция. И со своим бензином.

30 января

Сегодня я дежурил по отделу. По редакции дежурил Ушеренко. Ночью я зашел к нему: он разговаривал со Сталиным. Оказывается, Сталин обратил внимание на две телеграммы в Тассовском бюллетене и попросил их дать в газете. Дело было около 2 часов ночи. Хозяин говорил, очевидно, с дачи, комплекта

у него под рукой не было. Яша искал — не то, искал — позвонил опять — не то. Наконец, нашел — то!

— А кавычки в заголовке оставить?

— Нет, можно без кавычек, — ответил Сталин.

Дали на видном месте на 5-й полосе, открыв полосу этим материалом. Звучит!

Звонил мне Шевелев.

— Ну ты летишь или нет? Оставлять тебе место или отдать другой газете? Претендентов много. Решай скорее! Место — одно на всех!

Ночью говорил с Ровинским и Ушеренко. Молчат.

11 февраля

Некоторые разговоры происшедшие за последние дни:

1) Звонит Водопьянов:

— Ты летишь?

— Собираюсь. На твоей машине.

— Что ж, машина хорошая.

— А как дальний вариант?

— Это с о. Рудольфа.

И сегодня в ГУСМП (гл. упр. сев. мор. пути)

— Миша, когда летите?

— Не летите — ты ведь тоже идешь! — а летим.

2) С Юмашевым:

— Как дела?

— Готовимся. Раньше всех грек подойдет.

— Меня возьмете?

— Только на стабилизаторе есть место.

3) С Байдуком:

— Слышал, что на «Седова» собираешься. Хорошее дело.

— Думаю. Вы же не возьмете?

— Нет. Тут еще теснее. На старой еще можно было подумать. А тут впритирку.

— Про наш дальний вариант знаешь?

— Слышал. Что ж, правильно. Какое там расстояние?

- ~3 500.

— По-моему, больше.

— Нет. Считай — 32 градуса.

— Да, верно. А запас?

— На 27 часов.

— Ну тогда хватит и запас есть. Без запаса лететь нельзя. Мало ли что понадобится: обойти чего-нибудь, обогнуть фронт.

— Ну, там выберем. Оттуда виднее.

— Еще бы, выше — лучше видно. А когда ты мне свои книги дашь?

— Лежат.

— То-то. И я заканчиваю книгу о Вальке. Могу дать отрывок Узнай. Больше писать ничего не могу. Некогда. Завтра к тебе с аэродрома заеду.

(не заехал)

4) С Федоровым:

— Я считаю, лететь незачем. Идут нормально. Все в порядке. Люди здоровы. Изменения по сравнению с «Фрамом» (корабль Амудсена — С.Р) уже ясны по первой половине пути. С остальной справятся.

5) Ночью у Ровинского:

— Лететь нам не к чему. Надо просто заполучить человека и все.

Обидно!

6) Вчера был Шейнин. Мы напечатали два его судебных очерка: «Дорожный случай» и «Унылое дело».

— Вдруг Вышинского вызвали к Молотову. В.М. спрашивает: «Вот т. Сталин интересуется: тут в „Правде“ были напечатаны рассказы про замечательную работу следователей. Почему вы их не отмечаете?»

Вышинский ответил: «Мы их премировали месячным окладом». — «Да нет, не то, надо представить к орденам» — «Слушаюсь».

Вышинский замешкался: на следующий день у Молотова напомнили. Замечательно!

12 февраля

Несколько воспоминаний о Чкалове.

1) Пришел я прошлым летом к нему на дачу. Вечер. Валерий сидит на террасе. За столом — Менделевич с женой. Валерий обрадовался:

— Вот, знакомьтесь: Это Лева Бронтман. Летал на Северный полюс. Журналист, с редким характером. Остальные все переметнулись к новым героям. А вот он, да еще Левка Хват держаться, не забывают старых друзей. Садись, Лева! Пиво будешь пить? Лелик, дай стакан!

— Что ты Лазаря Константиновича Левой зовешь? — вмешалась Ольга Эразмовна.

— Для меня он Лева.

2) За неделю до отлета на Полюс я ехал вместе с Валерием в машине домой. Он внимательно слушал мой рассказ, расспрашивал о машинах. Затем сказал:

— Жалко мне тебя. Разобьешься, погибнешь.

— Почему?

— Да сесть там нельзя. Уверен. Я ж эти машины знаю.

Думаешь — только на истребителях летал? Чкалов на всем летал. Я тебе больше скажу: в Забайкалье (? Л.Б.) я на этих машинах пикировал. У всех глаза на прическу полезли, когда увидели (он засмеялся). А сесть там негде. Разобьетесь. Я знаю, на чем надо лететь.

— На чем?

— На «ТБ-3» надо планеролеты на буксире тащить. Больше, можно со всем барахлом. Они там отцепятся и сядут легко. А так — гроб.

— Брось, Валя! Я еще с тобой полетаю.

Он рассмеялся, обнял меня:

— Ну, счастливо. Ни пуха, ни пера!

По возвращению из экспедиции я ему напомнил об этом разговоре. Он смутился:

— Я ж шутил тогда.

3) Во вторую годовщину полета по Сталинскому маршруту я послал ему приветственную телеграмму. Он был очень растроган:

— Только ты, да Левка вспомнили. Вот спасибо, ребята!

— Валя, пошли телеграмму Фетинье Андреевне.

— Пошли сам, я замотаюсь. Вот обрадуется старушка. Ты знаешь, она нам в Америку поздравление прислала.

4) В 1937 году летом я встречал на границе Чкаловскую тройку, возвращающуюся их Америки. Вечером с начальником заставы выехали на пограничный разъезд Колосово. Вышли на перрон. Тихо. В 40 шагах — арка, граница. Пограничники по привычке разговаривают тихо, огонек папиросы прикрывают горстью.

Вот далеко послышались шумы поезда. Через несколько минут он уже подкати к платформе. В ярко освещенном окне видны ребята. Чкалов, перегнувшись, рассматривает темный перрон. И вдруг — закричал:

— Бронтман, черт! — это были его первые слова.

Бросились в вагон, расцеловались с ним, с Байдуком, с Беляковым поздоровались. Через несколько минут были в Минске. Митинг, встречи. За Минском Валерий утащил меня в свое купе и начал расспрашивать о Москве, о редакции, о приятелях. Интересовался подробностями нашей экспедиции.

5) Накануне октябрьской годовщины 1938 я позвонил ему домой по поводу какой-то статьи. Он разговаривал очень сурово:

— Ты что такой мрачный?

— А ну вас к черту. Вам Чкалов нужен только как автор. А так — он пустышка. Даже заходить перестали.

— Да ты дома совсем не бываешь!

— Для друзей я всегда дома. И хотя сам сейчас не пью, а

водку и коньяк держу. Погоди, понадобится вам еще Чкалов.

Еле помирились.

— Но так и знай: не зайдешь — до свидания!

6) После встреч со Сталиным он ходил торжественный, какой-то посветлевший.

— Ты знаешь, какой это человек!

Как-то я был у него на даче. Валерий ходил скучный.

— Вот сижу, думаю товарищу Сталину (он всегда говорил «товарищ Сталин») письмо написать. Короткое, в несколько слов: «В будущем году нам молодежь будет учить не на чем». Он поможет.

7) С год назад сидели у меня, пили. Я с Левкой вспрыскивали квартиру. Были с женами Чкалов, Байдуков, еще кто-то. Валерий основательно выпил. Увидел мой портсигар с инкрустацией из кости. Достал перочинный нож, раскрыл, начал отковыривать. Сам искоса посматривал на меня. Я молчу. Отковырнул. Молчу.

Полез целоваться:

— Молодец! Выдержка летная!

Начал танцевать с Зиной. Крутанул так, что оторвал доску у письменного стола. Долго огорчался. Затем начал хвалить Зину:

— Заме-чательная у тебя жена. Заме-чательная просто. Ты ее береги. Смотри у меня!

Потом захотел музыки. Пианино стояло в столовой. Там спал Славка. Осторожно, чтоб не будить, Валерий один вытащил пианино в соседнюю комнату и довольно улыбался, когда его хвалили за силу.

— Я в молодости и не такие вещи таскал.

8) Несколько раз мы с ним собирались на охоту слетать на самолете:

— Обязательно полетим!

Но каждый раз не удавалось.

9) Позвонил я ему:

— Валерий, надо выступить у нас в доме культуры. Собрались рабочие.

— Хорошо. Хоть занят, но сейчас приеду.

И замечательно рассказал о пребывании в Америке.

— Валя, что ж ты об этом не напишешь!

— Руки не доходят.

10) Встретились на футболе на «Динамо». Отозвал в сторону:

— Ну, как будто с полетом вокруг шарика выходит. Обещают помочь.

Через неделю мрачный:

— Нет машины. Не успеют в этом году. Вот беда!

11) На каком-то торжественном собрании сидим в комнатке,

курим. Валерий, Егор и я.

— Егор, к вам на завод просится Головин. — (я)

— А я уже Юмашева взял.

Валерий встрепенулся:

— Зря, лучше бы Головина. Хороший летчик, молодой, летает хорошо и летать хочет. А это — большое дело.

12) На вечере в Доме актера. Зашли с Валерием в уборную. Там отхаживались с каким-то упившимся. Валерий сразу всех разогнал:

— Пустите! Дайте мокрую салфетку.

Тот буйствовал…

— Как его зовут? — спросил Чкалов.

— Александр Георгиевич.

— Слушай, Саша, ну перестань, — начал он его уговаривать. Через минуту тот утих. Валя долго еще за ним ухаживал.

13) Во время подготовки к полету по Сталинскому маршруту я как-то (1936) приехал в Щелково ночью, около 12. Чкалов не спал. Посидели, поговорили. Потом я подошел к кровати Байдукова и разбудил его по какому-то поводу. Валерий обиделся на меня страшно и помнил этот случай не меньше года.

— Что ж ты человеку отдохнуть не дал!

Через час я собрался уходить Валя вышел меня провожать.

— Пойду на аэродром.

— Спи лучше, скоро летать.

— Нет, надо посмотреть — как машину готовят. Может, что помочь требуется.

14) За неделю до старта на восток (1936) мы дали его портрет на первой полосе. В тот же день я встретил его на заводе № 39.

Ярый:

— Вы что меня позорить вздумали? Кому это нужно? Думаете купить?

Потом отошел. Попросил прислать номер.

15) Очень перед этим полетом интересовался моими наблюдениями по экспедиции «Садко». Особенно по ЗФИ (кстати, перед отлетом Н-209 Виктор Левченко тоже усиленно выспрашивал у меня об условиях посадки на о. Рудольфе, просил вычертить план острова, условия посадки около зимовки, если купол закрыт туманом). Просил книги по Северу привезти.

16) О Леваневском он рассказывал с грустью. Основной причиной считал штопор.

— Ему надо было обратно, к папанинской зимовке двигать.

Вместе с ним написали статью о причинах гибели «Н-209» (см. в папках). Потом она ему не понравилась Орал на меня. Мала!

17) Очень любил и болел за автодело. На даче:

— Ты займись им. Я к тебе ребят направлю. Надо помоюсь и разнести всех, кто мешает.

12 февраля

Вспоминается одна встреча с Ворошиловым.

Я был на заводе № 1, когда неожиданно приехал Клим Ефремович. Он пошел по цехам. Я с ним. Ворошилов внимательно осматривал самолеты, примерялся, спрашивал — удобно ли сидеть в задней кабине, удобно ли стрелять, выяснилось, что неудобно.

Директор завода решил показать работу бомбосбрасывателей. Залез в кабину, крутанул, бомбы не сбросились.

Ворошилов засмеялся.

12 февраля

Пора, пока не забыл подробности, записать встречу нашей экспедиции 25 июня 1937 года на центральном аэродроме. Прилетели, вылезли. Отвезли нас на автомобилях. Расцеловались с женами. Позвали на другую трибуну.

Поднимаюсь — Буденный:

— А, здорово!

Расцеловались. Вряд ли он меня помнил. Но ничего.

Шмидт построил всех в очередь. Мы продвигались вперед. Там стояли Сталин, Ворошилов, Молотов, Хрущев. Шмидт всех рекомендовал. Подошла моя очередь.

— Тов. Бронтман, спец. корреспондент «Правды».

Сталин пожал мне руку, очень внимательно, серьезными, проникающими глазами посмотрел и расцеловался. Дальше сразу я попал в объятия Ворошилова.

Шмидт начал: «Спец. корреспондент „Правды“ товарищ…»

— А, товарищ Бронтман, — весело сказал Ворошилов.

— Здравствуйте!

Расцеловались. Калинин и Хрущев сердечно поздоровались.

Последним шел в очереди штурман Рубинштейн. Он носил тогда бороду.

— Бородой начали и бородой кончили, — рассмеялся Ворошилов (намек на Шмидта? С.Р.)

Сталин и другие оживленно разговаривали. Вдруг Сталин заметил в толпе какого-то конструктора.

— Почему он не на трибуне. Надо позвать.

Потом Сталин взял на руки сына штурмана А. Волкова, снимался с ним.

Когда вручали ордена, М.И. Калинин поздравил меня:

— Поздравляю вас, тов. Бронтман!

А потом, когда официальная часть закончилась, мы с ним еще

немного поговорили.

— Растет семья орденоносцев «Правды», Михаил Иванович.

— Да. Это очень хорошо. Очень я люблю «Правду», хотя по положению должен больше любить «Известия». Вот и Вы тут сейчас не только пишите, как обычно, а сами — участник торжества. Желаю Вам второго ордена.

21 февраля

Сегодня весь вечер сидел у Кокки. Был у него Корзинщиков с женой, гоняли пульку. Володю то и дело отрывали к телефону: звонили из СНК РСФСР. Он горячился, кричал в трубку: «Как вы можете, я же с Молотовым договорился и Вяч. Мих. обещал дать 400 тыс. на электростанцию!»

Это — всё депутатские дела. Он переживает за них, бьется. Сегодня рад: добыл деньги на электростанцию, канализацию Керчи, водопровод, трамвай, еще что-то.

— Недавно был я у Молотова. Говорю: так и так, нет денег на электростанцию. «Позвольте, — отвечает В.М., - вы же мне в прошлом году говорили, что деньги есть, а нет маршалов?» Вот память! Ну, объяснил, что не успели их использовать — их и забрали.

— Потом стали мы с ним говорить о тамошней станции. Я говорю: «Безобразие, ее мазутом топят. Это же варварство, расхищение народных средств». Потом про мульты[58] заговорил. Молотов смеется: «Вон какие вещи начали знать!» — «Ну как же, В.М., приходится».

— А через пару дней прихожу к Ворошилову, чего-то ему рассказываю и мельком заметил: я об этом Молотову докладывал. Ворошилов смеется: «Да, он нам рассказывал».

Много говорили о всяких планах.

— Я все-таки думаю, что мой вариант пути самый удобный и эффективный. И кроме того он сухопутнее других, а это в дальнем регулярном сообщении очень важно.

— Что ты смотришь на меня жалобными глазами. Не возьму. Вообще ваш век кончился. Это последние корабли доживают свой век, сейчас все больше идут одноместные, двухместные. Тут повара, буфетчика, журналиста не возьмешь. Иди, Лазарь, по морским делам.

Я сказал, что собираюсь поднять два дела — батисферу и экспедицию к Юному полюсу. Ко второму делу он отнесся очень скептически, а первым сильно заинтересовался.

— Это — настоящее дело. А как, а что?

— Счастливец вы, — сказала Валентина Андреевна, — каких чудищ увидите.

— Вот только трудно рассчитать конструкцию.

— Не думаю, — сказал Володя — кислородное питание — ерундовое дело, быстро можно сделать. Стенки, чтобы не раздавило — тоже технически мы в силах. Это дело реальное. Молодец, держись.

Сообщил ему о письмах, требующих запретить знатным людям испытывать машины. Он заволновался неподдельно:

— Это неправильно. Мы накопили огромный опыт. Полет на серийных машинах безопасен и необходим нам в качестве тренажа. Полет на опытных опасен, конечно, но для нас — менее опасен, чем для других. С нами меньше может приключиться в воздухе. Ну, соотношение — примерно — 30 к 70. Лишить нас серийных полетов — это значит выбить из формы, снизить квалификацию, заставить застыть.

Деньги мы получаем за серию, но это ерунда. Мне вон сколько раз предлагали с сохранением среднего занять пост директора и прочее. Нет, ты меня расстроил, неприятный осадок.

27 февраля

Сегодня утром, в 11 часов, мне позвонили о том, что умерла Крупская. Лишь вчера мы отмечали ее 70-ти летие. 23-го Железнов договорился с ней о моем приеме — я должен был написать «В гостях у Крупской». Она отнекивалась:

— Не люблю я юбилеев.

Приехал в редакцию — позвонил Тюркину. Он рассказал, что 24-го в Архангельском она почувствовала себя плохо. Ее привезли в Кремлевку, 25-го она была без сознания. 26-го пришла в себя, говорила о политпросветработе, собиралась написать в «Правду» статью о воспитании молодежи. Говорила врачам:

— Уж как вы хотите, а на съезд я обязательно поеду!

Я составил план, договорился с Ровинским — две полосы.

Позвонил Жемчужиной:

— Твердо не обещаю. Слишком свежа еще рана.

Но написала.

Позвонил Бадаеву:

— Хорошо, Сколько? Попробую.

И несколько раз потом звонил — подошла ли?

Позвонил Кржижановскому. Он всю ночь провел около нее. Говорил измученным голосом:

— Не могу…. Вы же должны понять меня… Такое несчастье… Для «Правды»… Ну хорошо, это мой долг… Если справлюсь с собой, напишу.

И написал очень тепло.

Пришла делегация старых большевиков. Живая история партии. Принесли короткую заметку со многими подписями. Долго расшифровывали фамилии. Возглавляли делегацию

НарКомХим могучая двухорденная Швейцер и….

— Это — такой-то. Фамилия? А это разве не фамилия? Ах, да, это партийная кличка. Нет, фамилии его не знаем. Имени, отчества тоже не знаем.

Потом всю ночь звонили, присоединяли подписи. Старый большевик Моисеев, на квартире которого Ленин и Крупская жили в Женеве, Пискунова — ведшая с Крупской шифрованную переписку и другие.

Кончили в 7 утра.

10 марта

Сегодня открылся XVIII съезд ВКП(б). Я дежурил по отделу и по считке. Мобилизовали еще 15 человек на это дело. Доклад Сталина был сдан в набор очень быстро, примерно через час-полтора после окончания его выступления на съезде.

Часиков в 8 утра мы начали считывать по полосам с оригиналом и ТАССом. И несмотря на усиленную корректуру, нашли довольно много ошибок и опечаток. Затем считывали в машинных оттисках. Моя полоса — первая — зажглась в 10–40. Окончили номер в 11–40 дня. Итого разбирали 24 часа без перерыва.

В ночных разговорах вспомнили интересный факт, облетевший в свое время всю летную Москву.

Во время Дня авиации в Тушино в 1936 году летчик А.Алексеев решил блеснуть. Он вошел в штопор, с тем, чтобы из последнего витка сесть, не выходя из штопора. Маленькая неточность (он потом объяснял мне, что нога соскользнула с педали) и самолет вмазал в реку. Машина была разбита.

Алексеева вытащили Он сразу подошел к стоявшим на трибуне Сталину и Ворошилову (которые с явным волнением и тревогой следили за этим происшествием) и четко доложил под козырек:

— Товарищ народный комиссар, летчик Алексеев разбил машину по собственной вине.

Сталин прервал его, сказал, что тут вины особой нет, что летчик знал о том, что за его полетом следят видные люди, и волновался. В общем, успокоил.

Через некоторое время кто-то из осоавиахимовских деятелей докладывал т. Сталину о разных делах. Сталин вдруг спросил:

— А что поделывает тот летчик, помните, который упал в реку?

— Алексеев? Летает.

— Передайте ему мой привет.

Осоавиахимовские чинуши решили перестраховаться и показать бдительность:

— Но он, тов. Сталин, сын торговца (или кулака)

Сталин нахмурился:

— Ах, так? Тогда передайте горячий (или сердечный) привет!

11 марта

Сегодня давали отклики на доклад Сталина. Мобилизовали писателей. Написали они плохо, не умеют писать для газеты. И знают это, но скрывают.

Л. Никулин был в Промакадемии им. Сталина.

— А, — говорю ему, — у советской интеллигенции…

Он вдруг вскинулся.

— Ух, хорошо, что Вы мне напомнили. Я забыл об этом указать.

И добавил затем смущенно:

— Знаете, не блестяще получилось. Тематика незнакомая: промышленность. Я ее не знаю.

Конст. Финн[59] позвонил Лежневу[60] и спросил, нельзя ли отдать свой опус прямо Железнову.

— Почему?

— Да Вам чтение не доставит удовольствия.

И верно. Он был на «Красном пролетарии» — инициаторе предсъездовского соревнования, а никаких мыслей выразить не мог. ТАСС дал лучше.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1939–1940 г

Аннотация: Старт стратостата «СССР-3» Прокофьева, его падение. Отлет Леваневского, его посещение редакции перед полетом. Пропажа его самолета. Встречи и разговоры с Папаниным, Коккинаки, Беляковым, Байдуковым, Молоковым. Застрелился Прокофьев. Отлет Коккинаки в Америку. Гибель Серова. Гибель Мошковского. Гибель Алексеева. Гибель Хользунова. Открытие ВДНХ. Начало 2-ой мировой войны, война с японцами. Действия в Западной Белоруссии, Эстонии и Польше. Приезд Риббентропа в Москву, пакт с Молотовым. Гибель Супруна. Напряжение с Финляндией, начало войны. Гибель Головина и Пионтковского. Война в Европе.

Тетради № 14–15 16.03.39–18.05.40

16 марта 1939 г.

Старт стратостата «СССР-3».

После многих фальстартов, когда мы уже почти перестали верить в реальность этой затеи, Прокофьев вдруг как-то ночью позвонил мне и сообщил, что вылет разрешен и через несколько часов они летят.

Я, Галин и еще кто-то немедленно поехали туда. С вершины Поклонной горы мы увидели яркое зарево прожекторов, рассекающих ночную тьму. Сомнений не было. Мы мчались туда.

Приехали. Пропуска уже были готовы, привезли с собой свежие номера «Правды». Прокофьева и его экипаж я застал уже на поле. Он взял газеты и засунул их за какой-то прибор в гондоле. Ветер, насколько помню, был слабенький. Гигантский баллон быстро наполнялся.

— Мехлис приедет? — спросил меня Георгий.

— Обещал.

Во время предыдущих стартов Прокофьев разработал систему второго старта, т. е. систему двойных строп, вытягивающихся на полную длину лишь на высоте нескольких десятков или сотен метров. Это позволяло уменьшать при старте высоту всего сооружения. Сие было очень важно, так как каждые несколько десятков метров высоты возносили купол баллона в более высокий слой воздуха, где всегда был ветерок.

Кроме того, была приспособлена особая сетка на баллон, облегчающая наполнение стратостата водородом, придававшая баллону большую неподвижность. Снималась она выдергиванием одной веревки. Сетка неоднократно испытывалась при наполнении судов и неизменно давала хорошие результаты.

А тут вдруг заело. Наполнение закончилось, надо лететь, а

сетка не слазит. Послали одного красноармейца на прыгуне посмотреть в чем дело. Он взвился вверх и на высоте 50–60 метров вдруг сиденье под порывом ветра выскользнуло из-под него. Все ахнули. По счастью парень успел уцепиться за одну стропу. Внизу немедленно раскинули и растянули брезент. Но он благополучно спустился.

Послали другого. Какого-то чуваша. Разувшись, он взял в зубы нож и полетел. Забрался наверх, разрезал заклинившую веревку. Опустился вниз. И тут выяснилось, что раскрытый ножу он забыл наверху.

Снова несчастье. Прокофьев рвал и метал. Послали третьего и он привез нож. Георгий долго расспрашивал его — не заметно ли каких-нибудь разрезов, разрывов на оболочке. Все было в порядке.

— Экипаж в гондолу! — приказал стартер.

Они влезли. Началось взвешивание. Прокофьев из окна командовал отлетом, убавлял запас балласта. Наконец, все в прядке. Из люка высовывались Прилуцкий и Семенов. Наш фотограф хотел снять всех троих. Я попросил их соединиться. Они поморщились торопясь, но исполнили просьбу.

Георгий вылез, простился. Мы расцеловались Я ему напомнил о радиограмме в «Правду», передал заранее заготовленный мною текст и текст приветствия.

Уже рассвело.

Раздались обычные команды.

— Дай свободу!

— В полете!

Прокофьев стоял на крышке цилиндрического ствола гондолы, держась за стропы. Под аплодисменты всех стратостат начал подниматься.

— Есть в полете! — крикнул Прокофьев.

Его несло на лесок, по направлению к Москве. Над леском части он вдруг начал немного снижаться, очевидно, попав в какой-то поток. Ребята стравили немного балласта и шар снова пошел вверх.

Я отошел к окошку радиостанции.

— Связь есть! — обрадовано крикнул мне радист.

Шар поднимался. Мы гадали — сколько у него высоты.

— 500.

— 600.

— 700.

— Несет прямо на Москву. Вот москвичи насмотрятся.

Вот они дали воздушный старт. Мы видели, как гондола сразу опустилась вниз и стратостат вытянулся. Что-то он начал

снижаться. Потянулся дымок выпускаемого балласта.

— Это он динамического удара, — сказал стоявший рядом начальник ЦВС.

Но шар все снижался, быстрее, быстрее. Почуяв неладное, я стремглав кинулся за ворота, к своей машине. Через мгновение услышал команду Украинского:

— Все к машинам, к стратостату. Аварийку и санитарку срочно!

Вскочив в свою машину, я крикнул шоферу вперед. Он уже, видя в чем дело, держал ее на газу. Мы ринулись впереди всех по шоссе. И вдруг мостик под нами сел. Машина увязла. Остальные потянулись через лес.

А стратостат падал Больше всего я боялся пожара. Выскочив из машины, я побежал по шоссе. Мимо мчался кто-то из знакомых авиаторов. Он чуть притормозил и я на ходу всочил.

Стратостат упал на территории спортивной площадки поселка соседнего завода. Мы проломились скозь толпу. Она наседала. Я прикрикнул на растерянных милиционеров и красноармейцев — они начали оттеснять, заключили кольцо рук.

Оболочка, повиснув на деревьях, медленно оседала. Гондола лежала на боку. Ивовый амортизатор с одной стороны был сбит и смят до тела гондолы. Видимо, удар был весьма солидным. Но укрепленные на гондоле приборы и колбы для взятия проб воздуха не пострадали. Люки были открыты. Заглянув, я увидел, что приборы, вроде, целы. За одним из них я увидел привезенные мною номера «Правды». Они лежали так, как их положил Прокофьев.

Прокофьев лежал на земле, раздетый, без комбинезона, сапоги сняты. Он приподнялся на одной руке и попытался закурить. Возле стоял бледный и растерянный Украинский.

Георгий, увидев меня, знаком подозвал.

— Как ты себя чувствуешь? — кинулся я к нему.

— Ничего, сойдет, жив. Как ребята? Позвони, Лазарь, сейчас же в Кремлевку, пусть пришлют врачей. Скорее!

Мимо меня на руках пронесли Семенова.

— Где телефон? — спросил я милиционеров.

Они мне сказали, что ближайший есть в клубе. Я перемахнул через несколько заборов. Нашел клуб. Он был закрыт на замок. Заглядывая в окна, я увидел в одной комнате телефон. Рядом со мной бежал милиционер. Я высадил стекло и влез. Он за мной.

Я позвонил в Кремлевку. Сообщил что и где. Сообщил в институт Склифосовского. Там только спросили тревожно:

— Живы?!

Затем позвонил дежурному по НКВД.

Пока добирался обратно, стратонавтов увезли в заводскую поликлинику. Мы кинулись туда. Врач растерянно и волнуясь сообщил, что их уже отправили в Кремлевку.

— Как их самочувствие?

— Прокофьев ничего… У него, как будто, все цело. Семенов без сознания. Прилуцкий жалуется на боль в спине — видимо, повреждены позвонки.

Мрачные мы уехали в редакцию. На следующий день (или через день) было опубликовано коротенькое сообщение об аварии.

Через несколько дней я добился разрешения повидать стратонавтов. Приехал в Кремлевку. Встретили они меня радостно. Прокофьев с Прилуцким лежали в одной палате. Прилуцкий мог лежать только на животе, Георгий немного вертелся. Оказалось, что больше всех пострадал Прокофьев. У него были повреждены два позвонка, появилась временная атрофия кишечника, разбита ступня. У остальных — смещены позвонки, треснуты ребра.

Прокофьев расспрашивал меня о подробностях, видимых с земли, затем рассказал:

— Случилось это на высоте 1200 метров. Мы начали падать. Очевидно, при втором старте как-то задели веревку разрывного. Балласт не помогал. Могли бы выброситься с парашютами, но в таком случае стратостат и приборы пострадали был, а так мы до последней минуты задерживали падение и все сохранилось в целости.

Потом зашел к Семенову. Он лежал в отдельной комнате, в довольно мрачном настроении.

— Боли сильные, — сказал он. — Больше меня беспокоит, что не смогу летать. Врач говорит, что повреждения серьезные.

Я рассказал ему о разговоре с Прокофьевым.

— Чепуха, — ответил Семенов. — Мы выброситься не могли. Слишком долго пришлось бы выбираться, а высота небольшая. Ведь мы сначала думали, что снижение временное и его удастся остановить. Пока пытались — потеряли несколько сот метров. Прокофьев мог выброситься — он стоял наверху, на раструбе, но, очевидно, один без экипажа не захотел.

Пробыли они в больнице несколько месяцев.

18 марта 1939 г.

Надо вспомнить отлет Леваневского 12 августа 1937 года.

В те месяцы, которые предшествовали старту, Леваневский частенько заходил в «Правду». По делу и без дела. Не ладится дело с мотором — идет сюда, нечего делать — сюда, хочет поехать в парк ЦДКА — тоже. Появлялся он обычно с Левченко.

Просил принести нарзана или боржома, шутил, что редакция бедна и он ее разоряет своей жаждой.

Как-то он приехал вместе с Левченко и Кастанаевым к Мехлису. А у меня в это время сидели Беляков и Байдуков. Вот бы их снять! — мелькнула мысль. Поздоровались они прохладно. Лишь Левченко был рад повидать друзей.

Беляков предложил:

— Давайте снимемся старыми экипажами, двумя экипажами (Байдук и Беляков были в первом экипажа Леваневского в 1935 году).

Сигизмунд поморщился. Все нажали. Пошли, снялись.

Леваневский был очень недоволен ходом подготовки. Все ему не нравилось. Да и впрямь так, что-то не ладилось. Шалили моторы, летели патрубки. Он приезжал, жаловался Мехлису, ругал на все корки Туполева.

В подготовку к отлету я включился за несколько дней до старта. Кастанаев и Левченко, а также механики, в это время жили в Щелково, Леваневский наезжал. Около него все время крутился Оскар Эстеркин, пытавшийся полететь с ними. Леваневский тянул.

Как-то в Щелково мы сидели вдвоем с Сигизмундом, обедали. Он мне изливал душу:

— Я не понимаю, зачем нужно ему лететь. Ну что он будет делать? Кроме того, мы ко всему должны быть готовы. Представьте, придется сеть. Ведь это — лишний рот, притом совершенно бесполезный, не умеющий ничего делать. И такой же нытик, как я.

Мы говорили о подготовке, о Лос-Анджелесе, об авиации. Обсуждали полеты Чкалова и Громова. Он с явным недоверием относился к их сообщениям о том, что на 6–7 тыс. встречали облака.

— Я не верю этому. В Арктике не может быть высоких облаков. Я много летал там, изучал по всяким источникам. Когда вы летели к полюсу — вы ведь шли над облаками?

— Да, неоднократно.

— А какая была их высота?

— Не больше 2000–2500 метров.

— Вот видите, тут что-то не так.

К разговору об Эстеркине он возвращался неоднократно, причем с явным раздражением. «Он думает, еби его мать, что это так просто». Как-то он весьма прозрачно намекнул мне, что с большей готовностью взял бы меня.

Много говорил я с Виктором Левченко. Мне нужно было написать его литературный портрет, помочь в статье о трассе.

Виктор рассказал мне биографию, привел наиболее интересные факты, дал для статьи навигационный план (я его переписал, это можно использовать для диалога). Очень интересовался, как выглядят сверху острова ЗФИ, где аэродром на Рудольфе.

— А туманы там часто?

— Да. Тогда там нужно садиться около зимовки.

— А там как сядем? Корабль большой!

— Головин садился на Рудольфе. Думаю, сядете.

— А ну, нарисуй план.

Я нарисовал.

— Откуда заход легче и удобнее?

Показал.

— А как льды у полюса?

За несколько дней до старта они совершили длительный (кажется 10-ти часовой) полет. Леваневский остался недоволен своим пилотом.

— Знаете, — жаловался он мне, — он боится летать в облаках. Старательно обходит каждое облако. Я его силой заставлял входить в облачность. Нет, это не то.

— Почему же вы его взяли?

— Да я не знал. Мне сказали, что он родился с этой машиной, лучше всех знаком с ней. Мне все равно было кого брать, я и согласился.

С другой стороны и Кастанаев не был в восторге от командира и говорил мне:

— Он белоручка. Машину не водит, а только командует. Часть даже без него летали. Куда это годится. Я ему взлет не доверю — сам буду отрывать.

Они улетали вечером, для того, чтобы садиться в Фербенксе в светлое время. Днем, за несколько часов до старта я заехал к ним. Левченко и Сигизмунд сидели запершись и что-то обсуждали. Я зашел к Побежимову. Григорий Трофимович укладывал вещи.

— Ты что такой невеселый? — спросил я его.

— А чего веселиться, — ответил он.

— Василий Сергеевич просил тебе привет передать.

— А, спасибо! — он улыбнулся. — Вот это был командир. Повезло тебе с ним летать. Ешь яблоко.

Скоро все были на аэродроме. Машина стояла уже на горке. Мы лежали на траве втроем — Левченко, Байдуков и я. Байдуков весело рассказывал о парижских впечатлениях, об американских любителях сенсации.

— Ты возьми серебряных денег раздавать — они прямо передерутся.

Виктору идея понравилась. Он заставил нас вывернуть

карманы и собрал рублей шесть мелочи. Принесли папиросы «Заказные». Витя дал нам по одной, остальные отнес в самолет, обрезав наши аппетиты:

— Не балуй!

Подошел Ушаков и Леваневский. Сигизмунд был оживлен, отлично одет, пиджак накинут на плечи.

— Пойдем, покурим. — предложил Леваневский.

— Я только что курил.

— Ну еще одну, последнюю.

Мы спустились с горки. Ушаков задумчиво сказал:

— Завидую я вам, Сигизмунд Александрович.

— Ничего, Георгий Алексеевич, мы еще полетаем. Вот вы бы мне погодку дали хорошую.

— Сейчас неважная, Сигизмунд Александрович.

— Ничего, пролезем. Больше ждать нельзя. Будет еще хуже. Или лететь, или откладывать до будущего года.

Поднялись наверх. Леваневского окружили иностранные корреспонденты. Он коротко информировал их, ответил на вопросы, сообщил, что намерен лететь дальше в Нью-Йорк.

Приехал Мехлис. Поздоровались. Мехлис напомнил ему об обещании корреспондировать, попросил в Фербенксе взять на борт Хвата.

Сигизмунд поморщился:

— Если вы настаиваете, я возьму. Мне бы не хотелось.

Мехлис настаивал. Леваневский согласился.

Наступило время отлета. Я передал Левченко письмо для Хвата, попросил передать на словах о моем разговоре с Чкаловым по поводу Хвата. Мы обнялись, расцеловались.

В 6 часов 15 минут они улетели.

Многие подробности надо взять из отчета, напечатанного 13 августа, из навигационного плана, статьи Левченко и нашего опуса «Как они готовились» он так и не увидел света.

А потом потянулись дни в штабе, бессонные ночи, подготовка и отлет экспедиций на поиски. Я просился лететь, не разрешили.

4 апреля

Сегодня дежурил по отделу. Днем нам стало известно, что вчера Сталин, Молотов, Каганович, Берия, а днем раньше — Ворошилов и Микоян осматривали в Кремле новые автомашины ЗИСа: «ЗИС-102» (фаэтон), «ЗИС-15», «ЗИС-5» (с дизель мотором). Обычно они смотрят очень придирчиво и внимательно. Можно вспомнить, как взыскательно осматривал Серго Орджоникидзе «Л-1».

Я немедленно послал Богорода сделать окно о новых машинах.

Немного позже мы узнали, что сегодня строительство с/х выставки посетил В.М. Молотов. Я послал Дунаевского выяснять. Он приехал и рассказал: Молотов очень внимательно осмотрел все и выругал строителей. Он указывал, что они слишком увлеклись внешним оформлением, забыв о том, что выставка сельскохозяйственная и это должно на все откладывать генеральный отпечаток.

— Почему над павильоном «Сибирь» вы устанавливаете скульптуру горняка? Не надо. Надо показать, что это — вторая житница Советского Союза.

Много он дал таких указаний, всячески подчеркивая целевую направленность выставки.

— Не давайте воли архитекторам, не идите у них на поводу. Они мудрят, а происходит это потому, что не знают сельского хозяйства.

Был вчера у Папанина. Долго разговаривали. Он делился планами. Бушевал, что готовность к навигации только 18 %.

— Сейчас всех разгоню, а план выполню! В море пойду сам, на «Сталине». Буду командовать на месте.

— А что с ВАИ?

— Закрыто. Создали вместо него Управление Гидрографии Северного Морского пути. Это же Сталинская трасса! И нечего мудрить! Изучать все и вся, надо изучать трассу, притом круглый год.

Сидел на днях у Алексеева. шаман страшно возмущался, что отменили экспедицию к «Седову»:

— Очень уж машины хорошо были подготовлены. Впервые готовились по-настоящему.

Зашел разговор о Карском море. Я выразил подозрение на землю на севере «Мелководья Садко». Алексеев поддержал:

— Я не сторонник неизвестных земель. Но там допускаю. А, кстати, Лазарь Константинович, нет ли у вас идеи хорошего полета?

— Есть, на Южный полюс.

— А к чему бы это?

— Ну это херня. Я не сомневаюсь, что специалисты напишут тома в обоснование научного значения, но практически полагаю, что в подсчете количества чертей на острие иголки смысла больше, чем в этой экспедиции.

— Ну по Полярному кругу.

— Это — моя идея. Но сейчас, после Норд-поля это ничего не даст. Придется, видимо, опять в Карскую мотнуть.

Говорил сегодня с Громовым.

— Замотался. Чем ближе к делу — тем больше работы и

сложнее. Повернуться некогда. Вот только на охоту собираюсь поехать отдохнуть.

Разговор с Коккинаки:

— Володя, как перспективы?

— Ох, темен горизонт. Темный-темный.

Разговор с Прокофьевым:

— Пойдут скоро несколько шариков на рекорд.

— А ты?

— Я веду дело так, чтобы к 10 мая все было готово. А там дождемся хорошей погоды — и наверх.

— А я?

— Будешь, будешь плевать на тропосферу.

— Егор, вышла твоя книга о Чкалове. пишу рецензию.

— Хорошо. Только напишите, наконец, что у меня плохо. А то все хвалят без оглядки. Никакой пользы. Вот тут один паренек мне написал домой критическое письмо. так у нас с ним такая переписка завязалась любо-дорого.

19 апреля

Приходится записывать сразу за несколько дней. Числа 8-го я был с Зиной у Кокки. Сидели, играли в преферанс, Володька темнил, садился в темную. Принес я ему мои книги. Перекинулись парой слов:

— Ну как горизонт?

— Темен пока по-прежнему. Тяжело с весом. Ильюшин уперся как бык. Вот сегодня пересчитывали — может не хватить.

— А погода?

— Не говори, — он сдал карты. — Сегодня получили погоду. Раз в сто лет такая бывает. Попутный ветер на всем протяжении. Понимаешь, что это такое? Правда, погода была нелетная.

— Совсем, или….?

— Почти совсем. Но, конечно, лететь все-таки можно было бы. Но очень тяжело.

Через несколько дней я позвонил ему, сообщил, что собираюсь ехать в командировку.

— Куда?

— Астрахань, Махачкала, Туркмения. Не придется ли мне получить телеграмму: «Возвращайся, сукин сын!»?

— Все может быть, Лазарь. Рекомендую, тогда мотай на самолете.

— А давай сделаем так: если состоится, ты за мной по пути заедешь.

Смеется:

— Нет, не по дороге.

— Так выходит или нет?!

— Видишь ли, по расчетам туго, так я решил сам слетать, проверить в воздухе.

— А сейчас что делаешь?

— Лежу. Уже несколько дней — ангина. Скажи людям — не поверят. Ну, играю еще в шахматы.

Заехал к Байдукову. Было сие числа примерно 12-го. Он прочел мне статью к 5-ти летию звания Героя. Слабенькая. Я ему это сказал. Не понравилось.

Первым делом спросил: привез ли я ему давно обещанную книгу «На вершине мира» («иначе статьи не дам»). Привез. Надписал.

— То-то! — с прятал книгу в шкаф.

Кабинет у него большой, просторный. Стоит маленький письменный стол, заваленный книгами. рядом — этажерка, два желтых кожаных кресла, довольно неудобный кожаный диван. В углу — шкаф. на стенах карты — мира, СССР, английская карта Австралии. На окне — глобус, по нему перетянута веревка, опоясывающая земной шар от Москвы до Австралии.

— Хитро придумано. — сказал я.

— Надо снять бечевку, — недовольно сказал Егор, — разговоров больше, чем дела.

Заговорили о Дагестане. Я собирался туда в командировку. Он — депутат.

— Какие темы там напрашиваются?

Егор достал карту Дагестана, начал объяснять:

— Промышленность у них маленькая, Немного добывают нефти, побольше рыбы и черной икры. Это — родина икры. Отсюда она расходится по всему миру. Очень интересно сельское хозяйство. Они сейчас проходят тот этап, который в остальных республиках у нас давно пройден. Там основная задача организационное укрепление колхозов. Сбрасывают скот, а большую часть времени работают в приусадебном хозяйстве. Наблюдается и колхозное батрачество. Очень любопытная форма. Есть очень зажиточные люди. Вот он вносит, скажем, 40 баранов в колхоз, а 40 оставляет себе. И ухаживает за ними, ведет свое хозяйство. Помогает ему другой колхозник, который внес в колхоз только 5 баранов. Да там вообще очень сложные взаимоотношения. Сильна родовая порука, родовая месть. Ты в горах будешь?

— Обязательно!

— Ну куда только не доберешься. А посмотри. Поинтересуйся пастушьей жизнью. пастухи там самый богатый и уважаемый народ. Это не наши голыши. Погляди ГЭС. Ее строили вредительски, да и сейчас там что-то неладно. Если будешь в

Ботлихе — поинтересуйся бурочной артелью. Они там построили баню это величайшее дело для Дагестана. Когда я был — из бани устроили склад. Я настоял, чтобы ее использовали по назначению. Обещали. Интересно — пустили ли?

— А ты сколько раз там был?

— Два. Один раз летал. Забавно получилось. Договорился с Михаилом Моисеевичем Кагановичем, что хочу полететь к избирателем. «Ну что ж, лети. — Аэродром там есть? — Найдем. — Ну тогда ладно.»

Я потихоньку и готовлюсь. Механик незаметно снаряжает машину. Я вот как-то утречком вылетели. А у нас спохватились: и в Наркомат. М.М.Коганович говорит, что разрешил мне, а потом засомневался и позвонил в Совнарком. Там ему говорят «Задержать». Они телеграмму в Ростов. А я там задержался всего на несколько минут. Начальник порта не успел мне передать. Телеграмму в Махачкалу, а я уже снова в воздухе. Прилетел на место, хожу над площадкой в горах, смотрю: прямо хоть возвращайся. Ну нельзя сесть: площадка маленькая, крохотная, а одного края обрыв здоровенный, с другой — скалы. Машина тяжелая — «СБ», да еще горная высота — значит пробег будет в два раза больше. Но делать нечего. Не сесть — прощай доверие, уважать перестанут. Подошел я к самому краю площадки, сел, натянул тормоза, как вожжи. На мое счастье, площадка шла вверх, в гору. Это и помогло. Второй раз так не сяду это можно только раз в жизни. Встретили меня как бога. Шашку подарил какой-то старик, с себя снял, вот кинжал — погляди какая сталь.

Прилетел обратно в Москву. Встретился как-то с Молотовым. Он меня ругает: Мы вас, говорит, за хвост ловили, да не успели.

Затем Егор достал свои книги, начал мне показывать, надписывать:

— Вот тебе «Встречи со Сталиным» для ребят; вот «О Чкалове» — тут много нового: первые главы заново написал, «В Париж» — то же, последнюю — тоже, из полетов опубликованных выбрал то, что относится к Валерию.

— Что ж ты не написал о причинах гибели?

— Чудак, ведь следствие еще не закончено.

— Но картина-то ясная!

— Конечно. Всякий грамотный человек поймет, что сдал мотор. Валерий мог сесть на дома. Это самортизировало бы удар. Но могли пострадать люди. И он сознательно пошел в сторону, отвел машину.

— И валил на крыло, чтобы все-таки спастись.

— Ну да, одно другому не противоречит. Не будь кучи металла — может быть, остался бы жив.

Мы помолчали. На стене висят фотографии Чкалова, встречи на Щелковском аэродроме, экипажа Леваневского с участием Егора (1935 г).

— Ну а как с вашими планами?

— Да неясно все. Сидим, конструируем, занимаемся всем, чем попало. Работы по горло, отвечаем за все я и Громов. Боюсь, что в этом году не успеем. Неясно и что даст машина. Может — полный разворот, может мало тогда махнем в Австралию.

Подошли к карте.

— Вот видишь — вся середина тут совершенно дикое место. И тут не летают. Идут по северу страны. Вот тут где-то городишко есть — это обычная летная база.

Отлично ориентируясь в чужой громадной карте, он нашел это местечко.

— Знаешь, до чего много работы — даже на заводе месяца два не был. А сценарий кончаю. Помнишь «Разгром фашисткой эскадры»? Ничего получается. Только просили они вставить туда девушку и любовь — я наотрез отказался. Ну их!

— На охоту ездил?

— Ходил. Пусто. Подбил сокола. Пойдем, посмотришь.

В ванной сидел сокол. Смотрел настороженно. Байдук подбросил ему мясо. Скосил глаза, но есть не стал.

— Ничего, уйдем — съест. Привык. Его счастье, что я его подбил, иначе сдох бы с голоду. В лесу пусто. С воздуха весны не видно, зима.

17 апреля был у Белякова. Беседовал об индивидуальной гимнастике. Рассказывал об упражнениях (см. беседу), он мне тут же демонстрировал их, получалось складно, хорошо.

Столе его, шкаф — заставлены приборами, хронометрами, компасами. За занавеской на окне — ключ передатчика, наушники, видимо — тренируется.

— А.В., напиши нам статью о Кокки.

— Что ж, хорошо. Этот полет вполне реальный. Ты знаешь, чем больше к нему приглядываешься — тем отчетливее становятся этапы маршрута. Вот этот кусок, этот. И постепенно ярко и совершенно ясным становится весь путь. Очень удачный вариант.

— Жалуется он, что не хватит бензина.

— Хватит.

— Ну а у вас как?

— Глянем. Тяжело идет.

— Ты Гордиенко знаешь, хорош с деловой стороны?

— Безусловно. В 1935 он со мной летал за границу. Знающий штурман.

— Он, кажется, летал на поиски Леваневского с отрядом Чухновского?

— Да.

— И определялся на Рудольфе?

Беляков засмеялся. Тогда отряд просидел две недели на Рудольфе, не зная об этом, давая каждый день сведения о новом месте. Их нашли прожектором с купола. Сраму было!!

— Да, он.

— Когда Кокки пойдет?

— Думаю, что не раньше 28-го. Вчера я был в Ленинграде, отправлял корабль к берегам Исландии, будет там дежурить на всякий случай.

От него я зашел к Байдуков. Егор спал на диване в кабинете, положив под голову летное меховое пальто.

— Здравствуй, садись, дай закурить.

Мы сидели в сумерках и курили. Он просил света не зажигать. Вбежала его девчурка, начала тормошить, он ее ласково потрепал.

— Ну что слышно?

— Да газетчики говорят, что вы собираетесь в Австралию.

— Пусть заблуждаются. Это хорошо.

— Статью о Володьке напишешь?

— Ладно. Только давай тему менее конкретную, а более публицистическую.

— Хорошо. А погода?

— Да вызывали меня и Громова сегодня к Кагановичу. Консультировались. Обещают погоду между 28 им 5 мая. Выскочит. Он завтра в десятичасовой полет идет.

— Как ты смотришь, его трасса годится для регулярной связи?

— Маршрут удобен, но очень северный. Я думаю, что трасса пройдет южнее, хотя там будет и подальше.

— Полет реальный?

Вполне. Он удачно распределил сушу. Над водой лететь не много. Плохо будет только если сдаст мотор и придется на одном моторе идти в облаках, на двух-то он всегда вытянет, а на одном вслепую тянуть труднее. Ну да ведь это грек!

От него я позвонил Коккинаки.

— Володя, мне нужно тебя видеть.

— Понимаю, сегодня не выйдет.

— Что, рано спать ложишься?

— Совершенно точно. Давай послезавтра вечером.

— Хорошо, Ни пуха, ни пера тебе завтра.

Засмеялся.

— Ну ладно, ты уже все знаешь. Спасибо.

Вчера вечером позвонил ему. Летал. Ушел в гости. Он верен себе!

19 апреля

Днем был у Молокова, на работе в ГУГВФ. Встретил меня радостно.

— Как был летчиком — так друзей было сколько угодно, а стал начальником — забыли.

Поговорили с тоской о прошлых днях. Он начал жаловаться на свою канцелярию.

— И кто только бумагу выдумал. Читаю, читаю, с утра до вечера и не успеваю все прочесть. А совконтроль говорит, что не все читаю, обижается. Не знаю, что и делать.

— А пусть обижаются. Работа только тогда действительно хорошая, если обижаются.

— Это верно.

Рассказал я ему о полете Кокки. Заинтересовался и даже позавидовал.

— Хороший полет. А от меня что хочешь?

— Ты должен написать статью о международной линии СССР-США.

— Поможешь?

— Помогу.

— Ладно. Я считаю, что надо летать на сменных машинах. До берега посуху, а над водой — на морских. Поедем обедать. мне мать огурчиков прислала — загляденье.

Поговорили о полете Орлова на Рудольф. Вспомнили Ритсланда, Побежимова. Вздохнули.

— Хороший был экипаж. У меня, впрочем, плохих экипажей не бывало. Ведь верно?

Володя вчера летал в последний контрольный полет. Днем я позвонил Валентине Андреевне.

— Уехал на аэродром, волнуется.

Позвонил туда.

— Сколько слили?

— Ох, много!

— Не тужи, я на старт бидон принесу.

— Ну тогда хватит точно!

Часиков в 8 мне позвонил Тараданкин:

— Что делать, Лазарь, как поймать Коккинаки? Сейчас позвонил ему, подошла жена и нарочито громко произнесла мою фамилию и после паузы сказала «его нет».

Я рассмеялся, позвонил. Подошла жена Валентина.

— Приезжайте, Лазарь Константинович, он лежит, вас ждет.

Поехал. Володя лежит на диване, перед ним стул, доска с шахматами.

— Играешь?

— Нет, думаю.

Подошли к карте. Прямая карта от пункта до пункта.

— Вот видишь трассу, проложили сейчас напрямик. Гренландия остается в стороне.

— Жалко, я хотел на нее взглянуть.

— Могу завернуть и за тебя посмотреть, а тебе не удастся.

— Как леталось вчера?

— Хорошо. Погода отличная. Прошвырнулся за Ростов и обратно, отдыхал просто в воздухе. Да штурмана проглядел. Турка! «Где мы?» — спрашиваю. Он: «Тут». Я говорю: «Нет, тут». Он перевесился за борт: «Да, верно». Эх, Сашки нет!

— А взлетел как?

— Умора! У меня все минуты сейчас сосчитаны. Я знаю, что погода только вчера, а потом не будет. Вдруг звонит позавчера Каганович: «Приезжай. Разговор есть. Говорят, ты хочешь взлетать с 10-ти тонным весом? С таким весом с центрального никто не взлетал. Перебирайся в Щелково». Я говорю: «Взлечу!» Уехал на завод. Приезжают наркомвнудельцы: «Это немыслимо». Я возмутился: «Кто лучше знает — я, летчик, или вы?!» Каганович вызвал на консультацию Громова и Байдукова. Я объясняю: вес такой-то, дорожка идет так-то, пойду от города, ветер ожидается такой-то. Понадобится мне 500 метров. Громов подумал и говорит: «700».

Ну ладно, кое-как отбрыкался. Сел за баранку и зло взяло. Как мотанул 400 метров и взлетел. И даже без круга ушел. В полете отошел, отдохнул (смеется).

— На большой высоте шел?

— 5000–6000. Половину кислорода съели. Вот беда. Ведь и в полет из-за веса берем только на 12 часов. Ну, сэкономим, хватит на 15. А потом? Понимаешь, до чего прижало с весом?

— Жидкий?

— Конечно. Я к газообразному больше привык, да что делать — вес.

Он задумался.

— Харчат много?

— Моторы-то? Да как лошади! Прямо не знаю, что делать. Ну да что-нибудь придумаю. Вобщем, этого запаса мне хватает в обрез, при штиле. Чуть ветерок — и без взятки. А ветерок обещают.

— Вот бы погоду как 3-го!

— И не говори. Я и так несколько дней расстраивался. А

возьми вчера. Идем обратно — что за хрень — скорость 220. Прямо завис в воздухе! Вижу Сталиногорск, а дойти не могу. Вот ветерок! Если такой в полете будет?

Кури! Это феодосийские. Бывшая «Мессаксуди».

Я рассказал ему о разговоре с Молоковым. Он очень любит его.

— Уважаю я дядю Васю. Молодец он. Простой, работяга, настоящий человек. Насчет трассы и морских машин он прав. Я думаю, что воздушное сообщение между СССР и Америкой будет развиваться, конечно, не через полюс, а по нашей трассе.

— Может быть, и через восток. Там все готово.

— А в Анадыре аэродром есть? А связь с Хабаровском? (спрашивает с интересом)

— Есть. Изыскивается. Но полярники уже давно летают.

— Да, — сказал он задумчиво, — Это реальная линия. Тут лишь небольшой кусок над Охотским морем лететь. Но и моя линия жизненна. Она связывает и Европу, а это важно.

Показал я ему план: статей 15–20.

Он удивился:

— Куда столько?

— Да тут всего номера на три.

— А ты знаешь, как писать будете? В день вылета — ничего. Ухожу я в 4 утра. Сажусь в 4–5 утра. Будете наверняка ждать посадки, держать газету. Кстати, я с собой возьму в подарок Рузвельту утренний номер «Правды». Мне не впервые быть вашим почтальоном. А календарно получается совсем эффектно. Вылетаю, скажем, 27-го, и 27-го вечером и сажусь. Я на этот случай письма с собой беру и заставлю проштемпелевать. А раньше старта писать не следует. Я и в прошлом году просил т. Сталина перед отлетом писать не надо, пока не пройду половину. «-Почему?» — «Да ведь если неудача, так это не только мое личное дело, зачем же публично позориться». — «Это вы правильно говорите. Спасибо вам т. Коккинаки. Вы первый об этом сказали». И сейчас я уверен, что перед отъездом меня примут, я опять об этом буду говорить.

— Машину перекрашиваешь?

Смеется.

— Нет, так и остается русскими буквами «Москва». Пусть знают, как это слово пишется по-русски, не умеют — научатся.

— Так кораблик вышел в море.

— Знаю. Это для успокоения тех, кто тут останется. Нам он не нужен. Ну пойдем играть.

Гоняли в преферанс до трех ночи.

— А как Гордиенко?

— Турка! — пустил он свое любимое слово. — Потерялся в полете.

— А погода как была?

— Да как зеркало — все видно до горизонта.

— Смени его!

— Ну что ты. Лететь надо. Будет хоть на ключе стучать.

16 мая

Вот петрушка. Опять месяц не брал тетрадь в руки. За это время случилось довольно много: улетел Кокки, застрелился Прокофьев, разбились Серов и Осипенко.

Кое что надо записать.

23 или 24 Володя мне позвонил:

— Ты обедал?

— Нет.

— Приезжай, только быстро.

Сидит со всеми орденами. Первый раз его увидел таким. Обычно всегда ходит в шелковой рубашечке, даже на сессиях Верховного Совета. Читает «Крокодил», хохочет.

Валентина грустная, вышивает.

— Валька, брось — ослепнешь!

— Вовочка, это тебе в дорогу.

Смеется. Доволен.

— Знаешь, я, может, завтра уйду. Никто не знает. А погода наклевывается. Как книжка?

— Скоро выйдет. Я пока готовлю другую, о твоем новом полете.

— Ишь ты! Ты мне памятник должен поставить.

— В преферанс сыграем до отъезда?

— Боюсь, что не успеем. Хочешь в шахматы?

Пришел Гордиенко. Довольный. Мы прихлебываем вино, он нарзан. Володя выпил пару рюмок рислинга, съек консоме, кусочек курицы, ананас. Немного салата.

— Ты что, на диете?

— Только сегодня. А еще вчера маринованную капусту жрал тарелками.

Гордиенко достал револьвер «Вальтер», вот, мол, мировой.

— Пустой? — спросил Володя.

— Пустой!

— Тогда спрячь. Убивают всегда из пустых.

Зашел разговор об охоте. Оказывается Гордиенко накануне вечером ходил у себя в Щелково на охоту. Стрелял несколько раз, два вальдшнепа почти упали, но неизвестно где.

Кончили обедать. Они поехали в ГАМС.

26-го они попробовали улететь. Не вышло. Начал моросить

дождь. Туман. Потом ливень. И трасса оказалась вся не в порядке. На старт приезжал Ворошилов. Уехали все недовольные.

Днем 26-го они приняли газетчиков. Оттуда мы с Кокки поехали на телеграф. Осматривали. Гордиенко тут же на ключе попробовал работать с радистом, который его будет слушать в полете. Оба остались довольны.

28-го они улетели. Днем я позвонил Валентине Андреевне. «Вовка спит». Ну все ясно. На старте встретил часа в 3 ночи Гордиенко.

— Ну как, летим? — спросил он меня.

— Тебе лучше знать.

— Еще не знаю.

Поехали на дорожку. Раздался крик:

— Лазарь!!

Машина. Около нее Володя и Валентина Андреевна. Он натягивает комбинезон.

— Газеты привез?

— Да, полсотни.

— Молодец! Свежие?

— За последние дни.

— Портачи! Турки!

— Да мы же номер держим!

— А, тогда понятно…

Погрузили.

Описание старта у меня сделано. Володя был очень оживлен, весел. Я предложил ему колу. Рассмеялся.

— Моим же добром меня же угощаешь!

— Берешь?

— Ну еще бы!

Попрощались. Улетели.

Сразу со старта — в редакцию. Написал отчет. Ждем с выходом. Приходит первая радиограмма, вторая. Я позвонил в штаб. Позвал Ильюшина. Он приехал в редакцию. Было часов 7 утра. Сидим, разговариваем.

Звонок. Лубович из штаба.

— Лазарь, приезжай сюда.

— Что случилось?

— Приезжайте!

Я к Сергею.

— Едем в штаб. С самолетом что-то случилось.

Он побледнел.

— Что?!

— Не знаю.

Камнем помчались вниз. В машину. Всю дорогу волновались,

предполагали, что может быть. Сергей нервничал, доставал линейку, считал.

В штабе показали радиограмму: «течь в переднем баке». Вот так фунт!

Через час все выяснилось: ошибка. Отказал автопилот и это его масло. Вздохнули легче.

На следующий день маялись с посадкой. Сначала шли разные слухи. «Летит над Бостоном». «Обгоняет сопровождающие самолеты». А потом — ничего. Начали беспокоиться. Меня наши ребята опять вызвали в штаб. Им ничего не говорят. Истерично звонят жены. Часто звонит Поскребышев.

В 3 часа ночи с минутами Гордиенко, наконец, передал две радиограммы. Обе одинакового содержания: «иду посадку юге Гудзонова залива». Вот так фунт! Как они там оказались?! Заблудились? Ушли от непогоды? Почему туда?

Картина выяснилась лишь в 8 часов утра. Газету держали до 10 утра.

1 мая был на параде. Накануне поехал в МК за билетом. У окошка встретил Серова: он получал билеты для матери.

— Здорово. Напиши нам о Кокки.

— Чего ж писать, если так кончилось. Что там у них?

— Штурман, по-моему.

— Может быть. Я представляю себе состояние Кокки. Рвет и мечет, наверное. На параде будешь?

— Буду.

— Смотри, как я пойду. Поведу пятерку, потом семерку.

— Фигурять будешь?

— Нет, строем. Фигурять не разрешили.

И вот, второго мая разбился! Обстановка рисуется так. В Рязани проводился сбор инспекторов округа. Осипенко — инспектор. Серов — начальник главной летной инспекции ВВС. Вывозил ее на «УТИ-4» (двухместный истребитель с двойным управлением). Провез ее под колпаком. Потом сам сел под колпак и повел машину. А вот на высоте примерно 500 метров (по словам колхозников) самолет свалился в штопор. Что у них случилось — неизвестно. Толи он понадеялся, что она открыта и вывезет машину, то ли она считала, что раз он ведет самолет — он и выведет. Но какие-то доли секунды упустили. И было поздно. Самолет вмазал в землю. Исковеркались так, что даже выставить нельзя было: пришлось сразу сжигать.

Нам много пришлось поработать. Узнали мы об этом часов в 10 вечера. Пока решили готовиться — была полночь. А давать — две полосы. Позвонил я в два ночи Гризодубовой.

— Ах, я так разбита, убита, измучена. Напишите там что-

нибудь, соберите старые воспоминания.

— Нет, так нельзя. Вы должны как командир самолета выступить. И обязательно сегодня.

— Ну ладно, — устало и нехотя.

Но продиктовала охотно. Смеялась, шутила. Богорад вернулся от нее обалдевший от удивления.

На следующий день были у меня Супрун и Стефановский. Оба в штатском. Супрун диктовал, Стефановский писал о Серове. Сидел за столом огромный, широкий.

— Экий ты здоровяк!

Смеется. Поговорили. Вспомнили старые полеты, планерные буксиры, как он за Преманом забрался на 1000. Оживился.

— У меня полный расчет был сделан на перелет на планере через Черное море. Не пустили.

Поговорили о планах. Они разрабатывают план полета с доливкой в воздухе.

— Идея Евсеева?

— И моя, — Супрун.

Я похвалил Супруна, замечательно прошедшего на параде 1 мая на новой машине — втором экземпляре Чкаловской.

— Ничего машина, — скромно заметил Супрун. — Только знаешь, она в воздухе всего третий раз. Лечу над площадью — у нее заклепки полетели. Я чувствую, что еще немножко скорости прибавить — начнется деформация обшивки. Начал уже на реку посматривать. Ничего, дошел до аэродрома.

— А что так?

— Новая машина. Недоделок много. Через полтора месяца я на ней что хочешь вытворять буду, а сейчас…

— Это на новых машинах постоянная история, — вмешался Стефановский. Вот я тоже летел на параде на новой двухмоторной машине. А до этого, во время подготовки к параду, три раза на ней вынужденно садился.

Он помолчал и, усмехаясь, заметил:

— Летчик играет со смертью, как развратник с триппером.

Посмеялись, я повел их сниматься.

— Зачем? Мы же в штатском.

— Вы нам во всяком виде нужны. Мало ли что…

Хохочут.

— Не выйдет с нами!

Зашел главный конструктор ЦАГИ инженер Бисноват. Ребята завели с ним ярый спор о какой-то новой машине. Они ему доказывали, что центровка должна быть не больше 24 % при условии, что капотажный момент должен быть такой-то. А дальше такая специальная дискуссия, что я ничего не понял. Вот так

летчики-практики!

Поведали они мне на прощание о совещании в Кремле. Вечером, в день гибели Серова и Осипенко, было заседание правительства с участием летчиков.

— Сталин гневался страшно. Спрашивает: «Кто виноват в этих частых авариях?» Кто-то говорит: «Сами летчики». Тов. Сталин возмутился: «Нет, не летчики, они тут не виноваты!»

23 мая

На днях позвонил Байдукову.

— Что делаешь?

— Готовлюсь к сессии. Я же в бюджетной комиссии. Последние дни работали по 18 часов в день. А сейчас только приехал из-за счастливого обстоятельства. Секретарь как и мы не спал последние 36 часов. Надо писать протокол, заключение, а он, стоя, заснул, упал и опять спит. Мы обрадовались и тоже разъехались спать.

Папанин очень болен. Сердце. Уехал в Одессу. Находится под непрерывным присмотром врачей и чекистов. Охраняют покой, не дают читать.

Встретил Петю Ширшова.

— Беда. Надо писать научные результаты зимовки. Четырехтомник. Абсолютно некогда.

— Эх ты, академик!

— А ты не выражайся! И так не сладко. Попал человек в академию, так все смеются.

Шутит, но ему, видно, нелегко.

Сегодня приехал Кокки. Встречал. Написал статью. Был им устроен прием в Кремле.

Леопольд рассказывал:

— Коккинаки и Гордиенко с женами сели за первый стол. Входит Сталин и члены ПБ. Сталин первый подошел к Кокки и крепко пожал ему руку, за ним другие. Поздравили. Затем забрали их за свой стол. Коккинаки сидел рядом с Ворошиловым и что-то ему все время говорил.

Сталин был очень оживлен. Провозгласили тост за Калинина. Сталин встал, подошел к нему и крепко жал руку.

Вчера был у меня в редакции Беляков. Рассказывал:

— 5 мая в Кремле был прием участников парада. Ворошилов провозгласил тосты за участников парада, советский народ, Сталина, Молотова, Калинина, героев. Молотов поднял бокал за Ворошилова.

Затем нарком предложил инициативу объявления тостов самими собравшимися. Все растерялись, молчат. Замешательство.

— Никто не хочет объявлять, тогда выпьем без тоста, —

сказал Ворошилов.

Рассмеялись, выпили. Опять молчание. Ребята предложили выступить мне от имени всех участников. Я попросил слова. Когда шел к столу президиума, поднялся Сталин.

— Можно мне до него? — спросил он наркома и обратился ко мне: «Ничего, что я вас опережу?» — «Пожалуйста, Иосиф Виссарионович».

Он поднял бокал и сказал:

— За Коккинаки и Гордиенко!

Передние столы зааплодировали. Сталин заметил, что сидящие сзади не расслышали тоста, сказанного тихо, и повторил громче:

— За Коккинаки и Гордиенко!

Овация. Потом от обратился ко мне:

— Я у вас похитил тему?

— Ничего, Иосиф Виссарионович, я перестроюсь.

Я благодарил правительство и партию за внимание, говорил о том, что герои СССР зорко охраняют Родину, что Красная Армия раздавит всех врагов.

Зашел у меня с ним разговор о машине «Сталь-7». Повод — Бережная просит ее для кругосветного перелета.

— Да, на этой машине можно дела делать. Скорость у нее большая.

— Шибанов пробовал — 350 км/ч. Не густо!

— Да, но он ходил на большое расстояние.

— Ну какое большое: до Севастополя и обратно.

— Нет, ты ошибаешься!

Он достал свою записную книжку и прочел, что такого-то числа Шибанов ходил на этой машине по маршруту такому-то, общей дальностью в 3800 км. Экая эрудиция и пунктуальность!

22 июля

Был сегодня у меня в редакции Прилуцкий. Выглядит по-прежнему бодро, крепко, только речь стала немного торопливее. Рассказал некоторые подробности об аварии «СССР-3».

— Поднимаемся. Вдруг толчок. Семенов говорит: «опускаемся». Я взглянул на вариометр: -4. Ну, думаю, это местное явление. Скинул немного балласта. Ничего, у американцев также было. Смотрю: -15! Ээ! Как крутанул ручку, так сразу тонну скинул. «Держись, Юрий Георгиевич!! Земля!!» — крикнул Семенов.

Больше я ничего уже не слышал. Очнулся в больнице. Я был без парашюта, снял, чтобы не мешал, Семенов в нем.

— Так почему же все-таки произошла авария?

— Слишком большая влажность воздуха. Когда распустили

второй старт разрывное и задело. Клапан открылся. Вот и все.

— Летать не собираешься?

— Что ты! Только об этом и думаю. Сведи меня со Шмидтом. Это ему сейчас близко. Все готово. Есть две оболочки, три гондолы, Костина (Годунова) машина на ходу.

23 июля

Сегодня на дачу ко мне на пельмени приехал Кокки и женой и Ляпидевский. Как навалились — аж треск пошел. Перед заходом в дом (дело было в 10 вечера) Володя долго любовался ночной рекой.

— Красиво.

Постоял на берегу.

— Я к тебе прямо от Клима. Ведь вот какой бодрый человек! Что-то зашел разговор о здоровье. Он все меня хлопает, восторгается, какой я здоровый, без жира. Не помню уж как, вдруг начал нам упражнения показывать. лег на ковер и 22 раза отжался на кончиках пальцев. Правда, под конец у него уж жилы на шее надулись.

— А ну, — говорит мне, — сможешь?

— Смогу.

Лег и давай выжиматься. Поднялся 18 раз, чувствую, что тяжело и встал.

— Теперь ты, — это он Хользунову.

Тот туда-сюда…

— Ложись!

Хользунов пару раз поднялся, у него пальцы и подогнулись. Продолжая выжиматься на всей ладной. И все же только шесть раз сделал. Нарком доволен.

— У меня, — говорит, — на даче крыша плоская. Я встаю в 8 утра. В там в небе кувыркаетесь. А я целый час по крыше гоняю. Хорошо! Легче работать. Вы думаете — почему т. Сталин во время заседаний всегда ходит? Посидит, посидит немного и ходит. Попробуйте-ка 20 часов за столом просидеть, когда сердце все время сжато. Тут понимать надо!

На днях в газете было опубликовано сообщение о том, что зам. НКИД (нар. комиссариат иностранных дел) Лозовский вернул без рассмотрения японскому послу ному-ультиматум о концессиях. Лозовский раньше был директором ГИХЛ. Литераторы пустили шутку о том, что Лозовский за время работы в издательстве привлек возвращать авторам рукописи непрочитанными.

Перед физкультурным парадом т. Сталин принял председателя комитета по делам физкультуры и спорта Снегова и секр. ЦК ВЛСКМ Михайлова. Мержанов рассказывает:

«Сталин спросил:

— Я читал в „Правде“ заметку о том, что на Красной площади будет выложен ковер.

— Да.

— А каких размеров?

— Таких-то.

— А футбольное поле?

— Таких-то.

— Да, значит футболистам будет трудно там играть.

Собеседники растерялись. Футбола на параде они и не собирались показывать. Вышли из кабинета, решили, что придется. Вскоре т. Сталин сказал:

— А кто будет играть?

— Мы еще не решили.

— Я думаю надо команды орденоносных обществ „Спартака“ и „Динамо“.

И они сыграли!»

РККА — управление физподготовкой давно хотело переманить из команды «Трактор» двух лучших игроков Пономарева и Проворнова. Не выходило. Тогда их спешно мобилизовали и отправили в команду «Динамо». Об этом узнали в ЦК. Взгрели. Вернули обратно.

Позвонил Хозяин. Сказал, что мы слишком много транжирим места на заголовки и всякие оформления. лучше давать больше материала. Перестроились.

24 июля

24 июля в Химках, на празднике в честь военно-морского флота разбился Мошковский. Он сбрасывал десант из 11 человек на воду. Расчет оказался неточным. На воду опустилось только 3 человека, остальные — на землю. Сам Яша плюхнулся в леса нового дома. Перелом ребер, таза, кровоизлияние в мозг. Вечером, не приходя в сознание, он умер в Боткинской больнице. 28-го его похоронили на Новодевичьем кладбище.

27 июля

27 июля мне позвонил Моисеев.

— Знаешь, Алексеев Михаил разбился. На последнем развороте на истребителе скользнул на крыло и конец. Вот не повезло ему. 17 июля он ходил на высоту. На 7500 потерял сознание, сыпал до 5000. Решил проверить себя: снова поднялся на 7500, снова потерял сознание и свалился до 4000 м. Сел. Оказалось — лопнул кислородный шланг. Но решил все-таки испытать себя в барокамере и вот — не успел.

29 июля

Сегодня погиб Хользунов, Черкасов и другие (Титов и

Курнышев). Они летели из Калинина на учебную бомбежку и взорвались в воздухе. Остались куски. Видимо, подорвались бомбы. Что за страшная полоса аварий!

30 июля

Несколько дней назад (кажется, 26-го) позвонил Володе вечером. Голос усталый.

— Что с тобой?

— Да вот, телеграф подвел. Думал, надо лететь в Воронеж. Вылетел днем, прилетел туда, оказывается, мне дали телеграмму, что лететь не нужно. Ну, обратно. Вот и устал: туда тысячу, да обратно тысячу.

Несколько дней назад Стефановский, испытывая новую машину, свалился. Машина поломалась в воздухе на части. Его выкинуло так, что он очухался только в воздухе. Смотрит — падает, рванул кольцо, сел. Самолет — в дым.

Вчера было опубликован указ о награждении его орденом Ленина «За исключительные заслуги в деле испытания новых самолетов и проявленные при этом мужество и отвагу». Сегодня он прислал мне из Ессентуков телеграмму с благодарностью ЦК.

1 августа

Сегодня был на открытии Сельскохозяйственной выставки. Дал отчет. Встретил Кокки.

— Ты куда, на дачу?

— Нет, на аэродром.

Очень обрадовался мне борода.

— Наконец-то вижу хоть одного полярника, да и то больше похожего на араба.

— Отто Юльевич, был у Вас Прилуцкий?

— Да, это интересное дело. Мы из займемся. Не сразу, конечно, вверх. Сначала посмотрим, что осталось из хозяйства, проверим оборудование, выработаем программу, что бы все было научно строго обосновано. Вы его знаете? Что он собой представляет?

— Давно. Знающий человек. Энтузиаст воздуха.

— А храбрый?

— Вполне. Для верности я могу с ним полететь.

Смеется:

— У вас натура полярника. Вы всегда готовы во всякую экспедицию.

2 августа

Позвонил сегодня Картушеву. Шебанов и Матвеев собираются на «Сталь-7» бить рекорд Росси на скорость на 5000 м. Вчера Шебанов ходил в испытательный десятичасовой полет. На участке Москва-Севатсополь-Саратов получил скорость в 410 км/ч.

Обратно отказал радиокомпас и они промазали Москву. На этом деле скорость потеряли.

Надо вспомнить полет Кокки в Америку. Вечером 1 мая я говорил с ним по телефону (с Нью-Йорком). Разговор записан был на пленку и транслировался по Союзу, да и стенограмма где-то у меня есть.

Но вот приехал. Через пару дней по приезде сижу у него. Легонько пьем легонькое вино. Рассказывает:

— Переоценил я силы паренька. Скис. Не соблюдал режима, много болтался. Передавал слишком часто, нарушая сроки. И выдохся. Это моя ошибка — надо было предвидеть, не мерить всех по себе.

Бьется в кабине об стенки:

— А-а-а-а-а-а-а!

— Миша, Мишенька, успокойся! Ну успокойся! Дай мне на минутку Нью-Йорк.

— А-а-а. Где я его тут найду! Все пищат!

— Ну дай (такую-то называю) станцию.

— А-а-а-а… (И ни в какую).

— Где мы находимся?

Называет пункт и дает курс на восток. А мы уже опять в океане. Что тут будешь делать? Повернул я круто на запад, дошел до берега, выбрал место и сел.

— А если бы поймал это станцию — дошел бы?

— Спрашиваешь! Мне бы ее на минутку всего, компасный курс заметить. А там бы допилил как миленький. Что я зря что ли здесь все время летал? А работал он как — знай пилит все время «Все в порядке». А координат нет.

На приеме в Кремле тов. Сталин спрашивает его:

— Ну как, все в порядке?

Тот и рад:

— Так точно, т. Сталин, все в порядке.

— Все в порядке, значит? (переспрашивает Сталин)

— Так точно.

Сталин смеется:

— Ну выпьем тогда за «все в порядке».

А этому невдомек. А я, Лазарь, готов был сквозь пол трахнуться. Турка!!

Недавно Володя рассказывал:

— Дали мне новую часть инспектировать. Приехал я туда. Спрашиваю:

— Сколько вы горючего жрете?

Оказывается 370 кило на оба мотора.

— Ну вот что, — говорю, — на первое время разрешаю вам

тратить не больше 250, а потом и до семечек дойдем.

У всех глаза на лоб. Я давай их учить. И что ты думаешь? Вот тут на днях мы кагалом сделали перелет по маршруту. Прошли около двух тысяч км. без посадки. И половину запланированного бензина обратно привезли.

Доложил я об этом наркому.

— А, — говорит, — это не фокус. Тут вы летели спокойно. Ты попробовал бы так экономично лететь, если бы это было в боевой обстановке, да противник гнался, да зенитная артиллерия.

Я разозлился:

— Хорошо. Давайте мы вылетим в пункт Х. Пусть нас там встречают истребители. Да по дороге можете где хотите заслоны поставить. А я прилечу в Х, отбомблюсь и обратно без посадки приду. Да еще перед вылетом телеграмму в Х дам: «Вылетаю во столько-то». Согласны?

Ух, уцепился!

— Давай! — говорит.

Загорелся прямо. Вот петрушка! Ух, и дела!

И в конце прошлого месяца Кокки осуществил этот полет. Все вышло отлично. Правда, самому Володе пришлось сесть в Х из-за того, что сдал мотор.

— Ну зато посмотрел результаты, ознакомился с их мерами. Лично за себя, как отдельного летчика, немного огорчился, но считать это неудачей, даже частной, никак нельзя.

Обратно летел на машине другого летчика. Не хватило бензина и сели в каком-то свеклосовхозе.

— Вот радости свекловикам было! Весь район примчался на нас смотреть.

А ребята все долетели обратно, даже бензин потом на аэродроме сливали. Отлично вышло!

4 августа

Был майор Курбан. Рассказал забавную историю. Не то Сузи, не то Фокин испытывали на Горьковском заводе новый винт переменного шага. Поднялся он тысячи на полторы. изменил шаг винта, смотрит — за винтом капот полез вперед. Вот так фунт! Машину лихорадит. Ручку так бьет, что удержать в руках нельзя. Парень не прыгает: интересно посмотреть, что это с ней случилось? Когда машина очень заваливалась, он со всей силы бил по ручке кулаком в нужную сторону. Так допилил до земли. Сел, однако, помявшись.

— Не добил, окаянную! — жаловался он потом.

Другой случай. Один из летчиков летал в Щелково на перевернутом самолете. Шел бреющим полетом, делая бочки в 1–2 метрах от земли, положил всех людей плашмя. И не учел,

каналья, что при бочке она оседает на 1–2 метра, на высоте это не заметно, а у земли — гроб.

— И вот видим, провалился, пыль идет, грязь летит (на поле лужи были). Ну все уверены, что снесло ему череп, вылетели мозги. Самолет на бок. Туда санитарка, пожарная машина, бежим и мы. А он, сукин сын, вылезает из-под машины, весь в грязи и спрашивает:

— Где тут у вас умыться?

Козырек его спас. На три сантиметра будь он ниже — не было бы головы.

Интересная тема для рассказа. Тяжелый танк идет на подавление огневых точек противника. В большом удалении от своих позиций и перед самыми неприятельскими машина увязает в болоте. Ни тпру, ни ну. Все попытки бесполезны.

Командир советуется с товарищами. Решают уползти обратно и затем вернуться с буксиром. Водитель отказывается покидать машину. Настаивают. Бесполезно. Экипаж уползает, противник замечает это, открывает огонь. Водитель задраивает люки. Через некоторое время у танка собирается враг. Пробует люки — не поддаются. «Люди ушли, мы сами видели». Однако для острастки дают несколько выстрелов в смотровые щели. Водитель затаился, молчит.

«Убит, наверное. Что будем делать? Сжечь?» «Нет, зачем. Вызовем подмогу, отведем к себе, пустим против хозяев этой машины»

Скоро прибыли три танкетки врага. Прицепили тросы и вытянули машину из болота. Как только она оказалась на твердом грунте, водитель включил моторы, полоснул растерявшихся конвоиров из пулемета, развернулся и повел машину к своим. За ним, влекомые тросами, упираясь, громыхали три танкетки.

Так они и дошли до неожиданной для них базы.

24 сентября

Хочется, хоть бегло, записать дела этих дней. За последнюю неделю перевернулся весь мир. Да и записывать, собственно, некогда было — сидели безвылазно в редакции.

Итак. 16-го я ушел из редакции поздно. И 17 сентября благополучно спал до часу. Разбудила жена:

— Феня (домработница) говорит, что выступил по радио Молотов. Сказал, что не закупайте продуктов — на всех хватит, а карточек вводить не будем.

Это все, что Феня уловила в речи. Включил радио: передают воинственную симфоническую музыку. Эге! Спустя двадцать минут объявляют, что скоро дадут отклики на речь т. Молотова.

Оделся и, не завтракая, в редакцию. А тут уж все досрочно в сборе. Возбуждены. Говорят. Смотрят карту. ТАСС уже прислал и речь. Прочел.

Летучка была очень короткой. Яша Ушеренко призвал всех честно трудиться на своих местах, и разошлись. Нашему отделу поручили и отклики.

Около 3 часов позвонили от М.М. Кагановича — просили приехать на митинг в наркомат. Я поехал. Настроение у всех там воинственное. Толя Ляпидевский показал мне целую пачку заявлений от летчиков с просьбой послать их на фронт. Приходили люди и при мне.

— Что ты с ними думаешь делать?

— Доложил наркому, а он как шуганет меня. Тут, кричит, работать нужно. А я и сам проситься хотел.

На митинге с речью выступил М.М. Каганович:

— История нам никогда бы не простила колебания в этом вопросе, — сказал он. (Речь его в основном у меня записана).

Приехал в редакцию. У подъезда стоит Шера Нюренберг со страшно расстроенным лицом.

— Что, Шера?

— Ты знаешь, кого посылают на фронт?

— Как на фронт?! Кого?!

— Ну вот слушай, — ответил он злорадно, — Едет на «Линкольне» бригада: Верховский, Катаев, Черствов и Девишев. Что скажешь? А мы?!

(Накануне поездом редакция послала в Белоруссию — Лидова, Ярощука и Перекалина, на Украину — Козолова, Цейтлина, Гуревича. Они должны были давать информацию о жизни этих пограничных республик. Ну ясно, что сейчас они метнутся на фронт).

— А мы? — спросил я.

— Вот только что уехали Ровинский, Ушеренко и Мануильский в ЦК. Я их упрашивал — говорят нельзя.

Настроение у меня сразу скисло. Люди едут, а я сижу. В вестибюле встретил Верховского.

— Едешь? — спросил я мрачно.

— Еду.

— А более приличной компании подобрать себе не мог?!

Он опешил:

— Кого?

— Ну меня, ясно!!

— Так не я ж составлял.

Дали нам три полосы на отклики. но работа не шла. Все ходили дутые. Все рвались на фронт.

В первый же день нас прямо завалили откликами. Вся страна всколыхнулась.

Резолюции шли сплошным потоком: по телефону, бильду, телеграфу, радио, с ходоками. Машинистки сбились с ног. Телефоны не умолкали ни на минуту. Обедать мы, конечно, не пошли. Рубали, рубали.

Редакция торопила:

— Сегодня мы не имеем права опаздывать.

Около полуночи пришла первая сводка Генштаба. Наши войска заняли то-то и то-то. От наших спецкоров, конечно, еще ничего не было.

Кончили мы, все-таки, около 8. И когда шли домой, у киоска стояла очередь человек в 500. Также было и все следующие дни — люди стояли часами, в холод, иногда под дождем и ждали газеты.

Ночью я говорил с Ровинским, Ушеренко.

— Нет, — говорят — ты нужен в отделе. Отдел сейчас дает полгазеты.

18 сентября (на 19-ое)

Мы тоже еще ничего своего не могли дать с фронта. Помещали информацию ТАСС, брали в «последних известиях» добытые ими беседы.

В этот день на фронт вылетел из Москвы неутомимый Темин, только что вернувшийся из МНР. Вот человек, который живет горячими делами. Он встречал челюскинцев, встречал Чкалова на острове Удд, Леваневского в Красноярске, нас в Амдерме, экипаж Коккинаки на Амуре, был на Хасане, снимал папанинцев со льдины, дважды был в МНР. Все на самолете — туда и обратно. В поезде он чувствовал себя несчастным, в городе — обиженным.

Он улетел из Москвы 18-го, а 20-го мы получили от него первую порцию снимков. Затем он снова улетел в Вильно, вернулся в Минск 22-го и передал нам пленку. Позавчера он опять вылетел на фронт и завтра снова будет в Минске. Не человек — а комета!

Меж тем, материалы от наших ребят начали поступать только 21-22-го, да и то не от всех. От Ярощука мы получили лишь 23-го, от Гуревича — тоже, от Черствова — тоже. Лидов первый материал передал сегодня, Верховский позавчера, Козлов молчит до сих пор, Девишев не подает признаков жизни. Катаев сегодня прислал первую вещь.

Хорошо сделал Цейтлин. Он добрался до Тернополя, пробыл там два-три дня и 22-го вылетел на каком-то подстреленном самолете в Киев. Передал оттуда очерк «В Тернополе» и вернулся обратно.

«Известия» оказались оперативнее нас. Хорошо и быстро работает Эзра Виленский.

21-го из Москвы в Киев и дальше в Луцк на самолете с газетчиками вылетел Миша Калашников. Сегодня идет первый его снимок, переданный по бильду из Киева, туда они доставлены самолетом. Газеты там рвут нарасхват.

Вчера с Украинского фронта позвонили снова Ровинскому и попросили прислать опять газет.

— С человеком?

— Согласны на любые условия.

В кабинете его в это время находился Железнов, только что вызванный из отпуска. Под горячую руку он договорился о полете.

И сразу ко мне:

— Доставай самолет!

А я только за час до этого выторговал самолет в Минск за снимками Темина. Что делать?

Час ночи. Звонить Молокову, но он два часа назад спросил меня: почему я в Москве и я мямлил всякое насчет необходимости кому-то работать в редакции. Нет, у Василия Сергеевича я могу просить самолет только для себя.

Позвонил Картушеву:

— Покупаю рейс.

Смеется:

— Я тебе до сих пор за торговца не знал.

Еле уломал. Около двух часов ночи утрясли, начали экипировать Леопольда. Вдруг звонит диспетчер московского порта — машина пойдет открытая, Р5. Леопольд не хочет, надо закрытую.

Поднял дважды с постели нач. эксплуатации Захарова, разбудил Картушева, достал ПР-5.

Леопольд всю ночь просидел в редакции, утром поехал на аэродром, ждал с 7 утра до 13:30 погоды, вылетел, долетел до Калуги и вернулся обратно — нет погоды. Устроил ему рейс на завтра.

Речь Молотова ошеломила весь мир. Пресса Англии, Франции, Америки захлебывалась от злобного воя. Они кричали, что большевики способствуют гитлеризации Европы, что все это было договорено еще в Москве при подписании советско-германского пакта о ненападении, что это расшатывает устои социализма.

Второй удар им нанесло советско-германское коммюнике о том, что действия СССР не противоречат пакту. До этого буржуазная пресса говорили, что вступление наших войск в

Польшу осложнит отношения СССР с Германией. Голодной курице просто снится!

Коммюнике было подписано 18 сентября. По специальному указанию т. Молотова в этот день вышел экстренный выпуск «Вечерней Москвы» (по выходным она не выходит).

Газеты запада снова начали писать о гитлеризме. Эстония и Румыния, суда по откликам и заявлениям их правителей, сейчас сидят и трясутся мелкой дрожью, услышав шаги «Русского медведя».

Коккинаки сказал:

— Сейчас можно позвонить по телефону румынскому королю и сказать: давайте Бессарабию. Он только спросит: вам завернуть? Куда прикажите прислать или заедете сами?

21 сентября был убит румынский премьер Калинеску. Официальные убийцы члены фашистской распущенной организации «Железная гвардия». Однако, судя по всему, убийство инспирировано англичанами, чтобы повернуть внешнюю политику Румынии от СССР. Номер не прошел! Румынское правительство официально заявило, что оно будет верно своей политике нейтралитета.

Для характеристики силы и внешнего влияния советского Союза можно привести такой факт. 19 сентября в «Правде» было напечатано сообщение о том, что польские подводные лодки укрываются в «нейтральном» Таллиннском порту. 18 строк на 2-ой полосе. В тот же день Эстонское телеграфное агентство сообщило, что командующий морским флотом Эстонии и начальник штаба флота подали в отставку и перечислены в резерв.

В ответ на сообщение из Стокгольма о беспокойстве, возникшем в Эстонии в связи с вступлением советских войск в Польшу и концентрацией советских сил у Эстонской границы — эстонские власти категорически отвергли это сообщение и заявили, что «ничего ненормального не отмечается». (см. 5-ую полосу «Правды» от 20 сентября).

25 сентября

Сегодня ребята передали довольно много интересного материала. Лидов сделал полосу о боях за Гродно. Только сейчас стало известно, что там был весьма серьезный и продолжительный бой. Судя по всему, Лидов шел с передовыми частями и участвовал в этом бою. Сделано хорошо!

Козлов передал две вещи из Львова. Одну «поцелуйную» о вступлении наших войск в город, вторую — о трофеях.

Гуревич побывал в деревне и дал о Ровно. Но все же две полосы набрали с трудом.

Думали — блеснут «Извести», нет, ничего, не очень.

Ярославский мне говорит:

— Не важно у нас. Плохо дают товарищи. Мало тематического материала. Мало о новой жизни Польши.

26 сентября

Что-то усиленно заездили иностранные министры. 24-го приехал министр Эстонии, вчера — Турции, а сегодня объявили по радио, что «по приглашению советского правительства» завтра приезжает Риббентроп.

Ребята рассказывают, что немцы, уходя из отошедших к нам городов, дочиста их вычищали. Увозят весь хлеб, все сырье.

26 сентября

Надо восстановить несколько встреч с Коккинаки.

20-го был выходной Позвонил ему домой днем. Его не было. Подошла жена.

— Приезжайте к нам, я пирогов для Вовы напекла.

— Нет, приезжайте к нам, у нас раки.

— Ну, звоните Вовке.

Позвонил:

— Приезжай!

— Пельмени?

— Нет, раки. Пулька.

— Большая? Кто еще будет?

— Никого.

— Очень хорошо. И о заграничных газетах расскажешь — очень интересно.

Приехали. Усиленно расспрашивал, кто что пишет. Сыграли пульку. Поговорили о шахматах («вот, возьми хорошие шахматы — приятно играть, плохие — и не хочется»). Увидел у меня снимки, когда я его снимал в полной форме, с ромбом и орденами, перед стартом на Запад.

— Ну-ка, дай-ка я хоть себя в мундире разок погляжу.

А он и впрямь всегда ходит без них, даже на сессии Верховного совета. Всегда — в рубашечке.

К слову сказать, надо записать его рассказы о драках. Он здоров, как бык, но драться не любит. Шел я как-то нынче летом вечерком к нему на дачу и вижу картинку: стоит компания у ворот одной из дач и парень пытается сломать одну из половинок ворот.

Я рассказал Володе об этом. Он насупился:

— Без разговоров надо было в морду.

— Да их много было, — заметила Зина.

— Э, они храбрые только по воротам. Ударь одного, все разбегутся. Я вот помню несколько встреч. Был я всегда крепкий.

Еще в школе, помню, классом верховодил какой-то парнишка. Начал и меня задирать. Дерется. Я его сгреб и положил в пыль. Не бью. Он рассвирепел. Я его опять обхватил и положил, но показал кулак. Больше не лез.

Но иногда приходилось драться. Раз из плавания в Новороссийск вернулся мой брат Павел. В переулке на него напало 7 парней. Избили, отобрали мореходку. Он их крепко помял тоже, но выигрыш у них. Я в аккурат из летней школы домой приехал в отпуск. Смотрю, является Павло в крови. Так и так. Ага, идем со мной, покажешь, кто бил. Пошли. В слободке увидели меня, попрятались: «Коккинаки идет». Приходим к одному.

— Ты бил?

Молчит.

— Где мореходка?

Молчит.

Каждого я ударял только по одному разу. Шесть раз ударил — шесть человек лежало. А седьмой успел убежать. Такая жалость!

В Ленинграде один раз пришлось подраться. Возвращался я ночью на велосипеде домой. Еду — навстречу четыре пьяных. Я соскочил с машины, стал, чтобы их пропустить. А они ко мне. Пристают, ругаются. Вижу — специально, чтобы драться. Я отбросил в сторонку машину, чтобы не споткнуться о нее. Один подошел вплотную и целится мне в лицо. Я его ткнул — он и лег, как мертвый. Стукнул еще двоих — лежат. а четвертый без памяти бежит и орет.

20-го сидели у меня, я спросил:

— А что, Володя, ты часто сейчас ходишь на высоту?

— Часто.

— И по-прежнему утром не ешь, ограничиваясь только стаканом какао?

— Нет, Разрешаю себе, правда, больше, но ем не всё. Знаю, что можно, чего нельзя. Я вообще стал сейчас замечать новые вещи. Вот, например, недавно летал на высоту. Оставалось метров 300 до потолка, почувствовал себя немного неловко, чуть-чуть не так, как обычно — и вернулся.

— А что оказалось?

— Не знаю. Послал кислород на исследование — говорят нормальный, оборудование в порядке. А м.б. окажется, что в кислороде была какая-нибудь примесь, не учтенная приборами, которая вредно действует на организм в этих условиях.

А вот недавно другой случай был. (И он рассказал случай, свидетельствующий о его колоссальном, поистине изумительном

внимании). Пошел я на высоту. В передней рубке — штурман. Ну в полете известно: отскочить далеко от Москвы не можешь, достаточно раз в полчаса взглянуть на землю. Поэтому все внимание на приборах. Глаз не отвожу от них. И вот, на 10000 м. я вдруг заметил, что ручка триммера чуть дернулась. Почему это не с того, ни с сего? Начинаю соображать: аэроплан идет ровно, причин нет. В самолете два управления — второе в штурманской рубке. Значит, он задел за ручку и у меня синхронно качнулась. Взглянул туда. Вижу, у штурмана рука вяло опускается. Ниже, ниже. Сам склоняется в сторону. Смотрю, что будет дальше. Клонится все больше и больше. Валится, смотрю. А самолет в это время уже почти вертикально чешет вниз.

Вышел на 4000, жду, что будет дальше. Качаю машину. Лежит. Походил, походил, опять качаю, молчит. Неужели, думаю, совсем загнулся? Качнул еще раз. Очнулся, наконец, поднял голову, сел и рукой показывает: давай вверх! Я ему показываю: ты, мол, того, скатился. А он одно: вверх! Не помнит ничего.

Оказалось, лопнул кислородный шланг.

Мне пришла в голову идея: взять хороший большой самолет, погрузить на него много газет и облететь передовые пункты западного фронта. В ночь с 24 на 25 я зашел с этой идеей к Ровинскому.

— А какой самолет?

— Ну вот, к примеру, Коккинаки.

— Сколько он может взять груза?

— До двух тонн.

— Какая у него скорость?

— От Москвы до любой точки фронта долетит за три часа.

— Нашего человека взять сможет?

— Иначе я бы не предлагал.

Смеется.

— Что ж, это дельное предложение. Завтра потолкуем.

На следующий день, 25-го, он позвонил об этом Кузнецову, заместителю Мехлиса. То отнесся сочувственно, но заявил, что Коккинаки это не их летчик и тут он помочь не может.

Тем временем я смотался к Володе.

— Что, Лазарь?

Я рассказал. Он задумался на минуту.

— Какое расстояние?

— Тысяча в один конец.

— Где посадка?

— Вильно, Гродно, Белосток, Брест, Львов.

— Бензин там есть?

— Будет.

— Аэродромы хорошие?

— Не знаю.

— В один день не уложимся. Придется ночевать во Львове. К обеду будем знать. Кто летит от вас, кроме тебя?

— Надо бы фотографа.

— Не сумею. Надо брать полный экипаж. Пять человек: я, штурман, радист, механик и ты. Груза могу взять до двух тонн. Я согласен, пусть Ровинский позвонит Сталину. Без разрешения правительства меня не пустят. Согласен лететь на любой серийной машине — они все хорошие.

— А если Кагановичу?

— Ну пусть ему. Тот уже знает, с кем надо согласовывать.

Поглядели на карту, прикинули.

— Можно и к ленчу обратно вернуться, но тогда без посадки, а это небе не интересно.

— Еще один вопрос, Володя. Там много банд, поэтому я бы советовал вооружение не снимать…

— Турка! Поэтому я и говорю сразу, что лететь надо полным экипажем: штурман в рубке, радист-стрелок, механик на все руки, да и ты, наверное, в заварухе не будешь без дела сидеть. А польские аэродромы интересно посмотреть. Может и пригодятся. бедному летчику все нужно.

Понемногу разговор зашел о новых полетах

— Вот ко мне сегодня паренек один пришел с краю света. Предлагает полет один сделать. Я его в правительство послал. Когда, мол, будет ответ, тогда и я отвечу. Вот ходок: из Комсомольска, представляешь?

Поговорили о планах вообще.

— Я сейчас на распутье. По проторенным путям ходить не интересно. Ну еще 100- километров в длину или 100 метров в высоту.

— А ты построй себе машину. Пост строил, Говард Юз строил, Маттерн строил…

— И «РВ-3» строили. Не в этом дело. Из каждой машины можно выжать больше, чем все думают. Доказал я это на поликарповской — доказал, на ильюшинской — доказал. Летишь чуть не вдвое дальше и выше, чем полагается. Сами конструкторы не верили, говорили, что не выйдет. На что смел Ильюшин, а когда я летел с полной нагрузкой — смотался от страха в Воронеж… Не надо кидаться старыми машинами. Вот Громов — прекрасный летчик, нечего про него сказать не могу, опыт огромный, культура, но из своей машины не все выжал. Не все. А погода была идеальная. Я перед своим полетом на запад все их графики и профили погоды — и Чкалова и Громова — рассмотрел

и изучил. Молча, никто не знал. И сейчас могу сказать — не все он выжал.

— А чем бы ты занялся?

Молчит. Я ему рассказал о том, как зародилась идея полета через полюс, как мы ее вынашивали с Леваневским. Сказал, что по-моему надо «Правде» выступить организатором большого, интересного полета. Володя согласился.

Показал он мне с гордостью новые книги, которые купил.

— Мольер. Смотри — Брокгауза! Сенкевич. Полный! Байрон. Люблю книги. Вот только некоторые переплеты не нравятся — отдам переплести.

Пошли играть в преферанс. Он удивительно внимателен. Это очевидно профессиональное. Я побил десятку дамой и сделал чуть заметное движение пальцем, чтобы взять взятку. Он заметил: «Не всякая дама берет» и покрыл козырем.

Полет на фронт видимо его очень заинтересовал. В полночь с 25 на 26 сентября он мне позвонил в редакцию:

— Как?

— Ровинский еще не говорил.

— Ну ладно. Позвони завтра на завод.

26 сентября

Сегодня я выходной. Вечером по радио передавали сообщение о переговорах с Эстонским министром. Его объяснения о подводных лодках признаны неудовлетворительными и объясняется почему. Выводов нет. Интересно, какие оне последуют.

Ночью позвонил Мержанову. Он дежурит.

— Что нового?

— Самолетом из Минска привезли материал от наших ребят с фронта. Много, но мелко. Леопольд утром вылетел из Киева на фронт, больше сведений о нем нет.

— Ровинский меня не искал?

— Нет.

Значит, с Кагановичем он еще не говорил.

27 сентября

Сегодня в 6 часов вечера неизвестной подводной лодкой в Балтике потоплен наш пароход «Металлист». 19 человек подобрано, 5 погибло. Идет короткое сообщение без комментариев.

Риббентроп прилетел на трех самолетах. Погода была отвратной, но прибыли вовремя.

В 4 ч. ночи прибыло сообщение о том, что он был принят т. Молотовым. На приеме присутствовал т. Сталин. Беседа длилась два часа.

Иностранная печать проявляет большую нервозность в связи с поездкой Риббентропа в Москву. Они выдвигают две версии: беспокойство Германии за усиление советских позиций на Балканах и 2) дальнейшее упрочение и развитие германо-советского сотрудничества.

Утром Михельсон сообщил, что на кораблях Балтики появились спецкоры «Извести» из Москвы. Мы сообщили Ровинскому. Пока не надо.

Но в 6 ч. утра он решил послать завтра (вернее, сегодня) в Ленинград двоих. М. Неймана и писателя Вс. Вишневского. До чего обидно!

Позавчера на Белорусский фронт вылетел на самолете Костя Тараданкин от «Известий» и Мих. Розенфельд — от «Последних Известий по радио» Наши ребята за сегодняшний день не передали ничего. Весь материал делали из загона. Лишь в 5 ч. утра Володя Верховский позвонил, наконец, из Белостока и передал две вещи: «Будничная работа городского управления» (я ее поставил в номер) и очерк о жизни сегодняшней в Белостоке (сдали, но поставить не успели).

Леопольд вчера вылетел из Киева на фронт, но пока о нем ни слуху ни духу.

Настроение в редакции довольно бурное. Все хотят на фронт, остро завидуют уехавшим и посему ругают их на все корки за неповоротливость.

Был у газете маленький курьез. Сегодня идет в номер статья архитектора Мордвинова о скоростном строительстве домов. Ровинский шутя заметил:

— Наверное иллюстрационный отдел поставит сверху клише разрушенных улиц Вильно.

Через час из его кабинета раздался гомерический хохот. Оказывается, иллюстрационный отдел действительно поставил снимок: разрушенные бомбардировкой дома Барановичей. Конечно, сняли.

Трудно работать. В продолжении десяти дней мы ежедневно даем от 3 до 4 полос. А работает нас в отделе по существу трое: Коссов, Мержанов и я. Туговато приходится. Каждый день сидим далеко за зарю. Вот и сейчас около 7 утра, а конца еще и издали не видно.

28 сентября

В 7 часов утра заканчивая свое дежурство от 27 сентября, я зашел к Ровинскому. Газета уже была кончена, мы ждали первых экземпляров. Светило солнце, люди шли на работу — в общем обычная картина.

— Ты звонил Кагановичу о Коккинаки? — спросил я его.

— Нет и из этого ничего не выйдет. Его не пустят.

— А, может быть, стукнуться в Аэрофлот? Стоит?

— Безусловно стоит!

Пошел спать В 6 вечера проснулся, позвонил Володе:

— Ничего не выходит.

— Я так и думал. Ты что сейчас делаешь?

— Работаю.

— Тогда не мешай. Пульку гоняем.

Поехал к Молокову. У него сидит Картушев.

— Куда собрался лететь? — спрашивает Василий Сергеевич.

— Никуда.

— Ну да, втирай очки! Затем ведь и пришел.

Я изложил план. Заинтересовались.

— Машину надо дать, — сказал Молоков. — Дадим «Дуглас», он возьмет тебя и газеты.

Начали подсчитывать расстояния, достали карты. Подсчитали нагрузку. Выходит, тонны полторы возьмет.

— А летчиков каких дашь?

— Летчиков дадим хороших, — смеется Молоков. — Таких, чтобы до Москвы обратно долетели. Договаривайся с Ровинским.

Дальше начали расспрашивать о международных делах. Особенно интересуются Эстонией. Со шкафа стянули карту. Посмотрели.

— Ну, пойдем обедать, — говорит В.С. — У меня дома огурчики из деревни — самые чудесные.

— Ты где отдыхал?

— На даче, под Москвой. Физическим трудом занимался, ходил много.

— Полетим, а, Василий Сергеевич?

— Что ты! Мне сейчас без разрешения на 100 км. от Москвы отлететь нельзя (с грустью). Долетался Молоков!

— А как с твоей книжкой?

— Не знаю. Вот все мечтаю — отделаться от этих дел, взять рукопись и засесть за нее.

Он молчаливо намекает на мою помощь. Я молчу. Некогда.

— Ну, пойдем. Сейчас 10 часов, а мне завтра сюда к 8.

— А что?

— Лекция по истории партии.

— Выкраиваешь все-таки время?

— А что тут хитрого: встал пораньше — вот и все.

Сошли. На улице — дождь, слякоть.

— А где твоя машина?

— Машина? Я вечером всегда пешком домой хожу. А то на свежем воздухе совсем не бываю.

От Молокова я зашел к ГУСМП (главупрсевморпути) к Ширшову. Сидит. Большой кабинет. Карты.

С наслаждением Петя сел в мягкое кресло для посетителей: «Устал в своем»

Тоже накинулся — что слышно в мире. Объяснил. Дальше речь пошла об арктических делах.

— «Сталин» сегодня пришел в Мурманск. Боялись мы за него очень. подойдет какая-нибудь «демократическая» лодка и утопит. Им заманчиво гробить такой ледокол! Так я его в такое укромное место упрятал, что никто и догадаться не мог. Кроме меня только два человека знало, где он находится. Даже начальник морского управления не знал. А потом молча дошел до Мурманска. Ну сейчас хоть Иван Дмитриевич приедет — разгрузит меня. А то совсем зашился. Когда меня назначили директором диетического института — я бесился. Потом отрегулировал дело, наметил: вот с 7 часов буду освобождаться, дальше все расписал. Займусь, мол, научной работой, обработкой наблюдений. Бац! — сделали замом по ГУСМП. А тут потом еще Папанин уехал. Все пришлось забросить. Ну ничего, нажму, закончу работу. Надо же: зимовали, а итогов нет.

— Что слышно про «Седова»?

— Суда по характеру дрейфа, между ними и берегами Шпицбергена (к NOот него) имеется или большая полоса чистой воды, или очень разреженный лед. для меня это несомненно. К марту их, видимо, вынесет в Гренландское море. Надо будет выводить.

В полночь пришел домой обедать. Звонок. Звонит Антонина Дмитриевна Белякова:

— Приехал Александр Васильевич. Он очень просит вас с супругой приехать завтра вечером к нам. Он хочет порассказывать в виденном. Будут только свои.

Я обещал.

Поехал в редакцию. Час ночи. Ровинский только что приехал из Кремля привез текст пакта о взаимной помощи с Эстонией. Как здорово сделано! Вот удар всем.

Дали телеграмму М. Нейману и Макаренко возвращаться в Москву.

Рассказал ему о разговоре с Молоковым.

— А сколько будет стоить? Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч?

— Не знаю.

— Узнай!

Сообщил о Белякове.

— Во-первых, закажи ему немедленно статью, во-вторых —

узнай, может быть можно полететь с ним.

В 3 часа ночи пришло сообщение о том, что Молотов устроил обед в честь Риббентропа. Присутствовал Сталин. Затем приехал Мехлис. Сидел около часа и уехал вместе с Ровинским.

В 4 ч. утра нам сообщили, что будут снимки в номер. Какие — неизвестно. В иллюстрационном отделе пусто. Срочно послали машину за двумя ретушерами и предупредили цинкографию.

На том я уехал домой.

На нашем западном фронте без перемен.

Днем звонил в Минск. Оказывается, в Вильно собрались все наши: Лидов, Ярощук, Катаев, Черствов, Девишев, Темин. Ух!

Лидов прибыл в Минск и начал проситься в Москву. Ровинский велел ему сегодня же вместе с Теминым вылетать в Варшаву. Вылетели. Черствов отзывается в Москву.

Леопольд, наконец, прислал первую корреспонденцию, но о возвращении молчит. Материала по-прежнему чуть-чуть. Хорошую вчерашнюю вещь Верховского («Старое и новое») и заметку Черствова в Виленской комендатуре ставим с благоговением.

Ехал вместе с Кукрыниксами. Они приезжали специально к Ровинскому, чтобы их послали на фронт. Рассказали о трех категориях композиторов — «ведущие, завидущие и молодые ворования». Сказали, что некоторые писатели издают «полные содрания сочинений».

29 сентября

Вчерашняя газета вышла сегодня в час дня. Опубликован договор о дружбе Германии и СССР, снимок Сталина, Молотова и Риббентропа, подписывающих договор, карты границ СССР и Германии, письмо т. Молотова Риббентропу и ответ его, договор о взаимной помощи СССР и Эстонии.

В Москву едет министр иностранных дел Латвии.

Леопольд прилетел в Киев. Остальные — неизвестно где. Из Минска вылетел в Москву самолет с материалами.

На приеме Риббентропа т. Сталин спросил Ровинского:

— А где Калашников? Почему не снимает?

30 сентября

Вечером был у Белякова на даче. Пара удобных комнат. Серебряный Бор. Радио. Буфет. Приборы. За столом — Антонов, Гиллер, Анищенко, батальонный комиссар Рубинштейн, их жены.

Беляков немного рассказывал о Львове, откуда он только что вернулся. До Киева он летел на СБ, дальше на «У-2», сам. Аэродромы все побиты, садиться на тяжелых машинах нельзя. Стоят там трофейные польские машины, немного немецких.

Немцы механизированы отлично. К нам относятся корректно.

Сел к ним по ошибке наш летчик, подломался. Починили, накормили, выпустили.

1 октября

Вчера из Западной Белоруссии вернулся Черствов. В военный форме, с револьвером. Рассказывает, что связь организовать, конечно, можно: в распоряжение журналистов можно получить и телеграф, и телефон, и военный провод, и послать самолетом.

В Вильно жизнь понемногу утрясается. Магазины открыты, но купцы требуют русских денег. Цены сравнительно стабильны. Продуктов мало. Бойцы питаются хорошо. На улицах днем тихо, ночами постреливают. Так в одного часового выстрелили три шед9их мимо женщины, оказывается — офицерские жены.

Сегодня, наконец, прилетел и Железнов с Калашниковым. Они вылетели позавчера из Киева и из-за непогоды застряли в Брянске.

Нашелся и самолет, посланный два дня назад из Минска — тоже сидел где-то. Он привез очерк Катаева и иные материалы.

Сегодня дежурил Ярославский. Заставил меня вдвое сократить какую-то статью, потом вызвал и попросил проверить, есть ли связь между абзацами. Говорит:

— А то получается, как при цензуре Пушкина: «птичка гласу Бога внемлет, четь начальству отдает».

Кончили сравнительно рано: в 5 часов. Аж все удивляются!

Ночью пришло сообщение о приеме т. Молотовым турецкого министра ин. дел Сараджоглу. На приеме присутствовал т. Сталин. Беседа продолжалась 4 часа.

Вчера узнал две тяжелые вести.

В бою с японцами погиб Сеня Супрун.

На Витебском аэродроме руливший самолет разбил винтом голову Грицевцу. Получив дважды звание Героя, быть в опаснейших переделках и так глупо погибнуть! Нелепо до безобразия…

6 октября

Вот уже целую пятидневку не писал ни строчки. Некогда. Каждый день уходим в 7–8 утра. Вчера подсчитал: за сентябрь мы дали 75 полос, в т. ч. 26 по Западной Белоруссии и Западной Украине.

Но кое-какие события восстановить надо.

Редакционная жизнь течет нормально., без событий. Иностранная развивается довольно бурно и в темпе.

2 октября в Москву прибыл министр ин. дел Латвии г-н Мунтерс. Вечером того же дня его приняли т.т. Молотов и Сталин. Беседа продолжалась 2 часа. Сегодня в газете опубликован пакт о взаимопомощи между СССР и Латвийской

республикой. Они дают нам возможность строить базы флота в Либаве, Виндаве и в проливе Ирбенском, и несколько аэродромов — тоже на «правах аренды по сходной цене.»

3 октября в Москву по приглашению т. Молотова прилетел мининдел Литвы г. Урбшис. Вечером 3-го он был принят т. Молотовым и т. Сталиным на 2 с лишним часа.

3-го же турецкий мининдел Сараджоглу был принят раздельно Ворошиловым, а затем и Микояном.

5 октября т. Молотов дал обед в честь Мунтерса. Присутствовали все члены ПБ во главе со Сталиным. Вчера же он уехал из Москвы.

Англия и Франция пока не торопятся отвечать на предложения о мире. Оказывается, им нужно официальное предложение. Вспоминается 17 сентября. Дневные и вечерние газеты в Лондоне уже напечатали речь т. Молотова. Красная Армия во всю шагала по Польше. Журналисты вечером обратились в министерство иностранных дел. Им там объявили, что пока оно еще не располагает официальными материалами, позволяющими утверждать, что советские войска вошли в Польшу. К слову сказать, и на договор о дружбе с Германией английские газеты откликнулись лишь через день. Прикусили от внезапности язык!

2-го Чемберлен выступил с речью в парламенте. Говорил он очень сдержанно по отношению к СССР, немного навалился на Германию, заявив, что не немцы, а Англия будет диктовать сроки войны. Судя по его речи (и последовавшему затем заявлению Деладье в кабинете министров) союзники решили продолжать войну. С другой стороны, обращает на себя внимание, что к Гитлеру приехал итальянский мининдел г-н Чиано и, пробыв сутки, пулей помчался обратно в Италию, где был немедленно принят Муссолини.

Поживем — увидим…

4-го октября на летучку пришли писатели Лапин и Славин. На летучке и в личной беседе со мной они рассказывали всякие эпизоды о войне в Монголии.

— На протяжении долгого времени война носила позиционный характер, говорит Лапин. — Это до того надоело войскам, люди до того рвались в бой, что дело доходило почти до ропота. Все рвались вперед, ходили выражения «полоскать портянки в Порт-Артуре» и т. д.

— Японцы дрались хорошо. Солдаты, попадая в плен, быстро свыкались, офицеры часто кончали самоубийством. Иногда бывали курьезы. Офицерам было приказано в случае пленения — откусывать или прокусывать себе язык, чтобы не проболтаться.

Захватили мы как-то двоих. Один прокусил, он у него распух, образовалась гангрена, пришлось оперировать. другой отнеся к приказу формально, и только надкусил язык, считая, что такой дисциплинированности вполне достаточно (Лапин).

— Место там довольно голое. Примерно в 100 км от линии фронта находился небольшой городок в 250 юрт. Но он нам казался громадным. И мы его назвали «город-спрут» или «новый Вавилон». В 50 километрах от фронта помещалась редакция нашей газеты «героическая красноармейская» — в 5 юртах. Так что когда японцы вылетали бомбить тылы, то у них большого выбора не было: они бомбили либо «город-спрут», либо нашу редакцию (Славин).

— В редакции там мы работали также, как в редакции здесь. Только разъезжали не в такси, а в танках и броневиках. Вот и вся разница. Люди свыклись с считали это вполне нормальным. Около редакции была вышка, на которой сидел цирик, обязанный предупреждать о появлении самолетов. Он трубил при виде каждой машины — нашей и неприятельской. А так как машин там довольно много, то он трубил с утра до вечера, так что все перестали обращать на него внимание. К тому же он бывал бдительным только при солнце, в плохую погоду — заворачивался в кошму и спал (Славин).

— Фотографы Темин и Бернштейн работали блестяще, бывали в самых опасных местах. Но натура фотографа все же сказывалась. Поехали мы в одну часть. Нагнали политрука. В чем дело? Узнал, что в этой части находится его брат, которого он не видел десять лет. Произошла горячая встреча. Фотографы не сняли, а заставили братьев еще раз обняться (Славин).

4-го октября во Львове состоялся большой митинг. Выступили Н.С. Хрущев и Тимошенко. Митинг транслировался по радио. Оказывается, в этот день во Львовской газете было опубликовано воззвание временного управления г. Львова к управлениям других городов о созыве народного собрания, которое должно решить, чем будет Западная Украина (также — и в Зап. Белоруссии) буржуазной республикой, социалистической республикой, присоединяться ли к СССР.

Никита Сергеевич выступил как раз по этому поводу. Горячая речь, напоминающая речи 1919 года. Он сказал, что эти собрания состоятся в 20-х числах октября и будут абсолютно свободными. Встретили его ураганной овацией.

В связи с этим редакция вчера сформировала и сегодня услала в Западную Украину бригаду в составе Железнова, П. Павленко, Л. Никулина, Лапина, Неймана, Рыклина и Озерского. Ребята уехали, а мы опять на кочегарской вахте.

Приехал из Вильно и опять уезжает туда Н. Ярощук. Ходит стройно в форме старшего политрука. Он шел с передовыми частями корпуса Черевиченко. Рассказывает:

1) Когда мы находились примерно в 100 км. от Вильно, пришла телеграмма комдиву от Сталина и Ворошилова — взять Вильно такого-то числа. Черевиченко мигом собрал командиров, прочел им телеграмму и спросил:

— Ну как, хлопцы, уважим просьбу т. Сталина?

И все загудели:

— Уважим, товарищ Комдив!

Он коротко объяснил задачу. Попросил всех подвести часы, дал сроки, места.

— Все ясно?

— Все!

— По коням!

И ночью в один прыжок достигли Вильно.

2) На кладбище, где похоронено сердце Пилсудского, засели несколько сот офицеров и орудиями и пулеметами. Постреливали. Наши были в городе уже сутки. Черевиченко вызвал к себе командира танковой группы и приказал:

— Через два часа доложи о ликвидации группы. Наказ: ни одного бойца чтобы не было ранено и убито. Понятно?

— Понятно.

Танки со всех сторон ринулись на кладбище. Смяли все в крошку. Через два часа командир докладывал комдиву о выполнении задания.

— Все наши бойцы целы?

— Целы.

— Офицеры живы?

— Какие как. Есть живые, раненые.

— Так. А могилу Пилсудского бачил?

— Никак нет, не разобрал.

Черевиченко подумал и сказал:

— А мабуть ее там и не було.

Могилу и впрямь сейчас уже не найти.

Писатели по-прежнему дают неровно. С великими муками печатаем Катаева; два очерка Вашенцева и один Исбаха переслали в «Литературку».

18 октября

Много воды утекло. Подписаны пакты с Литвой и Латвией, в Москву без конца ездят финские уполномоченные, германские экономические делегации, демаркационные группы и т. д. и. т. п. Уехал, наконец, вчера обратно Сараджоглу в Турцию. Сегодня состоялось подписание советско-латвийского торгового

соглашения. Сегодня же наши войска начали переход на территорию Эстонии. Все совершается чинно и очень торжественно.

Несколько дней назад аэрофлот отправил в небеса стратостат-парашют «Комсомол», объемом в 19000 кубиков (подробный репортаж о нем, экипаже, старте см. в № «Правды»). Судя по сообщениям экипажа, он достиг высоты 16800 м. Пошел вниз. Оболочка превратилась в парашют. Связь с землей была нормальной. Сначала спускались со скоростью не больше 4 м/сек. Затем она стала возрастать. На 12 км. связь с землей прекратилась. Тут начали понемногу паниковать.

Часика в 2 ночи я позвонил Картушеву домой.

— Слава Богу, сели! Бандура в дым. Но хоть сами живы. Хорошо, что оболочка сгинула, а то бы нашлись охотники повторить.

Оказывается (по рассказу командира экипажа Фомина) на высоте 9000 м. оболочка воспламенилась (те же разряды статического электричества от трения, которые сожгли 300 000 кубиков у Прокофьева). Экипаж пустил в ход гондольный парашют, но ему мешали раскрыться металлические тяжи оболочки. Все же остатки системы предохраняли кабину от вращения, служили стабилизатором. Это, собственно, и спасло экипаж: иначе они бы не могли выброситься.

На высоте 4000 выкинулся Волков, за ним — пилот. Фомин сбрасывал балласт, чтобы облегчить удар кабины о землю и на 1500 м. прыгнул сам. Опустился он в 500 метрах от кабины, остальные — в 2-х километрах. Кабина шлепнулась в болото, изрядно помявшись, но приборы как будто целы.

Вот не везет с этим поднебесным (или вернее, небесным) хозяйством!

Вчера были у нас сразу три писателя: В. Катаев, Б. Левин, А. Эрлих. Все вернулись из Западной Белоруссии и сматываются обратно. Катаев ходит в штатском, Левин — с нашивками полкового комиссара, Арон — просто в военном.

— Почему Вы не там? — спрашивает меня Левин.

— А… кочегарская вахта…

Смеется.

— Будете писать книгу? — спросил я Катаева.

— Только не фактическую. Напишу на этом материале повесть. Это будет интереснее. Зреет. Дайте мне денег.

Левин:

— Скучно писать однообразный материал. Хочется найти новую форму. А информацию мы все равно даем хуже журналистов. Эотите, я вам дам фельетон смешной, а?

— Хочу.

Сегодня принес. «На разных языках». Забавно.

— Я сам когда писал, смеялся. Годится?

— Я прочел, годится.

Обрадовался.

— Я с дороги еще напишу. Вот это настоящая работа.

9 ноября

И до чего время быстро катится, аж спасу нет! Вот прошли уже Народные Собрания Западной Украины (26-го октября) и Западной Белоруссии (28 октября). Люди проголосовали за советскую власть. 31 октября открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР. Выступил т. Молотов. Всыпал по первое число турка, финнам, щелкнул по носу американцам.

Это выступление в центре внимания иностранной печати. Финны наклали полные штаны: их правительство заседало до упора. Турки молчат, как ободранные.

Вчера на сессии делегаты народного собрания Западной Украины докладывали о своем желании установить советскую власть. Особенно горячо, ярко, самобытно выступала батрачка Ефимчук. Это — прирожденный оратор. Мы слушали в секретариате, не переводя дыхания. К сожалению, в переводе на русский язык ее речь много потеряла в образности.

Сегодня докладывают белорусы. С двумя из них — писателем Пестрак и ткачихой Дьячук — я беседовал 31 октября в гостинице «Москва» ночью (см. статью).

Дней пять назад мне позвонил Сергей Ильюшин:

— К 60-ти летию т. Сталина госполитиздат выпускает книгу. Они просили меня написать о моих встречах со Сталиным. Я очень прошу тебя помочь мне. Сделаешь?

— Хорошо, с удовольствием. Ты откуда?

— Из дома. Лежу, брат. Ишиас и почки…

— Коррозируют?

Смеется.

— Да. Усталость материала. Я, брат, раньше не знал, что такое болезни.

— Это всегда так: если долго машину оставляют без профилактики, то потом приходится делать средний ремонт.

Доволен техническим сравнением.

В тот же день позвонил Кокки.

— Это я к тебе направил Сергея. Исходил из двух соображений — это тебе понадобится и для «Правды», второе — ты сделаешь это и для меня. Правильно?

— Согласен. Что делаешь?

— Работаю много, Лазарь. Только вот беда — погода держит.

Ох, как она меня держит! Но на днях все-таки сделал один хороший полет. Очень хороший!

— Далеко?

— Не так, чтобы очень.

— Высоко?

— Не то, чтобы слишком.

— Глубоко, что ли?!

— Да ты не сердись, турка. Я на ней дал (столько то) с кругляшками. Понимаешь, на серийной!! Вот это работа. За два часа отмахал… километров. Вот видишь и не то, чтобы высоко, и не то, чтобы далеко, а хорошо! Как футбол?

С 25-го меня перебросили в советскую группу на выборы. Решили мы заручить несколько героев в корреспонденты. Звоню Водопьянову. Болен ангина.

— Когда встанешь? Поедешь от нас?

— К сессии. Куда угодно.

Байдук:

— Поедешь?

— Нет. Работы много. Сам вот собираюсь к избирателям. После сессии.

— Напишешь подвал?

— С удовольствием.

Мазурук:

— Благодарю за честь. Поеду — обязательно дам. Сам собираюсь после сессии.

Молоков:

— Василий Сергеевич, поедем к твоим избирателям?

— Скажи когда — поеду. Бить они меня будут: мало бываю. Так переписка наладилась хорошо, а вот бывать некогда. Каких только дел нет! Вот тут два типа из областного земельного управления забрали себе участок на четверых. Жил там сторож в халупе. Пришли с топорами, мать их… Ну и он за топор. Отступили. И нигде управы найти не могли. Я писал на место, в Моссовет — не помогает. Написал выше — наконец, одернули.

4 ноября был у Кокки. Посидели, сыграли в преферанс втроем. Зашел разговор о Супруне.

— Треп. Живой.

Я обрадовался.

Валентина Андреевна в разговоре сказала, к какому-то слову, что Козляк получил квартиру. Оказалось, ему помогал Володя. Я выразил недоумение по адресу Козляка и сказал, что на его месте никогда бы не стал обращаться к высоким друзьям.

— Нет, ты не прав, Лазарь. Я вот сам так мыслю, но отлично понимаю положение и состояние людей, которых прижмет к

стенке так, что деваться некуда. Я такое состояние очень понимаю и всегда иду навстречу.

Дальше зашел разговор о батисфере. Он слушал очень внимательно.

— Надо сначала ее пробно испытать. Нельзя сразу лезть. Технических вопросов много встает?

— Много.

— Вот это интересное дело.

Эти дни много возился с депутатами Западной Белоруссии — делал их статьи в октябрьский номер.

Вот несколько штрихов:

1. На следующий день по окончании сессии все снялись в Кремле с членами ПБ. Заморочившись, об этом не знал писатель Пестрак. Убивался:

— Прямо плакать хочется. Ведь со Сталиным сняться — это один раз в жизни бывает.

2. В коридоре «Москвы» на меня бросилась незнакомая молодая женщина:

— Что же это такое, товарищ? Я до сих пор не верю себе — еще два месяца назад я сидела в тюрьме, а вчера была вместе со Сталиным в Кремле.

9 ноября

Был у Молокова. Вечером сидели в его кабинете. Он рассказывал о своих встречах со Сталиным. (стенограмма в редакции). Часиков в 11 пошли домой. Пешком. Сыро, мокро, топает.

Встретил в Севморпути Ушакова:

— Георгий Алексеевич! Есть одна авантюра!

— На авантюру всегда согласен. В чем дело?

— Потом скажу, зайду.

— Так ты скорее заходи!

21 ноября

Вечером был у Кокки. Лежит — грипп. Сыграли три партии в шахматы. Играет вдумчиво, но средне. Потом сидели, пили чай. Я привез ему статью для сборника к 60-тилетию Сталина («Наши встречи с т. Сталиным»). Ему не понравилось:

— Слишком много «Я», «мне», о моих полетах. Надо переделать.

Он был прав.

Рассказывал во время чая. Сидели вдвоем, выключил радио.

— Вызывает меня в начале августа Клим и говорит:

— Поезжай на восток.

— Зачем?

— Надо, дело есть, один полет сделать.

— Не поеду.

— Почему?

— Не привык так, налетом. Работу большую могу сделать, только дайте время, а на раз не пойду.

— Боишься марку потерять?

— Вот именно.

— Реноме?

— Да, реноме.

— Пиши мотивированную записку об отказе.

Написал. А вообще туда поехать поработать надо. Вот летом поеду. Только поездом долго, хочу смотать воздухом. Прошлый раз мы до Хабаровска летели около двадцати часов. Сейчас мне будет очень некогда: хочу смотаться за 16 часов.

Он подумал, подсчитал в уме и, улыбаясь, сказал:

— А может быть, и в 15 часов уложусь.

— А машина?

— Что ж машина! Начинаю собирать. У меня сейчас нет машины. Развалилась. Вот я и стреляю потихоньку, как барахольщик. На одном заводе мне обещали крылышки дать, я им сразу и задание дал бачки поставить. Бачки заказал по блату на другом заводе. Фюзеляж выжму из Журавлева. Моторы возьму на испытание на заводе… С миру по нитке…

— Так это же все арапство.

— Чистейшей воды. Но до поры, до времени. Можно собирать на арапа, но готовиться и лететь на арапа нельзя. Тут надо все делать наверняка.

— А что тебе даст этот полет?

— Во-первых, чисто технический авиационный результат будет весьма солидным. Во-вторых — тогда можно будет через год податься и вокруг шарика.

— Что?! (я опешил)

— Да, да. Вот давай подсчитаем. Сколько Юз летел, я не помню?

— Кажется за 82 часа… (я ошибся: Юз летел 91 час).

— Сильно! Но побить можно. (Видно было, что расчет он делал впервые, со мной, вот в этот вечер). Посадки займут много времени. Садиться по утвержденной трассе надо в Москве, Омске, Номе, Нью-Йорке, Париже. Значит, четыре заливки. Сколько каждая может продолжаться?

— Часа два.

— Возьмем три. Итого — двенадцать.

— В Номе аэродром маленький.

— Это важно. Размеры не помнишь?

— Нет. Помню, что Леваневский хотел лететь от Нома

напрямую в Нью-Йорк, а потом побоялся, что длины не хватит для полной нагрузки.

— А сколько в Щелкове бежал?

— Много. С верху горки и до, знаешь, выхода из штаба.

— Ну вот. А я снизу горки и оторвался у первого ангара. Нет, вылезу из Нома. Так, подожди. Заправки — 12 часов. Часов 10 надо иметь в запасе. Следовательно -22 часа, остается шестьдесят. Расстояние 22 500 км. Так. Если держать все время 400 км/ч — что с копейками или без копеек — то рекорд уже бит. А можно пройти и быстрее.

Он воодушевился этой идеей. Пошли в кабинет, к карте.

— Из Москвы — на Омск, оттуда напрямую через Якутию в Ном. Там через Америку в Нью-Йорк. Океан? Да, пожалуй лучше вылетать не из Москвы, а из Нью-Йорка.

— Почему?

— 7500 км. над водой — это не шутка.

— Якутия — тоже вещь.

— Да, но там над землей! Над водой надо лететь на свежих моторах. Ну, а от Парижа до Москвы — пустяк, туту как дома. Раз плюнуть! Лететь надо троим. Три летчика — каждый чтобы штурманить мог.

— Так ты и доверишь одному!

— Одному нет, а двоим — да. Когда я буду вести — пусть оба спят.

— А ты откуда такой штурман-связист?

— Эге, ты знаешь, я у себя на заводе поставил ключик и барабаню каждый день. Выберется чуть позже время — поеду в НИИ изучать радиокомпас. Сам себя буду хозяин, не буду кричать: «Миша, Мишенька!! Ну найди мне на минутку эту станцию. На одну секундочку!»

— А у меня лучше есть маршрут…

Оживился, заинтересовался.

— Какой?

— Вокруг, через два полюса.

Он задумался на минуту:

— А что это даст? На скорость тут жать нельзя. Да и чесать на юге ой много (он подошел к карте) — от Огненной Земли 40о, да до Австралии 40о. Нет, это не работа.

— Ну иди. Уже два. А мне завтра летать.

— Куда?! Ты же больной!

— Ничего, отлежался. На высоту надо.

— Соскучился?

— Какое! Знаешь, я недавно смотрел отчеты наших летчиков (их четыре). Так они все налетали на высоте меньше половины

моего в этом году. У меня как-то получается — что ни полет, то на высоту.

— Раза два в неделю ходишь?

— Я тебе говорю — каждый полет. И все 10, 11, 10, 11 км. Вот под выходной ходил (как раз и простудился, t = -48°). Так я сразу четыре задания в один полет выполнил: скороподъемность, потолок, километраж, и скорость на снижение до земли. Вчера мне лаборант звонил: «Знаете, Владимир Константинович, все точечки, как в теории получились, никакой средней выводить не надо — вот это работа!». Всё удивляется.

Вчера вечером в редакцию заехал Папанин.

— А где Лев, почему не видно?

— Лежит пластом, болен.

— Что ты говоришь? Эх, уже первый час! Если бы не так поздно, я бы заехал к нему.

Сегодня Лев мне говорит:

— Звонил сейчас Папанин. Спрашивает, как здоровье, не надо ли чего?

30 декабря

Заворачиваются интересные дела с Финляндией. Они отвергли наши предложения, посему переговоры были прерваны. 26-го финны обстреляли наши погранвойска из орудий. Это у нас в редакции стало известно в 12 ночи. В 1:30 ночи ушел домой. Только пришел, еще в пальто — телефон:

— Немедленно к Ушеренко, Бегом!

Прихожу.

— Садись делать полосу откликов на ноту Молотова. Вот нота. Отклики можно делать порезче, чем нота.

Разослал людей по заводам. Митинги были в 3–4. В шесть все сдал, в семь сверстал, в 8:20 кончили газету.

28-го финны ответили базарной нотой. Молотов ответил очень резко. В «Красной Звезде» был опубликован приказ по войскам Ленинградского военного округа, в котором говорилось: «в случае новой провокации — отвечать огнем, вплоть до уничтожения стрелявших».

В Ленинград еще 18 или 19 уехали Верховский, Ходаков, Темин, Бернштейн, вчера выехал Иткин.

В 12 ч. ночи с 29 на 30 декабря Молотов выступил по радио дипломатические отношения с финнами прерваны.

Сегодня с утра все ходили по редакции и спрашивали друг друга «что слышно?». Часика в четыре поступили первые сведения от иностранцев: наши части перешли в наступление в 9 часов утра, самолеты бомбили аэродром в Хельсинки и Свеаборг (крепость).

К 9 часам вечера стало известно, что мы углубились на 12–15 км., ширина фронта 120 км. Ребята наши — с частями.

Город пока еще ничего не знает. Звонков нет.

1940 год

19 февраля 1940 года

Много воды опять утекло. Ушел старый год. Я успел смотаться в Арктику к «Седову», вернуться, начать работать, а дневник все лежит.

Ну, эту воду надо будет потом восполнить, а пока запишу только сегодняшний день.

Утром, когда я еще спал, позвонил Папанин из Архангельска.

— Здравствуй, Лазурька!

— Здравствуй!

— Ну как дела с писаниной?

— Никак. Плохо идет дело.

— Почему?

— Материала мало.

— А ты папку с приказами у Фирсова взял?

— Да. А что там есть?

— А, может, тебе сюда подъехать? И материал для «Правды» подберешь, и с книжкой посидим? А? Ну я тебе еще буду звонить. А насчет списка не беспокойся. Я сказал — будешь, значит — будешь.

— Звони.

Днем занимался подготовкой юбилейного номера (день Красной Армии), говорил с зашедшим Ардаматским, доделывал передовку «Сталинские стипендии в ВУЗах».

Вечером позвонил Коккинаки. Подошла Валентина Андреевна.

— Вовка, иди, тебя Лазарь зовет.

— Не пойду. Спроси — что хочет?

— Позовите, по делу.

Басит:

— Ну что?

— Ты давно знатный стал?

— Нет, я не потому. Партнера нет, так я думаю: может, если не подойду, так ты приедешь? А, езжай! Зина дома?

— Я из редакции. Володя, надо статью к 50-тилетию Молотова о встречах.

— Неужели он такой молодой?

— Да вот, так получилось.

— Ну, приезжай.

— Со стенографисткой?

— Нет, один.

— Я голодный.

— Наскребем.

Приехал. Вал. Андреевна вышивает скатерть. Володька листает книжку «Торговцы смертью» (о пушечных королях запада — «Забавно, не читал?»). Сидит в кожаной блузе, кожаных штанах, черных унтах.

— Летал сегодня, что-то ты усталый?

— Нет, погода плохая, да и заседаловка заела. Вчера погодка лучше была.

— Летал?

— Одиннадцать раз. Смешно садился. Сел какой-то «Дуглас» и другой самолетишка. Тесно. Между ними метров 10, не больше. Мне выложили крест. А мне курить до смерти охота. Я подошел чистенько, хлопнулся у самого самого «Т» и проскочил между ними. Смеху было! Да ты садись, турка, обедать. Целый час из-за тебя суп греем. Водку будешь?

— Нет.

— А настойку от кашля?

— Лекарственную? Конечно буду!

— Будь здоров, не кашляй!

По радио дали Давыдову.

— Люблю я ее слушать. Держится хорошо, на мелочь не идет, а поет как… Вот и Барсова тоже… Это, знаешь, мастера. Не то, что Козловский.

Поговорили об опере. Очень любит «Князя Игоря». В остальных слушает хороши арии, очень любит хорошую эффектную постановку («Руслан», «Сусанин»).

Потолковали за финнов.

— Здорово, турки, дерутся! Упорный народ, воинственный.

Сыграли в преферанс.

— Писать будет?

— Нет, что ты! Давай в следующий раз. Знаешь, трудно писать. Встречался я с ним много, но все встречи кончались хозяином.

Перед уходом показал пачку писем:

— Вот еще не распечатаны. Сегодняшние, избиратели.

Я вспомнил секретаршу Папанина:

— Она: «Сегодня получила письмо. Девушка пишет Папанину — выхожу замуж, пришлите отрез на платье — 3 метра.»

11-13 февраля был актив редакции, обсуждали план работы на 1940 год. Ровинский в своем докладе рассказывал о внимании т. Сталина к газете:

— Вряд ли какой-нибудь наркомат, кроме военных, может сказать, что ЦК и лично т. Сталин так занимаются его делами. Вот, например, за время моей работы т. Сталин мне лично, по

крайней мере, четыре раза говорил о том, что не надо давать больших статей в газете.

— Почему вы даете так много фельетонов в газете? (фельетонами он называет подвал). Надо давать не больше одного, притом теоретического, экономического. Остальное должно быть небольшим.

Позвонил он как-то и спросил:

— Вот вы даете заметку и пишете внизу подпись «редакция газеты „Дагестанская Правда“». Что это такое? Это вы перепечатываете?

Я объяснил.

— А зачем вы так много места тратите на это? Дайте в подбор, в строку в скобках «Даг. правда». И все понятно. Надо беречь место. Вот вы и заголовки большие очень делаете. Это ни к чему. Это у вас много места занимает. Даете четырехэтажно — это не по-хозяйски!

Мы сжались. Знаете, сколько это дало в номере? Триста строк!!

Не помню — записывал я или нет: по предложению т. Сталина мы не стали давать в газете петит. Многим трудно читать, а газета должна быть массовой. Сталин даже в эти специфические мелочи вникает.

30 апреля 1940 г.

Вчера похоронили Пашку Головина и Пионтковского. Погибли они 27-го. Пионтковский рассыпался в воздухе на двухмоторной яковлевской машине, на глазах у зрителей за Петровским парком.

Головин летал на поликарповской машине с инженером Александровым и бортмехаником Добровым. Неожиданно свалился в штопор, а затем перешел в плоский штопор. Когда стало ясно, что машина пропала и людей спасти нельзя, Павел попробовал выпрыгнуть (на высоте 100 м. методом срыва). его вырвало и запутало в стабилизаторе. Так там и нашли. Машина сделала 7 с половиной витков, хлопнулась и загорелась. Двое совсем обуглились, Головин — немного. Но в общем всех немедленно ночью кремировали.

Вчера урны были выставлены в клубе завода № 22. Собрались почти все участники экспедиции. Приехал и Борода. Постояли в карауле. Налетела пурга Север прощался с Пашкой, а когда хоронили — солнце.

Замуровали в стене авиаторов на Девичке. Мы ходили с Эзрой и смотрели надписи. Сколько знакомых!!

Если уж быть в этой стене, то у самого края!

Проводил от газеты первомайское анкетирование: «Ваша

область деятельности через 10 лет».

Молоков ответил, что в основном будут работать на линиях «Дугласы» (ПС-84), Спирин договорился до межпланетных путешествий. Вот это диапазон!

Ильюшин ответил, что печатать его не надо:

— Я ведь смотрю на самолет, как на оружие. А при нынешнем масштабе производства в основном останется то же летательный аппарат, что и теперь, он будет качественно улучшаться. Говорить о принципиально новом типе летательного аппарата, по-моему, нет оснований.

Папанин заявил, что в 1950 году весь Северный Морской путь можно будет проплыть на байдарках.

7 мая

Позвонил вечером Водопьянову. Попросил написать впечатления в весеннем перелете на Чукотку. Смотался он взад-вперед за месяц.

— Быстро?

— Хорошо!

— То-то. Раньше чуть не годами летали. А писать не буду. Ничего не записывал, а на память не надеюсь. я тебе лучше о боях с финнами напишу.

— Поздно.

— А я рассказом. Что поделываешь?

— Да. Ничего. Вот собираюсь в новый дом переезжать.

— На новоселье позовешь? Только имей в виду, я сейчас опять не пью, как перед полюсом. И все из-за тебя. Спал это я тут недавно. И вот является ко мне Бог. Ну, поговорили о том, о сем. Потом Бог мне и говорит:

— Бросил бы ты, Миша, пить.

— Почему это? — удивился я.

— Да ты свою часть еще десять лет назад выпил, сейчас чужую пьешь.

Совсем было меня убедил, да я потребовал:

— Да ты конкретно скажи — чью часть?

Он поерзал, поерзал, я его прижал, деваться некуда.

— Да вот, — говорит, — Бронтмана знаешь?

— Знаю, — говорю, — вместе на полюс летали.

— Вот ты его часть и пьешь.

Ну тут мне до того неудобно стало, так совесть стала мучить, что решил бросить. Да ты не отчаивайся, как свою часть выпьешь — скажи мне. Чужую-то я буду пить, незнакомую.

Коля Кружков в коридоре 4-го этажа рассказал забавный случай:

— Решил как-то Безывменскйи выругать Жарова, но

литературно. И вот посылает ему на Лаврушинский такую телеграмму «Раскрываем объятия, посылаем привет. Ваши братья — Сим, Иафет».

Рыклин в ответ поделился эпиграммой — шарадой на артиста Вахтанговского театра Симонова:

«Нос горбат, проживает — Арбат, много зарабат.»

10 мая

Война расширяется бешенным темпом. Сегодня утром немцы перешли границу Голландии, Бельгии и Люксембурга (для «защиты» их от союзников), бомбили их города и французов. Англичан это, видимо, застало врасплох и они с перепугу заняли Исландию. На кой им хер эта страна — непонятно.

Как я шутил вечером с Коккинаки скоро они будут писать «вижу красивые берега Гренландии» — так сообщал Гордиенко во время полета самолета «Москва» в США.

Уже начался дикий торг за Голландскую Индию. Там на всякий случай объявили мобилизацию. Все на нее оскалили зубы: жареным запахло!

Англичане закрыли Гибралтар, блокировали Эгейское побережье Греции, Италия объявила мобилизацию. Вот заварилась кутерьма!

Чемберлен полностью просравшись, подал в отставку. Сел за него Черчилль. Кто еще в кабинете — неизвестно: очень поздно получили сообщение.

Я сегодня написал рецензию на книгу о Серове. Завтра годовщина его гибели. Книжку мне дали в 3 ч. дня, прочел и написал. Часиков в 10 вечера ко мне в кабинет вдруг зашел Ярославский:

— Пишете о книге? Написали?

— Написал.

— Надо дать. Я читал ее в рукописи. Хороша книга. Очень интересные факты. Полезная. И жена Серова звонила.

Вечером толковал с Коккинаки. Он отдыхал в Сочи, две недели болел там, ругает погоду:

— Много работаешь?

— Втыкаю до звезд. Иногда пообедать некогда. Хвостов понакопилось — ну да я с ними быстро разделаюсь.

— Выходные бывают?

— Никаких. Ты извини, что я не звонил — раза три собирался, да все руки не доходили. Замотался совсем. Как сыны? Воюют? Обними шкетика (Валерку младшего). А здорово немцы прут!

Он всегда очень и интересом следит за международными делами, иногда звонит вечером мне в редакцию — что

последнего? Хорошо ориентируется.

18 мая

Боевая жизнь на западе, как говорится, развертывается. Голландия уже 15 мая выкинула белый флаг, главнокомандующий армией генерал Винкельман выпустил приказ о сдаче. Правда, голландское правительство, временное квартирующее в Лондоне, заявило, что это его личное мнение. Генерал заявил в ответ, что если они считают его решение необоснованные, пусть приезжают на его место лично руководить боями.

14-го ночью позвонил Хозяин и предложил дать передовую о международных делах. В связи с этим члены редколлегии всю ночь сидели и писали оную. Утром вызвали Яшу Гольденберга, который ее еще раз освидетельствовал и затем послали на просмотр. 16-го ее поместили. Называлась она «Новый этап войны в Западной Европе». «Известия» тоже дали в это день передовую «Война расширяется».

Вообще за последние дни звонки Хозяина участились. Вчера, например, мы поместили карту военных действий, в которой Маляр продлил линию Мажино до Ла-Манша. Днем позвонил Хозяин и выразил недоумение: от кого французы защищались там — Бельгия это ведь их почти колония. Там за последний год были сооружены лишь небольшие укрепления. Ночью вызвали двух генералов. Сегодня поместили огромную карту на 3 колонки, дали специально генеральский обзор военных действий, кстати, с перепугу они сдали его только в седьмом часу утра. Обзор этот — фактическая поправка. На летучке эту линию назвали «линией Маляра».

Вчера Снегова вызвал к себе Жданов и сказал:

— Можете ли вы через два часа прислать 300 крепких спортсменов для разгрузки одного эшелона?

— Нет.

Тогда Жданов прочел ему сообщение из Гамбурга о том, что там мобилизованные в течение 40 минут 300 спортсменов разгрузили два парохода на рейде.

— Я заранее знал ваш ответ. Как же так?! Ну сегодня нам этого не надо, а завтра может понадобиться. Ведь вы руководитель 10-тимилионной армии физкультурников.

И дальше пошел неприятный для председателя Комитета Физкультуры и Спорта разговор. Жданов говорил, что он видел на Карельском фронте физкультурников. Они умели только ходить на лыжах, а обращаться с ними нет. Главное же — не умели падать. Подается команда: «Ложись!» — все ложатся, а целая группа торчит как палки, и «мы безошибочно знали, что это

физкультурники». Перелезать через заборы не умеют на лыжах. «Они у вас какие-то оранжерейные», они привыкли к сервису, к обслуживанию: один идет на лыжах, а 10 человек его обслуживают, поят шоколадом, апельсиновым соком. «Да поймите вы, что на войне апельсиновых соков нет, там кровь!!»

Едва бедняга Снегов успел вернуться в комитет, его снова вызвали в ЦК, но этот раз в другой отдел, и сказали:

— Что вы чешетесь?! В Болгарии открывается международный футбольный турнир. Надо же туда послать команду!

Вообще это здорово: война полыхает, а мы в турнире участвуем. И самое интересное, что ЦК находит время этим заниматься.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1940–1941 г

Аннотация: Беседы с Коккинаки, Папаниным. Гибель «Малыгина» в Охотском море, его безрезультатные поиски. Поездка в Арменію, встречи с лидерами республики. Посещение монастыря Эчмиадзин, встреча с Католикосом всех армян, экскурсия. Беседы с летчиками в Москве. Новый 1941 год. Поездка в Баку. Встреча с Багировым. Сталин и Большой театр. Отлет на о. Врангеля самолета Черевичного. Беседы с Коккинаки. Шахматный турнир чемпионата СССР. Назначение Л.К.Бронтмана начальником информационного отдела Правды. Совещание ЦК по художественной кинематографии.

Тетрадь № 18 03.11.40–25.05.41 г.

3 ноября 1940 г.

Девяти конструкторам-авиационникам присвоено звание Героев Социалистического Труда. Мне поручили написать опус о пятерке самолетчиков: Яковлеве, Поликарпове, Шпитальном, Микулине и Климове. Написал 200 стр. «Творцы самолетов» (см. Правду от 30.10.40). Беседовал из пяти с двумя Яковлевым в его наркомовском идеально чистом кабинете и Б.Г. Шпитальным (конструктор вооружений) у него на заводе. Запись бесед см. в блокноте. Обратно Шпитальный подвез меня до редакции. Когда я сидел у него — все время звонил телефон: поздравляли. Затем зашел секретарь:

— Борис Гаврилович, там цветы принесли ребята из подшефной школы. Поздравляют, зовут в школу.

— Давно они тут?

— Часа два. Молчат и ждут.

— Фу ты, батюшки! Во сколько у нас стрельба?

— В 6:30. А сейчас вы должны быть у Яковлева.

— Хорошо. Скажите им, что буду у них в 7:30.

В машине он рассказывал мне:

— Знаете, у Яковлева огромное преимущество перед нами, перед Поликарповым — он молод! Помните у Джека Лондона «Кусок мяса»? Как там сказано сильно о молодости! Люблю я Лондона.

— Когда впервые попал в Арктику, я поразился. В личных библиотеках полярников Дж. Лондон, Ф. Купер, вообще приключенческая литература занимает очень большое место.

— Это понятно. Ведь все они славят сильного человека. Люблю я эти книги.

Вчера решили дать снимок этой пятерки и беседу с Яковлевым о стимуле творчества конструкторов. Начал я утром

обзванивать. Позвонил Поликарпову:

— Здравствуйте. Примите и мое, хотя и запоздалое поздравление.

— Огромное спасибо. Рад, что вас слышу. Ведь мы с Вами старые друзья. Зовете сниматься? Конечно буду.

Приехали все. Понимали, побеседовали со всеми (см. газету и блокнот).

За последние 3–4 месяца все наперебой спрашивают меня: что с Коккинаки? Говорят, что он разбился? Застрелился? Убит на финском фронте?

Первоисточником этих слухов послужило радио. Радио его хоронит уже второй раз. Когда хоронили Чкалова, то при выносе урны с прахом из Колонного зала диктор бухнул в эфир: вот несут урну с прахом Коккинаки. А второй раз, судя по рассказам, случилось так. Во время нынешней первомайской демонстрации с Красной площади диктор — писатель — объявил примерно так:

— Вот идет колонна авиастроителей. Высоко над головами подняты портреты знатных летчиков, отдавших свою жизнь на дело укрепления советской авиации. Вот несут портреты Чкалова, Коккинаки, Серова, Осипенко.

Так он попал в обойму мертвецов. Досужие радиослушатели, всяк по своему, начали комментировать это сообщение. Так как только-только закончились бои с Финляндией, то наибольшим распространением пользовался такой рассказ: во время выполнения боевого задания Коккинаки принял нашу дивизию за финскую. Он налетел на нее — и, вы понимаете, это же Коккинаки! (дань мастерству покойника!) — разбомбил всю дивизию в чистую. Прилетел обратно, узнал об ошибке и застрелился….

А Кокки даже и не был в Финляндии!

Слухи оказались настолько распространенными, что проникли даже в иностранную печать. Некоторые английские и американские газеты писали, что в боях с Финляндией убит известный русский летчик — генерал Коккинаки. Меня об этом спрашивали различные люди и в Москве, и в Чечне, и в Осетии.

Володя с огромным удовольствием выслушивает сообщения о своей гибели. Смеясь, указывает, что, очевидно, слухи дошли до избирателей, ибо писать стали гораздо меньше.

Несколько дней назад позвонил мне:

— Приезжай в картишки перекинуться с покойником!

Еще в июле-августе я предложил редакции обязательно написать что-нибудь о Кокки, развеять слухи. Редакция согласилась. Я сказал Володе. Он также дал согласие, но предложил, чтобы я приехал в хорошую погоду на завод и сам

написал, что угодно. До отъезда на Кавказ я не собрался, ныне — в октябре снова поднял это дело.

— Ну приезжай, как будет погода!

Однако, как я, проснувшись, не позвоню в хорошую погоду — оказывается, он уже успел смотаться и сидит на земле. Наконец, не выдержав, я 31 октября позвонил ему:

— Давай, просто расскажи!

— Ну приезжай. Захвати Зину.

— Нет, без Зины. А то дела не выйдет.

Поехал. Захватил с собой Коршунова для съемок. Снимали и за письмами и за газетой.

— Давай что-нибудь повеселее. Снимемся за шахматами.

Володя страшно обрадовался. Притащил шахматы. Селя с ним и забыли о съемке. Сыграли одну партию — он продул. Потом сел Коршунов — Кокки опять проиграл. Потом притащил костяные шахматы — подарок братьев. Продул мне опять две партии. Огорчился. Но, как всегда проанализировал причины:

— Я проигрываю потому, что играю неактивно. И меня зажимают. Мало агрессии проявляю.

Это верно. Играет он прилично, но не активно.

Около полуночи Валентина Андреевна ушла спать и мы если разговаривать о делах.

— Я тебе буду рассказывать, а ты сам смотри, что из этого годится. Вот вчера у меня случилась забавная вещь.

Пошел я на взлет на новой машине, моторы тоже новые. И вдруг перед самым взлетом один мотор обрезает. Ну, поработай он еще три-четыре минуты и мне уже податься некуда: вмазал бы в аэропорт. А тут сдержал, но аж взмок весь. Ах ты, думаю, гад… Погонял еще: опять обрезал. А мне интересно: на земле это он только дурит или и в воздухе тоже. Накануне летал — и, вроде, ничего, работает.

Пошел сегодня в воздух. Глаза — на приборах, за взлетом уже не смотрю, не до него, он автоматически получится. Стрелки приборов, как пьяные, а я жму. Взлетел — все в норме. Ну ладно, лечу. Иду на посадку, выпускаю ноги, вижу — замок правой ноги не работает.

(Этот эпизод я 4 ноября описал в очерке «Испытание в воздухе». К нему надо добавить следующее: решив садиться строго по прямой, Кокки долго выжидал, пока аэродром очистится от машин, пока сядут все, кому надо и не надо. А когда сел сам — заметил впереди «И-16». Фу ты! Кокки проскочил правее его в 5-10 метрах. И только перевел дух — замок закрылся. Вот зараза!)

Летаю я много. Когда нет опытной работенки, гоняю на

серийных. Не из-за денег, а для поддержания формы. И, хотя знаю эту машину, как облупленную все время ищу для себя новое. То взлетаю, скажем, на скорости 220 км/ч и смотрю, какая у нее при этом скороподъемность, затем беру скорость 200, смотрю, потом иду в вилку 210 км/ч и опять сравниваю. Другой раз стараюсь делать идеальные площадочки или работаю на минимальном газу, или сажаю ее то с креном, то на хвост. Бедному летчику все нужно. Зато, когда меня прижмет, я могу спокойно решать любую задачу, не обращая внимания на технику пилотирования: она у меня получится «сама собой», автоматически, без концентрированного внимания с моей стороны. Теперь понятно, для чего я летаю на серийной?

Вот, возьми сегодняшний случай с замком, или взлет, или дальние полеты. Или вот еще: скажем, надо провести какое-нибудь комплексное испытание. Приходит начальник летной станции:

— Владимир Константинович, сделай!

— Сколько полагается полетов?

— Десять.

— Цена?

— Пять тысяч рублей.

— Хорошо.

Я делаю три полета и даю все данные. Он доволен: быстро получил совершенно точные данные, сэкономил уйму бензина. Я доволен. А вообще, за деньгами не гонюсь. Вот, например, на серийных летаю бесплатно. Это мне самому нужно. И каждый полет стараюсь делать ровно, чисто, со смыслом. Я как то привез барограмму — все ахнули. Люди, занимающиеся этим делом барограммным по много лет, говорили, что никогда ничего подобного не видели. Она имела такой вид (рисует идеально симметричный ступенчатый график). А на испытаниях машины недавно привез барограмму (испытание на дальность на 600 км) такую — колебания в скорости — 1 км/ч, в высоте (общая высота 2500 м)не больше трех метров. А все это — от практики.

Начнешь же спрашивать наших летчиков серийных: что вы, ребята, так грязно летаете? Они отвечают: «Помилуйте, Вл. Конст., да разве ж можно каждый раз так выпиливать?» А, по-моему, можно и нужно!

7 ноября

Сегодня — 23 годовщина Октября. На сей раз я шел в рядах демонстрантов. Сначала предполагалось, что я буду писать отчет о демонстрации, я подал заявку. Потом решили, что я поеду в Литву, а посему поводу заявку срочно заменили. В Литву затем решили никого не посылать. В итоге — сделалась моя Матрена ни

павой, ни вороной.

Все дни стояла холодная, мокрая погода. А сегодня — как по заказу мировой, солнечный, предельно ясный (но холодный, правда) день. Народу нашего собралось очень много. Шли весело, оживленно. Толкались на остановках, устраивали кучу-малу, качали посменно друг друга, орали «где Цветов?», знакомили его без устали с незнакомыми девушками.

Придя с демонстрации, я узнал, что звонил Папанин, интересовался моим здоровьем, здоровьем Зины и проч. Я лег спать. Снова звонок.

— Он спит.

— Пусть позвонит, когда проснется.

Звоню.

— Здравствуй, дорогой Лазурка! С праздником тебя. Ну как здоровье? А ребята? Молодец ты, что написал о Володе (сегодня напечатали «Испытание в воздухе» о Кокки). А то тут такие клеветнические слухи распустили. Очень хорошо написал и очень хорошо сделал.

— Ну а ты, Дмитрич, как живешь?

— Да так, неважно себя чувствую. Товарищ Сталин и Молотов велели мне три месяца отдыхать, полечиться, укрепить нервы. Вот думаю завтра уехать недельки на две в Кизляр поохотиться. Приезжай туда, а? Только, смотри, никому не говори об этом.

— Нет, не смогу. Спасибо. Что нового?

— Да вот с «Малыгиным» беда… Слышал?

Эту трагедию я знал. Несколько дней назад, в последних числах октября, в Охотском море разыгрался сильнейший тайфун. В 10- балльный шторм попал «Малыгин», возвращающийся из гидрографической экспедиции по восточной Арктике. На борту — экипаж и члены экспедиции. Всего 98 человек. Капитан Бердников. Застигло их севернее Олютарки.[61] Берега там обрывистые, скалистые, без пристанища. Береговые рации приняли радиограмму с борта корабля, что волной поломало палубные надстройки, затем сорвало крышку кормового люка, залило котельную, вывело котлы из строя. Капитан сообщал, что попытается где-нибудь укрыться. С той поры связь прервалась. Установили круглосуточное наблюдение — не помогло. Затем пришло сообщение, кажется от «Анадыря», что он принял радиограмму, из которой явствовало, что «Малыгин» погибает. И снова ничего. Как только шторм немного утих, в море вышли суда, вылетели самолеты. Никого не нашли. С самолета заметили две пустые шлюпки без людей — видимо, с «Малыгина».

— Да, слышал, — ответил я. — Новостей оттуда нет?

— Нет. Видимо, все погибли. Жалко людей, жалко и корабль

— был он, правда, всегда как пьяный. Ты видал его?

— Да, валкий, всегда с креном.

— У нас забывают, что море — стихия. Вот оно и напомнило. В таком положении могли оказаться и мы с тобой во время декабрьского шторма, если бы я не приказал лечь в дрейф и слить 500 тн. воды. Пойди еще 2 часа прежним курсом — ледокол «Сталин» бы погиб.

— Да, я помню, когда ты вытащил меня на мостик — я просто ужаснулся. Такой громады не видал.

— Ну вот. А ведь ты не новичок в море. Бывал и видал порядочно. Тут мне кое-кто говорил — зачем так поздно плавать? Как это — зачем? Раз корабли есть, они должны плавать. У нас еще позже пойдут на Чукотку.

Поспрошал еще он меня о делах Хвата и Эстеркина, пригласил обязательно зайти после приезда с Зиной и на том простились.

Вчера я встречал Ракоши (см. сегодняшний № «Правды»).

8 ноября

Сегодня работаем. Завтра газета выходит. Этот порядок установлен пару лет назад по предложению т. Сталина — страна должна знать быстро, как прошел праздник. Поэтому же и отчеты о заседании в Большом театре, речь М.И. Калинина дали в номер.

Между прочим, до заседания шли разные разговоры о докладчике. Сначала называли т. Калинина, потом — т. Молотова, потом — опять Калинина. Видимо, правительство не хочет сейчас давать четкую внешнеполитическую оценку и ясно высказывать свои взгляды. Этим, надо полагать, и объясняется сильно-расплывчатые и общие характеристики т. Калинина. Молотову же так выступать не полагается, он должен говорить четко и конкретно.

Иностранные корреспонденты, конечно, построили свои отчеты не на том, что говорил Калинин, а на отсутствии в качестве докладчика Молотова говорит Я. Гольденберг.

Говорил сегодня с Байдуковым. Воздушный парад ему не понравился: очень расклеен, клочковый, большие перерывы, плохой строй. Вообще же, он очень хвалит новую тяжелую артиллерию и автоматическое оружие.

Занят он по-прежнему испытаниями. Гоняет одну машину.

— Только вот погоды все нет.

Посмеялись мы с ним по адресу Хвата. Левка написал Байдуку письмо, состоящее из одного абзаца — столько в нем было вводных предложений. Байдук ответил письмом, все слова которого начинались на «П» — четыре страницы.

— Пригвоздил я его. Недавно читал книгу об античной

философии. Вот и сунул туда шесть фамилий, начинающихся на «П». Пусть роется в справочниках. Впрочем, передоверит вашему «Бюро вырезок». Лодыри вы все!

Сегодня мне предстоит беседовать с прибывшими на праздник делегациями Литвы, Латвии, Эстонии, Бесарабии и Северной Буковины: какие впечатления на них произвели парад и демонстрация. Работа трудоемкая!

Видел председателя Верховного Совета Дагестана. Говорит, что указанием Хозяина конституция СССР издается на некоторых языках Дагестана (в т. ч. лакском?).

Перед праздниками говорил с своевременном выходе издания.

11 ноября

А жизнь идет! Лишь вчера появилось сообщение о поездке В.М. Молотова в Берлин. Оказывается, вчера же вечером он и выехал. Вместе с ним отправился и Миша Калашников. Он — как будто — единственный фотограф прессы.

Любопытно, как немцы опекают делегацию. Вчера вечером в секретариат редактора позвонили из германского посольства и попросили, по просьбе Риббентропа, ежедневно оставлять по 32 экз. «Правды» для советской делегации, начиная с 11 ноября. А отсюда они, видимо, посылают их в Берлин воздухом.

Видел Виленского. Рассказывал интересную вещь: на приеме дипкорпуса устроенном В.М. Молотовым 7 ноября, было три Героя: Папанин, Бадигин и Шмидт.

Сегодня вызвал меня Ильичев — в 8 ч. вечера и посадил писать передовую в номер о выборах в Верховный Совет СССР от новых союзных республик. В 12 сдал, а домой попал в 6 ч. утра.

13 декабря

14 ноября я выехал в Армению Сделал юбилейную полосу, передал передовую и только собрался приступить к поездкам по стране, как пришла телеграмма Поспелова и Ильичева: выезжать в Баку, делать полосу о соревновании нефтяников. Поколесил немного по храмам Армении и выехал в Баку.

Из посещений наиболее примечательным был, конечно, осмотр Эчмиадзина. Находится этот монастырь (храм) в Вагаршапате, районном центре, примерно в 15 км. от границы. Об этом монастыре, резиденции армянского папы, я много слышал еще в Москве и, как только приехал в Армению — заинтересовался можно ли туда съездить.

— Конечно, — ответил Пирузян. — Поезжай, это очень интересно.

Несколько позже я был у секретаря ЦК Армении Арутинова (или по местным газетам — Арутюняна). К слову говоря, он

производит очень сильное впечатление. Своеобразное, чрезвычайно запоминающееся лицо, высоченный лоб, умные, внимательные, очень спокойные глаза. И что меня поразило как газетчика: необычайная требовательность к точности цифр. Ни одной цифре он не верит, требует обоснования. Опасаясь потока юбилейной похвальбы, он приказал пользоваться (в статьях, докладах) только цифрами ЦНХУ. Раньше местные работники считали, например, что в Армении 12 вузов. После справки ЦНХУ их стало 11. Когда Арутинов писал для меня статью, ему и дали эту цифру. Он потребовал списка вузов. В числе их значился институт повышения квалификации учителей. «Какой же это вуз, не учитывать!» И написал «10 вузов».

Долго мы с ним говорили о сегодняшнем и завтрашнем дне Армении. Страну он знает и любит. Он считает, что будущее ее — индустрия, хлопок, виноградарство, а хлебные культуры отомрут, как только сверстается общий зерновой баланс страны. Ибо не по-хозяйски сеять на земле, дающей обильные плоды и виноград — малодоходную пшеницу.

Горячо советовал он мне поглядеть мелиоративное переустройство земли (в пустынях выросли совхозы), посмотреть многосемейных («у нас это счастье»), посмотреть национальное искусство.

Я спросил про Эчмиадзин. Он рассмеялся:

— Поезжайте. Это, конечно, интересно. Сейчас там осталось мало народу, но место важное. Реальная сила их очень велика, с нами они в высшей степени лояльны.

Числа 27–28 ноября мы поехали. В составе сей экскурсии находились: я, спецкор «Комсомолки» Ник. Маркевич, редактор ереванского «Коммуниста» чудесный парень Рачик Григорян, артист-чтец Сурен Качарян, и милиционер, которого нам дали вместо пропуска в погранзону.

Дорога отличная, накатанная. По дороге мы заехали и осмотрели развалины древнейшего храма «Бдящих сил» Зварнотц (VII век)и высящийся, как стрела, храм какой-то святой армянской великомученицы Репсима (VII век). Но чистой езды до Вагаршапата не больше часа.

Вагаршапат — нормальный по виду районный центр. Отличие его от других селений состоит в том, что в нем много древних храмов (V–XII века), и много старых вековых домов (жилых). В центре городка расположен монастырь Эчмиадзин, обнесенный невысокой каменной стеной. Лицевую сторону стены заменяет бывшее здание духовной семинарии, где по слухам учился и Микоян (светских школ в старой Армении не было). Ныне в этом здании расквартирована воинская часть. Бойцы

ходят по территории монастыря, у главных врат стоят легковые машины, мимо окон бродят танки. Картина умилительная.

Дело было уже сильно под вечер. Я наспех снял внешний вид храма и особливо его резную колоколенку с великолепным орнаментом. Навстречу нам вышел монах в черном капюшоне. Он сказал, что уже поздно осматривать храм. Я попросил разрешения его сфотографировать.

— Пожалуйста. Только пришлите карточку.

Маркевич и я сделали несколько кадров.

Тем временем Качарян поднялся в покои Светлейшего. Тот вышел. Сурен представился. Светлейший (он временно исполняющий обязанности Католикоса Католикос умер два-три года назад) сказал, что ему очень приятно видеть столь известного артиста и добавил, что в виде исключения он сам покажет нам храм.

Несколько минут спустя он вышел во двор. Высокий рост, несколько тучный, полное лицо, усы, бородка клином, заплывшие умные глаза, капюшон. Монахи немедля раскрыли двери. Мы вошли в храм.

Католикос нам пояснил, что центральная часть храма построена в III веке, пристройки немного моложе.

— У нас есть легенда, — сказал он, — что святой дух спустился с неба по лучу. Луч упал именно на это место, поэтому здесь и построен храм.

Внутри храм высок, гулок, с великолепной акустикой. Центральная часть храма выстлана коврами. Наш чичероне показал нам два трона Католикоса подарок американских армян и, кажется, иранского шаха. Один из них — черного дерева, превосходной резной работы, верх его увенчан моделью Эчмиадзина. Алтарь прикрыт шелковыми занавесями сработанными в седой древности.

На возвышении, похожем на эстраду (не знаю, как оно называется) стояли два огромных в полтора роста человека серебряных подсвечника — подарок американской общины.

На стенах висели древние картины и кое где виднелись остатки фресок. Полностью они сохранились только на своде купола, образуя чудесную расцветку.

— Да, храм сильно нуждается в ремонте, — говорил Католикос. — Наше правительство было столь любезно, что разрешило послать двух братьев заграницу для сбора средств. Один из них писал мне весной из Франции, что крупный французский банкир обещал дать солидные средства на ремонт. Не знаю, до ремонта ли ему сейчас, — заметил Святейший с тонкой усмешкой. — Другой сообщал из Америки, что им собрано

36 тысяч долларов. Но этого, конечно, мало. Я думаю, что наше правительство пойдет нам на помощь и поможет восстановить, реставрировать этот замечательный памятник древней культуры. Я имею сильные основания на это надеяться, — повторил он.

— Вот только плохо со стенными фресками. Их трудно восстановить. Полные рисунки этих фресок скопировал еще до революции один петербургский художник. Примерно в 1925-30 г.г. он предложил купить у него рисунки за 20 000 рублей. Не знаю, почему наши отказались. Сейчас этот художник умер и где находятся рисунки — неизвестно. Есть, правда, еще один путь: один из храмов в Персии (Иране, Турции?!) раскрашен так же под фрески Эчмиадзина. Но туда надо посылать целую экспедицию.

Разойдясь, Католикос решил показать нам даже левую ризницу. Мы прошли туда. Дверь ее была заперта английским замком.

— Третий век и английский замок! — рассмеялся Качарян.

Она оказалась битком набитой всякими богатствами. Слева стояли огромные шкафы со всякой церковной принадлежностью, справа — полки и утварью. Многое лежало просто вповалку.

Католикос подвел нас к одному шкафу, где были составлены жезлы.

— Тут жезлы епископов, митрополитов и Католикоса. Вот эти жезлы может трогать только Католикос.

Он взял один из них и подал Качаряну:

— Не правда ли, превосходен? Он сделан из оникса.

Качарян и я любовались изумительной работой мастера. Он казался совсем призрачным, нежным. Верх был украшен крестом, густо усыпанным самоцветами.

Последний луч солнца упал в узкое оконце ризницы и камни засияли водопадом света.

— Это бриллианты? — как-то испугано спросил Качарян.

— Да, бриллианты, — меланхоличным будничным тоном подтвердил Католикос.

Он показал нам еще несколько превосходных жезлов, затем перешел к головным уборам и наплечникам — шелковым, бархатным, вышитым золотом.

— Вот на этом наплечнике изображен одноглавый орел, символ того, что Католикос, охраняя паству, должен быть таким же зорким. А вот тут вы видите уже двуглавого орла. Это — дань времени, — заметил, усмехнувшись, собеседник.

Он показал нам затем огромные серебряные священные котлы тонкой художественной работы, сосуды с миром («где по преданию сохраняется капля мира, положенного при основании

храма»), десницу святого Петра, какой-то святой скребок («ученые доказывают, что он действительно очень стар»), картины.

Умный и хитрый, он нам не говорил про веру, про Бога, а показывал действительно замечательные, действительно старинные вещи, каждый раз ссылаясь на выгравированный или вышитый год издания, на свидетельства ученых. Можно представить себе, сколько собрано богатств в Эчмиадзине, если то, что мы видели стоило 10–15 млн. рублей. А ведь мы видели только ничтожную часть. О правой ризнице он даже не говорил (а Григорян говорит, что она потрясающа), да, кроме того, есть еще подвалы!

Отвечая на вопросы Маркевича, Католикос рассказал о строении его епархии за границей, сообщил, что «наше правительство любезно разрешило провести в будущем году выборы нового Католикоса», на которое съедутся 80 наших делегатов и 52 заграничных. Компания уже началась.

Прощаясь, он спросил Качаряна, собирается ли тот дать концерт в Ереване?

— Да, 30 ноября.

— А что вы читаете?

— Давида Сасунского.

— О! Я обязательно приду послушать. Я иногда хожу на концерты. Видите ли, я и сам немного композитор. Я написал литургию на четыре голоса и Ипполитов-Иванов дал ей лестный отзыв. Но сейчас занимаюсь мало: некогда, да и потребление этой музыки уменьшилось.

Мы вышли на улицу. Католикос поклонился нам и ушел.

— Он не подал руки, — заметил Григорян, — потому, что его руку полагается целовать. Он боялся либо поставить нас в неудобное положение, либо самому оказаться в оном.

25 декабря

Два разговора с Коккинаки. Вчера вечером он позвонил мне.

— Могу дать интервью. Можешь?

— О чем?

— О преферансе.

— Могу.

— Выезжай.

Утром в этот день у нас была лекция проф. Розенталя «Основные черты диалектического метода». Володя сидит на четвертой главе. Я позвонил ему и он очень заинтересовался.

— Ты обязательно сообщай мне о всех лекциях. А сегодня, если не уйду в полет, обязательно приеду.

Вечером он вспомнил об этом в телефон:

— Я не был.

— Видел.

— Летал.

— Видел.

— Ну это ты уже врешь! Я в другую сторону ходил. Сел. Пересел на новую и опять пошел. Езжай скорей!

Приехал. Сели втроем: Володя, Валентина Андреевна и я. Затянулась пулька до часу. Потом начался, не помню с чего, летный разговор. Зашла речь о том, что неправильно объединять всех летчиков-испытателей под одну гребенку: одни испытывают опытные машины, вторые — серийные, третьи — в войсковой части.

— Абсолютно верно. Вот сейчас проводят аттестацию летчиков-испытателей. 10–12 человекам дают первую категорию. Знаешь, кто там: Моисеев, Калиншин, Громов, Егор и я. Кое кому из нас дают эту категорию по выслуге лет. Что значит испытатель первой категории? Он должен сесть на любую опытную машину. А кто сядет? Громов сядет? Нет. Моисеев, Калиншин? Нет. Моисеев вообще на опытных не летал. Там требования для первой категории: иметь не меньше восьми опытных машин. Это же чушь! К восьмой машине летчик либо разбивается, либо уходит в тираж. Ну у меня сеть, у Громова, вот, пожалуй, и все.

Зашла речь об отдельных летчиках:

— Пионтковский? Юлиан был настоящим испытателем, на 120 процентов. Вот ты говоришь, что у него была великолепная рефлексология. Совершенно точно. Как он летал и особенно садился! Помню, когда мы все трое работали у Николая Николаевича Валька, сажает машину, бежит — ну вот смотри весь стол — я останавливаюсь посередине, а Юлиан — чирк и готов (Володя показывает четверть длины стола).

— Стефановский? Подлинный, серьезный, настоящий испытатель. Его слову можно было верить. Летает одинаково хорошо на всех машинах. Здоров, как бык, а это много значит.

— Евсеев? Большой бы толк из него вышел. Серьезный, пытливый, решительный человек. Помню Клиент Ефремович хотел пустить его на командную работу, я отсоветовал.

— Супрун? Ну это классный летчик, грамотный, смелый, но не испытатель. Это у него случайно. Это — боевик.

— Ильюшин? С хорошей головой. И с большой, что ли, партийностью. Умный мужик. Бывает, конечно, что делает плохие вещи, но больше хороших, чем плохих.

— Верен ты ему, Володя! Другой бы давно его бросил, при первом провале.

— Конечно. Я тебе больше скажу: когда тут была заварушка у него, меня вызывали большие начальники и советовали: брось

его. А я держусь, я в него верю и знаю, что если брошу его — ему капут. А упрямый он иногда бывает. Тут как-то заело у меня одну штуку, говорю: надо переделать. Ни в какую Давай, говорит, я с тобой полечу, если в воздухе убедюсь — переделаю. А дело серьезное, не могу же я жизнью конструктора рисковать. Слетал со своим инженером. Тот докладывает, я жму… еле уломали.

Ушел я около двух часов.

— Иди, иди, — спохватился он, — а то у меня завтра полет в 9 утра. Жду серьезных неприятностей от машины.

Сегодня в 10 вечера я позвонил ему. Голос усталый.

— Только приехал с заседаловки. Обсуждали сегодняшний полет.

— Ну как слетал?

— Да как тебе сказать. Одевался очень легко, а летал очень высоко.

— Почему очень легко?

— Да чтоб свободнее себя чувствовать в случае чего. В общем, я очень рад, что вообще могу с тобой разговаривать.

Эге!! Если уж Володя говорит такие вещи, значит — дело было весьма серьезным!

— Ну тогда и я очень рад, что разговариваю с тобой.

— Да, мог и не со мной.

Потрепались еще немного, и разговор перескочил на авторов, статьи и прочую литературу.

— Да, послушай. Вот тебе один автор.

И он прочел мне по телефону короткий рассказик «Часы Андрея» (о 100 км. полете на замер расхода бензина, а механик залил мерное горючее не проверив пустоту баков. Налил 800 кг., а после полета слил 840 кг)

— Что это такое?

— Я раз десять читал Коллинза. Как замечательно он писал. И вот, во время болезни, я решил записать несколько случаев из моей летной практики. Записал просто так, без литературного причесывания. Вот, слушай дальше.

Он мне прочел по телефону 5 или 6 эпизодов. Видно, что он над ними немного работал, все они были с заголовками, кое-где проскальзывало обращение к читателю («представьте себе» и т. д.) Это были записи: о первом полете («Верь приборам»), «Вертушка» (об испытании Корзинщиковым вертолета), об аварии Супруна, об аварии какого-то приятеля, о посадке на одну ногу.

После каждого рассказа мы тут же его по телефону обсуждали. Я стоял за то, что их надо литературно немного довести, Володя — проявляя солидную самостоятельность — оспаривал:

— Почему они не могут все быть короткими? Почему их обязательно надо развивать? Почему нельзя объединить в одном все полеты на высоту? Почему нельзя написать по эпизодам полет на восток и запад? Между прочим, знаешь, Ильюшин настаивает, чтобы я написал не литературный, а технический разбор полета на запад.

— По моему рано. Тогда надо все честно написать.

— Совершенно точно. А это еще рано. А эту идею в целом одобряешь?

— Самым настойчивым образом. Ты начал отличное дело, только не забрасывай.

— Я думаю их штук тридцать наберется. Не только о себе, но и о других.

— Тут будь осторожнее. Когда ты пишешь о своем первом полете, окончившемся аварией, читатель просто посмеется, т. к. он знает, кто ты сейчас. Но если ты напишешь аварию незнакомого читателю летчика, он, читатель, прочтет и скажет: чего таких мудаков пускают в авиацию?

— А ведь ты прав. Я этого и не сообразил. Вообще мне много сейчас стало яснее.

В общем, толковали с ним до 12 часов. Два часа!

Сегодня был у меня Герой Советского Союза Бойко. Звание он получил за Карельский перешеек, сейчас учится в Военно-политической академии («и раньше там учился, а на войну уехал в командировку»). Должен писать статью о защите Отечества в новогодний номер. Толковали о плане. Заговорили о страхе.

— Чувство страха есть. Но только вначале боя, потом пропадает.

26 декабря

Три забавные реплики:

1. Режиссер кино Рошаль выступает всегда патетически, экзальтированно, бия себя в грудь. Эйзенштейн, рассказывая об одном диспуте, сказал:

— Рошаль был весь раскрыт и струны в нем дрожали.

2. На днях закончилась оперная конференция. Было много жарких споров о путях оперного искусства. После в театральных кругах пустили такой аллегорический рассказ:

— В психиатрическую больницу прибыл новый сумасшедший. Решив заняться полезным трудом, он взял гвоздь, повернул его шляпкой к стене и начал забивать. Не выходит. Подошел другой больной: «Ты его не с той стороны стены забиваешь». Ушел через дверь и начал бить. Не выходит. Подошел директор, посмотрел у укорил: «Да этот гвоздь же совсем не от этой стены!»

3. Сидит чета во МХАТе.

— Идель, что это тут нарисовано на занавесе?

— Это? Синяя птица.

— А почему она тогда белая?

Пожал плечами:

— А я знаю?!..Искания!

Несколько дней назад, числа 16 декабря, был у меня Сеня Супрун. Я его впервые увидел Героем, до этого не видал пару лет. Он успел уже побывать на востоке, потом ездил в командировку в Германию. Последний раз я его видел на следующий день после гибели Чкалова — он диктовал нам воспоминания. Тогда он испытывал второй экземпляр той же машины.

— А что с ней сталось?

— Да ты слышал, вероятно, что я на ней приложился, опрокинулся. Лежал в Боткинской больнице. Ну, что с машиной — сдали в архив. Смотри: Валька на ней убился, Сузи убился, я разбился, еще один летчик выпрыгнул с парашютом. Дальше идти некуда, да если бы она и была годна — все равно ее в часть пускать нельзя. Представляешь, приходит эта машина в часть, садится на нее летчик, год назад окончивший школу, а ему говорят: на ней убился Чкалов, погиб Сузи, бился Супрун. Да его в госпиталь отвезут до того, как он даст газ. Нет, машину с такой биографией пускать нельзя.

— О чем бы ты написал в газету?

— Не знаю. Вот разве о ночном бое. Часто приходилось, знаешь, иногда до двадцати машин ночью поднимал в бой. Вот проблема: не стукнуть своего, не подстрелить его случайно. Очень сложная задача. Ничего, решили.

27 декабря

Хочется записать несколько замечаний об отношении летчиков к бренной человеческой жизни. Постоянно видя смерть рядышком, они привыкли относиться к ней, говоря языком земного человека, бравируя и цинично.

Впервые я столкнулся с этим сидя на квартире у бывшего начальника штаба Щелковской бригады Аркадия Маркова. Он показывал мне фотоальбом аварий и с явным и искренним оживлением повествовал об обстоятельствах гибели друзей.

Чкалов рассказывал, что когда погиб знаменитый летчик Анисимов, он подошел к месту гибели, взял в руки мозги друга, понюхал и сказал: «вчера не пил» и пошел прочь. Рассказывал просто, как обычную вещь.

Павел Головин, повествуя о разбившихся, спокойно и весело говорил «Покойник Леваневский, летая там-то..»

Коккинаки рассказывал как-то о том, как он с Адамом Залевским был на аэродроме в Детском селе. При них

происходили прыжки. И вот у двоих парашюты не раскрылись. Адам даже затрясся от удовольствия: «Ну вот — сейчас цирк будет». И очень обиделся, когда раскрылись. Поверхностно судя — Адама над немедля гнать из партии, а на самом деле — добрейший человек, на редкость отзывчивый товарищ.

Да и сам Владимир грешен по этой части. Когда я был у него 24 декабря, он, между прочим, говорил о том, что у них в летной группе освободилось одно место — летчик разбился.

— Летчик он был так себе: по блату устроился на завод, по блату и убился…

Володя считал это вполне естественным и натуральным. Позавчера, читая мне по телефону один рассказик, он чрезвычайно убивался, когда оный мне не понравился. Сам он считал его удачным и читал с явным удовольствием. Речь шла о летчике, который разбился. Вытащили его мешком костей. Все считали его безнадежным, и поэтому доктора отдали его для практики резания и сшивания своим подручным. И все страшно удивились, когда тот выжил. Но сшили его плохо. Володя, смакуя, описывал, какой у него стал безобразный нос, нелепые уши и перекроенная физиономия. «С тех пор он не любил врачей» — так кончался рассказ.

И с трудом я мог ему объяснить, что этот рассказ произведет гнетущее впечатление на читателя. Он не столько понял меня, сколько поверил мне.

— Ишь ты, — говорил он. — А я считал, что все это на самом деле смешно.

1941 год

2 января 1941 года

Вот и еще Новый год. Встречали его довольно весело в Центральном Доме работников искусств. За столом были Федя Решетников, Саша Погосов, Миша Марков, художники Мизин, Низкий, Корнейчук, побыл немного Герасимов.

Была довольно веселая лотерея. Художник Федор Богородский выиграл трусы и тут же на сцене натянул их на брюки, пожадничал, пошел еще раз по чужому билету и получил шкалик молока с соской. Смирнов-Сокольский огреб кролик в клетки и в испуге пятился, Файер выиграл колотого здоровенного гуся, какая-то перезрелая дама отхватила рейтузы и сорочку и ходила по всему залу, показывая их добротность. Михоэлс — приданое для новорожденного, причем ему все распашонки, пеленки и прочее выдавали по штуке, Хромченко — стульчик для малыша (но без горшка, хотя и с дырой), Рейзен — выиграл слона и т. п. и т. д.

До одури танцевала Тамара Ткаченко, до неприличия лезла на Сашку Регина Лазарева.

Миша Марков рассказывал еще подробности посадки «Сибирякова» на камушки.

— Если бы чуть растерялся — было бы как с «Малыгиным». Бердников шляпа, он у меня был помом.

Ругал Бадигина: «Ну это вооще случайный человек в Арктике»

Говорил, что собирается писать продолжение «Дома трудолюбия». Я похвалил книгу и посоветовал дать жизнь, но без походов «Сибирякова» и «Челюскина».

— Нет, только не о них.

Поговорили о том, что исчезает романтика Арктики:

— Да.

31 декабря у нас была напечатана рецензия Анны Караваевой на книгу В.Швейцер «Сталин в туруханской ссылке». Там есть фразы «…автор воспоминаний рассказывает, что в маленькой сибирской избушке была написана вторя часть книги „Марксизм и национальный вопрос“, которая была впоследствии выкрадена и, к сожалению, до сих пор не найдена…» и «…на столе лежала книга Розы Люксембург, которую Иосиф Виссарионович читал и переводил на русский…»

В связи с этим на летучке 31 декабря выступил Константинов, который рассказал:

— Вчера дежурный член редколлегии т. Ярославский позвонил по поводу рецензии товарищу Сталину и спросил, верно

ли упоминание о второй части книги «Марксизм». Т. Сталин подтвердил: «Да, такая работа была действительно мною написана. Я ее послал из Курайки, но она в дороге была утеряна и действительно до сих пор не найдена».

— Интересна и ссылка на книгу Р.Люксембург. Мы знали, что т. Сталин читает на грузинском, греческом, латинском, сейчас подтверждается, что он уже тогда владел немецким.

Сегодня вечером в редакцию пришел Александр Корнейчук, весь в улыбке, с папкой, где лежала рукопись его новой пьесы комедии «В степях Украины» (из жизни колхозного села). Развернув папку, он достал из нее другую, с тесемками, развязал их, достал листок и подал нам.

Эстеркин, Трегуб, я взяли, читаем. Обалдели! Листок плотной глянцевитой бумаги, вырванной из блокнота (размером на 1/3 меньше тетрадной страницы), исписан с одной стороны и на треть другой синим карандашом, косым почерком.

В нем значилось (привожу почти текстуально, вряд ли совру):

«Многоуважаемый Александр Евдокимович!

Прочел Вашу „В степях Украины“. Штука получилась художественно-ценная, веселая-развеселая. Даже слишком веселая. Боюсь, что за разгулом веселья читатель (зритель) может не увидеть содержания.

Между прочим, я внес две поправки на 68 странице. Это для большей ясности.

Привет!

И. Сталин. 28.12.40.»

Вот так штука!

— Давайте 68 страницу.

Вставки — дважды по одной фразе — тоже карандашом, но черным. У автора было (по памяти пишу): «…все сейчас с гектара вноси..», Сталин зачеркнул «с гектара» и сделал «…все сейчас вноси с гектара, независимо от роста поголовья…» (что-то в этом духе). И рядом, где говориться «…ишь, как им из Кремля видно…» он добавил: «…разводи сколько хошь, чего угодно, дополнительно платить не надо…»

— А еще что?

— Ничего, только запятые расставил.

Письмо понесли стенографировать, затем решили взять у него одну сцену и опубликовать (так же, как «отличный сценарий» Байдукова). Сел я с Корнейчуком в комнате Эстеркина.

— Почему вы ее послали в Кремль?

— Видите ли, я впервые написал комедию. Сначала начал работать над пьесой о деревенском интеллигенте. Драма. Написал и положил в стол — не то. Решил написать и больших

процессах, идущих в деревне. Посмотрел и удивился: самые сложные вещи они решают внешне весело. И тут я решил написать комедию. Написал. Идет она уже на Украине. Зритель доволен, критика хорошо встретила. Перевел ее сам на русский (впервые, раньше меня другие переводили), привез. Встретили холодно. Читаю в комитете по делам искусств. Вдовиченко (начальник управления по делам театра) чего-то пишет. Три листа исписал. А потом говорит: «вот эту реплику надо выкинуть, вот эту, вот эту…» Я подсчитал: 40 штук! Да так от пьесы ничего не останется. Подумал, подумал, запаковал в конверт, написал адрес и отправил почтой. А через 15 дней получил ответ. вызывает меня тут Никита Сергеевич Хрущев и говорит так спокойно, холодно: «Товарищ Сталин прочел Вашу пьесу. Вот тут вам письмо..» У меня руки заходили. Он смеется: «Хорошее, хорошее!»

— А раньше вы встречались?

— Один раз. В 1935 году. Он тогда мне сказал, что пьеса «Платон Кречет» удачна, понравилась, но что кое-что там недоделано, хвалил он также….

Хотя тогда еще не видел, а только смотрел. А Молотов мне сказал, что там же на спектакле «Платон Кречет» они решили повысить ставки врачам. Вот какое дело сделала пьеса! Понравился ему, как мне после говорили, и «Богдан Хмельницкий».

Ругательски ругал Корнейчук «Литературку» и беспринципные споры в Союзе писателей: «Абстрактности у них много».

Между прочим, в последнем номере журнала «Театр» помещен страшный разнос «В степях Украины». Вот попали ребята «пальцем в жопу»!

Звонила мне сегодня академик Л.С.Штерн. Она прислала ответ на новогоднюю анкету в 8 страниц!! Я передал его отделу науки — целый подвалище! Объяснил ей.

— А вы читали?

— Читал.

— Ваше мнение?

— Хорошо.

— А вас не смущает одно положение?

— Какое?

— Я там провожу такую мысль, что исключения не подтверждают, а опровергают правило. Раз исключение — значит правило не все учитывает, не все предусматривает. Закон и правило — это одно и то же.

— Это меня не пугает. Мы за смелые мысли.

— Очень благодарна за поддержку.

8 января

13 января исполняется 23 лет со дня смерти русского авиатора Уточкина. Нужна статья. По сему поводу позвонил я Водопьянову.

— Михаил, ты занимался отцами русской авиации. Напишешь?

— Нет. П двум причинам: послезавтра уезжаю, во-вторых не хочу о нем писать. Я считаю его стяжателем, тщеславным человеком. Для науки он ничего не дал. Не то, что Нестеров.

— Но Нестеров же работал позже. А для практики?

— Для практики тоже мало, хотя дал. Нет, не буду. Вот сценарий тоже делают. Я не согласен.

— Когда вернешься?

— В конце января на новой машине. Вот, покажу тебе штуку. Хороша! Думаю, потом слетать на ней, полетик сделать.

— Механика тебе не надо?

— Я тебя и так всегда возьму. Я на опыте видел, как ты работаешь!

— Ну, доброго тебе пути!

Позвонил Коккинаки.

— Приезжай, потреплемся, — предложил он.

— Нет, не могу.

— Ну, как хочешь.

Несколько дней назад — вечером 5-го января у меня сидел народ: именины Валерки. Часиков в 11 я позвонил ему.

— Приезжай!

— Не могу. Завтра рано лететь, а у меня только горло прошло, боюсь застудить опять. Потом отца сегодня похоронил.

— Где он умер?

— Да в Новороссийске. Старый уже был: 80 лет.

— Дай Бог нам дожить!

— Едешь туда?

— Не могу. Дела зажали. Послал братьев, велел мать сюда тащить.

Сегодня я вспомнил, что он должен был летать.

— Летал 6-го?

— Летал. Три минуты!

— И что?

— Да ничего. Живой! Но это не обязательно должно было быть. Взлетаю (между прочим, в первый раз на этой машине с бомбами), а у меня заварушка. Боком, боком, но взлетел. И вот на 15 метрах сдох мотор. Все аж ахнули, когда взлетел А тут еще такая штука.

— Садиться?

— Сразу? Тогда и сам бы был готов. Верное дело. А от машины не нашли бы и винтика. Держу ее, заразу. А сам думаю: вот-вот на лес сяду. Протянул. Ну, думаю, тогда на провода высокого напряжения. Протянул. Ну, на дамбу, значит. Вот так и летел три минуты. Сделал круг (не то, чтобы круг, а так — вроде того, что твой Валерка кругом называет) и сел. Сел, как попало.

— А машина?

— А что ей сделается: цела. Сегодня летал.

— Что сейчас делаешь?

— В карты с девчатами играю.

Поговорил с ним об Уточкине.

— А ты стукнись к нашим Мафусаилам — Микулину и Поликарпову.

Позвонил. Их нет.

Позвонил Алексееву.

— Нет, я всего 17 лет в авиации. Его не застал.

Рассказал ему о разговоре с Водопьяновым.

— Чепуха. Я, Лазарь Константинович, считаю тщеславие вполне законной чертой. Портит только приставка «тще», она намекает на тщету. Ежели человек не добьется славы — его называют тщеславным, а ежели удача — то он становится уважаемым. Такова жизнь, как таковая.

— Где встретил Новый год?

— У Виктора Чечина, небезызвестного вам деятеля авиации (механика). Но выпили мало.

— Почему?

— Годы, Лазарь Константинович.

— Ну а аварийный-то бочок?

— Аварийный выпили.

— А навигационный запас?

— Нет. Его оставили на весь год. Запасливо.

— Кому же заказать об Уточкине?

— Только не Россинскому. Этот дед авиации напишет воспоминания о ком угодно, даже об Икаре, но все равно будет писать однотонно, то есть только о своих полетах.

Так никому и не заказал, а сел писать передовую о выборах в Верховный Совет СССР от Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Буковины. Выборы — 12 января.

10 января

Вчера у нас был помещен подвал И. Гохберга «Хронологические выписки Маркса по истории России». В втором абзаце второй колонки было написано: «В тринадцатом веке в Россию через Волгу вторглись татары. Главная битва с

захватчиками произошла на реке Калке. Русские потерпели поражение». Это — не изложение записей Марскса, а авторское отступление для ясности.

Вчера же в редакцию позвонил т. Сталин. Он упрекнул редакцию в серьезной ошибке: вы свалили вместе в одной фразе, а потому и спутали два важнейших события. Первый раз монголы пришли в Россию с юга, разбили русских на реке Калке и, взяв добычу, ушли обратно. Затем — через Среднюю Азию и Сибирь — через Волгу — пришли опять. Калка в этом случае была уже не причем. Если у вас нет исторически грамотных людей, то хотя бы поглядели в учебнике Шестакова.

Скандал был крупнейший. Пришлось в сегодняшнем номере дать поправку:

«Правда» от 10.01.1941 № 10:

«ПОПРАВКА.

Во вчерашнем номере „Правды“ в статье „Хронологические выписки Маркса по истории России“ допущена неточность. Во втором абзаце сверху (вторая колонка) напечатано: „В тринадцатом веке в Россию через Волгу вторглись татары. Главная битва с захватчиками произошла на реке Калке. Русские потерпели поражение“. Следует читать: „В тринадцатом веке монгольская армия на реке Калке разбила соединенные войска русских и половцев. Захватив богатую добычу, монголы ушли в Азию. Через 14 лет после битвы на Калке татаро-монгольские полчища, под предводительством хана Батыя — внука Чингисхана, появились на Волге и снова нанесли поражение войскам русских князей“».

20 февраля

Ну вот, опять больше месяца не брался за перо. 15 января выехал в Баку делать полосу о победителях соревнования нефтяников и пробыл там 3 недели. Вернулся в Москву лишь 9 февраля (делал полосу — напечатана 20 января, три корреспонденции «Рождение города — Сумгаита», «Забота», «Дом Низами»), напишу, видимо, еще что-нибудь.

Багиров — секретарь ЦК Азербайджана встретил меня очень тепло. Долго разговаривали. Рассказывал он и о встречах со Сталиным. Поведал, между прочим, любопытный диалог:

— А как работает бухта Ильича? — спросил как-то Сталин

— Плохо.

— Вы что же, нарочно назвали бухтой Ильича?

— Это давно так было названо, товарищ Сталин.

— Имейте в виду: все, что носит имя Ленина должно быть первым, передовым.

Много толковали о нефти. Он очень хорошо в ней

разбирается, уделяет 3/4 дня нефтяным делам. И сейчас Бакинская нефть пошла в гору. Сообщил я ему о наметках Наркомнефти о победителях соревнования. Он внес коррективы и попросил их учесть. Я передал редакции, провели.

Посмотрел я в Баку музей им. Сталина. Огромный, пока единственный в Союзе. Сидел в этом музее безвылазно 5 дней. Есть очень любопытные материалы (см. блокноты). Собирался — и собираюсь — писать о нем.

— Напишешь или не напишешь, — говорит Багиров — ты в командировке времени зря не потерял. Работал над собой, не отставал.

Через Гиндина — секретаря БК по нефти — он предложил мне сесть глав. редактором «Бакинского Рабочего». Я вежливо отказался.

Спецкор «Извести» Осипов рассказал мне в Баку интересную историю. Речь шла вечерком у него в номере.

— Вы помните, что раньше снимки депутатов давались обыкновенно без фамилий, писали просто «группа депутатов Верховного Совета» и все (впрочем, это было, кажется, еще и с членами ЦИК). И вот сидим мы однажды на Сессии. Видим, Сталин берет «Правду», просматривает ее бегло, затем задерживается. Обращает внимание сидящего рядом Ворошилова. Потом подзывает Мехлиса, показывает ему что-то в газете, говорит. Ну, думаем, напороли. А вечером все наши фотографы ездили по общежитиям делегатов и устанавливали фамилии, кто снят на снимках. Оказывается, Сталин сказал Мехлису: «Это неправильно. Эти люди — члены правительства, избранники народа. Их надо всемерно уважать, всемерно популяризировать, а вы обращаетесь с ними, как с мебелью. Надо давать фамилии.»

Сегодня Эстеркин рассказывал о театральных делах. Оказывается, руководители партии очень часто бывают в театрах, особенно в Большом. Сталин приезжает почти каждую неделю. У него есть свои любимые оперы, балет, артисты. Он очень часто дает указания. Именно по его предложению был изменен финал «Ивана Сусанина», затем он предложил увеличить хор этой оперы «человек на 200–300». Недавно он сказал Самосуду:

— Надо создать оперу, реабилитирующую Ивана Грозного и опричников. В истории русского государства было несколько гигантских фигур, которые и создали национальное русское государство. Мелкие царские правители пытались их снизить до своих размеров. Мы обязаны восстановить истину. Эти фигуры Петр I, Иван Грозный, Борис Годунов. Петра Первого мы реабилитировали, теперь это надо сделать и по отношению к равному ему Ивану Грозному.

Иногда Самосуд не соглашается с его мнением и возражает. Так было, например, по поводу одного эпизода (оплакивание тремя певцами гибели Сусанина), выброшенного Самосудом из оперы. Сталин выразил сожаление об этом и сказал, что этот эпизод стоило бы ввести («Ведь Глинка чем-то руководствовался, когда его сделал».) Самосуд возражал. По его мнению этот эпизод разряжает обстановку. По Сусанину дальше скорбит весь народ и, наконец, весь народ торжествует победу.

— Если оставить эпизод — это ослабит весь дальнейший эффект. Это неправильно и художественно и политически. Хотите, я покажу Вам оперу с этим эпизодом, и Вы убедитесь, что это так?

— Не надо, Вы правы.

Довольно часто руководители партии бывают во МХАТе, иногда в Малом театре. В филиале Большого, в других — не были ни разу.

21 февраля

В Баку я жил в соседнем номере с Вл. Яхонтовым. Очень подружились, много времени пробыли вместе. Он читал там Маяковского, Есенина, Пушкина. Вечером, в номере, читал «для души» отрывки из «Ромео и Джульеты». Сделано потрясающе. Делился своими планами:

— Знаете, тянет в театр. Я чувствую, что созрел, как актер. Вот приглашает меня Тапров в Камерный. Наверное, пойду. Очень хочется на сцену.

Он очень приятен: здоровый, типично русский детина, типа Есенина, до смерти любящий искусство, чуящий его, веселый, жадный до шутки и женского общества. В Баку он немедленно влюбился и по юношески переживал. Я их снял на фото.

Смеха ради, он читал вслух «правила проживания в гостиницах». Получалось смешно и обидно: мы, грешные, жильцы выглядели в правилах сплошь жульем и воришками.

Я предложил ему устроить клубную программу анекдотов (исторических). Он страшно оживился. «Это очень хорошая мысль, обязательно сделаю» и тут же рассказал несколько анекдотов — новелл.

22 февраля

Крокодильцы (Весенин) рассказывают любопытную историю с Евг. Петровым. Недавно к нему пришел какой-то его бывший сослуживец. Рассказал, что много натерпелся в Одессе, но теперь все хорошо. Сидели, выпивали.

— А где твой орден, Евгений Петрович?

— В шкафу.

На следующий день Петров уезжал в Киев. Перед отъездом

хватился — нету ордена. Искать было некогда, и он, страшно расстроенный, уехал. В Киеве он зашел в угрозыск, рассказал. Там его очень хорошо приняли, особенно узнав, что он сам работал в угрозыске.

Утром следующего дня к нему пришел лучший сыщик.

— Есть ли у вас подозрения?

— Нет, только намек.

И он рассказал о посетителе. Сыщик из его же номера позвонил в Одессу и, спустя пять минут, сказал Петрову: «Он вовсе не так чист, как вам кажется».

Затем позвонил в Москву и пять обернулся:

— Он выехал. Не говорил вам, куда собирается?

— Куда-то на Украину.

— Тогда все в порядке.

На следующий день Петрова вызвали в Угрозыск и вручили орден Ленина. Субчика быстро обнаружили в каком-то городе Украины. Туда выехали оперуполномоченные и взяли его. Под орден он уже успел у кого-то получить 5 тысяч рублей.

Вот и тема для рассказа!

2 марта

4 марта из Москвы на север вылетает самолет «Н-169». Его маршрут: Архангельск — вдоль побережья до острова Врангеля, оттуда к району полюса недоступности. Цель — ранняя ледовая разведка. Узнал я об этом случайно. Встретил на улице Митю Черненко, он и рассказал.

Начали у нас полегоньку готовиться. Позавчера я заехал в ГУСМП. Зашел к Папанину. Он как раз уходил, торопился на сессию (ВС СССР).

— Машины не надо Пойдем вместе, проводишь, дорогой поговорим

Мы пошли пешком в Кремль.

— Дело не такое большое, как тебе кажется. Это наше текущее мероприятие. Может быть, и совсем писать не будем. А если будем — надо дать научную статейку.

— Ты напишешь? Подвал?

— Хорошо.

— Слушай, Дмитрич, а что, если мне полететь с ними?

Он подумал.

— Не стоит, полагаю. Ну какой тебе интерес? Писать будут мало, летать ты летал, на севере бывал не раз. Мне не жалко: если Черевичный возьмет лети. Но у меня для тебя есть другое дело — горячее! Только пока не скажу. Еще не разрешен окончательно вопрос.

— А ты в нем будешь участвовать?

— Не знаю.

— Брешешь! Раз «решается», раз «не знаю» — будешь!

— Ну там увидим, — отвечал он уклончиво.

— А если не будешь?

Он расхохотался и ударил меня по плечу.

— Тогда и ты не будешь. Ну пока! Заезжай домой.

— Погоди минуту.

И я рассказал ему, как несколько дней назад мне позвонил какой-то собиратель редкостей и спросил — нет ли у меня каких-нибудь реликвий, связанных с полетом на полюс и Папаниным. Говорят, там играли в карты, нет ли колоды?

— Ну дай ему девятку пик, — посоветовал он.

Перейдя улицу, он вдруг окликнул меня и перебежал ее обратно:

— Ты не обижайся. Как только решится — я все расскажу.

Вернувшись в ГУСМП я попал в водоворот.

Прежде всего увидел летчика Черевичного, штурмана Аккуратова, бортмеханика Шекурова — весь экипаж «Н-169». Они шли на склад получать обмундирование.

— Летим с нами? — предложил Валентин Аккуратов.

— Собирался, да раздумал. Далеко будете садиться?

— Далеко не разрешают. 80о-81о. Там, Бог даст, сядем. Дня два — три просидим. и обратно. Пойдем с нами на склад.

Пошел и расстроился. Люди примеряют малицы, унты, и у меня засосало. Хочется!!

Ушел. Встретил Якова Либина — начальника научной ледяной группы. Когда-то, еще в бытность нашу на острове Рудольфа (он был тогда начальником острова), он развивал мне идею такого научного прыжка и просил даже у Шмидта самолет на такой случай. В 1939 году он должен был идти во главе смены седовцам, которую предполагалось забросить на самолетах. Тогда все уже было готово, изготовлены специальные легкие приборы, снаряжение. Однако, седовцы под нажимом Папанина изъявили желание самим продолжить дрейф, и полет не состоялся. Сейчас он все же летит.

Он рассказал мне о плане потела, коротенько о задачах:

— Вообще все это буднично по нынешним временам. Начиная от Амдермы будем делать вертикальные разрезы. Скажем, от Амдермы до Рудольфа. И так всю дорогу будем идти зигзагами. Знаете, как пьяный идет по улице. Ну, а в конце, если условия будут подходящими, сядем.

— Много научных лиц?

— Я, гидролог, астроном-магнитолог.

— Если сядете, что будете делать?

— Наблюдения за структурой льда, промеры глубины, полная гидрологическая станция, метео-наблюдения, астро-пункт, магнитные наблюдения.

— Аппаратура та, которую готовили к «Седову»?

— Да.

Зашел разговор о земле Санникова. Аккуратов сообщил, что во время одного из полетов (кажется, в прошлом году) они видели к северу от Новосибирских островов, милях в полутораста, кучевую облачность.

— Откуда ей там взяться? Ясно, оторвалась от гористой земли. Думаю, что она там, все-таки, есть, хотя Бадигин и прошел поперек этого места.

— Это ничего не значит, — сказал я. — Санникову показалось, что земля близко, а на самом деле он мог видеть ее рефракционное изображение. В 1935 году мы видели остров Виктории за несколько десятков миль со льда. Коккинаки видел Ла-Фонтенские острова за 200 миль и испугался, что сбился с курса.

— Это верно, — отвечал Аккуратов, — мы однажды наблюдали рефракцию за 200 миль.

Договорившись с народом о статьях, я снова зашел в ГУСМП. В коридоре попался мне проф. Вениамин Григорьевич Бочаров, с которым мы вместе плавали на «Садко» в 1935 году.

— Здравствуй, Лазарь. Есть дело: пойдем с нами нынче на «Садко». Очень интересно.

— А куда?

— От мыса Молотова напрямик к острову Врангеля. Ты, кажется, болен эти маршрутом?

— То, что мы, мудаки, должны были проделать в 1935 году!

— Ну тогда нельзя было. Мы ведь достигли мыса Молотова в сентябре. И так еле ноги убрали.

— Ну, что же, если ничего интересного не будет — пойдем. Знаешь, Веня, мне еще очень хочется пройти по прямой от Рудольфа до мыса Молотова. По-моему, там, севернее о. Ушакова, где мы колбасились в тумане, есть еще настоящая солидная землица.

— Думаю, что так. Тогда на «Садко» все показывало близость большой Земли: и грунт, и глубины, и общий рельеф дна, и айсберги на мели (помнишь их?), и планктон. Но там только пешком можно ходить.

— Ну что же, в выходной сходим.

Оттуда зашел к Белоусову. Его сейчас назначили начальником морского управления, а создали оное по прямому указанию ЦК. Сидит, матерится:

— Бумаг, бумаг!! Не успеваю расхлебывать.

Посоветовался я с ним насчет полета.

— Не советую. Это для более молодого. Не в смысле возраста, а положения. Заезжай ко мне, будет один дальневосточник. А?

Заехал. У него сидел бывший его помполит на «Свердлове» Николай Дмитриевич Тимофеев. Сейчас он работает в ИМЭЛ по Марксу. Бойцы вспоминали минувшие дни за блинами (Масленица!) и водкой. Белоусов, между прочим, рассказал, что сейчас в Ленинграде находится при смерти Воронин. Последнее время он командовал «Леваневским». Корабль находился вблизи Ханки. 9 или 13 февраля старик заболел (у него давняя беда с почками, перед плаванием он 8 месяцев лежал в больнице). Командование округа и Балтфлота начало бомбардировать ГУСМП телеграммами. Самолеты послать было нельзя: туман сплошной. Финский залив был забит непосильным для «Леваневского» льдом. Папанин позвонил наркому флота Дукельскому и попросил послать за Ворониным «Ермака».

— Не могу. «Ермак» занят проводкой немецких судов.

Тогда Папанин позвонил Микояну.

— Немедленно бросить суда и идти за Ворониным, — приказал Микоян.

Тем временем, Вл. Ивановича свезли на берег. Покуда «Ермак» пробивался во льдах, Папанин договорился с наркоминделом (Лозовским). Тот с финляндским правительством — и Воронина специальным поездом 22 февраля привезли в Ленинград.

Он все время без сознания. На консилиум послали из Москвы несколько профессоров. Операцию все же пока решили не делать. Все тревожно ждут.

— Жизнь человека! — философски рассуждает Белоусов — Забавная это штука. Вот, например, на севере: чем бы важным, сверхважным не был занят ледокол или самолет — случись что-нибудь с кем-нибудь, самым паршивцем, и мы все бросаем и мчимся туда.

Тимофеев рассказал, что сейчас готовится к изданию полное собрание сочинений т. Сталина. Принесли ему, между прочим, перевод его брошюры «Вскользь о партийных разногласиях», написанной в 1904 (или в 1905) году. Она была тогда отпечатана в Авлабарской подпольной типографии и с той поры не переиздавалась. т. Сталин прочел и сказал:

— А почему ее понадобилось вновь переводить на русский? Она уже была однажды переведена и не хуже.

И впрямь, тогда брошюра вышла на русском, грузинском и армянском языках. Сейчас, очевидно, решили взять за основу

грузинский и просчитались.

В числе прочего, Тимофеев рассказал о работе т. Сталина над «Историей гражданской воды» (том 1). Тимофееву попал в руки экземпляр рукописи с правкой т. Сталина. Начать с того, что на обложке были выведены только три буквы «И.Г.В.» вместо заглавия. т. Сталин обвел эти буквы карандашом и надписал «Что это значит?» По всей рукописи рассыпаны фактические и стилистические указания т. Сталина.

Когда вышел первый том «Истории дипломатии», т. Сталин позвонил Потемкину (наркому и редактору издания) и сказал:

— Прочел первый том. Передайте спасибо товарищам, которые над ним работали.

Потемкин немедленно созвал всех авторов и редакторов и передал им слова Сталина.

9 марта

5 марта Черевичный улетел. Я был на аэродроме, пожелал ему счастливого пути. Подошел там ко мне Папанин, отвел в сторону:

— Много не пишите. Дайте только, что вылетели.

Встретил там Жукова — штурмана. Тоже готовился к отлету (вылетел сегодня) с Котовым и Камразе. Сообщил, что будет разведывать в Карском море, на северо-востоке.

— Николай Михайлович! Большая просьба: будете на севере, сверните немного на норд от острова Ушакова. Очень меня это место интересует (мы там бродили в 1935 году).

Он засмеялся:

— Дорогой мой, не только вас это место занимает. Все будет зависеть от бензина. А вы нынче куда?

— Сам еще не знаю.

— А то — подвезем, а? Доставим на Ушакова и ищите сами.

Рядом готовился к старту Мотя Козлов на «Дугласе», поставленном на лыжи (впервые так идет на север). Потолковали и с ним о том, о сем. Сказал, что видел книжку Зингера о нем.

— Читал? — спросил он с живейшим интересом.

— Нет еще.

Он был разочарован.

4 марта я сидел и работал над рецензией о книге Свена Вакселя. Часиков в 8 вечера позвонил Кокки:

— Здравствуй, пропащий! Что делаешь?

— Да вот, пишу.

— «Чкалова» не видел?

А как раз накануне мы смотрели фильм в редакции, и я должен был писать рецензию. Одначе, картина мне настолько не понравилась, что я отказался.

— Видел. Не нравится.

— Почему?

— Там Чкалова нет. И артист не похож, и образа настоящего не дает.

— А, может быть, это потому, что ты лично и хорошо знал Валерия?

— Может быть! Если бы «Петра I» показать современникам — они бы плевались. А мы довольны. Что делаешь?

— Лежу. Болен. Приезжай.

Приехал. Сидит, читает «Историю дипломатии».

— Читал?

— Великолепно, только первые века по неграмотности пропустил.

— А я наоборот. Недавно как раз их штудировал. Пойдем, покажу накопления.

Прошли в кабинет. Раньше у него книги помещались в одном, очень объемистом шкафу. Сейчас пристроил еще полку (из 5–6 полок). Все книги в приличных переплетах. Полные собрания Пушкина, Толстого, Горького, Щедрина, Байрона, Диккенса, Стивенсона, Куппера, Конан-Дойла, Тургенева, Некрасова, Жюль-Верна, Майн-Рида, Луи Буссинара, Лондона, Станюковича. Отдельно стоит Ленин, Малая энциклопедия.

— Там еще второй ряд. Книги, которые мне интересны. Несколько твоих книжек, других ребят.

— Я люблю грубую лесть.

Он засмеялся.

— А вот, что я хочу тебе показать.

Он вытащил с полки «Иллиаду» Гомера и три тома Вегнера («Эллада» и два тома «Рима») старого издания.

— Как пишет! И факты, и мифология, а стиль!! Знаешь, я как минутку урву — так сюда. Очень хорошо. Валька пузырится только Сыграем в шахматы?

Сели. сгоняли четыре партии — три из них я проиграл по неосмотрительности. Тем временем, пришли из гостей Валентина Андреевна и его мамаша (после смерти отца он ее вызвал в Москву).

Попили чайку, закурили и сели толковать. Поведал он несколько историй.

— Что такое работа летчика-испытателя? Вот, скажем, весь январь и февраль я гонял одну машину. Никак не могли определить, почему у нее трясется хвост. И так, и сяк — неясно. То переставим, другое изменим — не получается. Наконец, как будто наладили. И вот, лечу я на ней, сделал несколько площадок — все в порядке. Иду на посадку, дай, думаю, пройдусь еще у

земли. И вдруг затрясло! Мне бы садиться, но я решил проверить до конца. Поднялся вверх — в порядке, снова к земле — трясет. Тогда я выбрал зону, где всегда болтает (из опыта уже знаем такие места) — и туда. Трясет. И вдруг, на полном газу, ясно чувствую, как у меня продольно ломает фюзеляж. И мне все стало ясно. Ходу на землю:

— Меняйте противовесы у руля!

— Как?

— Да так!

Сменили — и все в порядке.

— А как вообще дела?

— На днях сдал новую машину. Пошла на государственные. Абсолютно спокоен. Знаю, что все будет в порядке. Заранее предугадываю, что найдут только один дефект и сказал уже Ильюшину, чтобы пока переделал.

Вот забавный случай у меня был на прошлой неделе. Лечу на большом аэроплане. И вдруг неладное. Ну такое, что я начал с ним, как со стеклянным обращаться.

— Ломаться начал?

— Вот именно. Сбавил газ до минимума и зашел на посадку километров с двадцати, чтобы зря не полыхать машину. Иду тихо, точненько по прямой. И вот, уже вблизи аэродрома метрах на 200, аэроплан вдруг полез на петлю. Спасло меня только мгновенное решение и мгновенное исполнение. Какая-то абсолютная ясность сознания была. Предельная! Только одно могло спасти меня и я сделал именно это и молниеносно. Я дал полный газ, в то же мгновение накрутил стабилизатор, отжал ручку и дал витков 15 триммеру. Все это сразу. Машина встала на дыбы, свалилась на бок из вертикального положения и через несколько секунд плюхнулась на аэродром в нормально положении. Опоздай я на несколько долей секунд — не играли бы в шахматы. Вылез и заволновался. Аж мокрый стал. Такого состояния еще не бывало со мной.

— После посадки уже мокрый?

— Ну да.

— А что, Володя, у тебя было, когда ты по телефону радовался, что можешь со мной разговаривать? (см. запись от 25 декабря 1940 г. — Л.Б.)

— А… под Новый год?! Веселое происшествие. Чуял я, что с машиной что-то не ладится. Сказал Ильюшину. Тот на дыбы: не может быть! Я настаиваю. Он: нет, ошибся, я сам с тобой полечу! Я ему отказал, не могу в таком деле конструктором рисковать. Взял с собой паренька, инженера, который всегда со мной летает, толковый, хладнокровный. Оделись полегче, пристроил его у

самого люка, чтобы способнее было сматываться. На земле еще запасливо отрегулировал ему микрофон, чтобы сразу замечать интонации его голоса. Полетели. Сделал я одну штуку, которую, уверен, никто из испытателей еще не делал. Нашел инверсионный слой и стал в нем ходить. И получилось, как на продувке в трубе: все обтекание наглядно видно. Он сидит сзади, наблюдает за фюзеляжем и докладывает: «Владимир Константинович, струя ударяет под углом в 15°, под 20°, под 25° …» И по его голосу я чувствую тревогу. Жму по-прежнему. И вдруг он как закричит, забыв даже об обращении (некогда, видимо, стало!) — «Ломает!!» Ага, что и требовалось доказать. Ну, ждать, пока доломает машину было не резон. Я — вниз. Ничего, сели. Я оказался прав.

Позвонил ему по какому-то поводу позавчера. Зашел разговор о депутатских обязанностях.

— Занимаешься?

— Много. В Керчи трамвай уже провели, воду дали, электрическую линию к городу подвели. Банно-прачечный трест построили — на него я тысяч 250, кажется, достал. Но много мучают и иные. Вот прислал недавно письмо избиратель-парикмахер. Я, мол, специалист по дамским прическам, а мне квартиры бюрократы не дают.

Сегодня в Доме Журналиста устроили вечер (см. билет): «… самое интересное из неопубликованного». Народу собралась тьма, да все маститые, кондовые. Выступали Рыклин, Коробов, Мар, Ордынский, Кор, еще кто-то и я. Надо будет записать поподробнее. Отличный вечер!

1 апреля

Несколько газетных эпизодов:

Получили мы 19 марта от Ленинградского корреспондента заметку «Ценные исторические находки». Там нашли считавшийся утерянным оригинал статьи В.И. Ленина «Серьезный урок и серьезная ответственность», опубликованный в «Правде» 6.03.1918 года.

В этой рукописи есть абзац:

«…что „левые эсеры“, высказываясь за войну, сейчас заведомо разошлись с крестьянством — это факт. И этот факт говорит за несерьезность политики левых эсеров, как несерьезной была кажущаяся „революционной“ политика всех эсеров летом 1907-го года…»

В тексте «Правды», а затем в изданиях сочинений ВИЛ год был указан неправильно — 1917, ибо перепечатывалось по «Правде» с отпечатков.

Дежурил у нас Мартын Мержанов. Дело очень интересное. Он

немедленно позвонил директору ИМЭЛ академику Митину. Тот два часа изучаи вопрос, а затем ответил:

— Рукопись — большое событие. В «Правде», конечно, допустили опечатку. Но, тем не менее, напечатано правильно. Ошибся, описался — именно Ленин. Судя по тексту всей статьи, по обстановке тогдашней, речь шла не о 1907 годе, а о 1917. Не советую давать заметку. Это дело будет, конечно, предметом обсуждения на Политбюро, но я не сомневаюсь, что там подтвердят мою точку зрения. И в готовящемся сейчас четвертом издании сочинений Ленина мы оставим 1917 год.

Сейчас идет шахматный матч-турнир на звание абсолютного чемпиона СССР. Участвуют Ботвинник, Керес, Лилпенталь, Бондаревский, Смыслов, Болеславский. Начали они 25 марта в Ленинграде. Интерес к этому делу у всех очень большой. Борьба идет там «по Гамбургскому счету», на совесть.

В четвертом туре играли Ботвинник и Бондаревский. Партия была отложена в напряженном и неопределенном положении. И вот, вскоре после объявления последних известий по радио, в редакции газеты «64» раздался звонок (было около 12 часов ночи).

— Говорят их секретариата Молотова. Вячеслав Михайлович просит, если это возможно и удобно, связаться с Ленинградом и узнать, как мнение самих участников об этой партии.

По телефону говорил мастер Юдович. Он немедля вызвал молние Ленинград, поговорил с Ботвинником, Бондаревским. Оба объективно оценили позицию. Затем он позвонил по оставленному телефону:

— Вот нас просили узнать о партии…

— Да, правильно.

— А кто у телефона?

— Молотов. Ну и что говорят?

Юдович обмер. Потом очухался и рассказал. Молотов внимательно слушал.

— А я с кем говорю?

— Мастер Юдович.

— Вы шахматный мастер?

— Да.

— А Ваше мнение о партии?

Рассказал. Разговор продолжался минут 20. В заключении Юдович совсем осмелел и сказал:

— Вячеслав Михайлович! Вот беда: издаем мы бюллетень, посвященный матчу, а бумаги нет. Печатаем 1000 экз. и все нарасхват.

— А сколько нужно бумаги?

— Да тысяч на восемь.

— Больше ничего не нужно?

— Ничего.

На следующий день в редакцию «64» принесли пакет: в нем разрешение на 8000 экземпляров.

Всю сию историю мне рассказал Мартын Мержанов во время вчерашнего ночного бдения и присовокупил:

— А Тимошенко — ярый футбольный болельщик. Когда он был на маневрах в Киевском Военном округе, как раз в Москве игрался матч ЦДКА с кем-то, не помню. Так Тимошенке молниями сообщали о каждом голе, а после каждого тайма давали подробное описание.

Вчера на летучке был интересный эпизод. Вел летучку Ярославский. Заключая, он обратил внимание на статейку Трегуба о молодом авторе.

— Вот Трегуб уверяет, что обсуждавшие этого автора писатели правы. А они сказали автору, что нельзя писать выражение: «если подняли руки ладонями вверх». Я спросил, кто так говорит? Отвечают: Вера Инбер. Ну, Инбер комнатный человек. А мы знаем, что ели часто поднимают «руки ладонями вверх». Нижние ветви ели — вниз, а верхние — вверх. Все правильно, и напрасно дезориентировали человека.

2 апреля

Две хорошие полемические реплики.

— Мержанов рассказал, что Луначарский, выступая как-то на собрании с докладом, заявил, что В.И. Ленин требовал то-то и то-то, сказал так-то и так-то.

— Ленин этого не говорил! — бросили реплику из зала.

Луначарский сверкнул из-за пенсне:

— Это он вам не говорил, а мне говорил!

Сегодня у нас был в кинозале просмотр программы, эстрадной студии, руководимой Смирновым-Сокольским. Сей муж, конферируя, вспомнил словесный бой Луначарского и митрополитом Веденским.

Луначарский, доказывал какой-то материалистический тезис, заявил:

— Ну что такое картошка — простая вещь: крахмал, сахар и вода.

— Очень хорошо, Анатолий Васильевич, — ответил Веденский. — Вот вам крахмал, сахар и вода. Сделайте из них картошку.

Недавно к Мержанову зашел знакомый. Разговорились — он старый приятель Коккинаки.

— Хочешь, я ему сейчас позвоню. Телефон: Д1-20-27.

— Ошибаешься, — возразил Мартын. — Его телефон Д3-49-41.

— Нет.

Поспорили на бутылку «Пино-гри», любимого вина Мартына. Он тут же позвонил по телефону Д3-49-41. В ответ раздался характерный густой бас Владимира.

— Володя?

— Да. Кто говорит?

— Мержанов. Вот тут у меня сидит такой-то. Говорит, что твой домашний телефон Д1-20-27, а я утверждаю, что этот.

— Ну и что?

— Поспорили.

— На что?

— На бутылку вина.

— Хорошего?

— Хорошего.

— Тогда отдай бутылку ему: ты звонишь мне на завод.

Диалог весьма типичный для Коккинаки.

19 апреля

Суббота. Забавный день. Утром был на суде. Написал. Днем занимался Черевичным — достал его радиограммы из лагеря, комментировал. Вечером поехал на партийное собрание 2-го часового завода. Около часу ночи зашел ко мне зав. информационным отделом.

— Завтра 60-тилетие композитора Мясковского, напиши 100 строк. Поспелов требует.

— Так я же ничего в музыке не понимаю, Мясковского не видал и не слыхал.

— Ничего не поделаешь, некому.

Взял вырезки, справочники. В два часа ночи сдал сто строк.

Чем только не приходится заниматься газетчику! Прислуга за все!

Сегодня от нас ушел Ровинский — он назначен редактором «Известий». Известинцы в панике звонят мне и домой и в редакцию, кто он таков, как у нас расценивают сие, каково общее мнение?

— Жалеют нас и вас, — отвечаю я.

И действительно жаль, что он ушел. Это был настоящий газетчик, с огнем, великолепным знанием дела, носитель газетных традиций «Правды». при нем все были спокойны: хороший материал не пропадет, плохой встретит серьезнейшие преграды, ошибочный — не пройдет. За долгие годы работы в «Правде» с Мехлисом он вырос в настоящего редактора.

Но вот, что странно: умный, остроумный человек, любящий

шутку, веселье, игру, он, в то же время, был очень сухим и черствым. К людям он относился абстрактно, схематично. К нему очень хорошо подходили слова:

«Забота о живом человеке у него начинается тогда, когда он полумертвый».

23-24 апреля

Два дня (два вечера) продолжалось совещание передовиков редакции. Вел его Ильичев — секретарь редакции, присутствовали: Заславский, Гольденберг, Железнов, Иткин, Гершберг, Печерский, Иванов, Корнблюм, Вавилов, Коссов, Верховский, Домрачев, Кружков Н., Трегуб, Азизян, я и еще два-три человека.

Обзорный доклад сделал Заславский. Оказалось, что в прошлом году больше всех передовых написал Гершберг — 56, Заславский — 35, Ушеренко (ныне зам. редактора «Угольной промышленности», а тогда — член редколлегии) — больше 40. У меня что-то около десятка. Заславский анализировал тематику, форму, содержание.

Затем Гольденберг сделал доклад о передовых в иностранных газетах, а Железнов — сообщение о работе над передовой. Потом — прения. Стенограмма велась Титовой.

Между прочим, было напомнено указание т. Сталина, сделанное нам пару лет назад: поменьше плакатности в передовых (т. е. тривиальных агиток).

25 апреля

22 апреля в Кремле состоялся прием в честь участников только что закончившейся в Москве декаде таджикского искусства. На приеме с речью выступил т. Сталин. От нас там было несколько человек, в том числе Оскар Эстеркин (Курганов). Он записал речь, ее послали, но оттуда не вернули. Оскар рассказывал речь (передаю в изложении Оскара):

— Мы забываем о Ленине. У нас слишком возносят теперешних руководителей и забывают создателя партии и государства. Конечно, мы тоже кое-чего стоим, но все мы светим отраженным светом Ильича.

Он говорил о созданной Лениным дружбе народов — новой идеологии и о старой идеологии — неравенстве народов. Эта идеология — мертвая. Сталин говорил об истоках культуры таджикского народа, ее тесной связи с Иранской культурой. Москвичи иногда путают: таджики, узбеки, туркмены. Это напрасно: у каждого из этих народов своя культура. Закончил он словами:

— Я пью за процветание и рост таджикского народа, за то, что мы в нужную минуту пришли ему на помощь.

12 мая

Вчера в Москву прилетел Черевичный. 5 марта он вылетел из Москвы на север, прошел высокими широтами до о. Врангеля, сделал к северу от него три посадки на лед и вернулся. За это время покрыл около 24 000 км.

Все это подробно описано в газете. Хочется добавить две вещи. Папанин им приказал летать не дальше 81°. Первую посадку они сделали на 81°02 и 180°. Дальше им было приказано сесть на 80° и 180° вост. и 80° и 170° западной. Вторую они сели 79° и 170°. Самое интересное получилось с третьей, как рассказывает штурман Аккуратов (у меня в кабинете):

— Решили допереть до полюса недоступности (83°40). Все равно — а победителей не судят. Дошли до контрольного пункта (80°) и чешем дальше. Сообщил я, что погода плохая, ищем льдину и дальше молчу. Дошли до 82°10. Погода все хуже, лед пошел в 7 баллов, очень плохой, садиться негде. Ничего не поделаешь — надо возвращаться. Вернулись, сели, сообщили, что искали льдину для посадки.

И второе — ребята до сих пор уверены (и Черевичный и Аккуратов), что земля Санникова существует.

30 апреля был я у Папанина дома. На следующий день он уезжал на охоту. Звал меня, отказался. Сели мы в кабинете в тишине.

— Ну, Иван Дмитриевич, выкладывай, что ты задумал и о чем тогда намекал.

— Дело простое. Примерно в тех местах, где сейчас Черевичный (севернее Врангеля) вмерзнуть на корабле в лед и дрейфовать. Года на три. Пронесет ясно — мимо полюса. Это сейчас видно хорошо на опыте «Фрама» и «Седова». Я бы тебя с удовольствием взял.

— А ты говорил с кем-нибудь?

— Говорил с Молотовым. Он отнесся как будто одобрительно и переслал т. Сталину. Оттуда ответа пока нет.

— Ну а нынче?

— Нынче пойдем со мной на «Сталине» на проводку кораблей. Все лучше, чем в Москве сидеть.

Сегодня вечером устроили у меня дома небольшой ужин. Был Володя Кокки с женой, Сашка Погосов, Сурен Кочарян с женой, редактор армянского «Коммуниста» Рачик Григорян и Алабян (театральный деятель). Разошлись в 5 ч. утра.

16 мая

Недельки полторы назад меня вызвал ответственный секретарь редакции Ильичев. Без дальних вступлений он сказал:

— Как ты смотришь, если встать во главе информационного

отдела?

Я задумался.

— Отрицательно. Во-первых, это не мой жанр. Я привык писать. Это-главное. Второе — люди. С теперешним составом там нечего делать.

— Писать будешь, но меньше. Ездить тоже будешь, людей подбросим.

— Я предлагаю Коссова.

— Думали. Тяжеловат. Тут нужен оперативный человек. Подумай. А ездить — не бойся — будешь. Это от тебя зависит — организуй дело так, чтобы мог смело уехать и езжай.

— А в Арктику?

— Сможешь и в Арктику. Подумай молча.

Я ушел. Молчал. Думал, что забыли. Нет, несколько дней назад вызвал снова, часика в 4 утра.

— Ну давай ставить на-попа. Берешься?

— Берусь.

Вчера слухи дошли до отдела. Днем меня спрашивают зам. зав. отдела информации Коссов и пом. зава Мержанов Мартын:

— Не слышал о переменах в нашем отделе?

— Слышал.

— Ну кто вместо Петьки Иванова?

Я решил разыграть:

— Кирюшкин (работник отдела пропаганды).

— Какой ужас!!

— Называют и вторую кандидатуру — Володю Веховского из партотдела.

— Ну это было бы лучше…

Я уехал в суд. Судили врача Лелюхина за производство абортов. Между прочим, не нашли лучше, где организовывать показательную выездную сессию, как в институте Неотложной помощи ми. Склифосовского.

Приезжаю, поздравляют: приказ уже подписан.

Сегодня разговаривал с редактором Поспеловым.

— У вас большой опыт. Конечно, вам нелегко расстаться с кочевой жизнью. Вы творческий работник. Но это и ценно. Вы лучше других знаете, как поставить и улучшить работу. Постараемся, чтобы вы не разучились писать. Будете изредка ездить, в Москве писать по крупным событиям. Больше будете давать передовых. Вы пишите быстро и мы вам будем поручать передовые в номер. Постарайтесь специализироваться, готовиться к определенному кругу передовых. Что вы хорошо знаете? Видим, вопросы Севера. И авиацию? Очень хорошо. Вы очеркист и это благоприятно скажется на стиле передовых. Недавно мы

отметили ваше 15-тилетие. Мы вас ценим и доверяем вам большое и трудное дело. Руководящая работа тоже поднимает вашу журналистскую квалификацию Кроме того, это большое партийное доверие.

— Вот потому-то я и согласился.

— Очень хорошо. Подумайте о воскресных номерах, как сделать их интереснее. Видимо, материал нужно готовить заранее. Привлекайте писателей, посторонних авторов. Свяжитесь с новыми людьми. Внимательно следите за местными газетами — необязательно извлечь из них факт, иногда важнее идея. Людей мы вам из редакции дать не сможем — максимум одного-двух. Ищите вне стен — вы знаете журналистов.

Я тут же назвал имена Богорада, Ардаматского, Реута. Он одобрил. Договорился заодно о назначении Мержанова замом.

— Это хорошо, что он горит на работе, болеет за дело, не рыба.

— Последний вопрос, Петр Николаевич, смогу ли я поехать в крупную экспедицию, перелет?

— Да, сможете.

Сейчас сижу за передовой. Посвящена облику командира Красной Армии. Так как я слабо знаю эту тему, то соавтором мне предложили слушателя военно-политической Академии, героя СССР Бойко. Сегодня он приехал ко мне, рассказывал о речи т. Сталина на выпуске — приеме академиков.

На этом приеме и последовавшем затем банкете в Кремле т. Сталин выступал шесть раз (один раз на приеме и 5 раз на банкете). Идеи его выступления изложены в плане моей передовой.

Вечером ко мне в редакцию заехал Коккинаки Сегодня в доме печати книжный базар.

— Давай поедем скорее. Хочу попасть, пока мальчики не раскупили самого интересного.

16 мая

На днях в ЦК состоялось совещание, посвященное художественной кинематографии. Продолжалось оно два дня Присутствовали режиссеры, актеры, сценаристы-писатели. Участвовали т. Жданов, Андреев, Маленков.

Сегодня на заседании редакции Поспелов рассказал об этом совещании: открыл совещание Жданов. Он сказал:

— Партия рассматривает кино, как важнейшее из искусств. Наряду с такими отличными картинами, как «Суворов», «Яков Свердлов» выпускается очень много серых и немало негодных картин («Закон жизни», «Сердца четырех» и др.) В «Сердцах четырех», например, сюжета на 10 минут. Люди показаны не в

кипении, не в труде, а в безделье. В наших фильмах часто наблюдается необычайно легкое превращение в героев. Жанр комедии за последнее время снизился.

В прошлом году, в сентябре, на совещании писателей в Кремле (по поводу Авдеенко) т. Сталин говорил, что порок Авдеенко не в том, что он изобразил врагов сильными людьми, а в том, что наших людей показал никчемными, бледными. А это — клевета.

Все воспитание масс нужно вести в свете двух задач: идущей сейчас войны и задач строительства коммунизма.

Наиболее яркое впечатление из выступающих в прениях произвели Довженко, Шенгелая и Корнейчук. Довженко сказал, что каждая картина должна учить, как жить. А для этого нужно знание жизни. Следует выпускать больше картин.

Шенгелая справедливо заметил, что наши исторические фильмы хороши, а современность на полках не лежит.

Александров поведал интересный эпизод с петухом. Для картины «Волга-Волга» нужен был дрессированный петух, возглашать утро. Купить!

Но отделы актерский и реквизиторский полгода спорили, что такое петух актер или реквизит, и кто его должен покупать. Установив, что реквизит, отправились в «Гастроном» узнавать цену кило петуха.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. МОСКВА. 1942

Аннотация: Юго-Западный фронт. Воронеж — Валуйки — Ольховатка. Воронеж накануне оккупации, бомбежки. Россошь. Урюпинск. Сталинград. Возвращение в Москву. Положение на фронтах. Рассказы очевидцев. Встречи с Коккинаки, Молоковым. Рассказ Погосова об Архангельске и караванах. Воронеж сдан. Майкоп сдан. Редакционная жизнь.

Тетрадь № 20–19.05.42–19.08.42 г.

1942 год

Юго-Западный фронт

19 мая 1942 г.

Собирался 15-го вылететь с Кокки в Омск, но 14 вызвал Поспелов и предложил ехать старшим на Юго-Западный фронт, где началось наступление на Харьковском направлении с 12 мая. Я, конечно, согласился.

Володя 15-го ушел в Свердловск, отвез Валю в Тагил, а затем в Невьянск, и 17-го вернулся. Я доставал обмундирование, отбивал всякие льготы.

Сегодня выехали на своей машине из Москвы под Харьков. Провожали нас Гершберг, Баратов, Зуев.

К ночи доехали до Тулы. Остановились у замнаркомугля Оника. Он сообщил, что из 58 шахт уже пущено 57, план добычи перевыполняется.

20 мая.

Утром поехали дальше. Ехали бывшей оккупированной территорией Тульской, Орловской, Курской областей. Сожженные дотла деревни, много немецкой техники. Жители до сих пор куда-то перебираются со скарбом. Доехали (через Елец-Ливны-Задонск) в Воронеж.

21 мая.

Отлично выспались. Встретил здесь Куприна — его перебросили также с Брянского фронта на Харьковский. Поехали трое на двух машинах. Доехали до переправы через Дон. Ночевали в редакции райгазеты.

22 мая.

Ехали. Сидели в грязи у райцентра Алексеевка. Таскали машины на руках. Ночевали в доме колхозника. Утром зашли в штаб к Ганкатадзе (Чанкатадзе?), командующего юго-западной группой.

23 мая.

Прибыли в Валуйки. Встретил Реута. Пришел Костя Тараданкин. Был с визитом в политчасти.

24 мая.

Был с Куприным у бригадного комиссара Ушакова, зам нач. политуправления.

25 мая.

Был с Куприным у члена военсовета, бригадного комиссара Кириченко. Говорили о статье для «Правды» об украинских националистах и о положении журналистов.

26 мая.

Выехали по аэродромам. Поехала с нами Наталья Боде, фотограф фронтовой газеты «Кр. Армия». Были на аэродроме бомбардировщиков Пе-2 полковника Егорова (комиссар Панкин). Заночевали. Ночью стучали зенитки. Узнали, что немец бомбит Валуйки.

27 мая.

Утром переехали на аэродром штурмовиков (командир — подполковник Комаров, комиссар Сорокин). Мировые дела и мировые ребята! Встретили тоже отлично.

В 9 часов вечера выехали обратно в Валуйки. Сбились с дороги, ехали всю ночь. Ночью видели разрывы вдали: немец был в Валуйках. Оказалось, что накануне он сидел на подходе 3 часа, а вчера с 8 вечера до 5 часов утра народ укрывался по погребам. У Боде разбомбило и сожгло вагон с фотолабораторией и всякими экспонатами. Бомба упала у метре от вагона. Все пропало у девушки, не во что было даже переодеться. Вообще — накидали много, и по мелочи в 10–15 км. Есть много жертв, побиты дома, порвана связь.

Погода мерзкая. После жары — вдруг холодно. Внезапные дожди. Брр! Ночью замерзли, как собаки.

28 мая.

Спали до 5 ч. вечера. Потом поехали в политуправление. Аттестатов наших все еще нет. Ходим, попрошайничаем. Ночью — опять бомбежка. Рядом стучат зенитки так активно, аж хлопают ставни, и домишко ходит ходуном. Спали. Далматовский сообщил хорошую песенку:

Жил был у бабушки серенький козлик,
Вот как, вот как….
Бабушка козлика очень любила,
Вот как, кот как…
И вот однажды после бомбежки,
Остались от бабушки рожки да ножки,
Вот как, вот как…

Во всем есть свой комизм. Вчера бомба упала в угловой домик политуправления. Все стекла — ясно — повылетали. Было это во время ужина. Все легли на пол. Фотограф Рюмкин ползком облазил все столы и собрал масло.

29 мая.

Написал и передал очерк о штурмовке танковой колонны. Получилось ничего. Читал генералу Шкурину — начальнику штаба ВВС. Доволен.

Ночью — тревога. Но бомб мало. Люди готовятся переезжать. Парикмахер спрашивает — зачем это? Это — бомбежка. Известинцы и др. выезжают на ночевку в соседние села.

Остальные лезут в погреба. Из окруженных 6-го и 57-го подразделений с боями вышли некоторые газетчики. Шли с ними Розенфельд, Наганов, Бернштейн, но они потерялись во время боев. Тревожно. Положение подразделений тяжелое: нечем стрелять и драться. Связь только по радио. На остальных участках затишье. Из сводки Информбюро за 28 мая вечер харьковское направление уже исчезло. А как меня гнали не опоздать!

30 мая.

Ребят все еще нет. Тревога ночная была небольшой — 2–3 часа. В погреб нашей хозяйки сбегается пол-улицы. Вечерком вчера сидели, банковали, была Боде. Пили водку — огурец. Вот, очевидно, откуда пошел «зеленый змий». Хотели сегодня уехать в армию — нет бензина.

Днем сильный дождь. Мы из бани вышли и снова промокли. Вечером наломал сирени — хорошо пахнет. Сажусь писать очерк о бомбежке харьковского аэродрома.

31 мая.

Полный цирк! Днем поехали в отдел снабжения на край города — я, Устинов и Боде. Нежданно налетели самолеты: три бомбардировщика в сопровождении одного мессера, и затем — еще 2 с одним мессером. Мы начали наблюдать. Как вдруг засвистит!

— Ложись! — крикнул я — Бомба!

Тут же и легли на траве, а Сашка — под забор. Рядом рвало и метало. Только и слышался свист, да взрывы. Земля качалась. Зажгли эшелон недалеко. Минут 10 полежали. Вот и все. Забавно: одна мысль — куда ранит? Наташа держалась молодцом.

Вечером все было в полной норме. Часиков с 10 начались массированные налеты. Ревут зенитки, светит полная луна, бледные лучи прожекторов. Налет повторялся каждые 10–20 минут до 3 ч. утра. Пришлось под конец залезть в погреб. Ничего, жить можно, даже весело было.

В середине ночи немец сбросил 4 ракеты на парашютах. Осветили, как новые луны. И снова бомбили.

Тесно!

1 июня.

День прошел спокойно. Приехал Костя Тараданкин из 21-го подразделения. Рассказал, между прочим, что проехался по нашим следам. Был и у штурмовиков (там ему сказали, что я был у них) и у пикировщиков. Летчик-бомбардировщик Богданов, которого мы видели утром 27 мая, через день не вернулся из полета.

Вечером в 8 часов выехали в 28 подразделение. Перед этим был у Корнейчука и Ванды Василевской. Она рассказала о

потрясающем факте. В феврале немцы вели на расстрел по Киеву 150 моряков (затем еще 100) Днепровской флотилии. Вели по улицам, голых, в кандалах. Выгоняли жителей смотреть. Моряки шли и пели — сначала «Интернационал», затем «Раскинулось море широко». Какая потрясающая выдержка! Ванда пишет об этом.

На отъезд получили селедки, достали бутылку Зубровки — сырца. Хозяюшка Мария Ивановна сварила картошечки, и мы чудно посидели перед разъездом: Куприн, Григоренко, Реут, Боде и мы.

Затем поехали. Отъехали километров 15–20, видим — идут немецкие самолеты на город. На наших глазах тут же произошел легкий воздушный бой двух ястребков с четырьмя «Юнкерсами» — безрезультатный.

Началась зенитная стрельба. Проехали еще километров 20- над нами самолеты — строчат из пулеметов. А позади, минутах в 10 ездки, рвутся бомбы. Вовремя уехали!

Сейчас в 22:30 в тьме доехали до Ольховатки. Сидим в хате, заночевали. Вместе с нами лектор обкома партии. Во тьме отчетливо видны зарницы и разрывы зениток в трех местах: Валуйках, Купянске и Озерном. Там дают пить! Шарят прожектора. Луны еще нет.

Над головами все время проходят эшелоны немцев — тут лежит их трасса. Тянут, как ночью журавли через село. Все время слышен гул самолетов.

2 июня.

Утром выехали из Ольховатки. Мчались по темным дорогам. В том месте, куда мы ехали, политотдела уже не оказалось. Выяснили новый адрес — едем туда.

Нашли. Маленькая деревушка. Все учреждения разбиты по хатам. Оставили машину на краю села — замаскировали. Пошли. Начполитарма нету. Нашли редактора газеты — батальонного комиссара Киряшева. Чудный парень. Посоветовал ехать в дивизию Истомина — лучше всех дралась в майском наступлении против танков.

Ол-райт!

Пошли обратно — обстрелял самолет.

Поехали. Дивизию нашли в лесочке-осиннике. Там же КП. Полковник Истомин — средних лет, крепкий, ладный, типичный русак-вояка. Рад нам. Сразу водки, приглашает на одеяло. С 1923 г. в армии.

— Бриться гостям! Да с одеколоном обязательно!

Высокий, ладный, такой же здоровый, как полковник, комиссар дивизии полковник Давидович.

В 18 часов явились командиры и комиссары полков. Основной вопрос почему кое-где плохо кормят. Затем сообщил им о нашем приезде.

Потом рассказал мне о боевых днях, посоветовал поехать в 907 полк, представленный к ордену Красного Знамени.

В 9 часов выехали туда. КП в хвойном лесу. Связной заблудился. Стояли в лесу часа два. Вспыхивают зарницы, артиллерия, жужжат самолеты, иногда освещает полнеба зарево залпов — бьет «катюша».

В 12:30 разыскали блиндаж командира полка — майора Скибы и комиссара батальонного комиссара Ильюшенкова.

Недалеко, за Сев. Донцом идет бой, тут пока тихо.

Разбудили. Выпили. Закусили. Легли спать.

3 июня.

Встали. Позавтракали. Вышли. Чудное утро. В лесу — блиндажи, шалаши, окопы, артиллерия, машины, все. А издали — лес пуст.

С утра — за работу. Два батальона этого полка 15 мая выдержали атаку около 250 танков и выбили из них около 80. Говорил со многими: Сикбой, Ильюшенковым, бойцом Щегловым, бронебойщиком Переходько, бойцом Васильевым, бойцом Дымовым. Последний пришел ко мне контуженный, полу-зрячий на один глаз. Над ухом рана, она гноится — так он сначала у речки ее обмыл.

Несколько раз пролетали немцы Стучали пулеметы, тявкали зенитки. Мы работали.

Пообедали. И к полковнику. Чудно посидели вечерок. Говорили о судьбах офицерства, о традициях русских командиров.

Легли в 12 на воздухе. Непрерывно летают немцы. Пальба. Рядом ухнули бомбу. Тут спать не густо. Но ничего, сошло. Пошли было в блиндаж — там мокро и сыро.

4 июня.

Встали в 7 ч. Завтракать. Полковник и комиссар все время дружески переругиваются, подшучивают.

Комиссар полковнику:

— Ты давно встал?

— Давно, уже позавтракал.

— А чего после завтрака улыбаешься? Володя (повару), что на завтрак?

— Яйца.

— Чьи?

— Ваши! (хохот).

После завтрака выехали на станцию Приколодное. Выезжая

туда увидели справа 7 самолетов. Разрывы зениток.

— Ходу!

Водитель рванул и со скоростью в 100 км/ч помчался по поселку, чтобы выехать за пределы станции. А немцы в этот день усиленно бомбили все ближайшие станции.

— Ненавижу железную дорогу! — говорит водитель Курганков.

Мчались так, что кидало, как мячик. Жители мечутся. Я смотрю на самолеты. Одни отходит и, увидев нас, разворачивается и дает две очереди. Мимо! Мчимся. В стороне — клубы разрывов бомб, столбы дыма. Ходу, ходу!

Ночуем в Ольховатке.

Начполитарма Радецкий сообщил интересный факт. Командир и комиссар одной роты 907 полка испугались танков и подняли руки, сдались в плен, бросили бойцов. Бойцы, озверев, кинулись в атаку, отбили обоих и доставили их на КП дивизии. В тот же день их расстреляли.

5 июня.

Переночевали в Ольховатке и в путь. С трудом нашли, куда переселились наши ребята. Вообще, все хозяйство раскинулось на много десятков верст вокруг.

По слухам немцы начали сегодня новое наступление на Изюм-барвенковском направлении. Планы у них большие, но еще Наполеон говорил, что великий полководец не тот, кто предложит план, а тот, кто его выполнит. Днем приехали в Валуйки. Ночью — часиков в 9 вечера и до 01:30 был очередной концерт. Немцы сбросили пару ракет и несколько бомб. Стрельба шла почти непрерывно. Старухи крестились, бормотали «Господи Иисусе».

6 июня.

Валуйки. Утром отправили пленки в Москву. День дождливый. Во время обеда пришла на центр города на высоте 300–400 метров шестерка гансов. Сделала два-три захода. Все время стояла непрерывная канонада. Дообедали, пошли. Шофер Куприна хорошо сказал:

— Василий Федорович (Реут) очень легко выскакивает из машины, но с трудом залезает обратно.

Днем в воздухе на наших глазах развалился «И-16». Летчик выбросился на парашюте. Несколько ястребков, охраняя, сопровождали его до земли. Много разговоров.

Сейчас снова дождь, дождь. Небо совершенно прохудилось.

Вечером сидели за языком, водкой, салом и колбасой. Куприн рассказывал о каком-то художнике. Долго и нудно.

Ба! Мяукают кошки, перепутавшие времена года. На дворе —

дождь, слякоть, ручьи грязи.

* * *

Во время поездки немного поснимал. Снял:

— мельницу

— командиров дивизии Истомина, бритье в 907 полку.

— старушку Чаплыгину, читающую письма от сыновей в Ольховатке, читает учительница Анна Владимировна

— пожар в Валуйках после бомбежки 31 мая.

— разрушенный и сожженный дом после пребывания немцев в дер. Гнилуши.

— трофейное орудие в Белом Колодезе.

7 июня.

Валуйки. Погода совершенно смешная. Утром дождь. Из танковой бригады № 6 прислали вездеход за Боде. Уговорила и нас поехать. Поехали. Бригада дней 5 назад вышла из боев. Дрались хорошо, рядом с Истоминым и Родимцевым. Ребята поснимали там (днем-солнце), а я сделал три материала: эвакуаторы танков, рождение воина (плохое), танкист-герой.

Вечером погода стала блядкской. Дождь. Разыгрался ветер. Низкая облачность. В комнате окна выбиты от недавних бомб, холодина. Сидим в ватниках, мерзнем. Брррр!..

8 июня.

Валуйки. Тихий день. Без конца дождь. Писал. Ночь прошла спокойно. Лишь к вечеру пролетел разведчик.

9 июня.

Валуйки. Солнце. Писал. Пока тихо. С КП вернулся Ляхт. На фронте всюду тихо. По данным разведки немцы готовятся к наступлению. Вечером выехали в Политуправление.

10 июня.

Ночевали в небольшом поселке вблизи Политуправления. Все вместе: Ляхт, Куприн, Реут, Устинов, я. Спали на сене — отлично.

Ясная тихая ночь. Над нами непрерывно ночью самолеты. Над Валуйками лучи прожекторов, разрывы зениток, зарева от бомб, ракеты.

Утром проснулись от ожесточенной орудийной канонады. В чем дело — никто не знает. Разговоров тьма. Но дуют сильно — так и громыхают непрерывно.

В 2 часа дня я и Устинов выехали в Воронеж. На перетолк с редакцией. Реут и Куприн поехали менять мотор.

К ночи добрались до Коротояка. Ночевали у редактора Гринева.

Снял под ночь наведение понтонного моста через Дон.

11 июня.

Чудный день. Встали, побрились. В 8 утра выехали от Коротояка, перевалили на пароме Дон. Отъехали километров 15-сзади слышна зенитная канонада, взрывы бомб. Немцы бомбят переправу.

К 2 ч. приехали в Воронеж. Город оживлен, красив, много нарядных красивых женщин. Война чувствуется, однако, во многом: на перекрестках вместо мужчин — женщины-милиционеры, часто попадаются часовые-женщины.

Днем узнали причину канонады, слышанную нами около Политуправления. Сводка за 10 июня сообщила, что в течение 10-го шли на Харьковском направлении бои с немецкими войсками, перешедшими в наступление.

Вечером, когда подошли ужинать к ДКА, услышали радио (в 21:00) о поездке и переговорах (и договорах) Молотова в Лондон и Вашингтон. Здорово! У репродукторов — толпы. Интересно, как он — летал или плыл?

В 23:20 перед сном прослушали зенитную стрельбу. Видимо, немцы берутся полегоньку и за Воронеж. Дежурная говорит, что за последнее время город не бомбили, но постреливают часто.

Купил письма Пушкина и стихи Суркова «Декабрь под Москвой».

12 июня.

День прошел тихо. В столовой наслаждался чаем с пирожным. Ух, здорово!

Вечером узнал печальную весть: 5 июня из Валуек в Москву вылетел Костя Тараданкин. Идучи из редакции домой он попал под машину. Измят изрядно, лежит в госпитале. Ну и ну! Стоило воевать 11 месяцев, быть во всех переплетах, чтобы попасть в такую историю.

А вот другая аналогичная история: фотограф Копыта снимал в тылу конную атаку. На него наскочила лошадь, подмяла, еще и еще несколько. И он — в госпитале. Копыта под копытом. Сегодня видели в здешнем театре «Фельдмаршала Кутузова». Плохо!

13 июня.

Вечером в 18:30 говорил с Москвой, с Косовым. Просят материалы о боях на Харьковском направлении. Дела там тяжелые и бои, как сводки квалифицируют, оборонительные. В Москве тихо, частые дожди.

Только кончил разговор — канонада. Потом — свист и взрывы 6 бомб. Недалеко. Пошел. Народ на улицах возбужден весьма. Оказывается, нагло проскочил днем и сбросил бомбы в центре города. Одна упала рядом с парком ДКА — убито много

детей и гуляющих. Повреждено здание «Коммуна».

В 9 ч. вечера — тревога. Гудки. Продолжалась до 12 ночи. Немного постреляли, взрывов не слышно.

Вечером приехали с фронта Куприн и Реут. Говорят — канонада не утихает весь день и ночь. Авиация немцев активизировалась весьма. В воздухе непрерывный гул. Усиленно бомбят станции ж.д., бомбят Коротояк (понтонную переправу), по-прежнему Валуйки. Вчера над ними жгли 5 ракет сразу. Реут войной сыт по горло.

Купил в киоске письма Пушкина — читаю взасос.

Фотографы рассказывают о поведении фоторепортера Гаранина.

Приехал он в 6-ю армию — шасть к начальнику отдела агитации Иткину:

— Я прибыл по поручению т. Мехлиса. Мне нужно для съемок несколько кило тола. (т. е. для инсценировок взрывов).

А как только началась баталия настоящая — ходу оттуда.

Впрочем, и остальные фотографы снимают так. Зельма все танковые сцены снимал под Воронежем, в т. ч. и сдачу немцев в плен и бомбежку танка с самолета. А «Известия» — ничего, печатают оного Зельму (Шельму).

Вот и завтра все фото-ватага идет снимать в 8 км. отсюда танковый бой. Сильно!

14 июня.

Тихо. Тревога. Тихо.

15 июня.

Тихо. Дождь. Были в бане. Очень хорошо. Говорил по телефону с Гершбергом. Заявляет, что «золотой век» в редакции кончился. Снова введены дежурства членов, их — восемь. Все пошло по до-октябрьски, организованнее, но тяжеловеснее. И — главное — позже выходят.

16 июня.

Дождь весь день. В 0:30 вспомнили, что Сашка Устинов — именинник. Легонько выпили. Уснули. Встали в 12- решили отметить. Реут купил цветов и редиски, Боде — сметаны и луку, Куприн и именинник достали водки. Соорудили салаты, чудно посидели, поснимались.

До смерти хочется домашнего крепкого чая. В 12 ночи — постреляли.

17 июня.

Дождь. Днем солнце. Перед вечером — пальба. Ночью — тоже. В городских организациях распространились слухи, что немцами взят Купянск. Одначе, сегодня же прибыли воздухом из Купянска летчики из истребительного полка Минаева. Живое

опровержение.

18 июня.

Хороший день и, тем не менее, тихо. Вечером пошли, поглядели здешний дансинг в саду им. 1 мая. Забавно — девочки-подростки, скучающие барышни их всех много. Юнцы, несколько младших командиров — их мало. Девушки танцуют с девушками за неимением кавалеров. Танцуют неумело, плохо. Играет патефон, радио. Дансинг устроен в помещении летнего театра. Под потолком — три синие лампы. Вход — 3 рубля. В саду же пусто.

Любопытно: в Воронеже нет почти совсем милиционеров-мужчин. Вместо них — девушки. Отлично регулируют, вежливы, но неимоверно много свистят. Лица у большинства — интеллигентные.

Возвращаясь из дансинга в гостиницу, услышали около 11 ч. вечера радио-доклад о последних соглашениях СССР с США и Англией. Я высказал предположение, что это — речь Молотова. Одначе — не знали. Уснули.

Утром 19 июня на домах красные флаги. Почему?

19 июня.

Оказалось флаги — по случаю сессии Верховного Совета СССР, ратифицировавшей международные соглашения. И вчерашняя передача действительно доклад Молотова.

Встретил Брауна — старшего батальонного комиссара, редактора фронтового радиовещания. Говорит, что положение наше улучшилось и настроение хорошее. Немы заняли Бел. Колодезь и там их остановили.

Вот гады — пролезли-таки к ж.д.!

Вечером Боде уехала на фронт.

20 июня.

Вчера веером говорил по телефону с Лазаревым. Предлагает мне выехать в Москву. Я выдвинул идею поехать на южный фронт. Он считает, что надо возвращаться, но решил посоветоваться с Поспеловым.

Сегодня утром в столовой ДКА встретил двух летчиков — из полка пикировщиков, в котором мы были в конце мая. Полк погорел, осталось два экипажа. Остальные погибли в полетах. Какие были ребята!

Командует полком сейчас майор Якобсон (раньше — помощник командира). Бывший командир — полковник Егоров, сибиряк — назначен командиром дивизии.

Вечером видел полкового комиссара Баева, начальника отдела кадров ГлавПУРККА. Он сообщил, что Мехлис снят и разжалован приказом наркома в корпусного комиссара (видимо

— за Керчь). Начальником Глав ПУР назначен Щербаков. Отсюда — усиление агитационной работы. Баев приехал подбирать кадры агитаторов. В отделе агитации создан Совет, в который вошли цвет партии, в т. ч. Ярославский, Поспелов и другие.

Днем видел Безыменского. Приехал с Брянского фронта. Скучный. Матерно рубал Союз писателей и Фадеева. «Пишешь что-нибудь?» «Ничего путного…» Съел он бутерброд с икрой у нашего воронежского собкора Жуковина и написал ему стихотворное извинение-послание.

Реут сегодня ночью уезжает в Москву, Куприна отправляю на КП.

21 июня.

День тихий. Бездельничали. В сводке появились «бои с наступающим противником на одном из участков Харьковского направления». Где бы это могло быть?

Днем зашел писатель Славин с женой. Он — скучный, спецкор «Известий» на Брянском фронте.

— Пишите?

— Да, должен закончить пьесу. Идет медленно.

Она — артистка, художественный руководитель женской бригады Всероссийского театрального общества. Говорит о ней без всякого энтузиазма, спрашивает, как пролезть в Москву и где достать очищенную водку. Бригада выступает в частях.

Вечером пошли в летний театр ДКА. Смотрели «Богдан Хмельницкий» в исполнении театра им. Шевченко (Харьковский). Хорошо! Декорации — убогие, на гривенник. Играют здорово, чувствуются традиции, школа. Народу — полно. В парке — девушки, ищущие командиров с пайком.

22 июня.

Харьковский участок из сводки исчез. Зато вечерняя сводка за 21 сообщила, что ценой огромных жертв немцам удалось вклиниться в нашу севастопольскую оборону. Очень погано!

Англичане сдали Тобрук! Вот так так…

Вечером были у Безыменского Он уехал обратно к себе на Брянский фронт.

Оттуда зашли к Славину. Там нас напоили отличным крепким чаем. Благодать!

Увидели у него настольную зажигалку, сделанную из электро-патрона. Элетро-бензиновая. Жена его сказал, что оные делает какой-то учитель физики. Пошли к нему гуртом.

Прелюбопытнейшая фигура. Зовут его Константин Фирсович. На вид 35–40 лет, худощав, худоват, круглые очки (не роговые), курчавые, спадающие на лоб черные волосы, вышитая украинская рубашка. На самом деле — 50 лет. Живет во дворе музыкальной

школы, над гаражом, две комнатки и кухня. Чисто. В его комнатке — много проводки, пара столов, заваленных инструментами, кусками проводов, в углу — станочки. На стенах — семейные фото, портреты композиторов. Он кончил когда-то физмат Московского университета (тогда еще «императорского»), был долгие годы преподавателем физики и математики, но последние 4 года преподает музыку в муз. школе. А сейчас — делает зажигалки.

Разговорились. Оказывается, был летчиком в империалистическую войну. В 1920 г. на польском фронте на «Фармане» потерпел аварию. Падал с 1500 м. Упал, поломал в нескольких местах череп, все ребра на правой стороне, все зубы, оба бедра. Очнулся на шестом месяце. Нажил эпилепсию. Ходил на костылях 8 лет, оставлял их только за сохой — жил на хуторе на Украине. Выжил, выздоровел («хотя и не лечился я»). Организм крепкий. «До сих пор не знаю, что такое теплое пальто, шапка, калоши».

Месяцев 7 назад, когда была угроза Воронежу, подал заявление в военкомат — предложили в морскую авиацию (на связь, санитарную). Дал согласие, потом отказался («не знаю моря и морской авиации»). Через месяц вызвали — предложили в санитарную. Согласен. Послали на медкомиссию: полная браковка. Комиссар говорит: «ничего, сделаем — пошлем на свою комиссию» и позвонил председателю по телефону: «окажите товарищу содействие». Но и те вынуждены были подтвердить бракованный скелет.

Занялся по-прежнему музыкой и новой отраслью — зажигалками. Последними не столько из-за денег, сколько для отвлечения мыслей, чтобы не думать. Дело в том, что у него трое детей — все комсомольцы. Сын, дочь — лет 20–22 и дочь 15 лет. Сына 8 месяцев назад взяли в армию и вот он попал в окружение и пропал без вести. Семь месяцев ничего не известно. Горюет, тоскует, не спит ночью. «Начал смиряться с мыслью, что он погиб». Старшая дочь замужем за чекистом и живет в Коротояке (он был там уполномоченным НКВД, а сейчас переброшен на фронт, она осталась в селе), младшая учится. К среде (послезавтра) сделает и нам по 2 зажигалки.

Сегодня утром дважды палили зенитки. Мы спали, не слышали.

23 июня.

Харьковского направления в сводке нет. Вечером, вернее ночью, зашел Славин с женой. Посидели, выпил водки. Зашел разговор о литературе. Славин ругал Ставского, Вишенцева за безграмотность и прозаические вирши. Зашел разговор о том, что

будет делать литература после войны, как сумеет отразить те катаклизмы, которые произошли в характере народа, моральных устоях и пр. Я высказывал мнение, что сейчас мы показываем только действия людей, но не даем их облика психологического. Он согласился.

Договорились оба о том, что читатель страшно истосковался по лирике. Отсюда тяга и огромный успех стих. Симонова «Жди меня», повести Панферова «Своими глазами» и пр. немногих вещей.

Сказал Славин о своем любопытном разговоре с генералом Игнатьевым (автором «50 лет в строю»). Генерал сказал: «Самые храбрые люди журналисты».

— Почему?!

— А они все время возвращаются на фронт. Это — самое страшное.

И верно замечено.

24 июня.

Вечером были в театре им. Шевченко. Смотрели пьесу «Талант» украинского классика Старицкого. Отлично. Ночью приехал с КП Ляхт. Сидели до 3-х, разговаривали. Два-три дня назад мы предполагали начать наступление. Немцы опередили. Бои идут по данным на 22 июня за Белым Колодезем (он у немцев), на подступах к Ольховатке, в 38 км. от Валуек. Основная сила — авиация. заменяющая даже арт. подготовку и танки. Пехота наша держит слабо. Отлично показала себя вся танковая бригада Еременко, в которой мы были 9-10 июня. Она сдержала натиск на Валуйки. Валуйки все время бомбят, сильно разрушена Россошь: пострадало 300 домов. На фронт идут большие пополнения, особенно техники, в т. ч. американской и английской.

Сегодня (во вчерашней вечерней) сводке говорится: «…на Харьковском направлении наши войска вели бои с наступающим противником. Наши войска несколько отошли на новые позиции». Такая формулировка по Харьковскому направлению. За последние полтора месяца — впервые. Тревожно!

Редакция предложила мне задержаться на ЮЗФ на некоторое время, усилить информацию о боях. Это понятно: сейчас на всем фронте только два активных участка: Севастополь и тут. Думаю послезавтра выехать на КП.

Вот только узнать где он: не переехал ли?

Гриша Ляхт привез мне с КП 10–12 писем. Читаю весь вечер. Тут и от Зины, и от Славки («папа, сколько немцев ты укокошил?») и от Абрама, и деловые. Сейчас буду продолжать чтение.

28 июня.

В ночь на сегодня немцы устроили полный концерт. Еще в ночь на вчера, часиков в 11 вечера они прощупывали оборону Воронежа. Объявили тревогу, постреляли. Мы не вышли из номера, сидели, банковали.

Вчера, в 10:20 вновь начали строчить зенитки. Круто. Я сидел дома один, ребята ушли в город. Писал о танкистах («Единоборство»). Стрельба усилилась. Вышел в фойе, сидит старик книжник. Купил у него «Одиссею» в переводе Жуковского. Пришел обратно. Стучат. Повинуясь какому-то предчувствию, сложил бумаги со стола, убрал зажигалки в шкаф и уложил чемодан. Потом вышел в коридор. Полно народу, все пережидают. Слышно, как где-то кладут бомбы.

В коридоре увидел режиссера театра им. Шевченко Шарлотту Моисеевну Варшовер. В халате. Предложил ей спуститься вниз, в вестибюль. «Я должна взять сумку». Зашли к ней в номер. Окно открыто. Подошли. Ночь лунная, чистая. Вблизи виден пожар. Вдруг — свист, присели, квартала за полтора взрыв. Фонтан искр и пламени.

— В коридор!

Снова свист. Мы вниз. Она поискала уголок потемнее (из-за халата), сели на вешалки в гардеробе у окон. Я закурил. Снова свист, взрыв. Вскочили, кинулись к колоннам. В тот же миг раздался страшный взрыв, повылетали все стекла и двери, погас свет, здание заходило ходуном. Это бомба легла у тротуара гостиницы, как раз у окон моего номера.

Режиссер мой присела, голову опустила до земли и закрыла лицо руками. И страшно и смешно.

Прислушиваюсь — взрыв чуть дальше. Значит, пронесло. Народ голосит, крики, разом все рванулись в бомбоукрытие. У улицы уже бежали: помогите, где санитары — погибает раненый. Не шелохнутся — испугались. Я и еще несколько человек вышли. Взрывом оторвало ногу постовому милиционеру. Мы взяли его, подняли, внесли в подъезд, он без сознания. Одна женщина разорвала свое белое платье, перевязала, но не помогло. Через полчаса он умер.

Зенитки продолжали стрелять валом. Строчили пулеметы — шли низко. Канонада сливалась порой в один гул. Неподалеку от нас полыхали три пожара. В вестибюле не осталось никого. Нашел бомбоубежище. Битком. Темно. Окликнул Ляхта, Устинова. Их нет. Откликнулась Варшовер. Протиснулся к ней, встал у стенки. Так пробыли до 2-х часов ночи. Зенитки продолжали бахать. Слышались и взрывы.

Мы разговорились. Оказалось, что Варшовер — жена

Корнейчука (умолчала только о том, что он ныне женился на Ванде Василевской). Рассказала забавную историю, как она зимой попала в Уфу, застряла. А надо было ей двигаться к семье в Семипалатинск. В нее влюбился какой-то железнодорожный начальник, занимавшийся трофейным имуществом. Он решил отправить ее в трофейном вагоне с трофейным паровозом. Неожиданно Москва потребовала трофеи. Отдали. Тогда начальник начал делать комфортабельную теплушку, обили ее всю войлоком, сделали салон, поставили зеркало, печи, мебель и т. д. Получили разрешение Москвы на прицепку к пассажирскому. Потом потребовалось разрешение Куйбышева (это их дорога). Все сделано. Вдруг выясняется, что прицепить нельзя — у поезда автосцепка. Варшовер решила ехать просто поездом. Но заболела воспалением легких. Начальник тем временем начал ладить новую комфортабельную теплушку с автосцепкой. Почти закончил, но его нежданно отозвали в Москву. А она уехала на ЮЗФ. Театр этот им. Шевченко готовился переезжать в Харьков…

Забавно она попала и в Уфу. Летела самолетом в Семипалатинск. Авария, посадка в поле. Семь суток добирались по снегам до Уфы.

Ребята провели ночь в каком-то домишке, недалеко от гостиницы, лежа в сенях на полу.

В 2 ч. ночи я поднялся в номер. Страшное дело. Все вверх дном. Повылетали рамы, двери. Сила взрывной волны была такой, что распечатало и разорвало письмо Куприну, лежавшее на столе. В закрытой уборной разнесло в кусочки зеркало. Вышибло наружную дверь. На кровати — кусок дерева с сучьями (росло на улице).

Пришли ребята. Убрали свои вещи, ушли в другой номер, уснули.

В 12 проснулись. Бьют зенитки. Умылись. Пришел Жуковин. В городе нет ни одного не пострадавшего района. Видимо, клали по секторам. Было около 30 самолетов. В городе вильное возбуждение — все стремятся скорее уехать.

В час приготовились ехать на фронт. Опять зенитки. Поехали.

29 июня.

(запись сделана в Коротояке, на квартире у редактора Гринева, пока готовится обед)

Ехали караваном — три машины. Я и Устинов, спецкоры ТАСС Зиновий Липавский и Щукин и корреспондент информбюро ст. батальонный комиссар Антропов. Вчера к вечеру доехали до Коротояка — там уже через Дон не паром, а понтонный мост.

В Коротояке пообедали, во тьме двинулись дальше. До Острогожска. Ехали, конечно, без фар. С трудом нашли квартиру.

Спали все в ряд на полу, на шинелях. Ночь провели спокойно.

Из-за разных хозяйственных хлопот выехали только к концу дня. Доехали до с. Щербаково. Тут решили заночевать, т. к. дольше — ж.д. станция, а мы ж.д. дорог во время войны не любим. Тут — колхоз им. Карла Маркса. Переселенцы, почти сплошь украинцы.

Ночевали в школе, натащили свежего сена. Пили яблочное вино. До полуночи наблюдали цирк над Лисками. Пятую ночь подряд бомбит. Прожектора, гул самолетов, разрывы зениток, слышны взрывы, видно зарево большого пожара.

30 июня.

Утром выехали. Приехали в Россошь к 2 ч. дня. Нашли всех. Городок пыльный, большой. На улицах непрерывное движение, машина за машиной. Немедля отправил отсюда очерк «Единоборство» о танкисте Фокине из 6-й бригады, уничтожившем за 2 боя 11 танков и 5 орудий.

Увидел здесь Алешу Суркова. Ругается. Тоскует по Западному фронту. Встретил Федю Константинова — лектора ЦК, бывшего зав. отделом библиографии «Правды», ныне корреспондента Информбюро. Его уже начали тягать делать доклады для партактива, для жителей.

Сняли хатку на окраине. Позже выяснилось, что рядом — зенитки, а с другой стороны — аэродром. На Россошь налетов не было недели две. Зато тогда — три дня подряд. В дым разбило вокзал, депо, поезд. Много жертв.

1 июля.

Россошь. Получали бензин, всякие карточки. От редакции — ворчливая телеграмма — недовольны оперативной информацией, предлагают мне взять это лично на себя.

Встретил Рузова — корреспондента «Известий». Он только что вернулся из 21-й части. Три дня назад немцы начали там сильное наступление. Очень много танков и авиации. Самолеты крестят все слева направо. Его сопровождали от передовой до Валуек. Валуйки не трогали 4 дня — сейчас (вчера) начали опять В городе — пустынно.

Бомбят и Овчинниково по старым следам (там было ПУ ЮЗФ).

Вечером пожелали друг другу спокойной ночи. Только на войне познаешь истинный смысл этих слов.

2 июля.

День тихий, солнечный. Утром прошел разведчик, довольно низко. Зенитчики хитро молчали. Вечером узнали, что все наши корреспонденции с 29 июня лежат на узле, некоторые отправлены самолетом.

…..!!!

К вечеру натянуло облака. Видимо, будет дождь. Я, Антропов и Рузов собираемся играть пульку.

Собрались, просидели до 3 ч. утра.

3 июля.

Россошь. В сводке появилось: «сегодня бои с наступающим противником на Белгородском и Волчанском направлениях.» Речь идет об участках 21 и 28-ой.

На участке 21-ой они еще в конце мая рванули восточнее Тернового (отбитого ими обратно) двумя дивизиями и 200 танков. Пошли быстро. Заняли Волчанск, потом вышли к Осколам.

На участке 28-ой заняли Ольховатку (плакала Сашкина фуражка), Волоконовку. Т. о. ж.д. перерезана в двух местах.

Пошли делать информацию. Связи с частями нет, только по радио.

Утром летал над Россошью самолет. Сбросил пару бомб у вокзала.

Узнав о нашем приезде из поезда «Красный Артист» прилетела Боде. Рассказывает о страшной бомбежке Валуек. Бомба попала в поезд. Кругом убитые, раненые. Останавливала бойцов, заставляла оказывать помощь под бомбежкой. Вся была залита кровью. Ушла оттуда пешком!

4 июля.

Россошь. Днем пролетело 4–5 самолетов. Шли на 2000–3000 метров над центром города. Я как раз брился. Зенитки. Рядом с нашей хатой — батарея. Аж стекла зазвенели. Сын хозяйки Виктор прибежал тревожный:

— Лазарь Константинович! Кипяток-то продолжать кипятить?

— Давай, давай.

Сразу успокоился и занялся делом. Видимо, это были разведчики. По всем правилам надо ждать налета. Сейчас немецкая авиация зверствует. Бомбят города один за другим, стремясь морально подавить. Вчера или позавчера сильно утюжили Острогожск (сейчас его эвакуируют), Лиски и др. города.

Приехал Ляхт. Рассказывает, что все дни немцы сильно и днем и ночью бомбят Воронеж. На днях днем налетело 52 самолета. Утюжили без всякого сопротивления. В гостинице осталось 12 человек — переехали жить в подвал, штаб разбежался. Учреждения уже два дня не работают. Толпы жителей уходят пешком. На обочинах шоссе стоят сотни людей, молча протягивающих вперед полулитровки. Шоферы за подвоз берут по 3–5 тыс. рублей. Столовые (даже обкома и ДКА) не работают.

Город психологически подготовлен к сдаче, хотя несомненно, что армия будет его защищать упорно. Это слишком важный пункт, да и рубежи (Дон, Воронеж) солидные.

Началась эвакуация. Готовят ко взрыву. Кое-что неладно. Из Киева эвакуировали рацию в 50 kW (типа «Коминтерн»). В Воронеже ее демонтировали. А сейчас готовят ко взрыву.

Судя по разговорам, немцы заняли Касторное, находятся в 40–60 км. от Воронежа, заняли Большие Лавы, снаряды ложатся у Валуек.

Вечером на 6 машинах выехали ночевать в хутор Висицкий (7 км. от Россоши). Военных тут нет. Приехали сюда: я, Устинов, Антропов, Константинов, Ляхт, Куприн, Рузов, Зельма, Липавский. Заняли несколько хат. Потолковали. Сели играть пульку. Кончили в 4.

5 июля.

Утром все разъехались по делам. Я остался писать очерк. Хочу написать «Руки пахаря» о бронебойщике Переходько, уничтожившем за один бой три танка.

Хатка наша небольшая, да и все село небольшое, вытянулось по склонам песчаной горы вдоль яра. Хозяйка уложила нас на перинах и подушках. Выспались чудно. Утром прибрала, на пол насыпала листьев сирени для запаха, на окно — ромашку и шелковицу, на стены — ветки сирени. Уютно, чисто.

6 июля.

Устинов вчера уехал снимать в танковую бригаду, расположенную к N от Россоши. Остальные — в городе. Часиков в 12 я поехал в Ново-Постояльный в ПУ. Там застал большое оживление. Все укладываются. Немедленно послал машину за Устиновым.

Ожидая, наблюдал непрерывный цирк немецкой авиации. Шли бомбардировщики, истребители. Поблизости каждые 15–20 минут стукали зенитки. Иногда трещала одиночная пулеметная очередь. Пошел бриться — опять под зенитки. Брадобрей Каминский побрил молниеносно, но худо.

Часика в 3 разыгрался над селом на высоте 200–400 м. воздушный бой: 3 мессера и 2 наших. Длился минут 10–15, долго! Одного сбили (какого неизвестно), летчик на парашюте — километрах в трех.

Часов с 4 дня машины начали уходить. Приехал Устинов и Боде. Устинова я послал в хутор за вещами. Ребята встревожены (немцы находятся уже в 20 км. от нахождения бригады), но съемку делали.

В 5 мы выехали. Ехали через Россошь. Утром и днем немцы основательно побомбили станцию, нефтебазу, эшелоны. База и

один эшелон горят. Дым огромный.

Машин до хрена. Наш маршрут дан через Богучар, но регулировщик говорит, что там переправы нет и направляет на Белогорье. Едем туда.

Несколько налетов. Останавливаемся в лесах. На дорогах видны свежие воронки.

Не доезжая километров 15 до Белогорья, встречаем (часиков в 9 вечера) возвращающиеся машины. Что?!

Переправа горит. Решил ехать дальше. Машин все больше и больше. Вот и подступы к Белогорью. С горы в полутьме видно несколько больших очагов пожара. Горит почти весь городок, в т. ч. и переправа. Бомбить ее начали с 2 часов дня, но подожгли около 8 часов вечера.

Решаем ехать на соседнюю переправу против Павловска (село Басовка). Огромный поток. Узнаю, что в леске находится дивизионный комиссар Член Военного Совета Гуров. Нашел, представился. Знает. Просит подождать. Пока выясняется где-что, лежим. Ночь. Ракеты. Бомбежка. Устинов — заяц. Потеряли Гурова. Снова ракеты. Принимаем решение пойти к переправе пешком. Ракеты, бомбежка, пулеметы. Перевернутые машины. Разбитая рация «Nord». Раненый лейтенант — киевлянин.

Идем пешком. Отъезд Курчанкова. У переправы дискуссия бат. комиссара с бойцами. Плоты. Бакенщик. Конники. Переезд. Поход. На машинах. Вокруг раненые — легко и тяжело.

7 июля.

Казинка. Здесь застали несколько человек из ПУ. Остальные съезжаются. Где остальные ребята — неизвестно. Руководит всем делом зам нач. ПУ полковой комиссар Александров. Ведем беседу, днем поспали несколько часов.

Эвакуируют скот, слухи о бомбежке школы, все сидят в погребах. Весь день в воздухе немцы. Пикируют на аэродром и паромную переправу, бомбят ее второй день, но ничего сделать не могут.

Народ из ПУ подъезжает. Едут через Старую Кальтву (на пароме) или через Богучар, там мост, хотя и бомбят, цел. Через день его зажгли и машины шли через огонь, заливая его ведрами и по огненной улице.

Вечером распространился слух о взятии Павловска — десант. Устинов переживает. Я успокаиваю, бойтесь очевидцев!

Ночевка. Часть машин ушла дальше.

8 июля.

Утром поехали. Я и Боде с Александровым. Дорожные впечатления. Солдаты. Раненые. Эвакуировавшиеся беженцы. Куда они идут? Жена ГСС Григорьева.

В 5 часов прибыли куда надо — штаб в Калаче, ПУ — в хуторе Николинка. Пообедали. Концерт вахтанговцев., отличный спектакль. Они на фронте — с февраля.

9 июля.

Николинка. Ребят наших все нет. Искупались, позагорали. Устинов завтра поедет по всем переправам искать Курганкова. Как передает радио, Совинформбюро сообщило: 1. о создании Воронежского фронта 2. о больших боях на ЮЗФ. Немцы пишут о большом нашем наступлении на Орловском направлении («большие силы, наши части в ряде пунктов переходят в контратаки»). Очень интересно.

Вечером дежурный доложил, что пришла машина за корреспондентом. Пошел. Курганков! Испытал до х… Ждал нас час, затем бомбежка, ракеты, решил, что надо ехать, а без нас де лучше, надежнее. Бомбили его три дня. От переправы к переправе. Перебрался в станице Вешенской, в 100 км. от Ростова. Ехал на керосине, доставал в МТС. Отлично!

Корреспондентский корпус, оказывается, в Урюпинске. Ух, куда их занесло!

10 июля.

Николинка. Немцы сообщили, что заняли Воронеж. Липа! Просидел все утро в разведотделе у полкового комиссара И.Мельникова. Показал интересные материалы. Ребята в городе. Невыносимо жаркий день.

Вечером было совещание о задачах печати у зам. нач. ПУ полкового комиссара Александрова. Приехали Антропов, Константинов, Липавский — были в Урюпинске.

Немцы жмут до Дона и вниз по Дону. Расчет: окружить 38, 28, 9 армии. Идут бои на улицах Воронежа. Поблизости Дон не форсирован.

11 июля.

Николинка. Проснулся в 6 ч. утра. Ясное голубое небо. Уже третью ночь спим непосредственно под яблоней, хорошо!

С 6 ч. утра до 9 ч в воздухе непрерывно шум моторов. Идут высоко, невидно, на Восток.

Днем все гудят — то наши, то «тощие» мессеры. Четыре мессера в течение получаса пикировали и расстреливали бензобазу в Калаче. Зажгли, было 3 грандиозных взрыва. Сбросили несколько бомб на соседний с нами аэродром, зажгли у нас на глазах «Р-6», погнались за ТБ-3 (тот шел прямо на них), но тот ушел чудом.

Незадолго до этого был над нашим хутором воздушный бой. Стрельба из пулеметов. Но безрезультатно.

Липавский рассказал, что жил рядом со штабом 21. К слову

говоря, до этого путешествия он в течение недели 8 раз менял место.

Ляхта и Куприна что-то все нет.

14 июля.

Сталинград. События развивались так. Штаб решил переехать в хутор Ново-Анненковский. В ночь с 11 на 12 мы выехали. Газетчики решили идти самостоятельно. Отправились я с Устиновым, Липавский со Щукиным, работники «Сов. Украины» на полуторке. Ночь непроглядная. Дорогой моя машина села сломалась шпонка задней полуоси. Мой шофер и шофер Липавского Жеребцов два часа во тьме в степи что-то стругали, ладили и, все-таки, сделали. Через 20 км. опять сломалась. Полуторка взяла нас на буксир. Машин — море. Пылища каракумовская, солнца не видно. Дотянули до ближайшей МТС — оставили машину ладить.

На переправе через Хопер я увидел Рузова, затем Куприна — разыскивали меня. С Куприным поехал в Урюпинск — нашли там Ляхта. Слава Богу — все целы. Оттуда — в Ново-Анненковскую.

Вечером 12-го, когда мы не успели еще расположиться, пришло сообщение о преобразовании нашего фронта в Сталинградский и выезде нас в Сталинград. Поехали опять. Ночевали в казацком хуторе Витютин. Вечером сегодня прибыли в Сталинград.

Около города много техники, танков, на запад и юг непрерывно идут составы с танками, орудиями, зенитками. Приятно!

15 июля.

Все попытки, предпринятые для связи с редакцией — безрезультатны. Телефон не работает, телеграф забит по пробку. Ночь на сегодня просидели с Липавским в обкоме, дожидаясь ВЧ. В к час ночи к Чаянову (1-му секретарю обкома) приехал Хрущев. Мрачный. Сидел до 4 утра.

Я пару часов говорил со вторым секретарем Прохватиловым и двумя другими секретарями. Рассказал о положении. Для них — новость. Сталинград до вчерашнего дня полностью спокоен. Сегодня и город и секретари нервозны. Повсюду пошли директивы: в случае чего — уничтожать, вывозить. Последними уходят райкомы. Это хорошо.

Сталинград пока не бомбят. Но очень сильно бьют по узлам, в частности, Поворино. В итоге только сегодня получили «Правду» за 7 июля — раньше получали на 3-ий день.

В 5 ч. утра связался по ВЧ с редакцией. Поспелов был очень рад: «Мы вас потеряли, послали Потапова и Болкунова из Саратова искать». Говорил потом с Лазаревым. Предложили

прилететь, чтобы рассказать обо всем.

В 8:40 утра я и Устинов вылетели. Летели вдвоем на целом Дугласе. Шли бреющим. Я спал всю дорогу — Устинов разбудил над Москвой. Пришли в 12:20.

Вечером докладывал обо всем Поспелову, Лазареву. Все меня чуть не похоронили.

Обрисовал обстановку: немцы рванули танками от Коротояка до Вешенской, пехота отстала — в эту прореху ринулись наши части. На левый берег немцы нигде не переправились, но создана очень серьезная угроза нашим армиям, еще остающимся там (на правом берегу) и всему южному фронту.

Тем паче, что усиливая клин, немцы начали наступление на Лисичанском направлении и заняли Миллерово. Южный фронт волей-неволей должен податься.

Наши части отходят без боев. Как заявил мне вчера вечером нач. ПУ дивизионный комиссар Галаджев, за последние три дня соприкосновений с противником не было. Мы занимаем оборону по левому берегу Дона. Подошла 5-ая резервная армия. Прибыло еще 200 самолетов. Хорошо!

16 июля.

Общее внимание приковано к Воронежу. Стоит отлично. Бои идут на улицах, и немцев заставили перейти к обороне. Командует там Голиков, членом ВС у него Мехлис.

На калининском немцы тоже предпринимают атаки, но небольшие. На западном мы — тоже самое.

17 июля.

Был у Коккинаки. Встретил, как брата. Говорили долго. Занимается по-прежнему выжиманием максимума с самолетов из своих многочисленных заводов. Как раз сегодня в полете предложил Ильюшину сделать самолет для тарана.

— Вот это будет дело. Надо бить, а самому быть целым. Как правило. А по нолям — это к чертям. Правда, иногда надо таранить. Вот тут на днях пришло два разведчика немецких. Ходили на 5000 м. Все кольцо палило, весь город смотрит, зубоскалит. Ушли — обидно. Да я бы сам первый пошел таранить!

Очень опечален гибелью генерала Логинова — своего друга, командира дивизии. Эту дивизию Володя собирал для себя, выдергивал по одному человеку отовсюду. Сейчас — лучшая дальняя дивизия.

— Хочу пойти на фронт. Тошно стало. Раньше хоть инспекционными делами занимался. Летал на Эзель по бомбежке Берлина. Вернулся — Сталин принял через 2 часа. Летал на юг — тоже. Обещал, что потом пустит. Вчера подал заявление: пишу совершенно конкретно, что летчики летать не умеют, прошу

разрешить научить, показать, доказать. Жду ответа.

25 июля.

Редакция приняла решение остаться мне в Москве, сесть в прежнее кресло. Пока отписываюсь о поездке, пишу передовые — написал две: о стойкости и о задачах авиации (напечатана сегодня).

В связи с передовой об авиации позавчера говорил с командующим ВВС РККА Новиковым. (в 3 ч. ночи по вертушке). Он просил обязательно поставить следующие вопросы: бить в первую очередь танки и артиллерию, бить бомбардировщики, хорошо маскировать свои машины и притом каждый день менять лицо аэродрома, знать оружие (в частности штурмовика — «там всего до черта»), менять тактику.

— А как с тараном?

— Я бы его не популяризировал. Раз подошел близко — стреляй.

Вчера вечером долго говорил (в 3 ч. ночи по вертушке же) с командующим авиацией дальнего действия генералом-лейтенантом Головановым. Особенно он напирал на маневр.

— Маневр позволяет усиливать авиацию многократно. Один самолет стоит при маневре трех. А без маневра — три самолета работают, как один. Вот немцы, посмотрите как маневрируют. Кидают все куда надо. Сначала в Керчи, потом — на юго-запад. И не отвлекаются. А самолетов у них меньше, чем у нас. Это точно, по документам.

Зашел разговор о взаимодействии. Жалуется.

— Просили меня помочь под Воронежем. Надо было занять село у единственной немецкой переправы через Дон. Договорились. Мы работаем с 12 до 3, а в 3 ч. утра встает пехота в атаку. Начали. Метода: сначала сотки (меньше у нас нет, мы мелочью не занимаемся), потом 250 кг., потом 500, потом — тонну. Нагнетаем мораль. Пехотинцы аж аплодируют. Кончили. А они пошли в атаку в 9 ч. утра. И залегли, конечно: «там, говорят, стреляют». А вот другой пример. Там же. Укрепился немец отчаянно, не могли взять. Побомбили. Пехота пошла сразу и взяла без выстрела! Но таких примеров довольно мало.

Мы разработали свою тактику. Массированные налеты. Это — наше. Вот англичане сейчас применяют. Начали то ведь мы. И сейчас применяем, но своеобразно. Массовый налет поодиночке. Раньше шли скопом и бомбили по ведущему. Если ведущий штурман нацелился правильно — все кладут правильно, если нет — все кидают впустую. А поодиночке — каждый целится. Да и проскочить легче.

Положение на фронте становится все тяжелее. Немцы яро

жмут на юг. Сейчас бои идут в районе Ростова (причем вчера ставка Гитлера сообщила о взятии города, а за несколько часов до этого передавали: «по сведениям из Берлина взять Ростов сразу нельзя, т. к. большевики сильно заминировали весь город»), Новочеркасска и Цымлянской. В Цымлянской немцы яростно стараются форсировать Дон. Вчера одному полку удалось это сделать, но его уничтожили. К концу дня последовала новая атака и нескольким подразделениям, как сообщает «Красная Звезда», удалось вклиниться на южный берег. Бои продолжаются.

Лазарев считает, что если удастся удержать Ростов еще несколько дней, то его судьба будет решена положительно и наступление немцев выдохнется.

На других участках — сравнительно тихо. На Ленинградском фронте наши начали наступление и с удивлением обнаружили пустоты в немецкой обороне. Видимо, перебросили войска южнее. В частности, вернулся из партизанских отрядов из Брянских лесов наш военкор Сиволобов. Он говорит, что в районе Орла и Курска немцы сконцентрировали очень много войск. Не собираются ли они оттуда начать наступление на Москву?

Наши самолеты начали часто летать группами ночью на Кенигсберг (Голововановские). Это отрадно.

Сейчас 2:30 ночи на 26 августа, минут пять постучали зенитки. Ночь лунная, ясная. Ничего не видно. На днях бомбили Сталинград.

Представляю, как драпают сейчас люди, эвакуировавшиеся из Москвы в Баку, Тбилиси. Пока нет приказа об эвакуации промышленности Кавказа. Вывозят только нефть и хлеб.

26 июля.

Положение на юге столь же сложно, немцы продолжают напирать Бои идут на окраинах Ростова. У Цымлянской им удалось переправиться даже танками и они немедля растекаются по берегу, чтобы расширить прорвы и обеспечить побольше переправ. На других фронтах — тихо.

Из третьей поездки по партизанским районам вернулся наш корр. Мих. Сиволобов. Пробыл больше трех месяцев на сей раз. Попыхивает по-прежнему трубочкой, но рассказывает невеселые вещи.

Немцы двинули на этот партизанский край танки, авиацию, артиллерию. И раздавили. Все деревни сожжены дотла. Жители ушли в лес и образовали так наз. гражданские лагеря. Отряды подробились. Большим отрядам жить нельзя: ни спрятаться (они прочесывают леса), ни прокормиться. С харчем очень туго. Последние два месяца отряд, где был Сиволобов, питался только мясом (коровы и лошади). Видеть мяса уже не могли. Хлеба нет,

картошки нет, ничего. Курили рябину.

У гражданских (кочующих деревень) лучше. Они кой-чего все-таки припрятали. В частности, прятали в искусственных могилах. Немцы прочухали начали разрывать: глядь, взаправдашний немец лежит!

Террор страшный. Во многих местах расстреливают детей старше 10 лет «большевистские шпионы». Среди ребят и верно много наших помощников молодцы, не боятся.

Но несмотря на это, партизанские отряды действуют, в частности, по ж.д. Брянск-Рославль. Не проходило дня, чтобы ее не подрывали. Немцы охраняют ее зверски: понастроили через каждые полкилометра будки с блиндажами, ходят патрули, у всех мостов на 200–400 метров вырублен лес, ночью — ракеты. Научились гады! И все же рвут!

Сиволобов был, конечно, отнюдь не корреспондентом. Он был одним из руководителей отряда (командир, комиссар и он), ходил на операции. Перед последним вылетом в отряд (в апреле) он, к слову говоря, летал туда и свез им две тонны боеприпасов на «Дугласе». Перед этим был у командующего фронтом генерала Жукова, долго толковал с ним и взял у него самолет.

Сегодня снова, после 2.5 месячного перерыва дежурил по отделу.

От Мержанова телеграмма: «все живы». Слава Богу! А то уж мы южный фронт совсем потеряли.

30 июля.

Вчера стало известно о приказе т. Сталина по южному фронту. Очень резкий и серьезный. Смысл: больше отступать нельзя, отход с позиций без приказа — преступление перед Родиной, ни шагу назад. Создаются заградотряды, для командиров, отошедших без приказа — разжалование и штрафные батальоны, для рядовых — штрафные роты, для бегущих — расстрел на месте. Приказ указывает, что Ростов был сдан без приказа Ставки, а держать его было можно.

Прилетал Михайловский. Он в ВВС калининского фронта у Громова. Говорил — немцы сняли почти всю авиацию с калининского фронта и перекинули на юг. То же говорят и наши ребята по западному фронту.

Бои сейчас идут в излучине Дона и южнее Ростова. Немцы, видимо, натолкнувшись на растущее сопротивление, сегодня пишут, что битва за Кавказ еще впереди. На других участках — сравнительно тихо.

Вечером был у В.С. Молокова. Еще перед отъездом на фронт я узнал, что его освободили. Вместо него назначили генерал-лейтенанта Астахова. Был он тогда у Маленкова и Молотова, но

ничего конкретного на будущее не обещали. Маленков велел заняться некоторыми делами, связанными с перегонкой самолетов. Василий Сергеевич слетал месяца полтора назад в Крест-Хольджай, поглядел и с тех пор сидит дома, ждет дальнейших указаний. Несколько обескуражен.

За ним сохранили квартиру, машину, ставку, наркомовский паек, кремлевку, всякое прочее.

Встретил меня великолепно. Посидели часика три. Выпили, закусили. К моему приходу Надежда Ивановна испекла сдобные булочки и пирог с рисом очень и очень!!

Потолковали об авиации. В.С. весьма обрушивался на отсутствие инициативы у многих авиакомандиров. Говорили о гражданских летчиках. Очень хвалит их на войне: вся предыдущая работа готовила и закаляла их. Высказал он мысль о создании «пиратской» авиации, задача которой клевать то, что увидит. А в нее — летчиков из авиации спецприменения. Очень интересная мысль.

От Молокова позвонил в редакцию и узнал, что меня разыскивает Погосова. Позвонил ей. Оказывается, вчера из Мурманска приехал Сашка. В 23:15 я отправился к нему.

Он уже почти полгода в Мурманске, занимается погрузкой и разгрузкой американских и английских пароходов.

Рассказывает интересные вещи. Приходя они караванами по несколько десятков судов. Английские — всякого тоннажа, американские — большинство новые, очень добротные, не меньше 10 000 тонн. Американцы — народ отличный, но под их флагом плавает и много других — бразильцев, бельгийцев, чехов и т. п. — это шпана. Англичане держатся хмуро, заносчиво. Сашка рассказал любопытный случай. Понадобилось ему выговорить оборудование с одного английского парохода. Пришел. Капитан, с которым и раньше холодно встречался, встретил нелюбезно. Зашли в каюту. Капитан сел в кресло, предложил Погосову место напротив и вдруг положил на стол ноги в резиновых ботах, прямо под нос Сашке. И закурил сигару. Сашка неторопливо достал портсигар, закурил «рашен сигаретт», положил на стол ноги в болотных сапогах и продолжал курить, сбрасывая пепел на ковер. Англичанин опешил, с минуту сбрасывал пепел в пепельницу, затем снял ноги и учтиво спросил: «Чем обязан?». В итоге — дал все, что просил Сашка.

Мурманск бомбят усиленно. Пострадало с полгорода. Основательно досталось и порту, но, тем не менее, работает на 95 % своей мощности. Несколько кораблей — на дне. В день бывает до 10–12 тревог, т. е. налетов. Порой налетает до сотни самолетов. Силен и отпор — очень часты воздушные бои, хорошо

бьют зенитки.

Сашку ранили. Одна бомба взорвалась перед окнами, осколки и стекла — в морду. Наложили 18 швов, причем сначала залатали в порту, а затем главхирург Северного флота доктор Арапов, когда доставили к нему, все расшил и зашил по-своему («когда заживет — меньше заметно будет»). И верно, сейчас — почти незаметно. Получил Сашка медаль «За боевые заслуги» — отвалил Папанин. Сашка просится штурманом в военную авиацию — не пускает. Guarantee allow.

Довольно серьезны потери союзников на море. По сему поводу Сашка рассказал две истории.

Однажды к нему пришел представитель английской миссии, ведающей приходом кораблей, в сопровождении какого-то английского дяденьки. Представил его и сказал, что дяденьке повезло дважды. Их торпедировали. Было много убитых. Дяденька что-то вроде зам. главы английской морской миссии в СССР. Спустили шлюпки. По традиции дяденька вместе с капитаном сошел последним на плот. Спустя какое-то время их встретил немецкий катер. Спросил откуда и забрал капитана, остальных оставил. Немцам было невдомек, что тут есть птица поважнее. Повезло, действительно дважды. Сашка спросил: как нравится у нас в водах? Дяденька ответил: «Теперь я начинаю понемногу понимать, что война тут иная, чем на Западе».

Второй случай. Подорвали какой-то американский корабль. Экипаж — на плоты и шлюпки. Плоты потеряли. Поручили Моте Козлову найти. Долго бился, отыскал на западной стороне Южного острова Новой Земли. Сел. На «Консолидейтеде». Сначала американцы руки вверх. Сказали им, что русские летчики. Обрадовались, руки целуют. Ероплан качается на плаву на якорях. Все на берегу, кроме второго пилота и механика. Вдруг вынырнула немецкая субмарина (и это у Новой Земли!!), открыла огонь. Ероплан потопила, механика убили, пилота — ранили. Сейчас вся группа в Амдерме уже, будут вывозить на самолете.

Рассказал о рейсе «Красина». Он был в бухте Провидения. Пошел вниз, прошел Панамским каналом, затем вверх, через Атлантику, Англию, Исландию — к нам. Сейчас снова в Арктике. Вёл Миша Марков, получил за это «Красное Знамя». Корабль не узнать: пушка, зенитки, пулеметы, караван. — легкий крейсер!

Во время нашей беседы пришел Володя Камразе — бортмеханик. Сейчас он в авиации дальнего действия у Голованова, инженером эскадрильи. Летал недавно на Курск («шли на 7500. Разведка, фото. Фронта не чувствовал. Зенитки не били. Летал, как в мирное время»).

Звонил Юрка Орлов. Улетает завтра в Архангельск к

Папанину. Вот молодец. С начала войны не слазит с самолета. Сколько раз летал в Мурманск. Скольких людей вывез из Ленинграда! Сколько овса, боеприпасов, харча, людей возил в тыл к Белову с его корпусом!

Когда я уже уходил — столкнулся с Леней Рубинштейном. Прилетел вчера с Крузе из Красноярска, завтра улетает на своем «Дугласе» на юг, на Кавказ.

Сколько людей встречаешь в один день на перекрестке! Как покидала всех война. Люблю эти встречи на полустанке.

Вчера был у меня наш корр. Михайловский. Он — в ВВС Калининского фронта у Громова. Юмашев там замом, Байдук — командует отличной дивизией штурмовиков. В оперотделе у Громова — Хват, спецкором «Сталинского Сокола» Регистан.

Только что Соловейчик из «Красной Звезды» сообщил, как меня похоронили. После сдачи Севастополя они потеряли всякий след своего корреспондента Иша. Начали розыски, справки. Люди, разыскивавшие Иша сообщили телеграфно: «Иш, Корбут („Красный Флот“) и Бронтман остались в Севастополе, не вышли». Это совпало как раз с тем, когда обо мне не было сведений три недели.

Слух распространился по всей «Красной Звезде», начал идти и по другим газетам. Все приняли за чистую монету. Даже жалели!

Вообще же потери в газетном корпусе очень серьезные. Вчера мы получили сообщение от Мержанова, что на самолете погиб корреспондент «Красной Звезды» Вилкомир. Сообщили Ортенбергу.

— Знаю, — ответил он. — Это уже 12-ый.

Рассказал я об этом Чернышову из «Комсомольской Правды».

— А у нас одиннадцать, — сказал он.

У нас с начала войны погиб Певзнер (в Киевском окружении был ранен, еще раз ранен, застрелился), убит на Ленинградском фронте Атич, пропали без вести Ратач и Нейман (в Киевском же окружении), разбился на самолете Евгений Петров.

Во время майской Изюм-Барвенковского окружения пропали без вести Мих. Розенфельд и Мих. Бернштейн (оба в последнее время работали в «Красной Звезде»), Наганов («Комсомольская правда», был в Одессе, Севастополе), Джек Алтаузен и много армейских газетчиков.

В Севастополе погибло (видимо) много газетчиков, не успевших уехать, в том числе Иш, Корбут, Хамадан.

В Киевском окружении погибли Огин (он же Шуэр), Лапин и Хацревин (все «Красная Звезда»).

Во время окружения 19-й армии осенью прошлого года на

Западном фронте погиб вместе со всей армейской газетой бывший правдист Лев Перевозкин, писатель Штительман и др.

31июля.

От нашего корреспондента по южному фронту получил воздушный почтой корреспонденцию от 28 июля. Пишет, что немцы подошли к Мажычу, наши части переправились на южную сторону канала, удерживают за собой переправу.

На Калининском фронте вчера началось крупное наступление наших частей. Слухи о нем ходили уже несколько дней. Наши части прорвали оборону, занимают один пункт за другим. Бои идут в глубине немецкой обороны на Ржев. Похоже, что Ржев нами уже взят. До поры до времени нам предложено ничего о Калининском фронте не писать.

День серый, дождливый.

В районе Калача (Сталинградская обл) немцы сосредоточили 8 дивизий и авиационный корпус и пытаются прорваться к Дону на этом кратчайшем радиусе. Бои идут шесть дней. Пока удается отливаться.

4 августа.

Говорят, есть приказ: выстоять! Стоять — не отступать, выстоять во что бы то ни стало.

Надо дать передовую.

Наступление на узком участке у Гжатска. Самолеты поставили непроницаемую дымовую завесу. Серая пелена, толщиной в 6.5 км. и такой же высоты окутала лес. Наша пехота, невидимая для врага, бросилась вперед и обрушилась на доты, дзоты и пр.

Передний край был сломан бойцами Берестова. «Наши войска, с боями овладевая опорными пунктами немцев, развивали успех».

В 23 ч. мне позвонил Вадим Кожевников и обиняками рассказал, что он был там и очень удовлетворен виденным:

— Немцы накануне начали чего-то двигаться. Стреляли, обрушивались огнем. Мы молчали, засекали. А утром дали жить, вплоть до «катюш». Вообще, сосредоточено всего — я еще не видел столько.

Все было опытно-показательно. Лучшие методы — и наши и немецкие, лучшая техника, образцовое взаимодействие, безукоризненная точность (минута в минуту), лучшие генералы. А было нелегко. Прошли сильные дожди. Все размокло. Я шел с маршем. И, несмотря на дорогу, прибыли в срок. В 7 часов утра уже с воздуха можно было видеть пешеходов (т. е. отступающих), а на земле — пленных. Перешли на ту сторону, заняли много пунктов.

— О чем напишете?

— Об артиллеристах

— Покажите, Вадим, стойкость.

— Не могу. Эта проблема у нас не стоит. Это — у соседей разных.

К слову говоря, часиков в 7–8 вечером я звонил по вертушке Шевелеву. Только начал с ним говорить, он извинился: «подожди, у меня на трубе Западный фронт»..

В трубку было слышно, как он говорил «понятно… понятно… ясно..» А затем сказал: «Так вот, Новодранов дает 38, такой-то 36, такой-то 25 и т. д.» Было ясно, что речь идет о помощи самолетами. Получалось, что одно только ведомство Шевелева дает для операции около полутораста самолетов. Сейчас ясно, о чем шла речь.

Шпигель написал, показал Поспелову. Утвердил. Рассказал о нашем наступлении — выслушал очень внимательно. Затем я попросил отпустить меня на несколько дней в авиачасти — показать, что такое есть мастерство летчиков.

— Очень хорошо. Только немного позже. Сейчас надо, чтобы вы были здесь. Может быть, надо будет куда-нибудь послать. Может быть, даже в связи с тем, что вы сейчас рассказывали.

У нас в клубе, оказывается, действует бильярд. Сегодня, в разговоре с Кокки, случайно упомянул об этом. Прямо загорелся.

— Во сколько встаешь?

— Обычно в 2–3.

— Поздно! Давай, не поспи, часиков в 12–13 встань и сыграем завтра. Идет?

Я согласился.

8 августа.

5 августа в ЦК было совещание (у зав. отдела печати Пузина) о работе и нуждах военных корреспондентов. Меня не звали. Я поинструктировал своего зава Лазарева.

Сыграл с Кокки на бильярде (одну выиграл, вторую продул, контру тоже).

Позавчера Лазарев попросил меня оформить проект решения ЦК по этому вопросу. Я написал. В основу положил: консультации, допуск в части, уравнивание с командирами, обеспечение питания и обмундирования, пенсионное обеспечение семьи в случае гибели, освобождение от военного налога.

Приехал с Калининского фронта Хват. Худой, как жердь. Был месяцев 8 в Ташкенте, потом написал несколько писем с предложением услуг: Громову, А.С.Яковлеву, Е.К. Федорову, Н.Н. Кружкову. Любопытна их судьба (писем).

Громов немедленно прислал телеграмму: «Ты необходим для

важной работы. Немедленно выезжай часть».

Левка вылетел и стал работать у него (с 20 июля) в оперативном отделе штаба ВВС Калининского фронта.

Яковлев письмо получил и тут же забыл о нем — Левка вчера ему звонил, и разговор был весьма и весьма прохладный. Вот зазнался!

Женя Федоров узнал то, что просил Хват, но все не собрался ответить.

Колька Кружков прислал ему литер и приглашение работать в редакции фронтовой газеты СЗФ «За родину», которую он редактирует.

Сегодня утром перед сном сидели мы — Хват, Гершберг и я — и вспоминали последнюю газетную сенсацию перед войной — раскопки гробницы Тимура, на которых Левка был спецкором ТАСС. Ну и баталия была!

В сводке появился Кропоткин. Ух! Вот и еще одно место, где бывал, занято врагом.

Приехал с Воронежского фронта Цветов. Немцы заняли почти 3/4 города. Вывезти мы почти ничего не успели. Зарылись гады в землю по уши, вышибить их невероятно трудно. На третий день занятия рубежей немцы уже начали укреплять их стальными конструкциями, бетоном.

Лишь в одном месте мы их основательно жмем: около Коротояка. Там нам удалось не только переправиться, но и крепко давануть, забрать несколько пунктов.

Был Левитский с Северо-западного фронта. Рассказывает, что 16-ая армия по-прежнему сидит на своем месте, сохраняя плацдарм. Питают немцы ее по коридору шириной в 7–8 км.

8 августа.

Сенька Гершберг рассказал очень интересную историю. Месяца полтора назад вызвал его Ярославский и сказал, что ему предстоит сделать доклад об экономических мероприятиях советской власти за время войны. Доклад — на сессии лекторов ЦК. Сенька опупел, начал отказываться, предложил кандидатуры Леонтьева — члена редколлегии, члена-корреспондента АН, Косяченко — зам. пред. Госплана. Ярославский отрезал: «Это решение ЦК. Я назвал Вашу фамилию Щербакову, он сказал: „Хорошо, попробуем“.

Деваться некуда. Сенька начал готовиться, написал доклад 40 стр., никогда раньше не делал этого. В назначенное время собрали сессию, кроме лекторов были вызваны секретари обкомов по пропаганде и секретари обкомов просто — из ближайших районов (до Урала). было ряд докладов, в т. ч. Ярославского — о текущем моменте, Минца — о партизанской войне, Митина

моральный фактор, полковника Толченова — военный обзор и др.

В этой компании Сенька трусил страшно. В назначенный день выступил. Читал два часа (в зале заседаний ЦК). По общим отзывам — отличный доклад, очень конкретный, построенный на неизвестном аудитории материале (ибо об экономике, а особенно — об экономической политике мы ничего не пишем). Все Ярославский, другие — остались очень довольны.

Тогда МГК попросил его повторить доклад для московских пропогандистов. Сделал.

Потом ГлавПУРКК — для военных лекторов. Сделал.

Рогов — для лекторов флота. Сделал.

Начали звонить райкомы — отказался.

Но пришлось сделать еще один доклад. По решению ЦК на двух московских заводах — „Красный Пролетарий“ и № 23 (бывший № 22) работают проп. группы ЦК, задача — поставить там образцово пропаганду и агитацию с тем, чтобы потом перенести этот опят на всю страну. Сделал и для них.

Сейчас ему позвонили и сказали, что он должен сделать этот доклад на собрании членов военных советов армий в Солнечногорске. Щербаков решил их периодически собирать для повышения их квалификации. Будут доклады о международном положении, о текущем моменте, о военном положении, о силах антигитлеровской коалиции и т. п. И Сенькин. Завтра едет.

Молодец!

По инициативе Хозяина принято решение о всемерном развитии добычи местного топлива. Даем об этом материал (статьи, заметки).

12 августа.

Военное положение за эти дни не улучшилось. На юге немцы продвигаются все вперед. Бои идут на Северокавказском фронте, как сообщает сводка, в районах Черкасска, Краснодара, Мйкопа. На Сталинградском фронте — в районе Клетской и северо-восточнее Котельниково (как сообщает Ляхт — около с. Тонгута). Немцы пишут, что они заняли Пятигорск, Майкоп, Краснодар, и что их колонны движутся на Новороссийск и Туапсе. Как будут развиваться операции дальше? Дальше на юг идут горы. Неужели они и там пролезут?! Майкоп мы взорвали и зажгли.

На Воронежском фронте мы отбили несколько пунктов в районе Коротояка, под самим Воронежем — стандартно. На Брянском — небольшие подвижки. Наше наступление на Западно-Калининском фронте развивается медленно. прибыли оттуда Курганов и Лидов. Жмем на Ржев и мы, и Калининский фронт. Прошли две линии обороны, продвинулись в общем на 60–70 км. Немцы пишут, что бои идут на окраинах Ржева. Но все страшно

затрудняют дожди. Из-за этого стоят танки, машины, артиллерия. Нет подвоза боеприпасов, продуктов. Даже в штабной столовой 20-й армии на завтрак дают сухари и кипяток, обед — каша и сухари. Отлично действует наша авиация. Особенно дали Ржеву.

Сегодня Вишневский прислал из Ленинграда очерк, из которого стало ясно, что мы вели наступательные бои и на Ленинградском фронте. Отбили даже Урицк, но сумели удержать и отдали обратно.

Вчера звонил Бесуднов с Северо-западного фронта. Сообщил, что выезжает в части. „У нас на одном участке начинается представление“. Ну что ж, Бог в помощь! Вообще, видимо мы, пользуясь тем, что немцы сосредоточили все силы на юг, пытаемся рвануть в других местах.

За границей — сплошной шум из-за событий в Индии. Индийский национальный конгресс инициированный Ганди, потребовал полной автономии Индии, увода английских войск и т. п., угрожая в противном случае компанией гражданского неповиновения. Индийское правительство разогнало конгресс, арестовало лидеров (в т. ч. и Ганди) и начало расправляться с зачинщиками и активистами кампании. Дело идет. Посмотри — что дальше.

У нас в редакции сенсация. Неделю назад московский корреспондент американского агентства Кинг пригласил Якова Зиновьевича Гольденберга (Викторова) на завтрак. Посоветовался, принял. 10 августа вечером он явился в ресторан „Арагви“. Там, в отдельном кабинете, его ждало целое общество. Сам Кинг, еще 2 журналиста, директор какого-то агентства, секретарь американского посольства, полномочный посол свободной Франции (де Голля) г. Карро с женой. Был обильный ужин, а затем начали из него пытать. Карро, выпив, разошелся, начал кричать, что он не понимает либерализма англичан, которые держат сразу двух послов — и Виши, и деголлевского. У Яши узнавали его мнение о втором фронте. Он сказал откровенно, что союзники тянут.

А вчера Кинг уже передал заграницу, что известный советский международный обозреватель г. Викторов считает, что немцы тянут из последних сил и поэтому второй фронт весьма поможет.

Уже несколько дней в иностранной печати идут усиленные разговоры о том, что в Москве идут тайные военные переговоры военных миссий США, Англии и называют даже Китай — о едином плане действий. Кстати, Кинг говорил Гольденбергу, что сюда приехал глава американской миссии, который привез личное письмо Рузвельта Сталину.

А сегодня в Москву прилетел Черчилль. Прибыл он днем на большом четырехмоторном самолете. Встречали его Молотов и другие. Снимал Миша Калашников, Кислов, Петров, киногруппа Кармена. Миша говорит, что старик невысокий, полный, в черном костюме, очень устал, видимо, болтаться. Сразу с аэродрома он поехал в гостиницу, а оттуда — к Сталину.

Вечером был у Коккинаки. Прилетела на пару недель его жена — Валя. Посидели, поужинали. Стало уютнее.

— Видишь? — говорит Володя и показывает на сетчатую занавеску, на салфетки.

— Этой занавеской хорошо рыбу ловить, — говорит брат Володи Павел.

— Через полторы недели, когда Валька уедет, мы весь этот уют приспособим к делу.

Зашел разговор о войне. Кокки горячо говорил о необходимости организованного действия во всем, чеканных массированных ударов:

— Авиация должна действовать кулаком, личная храбрость — хорошая вещь, но 100 машин — еще лучше. Все надо делать целесообразно. Надо дать населению Германии почувствовать войну. Ну что мы раньше пускали по 2–3 машины — это буза, треск. А вот бросили сразу соединение на Кенигсберг — это вещь. Помню в октябре прошлого года, отступая из Калинина, наши войска не успели взорвать мост через Волгу. Приказали авиации. Днем стали посылать „ДБ-3“. Идут на 600–800 м. У немцев — очень сильная зенитная защита. Срубили 21 машину, а мост цел. Я не выдержал, позвонил Сталину в ноябре, говорю: „Безобразие, разве так можно воевать? Я предлагаю послать десять штурмовиков и прикрыть из истребителями“.

Послали, сделали.

Кроме того, иногда со скуки развлекается пилотажем. Так, на днях сделал на „сотке“ к общему удивлению иммельман, петлю и еще что-то.

Кроме того, договорился с ВВС о том, чтобы ему разрешили облетать все новые иностранные машины, дабы иметь о них представление. Завтра утром будет летать на американском бомбовозе „Бостон“, потом на „Дугласе-7“, потом на истребителе „Аэро кобра“.

Посидели до часу ночи. Обратно шел пешком. Чудная звездная ночь, без луны. Падают звезды, чиркая небо, как ракеты с самолетов. На улицах пусто, изредка — машины. На углах — патрули, проверяющие документы. Город насторожен.

13 августа.

В сводке появились Минеральные Воды, немцы пишут, что

они заняли Элисту. Прут, сволочи! Приехал Ставский, говорит, что позавчера немцы предприняли наступление в районе Белев — Киров. В первый день немного продвинулись, вчера им дали крепко по зубам. Наше наступление на Ржев, задержавшееся было из-за дождей, сейчас снова активно продолжается. Действует там у нас более тысячи самолетов, несколько тысяч орудий, в т. ч. новых.

Звонил мне Саша Раппопорт. Был он раньше газетчиком, работал на Украине в ТАСС, плавал со мной на „Сталине“ за „Седовым“. В начале войны бы взят в армейскую газету, оттуда перевели в оперотдел дивизии. За Тихвин получил Красное Знамя, послали учиться в Академию им. Фрунзе. Вчера вернулся, капитан. Он рассказывает, что мой очерк „Стойкость“ прорабатывали в Академии, до этого Цветов говорил — что читали всюду на Воронежском фронте, в частях. Приятно!

ЦК сегодня вынес постановление о работе военных корреспондентов. Указывается, что газеты и политуправления плохо и слабо руководили ими, что они торчали в тылах, давали оперативные материалы либо повторяющие сводки информбюро, либо — порой — раскрывающие военную тайну. Предложено: сократить количество корреспондентов, утверждать их в Управлении пропаганды и агитации ЦК, сидеть в частях, главная задача — показывать живых людей.

Приехал с Северо-западного фронта Ник. Кружков, редактор фронтовой газеты „За родину“, полковой комиссар. Нашел я его у Рыклина. Сидят, банкуют. Колька рассказал забавный анекдот:

— Просыпается однажды Разин. Спрашивает: „Филька, ну как я вчера здорово выпил?“. „Обыкновенно, Степан Тимофеевич“. „Не бузил?“ „Что вы, Степан Тимофеевич!“ „Ну ладно, позови княжну“. „Какую?“ „Обыкновенную персидскую“. „Никак нельзя. Вы ее вчера изволили в набежавшую волну выкинуть“. Сел Разин, схватился руками за бороду: „Ую-юй“ Вот, опять начудачил…».

Гриша ответил двумя, связанными с бездеятельностью англичан, и вызванными, видимо, нервозностью нашего люда по поводу затяжки второго фронта:

— Вызывает Бог Майского (нашего полпреда в Англии). «Что это вы, товарищ Майский, там за войну начали?» «Это не мы, это немцы, мы обороняемся!» «Позвать сюда Гитлера! Что это ты за войну там начал?» «Я тут не при чем. Это англичане всегда гадят». «Позвать сюда англичан!» (явился Черчилль). «Мы?! Господи помилуй! Да никогда! Найдите хоть одного поющего англичанина!»

— В одной турецкой газете была чудная карикатура. Стоит англичанин у военной карты и говорит: «Для войны нужно три

вещи: деньги, солдаты и терпение. Деньги есть у Америки, солдаты у России, ну а терпения у нас хватает».

Недавно погиб белорусский поэт Янка Купала. Он напился пьяным и свалился с 11-го (кажется) этажа в пролет лестницы гостиницы «Москва». Сейчас его называют очень метко «пьЯнка Упала».

Раппопорт говорит «УзбекистОн» (так его называют эвакуированные. Об эвакуированных говорят «дал эвака».

За последнее время мы много перепечатываем. Рыклин зовет Поспелова «Петр Перепечатник» (по аналогии с Федор-первопечатник).

17 августа.

Официально вчера объявлено, что наши войска оставили Майкоп. С других участков ничего нет. Прилетел с юга фотограф Рюмкин, рассказывает, что картина там такая же, какую я видел на ЮЗФ. Раненые. Дети, эвакуированные из Ленинграда. Жители. В Махачкале все забито желающими уехать. Куда? Отпускаем Як. Цветова и моего зама Золина в Астрахань вывезти свои семьи.

Черчилль вчера улетел. Сегодня дали коммюнике о его пребывании.

Позавчера выступал у нас профессор Ерусалимский, рассказывал о своей поездке в Иран и Ирак (май — июнь). Говорит, что лучше всех относятся к нам иранца, высланные в свое время из СССР. Рассказывает любопытные подробности о, так называемом, курдском восстании — инсценировке, сделанной иранским правительством для того, чтобы ввести свои войска в Северный Иран (так называемый, грабеж курдов, встречи на дороге, демонстрации и т. д.).

Иранская армия, по его мнению, чепуха и воевать не может, дисциплина в ней, однако, автоматическая. В английской армии (и в Ираке и в Иране) дисциплина херовая (по принципу «Хэлло, Джек»). Англичане явно стараются показать, что их больше, чем на самом деле. В индусских частях дисциплина отличная и они оставляют очень хорошее впечатление. У иракских дисциплина так себе.

Две мелочи из доклада. Английский вице-консул в Тегеране раньше был в Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии, Турции, т. е. по всей границе с СССР. Отлично говорит по-русски (вплоть до того, что предлагает не выпить, а «чекалдыкнуть»).

В Ираке Ерусалимский встретил наш теплоход «Арктика», вышедший из Владивостока через 2 дня посел начала войны Японии с СШО и Англией. Он рассказывал, как во время японской бомбежки Манилы английские офицеры прятались под столы, под кровати, один сидел на корточках в углу консульства, закрыв

лицо руками. Вот вояки!

Сегодня утром, после номера, решили немного посидеть. Взяли с собой свои ужины и пошли к Гершбергу: я, Гольденберг, Калашников. На столе — тьма тарелочек, 0.25 водки белой, 0.5 водки настоянной на каком-то цитрусе, 0,5 портвейна. Мишка принес кило черного хлеба и, кроме того, было до хера наименований: бутерброды с паюсной икрой (2 шт), колбаса украинская (4 ломтика), копченая (6 ломтиков), огурцы малосольные (1 шт.) и свежие (2 шт.), редиска (5 шт.), морковь (5 шт.), картошка (1 порция от ужина), котлеты (1 шт.). Выпили водку, портвейн, потом чай с сахаром и печеньем.

Яша Гольденберг стал хвалить свою черносмородиновую настойку. Ах, так! Вызвали машину, поехали к нему. И впрямь — чудна! Послушали Карузо, Шаляпина, Утесова (пластинки). В 10:30 утра легли спать.

Да, чуть не забыл одного обряда. В ноябрьские дни мы пили довольно много всяких испанских и польских ликеров. Миша Калашников сберег бутылочку и когда в мае поехал в Чернолучье, захватил с собой. Там собрались по случаю приезда наши жены (Гершберг, Калашникова, Мержанова, Верховская, Зина и пр.), выпили полбутылки, а остальное решили распить, вернувшись в Москву в том же составе. Но тут вспомнили о мужьях. Мише поручили собрать мужей, дать им пригубить, а остальное оставить до приезда жен. Вот мы и попробовали по наперстку между водкой чистой и настоянной. Благодатная вещь.

19 августа.

В ночь на сегодня, в час ночи позвонили мне домой из редакции. Я лежал, хотел чуть отоспаться, накануне не выспался.

— Где ты пропадаешь? Идет награждение 837 летчиков. Садись за передовую.

Награждали дальних бомбардировщиков. Позвонил командующему авиацией дальнего действия генерал-лейтенанту Голованову. Он рассказал мне кого и за что наградили.

— Сегодня был у т. Сталина. Он мне сказал, что надо больше писать об АДД. А то, говорит, вы — молчальники.

— А что у вас интересного?

— Ну вот сейчас, например, наши самолеты бомбят Данциг.

— Много?

— Очень много.

Сегодня днем я ему позвонил.: все самолеты вернулись без потерь. «Сейчас пишем рапорт наркому, вечером ждите сообщения». Я немедленно послал в дивизию Реута и Устинова. Дали в номер снимок участников и их рассказы.

Днем был писатель Пав. Лукницкий из Ленинграда. Он

провел там всего зиму, а весну пробыл на внешней стороне кольца Ленинградского фронта. Очень красочно рассказывал свои впечатления после перерыва:

— Нормы хлеба: 500, 400 и 300 г. Рабочим хватает, остальным — мало. Служащие и иждивенцы варят суп из травы, пекут хлеб из нее. Вещь уже почти стандартная — на рынке лепешки из травы имеют стандартную цену. Рабочие, кроме всего, получают безталонный обед. Но все-таки нехваток чувствуется.

Возродилось гостеприимство. Придешь к кому-нибудь, обязательно угостят. Правда к чаю — мелехонькие кусочки сахара, но все же… Жизнь возрождается. У писателя Гуздева сохранилась даже собака — вероятно, единственная в Ленинграде. На улицах много народа. Гуляют, смеются, любятся. На велосипедах — очень распространенном виде движения — катают девушек. За две недели моей беготни по улицам видел только двух несомых покойников. Зимой за один выход встречал десятки, на глазах за одну прогулку умирало несколько человек. На улицах у людей незаметно экономии движений — то, что было характерно раньше. Хотя дистрофики — преимущественно старики — еще встречаются. На углу Литейного какой-то человече установил весы. Народу отбою нет. Все хотят знать — на сколько граммов они поправились после того, как потеряли 24 кг. Вода есть. Правда, подается во дворы, иногда доходит до 1-ых этажей. Поэтому — обычная картина — на мостовой стирают белье, машины объезжают. Все клочки земли усеяны огородами. Марсово поле — сплошной огород. На грядках — фамилии владельцев. У памятника Суворову овощей нет (неудобно, полководец!), зато посажен табак.

Оживленно на рынке. Деньги поднялись в цене, нужны, раньше — только меняли. Спичка (одна) стоит рубль (спичек нет и все ходят с лупами), литр водки — 1500 руб., кило хлеба -400 руб. Город усиленно готовится к зиме и возможному наступлению немцев. На перекрестках окна домов заложены кирпичом и бетоном, превращены в ДОТы, много противотанковых препятствий. Особенно это заметно на окраинах. Усиленно идет эвакуация населения. Вывозят по 10 тысяч человек в день. Многие не хотят: одним жаль перенесенных страданий, другим — вещей, третьи — боятся ехать, считая, что на новом месте будет еще хуже. Немного развито воровство. Правда, некоторые, уезжая, просто настежь распахивают двери своих квартир: пусть забирает все, кто хочет.

Звонил Кокки. Говорит, что очень занят. Одновременно ведет три работы, ведет вне Москвы, сюда прилетает только ночевать.

Летает на «ВВ» — «воздушная вошь», так он называет У-2.

Самолет старенький, весь в заплатах (на одной плоскости — 20 дыр.). Летает по 5 человек (трое в задней кабине, один у пилота на плечах). «Когда летим вчетвером, говорим: ух, и свободно же!!»

Кокки говорит, что основная его работа состоит в том, что он летает с завода на завод, где делают штурмовики или бомбардировщики Ильюшина, и ускоряет выпуск, передает опыт (по модификации, новым агрегатам).

Кроме того, ведет работы «для себя» — то ставит дополнительные баки, то новый мотор то какую-нибудь штуку.

Кроме того, инструктирует дивизии АДД. («Сначала в одной летали с полным весом на N часов, потом на 1.5 N часов, а я все гоню — хочу на 2,5 N».

Кроме того, он летает на всяких машинах одного ремонтного завода (и налетал там вдвое больше заводских летчиков) — это для того, чтобы набить руку. «Я скрипач — должен ежедневно тренироваться».

Вася Реут получил сообщение, что в мае убили его брата Михаила минометчика на Калининском фронте.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1942–1943 Г

Аннотация: Стихи с фронтов от военкоров (Симонов, Сурков, Полторацкий, Лапин, Хацревин, Поляков, Френкель, С.Михалков), Положение на фронтах, рассказы очевидцев. Поездка к Василию Сталину, разговор с генералом Фалеевым, разговор с В.Сталиным. Положение в Сталинграде. Разговоры с Ильюшиным, Поликарповым, Шпитальным. Беседа с генералом Костиковым про «Катюши». Перелом под Сталинградом. Московская жизнь. Беседа с Байдуковым. Разговор с Ильюшиным. Рассказ Акульшина о пленении фельдмаршала Паулюса. Разговор с генералом Роговым. Визит к Шевелеву. Беседа с командующим АДД Голованом. Погибшие военкоры на фронтах. Рассказ о 22 июне 41 г. в редакции. Рассказ о 41 г. в Москве.

Тетрадь № 21–30.08.42–26.05.43 г.

30 августа 1942 г.

9 ч. утра. Хочется спать. Кончили газету в 6 ч., но ждал до сих пор разговора с Омском, хотел поговорить с Зиной — не толковали с полгода. Сейчас она приехала туда. Но время кончается через 10 минут, видно — не выйдет.

Вот начал новую книгу дневника. Сколько их уже, и до чего разрозненные записи! Вот и сейчас только несколько строк, надо спать.

В последние дни всех особенно тревожит судьба Сталинграда. Положение его очень серьезное. Официальная формулировка сводки «северо-западнее Сталинграда» означает на самом деле то, что немцы несколько дней назад прорвались непосредственно на окраины. К тому же в результате зверских бомбежек «по площадям» город здорово выгорел — ко всем зажигалкам был выведен из строя водопровод.

Вчера, вернее, 28 августа, как будто удалось выбить немцев с окраин. Сейчас идут бои за уничтожение прорвавшейся группы.

Заводы Сталинграда не работают (по постановлению ГКО), но не вывезены. Промышленники несколько раз ходили к Хозяину с просьбой разрешить эвакуацию, но он отказывал. Последний раз он заявил очень хмуро:

— Вывозить некуда. Надо отстоять город. Все!

И хлопнул кулаком по столу.

Понемногу там начинаем активизироваться. Вечерняя сводка за 29-ое сообщает, что в районе Клетской нанесено поражение 2-ой итальянской дивизии. Куприн и Акульшин в телеграмме, данной 29.08 в 21:30 сообщают, что мы начали наступление еще 5 дней назад в двух районах: северо-западнее Клетской и в районе

Клетской. Разгромлены не только 2-ая, но и 3-ая и 9-ая итальянские пехотные дивизии. Немцы подтянули свои части, но и они не могут остановить.

Очень любопытное дело! Неужели это — начало мешка немцам? Когда я показывал телеграмму в 4 ч. утра Поспелову, он ее перечел дважды и долго елозил по карте.

У Сталинграда сидит начальник генштаба Василевский. У немцев там сил много: по их данным — 50 дивизий, по нашим — 25–30 дивизий.

На Кавказе немцы за последние два дня не продвинулись, отбиты. На Западно-Калининском фронте мы уж какой день топчемся у Ржева, на его окраинах. Очень трудно с подвозом — дороги размокли.

Был корреспондент ТАСС по Западному фронту Капланский. Он записывает журналистские песни фронта. Вот они:

Песня о веселом репортере. (Симонов, Сурков). Июль ЮЗФ, 1942 г.

Оружием обвешан,
Прокравшись по тропе,
Нетерпелив и бешен,
Он штурмом взял КП.
Был комиссарский ужин,
Им съеден до конца.
Полковник был разбужен,
И побледнел с лица.
Но вышли без задержки
На утро, как всегда,
«Известия» и «Правда»,
И «Красная Звезда».
В блокноте есть три факта,
Что потрясут весь свет.
Но у Бодо контакта
Всю ночь с Москвою нет.
Пришлось, чтоб в путь неблизкий
Отправить этот факт,
Всю ночь с телеграфисткой
Налаживать контакт.
Но вышли без задержки
На утро, как всегда,
«Известия» и «Правда»,
И «Красная Звезда».
Еще не взвились флаги
Над деревушкой N,

А он уж на бумаге
Взял 300 немцев в плен.
Во избежанье спора
Напоен был пилот,
У генерал-майора
Был угнан самолет.
Но вышли без задержки
На утро, как всегда,
«Известия» и «Правда»,
И «Красная Звезда».
Под Купянском в июле
Полынь, степной простор…
Упал, сраженный пулей,
Веселый репортер…
Планшет и сумку друга,
Давясь от горьких слез,
Его товарищ с юга
Редактору привез…
Но вышли без задержки
На утро, как всегда,
«Известия» и «Правда»,
И «Красная Звезда».

* * *

Полторацкий. Сталинградский фронт. 1942.

Чужие жены целовали нас.
В их брачную постель
Мы как в свою ложились.
Но мы и смерть видали много раз,
Над нашим телом коршуны кружились.
Нас утешала крепкая махорка,
Мы задыхались в чертовской пыли,
И соль цвела на наших гимнастерках,
Когда у вас акации цвели.
И близкой смерти горькая отрава
Желаньем жизни разжигала кровь…
Простите нас, но мы имеем право
На мимолетную солдатскую любовь.

Виктор после мне объяснил, что это стихотворение написано

на спор — как пародия на лирические обращения Симонова к Серовой. Виктор говорил, что их можно писать, как блины, и тут же написал их за 15–20 минут.

Б. Лапин. З. Хацревин ЮЗФ. 1941 г. (на мотив «Раскинулось море широко…»)

Погиб журналист в многодневном бою.
Он жизнь свою отдал с любовью (от Буга в пути к Приднестровью)
Послал перед смертью в газету свою
Статью, обагренную кровью.
Редактор мгновенно статью прочитал
И вызвал сотрудницу Зину,
Печально за ухом пером почесал,
И вымолвил:
— Бросьте в корзину!
На утро уборщицы вымели пол,
Чернила на стульях замыли.
А очерк его на растопку пошел,
И все журналиста забыли.
И только седой старичок метранпаж,
Качнув головою, заметил:
«Остер был когда-то его карандаш,
И с честью он смерть свою встретил»
А жизнь фронтовая плыла и текла,
Как будто ни в чем не бывало,
И новый товарищ поехал туда,
Где вьюга войны бушевала.

А в октябре — ноябре, во время Киевского окружения, и сами авторы сложили безвестно свои головы.

В. Поляков, И. Френкель. Южный фронт, 1941 г. (на мотив «Умер бедняга в больнице тюремной»)

Работал бедняга спецкором военным,
Долго родимый страдал.
Днем он и ночью работал бессменно:
Заметки он с фронта писал.
Вот присылают ему три заданья,
С грустью он сел в грузовик.
Тихо сказал он друзьям: до свиданья!
И головою поник…
Только проехал он два километра
Думал дела на мази

Вдруг под порывами сильного ветра,
Села машина в грязи.
Вылез, бедняга, а грязь по колено,
Стал он машину толкать.
Долго толкал он ее постепенно,
Она продолжала стоять.
Все же под вечер на фронт он явился,
Скудный добыл материал.
Но телеграфа в тот день не добился-0
Время лишь зря потерял.
Сутки не ел, был обстрелян нещадно,
Долго бомбили его.
Было обидно до слез и досадно
Он не привез ничего…
Встретив, друзья его долго молчали,
Что же им было сказать?
Всю глубину журналистской печали
Трудно в словах передать.

Надо будет достать еще песенки южан. У низ есть чудная песня «Давай закурим». Да, один коллекционирует песенки, а вот Фаб. Гарин на Калининском фронте завел «вдовье поминание» — список журналистов, погибших на фронте. У него — 55 фамилий.

Немцы начали пробовать налеты на Москву. 5 сентября вечером была тревога — от 7 вечера до 7:45. Летело 70 бомбардировщиков, сбили на подступах!! Зенитки не били. Вчера утром (в 9 ч.) была тревога — кончалась через час без стрельбы.

Говорил по вертушке с Дунаевским. Он в Архангельске. Началась война в Арктике. Рейдер обстреливал Диксон, был и налет. Были попытки и на другие пункты. Бомбится Архангельск часто. Город пострадал, порт, дорога, заводы нет.

С фронта приехали Лидов, Эстеркин (Курганов), Калашников. Калашников был под Ржевом. Говорит — мало сил — и у нас и у них. Немцы висят в воздухе и непрерывно бомбят передний край. Большие жертвы. Наша авиация почти не противодействует. Продвижения у нас там нет. Чуть левее — по направлению к ж.д. Ржав — Сычевка мы за пять дней продвинулись на шесть километров, вообще же в этом месте (у дороги) наши войска продвинулись вперед от Погорелова Городища на 90 км. Пленные, взятые у Ржева, рассказывают, что под Ржев прибыла танковая бригада, предназначавшаяся на африканский театр: танки ее окрашены в желтый цвет.

Приехал Устинов с Брянского фронта. Там тихо, местные

действия. То же говорит и Врошунов, прибывший с Северо-западного фронта.

Интересны фронтовые словечки.

— Брехливые новости — «сарафанное радио», «солдатский вестник» (это еще и в смысле узун-кулака, т. е. длинного языка), «агентство ОГГ» (одна гражданка говорила).

— ВПЖ (военно-полевая жена).

— Продукт 61 (водка).

12 сентября.

Был сегодня во 2-м гвардейском бомбардировочном полку авиации дальнего действия (дивизия покойного Новодранова). Ему вручали гвардейское знамя.

Вечером, на газу разговорился по душам с летчиком Героем Советского Союза капитаном Молодчим. Молодой 22-летний парень, бомбил Берлин, Кенигсберг, Будапешь, Варшаву и т. д. Был, между прочим, в этом году первым над Берлином — 27 августа. Шло тогда туда 16 самолетов, остальные не выдержали огня и бомбили Штетин.

— Страшно?

— Я самый паршивый трус из всех, кого знаю. Повернуть обратно хочется до смерти. Заставляешь себя идти в огонь только мыслью о том, что это приказ, да еще приказ Сталина. Ну а над целью забываешь обо всем. Лишь бы сбросить погорячее, где почернее. Вот вы летали много? Давайте я вас свезу на Берлин. Гарантирую, что придем обратно, ну м.б. с дырочками. Я тут недавно чуть ли не 150 пробоин притащил. Ну, согласны? По рукам! Куликов (штурману) — разними… Сколько я сбил самолетов? Ни одного. И до конца войны не собью ни одного. Это — не мое дело. Я — бомбардировщик. И когда я вижу далеко-далеко немца, я, как заяц, в кусты: в облака, в низину, в сторону, готов даже обратно идти на немецкую землю, а потом где-нибудь свернуть домой.

Приехал Саша Морозов с Черноморского флота. Рассказывает любопытные вещи. Три наших последних катера, уходивших из Севастополя, подломали в пути моторы. Несет. Глянь — берег. Оказывается — турецкий. «Ну, думают, труба, интернируют. Прощай, война!». Одначе, встретили гостеприимно, отвели гостиницу, а командира — гостем губернатора, обед, прием. «Что вам нужно?» «Да вот, моторы барахлят».

Сменили, отремонтировали, указали курс к дому. Прибыли.

Врет, наверное, Саша…

Ехал он поездом до Баку, оттуда — Красноводск, Ташкент, Москва. В Баку на пристани 40 000 эвакуированных, в Красноводске — 25000 (ждут поезда, поезд — раз в двое суток, а

все остальные поезда — нефть)

В Красноводске люди бросают свои вещи. Комендант — майор, подбирает их, сортирует, меняет у «кочевников» на продукты и организует из этого фонда питание раненых — ежедневно кормит 1000–1500 человек.

Любопытно перевозят нефть. Наполняют в Баку цистерны, кидают с рельс в воду, сцепляют тросом — буксир и айда в Красноводск. Там — краном наверх, на платформы и ту-ту — поезд. Говорят — идея Ширшова.

Забавно, как много и охотно все говорят о еде. Вспоминают меню прежних обедов, а ежели кто-нибудь обедает или ужинает у знакомых даровитых, то немедленно дразнит слушателей подробным перечислением блюд.

28 сентября.

Давненько не писал. Все руки не доходили. Мой начальник Лазарев уезжал «на войну» и поэтому мне пришлось быть за все. Дела наши военные остаются без особых перемен. Немцы по-прежнему жмут на Сталинград, но в их печати уже появились нотки о том, что «Сталинград потерял сове стратегическое и экономическое значение», а посему — неважен, что «мы его, конечно, возьмем, но это не обязательно должно быть скоро, т. к. мы экономим и жалеем людей». Вся мировая печать пишет о том, что немцы сейчас будут форсировать битву на Кавказе — за Грозный, Орджоникидзе, Баку. Там и впрямь дела активизировались, силы туда подброшены. В районе Моздока мы было одержали некоторые успехи: отбили обратно три крупных станицы на левом берегу Терека: Червленную, Калиновскую и Наурскую, ликвидировав тем самым угрозу флангового охвата Грозного с севера. Но сейчас немцы там опять жмут, встречая, правда, очень сильное сопротивление.

На Западном без перемен, все еще чешемся у Ржева. Кстати, Полевой на днях прислал захваченные у немцев документы: подробные описание зимней битвы за Ржев. Немцы признают там, что зимой Ржев был накануне падения.

Давай закурим. И.Френкель, Южный фронт, 1941 г.

Теплый ветер дует,
Развезло дороги.
И на Южном фронте оттепель опять…
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.
Об огнях пожарищах,
О друзьях товарищах,
Где-нибудь, когда-нибудь

Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то, что
Ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой.
Нас опять Одесса
Встретит, как хозяев,
Звезды Черноморья
Будут нам сиять.
Славную Каховку
Город Николаев…
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.
А когда не будет
Немцев и в помине
И к своим любимым
Мы придем опять
Вспомним, как на запад
Шли по Украине
Эти дни когда-нибудь
Мы будем вспоминать.

* * *

Березка. И.Френкель. Южный фронт, январь 1942.

Я видел березку
На фронте в бою.
И вспомнил тебя,
Дорогую мою.
Метель бушевала,
Бил ветер в лицо,
Качал и сгибал
До земли деревцо…
Вот такая березка
Есть на нашем дворе.
Суждено ей, бедняжке,
Замерзать в январе.
Трещать от мороза,
Трогать веткой окно.
Тыловая береза…

Это ей суждено.
Ты услышишь ночью, быть может,
Тихий шорох за темным окном.
Он тебе, дорогая, встревожит,
Выйдешь ты накрывшись платком.
Вкруг тебя забушует вьюга,
А на улице — нет никого.
Ты увидишь березку-подругу,
Вспомнишь милого своего.
Походные ночи,
Минутные сны,
И кажется нам,
Далеко до весны.
Но мы довоюем,
И мы доживем,
Дождемся тепла
На пути боевом.
Я увижу березку
По дороге домой
Закурю папироску,
Постою под листвой.
От лихого мороза
Не погибла в ту ночь,
Фронтовая береза,
Словно наша — точь-в-точь.
Ты услышишь ночью, быть может,
Тихий шорох за темным окном.
Он тебе, дорогая, встревожит.
Выйдешь ты, накрывшись платком.
Теплый ветер подует с юга.
Ты подумаешь: нет никого…
И увидишь любимого друга
Встретишь милого своего.

* * *

Песня о матросе Железнове. С Михалков. Южный фронт, лето, 1941 г. г. Николаев.

В степи под Одессой не так интересно,
В степи под Одессой бомбят.
Живет под Одессой правдист всем известный

Матрос Железнов — Айзенштадт.
Однажды редактор позвал Айзенштадта,
И так ему грозно сказал:
Читал я вас в Правде, мой милый, когда-то,
Но что-то у нас не читал.
— Я еду на фронт, — Айзенштадт отвечает,
Вы дайте заданье скорей.
— Похвально, — редактор ему замечает,
Храбрец вы, хотя и еврей! (это — намек на Б. Горбатова)
И дали ему две ручные гранаты
Для дел для его боевых.
И вычел пятнадцать рублей из зарплаты
За эти гранаты Косых (начальник Издательства)
И сел Айзенштадт в захудалую Эмку,
И двинулся срочно в поход.
Удачно оформил военную темку,
Но цензор с ней сделал компот…
В степи под Одессой не так интересно,
В степи под Одессой бомбят.
Живет под Одессой правдист всем известный
Матрос Железнов — Айзенштадт.

Митя Зуев настаивает на записи рыночных цен на сегодня. Хлеб черный 120 р. за кило, молоко — 25 р. кружка, лук — 60–70 р. кило, масло — 1000 р. кило, яйца — 130–150 р. десяток, картофелина — 5 р. штука, помидоры — 70-100 р. кило.

За деньги народ все делает неохотно. Коссов понес починить ботинки сына частному мастеру (подметки и набойки), тот запросил полпуда муки или полпуда риса. Обещает зато поставить кожу. Я дал утюжить 2 пары брюк. Мастер потребовал хлеба. Я не дал. Взял 75 рублей.

Питание наше немного улучшилось. Сегодняшнее меню: завтрак — картошка, 3 ломтика колбасы, чай; обед — картошка, котлеты, щи, маленький кусочек леща с гречневой кашей, кисель; ужин — великолепный (необычно!) — 2 бутерброда с икрой и маслом, стакан какао с сахаром.

Со вчерашнего дня цены на водку опять повышены вдвое. В Москве большой бум: впервые не отоварили и аннулировали продуктовые карточки за сентябрь (жиры, масло). Рыбу не дают уже 2 месяца.

14 октября.

Положение на фронтах более или менее стабильное. Под Сталинградом немцы не продвинулись и интенсивность боев там

за последние дни несколько ослабла. Под Моздоком — тоже. И в последних двух вечерних сводках эти пункты даже исчезли из шапки.

С Северо-западного фронта приехал наш корреспондент Сережа Бессуднов. Рассказывает, что окруженная в оные времена немецкая 16 армия все еще стоит на месте. Немцы расширили коридор, связывающий ее с основными войсками (местами до 15 км., длина его около 30 км.) и сейчас полностью снабжают армию всем необходимым по Земле (по воздуху — прекратили). Как не вспомнить слова М.И. Калинина на совещании агитаторов Западного фронта:

— М.И! А что мне ответить бойцам, когда они спрашивают — почему раньше писали о 16 армии, а сейчас нет?

— Я бы на вашем месте ответил, что окружили, а потом, ****, выпустили.

С Закавказского фронта прибыл Кривицкий. Рассказывает, что бои идут вдоль побережья, на расстоянии 40–90 км. от воды, по Хребту. Как говорит Мержанов, «наше командование удачно расположило Главный Кавказский хребет». Немцы пытались разрезать береговую колбасу на сосиски, ударив на Геленджик, Туапсе, Сухуми. Не вышло. И держат их примерно на месячной давности рубежах.

Любопытно получилось с Сухумом. Месяц назад он едва не был захвачен с налета. Два горных полка немцев, прошедших специальную годичную тренировку, не бывших в боях (их предназначали в Югославию, но они туда опоздали), состоящую из отборных молодых спортсменов, подошли с севера к главному хребту. Два местных старика-проводника провели их к Клухарскому перевалу (высота 2820 м), а затем скрытыми тропами по высотам — к Сухуму. Шли они так умело, что несколько дней не встречали никого. Шли с артиллерией, минометами. Был разработан точный график, рационы. Но — гладко было на бумаге, да забыли об аврале…

И вот в 32 км. от Сухуми они заметили впереди большое кирпичное здание. Решили, что это — казарма. Затаились, дождались темноты, послали разведку. Они выяснила, что там — пусто. Но день пропал, и он решил все. Утром немцы, решив, что все равно много времени потеряно, решили подождать свою отставшую артиллерию. И — всё! Их накрыли — осталось мокрое место!

В Сталинграде учреждения начали перебираться на левый берег Волги. В том числе — переезжали и обкомовские организации.

Маленкова спросили, где будет его ставка?

— В Сталинграде, — ответил он.

И переезды немедленно прекратились. И все стали уверены, что Сталинград решили не отдавать, раз Маленков избрал ставкой город. И он все время, все горячие дни, все бомбежки пробыл там. И Маленков сформулировал вывод: если мы решаем твердо не отдавать какой-нибудь город, надо, чтобы штабы и обком оставались там.

Поглядел он авиацию. Наши самолеты он считает хорошими (не имеет к ним претензий), но летными кадрами недоволен: многие летчики неопытны, командиры неумелы, сами на современных машинах летали мало, поэтому и других не могут научить путному. Надо будет дать передовую о летной учебе!

Сегодня под Москвой был воздушный бой, в котором принимало участие 400 наших самолетов, разбитых на «красные» и «синие» (в т. ч. около 200 «Яков»). Бою предшествовали двухдневные учения. Разрабатывались основы тактики и приемы крупно-группового боя. Присутствовали Жуков, Новиков, Ворошилов, Маленков, Шахурин и др. Прошло хорошо. Правда, два «ЛаГГа» (сейчас их по предложению Хозяина называют Ла-5) столкнулись и побились, но остальное хорошо.

15 октября.

Сенька (Гершберг) написал передовую об авиации. Вчера он был с ней у Шахурина. Тот одобрил, но посоветовал показать ее еще военным людям в ВВС. Сегодня днем по просьбе Гершберга я позвонил по вертушке командующему ВВС генералу Новикову. Он попросил поговорить сначала с начштаба генералом-лейтенантом Фалалеевым, а затем с ним. Позвонил ему.

— Буду ждать в 22:00.

Тогда я позвонил еще полковнику В.И. Сталину — начальнику инспекции.

— Говорят, Вы большой энтузиаст.

— Чего? Авиации?

— Ну, это понятно. Нет, овладения техникой.

— Это верно. Мы с Алексеем Ивановичем (Шахуриным) тут блокируемся. Приезжайте в 21:00. Вас будет встречать мой адъютант. Жду.

Сообщил о поездке Поспелову, спросил — надо ли заказывать статью полковнику, сказал — не надо, поговорили немного о поездках вообще.

Приехали. Огромный дом. Мраморные колонны. Часовой позвонил. Пришел адъютант — капитан. С удивлением увидел у него геройскую звезду, орден Ленина и Кр. Знамя.

Как оказалось впоследствии (рассказал полковник), это — герой Сов. Союза Долгушин. Он дрался в полку, составленном

полковником, сбил 16 самолетов, сейчас ранен и временно находится при нем. Уходя, я спросил Долгушина: «Когда же будет 17-ый?». Он засмеялся и ответил: «Как только полковник отпустит на фронт». Молодой, невысокий, крепкий парень, с простым русским лицом, буйными светлыми волосами.

Полковник был на докладе у командующего, и мы зашли к Фалалееву. Небольшой чистый кабинет, на стене — крупная карта СССР, на перпендикулярном длинном столе — карты во всю длину стола, на шкафу — барограф. Генерал высокий, с неправильным, сужающимся вверху лицом, коротко стрижен и лысоват, полевые петлицы, кожанка в накидку (холодно). Живые, умные глаза, решительное суровое лицо, очень оживляющееся улыбкой. Часто звонил телефон, он брал трубку, давал указания по завтрашней операции.

Прочел передовую Там было указано, что полк Клещева сбил 90 машин и потерял две.

— Вранье! — сказал генерал. — Так не бывает. Вообще — полк отличный, дрался хорошо, но — вранье.

Вообще же — передовая понравилась. Попросил добавить только, что авиация работает не самостоятельно, а для земли, для войск.

Зашел разговор об авиации. Почему все говорят, что под Сталинградом у немцев превосходство в воздухе?

— Чепуха. Имейте в виду, что на любом участке будут это говорить. Ибо все судят по ударам, испытываемым ими самими. Вот если бы мы заставили нашу пехоту испытать силу нашего воздушного удара — она бы сказала, что у нас превосходство. Но она его сможет почувствовать только тогда, когда мы начнем ее бомбить. Мы же не можем бросить все наши самолеты на защиту наших войск. Бомбардировщики и штурмовики должны бить противника, истребители (в значительной степени) их прикрывать. Нашу пехоту бомбят? Так надо же понять, что это — удел войск: их стреляют, рвут машинами, снарядами, бомбами. На то и война.

— Есть ли у немцев количественное преобладание в воздухе на Сталинградом?

— Нет. Это происходит от учета. Представьте себе, что 20 «юнкерсов» полетело бомбить цель. Все части, над которыми они пролетают туда и обратно (а обратно они идут другим маршрутом) засекают их и сообщают. В горячке боя данные о курсах, типах и т. д. не сверишь. И получается, что летело не 20, а 120 самолетов.

Поговорили об освещении авиации в печати. Он отметил некоторые ошибки у нас. Я напомнил о том, как мы первое время

писали, что немцы «идут на подлые уловки» (т. е. заходят со стороны солнца), «норовят ударить из-за угла» (прячутся в облаках). Он весело рассмеялся.

— Какие же тут уловки. Это — правильная тактика. И мы так стремимся. Вот вы часто пишете, что немцы позорно бежали из боя. Правильно делают, если видят, что их сейчас собьют. И нашим нередко этой разумной осторожности не хватает. Зачем лезть на рожон? Если уверен в себе, в машине — можно драться и в неравном бою. Если видишь, что противник так же опытен, а сил у него больше — зачем идти на верную смерть?

— А как вы относитесь к тарану?

— Когда я командовал авиацией на ЮЗФ, я приказал отдавать под суд тех летчиков, которые идут на таран с нерасстрелянным боезапасом. У нас какая-то мода пошла на тараны. И считают его доблестью: мол, летчик — не летчик, если он не таранил.

— Как вы считаете «Ла-5»?

— Самый лучший наш истребитель. Вы правильно акцентируете на нем в передовой.

— А «Аэро-Кобра»?

— Лучший истребитель в Европе. Но хуже наших.

— «Ме-109 г»?

— Очень хорошая машина. Но куда хуже Ла-5!

Затем я порасспрашивал об общих знакомых по ЮЗФ. Фалалеев командовал там год и был в мое время. Я напомнил ему встречи в Валуйках в конце мая. Командир полка «Пе-2» полковник Егоров сейчас командует дивизией, отлично отозвался о штурмовом полке полковника Комарова, о котором я писал.

Тепло простились, пригласил бывать, звонить.

От него зашли к В.И. Сталину. Принял сразу. Вышел, его ждали. Увидел нас.

— А, заходите!

Просторный кабинет. Простой большой стол. В образцовом порядке разложенные папки (одна выглядывает из-за другой), стекло во весь стол, стеклянный чернильный прибор, на маленьком столике слева два телефона и мегафон. На перпендикулярном столе — два атласа, на стене — политическая карта Европы. Перед ним — вахтенная книга, в которую делаются пометки телефонных разговоров. Чистота, много света. Тепло.

— У вас тепло.

— Вот от этой хреновины, — показывает на электро-печку.

Невысокого роста, стройный, с вида — юноша. Красивое, очень живое лицо, каштановые с золотистым отливом волосы, серые живые глаза, тонкий нос, тонкие губы. Верхняя часть лица

похожа на отца, вообще же сильно походит на мать (Аллилуеву), и много общего в лице с Розенфельдом. Костюм — полковника, поверх меховой распахнутый жилет (черный мех). Говорит тихо, не повышая голоса, властно. Повторять не любит. Во время разговора потирает верхнюю губу (как и отец), потирает лоб или подпирает его, подпирает подбородок. Во время чтения — хмурится, улыбается, в общем — реагирует.

В характере, видно, много летного.

Курит длинную трубку. Потом бросил ее, нажал кнопку мегафона:

— Слушаю, товарищ полковник, — раздался в репродукторе голос адъютанта.

— Дай мне папиросы. Не могу курить эту сволочь, все время гаснет.

Адъютант принес пачку «Советской Грузии». Закурил, предложил нам. Задымили.

Начал читать передовую.

— Слушаю, Коля. Да. Да. Так вот будет послезавтра, вернее (взглянул на часы: 0:40) завтра… Назначено на 8. Я прилечу в начале девятого. Буду сам участвовать в бомбежке. Настоящими бомбами. Это для кино, к 25-тилетию.

Объяснил нам:

— 18-го, в Ногинске, устраиваем для кино воздушный бой и бомбежку. Поведу я сам. Снимать будет Кармен.

— Можно и нам?

— Прошу. Присылайте, кого хотите.

Вызвал полковника:

— Распорядитесь. Поезжайте с утра сами. 18-го к 8:00. Как можно ближе к старту должно быть горючего для трех Илов на четыре захода, ФАБ-100, ФАБ-250, РС, снаряды, патроны. Бомбы можно цементные. Затем горючее и боеприпасы для П-2 на два захода и для двух истребителей на один рейс. Отвечаете вы лично. Понятно. Можете идти домой.

Вернулся к чтению. Снова вертушка.

— Слушаю. Да, да… Сегодня же прикажу выяснить.

Вызвал другого полковника. Дисциплина строжайшая. Входят, докладывают, стоят смирно, уходят с поворотом, щелканьем.

— Запишите. ИЛ-2 начал штопорить. Такому-то выяснить в двухдневный срок. Испытать все. Высота не меньше 3000. Организация и контроль за таким-то. Все. Идите.

Читает. Прочел. Одобрил.

— Очень хорошо, что советуетесь с нами. Вот «Кр. Звезда» не советуется и глупит иногда. Пару замечаний — по статье. Вот

насчет Клещева. Может, не надо упоминать?

— Почему? Неправдоподобно?

— Нет, не то. Все цифры точны. Этим полком за 17 дней мы сбили 51 самолет и не потеряли ни одного. Цифры точны. Потом, правда, теряли.

— Полк плохой?

— Полк отличный. Другого такого нет. Это — мой полк. Я лично подбирал каждого пилота. Готовил его 4 месяца. Хотел посадить на «кобры». Потом позвонил Шахурин: «Вася, помоги, не верят летчики в Яки.»

А я Яковлева очень ценю и самый горячий патриот Яка. На этом самолете сам тысячи полторы часов налетал. Ну и перекинул всех на Яки, чтобы показать — что стоит машина.

— Командир плохой?

— Клещев-то? Чудный человек. Молодой, а летчик… я многих летчиков знаю, сам летаю, но таких летунов не видел… Чудо! А командир — говно. Дерется, как Бог. Но захваливать его стали, в газетах пишут, в кино показали. Зазнаваться начал, вот я и придерживаю восторги.

— А вы скажите ему: вот тебя похвалили в «Правде» — значит, зазнаваться нельзя.

Смеется.

— Дальше. Вы пишите Ил-2 — противотанковый самолет. Это — неправильное название.

— Но вы помните, что его так официально называли?

— Мы заблуждались. Курите. Это еще не противотанковый самолет.

— Верно ли, что у немцев превосходство в воздухе над Сталинградом?

— Неверно. Я за это время сам там был (вот с этим полком) три раза. У страха — глаза велики. Военные любят врать. Меня и зам. начальника главного арт. управления генерал-лейтенант Корнилова застала бомбежка. Легли в канаве. Он приподнимается…

— Не вставайте, генерал!!

— Ничего…

И осколок прямо в лоб. Хотел он посмотреть, как его батареи стреляют. А я в десяти шагах, ничего, бомба помиловала. Так вот, после докладывают в Ставку бомбило 40 самолетов, на самом деле — 4!

И он повторил, чертя не бумаге, тоже объяснение этой путаницы (донесения постов ВНОС различных частей с различных участков), которое нам сделал Фалалеев.

— Но у них все-таки там сила?

— Нет. Они этого достигают быстротой маневра и решительным оголением участков, не обращая внимание на требование и жалобы войск. Но и в этом случае их не больше. Вот массированные налеты у них, действительно, сильны.

— А ну нас?

— У нас тоже неплохие.

— Как Вы считаете наши самолеты?

— Отличные машины. Но если бояться врага, тогда, конечно, отличная машина не поможет. потому и говорят иногда, что она плохая. А еще — по незнанию и неумению.

Во время разговора он часто зевает. Видимо — не высыпается. Позже он сказал, что сидит каждый день до 6 ч. утра. Объяснил, чем приходится заниматься: всем хозяйством ВВС.

— Еще одно замечание по передовой. Вы пишете: «нельзя обращаться с машиной „на ты“» …

— Это сказал Громов.

— Громов — не военный летчик. Но независимо от этого, выражение неправильное. На «ты» обращаются к хорошо и близко знакомым, на «вы» — к малознакомым. Я, например, с машиной на «ты». Я ее такое заставляю делать, что при незнакомой машине и не снится. И затем добавьте, что опыт показал, что на наших машинах можно немца, в том числе и на Ме-109 г, бить — как угодно.

Зашла речь о газетной тематике. Я сказал, что надо бы дать передовую об обмене опытом. Полковник говорил о необходимости усилить внимание качеству подготовки летчиков.

— А штурманов?

— Тоже. Но они, как показал опыт, меньше выбывают.

В заключение он предложил запросто обращаться к нему, заходите, звоните.

— Да вот давайте сегодня встретимся. Позвоните мне часиков в 19. Я соберу летчиков, поговорим.

— У нас в 20:00 заседание редколлегии о темах и подготовке к 25-тилетию.

— Ну давайте позже. Позвоните. И насчет съемки воздушного боя договоримся. А для систематической связи я к вам полковника Лебедева прикреплю. очень дельный человек. И специалист по всем делам, как и я. Будем держать связь.

Сегодня у нас опубликована нота т. Молотова об ответственности лидеров Гитлеровской Германии за зверства в Европе. В ноте в числе этих лидеров назван Гесс (идет на третьем месте). А ниже сказано, что предлагаем незамедлительно судить лидеров, уже попавшихся в руки стран. Т. е. предлагаем англичанам судить Гесса. Интересно, как они вывернутся из столь

деликатного положения?

Сегодня — год Московской страды. Ровно год назад москвичи подались на восток. Кончив номер в 5:30 утра (уже 16 октября), мы вспоминали об этой дате. решили отметить свою вахту.

Взяли с Сенькой свои ужины: по ложечке красной икры и два ломтика сыра, закуску от обеда (ломтик мяса и грамм по 10–15 масла), завернули все это в газету и — ко мне. Оставалось у меня чуть-чуть водки дома. Подняли Митьку, он натер редьки. Водки хватило по полторы рюмки. выпили, провозгласив тост за Москву, закусили этим ужином из 5 блюд, выпили по стакану кофе и Сенька разошелся (домой).

Сейчас — 10 утра. Надо спать. Вставать — в 4 ч. дня.

27 октября.

Положение на фронте без особых перемен. Лишь южнее Новороссийска (вернее — восточнее Туапсе — такая формулировка появилась сегодня в сводке) немцы добились небольшого успеха. В течение месяца борьба шла за ущелье, ведущее от Ладыженской к Туапсе. По этому ущелью проходит шоссе Туапсе-Майкоп, следовательно, по нему можно пустить танки к побережью. Судя по всему, немцы все-таки влезли в горло ущелья.

Надо записать несколько рассказов ребят.

19 октября были у меня Изаков, Марьямов и Голованивский.

Борис Изаков — бывший наш корреспондент в Лондоне, зам. зав. иностранным отделом, с первых дней войны находится на Северо-Западном фронте. Сначала был в одной дивизии, участвовал в боях, дрался, водил в атаку, отличился. Затем работал в партизанском отряде ПУ фронта, а последние месяцы — во фронтовой газете «За Родину». В августе он был в Партизанском крае, приехал на празднование его годовщины, а через несколько дней нежданно-негаданно оказался вынужденным ограждать натиск карателей. Он пробыл там еще около месяца, присутствовал до конца разгрома края. Об этом вчера напечатали его подвал «Борьба продолжается». По словам Бориса, они мирно сидели в одной деревеньке, когда вдруг прибежал связной и сообщил, что идет неприятель. Выбежали на околицу, залегли. И вот видят, метрах в 300 поднимается ражий мужик с красным флагом и кричит «Сдавайтесь, еб вашу мать». В ту же минуту раздалось несколько выстрелов и он упал. Заговорили наши пулеметы, уложили несколько десятков карателей, отбили натиск. Так началось. Борис рассказывает, что среди карателей довольно много русских (полицейских). Партизаны расправляются с ними совершенно беспощадно.

Сообщил он об одном обыске, о котором я не знал. Если в

партизанском отряде, лишенном базы в деревне, есть раненые, а надо передвигаться, «то их убивают, или они сами стреляются». «Таков суровый закон леса». Врет поди?

Два любопытных факта. Кое-где очень благоволят партизанам. В одном селе поп исправно читал проповеди, служил обедни, а затем говорил «а теперь, православные, послушаем сводку Информбюро» и читал сводку, полученную от партизан. В другом районе поп был в партизанском отряде. Когда командир выбыл — выбрали попа, как самого активного и смелого бойца. Его наградили Красной Звездой. Приехал он в Ленинград получать орден. Вручает Жданов. Говорит ему:

— Вы бы, товарищ (имярек) постриглись, а то уж больно на попа похожи.

— Да ведь мне, А.А., после войны опять на прежнюю работу возвращаться.

— На какую?

— Да я — батюшка!

Хохот. Уехал, и по сей день командует отрядом.

Борис написал книжку о Партизанском крае. Его наградили Красной Звездой, он — старший батальонный комиссар.

Писатель Александр Марьямов с первого дня войны на Северном флоте. Вначале писал нам, потом перестал, зашился работой. Рассказывает, что бой у Диксона с германским рейдером вел наш ледокольный пароход «Дежнев».

Из Сталинграда вернулись наши ребята Борис Полевой и Петр Лидов, которых мы посылали туда.

Полевой и Петр Лидов, которых мы посылали туда.

Полевой был на Сталинградском фронте, был в Сталинграде. Рассказывает, что борьба идет очень тяжелая. Город разбит на сосиски. Южная часть города наша и немцы там сидят в обороне, центр занят ими с месяц назад, район «Красного Октября» и «баррикад» — наш, СТЗ занят сейчас немцами, дальше Рынок опять наш, и еще дальше — опять перешеек немцев, за ним — Донской фронт. Дома все развалены, целых нет.

Впечатление Полевого — города не сдадим, если не будет очередного просёра, вроде того, как 2,5 месяца назад немецкие танки, миновав два пояса обороны, вдруг появились у смены СТЗ. Если бы не зенитчики, задержавшие немцев, город тогда бы пал.

Немцы измотаны сильно. Попавшие в плен имеют вид совершенно изможденный: белье сопрело, висит клочьями, мундиры изорваны вдрызг, вшивы, обросли, воняют страшно. Воюют они без отдыха и без смены. Город завален трупами, много наших, но еще больше (гораздо больше) немецких. Как только всходишь на берег — смрадный трупный запах. Забивает нос,

тошнит.

Был он на одной высоте. Перед ней все бело от немецких трупов, погибших во время атак, земли не видно. Собаки грызут тела. Моряки, обороняющие высоту, стреляют собак — противно, все-таки, когда едят человека.

— Держаться можно, только немец здорово воняет, — говорят они.

Гвардейцы наши великолепны. Стоят намертво. Полевой был в землянке генерал-майора Родимцева, командира гвардейской дивизии: «Били вшей и спорили о „Кола Брюньоне“».

Авиация немцев господствует. Против «Мессершмита 109Г» наши не лезут. Но бомб немцам не хватает. Часто сбрасывают обломки машин, металлические части и т. п., а ко всему этому привязывают консервные пустые банки, чтобы свистели. Отлично действуют наши У-2. За 2 месяца мы там их потеряли всего 11 штук, а летают сотни. За ночь делает этот орел по 5–6 вылетов, забирая каждый раз по 300 кг. бомб. В итоге — тянет больше, чем бомбардировщик.

Лидов был северо-западнее Сталинграда, на Донском фронте (там, по его словам, тихо) и по собственной инициативе поехал на Южную окраину Сталинграда, где газетчики еще не были (Бекетовка, Сарепта). Попал там под сильный артобстрел, как свистит снаряд — уходили в блиндаж, вырытый в берегу Волги, затем снова выходили. Там тихо, немцы сидят в обороне, девушки флиртуют с сержантами.

На северной окраине шуму много. Перебраться на север через Волгу трудно. В иные дни гибнет до 90 % перевозочных средств.

Оба сильно наседают на тамошних газетчиков — говнюк на говнюке.

Володя Коккинаки улетал в Сочи. Там был тяжело ранен Исаков контр-адмирал, зам. наркома. Ему ампутировали ногу. Он очень хотел повидать Кокки. Сей муж взял аэроплан, слетал, вернулся.

Позавчера был на праздновании XXV-летия 193-го арт-зенитного полка. О его юбилее и боевом пути мы напечатали 25 и 26 октября. Там довольно подробно говорили с командующим Московским фронтом ПВО генерал-майором Журавлевым. Он сказал, что за время войны на Москву налетало 12 500 самолетов.

— Сколько прорвалось?

— Около 250.

— Наибольшее количество самолетов над Москвой?

— 10–12.

— Были ли сбиты самолеты над городом?

— Не раз. Два валялись у Боткинской больницы, один на

Никольской, в Тушино и т. д.

— Как наша оборона в сравнении с Лондонской?

— Я думаю — лучше всякой иной. Правда, сейчас давно не было налетов. Это для нас плохо — мы дисквалифицируемся. Но налеты еще будут. Могут очень сильно напакостить, но решить задачу уже не смогут. Вы смотрите, они не смогли этого сделать раньше, когда оборона была слабая. За все это время ни разу не были повреждены свет, водопровод, связь, газ, канализация, т. е. основные нервы города. Ни один завод серьезно не пострадал. А немцы пострадали очень сильно.

— Почему не видно сейчас зениток в городе? Убраны?

— Нет, их больше, чем раньше. Спрятаны хорошо.

На заседании был оглашен очень интересный приказ т. Сталина октября 1941 г. В нем предлагалось зенитчикам быть готовыми к отражению танков. И некоторые батареи этого полка дрались с танками.

Кто-то из ребят сообщил интересные подробности о Щербакове. Он сейчас многолик: секретарь ЦК, секретарь МК и МГК, начальник ГлавПУРККА, начальник Совинформбюро. И вот кто-то был у него в МК. Сидит, читает последний номер журнала «Иностранная литература». Хорошо!

Немцы начали применять новые приемы в агитации. Марк Кушнер рассказывает, что под Ржевом они бросают листовки о том, что идут переговоры о мире, и поэтому нет резону воевать. «Кто доживет до мира — останется жив!» Александр Анохин говорит, что под Воронежем кидают листовки в виде обрывка наших газет и там вкрапливают по несколько ядовитых строк.

2 ноября.

Гершберг затеял фотосъемку всех героев Социалистического Труда, имеющихся налицо в Москве. Это — к 25-летию Октября. Сегодня вечером в редакцию приехали Костиков, Грабин, Иванов, Ильюшин, Шпитальный, Поликарпов, Воронин, Доронин.

С некоторыми из них у меня произошел любопытный разговор. Из Ильюшина я уже давно вынимаю статью. Сегодня затащил его к себе и опять нажал.

— Нет, Лазарь, сейчас не дам. Вот, погоди. Сделали сейчас двухместный штурмовик. Ты помнишь, я его и с самого начала конструировал, как двухместный. Тогда сказали — не надо, я его переделал. А жизнь показала, что надо. Вот теперь снова пришлось делать, не та, конечно, схема, что раньше, а несколько измененная. Машина уже пошла в части. Совершенно неприступная будет машина.

— Ну вот и пора выступить!

— Нет, погоди. Вот в марте выйдет новая машина. На смену

«Москве». Двухмоторная, крепость настоящая, без дураков. Ее данные… Сам посуди, что это такое! Вот тогда с тобой и напишем.

Еле-еле уговорил его на несколько общих строк.

— Ну ладно. Главное: не стоять, немцы работают, и мы должны работать. Главное — идти впереди врага.

Поликарпов был мрачен и предупредителен.

— Что с Вами, Ник. Ник.? В Москву бы пора.

— Я человек дисциплинированный. Сказано там сидеть — сижу. А какая там работа? Станков нет, все делаем почти вручную. До сих пор у нас к исследовательской работе относятся, как к второй очереди. Дорого это обходится. Возьмите «Т»…

— Кстати, а где ваша машина, которую строили для Валерия? Он мне рассказывал. Чудная по тому времени машина намечалась.

— Построили. Вот скоро в Москву пригоним. Приходите, посмотрите.

Шпитальный немедленно, увидев меня, поинтересовался: жив ли пистолет, который он мне воронил?

— Жив, жив. Меня под Сталинградом все спрашивали, кто делал? Я сказал, есть в Москве мастер.

— Пусть отстоят Сталинград, всем повороню, — смеется он.

Костиков приехал позже всех. Мы сидели у Гершберга втроем и разговаривали откровенно, просто. Он молод, но усталое лицо, много курит, полевые петлицы генерал-майора.

Когда Гершберг меня представил, он улыбнулся:

— Мы знакомы. Помните, Вы были у нас на полигоне, году в 1935–1936? На пуске ракеты. И, кажется, дважды? Я Вас хорошо помню. Вы были первым газетчиком, проникшим к нам.

Я сразу вспомнил и полигон, и пуск ракеты (даже напечатал «Ракета идет в воздух» в «Правде»). Вспомнили и людей, поговорили в них — кто где. Сразу установилась с гостем товарищеская атмосфера. Он объяснил принцип действия «Катюши».

— Для того, чтобы поразить какую-то определенную площадь — вам нужно выпустить, скажем, N зарядов. Следовательно, из орудий надо сделать N выстрелов, для этого нужно сколько-то орудий и сколько-то снарядов. На это требуется время. Следовательно элемент внезапности теряется, поражение уменьшается, моральное воздействие распространяется во времени и ослабевает. Разрушительная сила орудийных снарядов меньше, чем наших. Мы же накрываем всю эту заданную площадь одним залпом. Говорят, что прицельность и точность «Катюш» меньше, чем пушки. Это правильно, но при стрельбе по площади

не имеет никакого значения. Ведь важно накрыть ВСЮ площадь, независимо от того, что там — батальон пехоты, огневые точки или укрепления. Кроме того, в всякая пушка дает обязательно отклонение, рассеивание. И чем больше ее калибр, чем дальше она стреляет — тем рассеивание больше. Я считаю, например, что крупнокалиберная, тяжелая артиллерия себя просто не оправдывает. Ну сделает она (скажем, 210 мм.) двадцать выстрелов и вези ее в мартен: износ ствола. Каждый выстрел — 20-30-60 тыс. рублей. Рассеивание велико: попробуйте попадите в цель на 20 км! Только по городам. Нерентабельно!

— А Ваш выстрел сколько стоит?

— Несколько дешевле выстрела из обыкновенного орудия. Правда, я уже разработал полностью вопрос о новом процессе производства наших снарядов. Это удешевило бы их в несколько раз, позволило бы производить их везде, как мины. Но сейчас пока приходится делать по-старому — сейчас важно делать их больше, не обращая внимания на цену. Всему — свое время.

— Полностью ли применяется Ваше оружие на войне?

— Нет. Видите ли — это новое оружие. Правда, я сделал свою пушку задолго до войны. Ее мариновали. Сейчас я даже доволен этим: она явилась полной неожиданностью для немцев. Если бы ее пустили раньше, то вполне возможно, что ее бы выкрали, или шпионы продали. И как всякое новое оружие, она не имела своей тактики применения. Мы учимся и разрабатываем эту тактику в ходе войны. Главным врагом «Катюши» является авиация. Как только раздастся залп — немедленно появляется самолет корректировщик, сообщает по радио ориентиры и налетает авиация. Поэтому — мы даем залп и немедленно сматываемся. И то, что появляется в печати, допустим, о действиях гвардейцев-минометчиков по Сталинграду — это результаты одного залпа.

— Почему у немцев до сих пор нет «Катюши»?

— Я сам этому удивляюсь. Я думаю, что они ни одной целой машины не захватили. У меня имеются печатные наставления, изданные германским командованием по «сталинскому органу» (так они официально именуют «Катюши»). Судя по всему — это шпионский снимок. Многое там доретушировано. А когда они знают наше оружие (возьмите, например, их наставления по нашим танкам) так дают не только общие снимки, но и деталей, разрезы и т. п. Снаряды они захватывали, но техники их применения не знают. Мне рассказывали, что они сбрасывали их, как болванки, с самолетом, но я этому мало верю.

— Но такая технически развитая страна, как Германия могла самостоятельно дойти до этой пушки. Так ведь?

— Не совсем так. Германия — страна технически развитая, но

научно застывшая. Гитлеровцы, придя к власти, оставили только те научные учреждения, которые прямо работали на войну, а остальные закрыли. В этом их принципиальная ошибка. Ибо никогда нельзя сказать, к каким практическим выводам и возможностям приведет научная работа, ведущаяся, на первый взгляд, в совершенно абстрактной области.

И Костиков привел несколько примеров величайших военных и промышленных изобретений, выросших на абстрактной базе. Да и сам танк был придуман, как средство приблизить стрелка к цели замаскированной или спрятанной.

— Не кажется ли Вам, что с развитием военной техники она упрощается?

— То есть?

— Ну вот, возьмем артиллерию. Она развивалась по пути максимального усложнения от шомпольной пушки до орудий тяжелых на ж.д. платформах — целый комбинат. А последние достижение артиллерии — простая небольшая противотанковая пушка, обладающая огромной скоростью снаряда (и вследствие — огромной пробивной силой) и скорострельностью. А еще дальше мы видим «катюшу», ликвидировавшую ствол и прочие усложняющие механизмы.

— Да, пожалуй, Вы правы, — сказал Костиков, — этот процесс пойдет и по другим отраслям вооружения. Уже есть минометы — самоварная труба и все. Когда они появились, тоже говорили, что оружие без будущего, ибо прицельность его невелика. Но суть не в прицельности, а в массовости поражения. У нас часто путают абсолютную точность попадания и поражаемость. Тов. Сталин всегда требует при возражениях специалистов поражаемости. Что же касается процесса упрощения техники, то он пройдет всюду. Скажем, в авиации мы будем, очевидно, свидетелями появления наряду с гигантскими транспортными кораблями, реактивными са молетами (такие уже есть) и самолетов-снарядов, самолетов-бомб, самолетов-фотоаппаратов, простых, дешевых, массовых в применении.

Заговорили о недавней статье Шпитального в «Известиях» (кажется, 30 октября «От камней к звездам») о бериллии. Автор доказывал, что применением сверхлегких бериллиевых сплавов можно получить самолет со скоростями в 900 км/ч.

— 900? — переспросил Костиков. И начал тут же высчитывать с пером в руках. — Я не специалист в авиации, но полагаю, что не выйдет. Можно сделать некоторые детали мотора из бериллиевой бронзы. Цилиндры, поршни. Но при 900 км/ч самолет сможет носить только себя самого. А летчик, горючее, оборудование, вооружение? На это подъемной силы уже не хватит.

Я спросил о некоторых предтечах реактивного движения. Костиков отлично знает историю этой науки. Он горячо говорит о Циолковском, и считает, что его труды до сих пор по-настоящему не поняты. Рассказал он о выдающемся русском ученом Цандере.

— Правда, он был тронутым. Он мыслил только космически. Я разбирал его записки. Он разрабатывал, например, такие вещи: чем человек будет питаться в безвоздушном пространстве, и писал как надо выращивать помидоры на собственном кале. Или посвящал много внимания проблеме строительства на луне: там своих деревьев нет, и, следовательно, стройматериал надо доставлять с Земли. Но вообще — он был человеком очень интересным, и почерпнуть у него можно много.

Простились за полночь. Снялись вместе. Костиков пригласил приехать к нему на полигон и посмотреть хозяйство в действии.

— Ведете ли вы записи? — спросил я под конец. — Ведь у вас целое богатство науки.

— Нет, некогда!

— Вы варвар!

— Да!

— Может быть Вы в чем-нибудь нуждаетесь?

Он засмеялся:

— Это было раньше. Сейчас — все к моим услугам. Даже неловко иногда становится.

3 ноября.

Я и Хват ночью были у Жени Федорова. Сидели, пили, вспоминали дела. Женя рассказал об ошибке Спирина (89°26), похвалил Алексеева (90°). Отметил ценность народных примет о погоде. Жаловался, что с полюса привез все в Москву и пошли «подштанники Федорова» по миру.

9 ноября.

Сегодня был на передаче танков «КВ» построенных на средства, собранные полярниками. Об этом написал (см. «Правду» за 10 ноября). Обратно ехал вместе с зам. нач. АБТУ армейского комиссаром Бирюковым.

Он рассказывал:

— Последний приказ т. Сталина о танках мы писали два раза. Первый раз Хозяин вызвал нас троих (меня, Федоренко — нач. АБТУ, и еще одного), рассказал все, что надо. Мы написали. Он забраковал. Мы переделали. Он после этого сам три часа редактировал. До чего сильно сидит в нашем сознании старая концепция! Вот, например. Написали мы в проекте: танки идут на полной скорости, ведут с хода огонь по возможности прицельный. Как но на нас набросится: вы так все государство погубите своим прицельным огнем. Раз написали так — значит, люди будут

обязательно стараться вести прицельный огонь, следовательно — уменьшать скорость, даже останавливаться, экономить снаряды. Следовательно — будут делать не то, что нужно, а то, что не нужно. Вы гонитесь за целью и забываете о морально воздействии огня.

И он сел к столу и своей рукой поправил: «ведут огонь с хода, хотя он и будет бесцприцельным».

Потом Бирюков рассказал:

— В феврале вызвал нас т. Сталин и спросил:

— Вам известно, что КВ стоят?

— Да.

— Почему?!

— Снег глубокий

— А Т-34 и немецкие ходят?

— Да.

— Почему?

— Они легче.

— Почему же вы не облегчите КВ?!

И он тут же продиктовал приказ, а т. Молотов записывал, об облегчении КВ. Он предложил снять с него запасные бачки, уменьшить индивидуальный запас и т. д. Но, в то же время, запас снарядов — увеличил.

21 ноября.

Хочется написать, с каким нетерпением все ждали 6 ноября. Будет или нет торжественное заседание? Выступит или нет т. Сталин? Даже утром 6 ноября не было известно: состоится ли заседание. В этот день я с Папаниным уезжали за город на передачу танков «Советский полярник» (не состоялось из-за технических неурядиц и перенесли на 9 ноября), волновались, что опоздаем. Вернувшись в 4 часа начали осторожненько звонить — неизвестно. Я приехал в редакцию.

А в 5 принесли билеты. Мне не было. Поспелов вызвал меня, извинился: «Дали очень мало, Вы были в прошлом году. Поэтому избрали Гершберга».

Ребята поехали в Кремль (в Большой дворец). Мы сели у репродуктора в комнате Гершберга. Набилось полно. И слушали Сталина. Было слышно довольно хорошо, даже сердитую реплику «Потушите!» (прожектора). Киношники после плакались, что вторую часть доклада им пришлось перемонтировать, дополнять и т. д., ибо не досняли (без света — нельзя).

А вот парада не было. Ждали всю ночь, ушли в 7 ч. утра, заказав будить, ежели будут проблески. Но так и не было. В прошлом году билеты получили часа за два до парада.

Позже мы узнали, что буквально через 2 часа после

торжественного заседания т. Сталин уже снова занимался делами и, в частности, утвердил план увеличения суточной добычи под подмосковному бассейну с 35 000 тн. до 60 000 тн. А 35 000 тн. — довоенный уровень. В связи с этим, числа 10-го в бассейн выехала правительственная комиссия в составе Вознесенского, Попова (секретаря МК) и др. Был с ними и Гершберг.

В начале ноября в Москве начали снова освещать центральные улицы. Освещение хилое, щупленькое, но для взгляда — вещь совершенно необычная. Едешь, как по городу! Вот только маскировка совсем расклеилась, дома светятся — удивительно быстро москвичи забывают о войне и воздухе.

В ночь с 14 на 15, наконец, выпал снег. Сразу пейзаж стал зимним и сразу устарели все снимки. Но довольно тепло, сегодня = -4 °С.

15-го с Калининского фронта приехал Толкунов. Он не был в Москве 4,5 месяца. Довольный, веселый. Рассказывает о том, как проходила операция под Ржевом. Все происходило у него на глазах. Начали успешно: 30 июля. Многократное превосходство сил. Командующий считал, что возьмем в одни-два дня. А потом приказал всем газетчикам молчать: заняло больше времени.

Основное: ливень и неорганизованность. Ливень враз размыл все дороги. Артиллерия, танки встали, снаряды пришлось таскать на руках за 15–20 км., на это мобилизовали всех, все штабы, газетчиков, связистов и т. д. Неорганизованность: на узкий участок было брошено слишком много сил, боевые порядки перемешались, управление было потеряно, залпы иной раз накрывали не то, что нужно.

Отлично действовала АДД. Остальная авиация — хуже.

Разыскал Левка двух панфиловцев — двух героев из погибших 28. Их фамилии — Васильев и Шемякин. Много они претерпели с доказательством своего тождества. Писать о них пока не стоит.

30 ноября.

Центральная тема — наступление наших войск в районе Сталинграда и на центральном фронте. Особенно ошеломительно на всех подействовало сообщение Информ-бюро о Сталинградском наступлении. Это было 22 ноября. Часиков в 12 ночи прибежала ко мне курьер Соня, пожилая, спокойная, вечно зябнущая или болеющая зубами женщина.

— Ой, т. Бронтман, идите скорее слушать!

Слушали, буквально затаив дыхание. Чувствовался какой-то огромный душевный подъем. Потом все кинулись по этажам, по кабинетам.

— У меня даже волосы от радости подымаются, — сказала

Соня.

Прямо праздник! Я сел и написал передовую «Будет и на нашей улице праздник!» (помещена 23 ноября).

В Москве только и разговоров. Летчики звонят каждый день: нет ли известий новых? Подъем всюду. Хирург центрального института переливания крови Софья Борисовна Вихирева рассказывала мне, что сразу после опубликования коммюнике вдвое увеличился поток доноров. Хирурги с ног сбились, работают не глядя («в вену ли, нет ли..») до 10–11 вечера.

У Москвичей появилось приветствие: «С „Последним часом“ вас!»

И все ждали «Последнего часа». Когда же дня через три его перестали передавать и включили вести о наступлении в обычную сводку, у всех наступило этакое разочарование.

Немцы и остальная пресса меж тем усиленно писали о нашем наступлении в районе Ржева, Торопца, Великих Лук и на Волховском фронте. Мы (в редакции) ждали официальных вестей.

28 ноября они последовали. Был дан последний час о нашем наступлении на Центральном фронте. Я написал передовую «Новый удар по врагу» (напечатана 29 ноября). Дали несколько корреспонденций (Полевого, полк. Артеменко), сменив у них номерки «Калининский» и «Западный» фронты на «Центральный».

Маемся с корреспондентами. Севернее Сталинграда — Лидов и Ляхт (Григоренко), южнее — Куприн и Акульшин. Положение там такое: в первые же два-три дня нам удалось окружить сталинградскую группировку немцев (примерно 12 дивизий), сейчас кольцо сжимается. Немцы яростно стремятся прорвать кольцо и извне и изнутри. Об окружении пока не даем, ждем результатов. Немцы уже вынуждены снабжать свой мешок на самолетах и наши за два последних дня сбили 72 транспортных самолета. Одновременно удар расширяется по флангам, на юге подошли почти к Котельниково, на севере — идем к Морозовской.

Судя по всему, удар был нанесен внезапно. На севере (в районе Серафимовича, Клетской) оборону держали румыны. Они сразу посыпались. В районе Располинской были окружены четыре румынских дивизии. Одна улизнула, три сдались. Их генералы заявили довольно любопытные вещи (см. об этом и об условиях сдачи в корреспонденциях Лидова в моем архиве). Сейчас бои приняли весьма ожесточенный характер и продвижение замедлилось: в драку вступили немцы.

На Центральном фронте наступление идет медленно и с большим упорством. Тут — сплошные немецкие части и, кроме того, они заранее знали о наступлении. Скрыть было невозможно: удар готовился почти два-три месяца. На этом участке у нас

Полевой, Бессуднов, Калашников, едет Шур.

Шур вернулся с Карельского фронта, где был с начала войны. Привез любопытные суждения:

— У нас фронт тихий. Финны до минимума снизили активность. Раньше часто ходили к нам в тыл. Сейчас за лето было всего два случая. Гарнизонов в их тылу не осталось, войска стоят в одном эшелоне. От войны устали, часто не принимают боя, бегут, чего раньше не бывало.

Он удивлен кое-чем в редакции. «У нас на фронте после того, как человек 15–20 раз увидит, что едва не потерял жизнь, он начинает мыслить весьма краеугольно и смело. Должность для него ничего не значит. А тут кое для кого должность — дороже жизни.»

Рассказывает, что получается довольно много писем от жен, сообщающих о том, что они вышли замуж. Действует угнетающе. Одному командиру пишет другая женщина: «Ваша жена сошлась с моим мужем. Он носит Ваши костюмы. Это — подло по отношению к Вам. Она Вас не заслуживает». И в заключение: «Не пришлете ли Вы мне свою карточку, будем друзьями».

Такой же случай с бойцом. Был растяпа. Однако, отличился, стал орденоносцем, командиром. Друзья написали в сельсовет. Ему посоветовали «зазнаться». Сейчас она добивается его, а он — гоголем.

16 декабря.

За последние дни наше наступление в районе Сталинграда и на Центральном фронте несколько замедлилось. Немцы, понимая, чем это угрожает, отбиваются руками, ногами, зубами. Позавчера в сводке по «Юго-западнее Сталинграда» появились давно невиданная формулировка «вклинился» (противник), вчера «потеснил наши части». Немцы пишут о том, что они сами перешли там в наступление. Но сегодняшняя сводка (за 16 декабря) дает уже снова сдвиг. Позиции улучшили, просочившуюся группировку уничтожили, захватили большие трофеи.

С Центрального фронта приехал сегодня Сергей Бессуднов. Рассказывал о боях за ж.д. Ржев-Вязьма. Бои очень тяжелые, потери большие. Вначале наш танковый корпус (частью сил), которым командует старый знакомец Арманд, вместе с кавдивизией перерезал дорогу и вышел на ту сторону, потом танкистов перебросили в другой пункт (ударить с тыла по одному селу), немцы поднажали и расчистили жд. Кавалеристы наши и сейчас ходят по ту сторону, действуют, но и дорога действует: ходит бронепоезд, эшелоны. Борьба сейчас идет за три укрепленных селения, лежащие в 4–6 километрах от дороги. Если

вышибем контроль над ж.д. наш.

Полевой вчера сообщил о захвате В. Лук. Пока не даем — нет в сводке.

Вчера было партийное собрание: перевыборы бюро. Раньше было 11 членов, но получилось, что больше половины в бегах (Корнблюм — в Кузбассе, Ровинский — в «Известиях», Рабинович — в Куйбышеве, Кузьмичев — в армии, Калашников — на фронте и т. д.), фактически — на лицо только четверо, из них трое — члены редколлегии (Ильичев, Сиротин, Лазарев), четвертый — Домрачев от секретариата.

Домрачев сделал отчетный доклад. Присутствовало 28 чл. партии и сколько-то кандидатов. Отчитывался за 19 месяцев. Указал, что 25 коммунистов из аппарата редакции ушли в армию (Железнов, Кружков, Кузьмичев, Путин, Верховский, Маляр, Галантер, Печерский, Перекалин и др.). Некоторые из них награждены: Павлов — «Кр. звездой», Маляр — медалью. Когда была запись в народное ополчение, записывались дружно: записались даже Заславский, Тезиков и др. Запись и собрание происходили в полутемноте, в незатемненном конференц-зале. После группа товарищей ушла в истребительный батальон: Верховский, Широков (умер потом от тифа), Джапаридзе (покончил самоубийством). В октябре прошлого года, когда создавались рабочие батальоны — группа правдистов там. В иные дни на комбинат падало до 150–200 зажигалок.

В 6 утра позвонили: почему нет газеты. Обещали ему выйти через полчаса. Вышли в 7:10. Сейчас держим курс на 5 ч. утра, пока — эти дни — выдерживаем.

За последние дни в газете много внимания уделяем сбору средств на строительство танков, самолетов и т. п. Особенное внимание — сбору в деревне. Недаром два приветствия т. Сталина обращены к деревне (колхозникам Тамбовской и Саратовской областей). Там денег — вагоны.

Вчера звонил Марку Шевелеву — нужны были факты для передовой. Он порекомендовал обратиться в его дивизию — Монинскую.

— Да они спят еще. Три часа только.

— Ничего, буди. Скажи — воевать пора!

Странная погода. Вообще зима — мягкая. Но в ночь с 13 на 14 выпал дождь, потом пошел мокрый снег. С 14 на 15 чуть подморозило, со вчера на сегодня — просто ударил мороз градусов подо 20. Москвичи везде ищут печки-буржуйки, топят худо (бумагой, опилками), дома 10–12 градусов. Жестоко лимитируют электроэнергию. Нам дали сначала на квартиру 59 гектоватт в день, сейчас — 9. Вихирева мне рассказывала, что они

половину вечеров сидят при свечах, дабы не выйти из лимита. Часто выключают целые кварталы.

26 декабря.

Наступление развивается. Немцы, пытаясь пробиться к своей окруженной Сталинградской группе, подтянули много сил в район Котельниково и ударили оттуда по нам, потеснили. Наши собрались с силами, ответно стукнули, заняли несколько пунктов и теснят дальше. На Юго-Западном дела идут хорошо. Сегодня Лидов сообщил, что начались уличные бои в Миллерово, идут бои за Обливскую. Горит (в переносном смысле) ст. Морозовская — армейская база и штаб немцев. Там трофеев будет без конца. Немцы всерьез обеспокоены, их пресса мямлит о том, что еще немного и русские слишком растянут свои коммуникации, наши же, мол, будут компактнее. Вот к этому-то мы и стремимся!

С Черноморского флота приехал Руднев — переводим его вообще в Ленинград, но пока поедет на Юго-Западный. Туда же перебросили и Цветова (с Брянского). Руднев жалуется.

— Флот господствует, а воевать — не с кем. А авиация бьет, топит корабли.

Погода в Москве, да и в других местах — дрянь. Руднев 12 дней ждал в Тбилиси самолета: Коккинаки неделю сидит в Куйбышеве, не может вылететь в Москву.

Вчера приехал с Калининского фронта Байдуков. Командир штурмовой дивизии. Уламывал его написать в новогодний номер.

— О чем?

— «Штурмовики летят в Новый год»

— Нет.

— Тебе надо обязательно выступить. Вас, старых героев, все потеряли.

— Заезжай чай пить — тогда напишу.

(Я обещал).

— Посылают меня на курсы усовершенствования при ВВА. Думаю — отлынить.

Звонил мне на днях Анатолий Дмитриевич Алексеев, смеется:

— Колхозник Ферапонт Головатый внес 100 000 р. на самолет. Вот он герой. А я — герой — едва 500 рублей наскребу.

Прошел слух, что один летчик вернулся пешком из-под Берлина. Я позвонил Шевелеву, нач. штаба АДД.

— Треп! Но похож на правду. Помнишь, как-то писали, что два экипажа не вернулись? Оба летчика пришли, одному-то было недалеко, а второй из-под Варшавы. Ехал поездом, в угольных вагонах (я, говорит, потом счет Гитлеру за проезд пошлю). Изредка вылезал, подхарчиться в селах, попросить корочки. Вылазит однажды — в поле мужички.

— Что это?

— Острогожск.

— Незнакомое название. А что рядом?

— Коротояк.

— А, это знаю, венгров тут бомбил.

Подался к Дону, переплыл, уже ледок. Крестьяне сказали, что за Петропавловку (напротив Коротояка, на левом берегу) идет бой. В чьих руках село? Лег нагишом в канаву, дрожит. Ночь Идет мимо солдат в шинели, каске, с автоматом. Кто его знает чей. Лежит. Слышит рядом голоса. Прислушивается. И вдруг доносится: «Опять, еби его мать, кашу прислали!» Фффуу, бесспорно свои! Подождал, пока загрохал котелок (есть — не убьет с перепуга без спроса), выскочил: «Я русский летчик, веди к командиру!». Пехотинец сначала перепугался, а потом услышал «веди», приосанился, повел.

Ошибки нас преследовали. 24 декабря в дневном сообщении Совинформбюро напечатали (грохнули тысяч 200)

«…однако неизвестно, что гитлеровцы с истиной не в ладах…»

Сегодня перепутали заголовок и вместо «Анкарский судебный произвол» дали «Анкарский судебный процесс». Напечатали 5000, ломали.

ЦК вынес суровое решение по ошибке от 15 декабря (по ЧелябГЭС) и об 24 декабря. Записали нам, что это беспорядок, предожили навести порядок, сообщить и наказать виновных. Сегодня было заседание редколлегии. Старшему корректору Полонскому объявлен строгий выговор с предупреждением, корректорам Шаровой и Гришиной — строгие выговоры. За безответственное отношение к сверке документов (по сегодняшнему случаю) Волчанской — выговор, считывающему с ней Хандрсу — на вид, Гершбергу — за Челябу — указать, Штейнгарцу — выговор.

Введен по предложению ЦК порядок: дежурные члены редколлегии и редактор читают материалы не только в полосе, не только в подписанной полосе, но и с барабана, и по выходе — весь номер. У-у-хх!

28 декабря.

Сегодня был у Байдукова. Когда приехал — сидел у него полковник Геллер и какой-то капитан. Была и Женя — жена Егора, она напоила чаем с печеньем и скоро ушла спать. Геллер и капитан тоже быстро ушли. Мы с Егором просидели часов до 2-х ночи.

Внешне Байдуков изменился. Раньше он всегда выглядел очень моложаво. Сейчас он — своих лет. Потяжелел, обрюзг. Одет

в военную форму, на груди ордена, кроме прежних (Ленин, Звезды и Знамени) на правой груди «Отечественной войны». Знаки полковника.

— Что же, не представляют тебя к генералу?

— Нет, рано. Да и что я — я ведь гражданский человек, летчик-испытатель, пошел на войну по долгу гражданина. Кончится баталия опять уйду на завод.

Много и откровенно он говорил про войну. О промахах наших под Ржевом, о потерях, о недооценке противника. Искренне восхищался работой штурмовиков. Ласково, но язвительно, отзывался о Громове — хорошем летчике, но никаком начальнике. О качествах штурмовиков я распространятся тут не буду, об этом Егор написал достаточно в совей статье (см. «Правду» от января 1943 г.), рассказывал он о «Харрикайнах».

«Прилетел как-то к нам полк „Харриков“ — 157-ой, 18 машин из Ленинграда. Командир — майор Андреев. Докладывает: прибыли машины в Ваше распоряжение, личный состав обратно. Я говорю:

— Документы!

— Чьи?

— Ваши. (Дает.)

— Еще есть какие?

Дает. Кладу в карман:

— Останетесь здесь.

Он взмолился:

— Т. полковник, я же ленинградец!

— Ничего, будете здесь драться. Давайте условимся: собьете 45 машин полетите обратно.

Ладно, договорились. А немцы в эту пору нам жить не давали. Особенно повадились на этот аэродром. Ребята молодые. Чтобы не очень скучали, я к ним переехал. За два месяца сбили 42, а больше — нет и нет. Скучает Андреев. И вот раз — налет на немецкий аэродром. Шпокнули еще 13. Обязательство сделано! Ну что же, езжайте. Поехали. Погрузили 11 машин (в начале было 18). Хорошие истребители, можно работать».

— А самому летать приходилось?

— Нет, это нам запрещено. Один раз попробовал, так потом такой нагоняй устроили — жизни не рад был. А так, все прелести — к нашим услугам. Вот раз под классическую бомбежку с адъютантом попал. На аэродром налетели. Легли. Бомбы рвались в 10–15 шагах. Ничего, отряхнулись.

— Чье превосходство в воздухе?

— У нас на участке — бесспорно, наше.

— Немцы: молоды, юнцы?

— Юнцов не видел. Сбивали часто — офицеры, с крестами, опытный народ. Правда, и они иной раз ошибаются. Наша пехота никак не могла взять одну деревушку на горке. И вот, смотрим: идет около 20 Юнкерсов. Мы подняли своих истребителей и сразу дали приказ не драться, т. к. немцы начали бомбить собственные позиции. Аккуратно, по-немецки. Ушли Юнкерсы, пехота поднялась и тихо, деликатно заняла деревню. Жертв — почти нет.

— Ну, а как штурмовики против танков?

— Работают. Только не РС'ами, а бомбами с мгновенными взрывателями. А РС'сами мы запретили пользоваться. Не берут. Но эти бомбы — любо-дорого.

— А как Мих. Мих. командует?

— (Смеется) Ну какой он командующий. И тут остался спортсменом. А Конева он боялся, ходил просто бледный. Я его никогда таким не видал. Конев и на меня было взъелся. Вообще, мужик серьезный, людей «бьет» прямо в морду. Ну я его обрезал. Ничего, обалдел, отошел, даже сесть предложил, хотя у него никто не сидит, и для посетителей даже стульев нет в кабинете.

— А как действуют наши истребители?

— Как. Вот тебе ответ. Недавно Мих. Мих. сказал: «Слава Богу, погода плохая». Есть молодежь, драться не умеет, летает плохо, но смелые!

— Ну а машины наши?

— Не хуже немецких, а лучше.

Написал он нам статью о штурмовиках, а сам поехал на высшие курсы комсостава при ВВА на месяц.

1943 год

1 января

Вот и Новый Год. Встретил его дома с Зиной. Чуть выпили. Потом позвонил Гершбергу. Подошли к нему — у него Калашников с женой. Потом подошли Верховцев, Мержанов. Посидели часиков до 5.

Перед этим было много разговоров о том, где встречать. Хотели было в ЦДРИ, но там, оказывается, надо было сдавать обеденные талоны за 30 и 31 декабря и вносить по 500 руб. с пары. В клубе моряков — только для своих. В клубе летчиков — ничего. Плюнули, решили дома.

По случаю Нового года осадное положение приказом коменданта города в ночь с 31 на 1 было в Москве снято.

5 января.

Сиволобов рассказывает о своей поездке на Юго-Западный фронт:

— Майор Федоров? Знаю, как же. Спали на одних воротах.

— ?!

— Ну да. В избе — пол земляной. Так мы сняли ворота, втащили их в избу и спали на них.

Рассказал он занятную историю из своей последней поездке к партизанам Витебской области. Был у нас один партизан. Увидел у меня зажигалку.

— У… у меня их много было, да все раздарил

В другой раз через недельку, примерно, вспомнил о зажигалках и говорит:

— У…много их было, да на хлеб поменял.

Показалось подозрительным. Вот мы едем с комиссаром отряда в другой отряд и не сговариваясь поворачиваемся друг к другу и говорим: «подозрительно». Решили вернуться. Взяли его, повели выяснять. А тут один партизан — татарин — навстречу попался, увидел его, побледнел даже: «Да он, сукин сын, нас допрашивал в немецком лагере под Витебском!»

Оказался — провокатор. Кокнули.

15 января.

За последние дни несколько раз звонил т. Сталин. Нажимал с выходом газеты. Пару дней назад, например, позвонил Поскребышев:

— Когда выйдет?

— В 7:30.

Ровно в 7:30 позвонил Хозяин.

— Вышла?

— Вышла.

Под Новый год позвонил:

— Когда выйдет?

Поспелов объясняет, что много официального позднего материала (шло коммюнике об итогах 6-ти недельного наступления под Сталинградом), набор, сверка…

— Я это сам знаю. Когда выйдет, я спрашиваю?!

Как-то на днях мы не дали одной официальной иностранной телеграммы. Небольшой и, на наш взгляд, незначительной. Тесно было. На следующий день позвонил Сталин и предложил ее напечатать.

17 января

За последнее время по всей стране перекатывается сбор средств на танки и самолеты. Дело потянулось большое. В редакции собрали тысяч 80. Я подписался на 1500 р. Послали рапорт Сталину, ответил, напечатали.

Наступление наше развивается повсюду. Немцев щелкают каждый раз в новом месте. С Кавказа они бегут, боясь, что мы выйдем к Ростову и устроим им большой котел. Бегут так, что мы еле-еле догоняем.

19 января.

Горе из Коминтерна сделал очень умный доклад о международном положении для актива редакции. Горе считает: 1). Гитлеру не удастся собрать силы для контрудара, 2) Начался распад вассалов, 3) Кончается период саботажа второго фронта и действий в Африке со стороны наших союзников.

20 января.

Сегодня уехала Зина обратно в Омск. Многие уже перевозят свои семьи, но я пока не хочу. Мотивов несколько: холодно, голодно, немцы все же недалеко (восточнее Гжатска), могут бомбить.

С топливом в Москве тяжко. В редакции в последние дня 6–7 градусов, работаем в шинелях и пальто. Мержанов даже правит в перчатках. Дома около 7° — это у меня. В нашем доме на Беговой — 0–2°. Многие дома в Москве совсем не отапливаются. Люди ставят буржуйки (такая, например, у Гершберга), топят заборами, палисадниками. Появилось разнообразие систем: кирпичные, чугунные, двухъярусные и пр. На улице последнюю неделю 25–30° мороза. Тяжело и со светом. Все дома посажены на жесткий лимит. Мне принесли сначала на 9 гектоватт в сутки (на 4 комнаты). После домогательств увеличили до 14. Еле-еле хватает на 16–25 свечную лампу на 3–4 часа света в сутки. У нас не горит свет в ванной, кухне, уборной — и то еле-еле влазим (лампочки перегорели, а новых не продают), в типографии лампочки воруют,

поэтому по окончании номера их вывинчивают со столов толлера. За пережог москвичами лимита — штраф в 10-ти кратном размере и выключают окончательно. Сейчас еще добавилось выключение группы наших домов на 2–3 часа в сутки (с 6 до 8–9 утра). Так и повсюду в Москве. Так как в котельной морозы, то это сказывается и на топке. Бррр!!

Тяжело и с харчем. Когда была здесь Зина, я ужин (паек с 208 базы) получал домой, но все равно оба сидели полуголодные. Но это еще у нас! Иждивенцы по карточкам сейчас ничего не получают, кроме хлеба и соли. Служащим за январь выдали только по 300 гр. крупы, больше ничего, детям кое-что дают, но до 3-х лет.

Тем, кто обедает в столовой, вырезают из карточки талоны на мясо, жиры, крупу — почти целиком. Кормят же в столовой похабно. Зина обедала около месяца. В столовой ИТР: вода с капустой, на второе — как правило — картошка или каша. Раза два-три дали котлеты, пару раз — рыбу. Жена Миши Штиха работает в «Крокодиле» и питается в общей столовой. Меню: раз в день только первое (щи из пустой капусты), на другой день — щи и вареная картошка. В типографии появились случаи дистрофии.

Война есть война.

Местком достал и раздал картошки и муку (закупали в дальних колхозах). Раздали по 30 кг. картошки и по 10 кг. муки. Все сейчас этим и подкармливаются. Все жрут лук. В связи с недостатком витаминов большой популярностью пользуется в Москве чеснок.

30 января.

Наступление развивается. Прорвали блокаду Ленинграда по краю Ладожского озера. Ликование. Идет жестокая борьба за мгинский ж.д. узел — это дало бы ж.д. путь в Ленинград. Немцы сопротивляются озверело: бросают в один налет на один участок там по 50 Юнкерсов в сопровождении 50 истребителей.

Начал Брянский фронт. За три дня прорвались на 50 км и заняли свыше 200 селений. В районе Сталинграда: перебитие остатков окруженных дивизий заканчивается. Бои идут в Ворошиловграде — там держатся. С Кавказа немцы поспешно выбираются, оставили сегодня Майкоп, Тихорецк. Именно поэтому так держатся они у Луганска, чтобы сохранить ворота (ростовские) для выхода своих армий. Очевидно, основная цель у них сейчас: сохранить живую силу. В самой Германии объявлена тотальная мобилизация.

Пару раз мы слушали их передачи. Сводки их Верховного командования необычайно лапидарны и неконкретны: «тяжелые оборонительные бои», «превосходящие силы русских», «протекали

действия по планомерному сокращению фронта» и т. д. Голос диктора — унылый.

По-прежнему холодно. Правда, на улице потеплело — 18–20°. Но дома — не больше 9°. Сплю в свитере, накрываюсь поверх ватного одеяла пледом. Сегодня был в гостях — сидел в своем кожане, сверху меня закутали шалью, а на колени я набросил шинель. В комнате там, ну +4°.

Людмила Пожидаева, работающая в студии «Мультфильм», рассказывает, что у них там минус 2. Она — художница — работает так: в полном облачении (пальто, шляпа) закутывается в байковое одеяло, садится с ногами на стул, на руках — перчатки, с обрезанными кончиками пальцев, как у кондукторов трамвая, и так рисует. Дома у них установлена печка. Недавно она была где-то в гостях и принесла оттуда родителям подарок — 5 поленьев. До этого стопили ящики, старые стулья, кое-какие книги отца-профессора.

Вообще, печки расплодились. Уралов хвастается какой-то многоярусной. Был позавчера у Коккинаки, установил он буржуйку в коридоре и все живут вокруг нее. Тут мы и играли в преферанс, тут и все встречи. По дороге туда видел вечером, как у одного дома две девушки спиливают колья изгороди. Буржуйки установлены и кое-где у нас — в кабинете Ярославского, Поспелова, Ильичева.

Холодно и в театрах. Но полно. На первый акт раздеваются, в антракт одеваются и дальше сидят в шубах.

Кокки угостил меня ликером «Голубые глазки» (он же — по словам Спирина — «Синий платочек») — смесь спирта с глицерином, заливающаяся в механизмы шасси.

1 февраля

Вчера эффектно закончилась ликвидация Сталинградского окружения. 16 генералов, в том числе генерал-фельдмаршал фон-Паулюс, взяты в плен. Немцы сегодня вынуждены были признать, что окруженные войска кончились, но о плене, разумеется, молчат. Зато в мировой печати — бомба. Сегодня Вирта сообщил из Сталинграда подробности пленения Паулюса. Пока не даем, хотя специальным самолетом в Москву доставлены даже снимки 7 генералов.

Сегодня первый день ношения погонов. Москвичи ходят и засматривают, офицеры — горды. За Мержановым на улице бежали ребятишки и кричали «дядя, почему без погон» (у него — две шпалы).

Недавно мне пришлось писать передовую о танкистах, в связи с награждением Ротмистрова орденом Суворова. Он получил его за смелый, глубокий рейд почти под Батайо.

В связи с этим генерал-лейтенант Бирюков мне рассказывал:

— Это сам Сталине его наградил безо всякого нашего представления. И генерала Баданова за такой же рейд (захват Тацинской) тоже сам. И корпуса гвардейскими стали. Раньше т. Сталин часто нас спрашивал: «Неужели, у вас не найдется людей, которые отважатся действовать по тылам противника на собственной родной земле?» И вот — нашлись. Сила — в массированности, в кулаке. Знаете, как т. Сталин называет людей, которые раздергивают танки по бригадам и дивизиям по 5-10-15 штук? Он их называет «варварами».

6 февраля

Снова — крупная неприятность. 1 февраля мы напечатали два материала о том, как немецкие генералы под Сталинградом сдавались в плен. Дунаевского «Генералы сдаются в плен» и Григоренко «Сталинград сегодня».

В первом из них генерал фамильярно и панибратски беседует с полковником нашим, взявшим его в плен, во втором — наши пригласили генерала на вечер художественной самодеятельности.

Шум — гигантский. т. Сталин прочел и возмутился, назвал это либерально-заискивающим отношением к иностранцам, в том числе, — к врагам, назвав это «рабская психология». Вчера редакция получила строгое постановление ЦК, в котором помещение этих материалов расценено, как грубая политическая шибка, указано, что это свидетельствует о притуплении чувства партийности у работников редакции. Постановлением Дунаевский и Григоренко сняты с военкоров, как не отвечающие своему назначению, Поспелову поставлено на вид.

Вчера по этому поводу заседала редколлегия. Что решила — неизвестно. Члены ходят молча и таятся. Редактор мрачен, как туча.

15 февраля.

Сегодня днем немного постреляли. Это уже второй раз за последние несколько дней. Видимо, немцы боятся оживления на нашем центральном участке фронта и высматривают — нет ли движения и концентраций. Ходили, надо думать, разведчики.

Вчера был в цирке. Пошел посмотреть «Кио с 75 ассистентами». Народу битком. В фойе и у входа — не протолкнешься: «Нет ли билетика? Плачу 60 рублей за любое место». Мальчишки бойко торгуют из-под полы билетами. Понятно — Кио, да еще в воскресенье.

Встретил у входа Ильюшина, в полной генеральской форме, с сыном. Пошел на свои места — кто-то окликает из 3-го ряда — «Лазурька!». Гляжу — Папанин с женой. Он недавно вернулся из Мурманска и решил поглядеть иллюзиониста.

В антракте с Ильюшиным пошли курить. В курилке было тесно, стояли в коридоре («кури в рукав, как в церкви», — учил меня Сергей). Он мне рассказывал о своей работе: модернизировал Ил-4, скоро выйдет новая машинка.

— А Ил-4 для дневной сейчас пойдет?

— Днем?! (он засмеялся). Знаешь, недавно вызвал т. Сталин авиаторов и спрашивает: «На чем немцы днем бомбят? На „Юнкерсах“? А мы почему на Ил'ах не можем? Скорость у них поменьше, зато нагрузка больше, маневренность выше, огонь сильнее». И приказал создать дивизии дневных бомбардировщиков. Но ходить обязательно с прикрытием. Каждой дивизии Ил'ов — две дивизии истребителей.

— А новая будет хорошая?

— Ничего. Видишь ли, сейчас уже трудно ошарашить противника. Когда вышел Ил-2, штурмовик, это было неожиданностью для немцев: полная броня, РС'ы. А тут — не удивишь. Но машина хорошая.

— За тобой еще самолет-таран, помнишь идею Володи?

— Я не думаю его строить. Хотя он весь в голове готов. Кого таранить? Бомбардировщик? Лучше его сбить, дешевле. Истребителя? Тоже. Но если делать — нужно делать раздельно для того и другого. С крепкой, несокрушимой броней, молоток.

Когда возвращался на место — Папанин задержал: «Поедем обязательно ужинать ко мне». Я отнекивался — не могу, Мержанов болен (пошло кровохаркание) и т. д.

— Ничего, я сам из дома Поспелову позвоню. Обязательно надо со встречей раздавить.

В перерыв я позвонил в отдел. Ответила секретарша:

— А вас ищут со всех ног по всему городу. От Поспелова несколько раз звонили. Куда посылать машину?

Позвонил редактору.

— Лазарь Константинович, немедленно приезжайте на легкой ноге. Приятные вести.

Примчался. Папанин кричал вдогонку:

— Обязательно позвони и приезжай потом. Это, наверное, Ростов.

Только зашел к Поспелову, так и есть: «последний час» о Ростове, Ворошиловграде и Красном Сулине. Сел, написал передовую «Наши победы на юге». За три дня — две передовых (первая — «Могучие удары по врагу»).

Ошибка с генералами вызвала крупные последствия. В среду 10 февраля обсуждали это на бюро. Вынесли мне и Лазареву по выговору, Мержанову указание. 11 и 12-го было партсобрание. Докладывал Поспелов, потом выступало примерно 20 человек.

Досталось нам по первое число. Говорили и об ошибке, и о плохой работе отдела. Все единодушно заявляли, что Лазарев не справляется с работой и его нужно снять. Ильичев и Сиротин пытались было его защитить, но их энергично поправили. Взыскания нам утвердили.

Какой уж раз поскальзываюсь на чужом материале! Сейчас все гадаем останемся ли здесь («укрепить отдел»), переведут ли в другой отдел или пошлют на фронт спецкором. Последнее — самое лучшее.

Прилетел Григоренко, мы его вызвали. Летел в полной уверенности, что за орденом (операция закончилась, фронт ликвидировали, печатали много). Тем более, что на месте — представили. И вот… Ходит потерянный. Видимо, оба будут работать в выездных редакциях на заводах.

Начались реэвакуационные настроения. Гершберг еще в начале зимы перевез семью в Москву. (Наркомы и другие ответственные работники сделали это давно). Когда здесь была Зина (она прожила с 23 ноября до 20 января), мы договорились на весну. Сейчас многие хотят забрать: Калашников, Азизян, Гольденберг, Шатунов, Коссов и др. Подали заявку в Совнарком на выписку 50 семей. Молотов разрешил. Завтра в Главмилицию идет первый список на 14 семей. Я решил во вторую очередь — в апреле-мае. Холодно больно везти, да и в Москве и холодно и голодно.

25 февраля.

С огромным нетерпением все ждали 25-тилетия Красной Армии. Выступит Сталин или нет? Что скажет? Как оценит наступление? Действия союзников.

Под утро с 21 на 22-ое мы получили билеты на заседание. И сразу стало ясно: торжество не в Кремле, а в Колонном доме Союзов. Значит, доклада Сталина не будет. А по окончании номера Поспелов сказал, что докладчик Ярославский.

Значит, во-первых — положение не такое ясное, чтобы требовалось выступление, во-вторых — видимо, рано раскрывать карты. («Сталину, если выступить, надо сказать что-то о международной обстановке, а — видимо — он этого не хочет сейчас, и о своих планах молчит» — говорит Гольденберг-Викторов).

Представляю, как разочаровались в мире дипломаты, в том числе — и наши союзники. Недаром, даже сегодня, 25 февраля, напечатана заметка сообщающая, что Рузвельт заявил, что еще не читал приказа Наркома от 23. Экая плохая связь! Вообще, в широких кругах отношения к союзникам за последнее время весьма ироническое.

Вечером 22.02 получили приказ Верховного Главнокомандующего. В нем три особенности: 1. Не переоценивать успехов и не недооценивать врага, 2. Никаких конкретных сроков и задач войны, 3. Ни слова о союзниках.

Наше наступление продолжается. Заняли Харьков, Павлоград, Красноград, Сумы. Все черкают карты, рисуют дальнейший ход ударов, каждый стал стратегом, прикидывают: «а куда отсюда ударят?» Это — всюду.

Но за последние дни отпор немцев усилился. На юге (в Краснодарском крае, в Ростовской области) началась оттепель, дожди, все раскисло, наступать трудно. На юго-западном и у нас — плохая погода. Таким образом, почти всюду авиация действует мало и помогает мало. А самое бы время!

Да и немцы собрались, видимо, с силами и темп наступления замедлился. Как сообщает сводка, в районе Красноармейское наши части непрерывно отбивают контратаки, иной раз немцы даже «вклиниваются».

Все ждут Орла. Сегодня говорил по телефону с Мих. Сиволобовым, посланным туда. Он сказал:

— Тот город, о котором мы с тобой говорили перед отъездом, пока очень тяжел. С большим трудом мы прошли одни ворота (линию), но за ними — много дворов. Сейчас пасемся (прогрызаем).

Давно бьемся и с Новороссийском и за Мгинский узел (под Ленинградом) и окружаем 16-ую армию. Пока туго!

В сводке второй день нет занятых пунктов. Народ недоумевает, тревожится. Разбаловались, решили, что война уже кончилась.

ЦК вынес постановление о сокращении тиражей и периодичности газет. «Правда» не будет выходить по вторникам (таким образом, впервые с 1929 года у нас появится выходной — понедельник — с 1-го марта). Тираж наш сокращен с 1200 тыс. до 1 млн. Тираж «Известий» — с 500 до 400 тыс. Все областные газеты (за исключением «Лнгр. правды», «Моск. большевик» и «Вечорки») будут выходить 5 раз в неделю, все районные — 1 раз на двух полосках. Ряд газет и журналов закрывается. Аргументируется — острым недостатком бумаги. Подписано — Сталин.

Полевой рассказывал, как во время уличных боев в Великих Луках он пробирался на машине к городу. Навстречу идет парень в форме танкиста и несет сверток. Показалось — пьяный. Подошел:

— Товарищ командир, возьмите. Я, должно быть, помираю.

И упал. Подозвали санитаров, унесли. Потом узнавали —

выжил. А в свертке — девочка лет 3–4. Оказывается, раненый танкист, пробираясь по городу, увидел на набережной труп мальчика и плачущую девочку. Видимо, брат бежал с ней от немцев к нашим и был убит миной или снарядом. Танкист подобрал, вынес из боя, из города и вот — упал. Полевой доставил ее с санитаркой в Москву. Сразу пришлось ее положить в госпиталь — истощение, простуда. Месяц висела на волоске, выходили, особенно мать Полевого (врач). Об этом где-то у меня есть записка Полевого (в пачке переписки с корреспондентами).

Утром 23-го прилетел из Харькова Устинов. Летел три дня на «У-2», непогода. Рассказывает — горит. Разрушен так, что с трудом узнаешь. Населения много. Много переодетых офицеров. До сих пор (20-го улетел) вылавливают автоматчиков. Голод страшный.

Из Сталинграда приехали Куприн и Акульшин. Долго сидели у меня, рассказывали. Досталось им крепко. Акульшин обижался, что вычеркивали из его репортажей красоты.

— Война имеет и свою красоту. Вот когда, например, бомба упадает в воду. Такой великолепный столб — прямо загляденье. И потом — атолл, подымает песок, внутри и снаружи — вода. А как то при нас из 6-ти ствольного миномета залепили в 5-ти этажный дом. Недалеко. Он разом поднялся в воздух, как в кино. Красота! Мы смотрели зачарованные.

Зуев рассказывает забавную историю. Московские трамваи ходят совершенно отвратно. Их даже не ждут. Автобусов нет, троллейбусы редки. Зато в метро битком. И вот, Зуев как-то встретил на трамвайной остановке писателя Павла Нилина.

— Чего ждете?

— Трамвая.

— Куда?

— Еду в трамвайный парк делать доклад о текущем моменте и задачах производства. Вот и тема: жду час, опаздываю по их вине.

Получен негласный приказ: в кратчайший срок привести в порядок все химубежища в Москве. Толки. Гершберг, Мержанов считают, что немцы не пустят газы: Америка и Англия удушат их тогда. А по-моему: и пальцем не шевельнут, только писать будут без конца. Я попросил ребят привезти с фронта противогаз («или противогазов?» — пошутил Сиволобов). Причем, лучше — фрицовский, он на их газы предусмотрен (хотя наши не хуже).

Сегодня запломбировал зуб.

26 февраля.

Сегодня было заседание редколлегии. Куприн и Акульшин рассказывали о своей работе в Сталинграде. Излагали часа 2 с

половиной. Наиболее интересным был рассказ Акульшина о том, как взяли в плен фельдмаршала Паулюса. Сей рассказ существенно отличается от напечатанного у нас 4 февраля репортажа Вирты, причем — ребята клянутся, что Вирта наврал всё.

Вот рассказ Акульшина:

— К концу месяца января бои в Сталинграде приняли такой широкий и жаркий характер, что командующий 64-ой армией генерал Шумилов жаловался, что у него в кармане (в резерве) осталась только 38-ая мотострелковая бригада. Но вскоре пришлось и ее вынуть из кармана.

Сломив несколько крупных узлов сопротивления, автоматчики бригады подошли к зданию универмага (недалеко от обкома, на площади). Этот дом за его форму называют «утюгом». О том, что там помещается штаб Паулюса никто не подозревал. Паулюса искали на вокзале — не нашли, в здании обкома — нету. И универмаг приняли за обычный дом и решили захватить его обычной штурмовой группой.

Утром 31 января к дому подобралось 32 наших автоматчика. С ними был какой-то прибалтийский немец, частенько выполнявший обязанности переводчика. Подобравшись поближе, командир группы — капитан — приказал немцу: «Кричи: сдавайтесь! Вы окружены!»

Тот закричал. На шум вышел немецкий офицер и спросил: нет ли тут русских офицеров, с которыми он мог бы поговорить. Пошли трое: капитан и два старших лейтенанта. Офицер попросил их следовать за собой. Они вошли во двор и крякнули: там находилось несколько тысяч солдат, с минометами, пулеметами и прочим. Зашли в подвал. Затем офицер вышел и сказал, что генерал их принять не может, а хочет поговорить только с представителем генерала Рокоссовского.

— Есть такой представитель?

— Есть, сейчас вызовем.

Командиры вышли, снеслись со штабом бригады. Штаб Паулюса здесь! Но нельзя же было тянуть время. К ним примчался зам командира бригады по политчасти подполковник Леонид Абович Винокур, бывший до войны инструктором Куйбышевского райкома Москвы. Подбросили еще немного автоматчиков, а у здания обкома поставили единственную пушку, имевшуюся на лицо. Винокур был в куртке и знаков различия не видно. Винокур вошел в подвал. В первой комнате полно генералов и полковников. Они крикнули «Хайль», он ответил «Хайль». К нему подошел адъютант Паулюса и заявил, что с ним будет беседовать по поручению фельдмаршала генерал-майор

Раске. Вышел Раске и представился:

— Командир 71-ой пехотной дивизии, ныне командующий группой войск (окруженной западнее центральной части Сталинграда) генерал-майор Раске. Уполномочены ли Вы вести переговоры? Кого Вы представляете?

— Подполковник Винокур. Да, уполномочен. Политическое управление Донского фронта.

— Прошу иметь в виду, что то, что я буду говорить — представляет мое личное мнение, т. к. фельдмаршал Паулюс передал командование войсками мне.

— Фельдмаршал? Позвольте, но господин Паулюс, насколько мне известно, генерал-полковник!

— Сегодня мы получили радиограмму о том, что фюрер присвоил ему звание фельдмаршала, а мне — полковнику — генерал-майора. (за точность последней фразы о Раске не ручаюсь — Л.Б.)

— Ах, вот как! Разрешите поздравить господина Паулюса с новым званием.

Беседа стала менее официальной.

— Гарантируете ли вы жизнь и неприкосновенность фельдмаршала?

— О, да, безусловно!

— Если нет — то мы можем сопротивляться. У нас есть силы, дом заминирован и, в крайнем случае, мы все готовы погибнуть, как солдаты.

— Дело ваше. Вы окружены. На дом направлено 50 пушек, 34 миномета, вокруг 5000 отборных автоматчиков. Если вы не сложите оружия — я сейчас выйду, отдам приказание и вы будете немедленно уничтожены. Зачем же напрасное кровопролитие?

— А есть ли у Вас письменные полномочия?

Винокур на мгновение опешил. Конечно, у него не было ничего. Но, не подавая виду, он ответил:

— Удивлен Вашим вопросом. Когда вы мне сказали, что вы Раске, что стали генерал-майором, а не полковником, что командуете группой — я не спрашивал у Вас документов. Я верил слову солдата.

— О, верю, господин подполковник. А на каких условиях мы должны сложить оружие? (он ни разу не сказал «сдаться» или «сдаться в плен»).

Винокур опять призадумался, а потом нашелся.

— Ведь вы читали наш ультиматум?

— Да

— Условия, следовательно, известны.

— Гут! Гут!

— Тогда приступим к делу.

— Разрешите написать прощальный приказ войскам.

В это время вошел начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт и сказал, что фельдмаршал хотел бы повидаться с представителем генерала Рокоссовского.

Винокур отправился в соседнюю секцию подвала. Паулюс поднялся навстречу из-за стола. Он был высок, мрачен и небрит.

— Хайль!

— Хайль!

— Гарантируете ли вы судьбу и жизнь нашим солдатам и офицерам, в том числе и раненым?

— Да.

— Я прошу не задавать мне никаких вопросов, связанных с этой процедурой, т. к. командование группой я уже несколько дней назад передал Раске (хитер, бестия!)

Винокур вышел. Приказ уже был готов. По просьбе Винокура, его написали в двух экземплярах: один он положил в карман. Состоял приказ из 4-х пунктов:

1. Голод и холод изнурили германскую армию под Сталинградом. Измена некоторых частей усугубила тяжелое положение. Поэтому командование решило и предлагает войскам сложить оружие.

2. Офицерам сохраняются личные вещи, ордена и холодное оружие. Гарантируется жизнь и возвращение по окончании войны на родину или в другую страну.

3. То же о солдатах, кроме оружия

4. Немецкие солдаты и офицеры под Сталинградом выполнили свой долг и приказ фюрера. Всему личному составу объявляется за это благодарность.

Приказ заканчивается словами «с нами Бог, с нами Господь!»

В это время прибыл из штаба 64-ой армии генерал-майор. Винокур доложил ему о ходе переговоров. Он прочел приказ и заявил:

— С пунктом вторым я не согласен. Холодное оружие — вычеркните. Это вам предлагали три недели назад до боев, не захотели — пеняйте на себя!

Раске покривился, но вычеркнул. Началась процедура сдачи оружия. затем вызвали грузовики и начали грузить личные вещи генералитета. Приказ передали войскам по телефону. Солдаты и офицеры во дворе построились. Вышел Паулюс и генералы. Зачли приказ, Паулюс обнял и расцеловал некоторых генералов и в том числе одного автоматчика. Наши поинтересовались — а чем вызвана такая нежность? Оказывается, он убил 79 русских. Наши заприметили этого убийцу.

Генералов увезли на машинах в штаб дивизии, потом в штаб армии. Начали выводить солдат со двора. Их там было более 3000 человек, в том числе около 700 офицеров. А наших автоматчиков к концу едва набралось до сотни!

Как быстро мы начинаем восстанавливать отбитые районы. Еще неделю назад в Донбасс выехала правительственная комиссия по восстановлению шахт, а до этого было отправлено два или три эшелона с рабочими и подмосковного бассейна.

Сегодня Гершберг сказал, что принято решение восстановить Сталинградский тракторный завод. Обследование показало, что там сохранились около 4000 станков и прилично сохранился силовой цех. «Через пару месяцев, уверен, завод уже будет ремонтировать танки».

Все наркоматы и заводы усиленно вызывают в Москву жен. На днях СНК принял постановление об улучшении снабжения ответработников наркоматов. Им будет даваться кроме литерного обеда еще сухой паек (в размере рабочей карточки) и ужин (в таком же объеме). Хотим приравняться!

5 марта.

Трудно аккуратно вести дневник. Сижу один в отделе: Коссов еще в ноябре уехал в выездную редакцию в Свердловск на стройку электростанции (этих выездных у нас за время войны развилось видимо-невидимо: на авиазавод в Куйбышеве, на завод?24 в Москве, на шахтах Кузбасса и в Подмоск. бассейне, в Горьком и т. д.) Мержанов начал кровохаркать и лег в санаторий. Золин поехал на прорыв блокады в Ленинград, участвовал в танковой атаке, заменил артиллериста, разорвался снаряд в башне, два осколка в руку, перебита лучевая кость, пролежит два месяца в госпитале (об этом см. в «Правдисте»). Вот и остался один, даже писать никуда некогда, хотя каждый день звонят из Информбюро и радио.

За последнее время газетчиков вообще начали пулять. Позавчера «Красная Звезда» дала некролог о Сашке Анохине — 27 февраля погиб на фронте: прямое попадание бомбы в машину, 28.02 похоронен с воинскими почестями на фронте. Вчера «Красный Флот» дал некролог о Мацевиче — погиб на Северном флоте. На днях прибыл в Москву Илья Бачелис — эстет и балетоман. Поехал от «Известий» на ЮЗФ, пошел с танковым корпусом в Красноармейское, немцы ударили, еле выполз на животе с группой, ранен осколком снаряда в правую руку (в ладонь).

Позавчера, после значительного перерыва был снова «последний час»: взятие Ржева. Судя по последним сводкам, наступление там развивается успешно. А вот на левом фланге

Западного фронта (район Сухиничи) 10-ая и 16-ая армии тыркаются уже несколько дней, а результатов пока нет. В Донбассе немцы перешли в контрнаступление. По их сообщениям (сводки Ставки) они отбили за последние дни Красноармейск, Павлоград, Краматорскую, Лобовую, Барвенково, Изюм, сегодня они сообщили о Лисичанске и об «окружении советской армии южнее Харькова». Судя по тому, что из наших сводок исчезли Краматорская и Красноармейское — доля истины в этом есть. Но война — есть война, и она не кончена.

28 февраля мы получили сообщение о новых гвардейских кораблях. Позвонил мне вечером Ильичев:

— Ты единственный сейчас моряк. Пиши передовую.

Позвонил я адмиралу Кузнецову.

— Что хотите видеть в передовой?

— Да так трудно тебе сразу сказать. Дай подумать.

Я позвонил начальнику ПУ генерал-лейтенанту Рогову. Кое-что выжал из него о задачах. «Основная — корабли, а не авиация и пехота».

Сел, написал. По просьбе Кузнецова послал ему на просмотр. Но документы не пришли и передовую мы отложили (идет только сегодня, на 6 марта). Позовнил ему «В целом хорошо, но есть небольшие замечания. Приезжайте ко мне. Можете?» Договорились на полночь с 2.03 на 3.03. Приехал. Встретил у ворот его адъютант. Вошли в дом. А Кузнецова нет — вызвали в ставку. Зашел к Рогову. Показал, одобрил, стали вообще разговаривать. Сидели часа два.

— Верно ли, что за время войны вы потопили много?

— Да, больше 500 — это боевых и вспомогательных судов. Одних боевых же около 130.

— Выкладывайте задачи для передовой.

— Воспитание стойкости. Мы передали армии (в морскую пехоту) сотни тысяч моряков. Пришли на их место молодые. Что такое стойкость — они не знают. Не знают и многие командиры. А ведь на море характер борьбы, что в обороне, что в наступлении — почти неизменен.

— Так, еще!

Не находит. Я подсказываю: овладение техникой, плавать в любую погоду, передавать опыт.

— Совершенно верно. Вот хорошо бы показать трудности одних и других. Балтийцы, скажем, подлинные молодцы. Были в Таллинне, перебазировались в Кронштадт, затем в Неву, устье реки простреливается, приходится даже лодкам идти под обстрелом, а действуют. Черноморцы — сколько баз сменили: Одесса, Севастополь, Новороссийск, Сочи, Поти. А Северный —

все на одном месте. И действовать легче: попробуй-ка заминировать просторы и глубины Севера.

— Надо бы показать наш большой флот. Линкоры, крейсера…

— Н-да. Не время. Да и на чем покажете? Вот «Марат». Стоит полу-затоплен, а стреляет. Моряки смотрят, рыдают. Ничего, после войны поднимем. Вообще, много можно будет после войны писать…

И он рассказывает мне три замечательных случая:

1). В Финском заливе крейсер «Киров» был атакован немецкими лодками. Одна торпеда попала, но не в жизненное место. Шла вторая, деваться некуда. Еще несколько секунд и хана. Тогда выскочил вперед эсминец «Карл Маркс» и подставил под торпеду свой борт. Взрыв, затонул. Но «Киров» спас. На эсминце 250 человек, на крейсере — больше 1000. Государственное самопожертвование!

2). Лодка под командованием Героя Советского Союза Колышкина была повреждена у вражеских берегов. Ни погрузиться, ни плыть. Экипаж решил взорваться с лодкой. Дали об этом шифровку в штаб. Рядом была, оказывается, (они не знали) другая лодка. Штаб предложил ей снять людей с аварийного корабля. Подошла. Не тут-то было. Отказались наотрез. Потребовалось три категорических приказа штаба, чтобы покинули лодку. Вот привязанность к кораблю!

3). Небольшой корабль (кажется, тральщик) на севере был поврежден не то бомбежкой, не то миной. Отвалилась корма. Командир с частью экипажа покинул судно. 12 человек отказались сойти. Долго плавали и потонули с пением «Варяга». Командир — расстрелян.

Я напомнил ему о торговом корабле, который в начале войны при бомбежке и пожаре (на Балтике) также был покинут командованием, а несколько мальчиков остались, погасили пожар и привели корабль в Ленинград; об этом был приказ Сталина. Потом рассказал ему (рассказывала мне еще в Валуйках В.Василевская) о моряках Днепровской флотилии, которых немцы голых вели зимой по Киеву на расстрел, а они пели «Раскинулось море широко).

— А пока пишите о тральщиках. Вот герои — настоящие труженики моря. Сами не воюют, а все делают для других. После войны они еще лет 20 воевать будут — расчищать моря.

Много говорили о газетчиках и газете. Жаловался на „Красный Флот“, скучен. Сказал, что посадит туда зам. редактора Плеско. Спросил мое мнение о нем. Вообще, видно, интересуется газетами.

— Много вашего народа в Севастополе погибло. Не у

партизан ли? Нет. С ними связь хорошая, воздухом. Мы специально посылали туда трех инструкторов Политуправления — выяснить, кто остался. Там только краснофлотцы, средние командиры. А Хамадан ваш, Галышев из „Известий“ и другие погибли бесспорно. Хорошие были ребята!

Спросил моего мнения о морских писателях. Я сказал, что большинство халтурщики, причалившие к флоту от воинской повинности. Он вполне согласился.

Погиб дважды герой Григорий Кравченко. Был командиром дивизии истребителей. Кокки рассказал, как было:

— Полетел сам на операцию. На „Ла-5“. Подбили, загорелся. Выпрыгнул, парашют не раскрылся. Всё. Потом выяснилось, что пуля перебила стропы.

Хоронили на Красной площади.

Вчера слушал любопытный разговор по телефону. Девушка (имя ее Мила) говорила парню о своей любви, пеняла на его темперамент и заявила:

— А у меня, знаешь, какое чувство! Вот если бы было так, ну, одним словом, как у Хемингуэя в его книге „Прощай оружие“ — помнишь? — вот если бы так случилось с тобой, так я все равно, ну словом, мое чувство все равно осталось бы прежним. А у тебя?

Да! В свое время Информбюро сообщило, что наша подлодка на севере торпедировала германский линкор „Тирпиц“. Потом среди подводников было много разговоров о том, что это липа. Немцы опровергали. Я спросил Рогова: „Где же истина?“

— Торпедировали, бесспорно. Это подтвердила потом агентурная разведка и известно, что он полтора месяца ремонтировался в доках (сейчас, конечно, уже давно починен) Но вот, что интересно. Командир лодки и команда утверждают, что выпустили две торпеды и слышали два взрыва. А заплата и все сведения говорят об одном попадании. И сейчас выясняется, что вторую торпеду принял на себя линкор их охраны, подставивший свой борт. Сейчас проверяем.

7 марта.

Вчера, выходя из Кремлевки, встретил Костикова. В генеральской форме, я его сразу даже не узнал. Я искал машину. Он предложил подвезти. Я сказал, что будет шофер ждать.

— А машин у Вас много?

— Нет.

— (смеется) Я бы Вам дал. Но могу только вместе с „Катюшей“. Других нет.

Я напомнил ему об обещании показать нам полигон в действии.

— Обязательно. Позвоните мне числа 15-го. Поедем. Там

увидите новое хозяйство и старое. Полный фейерверк. Собирался я все заехать к вам с летчиком-испытателем стратоплана. Да он еще не приехал. Летал опять несколько раз. Молодец! А его помощник разбился — на „Кобре“.

— Это даже обидная смерть.

Сегодня был у меня любопытнейший старче. 53 года, высок, здоров, крепок. Бывший партизан, гренадер, с 1920 г. в партии. Директор живсовхоза в Моршанске. Вырастил 4 своих, 4 приемных сына, 7 дочерей. Все сыны — воюют, живы. Сам едет восстанавливать птицесовоз в Ейске. Недавно внес 11 000 рублей на танк. Ввели в семью трехлетнего сироту. „Напишите обо всем, чтобы сыны еще лучше дрались“.

12 марта.

Один день. Хочу подробно записать все, что случилось за этот день и как он прошел.

Номер кончили сравнительно рано, около 6:30. Пришел домой, поговорил с Дмитрием. Лег, почитал „Прощай оружие“ Хемингуэя. Любопытно читать его во время войны — как все острее и ближе. Очень много общего, не в событиях, а в звучании что ли. На днях прочел его „Фиесту“ и „Возвращение“ Ремарка — те же ощущения.

Уснул в 8:30 утра. Встал в 5 часов вечера. Позавтракал дома, чайная колбаса, хлеб, чай. (Колбасу купил в паек с кремлевской базы. Съел сантиметра три). Зашел в парикмахерскую, побрился. Мыло какое-то новое жидкое, с эссенцией для запаха, быстро сохнет и стягивает кожу. Одеколон. Все вместе — 4р50 коп.

В 7 был у себя в кабинете. Занялся подправкой номера. Позвонил Верховцев: не написал ли я передовую? (о мастерстве командиров). Нет, некогда было.

Зашел Дунаевский. Он вчера прилетел с Юго-Западного фронта. Его сняли с военкоров. Внешне держится молодцом.

— Жаль, мы так хорошо сработались с Рудневым.

Верно, они давали в последнее время хорошие вещи, мы печатали их уже за подписью одного Руднева. Дунаевский отпустил усы. Это теперь мода, усы носит и Полевой. Много их и в армии (особые — у гвардейцев).

Позже пришел Лидов. Как всегда подтянутый, молодой, стройный. Он прилетел вместе с Дунаевским с ЮЗФ. Те части, которые вырвались вперед (в Красноармейское, Павлоград, Красноград и др.) не вернулись, отрезаны, разбиты.

Вчера вечером я был в „Известиях“, видел там Бачелиса и Когана. Бачелис был с танковым корпусом в Красноармейском. Впервые попал на фронт (ехал в штатском даже) и сразу влип в горячее дело. Но держался, говорит Лидов, молодцом. Ему с

немногими удалось вырваться. Ранен осколком в кисть правой руки. Благополучно, писать будет. Носит на перевязи.

— Бьет по карману.

— А ты подтяни выше.

— Не то, писать не могу.

— Диктуй!

— Не умею…

Коган (быв. корреспондент „Советской Украины“, ныне военкор „Известий“, я с ним был на ЮЗФ и он, когда отступали из Калача, тащил мою „Эмку“ на буксире своей полуторки) говорит, что некоторые наши танки вырвались даже за Днепр. И кавалеристы, и еще кое кто.

— Похоже ли на наш драп в прошлом году?

— Нет. Организованный выход. И — самое главное — штаб все время знал, что делается. Сейчас все время подходя свежие части. Но в бой не вступают, занимают оборону. Будет очень плохо, если он возьмет Харьков.

— Да, будет очень плохо.

Лидов в эту поездку работал очень плохо. Почти ничего не давал, а то, что давал — либо плохо, либо политически неверно. Сейчас этим обескуражен. Меня только выслушивал, не оправдывался.

Зашел Вадим Кожевников. Собирается ехать под Вязьму. Рассказывает о темах очерков, советуется. Хочет написать о лесном бое (небольшой группы), о минной панике (вот возникло и новое слово, раньше появлялись, по ходу войны, слова „танкобоязнь“, „самолетобоязнь“). Рассказал: сидел в госпитале у какого-то врача, лежала собака, хорошая, ласковая. Послышался шум машины. Пес зарычал и к двери. Его схватили за ошейник.

— В чем дело?

— Она противотанковая. Вот удерживаем пока силой. Но все равно погибнет. Она — самоубийца.

Зашел Давид (брат). Поговорили в работе его. Сейчас он в своей спецгруппе занят расчетом перевода орудий на электромотор (повороты, поднятие ствола и т. д.)Кроме того, он расшифровывает немецкий оптический прицел к орудию. Вот только визирной головки у прицела нет. И на всех трофейных орудиях отсутствует. Один из инженеров помнит, что за месяц до войны в фотовитрине на Никольской он видел пушку с таким прицелом и головкой. Нельзя ли достать этот снимок? На Никольской — это, видимо, Союзфото. Я позвонил директору оного Серебренникову.

— Пусть зайдет. Поищем. Не ручаюсь. Вязьму даешь?

— Если сообщат — раз, если привезут снимки — два.

Ага, значит взяли, наконец. И действительно, в 10:30 вечера по радио сообщили „последний час“.

Около 11 вечера приехал на машине Миша Калашников. Оттуда. Был в Вязьме. Город разбит и сожжен в дым. Он встретил там Брагина: тот говорит, что Вязьма разрушена больше, чем Сталинград. Все дороги минированы, мосты взорваны. На пути от Гжатска до Вязьмы Калашников насчитал 14 взорванных мостов. Надо объезжать. На объездах — мины. „Кое-кто подорвался“. Бои, по его словам, были перед Вязьмой, а арьергардами. В общем, уходят, гады, быстро. Около станции в Вязьме есть свалка изломанных автомашин. Оставили там плакат на русском языке: „Совинформбюро. Вот ваши трофеи“. Вот стервецы!

— Жители-то есть?

— Да, но мало.

Ближе к полуночи приехал оттуда Оскар Курганов. Сначала натрепался, что прилетел, потом начал плести, что был в Вязьме, потом оказалось, что был в дивизии Питерса, бравшей город. Говорит, что бои были жаркие. У немцев было 8 дивизий, оставили на защиту три, пять увели. В общем, сокращают фронт действительно интенсивно. По подсчетам штаба это — по Западному фронту позволит высвободить им 35 дивизий, длина фронта тут сократиться почти вдвое. Где остановятся? Много об этом говорим. Вероятнее всего, на нашем старом Укреп Районе, в районе Ярцево-Смоленск. Действует ли авиация? Нет, ни наша, ни немецкая. Всех это интересует в штабе и частях. Наша, вероятно, на левом крае — в районе Сухиничи, где приходится грызть оборону немцев вот уж сколько времени. А немецкая — совсем непонятно.

Оскар написал очерк „Возвращение в Вязьму“, Михаил делал снимки. Оскар написал плохо — правил его больше часа. Сдал в четвертом часу утра. До этого сдал Цветова „Битва за Харьков“. Судя по корреспонденции, а также по сводкам информбюро — дело там плохо. Яша пишет, что город непрерывно бомбят, что на окраинах идет артстрельба. Я эти места выкинул. Немцы рвутся в город с трех сторон. Получили корр-ю Макаренко — бои в горах около Новороссийска. Тесним немцев там. Отложили пока: рано.

Обедал в 12 ночи. Первое — пустые щи из кислой капусты, второе кусочек мяса с картофельным пюре, третье — два маленьких мандарина, на закуску — с две чайные ложечки красной икры, два ломтика белого и два черного хлеба. Обед и завтрак — 7р.80к.

Звонил Ефимов из американского сектора Совинформбюро: почему давно не пишу для Америки? Некогда. Но как только будет время? Да-да.

Звонила Теумин — из нацсектора Информбюро: Почему не пишу? Некогда. Кстати, не можем ли мы дать о действиях литовской дивизии? Она дерется под Орлом, вступила прямо с марша и дерется отлично. Кто напишет? Могу поговорить с президентом — Палецкисом, он, кстати, сам журналист. Хорошо, посоветуюсь с Поспеловым, позвоните завтра ночью.

Ночью привезли с телефонного узла корреспонденции Полевого („В мертвом городе“ — о Белом, он летал туда) и Ерохина (зверства немцев в Новороссийске).

Зашел наш курьер Ксения Ефимовна Валялкина с разметочным номером. Я разметил за какую-то корреспонденцию 250 рублей.

— Три кило картошки, — сказала она. — Или 6 кружек молока.

В пять утра зашел к Гольденбергу. Что слышно?

Немцы сообщили о том, что 11-го оставили Вязьму (т. е. вчера). Идут бои на улицах Харькова (Неужели отдадим? Худо..) Два дня назад сообщили о том, что они начали крупное наступление западнее Курска. Подробностей пока нет. Бомбили Лондон (надо проверить противогазы).

В 5:45 кончили последнюю полосу. Зашел к Ильичеву, поторговался о завтрашнем дне, обменялись зубоврачебынми новостями (оба лечим зубы, мне вчера выдрали четвертый).

В 6:30 пошел домой. На улице тепло, днем таяло, сейчас иней. Принял ванну. Уходя из редакции съел завтрак (ужин беру с сухом виде, пайком, поэтому к концу номера ем завтрак) — ложки три рисовой каши с маслом и два кусочка селедки. Ел без хлеба, так как запас хлеба отдал Лидову — он без ужина и спит в соседнем кабинете, Оскар спит на диване в моем кабинете.

После ванны выпил 2 рюмки водки, поел семги из пайка (грамм 100), выпил чаю и лег. Почитал немного „Прощай оружие“. Хорошо. Уснул, опустив штору, в 9:30 утра.

Встал сегодня, 13 марта, в 5:30 вечера. Для ванны Митя Зуев дал крохотный кусочек хозяйственного мыла — я не получал мыла уже месяца 3–4. Сегодня он достал редкость: пачку иголок (по пропуску + 5 промтоварных единиц).

24 марта.

Прямо — заклятье какое-то! Никак не выберешь время сделать записи. Как встаешь — так и идет, идет петрушка, вертится колесо без конца. Писать перестал уже совсем, не пишу ни строки. Иной раз выберется свободная минута (длинной в 1,5–2 часа), мог бы написать, да рука не поднимается. Видимо устал очень.

На войне стало потише. Распутица дает себя знать. Наше

продвижение на Западном становится все медленнее, подходим к основным рубежам. На левом крае фронта (Запад), у Жиздры немцы 19-го попробовали начать наступление. Три дня бились, положили 7000 душ и 140 танков, но не продвинулись. Их было много больше, но не вышло. Вот бы так воевать с начала войны! Под Харьковом они взяли Белгород, но дальше двигаются улиткой. На Донце ничего не выходит у них. И сводки немецкие, которые в последнее время были кричащие, сейчас стали опять тихие, появилось словцо „Стабилизация“.

Сегодня Яша Гольденберг часиков в 5 утра зашел ко мне довольный.

— Ну что сообщают тебе твои мальчики? Я своими корреспондентами удовлетворен (его корреспонденты — НДП).

Он считает, что немцы сейчас усиленно готовятся к весне. И вопрос о ходе летней компании будет решен тем, кто раньше ударит и кто возьмет инициативу в руки.

О втором фронте и у нас, и в мировой печати все меньше и меньше разговоров. Народ начинает относиться к нашим союзникам все более недоверчиво. Ярко это почувствовал я, например, во время двух своих последних докладов о „Международном положении и текущем моменте“ (по заданию райкома). Первый из них делал дня три назад в трамвайном грузовом депо — для актива агитаторов, а второй — вчера в терапевтической больнице Октябрьского р-на. Хотя вопросов на эту тему и не задавали, но по тому, как слушали „союзную“ часть доклада, чувствовалось абсолютно точно, что союзникам не верят ни на грош.

За эти дни побывало у меня несколько фронтовиков.

Из Донбасса приехал Борис Горбатов. Много рассказывал о Ворошиловграде. Много он изучал, как жилось при немцах. Были там, конечно, всякие зверства, но были и семьи, которым немцы ничего не сделали. Но все в один голос говорят: „Больше под немцем не останемся. Будем бежать куда глаза глядят НЕЧЕМ ДЫШАТЬ!“

— За время войны я привык ко всему, — говорит Борис, — но чего не могу понять, это отношения немцев к детям. Вот тебе случай: в дом входит офицер. Требует самовар. Достает колбасу, шоколад, есть. Рядом стоит девочка 7–8 лет, смотрит, не отрываясь, на колбасу, голодна. Немец недовольно бурчит, кричит, чтобы ушла. Она стоит, смотрит, не просит, но смотрит. Тогда он отрывает кусок колбасы и бросает кошке. Садизм!

Рассказывал Борис о поведении населения, о неумении вести подпольную работу („делаем ее так, как будто партия большевиков никогда не была в подполье. Так, по крайней мере,

обстояло в Ворошиловграде“). Лучше всех, по общему мнению, проявили себя старики и подростки. Это — настоящие герои. Многие женщины жили с немцами и итальянцами, но в тоже время многие хорошенькие нарочно ходили замарашками, мазали грязью лица, чтобы не обращать на себя внимания немцев. Были предатели, и в то же время находились люди — беспартийные, комсомольцы, коммунисты — которым никто подпольной работы не поручал, но они вели ее, рискуя жизнью. Было довольно старост в селах, которые сохранили скот и имущество от грабежа, заявляя „ничего нет, все побито, вывезено“, сейчас они сеют полным ходом. В Ворошиловграде был какой-то пришлый комсомолец, он стал переводчиком и предупреждал людей о готовящихся арестах и прочем.

Заходил Шаров. Он — в танковом корпусе. Его перебрасывают на другой фронт, по пути зашел. Зашел разговор о бренности жизни на войне.

— Вот операция, продолжалась она ровно четыре минуты. Танкисты, веселый экипаж, сел в Т-34, пошел. Раздавил немецкую пушку, вторую, прошел через траншеи, подавил немцев, попал снаряд, загорелся, водитель привел обратно, уцелел только он, все остальные убиты.

Вчера вернулся из партизанского отряда Леша Коробов. Прилетел. Еще позавчера был под Киевом. Пробыл 50 дней в отряде Героя Советского Союза Ковпака. Проделал с ним рейд по 6 областям — 800 км. Рассказывает много, но и врет притом с три короба. Ковпака рисует, как батьку, дает очень колоритную фигуру. Басней надо считать, что за ним ходит стадо (сначала называл 7000 голов, потом 1500). Это же такая гиря! Но кое-что, видимо, не врет. Рассказывает, что немцы стали усиленно оберегать мосты. Партизаны обхаживали мост через реку Тетерев, Его защищали 2 батальона, 7 пушек, 40 станкачей. Пришлось выделить четыре батальона партизан, дать бой, отогнать немцев, и только после этого взорвать мост. Сам взрыв продолжался 5 часов, было мало толу и выбирали наиболее уязвимые места. Прав он, видимо, о связи. Отвратительная! Как-то отряд жестоко нуждался в снарядах и — особенно патронах. Усиленно просили по радио прислать. И вот приходит самолет, сбрасывает два огромных тюка. Нетерпение такое, что их не развязывают, а разрезают. Куча маленьких свертков, на каждом из них надпись „Подарок молодому партизану“. В свертке: несколько конвертов из срыва, бумага очень низкого качества, и плохенькие открытки с рисунками захудалых художников. И смех и грех! У партизан — прекрасные трофейные кожаные книжки, бельгийские конверты, итальянская бумага и т. п. Подарок — от какой-то московской

бумажной фабрики. Ковпак взял несколько свертков, завязал в пакет, написал на нем: „Молодому Строкачу от старых партизан“ (Строкач — нач. украинского партизанского штаба) и послал первым самолетом.

В отряде широко рассказывают, как Ковпак принимался т. Сталиным. Беседа длилась долго, на прощание Сталин обнял и расцеловал его и проводил до выхода из Кремля. Этим все партизаны страшно гордятся.

Когда мы вели наступление в Донбассе, взяли Красноград, Павлоград, Харьков — в тылу у немцев началась страшная паника. Особенно драпали итальянцы и румыны. Они бросали оружие, гранаты, меняли их на продукты. Мальчишки обзавелись автоматами, парабеллумами. Но итальянцы страшно боялись немцев, хотя и те драпали. Подбегая к деревне, они спрашивали „Немцев нет?“ и — если нет — входили, есть — обходили.

Коробов, по его словам, участвовал в разведках и операциях. В одной разведке подошел километров на 15 к Киеву, хотел пройти туда, но „откровенно говоря в последнюю минуту стало боязно: 99 % за то, что поймают и повесят“.

Местком занят заявками на коллективный огород. Записался. Участок дали где-то в 30 км. по Савеловской дороге.

Ребята рассказывают, что фотографа Колли на фронте называют „орденопросец“. Из этого же жанра: в Московском военторге продают нашивки за ранения, плакат на стене — „ранения — 1 р.40 коп метр“.

30 марта.

На войне — полная тишь, на всех участках „бои местного значения“, „поиск разведчиков“, „огневые налеты“ и т. п. Немного активизировались англичане: за неделю совершили два крупных налета на Берлин и начали шевелиться в Тунисе. Вообще, надо думать, на островах и в Новом Свете о войне совсем понемногу помнят. Сегодня мы смотрели летний № (за 1942) американского журнала „Лайф“. Голые бабы, огромный снимок „танцы в воде в купальных костюмах“, бокс, виды, да 2–3 снимка самолетов. Вот показывать вместо ответа на вопросы о втором фронте…

В Москве — весна. Почти месяц стояла чудная погода, солнечная. Потом, с недельку назад, немного похолодало. А два последних дня непрерывно идет нудный, холодный, мелкий осенний дождь.

26-го мне предложили написать в № передовую об авиации Дальнего действия (несколько дивизий и полков переименовали в гвардейские, дали 13-ти мальчикам Героев, наградили остальных). Созвонился с Шевелевым, поехал посоветоваться. В особняке, как обычно, тихо. Зашли к нему в кабинет. 6 телефонов,

небольшой стол, в углу — за ширмами и зеркальным шкафом — койка, буржуйка.

— Ты не смотри, Сан-Лазарь, тут у меня — как на Рудольфе.

Это было в день опубликования постановления о присвоении ему звания генерал-лейтенанта, и все его поздравляли. Звонили отовсюду. Он доволен страшно:

— Знаешь, Лазарь, если бы мне два года назад сказали, что я буду генерал-лейтенантом, — я бы послал куда подальше за насмешку.

— Знаешь, Марк, если бы мне два года назад сказали, что я буду сидеть в кресле, — я бы…

Посмеялись.

Занялись делом. Он много и с гордостью рассказывал о работе АДД.

— Не только по тылам. Нет, пожалуй, ни одной крупной операции, где бы мы не работали. И работаем крупно, массированно. В ВВС не всегда учитывают моральный фактор от силы удара: и на чужих и на своих. Когда идет много самолетов — они просто подымают свою пехоту от земли — вот, мол, дали ему, дожмем. И это — независимо от точности удара и произведенных разрушений. Ведь с переднего края результатов не видно. Так же и противник не знает, что у него делается в километре, но гром, взрывы, моторы, виз бомб делают свое громкое дело. А потом при массовости и поражений больше. Вот под Сталинградом немцы жаловались, что ни в одной лощине не могут спрятаться от бомб. Что же удивительного? Каждую ночь их утюжили по несколько сот самолетов, да мелкими бомбами. Ну ясно — везде попадет. В общем, на всех участках где мы наступаем и где… не наступаем — АДД работает.

— А потери у вас большие?

— Одна машина на 800 часов.

— Позволь, да это почти норма Гражданского ВФ в мирное время!

— Да, приближается. Урон от потери ориентировки исчисляется единицами, от нехватки горючего — тоже.

— Вам хорошо, у вас лучшие старые летчики.

— Ты не прав, это было раньше. Сейчас стариков много меньше, чем молодых. Часть убилась, часть отлеталась: моральный износ, нервы не выдерживают. Их места заняты молодыми. Но с ними работаем много. По приходе в часть он, прежде всего, направляется в школу повышения летной и штурманской квалификации, к Саше Белякову. Это — наш университет. Там он должен налетать на ДБ несколько десятков часов, в том числе — ночью и вслепую. Потом составляем экипаж

и с экипажем он слетывается 40 часов. После этого даем ему легонькое задание. Знаешь, как кошка приучает котят охотиться, притаскивая им полузадавленного мышонка. В совершенно ясную ночь даем цель, недалеко, без сильного огня. Летит, бомбит… Возвращается гордый, как будто бомбил Берлин. Первый вылет! Все у него, конечно, значительно: и обстреляли, и линию фронта пересек, и бомб легли в цель… Нужды нет, что они рвались по оврагам: человек растет. Месяца через три даем ему уже посерьезнее дела, а через полгода его можно пускать на настоящие операции.

— А в некоторых общевойсковых дивизиях я такой тщательной шлифовки молодых не встречал.

— Видишь ли, у них потери больше, поэтому и с людьми возятся меньше.

Заговорили в маневренности. Я сказал:

— Хочу об этом в передовую. Правильно ли будет сказать, что при маневре один самолет стоит троих, а без — три не стоят и одного?

— Абсолютно точно. Вот у англичан, у Гарриса, скажем условно, втрое больше самолетов, чем у нас, а делают втрое меньше нашего. А какие у них машины отличные. Да мы бы на таких ероплана…. Знаешь, как маневрируем? Иногда хозяин звонит: завтра надо помочь там-то. А это „там-то“ — за тысячи км. И помогаем.

— Но все-таки на стариках ездите? Они же вам традиции создают, молодежь воспитывают.

— Ну еще бы! Причем старики, как ты знаешь, у нас по своей прошлой работе — летчики гражданские и полярные. Я вообще считаю, что лучше всех воюют и войну выигрывают штатские люди.

— Это и Голованов считает.

— И правильно делает.

— Почему немцы не налетают на Москву, а вы на Берлин?

— Мы бы с превеликим удовольствием, но нет команды. А они — заняты передним краем. Вот станет потише на фронте, наверно опять будут налетать.

— Мне Журавлев жаловался: нет налетов — дисквалифицируются кадры. Тем паче много молодых, много девушек.

— Он абсолютно прав.

Мне надо было ехать. Прощаясь, я сказал:

— Вот после войны описать, что делалось в этом особняке.

— Да, это, брат, тема. Вот пока мы тут с тобой сидели, энское количество самолетов бомбило ж/д узел Орел, ж/д узел Гомель и

другие узлы. Несколько сот машин. Очень неспокойная ночь была у фрицев.

— Слушай, а что это за новые бомбы у англичан — 4 тн.?

— Это — вещь! Она квартала два должна разваливать. И не спрячешься засыплет обломками А в поле и в 100 м. — ничего, ну присыплет немного землей — и все. А в щели — и совсем тихо.

— А если прямое попадание?

— А тебе не все равно тогда: 4 тонны или 2,5 кг? Мне, например, безразлично!

Разговаривал недавно по телефону с Кургановым. Он звонил из штаба Западного фронта.

— Ты слышишь шум? Я говорю от связистов. Тут в репродуктор посты ВНОС передают с передовой: курс такой-то 8 „юнкерсов“, квадрат такой-то, курс такой-то — 3 „мессера“ и т. д.

Приехал Шаров из танкового корпуса Катукова. Не был в Москве несколько месяцев, пробыл несколько дней:

— Устал я от Москвы. Тут очень нервная обстановка, на фронте — куда спокойнее. И народ очень нервный. Преувеличено много говорят о продуктах и об еде, на фронте этого нет. Очень много бытовых дрязг, много всяких семейных трагедий… Нет, поеду завтра в часть.

28 марта мы получили разрешение печатать указы, международную и внутреннюю информацию петитом. Дает это в номер от 200 до 300 строк. В феврале еще сделали пробный полупетитный номер, т. Сталин написал на номере „согласен“.

Вчера из Чернолучья приехал первый вагон семей (Калашникова, Мержанова, Азизяна, Гольденберга, Лазарева и пр), всего человек 15.

31 марта.

Хочу записать смешное дело: звонки, за время сегодняшней работы. Пришел на работу в 19:20 (собственно пришел в 4 часа. Был на собрании — инструктаже по ПВХО — опять взялись, затем брился и т. п.). Все звонки записывать забывал, особенно по мелким текущим делам номера. Но основные все же отметил.

— 7:40 (вечер). Абрам (брат):

— Вернулся из командировки, что слышно?

— 7:50 писатель Фейнберг-Самойлов: послезавтра уезжает на Северный флот. Идет ли его очерк о Сгибневе, не можем ли дать удостоверение?

— 8:00 Теумин: получил ли статью президента Палецкиса о боях литовцев (они дерутся хорошо, статья средняя, сдал ночью в набор)

— 8:30 Ефимов из информбюро: нет ли для Америки материалов о зверствах немцев? Когда начну сам писать?

— 9:30 писатель Ровинский: не передавал ли Лидов мне его рассказ? Нет.

— 10:10 Шазарев: что получили от корреспондентов? Объяснил

— 10:30 Коломиец из радио: не могу ли писать им очерки? Пока нет.

— 11:05 Лазарев: из корреспонденции Михайловского о потоплении трех транспортов в Баренцевом море надо выкинуть упоминание о разведке.

— 12:00 Козлов (из секретариата): Вам дано 3 колонки. Что ставить?

— 12:20 Перепухов: срочно в ВЧ, в кабинет Поспелова.

— 12:35 секретарь: что посылать на визу? (до этого несколько раз звонила: о гранках, о том, что на узле материал и т. д.)

— 12:38 Адъютант командующего Сев. флотом: Михайловский просит передать, что материал о транспортах печатать можно.

— 12:45 Штих: что из присланного много надо править в номер?

— 12:50 Белогорский: добились ли мы наркоматских пайков? Что я сегодня ставлю? Сколько получил места? Полполсы? Я бы не нашел материала — ничего, охламоны, не пишут!

— 1:20 секретарь Ильичева: заявку на завтрашний номер?

— 1:40 секретарь: Лидов передал материал с Западного фронта.

— 1:45 Фейнберг-Самойлов: может ли завтра заехать за удостоверением? (я договорился с Поспеловым об удостоверении и о том, что он его примет завтра).

— 1:50 Малютин (он дежурный по номеру): надо снять „Доблесть артиллеристов“ и заменить.

— 2:3 ˚Соловьев из информбюро: Посланный материал просмотрел, такие-то правки.

— 2:40 Ушаков из информбюро: то же (по морским материалам).

— 3:00 Малютин: пришли сообщения о 54 героях, награждении 37 частей орденами, проебразовании в гвардейские и т. д. Напиши шпигель.

— 3:20 Феофилактова (секр. информбюро): передала поправки к мелким заметкам.

— 4:05 Макаров (из нашей группы проверки): почему в заметке с Волховского фронта написано СиРявинские болота? Исправить!

— 4:10 Малютин: о том же.

— 4:15 Лазарев: почему сняли заметку об артиллеристах.

МОИ ЗВОНКИ:

— 12:30 генерал-лейтенанту Рогову: можно ли давать о потоплении транспортов? Как он относится к Фейнбергу-Самойлову? Не знает.

— 1:00 Ушакову: прошу прочесть материалы Михайловского.

— 1:05 Феофилактовой: прошу дать на прочтение одну заметку из посланных несколько дней назад.

— 1:10 Тараданкину: из разговора с Белогорским узнал, что он приехал. Договорились завтра встретиться.

— 1:15 фотоотдел: проготовить снимок Кафефьяна.

— 1:18 фотоотдел: проявлена ли моя пленка?

— 1:30 писателю Кожевникову: какое звание у героя его очерка: воентехник или старший сержант? (в материале — и так и так).

— 1:55 Лазареву: может ли командир бригады присваивать звание лейтенанта? (так в материале Кожевникова „Старший сержант“)

— 2:45 Перепухову: посылаю удостоверение Фейнбергу, прошу дать на подпись.

— 2:50 Ильичеву: о завтрашнем номере.

Кроме того звонков 30–40 о присылке курьера, гранок, набора и т. д

Ко мне заходили и беседовали: Лидов, Коробов, Толкунов, Кожевников, Струнников (со снимками), Вера Иткина, Ленч, Домрачев, Верховцев, Штих, Баратов, секретари.

Я заходил к: Гершбергу, два раза к Поспелову, в секретариат, к Верховцеву.

Кроме работы по полосе, я сдал на утро 7 крупных материалов и в текущий набор 5 разных.

9-10 апреля.

7 ч. утра. Пришел домой в 5:10. Сейчас, несколько дней, кончаем в 5, нам снова напомнили о том, что это — предельный срок. Сидел, читал „Будь готов к ПВХО“, сегодня надо сдавать нормы — обязательно для всех. Вообще, за последнее время в Москве стали немного подтягивать, а то все забыли и об осадном положении, и о маскировке, и о ПВХО. Тревожно напомнили об этом два сообщения на днях: о налете на Ростов, о налете на Ленинград.

Желая развить и продолжить эту тему, я сегодня часиков в 10 вечера предложил Ильичеву дать передовую о борьбе с налетами.

— О, хорошо, садись, пиши в номер.

Ладно. Позвонил генерал-лейтенанту Журавлеву, командующему Московским фронтом ПВО:

— Что бы вы хотели видеть в передовой?

— Я бы не хотел ни передовых, ни налетов.

— Позвольте, т. генерал-лейтенант! Когда мы с Вами виделись в зенитном полку Кикнадзе, вы сказали мне, что жалеете о том, что нет налетов.

Он смеется раскатисто, аж трубка трясется:

— Да, это — профессионально. Нет налетов — народ дисквалифицируется. А как гражданин и москвич я, конечно, против. Что же касается по существу передовой: задавайте вопросы.

— Ленинградцы выдвинули лозунг: сбивать с первого залпа. Верно?

— Это не только ленинградцы (обиделся за москвичей). Конечно, верно. В полевой артиллерии можно пристреливаться: перелет, недолет, вилка, корректировка. Тут надо сразу. Поэтому очень важна подготовка первого залпа, чтобы точно ударить.

— Это не противоречит заградительному огню?

— Ни заградительному, ни сопроводительному. Дополняет. И потом, скажите в статье об аэростатчиках, прожектористах.

— Хочу еще написать о расстреле осветительных бомб. У москвичей это как будто хорошо получалось?

— Совершенно верно (оживился). Тут большой опыт у нас. Неплохо научились. Особенно это важно при налетах на узкие цели (мосты, станции, аэродромы, эшелоны). Погасить — значит ослепить.

— Стоит ли призывать к ведению пехотного огня (из стрелкового оружия)?

— В городе — нет. В прифронтовой полосе — да. В городе и не эффективно, т. к. идут на большой высоте, и покажет, что нет зенитной артиллерии.

Позвонил генерал-лейтенанту Голованову.

— Вот хочу написать, что лучше всего заняться профилактикой налетов: уничтожать на аэродромах. И привести опыт АДД.

— Точно. Вообще, надо сказать, чтобы уши не развешивали. Не забывали об авиации противника. Попробуйте-ка к Москве подобраться — за 100 км. увидят. А в это время можно армию поднять в воздух. А в Ростове — прохлопали. Это сейчас там тоже ушки на макушке — немцы и не пробуют. А об аэродромах правильно. Можете указать, что это очень полезное дело. Вот в Орше мы стукнули 89 самолетов, в Брянске — 65. Полезно!

— Передовую об АДД читали? Все правильно?

— Правильно. Вот только не могу дознаться, чья инициатива?

— Ничья. Моя.

Явно не верит:

— Таак…. А мне Щербаков звонил, поздравлял. Так, значит, Ваша?

Вчера долго разговаривал с Коробовым. Он вернулся из партизанского отряда Ковпака. Прошел с ним 800 км. по правобережной Украине. Стал ярым поклонником рейдов. Рассказывает про украинских националистов:

— Сначала лизали жопу немцам. Потом увидели, что никакой самостийной Украины немцы им не дадут. Обиделись. Ушли в полуподполье. Но с народом не связаны. Так как гнилы по натуре, то просто страдают без предательства, и чуть-что узнают — продают немцам. Но играют в оппозицию. Вот мерзкие бл..!

Был Коробов в Польше. Там много партий, много подпольных организаций. Твердой программы у них нет, партизанских отрядов (в нашем смысле слова) нет. А база для их развития большая — народ накален. Англичане („друзья!“) подбрасывают туда агентов, чтобы прибрать поляков к рукам в своих целях.

27 апреля, вторник.

Ну как назвать это безобразие: опять не брал две недели пера в руки. А несколько записей так и просятся. Сегодня мы утром (в 7:30) поехали на наш коллективный огород. Получили 2,5 Га в совхозе ТСХА „Отрадное“, возили компост со свалки. Работали довольно дружно. Картограф Андрей Ведерников мне говорит:

— Я сначала думал — буза, к концу лета получим по сковородке. А сейчас вижу дело, готов чуть не каждый день ездить.

Но не в этом соль. Мы ехали дорогой и смотрели: всюду народ копает, каждый свободный клочок у шоссе, у домов, во дворах используется под огород. Да что далеко ходить: в нашем дворе все клумбы еще в прошлом году разделили под зелень, а в этом домоуправление объявило даже предварительную запись. Но еще дальше пошли. Сосед, живущий надо мной, натаскал на свой узенький балкончик 16 ведер земли, разделил два грядки и засадил луком и салатом. А Коршунов пошел еще дальше: установил ящики с землей на окнах.

После зимы в Москве все, что делается во дворах, отлично заметно: заборы почти везде спалили. Душа на улицу! Разговоры об огородах — везде. Много пишут и в газетах.

Как цепко народ учитывает значение карточек. Позавчера (в воскресение) еду я от Кокки ночью. Шофер незнакомый и со мной и с Москвой, девушка. Фамилия — Бабушкина.

— Вы давно ездите?

— Месяц.

— А школу давно закончили?

— В 1939 г., но тогда поработала немного и ушла на

канцелярскую службу.

— Почему же сейчас вернулись к баранке?

— А рабочая карточка! Только трудно. Посадили работать ночью. У меня ребенок — 5 лет. Я его на замок запираю.

Несколько дней назад поехал я с Устиновым снимать Москву. Ничего особого не нашли: сняли афиши на ул. Герцена (напротив консерватории), да потом на Тверской я увидел вывеску: „Закрытый магазин. Открыт с 2 до 4“. Это мне напомнило шутку (кажется, Рыклина): „помещавшаяся здесь открытая столовая закрыта. Здесь будет открыта закрытая столовая“.

Решили купить по галстуху. Проехали по раду магазинов — нету. Зашли в другие — вообще пустые прилавки, покупателей нет. Оживленно только в комиссионных, ходит много англичан, некоторые — с чемоданчиками.

В ночь на 13 апреля был крупный налет на Кенигсберг. Получив сообщение, Поспелов позвонил командующему АДД Голованову и попросил принять меня. Пожалуйста. Приехал. Провели. Небольшой кабинет, большой стол, на столе альбомы карт и фотографий, на стене — огромная карта Европы с концентрическими кругами от Москвы — радиусы достижимости и расстояний. Голованов — в простом без орденов сером кителе, высокий, статный, с очень энергичным лицом, на полевых погонах — три звездочки: генерал-полковник. Подошел и член военного совета АДД, генерал-майор Гурьянов:

— С праздником, т. Голованов!

— Спасибо! Давненько не были. Я рад, что приехали именно Вы. Хотелось бы показать этот налет по-настоящему. Если бы англичане провели такую операцию — они шумели бы о ней две недели. А мы плохо еще подаем свои достижения. Я бы хотел, чтобы хотя бы у редакции „Правды“ создалось правильное представление о масштабе наших операций. Наши газеты, описывая налеты, приводят одни и те же имена (Молодчий, Андреев, Даньшин и др.) и получается впечатление, что летает несколько экипажей только. Между тем, мы давно уже забыли о двузначных цифрах и оперируем только трехзначными самолетами.

Он познакомил меня с донесениями и официальными сводками, показал рапорты контролеров:

— Мы никому из летчиков не верим на слово, в каждом полете непосредственно нами назначается контролер, кто он — не знает даже командир дивизии, его обязанность не только бомбить, но и наблюдать работу остальных В частности одними из таких контролеров в этом полете были по 1-ой дивизии капитаны Даньшин и Ширяев. Затем и их донесения проверяем

земной разведкой.

Показал он мне карту поражения города („вот бы опубликовать, да не дадут“). Бомбы легли сплошняком на склады, аэродром, ж/д узел, здание правительства, орудийный завод, машиностроительный завод, порт, целые куски плана города были заштрихованы красным.

— Листовки бросали?

— Да. (улыбается) За 2 полета — 2 млн. листовок — весь апрельский фонд пустили на ветер.

— Сколько точно продолжался налет? В коммюнике говориться: свыше 2-х часов.

— 2 ч.16 мин. Так и надо бы написать. Англичане небось всегда точно указывают. Обязательно укажите, что кроме того — бомбили город и ж/д узел Тильзит, города Генрихсвальде, Лабиау, Инстербург, Растенбург, а так же Каунас, Даугавпилс, Резекне, ж/д узлы Лолоук, Смоленск и др. (это у меня вычеркнули). Над Кенигсбергом обстреливали 50 зенитных орудий.

— В сообщении говорится, что не вернулось два самолета.

— Один уже нашелся: только что звонили. Сидит на своей территории, экипаж жив, машина цела. Вот второй — неизвестно где, известно только, что отбомбился и шел назад.

— Большая к вам тяга, и — что особенно показательно — истребители.

— Да (он очень доволен). Это вы очень точно подметили И объясняется не только заботой о людях, но и эффективными результатами. Люди видят, что не зря воюют. А какое соревнование идет между дивизиями. Мы рассылаем по всем результаты работы, посмотрели бы — как дерутся за первенство и оглядываются на остальных. Отлично работают женщины, у нас есть некоторые подразделения, там роты связи и проч. За всю войну — ни разу не подтягивал. Дисциплинированный народ!

Я рассказал, как в Воронеже, во время бомбежки, женщины-милиционеры стойко себя вели.

— Правильно. Они спокойны в опасности.

В заключение он снова вернулся к вопросу о масштабах работы:

— т. Сталин как-то спрашивал меня: почему мы не показываем работу АДД. Я еще раз напоминаю вам об этом разговоре. Покажите нас, сейчас мы уже взрослые. Вот возьмите март, помните, какая была паршивая погода всю первую половину, да и конец мокрый. И, тем не менее, одна АДД сделала больше вылетов, чем вся английская авиация за весь март. А потери разве можно сравнивать!? У них считается нормой 5 %.

Если бы они дотянули (снизили) до этой цифры — они бы все получили ордена навалом, если бы поднялись до этой цифры — нас бы надо было повесить. Англичане спрашивали нас как мы работаем, мы им кое-что посоветовали: сейчас у них потери несколько уменьшились.

Просидел я у него часа полтора. Разговор шел о многом в авиации. Но надо было писать в номер, я попросил разрешения уехать.

— Ну что ж, раз надо. А об авиации можно банковать без конца…

В субботу в Москве началось оживление. В воскресение — Пасха. В магазинах до этого продавали куличи(по талонам белого хлеба). И вот десятки тысяч людей решили идти в церковь. Большинство, видимо, из любопытства. Но, кроме того, распространился слух, что в Кафедральном соборе на Елоховской площади будут петь Михайлов Козловский и Лемешев. И туда ринулись все их поклонницы. К слову сказать, перед Пасхой распространился и другой слух, видимо, пущенный пятой колонной: что вскрылось несколько случаев ритуального убийства евреями православных детей. По радио передавали, что на пасхальную ночь осадное положение снято, и можно ходить всю ночь без пропусков.

Сестра кинооператора Вихирева — врач Софья Борисовна Скопина рассказывала мне:

— Решила я с подругой пойти на Елоховскую. Пришли в 8 ч. вечера. В стороне стояла небольшая очередь святить куличи и яйца. Вообще, в соборе сначала было довольно просторно. Но потом, уже через час, нельзя было повернуться и нечем было дышать. Давка, крики женщин „Задавили! Дурно!“ и пр. Был так душно, что по колоннам текло. Свечки, которые передавали из рук в руки, свернулись спиральками. Очень много молодежи (не знаю только — с какой целью пришли). Некоторые мамаши пришли с детьми. Много военных. (Об этом мне говорили и потом. Л.Б.) Народ сидел даже на кресте с изображением Христа — словом, как на футбольном матче. В 11 часов вышел священник и заявил, что „прибудут наши друзья — англичане“. Но мы уже не могли дышать и вышли на улицу. Около церкви увидели несколько машин — это подъехали англичане. Мы поехали домой. Потом подруги рассказывали, что ни Михайлова, ни других не было.

Сегодня опубликована нота о разрыве отношений с польским правительством. Это серьезное предупреждение союзникам о том, что мы не позволим наступать себе на ноги. Англичане, видимо, это поняли и, комментируя ноту, английское министерство

информации заявило сегодня (смысл его):

— Пока есть Гитлер — не может быть и речи об объективном и беспристрастном расследовании Смоленского инцидента. Немцам не удалось посеять рознь между союзными державами.

А немцы свистят и улюлюкают от удовольствия.

Москвичи ждут налета на Москву. Особенно они считают, что это будет ускорено нашими налетами на города Германии. Я сказал об этом Голованову. Он смеется:

— Волков бояться — в лес не ходить.

Папанин наградил меня значком „Почетному Полярнику“ и говорил, что ни он, ни большинство членов коллегии такого не имеют.

6 мая.

Тихо. Позавчера ездили второй раз работать на огород. В первый (прошлый вторник) — возили перегной, нынче — копали лопатами землю. Было человек 15–20, в том числе Домрачев, Мержанов, Штейнгарц, Козлов. Погода была отличной, загорели. Вообще установилась приличная погода, солнце, тепло.

Вчера выдали, наконец, абонемент: карточки на получения наркоматского типа пайка. Совнарком СССР дал их 30. Завтра поедем получать. Улучшились и ужины. Сейчас дело с питанием (количественно и в сырье) можно считать решенным.

На фронтах пока тишина. Лишь на Кубани идут серьезные бои. Как сообщило сегодня СИБ вчера взята Крымская, фронт обороны прорван нами на 15 км. Приятная ласточка!

Завтра проводим совещание замов военного отдела: что нужно сдавать, чтобы идти в ногу с приказом т. Сталина.

Сегодня пришел невесть как рано: всего 2:30 ночи. Прямо не знаю — что делать дом.

Мартын (Мержанов) собирается — послезавтра летит на Кубань. В кресло дежурного посажен Бессуднов.

Сегодня, после долгого перерыва играл на бильярде с Железновым. Выиграл у него обе партии

12 мая.

Получено известие, что погиб Коля Маркевич. Месяц назад он был у меня. С увлечением и свойственной ему иронией рассказывал о своих планах работы в авиадесантных частях. Давно я его знаю — это один из газетных могикан. Работать он начал в „Комсомолке“ еще, кажется, при Тарасе Костров. Он был в числе славной „комсомольской“ гвардии: М. Ризенфельд, Коля Том (Кабанов), Анатолий Тругманов, Константин Исаев, Юрий Корольков и др. Затем был в „Известиях“, а года три-четыре назад вернулся в „Комсомолку“. Много ездил, облазил всю страну, хорошо знал наш восток, Среднюю Азию. Вместе с ним я был в

Армении на 20-тилетии, в Баку. С первого дня войны — он на фронте. До последнего времени был на Волховском. Там его наградили медалью „За отвагу“, а за эвакуацию танка с поля боя и участие в атаке — представили к ордену. Звание — капитан.

Сейчас он (в начале мая) возвращался из тыла Западного фронта на самолете „Дуглас“. Как рассказал мне зам. редактора „КП“ Любимов, светлое время суток застало их в полете. Самолет подбил „мессер“. Тем не менее летчик дотянул до своей территории. Сел в поле, но при посадке вмазал в дерево. Взрыв, пожар, все погибли. Хоронили обугленные тела.

Такая обида и так это тяжело!

Почти одновременно пришла весть о гибели выездной редакции „КП“, посланной во главе с Меньшиковым на Украину к партизанам. Три раза они вылетали на „Дугласе“ в тыл. Но каждый раз возвращались, т. к. условные сигналы в месте посадки не соответствовали полностью условиям (то вместо 5 костров было 4, то еще что-нибудь). И вот вылетели в четвертый раз два самолета: на одном люди, на другом — техника, бумага и проч. Пришли на место Все в порядке. Начали кружить, глядя на посадочное поле, приноравливаться. И вот, во время второго круга, „Дуглас“ на высоте 200 м. нежданно взорвался. Все погибли. Второй сел, принял на борт партизан и раненых и улетел обратно.

Высказывают такое предположение: ребята летели в тыл в первый раз. Перед посадкой волновались — а вдруг немцы. Начали, наверное, приводить оружие в порядок. Разрыв гранаты или случайный выстрел из автомата — и всё.

Невольно вспомнишь, как много журналистов и друзей погибло уже. У нас Гриша Певзнер (Гринев) во время Киевского окружения осенью 1941 года. Он еще в Киеве оступился, сломал ногу. Когда начали выбираться из кольца и попали в переплет — он не мог самостоятельно двигаться. Надо было бросить машины и двигаться пешком: это не по нему. Его ранили и он застрелился. Его похоронили там же. Погиб там без вести и второй корреспондент по Киеву Ротач.

На Ленинградском фронте погиб убиты пулей в лоб фотограф наш Агич.

В Киевском окружении пропали без вести бывший наш работник (затем „Комсомольская правда“ и выездная редакция „Гудка“) Миша Нейман (Немов), писатели Лапин и Хацревин, Гайдар.

При эвакуации Севастополя погибли наш бывший работник Хамадан (корреспондент ТАСС), корреспондент „Известий“ Галышев, корреспондент „Красного флота“ Иш, и многие другие.

Во время Изюм-Барвенковской операции 1942 г. погибли Михаил Розенфельд и Михаил Бернштейн (оба в это время были в „Красной Звезде“), Джек Алтаузен и еще несколько человек.

Недавно на Калининском фронте погиб наш бывш. работник, затем корреспондент „Красной Звезды“ Саша Анохин. О нем хоть дали некролог, об остальных — вообще ничего. Вообще, „КЗ“ потеряла 15–20 человек, в том числе большого умницу П. Огина.

Иной раз погибают совсем нелепо. Был такой редактор газеты, не то 30-ой, не то 31-ой армии Западного фронта Бурцев. Вызвали его недавно на совещание в ГлавПУРККА. Поехал на машине. В 70 км. от Москвы попал под бомбежку и готов.

Довольно счастливо отделался наш корреспондент Михаил Сиволобов. Он на войне почти с начала. Был на Брянском, на Западном, затем опять на Брянском. Дважды, по несколько месяцев, был у партизан в Брянских лесах, провел долгое время у партизан Белоруссии. Участвовал сам в операциях. И вот — поехал он на Эмке в Серпухов за нарядом на бензин. Из-за оплошности шофера Мирошниченко, машина свалилась с моста через маленькую речушку под Серпуховым. Высота — 12.5 м. В итоге — сломано 2 ребра, ключица, отбиты легкие. Произошло это 29 апреля, сейчас лежит в госпитале. Ну не обидно ли? Особенно боевику, капитану, награжденному „Красной Звездой“ и медалью „За отвагу“?

Кстати, вот факт для фельетона. Когда Сиволобова доставили в один из госпиталей в Серпухове, то там его принять не могли… потому, что в госпитале шло партийное собрание об итогах соревнования, и все врачи были на собрании, обсуждая показатели и условия соревнования на лучшее обслуживание раненых. Скопилось несколько раненых, но их никто не принимал и беседовала с ними только одна санитарка, беспомощная что-нибудь сделать, но зато беспартийная.

На фронте начинается оживление. Вслед за активными действиями на Кубани, зашевелились и другие участки фронта. Уже четвертый день сводка из утра в вечер сообщает об активности немцев в районе Лисичанска („атаки противника“). То же — в районе Балакреи. Активизировалась и авиация обеих сторон.

На Кубани наше наступление временно застопорилось. Мы уперлись в т. называемую „голубую линию“, которую немцы заблаговременно постоили от западных отрогов Кавказа до низовий Кубани — сейчас долбаем ее артиллерией.

В Африке союзники покончили с Тунисом. 100 000 пленных — что будет дальше?

17 мая.

Вчера ушли рано. Несколько дней назад было постановление ЦК, обязывающее выходить не позже 4 ч. утра. Поэтому пока кончаем газету в срок. Вчера ушли домой (газета еще не была готова) в начале четвертого. Встал в 12. Выпил чаю, съел залежавшейся колбасы. На дворе — пасмурно, дождь, холодно. Звонил Шишмарев, предлагает идти разгружать прибывшую для огорода картошку. Не хочется.

Хочется запасать о двух примечательных днях, пока их совсем не забыл.

22 июня 1941 г.

Накануне я ушел довольно поздно, что-то около 5 ч. утра. Шла какая-то подборка по отделу информации, которым я заведовал. Только уснул: звонок, длинный-длинный. Звонит секретарь Поспелова. Редактор велит немедленно приехать.

— А он где?

— Дома. Сейчас выезжает в редакцию.

— Меня одного?

— Нет, И других. Какой домашний у Гершберга?

В первый момент я думал, что мы чего-нибудь напороли. Но раз вызывают и других — значит, что-то случилось. Прибежал в редакцию. Собрались уже основные: Гершберг, Гольденберг, Заславский, Верховский Железнов, Кружков и пр. Члены редколлегии все в сборе, сидят запершись у Поспелова. От дежурного по редакции знаем, что звонил Щербаков и по его звонку всех подняли. Вот и все, что известно. Члены — молчат. У нас самые разноречивые предположения, но больше все: лило кто-то умер, либо война.

Пришли к Гольденбергу. У него приемник. Навели: все ясно! Декларация Риббентропа. Выступление Гитлера (или наоборот). Наконец, позвал нас Поспелов и объявил — война. В первые минуты мы как-то не поверили.

Потом стало известно, что днем будет выступать по радио Молотов. Мы разъехались по городу. Я поехал в Наркомат авиации. Митинг там был во дворе.

Собрались опять в редакции. Что делать и как делать еще не знаем. Ребята подают заявления к посылке на фронт спецкорами: Эстеркин, Бессуднов, Мержанов, Калашников, Коробов и др. На след. день некоторые уже выехали.

Пока делали газету, как обычно (И потом, в течение еще нескольких дней, военные дела освещал наш отдел информации, а не военный. Лишь в конце месяца меня вызвал Ильичев и спросил — не буду ли я возражать против перехода первым замом в военный отдел.

— Конечно, это некоторое внешнее снижение, но ты

понимаешь… и т. д. Разумеется, все условия останутся прежними и проч.

Я, конечно, сразу согласился.

Через несколько дней приехал из Минска Лидов. Он рассказывал о первой бомбежке Минска и мы слушали его зачарованно. Нам казалось, что он перенес тягчайшие испытания. Докладывал он об этом на узком собрании актива у секретаря партбюро Домрачева. Мы обещали — никому об этом ни слова. Лидов умчался оттуда столь поспешно, что не зашел даже (хотя был во дворе) снова в свою квартиру, не взял никаких вещей, в том числе и паспорта — свой и жены, лежавшие в столике и т. д.

О дальнейших днях надо будет записать потом, в том числе об эвакуации населения и жен, о первой тревоге и первой бомбежке (22 июля). Сейчас несколько слов о втором знаменательном дне:

15 октября 1941 г.

Еще в конце сентября О. Курганов, будучи в Москве, сказал мне, что в штабе тревожное ожидание, немцы что-то замыслили. Но что именно неизвестно. 1 октября (или 2-го) началось известное наступление немцев на Москву. Мы следили за ним, но не представляли себе всей его угрозы. Оскар изредка звонил и на мои вопросы отвечал, что все в порядке. Как-то он сказал, что штабные работники нервничают. Штаб в то время был около Вязьмы в Лявле.

— Не известно ли что-нибудь у нас?

— Нет. А как дела в штабе?

— Ждем. Спим не раздеваясь.

Я понял. Через день или два немцы совершили обходной маневр (в лоб их готовились встретить страшным огнем) и начался драп. В то же время, они подвергли страшному налету штаб фронта. Ребята наши случайно уцелели.

А 15-го немцы неожиданно сделали рывок и оказались около Нарофоминска (если не ошибаюсь). И вот только я пришел на работу (около часа или нет позже — около 3–4 часов дня) как меня вызвал Ильичев:

— Между нами. Немцы прорвались к Москве. Положение очень серьезное. Редакция в основном эвакуируется. Остается несколько человек, в том числе и ты. Согласен? Отлично. Будем выпускать газету до последней возможности. Может быть день, может — больше. Предупреди людей, чтобы собирались. Поезд в 9 ч. вечера. Можешь пойти на часок домой и приготовить, что нужно в дорогу.

Я предупредил народ. Сунул сверх списка Реута, пошел домой. быстро собрал маленький чемоданчик (и переехал на всю

зиму в редакцию). Суматоха в редакции была страшная: собирались, без конца звонили люди к редактору и просили включить в эвакосписок, ссылались на свои заслуги. Помню — звонил муж М. Шагинян, какие-то старые большевики и пр. В самой редакции спешно жгли архивы, бумаги, уничтожили телефонные списки и т. д.

По списку (как узнал позже — сказал Поспелов — утвержденному ЦК, причем Поспелов лично докладывал секретарям о каждом из нас и даже показывал фотографии) оставались: Поспелов, Ильичев, Лазарев, Гершберг, я, Парфенов, Шишмарев, Домрачев, Штейнгарц, Полонский — корректор, стенографистки Коган и Козлова, машинистки — Рискинд и Бельская, секретарша редколлегии Соколова, секретарь Поспелова — Толкунов. На следующий день выяснилось, что не уехали (хотя и были намечены) секретари Фрося Барабанова (Шляпугина) и Катя Румянцева. Да, и цензор Аркаша Баратов. Вот и все. В таком составе мы работали до 15 ноября. Затем прилетели на самолете из Куйбышева Гольденберг и Заславский, и, наконец, после Нового года прибыли основные работники из Куйбышева.

Функции распределились следующим образом: Поспелов, Ильичев и Лазарев занимались своими делами, Гершберг — все тыловые вопросы (в том числе строительство укреплений, производство оружия, подготовку резервистов), я военный отдел, Домрачев — партийный и сельхоз, Штейнгарц — секретариат, выпуск и иностранный. Баратов читал „Правду“ и все выходящие в Москве фронтовые и военные газеты.

Особенно трудно было составление первого номера. Причем, ЦК нам предложил сразу без отдыха делать второй. И когда мы часиков в 6 утра разделались с № от 19 октября, то немедленно стали составлять второй. Мы решили отразить в газете специфику и дать материал по строительству укреплений. Но оказалось, что Кирилл Потапов (который накануне посылал туда Макаренко, Кононенко, Винокурова и еще кого-то) в порядке бдительности перед отъездом изорвал эти материалы и бросил их в корзину. Извлекли их оттуда и сдали в набор. Так, кое-как, по кирпичику, составили газету (надо посмотреть номер, и сразу вспомнится, как ее делали).

Часиков в 8 мне поручили отвезти к нашему эшелону на Павелецкий вокзал людей. Я поехал с грузовиком по ним по их квартирам. Помню, как все нервничали, собирали вещи, забирали всякое старье, плакали. На улицах творилась страшная неразбериха. Все куда-то мчались, шли с рюкзаками, многие выступали из Москвы пешком. На вокзале — кромешная

неразбериха.

По окончании работы над номерами (двумя) выяснилось, что наш эшелон еще стоит. Тогда мне поручили отвезти на вокзал 10 или 12 машинок. Воспользовавшись случаем, Гершберг, Магид и я решили отправить в Куйбышев по свертку белья и постель, чтобы было, где спать. Зашли домой, пусто. Сенька поснимал снимки жены и сына („будут немцы издеваться“). Я отвез. На вокзале — по-прежнему давка. На всех площадках — дозорные из работников эвакуируемых учреждений: не пускают посторонних. А они ломятся! Носятся слухи, что тот эшелон обстреляли, тот разбомбили. Поезд наш ушел часиков в 10–12 дня 16.10.41.

В течение следующих двух дней мы отправили еще несколько десятков человек — то с вагоном ТАССА, то еще с кем-то. И стали жить и работать. Числа 16 я переехал в кабинет Гершберга — и так вместе и провели всю зиму, тут же спали. Сначала в этом же кабинете поставили свои койки Курганов, Лидов и Калашников, но потом они переехали в соседнюю комнату.

Последующие дни слились сейчас в памяти в один. Перове время мы все чувствовали себя на колесах и почти не сомневались в том, что придется топать в Куйбышев. Парфенову было поручено держать наготове три ЗИСа и два (кажется) Эмки. Они и стояли на газу. Лазарев ездил разведывать дороги на восток — по шоссе Энтузиастов, по Щелковскому и пр. Все мы вооружились и спали с пистолетами под подушкой.

А газету делали честно. Решили изо дня в день давать о строительстве укреплений и давали, несмотря ни на что. 16-го или 17-го дали подборку о производстве вооружения (несмотря на возражения наших москвичей) и с тех пор давали почти ежедневно, хотя первую подборку делали с большим трудом, с натяжкой, вымучивая данные у секретарей райкомов по вертушке (в частности, я — у Пролетарского райкома). С хожу подхватили создание рабочих батальонов. По очереди писали передовые. Мы заставили даже комитеты по делам кинематографии и искусств для упокоения москвичей дать объявления „Сегодня в кино“ и открыть кинотеатры.

Лазарев ездил в Генштаб и возвращался хмурый.

— Если сумеем продержаться еще 2–3 дня, — говорил он, — тогда, видимо, удержимся: подойдет одна дивизия.

Больше всех нас волновал вопрос: в Москве ли т. Сталин? (тк мы этого и до сих пор не знаем: был ли он 16, 17 и 18 в Москве). 19-го вечером пришло знаменитое постановление ГКО об обороне Москвы за подписью Сталина. И сразу отлегло: Сталин в Москве, значит за Москву будем драться во всю и, видимо, Москву до последней возможности не сдадим. Я написал передовую о

постановлении.

В последующие дни, несмотря на то, что немцы подходили к Москве все ближе, настроение было все увереннее.

Расшалившись, я и Гершберг предложили редакции выпустить „Огонек“ (вся его редакция отбыла в Куйбышев). выпустили, написали мы сами „Москва в эти дни“, позаказали материалы, затем выпустили еще один номер, потом выпустили „Крокодил“, „Большевик“. Затем я принял редактирование и выпустил еще два номера „Пионера“ (здесь оставался только секретарь журнала Валентина Алексеевна Поддубная). Так шли дни.

26 мая.

Сегодня был в полку (командир Герой Советского Союза подполковник Шинкаренко, чудный парень, молодой, веселый, небольшого роста с очень живыми глазами, три ордена Ленина). Передавали им 32 „Як-9“, построенных на средства полярников. Поехали ватагой: Папанин, Кренкель, Белоусов и пр. Я заехал за Папаниным. По дороге произошла забавная встреча: светофор задержал нас у пл. Маяковского. Рядом с нашей машиной остановился „Бьюик“, за рулем Ильюшин в генеральской форме.

— Сережа, здравствуй!

— Здравствуй!

— Нужна статья. О технических качествах наших самолетов. Давно обещал писать нам — вот и садись.

— Да ты дай хоть отдышаться и очухаться! Заезжай вечером, поговорим. Ладно? Ну пока!

Гершберг, сидевший в машине, искренне хохотал.

— Вот это по-американски! Не хватало ее тут же и получить!

Приехали к Папанину. В этот день он получил звание конт-адмирала. Тут же происходила примерка нового кителя. Мне от торжественно вручил значок „Почетного Полярника“.

Кренкель немедля набросился и потребовал новых анекдотов, за время, которое мы не виделись. Я рассказал.

Белоусов добавил. Затем появился нач. политуправления ГУСМП Валериан Новиков, который только что прилетел из Арктики. Летал с февраля, налетал 26 тыс. км. — с Орловым, Махоткиным, Крузе, Сыроквашей и др. Пошел треп.

Приехали. Торжественная передача (см. отчет в? от 28 мая), затем — газ. Я сидел рядом с Белоусовым. Не виделись с начала войны. Он мне рассказал подробности гибели „Сибирякова“. Произошло это в Карском море тогда, когда рейдер обстреливал Диксон. Точнее — не рейдер, а (по словам Белоусова) линкор „Адмирал Фон-Шпее“, который возвращался от Диксона на запад. Командовал „Сибиряковым“ капитан Качарава — грузин,

чудесный парень. Немцы предложили ему спустить флаг. В ответ он храбро открыл огонь изо всех орудий, а их у него было кругом десять, из них старшая — трехдюймовка. Скорлупа против линкора! Бой продолжался две минуты. Спасся только один человек — кочегар Королев (или Голубев), его подобрал Черевичный — он лежал где-то на берегу у маячного знака.

Белоусов усиленно звал меня с собой. Он завтра снова уезжает на Север. Предстоит большая интересная операция, как он говорит, с „шумовым эффектом“.

Разговорился я за ужином с одним летчиком — лейтенантом Германом. Он сбил 12 самолетов. „Еще собью, но только, наверное, убьют. А очень жить хочется. Только не удастся“. Молодой, 23 года.

В редакции — небольшие перемены. Нас в отделе сейчас вагон: четыре зама: я, подполковник Яхлаков, кап. 2-го ранга Золин и сейчас вернули из армии Петра Иванова, кроем того, дежурит Сергей Бессуднов. Есть предположение (твердое) поехать мне в конце июня на Воронежский, я больше склонен на Западный, или по авиачастям. Буду говорить с Поспеловым. Коссов передан замом в экономический отдел.

Заказываем на 5 июня вагон для вывоза семей из Чернолучья. В Москве стоит холодная, дождливая погода. Температура = +10. И это лето!

Кожевников рассказывает, что за время войны погибло 150 писателей (в том числе Гайдар, Алтаузен, Розенфельд, Лапин, Хацревин и др). Кстати, Анохин был убит бомбой.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1943 г

Аннотация: События на фронтах. Поездка на Центральный фронт. г. Ефремов, Ливны, Курск. Поездки по частям. Беседа с Телегиным. Поездка на Воронежский фронт. Штурмовой корпус Каманина. Возвращение в Москву — описание освобожденных территорий. „Песенка военкоров“ Симонова

Тетради № 22–23 — 03.06.43–03.09.43 г.

3 июня 1943 г.

На фронтах все еще тихо. Идут более или менее серьезные бои в районе Новороссийска (инициатива — наша, но дело подвигается очень туго) и все. На остальных участках — вылазки, прощупывания, действия найперов. Дня два-три назад германский обозреватель генерал-лейтенант Дитмар выступил с большим обзором, в котором (не первый уже раз) проводит следующую концепцию: война вступила в новую фазу, немцы в начале выиграли пространство и теперь могут не наступать, им даже выгоднее не наступать, не всегда наступать выгоднее, противник вынужден будет наступать, нельзя недооценивать силы и потенциал союзников. Другими словами, как заявил мне вчера полковник Сергей Гаврилович Гуров (зав. военным отделом Информбюро) — немцы провозгласили не „блицкриг“ а „зицкриг“ (стоячая война).

Зато воздушные бои становятся все ожесточеннее. Англичане усиленно долбают промышленные центры Германии и Италии, сбрасывая в иные налеты по 1500 тн. бомб. Наша АДД систематически бьет по узлам и дорогам. Немцы рвутся к нашим узлам. Сегодня опубликовано сообщение, что, например, 2 июня на Курск было совершено 5 налетов, в которых участвовало 500 немецких самолетов, сбито…. штук. Вчера прилетел с Северо-Кавказского фронта Я. Макаренко. Он рассказывает, что в воскресенье был один из многих налетов на Краснодар, прилетело 100 самолетов. Яша был на аэродроме, а Мартын Мержанов в это время спал в городе, выспался плохо.

Ждем налетов на Москву. Вчера было собрание партактива Москвы. С докладом о развитии промышленности выступал т. Щербаков. (Основное требование: к концу года по валовому выпуску достичь довоенного уровня, в Москву возвращаются многие заводы). Шел разговор там и о МПВО. Докладчик усиленно напирал на это и сообщил между прочим, что за последние полтора месяца т. Сталин четыре раза вызывал москвичей по этому поводу.

Усилились лекции и инструкции по радио. На улицах снова

появились колонны людей в противогазах, у нас прошла учебная химическая тревога.

26 мая я был в одном полку на передаче самолетов „Як-9“. Вспомнив одно указание Хоязина, решил в отчете указать марку. Информбюро запротестовало. Я с Гершбергом позволили наркому авиационной промышленности Шахурину. Он заявил, что самолет воюет и указывать марку можно и даже следует. Я — к Поспелову. Он начал искать Щербакова, не нашел, позвонил тому же Шахурину. Тот снова подтвердил и рассказал об одном разговоре с Хозяином, когда он говорил, что мы афишируем вражеских конструкторов и не показываем своих. Поспелов оставил марку „Як-9“ на свой риск.

Через пару дней Гершберг мне сказал, что ему звонил Шахурин и сообщил:

29-го мая у Хозяина было совещание по вопросам авиации. Присутствовали все члены ПБ и авиаторы, не было только Щербакова. Шахурин вспомнил о нашем звонке и сказал, что надо бы писать о наших машинах так, как они заслуживают. Хозяин ответил:

— Я уже говорил однажды, что это безобразие. Мы пишем „Мессершмитт-109“, мало того, — добавляем „Ф“ или „Г“, иди даже „Ф-4“. А наши — либо „Як“ просто, либо ястребки. Чем Яковлев хуже Мессершмитта? И Яковлев не хуже, и „Яковлев“ лучше. Надо показывать те самолеты, которые уже воюют. Надо, чтобы наши люди знали марки наших самолетов и наших конструкторов. Надо писать „Яковлев-7“, „Ильюшин-2“, можно и сокращенно, но и полностью. Вы, тов. Новиков, проследите за этим.

Тогда Шахурин заявил, что и Новиков тут, как и он сам, не при чем. Надо, чтобы т. Щербаков, как шеф печати, дал указания.

— Хорошо, — ответил Хозяин. — Я ему обязательно сегодня же об этом скажу, не забуду.

Об этом разговоре я узнал ночью в воскресенье и сразу в одной заметке назвал „Ильюшин-2“. В понедельник мы не работали, во вторник (с 1 на 2 июня) я дал корреспонденцию Руднева об истребителях и вынес в ЗАГОЛОВОК: „Яковлев -7“. Эффект потрясающий! Сегодня даем корреспонденцию Толкунова „Ильюшин-2“.

4 июня.

День нормальный. Солнце. Тепло. В 5 ч. вечера у нас, на небольшом устроенном мною собрании, выступил с сообщением о своей поездке в США и Англию кинооператор Владислав Микоша. Он совершил чудную кругосветку. Выехал из Москвы в Архангельск. Оттуда — конвоем в Англию, побыл там 1.5–2

месяца и морем в США. 2–2,5 месяца там и через Тихий океан — в СССР. Рассказывал он очень интересно (есть стенограмма). Будет писать нам 3–4 очерка. Когда он несколько дней назад зашел ко мне — я его сначала не узнал. Он был у меня раньше, после севастопольской эпопеи, где он находился до конца и снимал фильм „Черноморцы“. Маленького роста, живой, с сухим лицом и очень живыми глазами, с гладко зачесанными назад волосами и тонкими губами. Сначала он был в мундире старпома капитана торгового флота, со всякими нашивками. На доклад пришел в отличном синем костюме с орденом Красного Знамени (награда за Севастополь). Говорит медленно, чуть запинаясь, много строит на деталях, подмечает смешное. На руке — перстень.

— Это что?

— Это талисман. Я после Севастополя стал суеверным.

Сегодня выпустили 2-й военный заем. Я поехал днем на митинг на Трехгорку. Прошло очень дружно (см. номер от 5 июня).

Вернулся, написал и зашел домой. В 10:45 вечера, во время передачи „последних известий“ вдруг раздался уже отвычный мужской голос „Граждане, воздушная тревога“ Сначала я подумал, что это — учебная, потом сообразил, что никто не станет устраивать ее в первый день займа.

Заревели сирены. И я опять почувствовал знакомое сосущее ощущение в груди и какое-то желание немедленно чем-нибудь заняться. Я вышел на балкон. Во дворе с шумом и весельем люди шли в убежище, дежурные загоняли их, они старались остаться на воздухе. Близкой пальбы, бомб не было, и поэтому все (а среди наших жильцов уже больше половины не бывавших под тревогой) отнеслись к налету несерьезно.

Прислушавшись, можно было различить чуть слышную редкую далекую канонаду. Небо было чистым, прожекторов нет.

В 1:30 дали отбой. Очевидно, это было прощупывание наших средств ПВО. Мне это не нравится, после прощупывания (разведки боем) обычно начинается бой. И как раз мы вызвали сюда семьи!

Работники ПВО говорят, что лезла довольно большая группа самолетов, прорвалась в защитную зону, но к городу не пролезла.

5 июня.

Тихо. В час ночи началась канонада уже городского кольца. Я вышел на балкон в редакции. Шарили по горизонту прожектора, в небе — тучи, рвались красные блестки зенитных снарядов, на тучах отблескивали выстрелы зениток кольца. Через полчаса все стихло.

Народу все это не нравится. Видимо, дошел черед и до

Москвы.

В ночь на сегодня Лазарев уехал в командировку в Горьковскую область, примерно на неделю. Постановлением редколлегии и.о. зав. отделом назначен Золин.

Сегодня узнал, что тяжело ранен Борис Изаков. Он несколько лет работал у нас, был нашим собкором в Лондоне, затем сидел в аппарате. Перед войной работал в „Огоньке“, с первого дня — на Северо-Западном фронте. Лектор, награжден, последние полтора года был в газете „За родину“. Недавно снова отправился к партизанам. Внезапно разгорелся бой с карателями. Командир приказал ему (как представителю фронта) уйти в тыл и дал провожатого. На пути шальная пуля попала во взрыватель гранаты, висевшей у провожатого на поясе. Она взорвалась, от детонации взорвалась и другая. Провожатого пополам, Бориса — тяжело ранило в бедро. Его переправили через линию фронта, сейчас лежит в госпитале СЗФ, состояние тяжелое.

Дня два-три назад позвонил мне один паренек, сказал, что отправляется в тыл к немцам, хочет писать, поэтому не приму ли я его… Зашел. Высокий, худощавый паренек с бегающими живыми глазами, одет в штатское, в плаще. Представился.

— Простите, я вас не знаю. У вас есть какие-нибудь документы?

Он рассмеялся:

— Вам какие: русские, украинские, немецкие?

И рассказал:

— Позавчера мы должны были улететь. Но когда ночью приехали на аэродром — выяснилось, что откладывается. Вернулись в Москву. И тут вспомнили, когда остановил патруль, об осадном положении. У нас автоматы, гранаты, документы, конечно, только немецкие. Говорим: нет документов. В комендатуру! Ели выпутались.

Ночь с 9 на 10 июня.

Воздушная война все разгорается. За последний месяц — полтора мы систематически печатаем сообщения о налетах АДД и дневной авиации на узлы и города, занятые немцами. Они, в свою очередь, систематически бомбят Краснодар, Ростов, Ленинград, Курск. 2 июня в налете на Курск участвовало до 500 самолетов. За последние дни они три раза бомбили Горький. Сегодня печатаем сообщение о налете 70 самолетов на г. Волхов.

Сегодня в 22:50 объявили тревогу и в Москве. Через 10 минут запалили зенитки. Были явственно, хотя и не все. Над городом — по уверениям москвичей — было 1–2 разведчика. Бомб не видно. Отбой дали в 1:50. Тревога длилась 3 часа.

В редакции вновь созданы пожарные команды из

сотрудников, введены их дежурства.

11-13 июня.

Все нормально. Как будет дальше?

В пятницу, 11 июня, был мусульманский праздник. Отсюда, видно, пошла пословица: семь пятниц на неделе. Мудрый народ!

15 июня.

Приехали наши! Весь день выгружали вещи в дыру забора из вагона. Умаялись, как собаки.

19 июня.

Сегодня в 1 ч. дня поехали несколько человек из редакции на Даниловский рынок. Там, в одном доме на Малой Тульской, было проведено публичное учение по тушению тяжелых немецких авиазажигательных бомб. Эти бомбы были сброшены немцами во время последних налетов на Горький и не взорвались (а вообще не взорвалось и не зажглось много бомб). Собралось много народа: секретари райкомов, директора заводов, моссоветчики во главе с Прониным, пожарники и др. Для испытания выделили один шестиэтажный дом, основательно пострадавший во время бомбежки 1941–1942 годов (зимы). Испытывались 50 кг. и две 170 кг. бомбы. Прошло все мирно. Описание этого действа — см. завтра в „Правде“, немного снимал.

Магид рассказывает:

— В редакции „За индустриализацию“ работала до войны библиотекарша. Редактор брал и не отдавал книги. Она воспротивилась и перестала ему выдавать. Ах так! Он вызвал секретаря парткома и решили сменить библиотекаршу. Объявили ей: мол, ответственный пост, можем доверить только коммунисту. Не зная, где найти правду, она написала письмо Сталину и опустила у Спасских ворот. Сама пошла опять в „ЗИ“, добиваться встречи с редактором и ликвидировать дела. Буквально через 3 часа ее там разыскал чекист, посадил в машину и, ничего не объясняя, повез в Кремль.

Ввели ее в кабинет. В сборе — все члены ПБ. Суть дела не излагается: видимо, говорили уже до нее. Сталин предложил постановление:

1. Ее немедленно восстановить
2. Редактора снять
3. Секретаря судить
4. Поручить т. Щербакову провести собрание парторганизации „ЗИ“ с выявлением зазнавшихся коммунистов.

(Она сама об этом „сне“ рассказывала Магиду.)

5 июля.

Надо отметить несколько постановлений.

На днях т. Сталин подписал постановление ПСО в

восстановлении трудколоний НКВД для беспризорных (разогнанных уже при Ежове). т. Берии предложено в течение, кажется, двух месяцев открыть колонии на 50000 детей. Начинается серьезная борьба с беспризорностью.

28 июня „Комсомольская правда“ зверски напутала. Публикуя постановление СНК на первой полосе о присвоении звания генерал-майора Крюченкину, они вместо подписей Сталин и Гадаева дала Калинина и Горкина. Последовало постановление ЦК. Зам. редактора т. Глязермана снять и объявить строгий выговор, зав. корректурой — строгий выговор, корректора — снять, редактору Буркову — выговор и предложение ликвидировать хаос и беспорядок в хозяйстве.

У нас сейчас всерьез задумываются об изучении языков. Сигнал очень серьезный. Надо бы и мне заняться этим. А то когда-то принимался и за немецкий, и за французский, и за английский, да все не всерьез.

В конце июня нач. военного отдела полковник Лазарев заявил мне, что мы оба должны выехать на фронт для инспектирования военных корреспондентов, ознакомления с условиями их работы и т. д. Лазарев взял на себя Брянский, Центральный и, возможно, Воронежский, я должен был поехать или полететь на Юго-Западный, Южный и, возможно, Северо-Кавказский фронта. Срок месяц-полтора. Если начнутся события — то на деле разумно определяться.

Лазарев уехал 1 июля. Так как я не в кадрах, то надо было испросить разрешения на поездку у ЦК и пропуск у ГлавПУРККА. И когда я уже был полностью изготовлен к поездке, позавчера раздался звонок. Звонил старший инструктор отдела печати ЦК Сатюков.

— У меня к Вам просьба: 12-го — совещание редакторов армейских и фронтовых газет. Напишите ваши соображения об их тематике: что из газетных отделов (не в структуре, а на полосе) изменить, что добавить. Кстати, Вы собирались на фронт? Придется задержаться. Нельзя, чтобы и начальник и его первый зам. одновременно уезжали. Я так докладывал т. Пузину (зав. отделом печати) и он согласился.

Фу ты ну ты! А я уже так изготовился. Собирался отсюда мотануть прямо до Ростова на машине. В тот же вечер капитан 2-го ранга Золин, оставшийся за Лазарева, звонил Пузину и получил тот же ответ. То же сказали и секретарю партбюро Домрачеву, когда он был в отделе печати.

Позавчера был в ГлавСевМорПути, зашел к Кренкелю. Он остался за Папанина (вернее — за него остался Каминов, но он болен). Эрнст страшно мне обрадовался, начал расспрашивать о

новостях.

— Расскажи о трепе. Я сейчас всех выгоню.

Страшно интересовался, где можно смотреть заграничные картины. Жаловался, что его младшая дочь выросла и стала проблема ее времяпрепровождения, совсем нет знакомых молодых людей, не с кем даже в кино сходить.

Потом начал душевно жаловаться на свое немецкое происхождение и фамилию.

— Ну чем я виноват, что дед из Тюрингии? Будь на моем месте какой-нибудь Иванов — живи и радуйся. Кремлевку дают, паек дают, машина есть и работы большой не требуют. Я терпел-терпел и написал Хозяину письмо: очень короткое — четыре строчки моим размашистым почерком. Что писал? „Очень прошу удовлетворить мою большую человеческую просьбу и послать меня на фронт“. Потом позвонил т. Поскребышеву. Он адресовал меня к т. Маленкову, и тот сказал ждите и не рыпайтесь. Потом звонил другим, они мне сказали, что мое дело на полочке. Вот и сижу, жду. Очень хочется опять на струю!

Зашел разговор о Хавинсоне. Эрнст задумался и сказал:

— Как ты думаешь, стоит мне засесть за английский? Немецкий я хорошо знаю, а английский сейчас ведь всеобщий.

Я одобрил.

Все ждут второго фронта. У всех (особенно после сообщения Совинформбюро об итогах двух лет войны) впечатление такое, что союзники волынят. Недавно слушали об этом доклад Гере.

Сегодня были в Эрмитаже на „Марице“. Очень эффектная постановка. Вернулись, поужинали. В 23:45 вдруг раздались позывные. „Значит будет последний час, видимо, где-то началось наше наступление“ — вот первая мысль у всех. Но радио передало вечернее сообщение Совинформбюро о начавшемся наступлении немцев на Орловско-Курском направлении и на Белгородском. Участки почти прошлогодние, но началось оно позже на месяц и масштабы неслыханные: за день подбито 586 танков и 203 самолета!

До глубокой ночи звонил телефон. Звонили мне, звонил я. От Москвы до района боев 280 км. Женька считает, что им удалось серьезно вклиниться и бои идут на всем протяжении от Орла до Белгорода. Я думаю, что влезли неглубоко, в отдельных местах, и шли двумя узкими сравнительно колоннами. План, видимо, старый: рассечь фронт и обойти Москву с востока.

Ночью я позвонил Ильичеву и предложил перебросить туда срочно Полевого и Макаренко. Так как трудно будет со связью, то послать „челноком“ Толкунова или еще кого-нибудь, пусть мотается от Москвы до района боев и обратно, привозя материал.

Ильичев считает, что людей там хватит. Видимо, не хочет решать без Поспелова и Золина.

По-моему, пора сейчас бросить игру в военно-морские ранги и подчинить работу отдела интересам газеты. а не принципам субординации. Буду говорить об этом с Поспеловым.

6 июля.

События на фронте стали чуть яснее. Сегодня в 11:15 вечера Совинформбюро по радио дало (впервые такая формулировка) „оперативную сводку за 6 июля“. Отныне дневные сводки печатать не будем. В оперсводке сообщается, что продолжались упорные бои. На Курско-Орловском направлении все атаки отбиты, на Белгородском противнику ценой больших потерь удалось незначительно продвинуться на отдельных участках. Укокошено за день 423 танка и 111 самолетов.

Наш активист с Центрального фронта капитан Пономарев телеграфирует, что бои 5 и 6 июля идут южнее Орла, что немцы начали интенсивный артподготовкой + авиамассаж, в отдельные моменты в воздухе одновременно висело до 250 немецких самолетов. Прижимаясь к огневому валу, шли танки, группами по 20-50-100 машин. Успеха, по его словам, противник не достиг.

Вечером мы вызвали по телефону Брянский фронт. Нам сказали, что вчера там, юго-восточнее Мценска, немцы сунулись было двумя полками пехоты, им дали по зубам, они потеряли 600 человек и отошли. Сейчас там тихо.

Иностранная печать восприняла события горячо. Англичане и американцы пишут, что началось третье решающее наступление, что идут танковые бои невиданных еще масштабов. Немцы вчера молчали, а сегодня сообщили, что в ответ на местные действия германских войск, большевики предприняли яростные контратаки, которые перешли в ожесточенные бои. Видимо, они заранее готовят плацдарм для оправданий в случае провала наступления.

Яков Зиновьевич считает, что это еще не генеральное наступление, во-вторых, что еще не ясно направление главного удара.

Посылаем туда Полевого и Кирюшкина.

Центральный фронт, 1943 г.

13 июля

В 2:30 дня я с Яшей Макаренко выехали на Центральный фронт. К вечеру доехали до Тулы, пообедали и в сумерках прибыли в Ясную Поляну. Заночевали в деревне. Встретили здесь полковника Воловца, рассказавшего о том, что 11–12 июля начались активные действия на Брянском фронте. Вот и думай — куда ехать? Одначе, решили все же продолжать держать старый

путь.

Встретил тут, между прочим, 5–6 человек, которые меня знают, а я их нет. Обычная история.

В числе прочих оказался некий Володарский, начальник издательства газеты „На разгром врага“. Лишь утром я вспомнил, что он был помполитом на ледоколе „Садко“ в 1935 году.

14 июля.

Утром встали в 6 ч. Зашли в усадьбу Толстого. Внешне там все осталось без изменения по сравнению с тем, как я видел раньше, до войны. (но м.б. уже восстановили после немцев). Лил проливной дождь. Прошли мы с Яшей к могиле Толстого. Она полностью приведена в порядок, за ней, видимо, следят: аккуратно обложена дерном, сверху уложены в рядки (линии) полевые цветы и у основания четыре гриба! Ребята!

Поехали. Пообедали в Ефремове. Город сильно побит. Оттуда — в Елец. Дорогой все время объезжали артиллерию, мотопехоту, минометы, идущие на фронт. Очень приятно. Дорога приличная.

Жительница Ельца (работница связи) рассказывает, что город сильно бомбят, но последнюю неделю тихо (после того, как начались операции на Орловско-Курском направлении). Жалуется на дороговизну: картошка — 120 р. котелок, ягоды — 20р. стакан, яйца — 14 р. штука.

Сейчас сидим за Ельцом, машина разладилась — вот и записываю.

Вечером проехали Ливны — город весь состоит из коробок — вес дома разрушены бомбежкой. Ни одного целого дома мы не видели. На выезде мы спросили регулировщика:

— Где можно переночевать?

— До ближайшего селения 4 км, но оно все разрушено.

И впрямь, доехали до села Борково — одни руины. Но люди живут в подполах, в блиндажах, в землянках. Поехали дольше — ст. Каратыш — тоже самое.

Решили свернуть с шоссе, поискать что-нибудь целенькое.

На шоссе встретился паренек лет девяти-десяти:

— Командиры, дайте денег выкупить рожь из колхоза.

— Зачем?

— Кушать.

Дали рублей 20. Глаза горят.

Отъехали километров 5 и приехали в село Барановка. Когда-то было 500 дворов. Семь месяцев в прошлом году были под немцем. Всех жителей они выгнали в Щигровский район. Когда наши в ноябре выгнали немцев — все вернулись, хотя и знали, что тут одни пепелища.

Зашли мы на одно такое — там живет в скотном сарайчике

семья завхоза колхоза: жена, три девочки, младшей года два. У всех раздуты животы.

— Отчего? Три месяца не видели хлеба, траву едим. Вот и раздуло. Неужели опять немец придет?

— А как вы зимой будете

— Построимся.

Дали мы им кило хлеба. Смотрели, как на лакомство. И это Орловская область!

Заночевали в одной уцелевшей хате. Живет тут три семьи. Одни женщины и дети. И все-таки чисто. Вечером — светло, лампы сделаны из снарядных гильз. Поставили для нас самовар. Сами пить чай отказались — отвыкли, мол. Сколько ни упрашивали — не помогло. Погода улучшилась, светло, луна.

Выехал я довольно внезапно, хотя разговоры велись несколько дней. Редакция все боялась меня отпустить, чтобы не сесть впросак в остром случае.

Так как с материалом было туго, то мне перед отъездом пришлось сделать две вещи: одну — о действиях авиации на основании беседы с начальником оперотдела ВВС генерал-майором Журавлевым, вторую — о танках — по беседе с генерал-лейтенантом Вольским. Оба считают, что силы у немцев больше. Обе беседы дал в номер за подписью Огнева. Уезжая из редакции, встретил Кушнера: он сказал, что у них на правом фланге началось оживление.

Вспоминается доклад Гере. Всего за неделю до 5 июля он говорил, что немцы вряд ли начнут наступление и высказывал радужные надежды на второй фронт. Но разве десанты в Сицилии — это второй фронт? Не даром наши газеты дают сообщения об этом петитом, верстая на одну колонку.

15 июля.

Дорогой хватили зверской грязи. С утра пошел дождь. Затем рванул ливень. Шоссе закрыто — ремонтируется. Ехали по объездным дорогам. Почти на каждом шагу они была перегорожены застрявшими машинами, преимущественно цистернами. Нас никто не обогнал — в такую погоду торопятся только газетчики. Ломили через грязь и лужи, как ледокол, машину накрывало грязью с верхом. Навстречу машины изредка попадались — большинство везло остатки наших сбитых самолетов.

У деревни Николаевка, застряв в грязи, мы явно услышали канонаду тяжелых орудий. Как узнали позже, это палили наши, перейдя в атаку на некоторых участках фронта.

Днем прибыли на место, в Политуправление, вблизи с городком Свобода, село Опалиха. Встретили тепло. Огромное

количество знакомых. Только парикмахера старого нет — а я-то дорогой рассказывал Макаренко, что как только парикмахер Каминский начинал меня брить — немедля играли зенитки. Сейчас вместо него девушка — Раиса. Сел я бриться — и как по щучьему велению — пальба.

Встречавший меня первым кинооператор Казаков, увидев знакомое лицо с „лейкой“, решил сделать мне приятный сюрприз. Он отвел меня в сторону (для секретности) и доверительно сообщил:

— В село Н-ское привезли „Тигра“. Можно снимать, как угодно и делать с ним, что хотите. Не прозевайте!

Это особенно забавно, если учесть, что за все дни боев не удалось снять ни одного „Тигра“ хотя подбиты были многие десятки. А редакции требовали. Но все танки находились либо на территории противника, либо на ничьей земле. И вот дня три назад одна команда эвакуировала „Тигра“. На него немедленно набросились тигры-репортеры. Они его щелкали со всех сторон, задымили все вокруг шашками и взрывателями. Но всех перещеголял Кнорин из „Красной Звезды“. Он снимал, как и все, и улетел в Москву. На следующий день (13 июля) в газете „Красная Звезда“ на первой полосе появилась панорама из четырех „Тигров“, на второй — боевой эпизод с „Тигром“. А это был все тот же несчастный замученный один единственный танк-эталон.

Газетный народ встретил нас с подъемом и весьма дружески. Живут газетчики и киношники в деревушке со странным южным названием Кубань, и Макаренко я сказал, что — выходит — он никуда и не уезжал со своего фронта. Впрочем, газетчики называют это логово „Голливудом“. За год, что мы не виделись, многие получили ордена: Рузов награжден „Отечественной войны“ 2 степени, Олендер — 1 степени и т. д.

Начальник отдела агитации и пропаганды политуправления подполковник Алипов расплылся в улыбке при виде меня:

— Вы всегда приезжаете в острые переломные моменты.

Над нами тихонько носятся штурмовики, изредка проходят немцы. Глухо доносится канонада. На участке одной армии наши части перешли в наступление. Об этом смутно говорили все. Меня спрашивали, что делается на Брянском и Западном.

Вечером легли спать на сеновале: Женя Кригер, Оскар Курганов, Трояновский и я. Вдруг Павел Трошкин вспомнил, что Льющенко из „Комсомолки“ сказал, что в сводке есть сообщение о том, что наши части севернее и восточнее Орла прорвали фронт и углубились на Орловско-Курском направлении и, после ряда контратак, перешли мы в атаку.

Ага!!

16 июля.

В 4 часа утра Оскар вместе с известинцами уехал на передний край глядеть наступление. Макаренко с Коршуновым поехал к танкистам. Я решил заняться авиаторами. Чудный погожий день, солнце. Село красивое, все в зелени. Бабы вокруг роют окопы.

Сижу, пишу письма. Рузов читает вслух Киплинга стихи.

17 июля.

Вчера днем наши части попридержали ход, а во второй половине дня опять пошли в атаку. Продвижение идет медленно. Немцы зло огрызаются, часто переходят в контратаки. Силы у них здесь большие. На брянский они сняли отсюда только 2 танковых дивизии и авиацию. Поэтому очень остро стоит вопрос о закреплении.

Ребята вчера выехали в части. Курганов поехал с фотографом „Известий“ Павлом Трошкиным и Женей Кригером. Они заблудились и попали на самый горячий участок. Как Оскар говорит — они увидели то, о чем раньше писали. Они были на НП полка в 500 метрах от поля боя. Танки, артогонь, авиация! Поджилки трясутся.

Отличился Трошкин. Несколько дней редакция долбала его за то, что он ничего не посылал. И вот, будучи на НП, он увидел несколько самоходных пушек „Фердинанд“, подорвавшихся на нашем минном поле. Метров 300–400. Он взял командира минеров и пополз туда. До этого там убило троих и ранило одного. Дополз, снял вплотную. Молодец!

Вечером Рузов читал мне стихи Киплинга. Великолепно! Очень идет к войне. Особенно хороша „Дорога в Мандалей“. Томик Рузов возит с собой.

Весь вчерашний день наша авиация косяками гудела на север. Самолетов несколько сот.

Сегодня встал рано. Спор с Кригером: что раньше делать — чистить сапоги или умываться? Умыться — запачкаешь руки, чистить — при умывании забрызгаешь сапоги. Я стоял за чистить, Женя — за мытье. Кончили тем, что пошли завтракать.

Сегодня снова наша авиация продолжала утюжить передний край. Снова и днем и ночью слышна канонада. Ребята были в отбитых деревнях — как обычно вонь, трупы, минометный и пулеметный обстрел, разрывы снарядов. Несем значительные потери. Один танковый батальон на небольшом участке был израсходован за два часа.

18 июля.

С напряжением слушаем сводку. О нашем направлении говорят глухо и между прочим. Это всех огорчает. Так мы скоро

превратимся в вымирающих животных, т. к. нас никто не будет печатать с неинтересных направлений.

— Исчезнем, как мамонты, — говорит Макаренко.

В столовой встретился с полковником Мартыновым — зам. командира 87 стрелковой дивизии. Его дивизия дерется сейчас около Понырей. Полковник лежал месяц или полтора в госпитале. Вчера выписался, поехал к высокому начальству. Одначе, столь сильна привязанность к части, что „по дороге“ (сделав крюк в 100 км. с лишком) заехал на передний край и посмотрел, как дерутся его „ребята“.

Утром обсуждали куда и когда поехать. Решили было мотать сразу после завтрака. Липавский сказал:

— Нет смысла, поедем часиков в 12. Утром там делать нечего — даже под бомбежку не попадешь.

Все огороды и сады нашей деревни забиты семьями. Это — эвакуированные с переднего края. Живут они в сараях, клетях, а то и просто под деревьями, табором.

Вокруг много роют. Отрывают, опоясывая все селение, окопы полного профиля. И это несмотря на то, что мы наступаем. Правильно!

Днем был у командующего воздушной армией генерал-лейтенанта Руденко и его начштаба генерал-майора Бройко. Живут они в лесу, в целом земляном городе. Блиндажи трех-четырехкомнатные, чистота, порядок, окна со стеклами и занавесками, телефон с Москвой.

Принял меня отлично. Вышли, если на травку и беседовали около трех часов. Рассказал о тактике массированных налетов, говорил, что такое прикрытие наземных войск и господство в воздухе, что в воздухе дорогу наглухо не закроешь и проч. Постреливали зенитки, покусывали комары. Генерал высок, статен, живое лицо, блондин чуть седой, очень культурный и обходительный. В свою авиацию влюблен и чуть-чуть к ней неравнодушен.

19 июля.

Вчера ночью по поручению нач. ПУ генерал-майора Галаджева, всем корреспондентам было приказано поехать на левый фланг и быть там сегодня на рассвете. Никто не поехал, ибо каждый уже не раз бывал при начале наступления, писал об артподготовке и знал, что ничего нового не будет. Сообщение информбюро, в случае удачи, последует через несколько дней, а интересный материал и нужные люди определятся тоже не раньше.

Наступление развернулось довольно успешно, хотя немцы отчаянно сопротивляются. В первый день мы там продвинулись

на 5–8 км, заняли Тросну, Озерки и пару других пунктов.

20 июля.

Сегодня, на основании беседы с Руденко и ряда материалов написал большой подвал (больше подвала) „Нашла коса на камень“ — о крахе немецких воздушных планов и о характере авиационной войны на нашем фронте. Послал. Неужели зарежут? Дал там несколько публицистических абзацев, назвал цифры самолетов, участвующих в массированных налетах А то по нашим материалам раньше получалось, что у немцев — сила, а у нас — только отвага и мастерство. У них по 300–200 самолетов на участок, а у нас „группа“.

Получил телеграмму из редакции о том, что я назначен начальником корреспондентских групп на Центральном фронте и Воронежском. Лазарев проводит в действия свой план, редакция постепенно освобождается от газетчиков в аппарате. Ол-райт!

Весь день над головой эскадрильи наших бомбовозов и штурмовиков, идущих на север. Дают жизни!

Жара.

Получил „Правду“ за 18 июля. Напечатана моя корреспонденция „Вчера и сегодня“, посланная 16 июля. (дали под заголовком „Ломая сопротивление врага“ и подписью Л.Огнев).

22 июля.

У нас события без перемен. Вчера немцы западнее Тросны попытались нанести удар с фланга по нашим наступающим войскам. Нашим пришлось отступить немного и оставить Тросну. Но в это время наши войска, стоящие еще западнее, в свою очередь ударили немцам во фланг и они поспешно отступили. Наши опять заняли Тросну.

Вообще же продвижение пока идет медленно. Это объясняется тем, что немцы тут наступали и сейчас еще нам противостоят большие силы. Против нашей 70 армии, например, стоит 9 дивизий пехотных и одна танковая.

Брянский же и Западный фронты наступают быстрее. По данным сводки Совинформбюро за 21 июля, они стоят уже в 15 и 18 км. севернее и восточнее Орла.

Вчера здесь стало известно, (об этом сообщил Леня Кудреватых, вернувшийся к вечеру с переднего края) что немцы жгут Орел, взрывают склады боеприпасов. Железная дорога Орел-Харьков контролируется нашими частями. Видимо, немцы уводят свои войска из мешка. В этом разе мы завтра-послезавтра начнем быстро двигаться вперед.

Наша авиация все время ходит к фронту целыми косяками. Чуть оживилась и немецкая. Вчера и сегодня над нами снова

ходили разведчики, палили зенитки. Сегодня ночью появился один. Его поймали прожектористы: два луча. Он пытался вырваться: поймали еще два луча. Он спикировал: тогда поднялся в лоб еще один луч. Немец потерял всякую ориентировку, был ослеплен вконец и вмазал в землю. Тут увидели сноп пламени, слышали взрыв (видно, взорвался на своих бомбах) и затем ровное горение.

Сегодня прошла гроза исключительной силы.

Что-то долго нет Макаренко и Коршунова. Уехали еще позавчера в 70-ю армию, хотели вернуться вчера, а нету.

Читаю Гамсуна. Как все-таки своеобразно тяжело и утомительно он пишет. Прочел два романа „Живые силы“ и „Редактор Люнгс“. Устал!

25 июля.

Поехали с Липавским к бомбардировщикам. По дороге заехали к истребителям ПВО. Тут были гостями у сталинградца Героя Советского Союза Башкирова. Звание ему дали за 12 лично сбитых. После этого свалил еще 4. Позавтракали у него, отдохнули, выпили, я побрился.

Были в Курске. Сам город — живой, много народа, машин. Все крупные здания разрушены, снял развалины. Особенно пострадал от бомбардировок 2–4 июня район вокзала: там камня на камне не осталось. Всюду — развалины, воронки, следы осколков в каменных стенах, как оспа.

Провели тут митинг, посвященный вчерашнему выступлению т. Сталина об успешном завершении отражения немецкого наступления.

Оскар Курганов рассказывал вчера, как они приехали на КП полка в 13-ой армии. Предъявили документы. Командир полка отстранил их в сторону, засмеялся и сказал:

— Зачем? Какой же дурак еще, кроме журналистов приедет в этот ад?

Вчера получили сообщение, что на Сев. Кавказе убит при бомбежке фотокорреспондент „Комсомольской Правды“ Б. Иваницкий. На западе тяжело ранены миной несколько кинооператоров. Сколько уж их легло?

28 июля.

26 июля утром снова выехал к летчикам. Снова проезжал через Курск. Впечатление то же, тягостное. Все более или менее крупные здания истреблены. Видно, что немцы готовились очень серьезно защищать город. Повсюду окна заложены кирпичами, проделаны бойницы. Всюду — окопы: в сквере, на площадях, на улицах. Даже в стене кладбища проделаны бойницы. Говорят, в могилах дзоты.

Был у командира бомбардировочной дивизии полковника Куриленко. Долго толковали. Он — ярый поборник фотосъемки результатов (и проводит ее неукоснительно) и железного строя. Жалуется, что маловато прикрытия. Медленно, по его мнению, перестраивается подготовка кадров. До войны он был начальником авиаучилища, затем воевал на Карельском и это дело знает и чувствует хорошо.

— А тут я их могу учить не больше 2–3 недель!

Он него поехал в один из бомб. полков, которым командует подполковник Соколов — высокий, статный, несколько самодовольный шатен. Летчики у него хорошие. Много времени я толковал с капитаном Лабиным — командиром эскадрильи. Со своим штурманом Давиденко и стрелком Артамоновым он сидит на одном самолете с августа 1941 г. Случай редчайший! Ни разу не сбили, ни разу не горел. И не собирается.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — шутит он.

Его все аттестуют, как зрелого мастера. Авторитет у него огромный. Любопытно, что и он, и Давиденко до авиации были помощниками машинистов (он — железнодорожного, паровоза, Давиденко — врубовки в Донбассе). Вылетов у Лабина не так много: 82.

— Но это все групповые: по 6, 9, 18 самолетов. Это — куда труднее!

И ни разу не возвращался с бомбами или не найдя цели. Я о нем много записал (см. публикации).

Оттуда опять заехал к истребителям Башкирова. Он — замполит командира полка. Встретил меня радостно. Выспрашивал, как ему уйти с этой работы.

— Я же боевой летчик! Да вот беда — Герой, а их на политработе почти нет, вот и не отпускают. Да, боюсь, и после войны не пустят. А я авиаинженер. Мечтаю, как кончим войну, если буду живой, займусь снова расчетами. Куплю бумазеи, занавески сделаю. Что плохого?

Начал он писать записки летчика о защите Сталинграда. Стиль гладкий. Я горячо уговаривал его закончить и обещал устроить в „Знамя“

— Если поможешь — буду. Когда приедешь?

Я обещал быть либо 31 июля, либо в начале августа.

У него в полку познакомились с Героем Советского Союза старшим лейтенантом Гультяевым. Чудный паренек. Ему — 21-ый год, воюет уже два года, смелый, бесстрашный, точный, хитрый. Сбил лично 19 самолетов. Маленький, прямо ребенок. Калинин, вручая грамоту и золотую звезду, назвал его сынком, а в полку зовут „шплинтом“.

— Сейчас я вырос. Могу с большими обедать.

— Женат?

— Нет, не успел. Так, иногда.

Мы очень подружились. Поснимались. Страшно хочет в Москву. Я о нем записал изрядно.

Начальник оперативного отдела бомб. дивизии подполковник Огнев рассказал случай, который — золото для сценаристов. Летчик из 48 гвардейского полка, стоявшего в Кубинке, весной 42 г. летел на разведку. Подбили, зажгли. Его ранили в ногу. Все трое спрыгнули с парашютом. При приземлении — сломал ногу. Радист и штурман дотащили его до избы лесника и оставили: там обещали его выходить или похоронить. Радист и штурман пошли дальше, пробираться к своим. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Немцы со старостой видели, как опускались парашюты, начали преследовать и по следам дошли до лесника. Забрали его, увезли в город (кажется, Калугу) и там, как тяжелораненого положили в госпиталь. Кажется, били. Но в то время — весьма короткое — которое он пролежал у лесника, в него успела влюбиться дочь лесника. Как говорится, с первого взгляда. Она решила спасти его. Поехала в город. В госпитале работали ее подружки. Уговорила. Его выкрали, отвезли в какую-то лесную сторожку. Там выхаживали, через пару месяцев поставили на ноги. Затем не то пришли части Кр. Армии, не то переправили к нашим.

— Он женился на ней? — спросил я.

— Нет. Он женатый.

Подробности и фамилию этого летчика можно узнать во втором отделе ВВС у майора Рогова (добавочный телефон 5-16)

Повсюду началась уборка. Косят вручную, косами. Серпов нет. Немного недовольства: сеяли тут при немцах индивидуально, а убирают коллективно кое-кто бузит.

Несколько дней назад тут готовились к севу озимых. Землю поднимают лопатами. Лошадей и тракторов нет. Сеять будут под тяпку, боронить граблями.

Тут много эвакуированных из прифронтовых деревень. Живут в амбарах, сараях, садах. Уйма ребятишек — они очень выносливы и легко переносят эти условия жизни. Местное население не любит „выковырянных“, а где может — то и пользуется их положением. Вчера мы подвезли от Курска до села, расположенного в 7 км. от города двух женщин. Они работают в Курске, живут в селе на квартире и каждый день ходят туда и обратно. Их дом в Курске разбомбили немцы при налете 2 июня этого года. За „квартиру“ (кухню в хате, в этой кухне живет 6 таких постояльцев) он платят 900 р. в месяц.

— Сколько же вы зарабатываете?

— Я — 450, она — 250.

— Как же выходите из положения?

— У нас осталась корова. Ее не разбомбили. Вот даем хозяевам литр молока в день или 30 руб. Тяжело!

На нашем фронте все армии быстро идут вперед. Немцы уходят, оставляя огневые заслоны. Видимо, они всерьез освобождают Орловский пузырь. Тем не менее, по всем селам у нас усиленно роют окопы — хорошие, полного профиля, ладят блиндажи и т. д. Отлично!

На остальных участках фронта — поиски разведчиков, наступление там попридержалось.

Общее оживление и тьму разговоров вызвала отставка Муссолини.

29 июля.

Встали в девятом. Организм, как всегда, приспосабливается быстро. С первого же дня пребывания на фронте стал ложиться в 11–12 ночи и засыпаю, как ни в чем ни бывало.

Встали — дождь. Обложной, нудный. Крестьяне ругаются, только начали уборку, хлеб скошен, намокнет. Чего уж хлеб, когда мы сами продрогли, одежда отсырела. Эх, вот бы когда 100 грамм!

Надо писать очерк о массированном ударе и до смерти не хочется. Уж вчера протянул весь день. Все-таки после завтрака сяду. Потом следует заняться истребителями прикрытия. Задача у них невеселая, недаром ее они не любят. Его задача — не драться, а защищать. Клюнул, огрызнулся — и снова к своему подзащитному.

Сейчас по улице нашего села прошел поп. Я шучу: поп пошел к генералу Галаджеву, начальнику ПУ!

31 июля.

На фронте особых новостей нет. Продвигаемся на 6–8 км. в сутки. Немцы начали сопротивляться более энергично. На других участках фронта — некоторые изменения: сегодня сводка сообщила, что юго-западнее Ворошиловграда наши части отбивали атаки пехоты и танков противника. Видимо, либо пробует, било хочет оттянуть наши силы с Орловского участка.

Вчера опять знакомился с показаниями пленных. Почти все они говорят о химической настороженности Германии. Всюду выданы новые противогазы, стары заменены фильтрами 1943 года, личный состав проходит краткосрочные курсы „химической защиты“. Что это за „защита“ показал военнопленный — перебежчик дивизионного обоза 383 пехотной дивизии, ефрейтор Вильгельм Нольтэ: по его словам, дивизия получила приказ

обходить по маршруту Орел-Карачев-Гомель. Командир дивизионного обоза лейтенант Бемель сказал при этом:

— Немецкие войска вступят под Гомелем в решительный бой с русскими. Если немцы не окажутся победителями в этом бою, то они вынуждены будут применить газы.

Погода отвратительная. Каждый день облачно, грозы, дождь. Гром гремит почти не переставая. А ночью — звездно. Что творится в природе!

Немецкая разведавиация усилила работу. Сегодня днем несколько раз стреляли зенитки, вечером вчера строчил пулемет. Мы сидели за преферансом (начальник киногруппы Киселев, корр. „Известий“ Кудреватых, корр. „Последних известий по радио“ Стор и я) и не обращали внимания. Сыграли две пульки, легли в 4 ч. утра — как в редакции.

Вчера произошел забавный разговор. Поэт Евгений Долматовский пригласил меня поехать поохотиться на зайцев из автоматов. Стали вспоминать с какого срока разрешена на них охота. Кто-то сказал, что с 1 сентября.

— Странно, — произнес Долматовский. — а людей можно убивать круглый год…

Позавчера отправил в редакцию большой подвальный очерк „Массированный удар“. Вчера написал небольшой (на 200 строк) очерк „Рядовое задание“ (о пикировщиках). Странно, тяжело пишется очерк — он больше смахивает на живую корреспонденцию. Видимо, отвык.

Вчера полковник Мельников показал мне перехваченный приказ командующего 2-й немецкой армией генерал-полковника Моделя, в котором он призывает свои войска к стойкости и бодрости „в эти решающие бои“. Послал приказ Поспелову — пусть Заславский отоспится на нем. Одновременно написал Поспелову об Огневе.

Пришли бабы, плачутся. Несколько дней назад группа эвакуированных, проживающих в нашем селе, отправилась в свое село за Фатеж косить хлеб. Налетели немцы и с самолетов бомбами и из пулеметов побили многих женщин. Вот яркая иллюстрация к разговору о зайцах!

Макаренко рассказывает, что в одном меле при отступлении немцев захвачен нашими войсками немецкий склад ОВ. То, что он был расположен так близко к линии фронта — весьма симптоматично.

3 августа.

Вчера был у члена Военного Совета фронта Телегина. Лиственный лес. Небольшой дощатый, закамуфлированный домик, рядом — глубокий блиндаж. Домик различим лишь с

расстояния в несколько десятков метров. Уборная — и та закамуфлирована. Генерал-майор — тучный, лысый, с внимательными твердыми глазами, неторопливой четкой речью. Старается развить свою мысль до конца. На стене — карта Европы, на столе — немного бумаг, на окнах — белые занавески, букет цветов.

Встретил меня любезно. Говорили часа полтора. Обо всем: положение на фронте, темы передовых, как доставлять „Правду“ в тот же день, об активе. Отличительной чертой 1943 г. генерал считает героизм не одиночек, а масс батальонов, полков, дивизий. Я предложил ему написать статью на эту тему он охотно согласился. Второй характерной чертой 1943 г. он считает огромную спокойную веру в свои силы, уверенность в своей силе. (В качестве примера он привел штаб фронта — о бомбежках).

Говорили о передовых. Он очень просил дать передовую об инициативе каждого командира. В обороне она не так важна, а в наступлении — она всё. Не лезть на рожон, искать слабые места противника, обходить, бить с фланга, с тыла.

Рассказал он об оперативной обстановке и попросил отметить танковый корпус Богданова, совершивший отличный рейд, проломивший оборону немцев и вышедший под Кромы. Немцы бросили на него 600 самолето-вылетов за день, но не остановили.

Два дня мы слышали тут гул канонады — оказывается, немцы снова перебросили сюда авиацию. Кроме того, сюда с Белгородского направления перекинуты эсэсовские танковые дивизии, в т. ч. „Адольф Гитлер“ и „Мертвая Голова“.

Позавчера в Курске нас застал шумный концерт. В 22:30 над городом появилось несколько самолетов. Десятки прожекторов, сумасшедшая пальба.

6 августа.

Снова был в Курске. На это раз четче, чем раньше заметили весьма своеобразное (хотя до известной степени и законное) отношение к курянам, которые оставались в городе во время немецкой оккупации. В большинстве областных и городских учреждений (обком, исполком и др.) работают либо люди, эвакуировавшиеся в свое время с ними, либо импортированные из тыловых районов страны. Мы познакомились случайно и разговорились с тремя сотрудницами из отдела кадров обкома: одна из них — москвичка, вторая — из Ельца приехала, третья — из Воронежа. очень много привозных на железной дороге.

Особенно подозрительно, вернее пренебрежительно относится пришлый народ и военные к молодым женщинам, которые жили при немцах. Их называют трофейными девушками, а еще чаще просто блядями. Часть из них, надо сказать, этого

заслужила. Секретарь редакции „Курской правды“ Николаев рассказывал мне, например, что по данным неофициальной переписи в городе насчитывалось *** ребят, родившихся от немцев (это только те, которые были зарегистрированы в немецких ЗАГСах, а сколько не записывали и сколько родилось позже!). Будучи временно военным корреспондентом, Николаев присутствовал при допросе пленных, бывавших в Курске. На вопрос — как их там встретили, они отвечали: не только хлебом-солью, но лаской и любовью. Николаеву пришлось видеть письма, найденные у убитых и пленных немцев. В некоторых говорилось: „дорогой мой, кончай скорее войну и приезжай ко мне, я не могу больше без тебя“. Николаев сказал, что некоторых из адресаток он знал до войны, кое-кто были комсомолками.

Да и на наши вопросы жители рассказывали, что вот такая-то уехала со своим новым мужем в Германию, а такая-то заявила: пусть поставят рядом Ганса и моего мужа, и я прямо скажу, что люблю Ганса.

Мы ночевали в одной квартире. У хозяйки две дочери: Аня и Нина. Фамилия их Кацельман (отец — выкрест), они дальние родственники артиста Хмелева). 24-летняя работала у немцев переводчицей и, по единодушному заявлению соседок, была чрезвычайно доброй к офицерам. Младшая же Нина — небольшого роста, с изумительной фигуркой и пышными волосами — несмотря на свои 17 лет успела выйти замуж за немца официально, не считая прочего.

Жители рассказывают много нелестного о русских подлецах, находившихся на службе у немцев. Особенно ругают украинцев, из которых были созданы особые батальоны.

Рассказывают также, что за последнее время в немецкой армии усилилось дезертирство. Поэтому очень часто в Курске производились повальные облавы. Дезертиров вылавливали, заковывали в цепи и отправляли в Германию.

Наша машина сломалась и мы провели сутки в 3-м ремонтном участке, которым командует майор Пугачев. Вчера ночью он разбудил нас, сообщил, что в 11:45 вечера передавали приветствие т. Сталина по поводу взятия Орла и Белгорода.

— Утром я отправляю машину в Орел, — сказал он.

— Зачем?

— За запасными частями!

Вот деловой человек.

Кстати, о наступлении наших войск на Белгородском направлении мы узнали позавчера тоже у них. Останавливались для технической помощи шоферы с этого направления и рассказывали.

В Курске, как всегда, ночью была отчаянная канонада. Палили так, аж всюду дребезжали стекла. К слову: обратно из Курска я ехал с капитаном-зенитчиком, которого посылают учиться в артиллеристскую академию. Он был начштаба зенитного полка. Он сообщил свои любопытные подсчеты: на каждый сбитый самолет автоматической артиллерией приходится 500–600 снарядов, сбитый средними калибрами — 346.

— А ночью огонь эффективен?

— Только с проекторами. А так — одна мораль.

Изнуряющая жара! Накануне отъезда в Курск ночевал со мной на одной койке Евг. Долматовский. По обыкновению он немилосердно хохмил, а затем рассказал, что написал большую поэму о плене на основании личных наблюдений.

— Память у меня плохая, а на стихи хорошая. Поэтому то, что надо было запомнить я излагал белыми стихами и запоминал. И такие черные вещи излагал этими пушистыми строфами, что сейчас самому странно, как умещалось…

В числе прочего он сообщил, что недавно был пойман один контрразведчик, который присутствовал при аресте генерала Понеделина. Он нарисовал совершенно иную картину его поведения. Вместе с членом военного совета он находился в танке. Танк подожгли. Они вышли и отстреливались до последнего патрона. Его товарища убили, его — ранили и захватили в плен. Он сказал, что никаких показаний давать не будет. Его увезли в тыл, поместили в хорошие условия, вернули документы (в том числе партийный билет) и предложили подписать обращение. Он наотрез отказался. Его били — не помогло. И, наконец, расстреляли. Если это так, то это по-новому освещает его фигуру.

Оскар Эстеркин рассказывает любопытную, прямо дворцовую историю. В Великих Луках долго сопротивлялся гарнизон крепости. Тогда один пленный немецкий лейтенант предложил свой план. 40 наших автоматчиков переоделись в немецкую форму и во главе с ним и нашим командиром ночью проникли в крепость. Пришли они под видом пополнения. Предчувствуя вопросы своей команде, лейтенант сразу во всеуслышание скомандовал (как было условленно заранее) „Кто скажет хоть одно слово — будет убит“ (что соответствовало бы действительности). Он потребовал, чтобы его провели к генералу — вручить пакет.

— Отдайте адъютанту!

— Нет, у меня личное поручение к нему.

Его повели, но за ним пошло десять немецких автоматчиков. Заметив это, наш командир отправил за ними своих. К генералу

его не пропустили — возникло подозрение. Приближалось утро: обман бы раскрыли. Он хотел пистолетом проложить дорогу. Подняли пальбу немецкие автоматчики, по ним — наши.

Основной гарнизон не знал в чем дело. Началась паника. Воспользовавшись этим, отряд прорвался к своим, потеряв всего несколько человек. Немецкого лейтенанта наградили орденом Ленина.

7 августа.

Наш газетный лагерь — все время кочует. Все время кто-то уезжает, приезжает, вечно мы кого-то ждем, и кто-то нам что-то рассказывает. Особенно это заметно в дни больших событий.

Вот и вчера. Первым днем приехал из района танкистов корр. „Красной звезды“ майор Конст. Буковский. Он сообщил, что видел Кригера и Трошкина узнав про уличные бои в Орле, они, де, срочно повернули и поехали туда кружными дорогами в обход. Сам Костя рассказал о своих впечатлениях от пребывания на Воронежском фронте. Видел он там нашего Яхлакова, тот пробыл дней пять и уехал на Юго-Западный.

Часиков в 7 вечера приехали Макаренко с Коршуновым, уехавшие еще 4 августа. Они были у танкистов. Матерно их ругают за неорганизованность. В политотделе армии им сказали, что продвинулись туда-то и взяли то-то.

— А где КП корпуса?

— Там-то.

Поехали туда и попали… в штаб полка. Командир полка сообщил, что КП еще не переехал, а что касается продвижения, то оно не состоялось.

Были ребята в Кромах. Город производит сдержанное впечатление. Но уцелел. Взорваны несколько домов в центре, а окраины уцелели. Взят город вчера. Немцы держатся на огневом сопротивлении.

Попали ребята в бомбежку. Только сели обедать. Над головой — девятка. Яша говорит:

— Я привык, раз над головой, значит — бомбы полетят вперед по инерции. Вдруг как завизжит все кругом — оказывается он, сволочь, сбросил в контейнерах мелочь, лягушки. Они, бляди, падают, подпрыгивают, а потом рвутся. Мы плюх куда попало. Я в какой-то кювет, на меня навалились саперы. Сергей в другом месте на саперах сам. Взрывы все ближе, ближе. Ну сейчас нас! Вдавились. Нет, какой-то интервал площади и рвутся дальше. Я приподнял голову, в это время визжит еще одна. Ну это — моя! Нет, благополучно. Кончилось. Но обед прошел вяло и водка была какая-то кислая. Убило одну лошадь и одну ранило. Пристрелили. На обратном пути снова отлеживались в канаве, да

в 7 метрах от нас, обгоняя, взорвалась на мине машина. Людей раскидало на несколько метров. Однако, все остались живы, лишь поранило всех.

Проговорив все это, Яша сел писать, написал, отправил и пошел после этого ужинать. „Не ел весь день“.

Около 8 ч. вечера в столовой встретили кинооператора Казакова. Он только что вернулся из Орла, ночевал там. Снимал приход наших войск, встречи. По его словам город не очень разрушен. Хотел снять технику, трупы не удалось. На улицах немного „трофейных девушек“ — открыто зовущих отдохнуть после трудов праведных. Вообще же часть населения разговаривает пока еще неохотно, говорит вместо „наши“ — „красные“ или „русские“. Два года!

Часиков в 11 вечера вернулся из Кром Кудреватых. Он рассказывает, что Кромы были оставлены немцами, причем еще накануне, когда немцы были в городе, германские летчики бомбили Кромы, чтобы разрушить. По словам Лени в частях все больше и больше идут разговоры о крахе танков. Говорят, что ни немецкие, ни наши танки не могут пройти там, где артиллерия. Танки, мол, пережили себя. Ну-ну!

Второй особенностью здешнего этапа, Кудреватых считает войну ночью. Все действия, все продвижения наши (и отступление противника) происходит ночью.

20 августа.

Утром 8 августа я и Макаренко выехали на Воронежский фронт посмотреть, что там делается. Решили поехать сами, в связи с оживлением. тамошних событий: курс — на Харьков. Ехали целый день.

Приехали в одно место — ПУ, оказывается, продвинулось вперед. Но тут осталась газета „За честь Родины“. Зашли к редактору Троскунову. Потолковали. Я его знаю по прошлогоднему ЮЗФ. Он жаловался на кадры, на условия. Во время разговора ввалился Шера Шаров (Нюренберг). Он только что прибыл из-под Богодухова, от танкистов. Грязный, как шахтер, и еще длиннее, чем всегда А ехал он в „Оппельке“, складываясь втрое. По дороге их не раз бомбили („мессера прямо ползают“), обстреливали автоматчики, оставшиеся в тылу. Он рассказывал, что танки идут вперед, не задерживаясь, рассекая немецкие силы. Многие немцы бродят по лесам. Ребята наблюдали, как один наш автоматчик подошел к полю пшеницы, крикнул „Руки вверх“ и оттуда вышло около 10 немцев.

За эти дни, которые пробыли на Воронежском фронте, побывал у многих интересных людей.

Условились с нач. оперотдела фронта генерал-лейтенантом

Тетешкиным о встрече. Пришли в 3 ч. ночи. Он лежал в постели, его трепала малярия. Огромная пустая комната, кровать и сто. Но генерале — одеяло, две шинели. Красные, воспаленные глаза. Говорит с очень большим трудом, еле еле выталкивая слова. Он дал общую оценку положения на фронте на этот день (10 августа). Я был с Островским из „Известий“, с которым случайно встретился после многолетнего перерыва у одной хаты. Запись беседы см. в блокнотах.

Был у командующего бронетанковыми силами генерал-лейтенанта Штевнева. Он только встал и принял нас в своей комнате, одетый в пижаму в голубую полоску. Запись его беседы — часа два — там же, в блокноте.

Пару раз говорил с начальником ПУ генерал-майором Шатиловым. Он рассказывал, главным образом, о том, как был организован прорыв.

Потом я поехал в воздушную армию. Коротко поговорил с командующим генерал-лейтенантом Красовским. Он порекомендовал подробнее потолковать с его нач. штаба, т. к. торопился на заседание Военного Совета. Хорошо отозвался о работе Байдукова, но присовокупил, что есть лучше — и назвал Витрука. Не откладывая в долгий ящик, отправился к нач. штаба генерал-майору Качеву. Невысокого роста, грузный, толстый, со стеклянным выражением глаз. Сидит все время на узле связи. Вышел со мной на улицу и, глядя на небо и самолеты, рассказывал о делах. Особого впечатления на меня не произвел.

Оттуда я решил поехать в штурмовой корпус Каманина. Дал ему телеграмму с просьбой прислать машину и отправился подождать к зам. нач. штаба полковнику Кацу. Его не было в хате и встретила там его адъютант очаровательная девушка Эмма. Когда мы с фотографом Гурарией зашли в хату, она спала за занавеской.

— Вот бы мне такого адъютанта, — сказал Полторацкий, корр. „Известий“, подъехавший позже.

— Страшно оставлять одну, уезжая в части! — ответил я.

— Нет. Это выгодно, — возразил Виктор. — Можно быть уверенным, что в это время коллеги ничего не будут передавать в свои газеты.

Через час позвонили с узла и сообщили, что мне телеграмма „Машина за вами послана“. Вскоре она пришла, но оказалось, что у шофера мало бензина. Я решил зайти повидать флаг-штурмана армии полковника Гордиенко, бывшего штурмана Коккинаки и взять у него ведро бензина. Обрадовался он мне страшно. Приказал немедленно слить из его машины ведро (кстати, его машина — „Бьюик“, полученный в подарок от правительства за

полет в Америку), расспрашивал о новостях и знакомых, щедро аттестовал меня своим работникам, а затем подставил тут же на карты кружку спирта, кружку воды и вынул из кармана два огурца. Охмелел он очень быстро, взял с меня слово не забывать его, и я уехал.

До Каманина ехать было недалеко — километров 20–25. Но шофер ночью заплутался и пришлось заночевать в деревушке. В 8 утра подъехали. Живописное местечко, пруд, лесок. Каманин не спал, сидел за картой в кабинете. Пополнел, в генеральской форме, держится солидно — командир корпуса.

— Я тебя ждал, ждал. Обычно ложусь в 9, а тут ждал до 11. Потом приказал приготовить тебе постель, ужин и лег спать.

Потолковали обо всем. Позавтракали, выпили. Он приказал приготовить самолет „У-2“ и полетел по полкам. Я поехал к Байдукову в дивизию. Нашел его в школе. Там его штаб. Сидит в маленькой комнатке. Мебель — крошечный стол и стул. Для меня принесли парту. На столе — два телефона — полевой и радио, оба для связи с полками. Связь с корпусом — телеграф (свой). Выглядит Егор хорошо, моложаво, одежда не генеральская, а обычная, за исключением погон. Держится просто, но резко. Очень обрадовался, много расспрашивал про Москву, про друзей, про дела и новости. Хотя воюет уже два года, но чувствует себя по-прежнему летчиком-испытателем.

— Мы по нужде на войну пошли, нас совесть погнала. Кончится — опять на завод уйду.

Много и интересно рассказывал. Его люди бомбили под Хорьковом, под Полтавой, Богодуховым, Грайвороном, Ахтыркой, Ковягами и др. Очень хвалил ст. лейтенанта Молодчика. Над целью прямым попаданием пробили плоскость, вышел мотор. Решил — все равно вломиться в колонну. У самой земли мотор забрал. Он полетел вдоль колонны, но так низко, что обломал костыль о машины. Прочесал, улетел, сел на чужом аэродроме, затем вернулся к своим.

Сам Егор много времени, особенно в период прорыва, пробыл на переднем крае, руководя на месте, по радио. Был свидетелем гибели Апанасенко, зам. командира фронта. Все вместе поехали выбирать место дня нового НП танковой армии Ротмистрова. Впереди ехал на „Виллисе“ нач. штаба армии, за ним, метрах в 300–400 остальные. Когда машина начштаба поднялась на высотку — из кустарника неожиданно в 5-10 шагах выскочили немецкие автоматчики: „Рус, сдавайся“. Шофер резко повернул. Стрельба. Убили сидевшего сзади нашего автоматчика и еще одного бойца. Неожиданно близко раздался выстрел „Тигра“. Решили поехать в другое место. Байдук и нач. артиллерии вышли

из машины и лежали в траве, что-то высчитывали. Показалась большая стая немецких самолетов. Апанасенко предложили лечь, но он поехал дальше. Бомба. Убит. Ротмистров легко ранен. От Байдука ближайшая бомба разорвалась метрах в 15.

Много говорил об организации: горючее, боеприпасы, определение цели, приказ-задача, прикрытие и позывные прикрытия, обозначение переднего края. Рассказал хороший сюжет для фильма о деревне Ванино-Маторино.

— Пишешь что-нибудь?

— Какое там! Вот читаю с первого дня войны „Сыновья“ Фейхтвангера и то никак дочитать не могу. Поохотиться и то некогда.

Перед отъездом с фронта к себе я заехал к нему еще раз. Пообедали и пошли дальше. На этот раз он курил уже не табак, а папиросы („авио“) и страшно был доволен.

Числа 10-го я пробовал позвонить из квартиры Хрущева в редакцию. Просидел с Первомайскм с 8 часов вечера до полуночи и все безрезультатно: Москва была занята. За это время 6 раз звонил колокольчик: так на КП объявляют воздушную тревогу. Была и стрельба, но бомб не было.

Перед нашим отъездом перебрались на новое место — южнее. Ночевали в селе, около леса. За последние дни в этом лесу и на окраине села (оно освобождено 5 дней назад) выловили около 40–50 немцев. Майор нас специально предупреждал: с оружием не расставаться ни на минуту, по одиночке не ходить, спать с дежурствами.

Отлично выспались, поехали к себе на Центральный. Подъезжая к Курску, встретили Бориса Полевого и Росткова — они ехали под Харьков из Москвы. Совсем как в „Лесе“: „Я из Керчи в Вологду, а я из Вологды в Керчь“. Зашли в какую-то хату на окраине, поговорили, рассказали об обстановке, я взял у них табачку, и поехали дальше.

Вообще, народу повидали много. На Воронежский прилетели сначала из „Кр. Звезды“ Денисов и Галин, затем из „Известий“- Антонов и Гурарий. У Каманина встретил знакомого метеоролога из ГАМС'а, в штабе воздушной — профессора из ВВА.

На обратном пути заночевали в селе Жданово. Вошли в одну палатку. Сидевший там человек долго смотрел на меня: „Я вас знаю“. Разговорились. Оказалось — некий Михаил Чех. Он учился в КИЖе и в 1936-37 г.г. некоторое время работал у нас в отделе писем. Потом был в Бурят-Монголии, работал там в газетах. На войне — автоматчик, командир отделения. Во время немецкого наступления под Орлом 6 июля был тяжело контужен при взрыве снаряда. Сначала оглох, паралич, сейчас отошел. Находится в

госпитале, выздоравливает. В этом госпитале мы и ночевали. Постелили нам две койки с чистым бельем и мы просто блаженствовали: две простыни, чистота.

Въехав в село, где была наша база, мы увидели на пригорочке могилу. Подошли. Свежая насыпь, свежие цветы, надпись „Боевому журналисту тов. Бельхину от друзей“. Это было 17 августа. Оказывается, накануне он вместе с Пашей Трояновским и Кудрявцевым (все трое из „Кр. Звезды“) поехали в Дмитриев-Льговский. На обратном пути наткнулись на пробку. Отъехали метров на 300 к речке и начали умываться. Налетела шестерка „Юнкерсов“- бомбежка. Залегли. Улетели. Трояновский слышит голос Кудрявцева: „Я ранен“. Паша кинулся к нему — осколок в ноге, ушел сантиметров на 5, и поцарапана голова. Перевязал. Бельхин лежит неподвижно — осколок пробил голову, мгновенная смерть. Он лежал около реки и вся вода стала красной. А шофер, который лежал у него в ногах, остался невредим. Самого Пашу три раза перевернуло взрывной волной, но он остался целехонек. Ну, остановил он машину с боеприпасами, погрузил наверх тело капитана Константина Бельхина, посадил в кабину Кудрявцева, отвез обоих в госпиталь в Дмитриев-Льговский. Кудрявцев и сейчас там — ранение серьезное. Таковы грустные дела.

21 августа.

Послал в редакцию подвал „В небе Украины“ — о воздушной войне на Харьковском направлении.

22 августа.

На нашем фронте — тишина. На Харьковском и Брянском направлениях наступление застопорилось. Идем там вперед по 6–8 км. в день. Харьков все еще у немцев. А числа 12-го нач. ПУ Воронежского фронта генерал-майор Шатилов, узнав, что я на следующий день собираюсь ехать под Харьков, сказал мне: смотрите, не опоздайте!

Газетчиков на нашем фронте осталось совсем мало. Известинцы Кригер и Трошкин уехали в Москву, краснозвездинцы Олендер и Буковский перебрались на Воронежский, а Андрей Платонов — в Москву, ТАССовец Липавский уехал на Степной, корреспондент Информбюро Пономарев — в Москве. Весь Голливуд распался…

Живем мы на окраине деревни Большая Михайловка. Я, Макаренко и Коршунов занимаем хатку у бездетной старушки Тимофеевны. Она бедна, как церковная крыса, не имеет даже огорода, из живности — коза. В нашем распоряжении комнатка, шириной в 4 шага, длиной в 6 шагов. Спим на полу, на соломе, вдвоем с Яшей (вот уж полтора месяца мы спим с ним вместе,

либо на одной койке, либо рядом на полу). Стоит холодная пронзительная погода, резкий ветер. Несколько дней было сплошь облачно, сегодня раздуло, но по-осеннему холодно.

Любопытен разговор газетчиков, когда они возвращаются из частей. Речь идет не о боях, не о бомбежках, а либо в выпивках (также, как и все воспоминания), либо о деталях машин: конических, планетарных, сцеплении, трамблерах — где их достать и какие они подлые. Ну — прямо шофера!

Полковник Кац во 2-ой воздушной армии рассказал мне драматическую историю У него там в авиачасти был брат, отлично дрался, награжден. Не видел его с начала войны. Приехал — оказывается за неделю до этого убит. Выясняется: получил он письмо, что его жена (внучка Мичурина) изменяет ему в Мичуринске. Командир дал самолет. Туда. Дома нет. К соседям. Обрадовались, выпили. Часиков в 12 идет. Отворяет, растеряна. Он в другую комнату. На кровати — человек, военный, раздетый. Он выстрелил в воздух, тот выхватил из-под подушки пистолет. В живот. Через несколько часов похоронили.

Как много людей, судьба которых неизвестна. В очень многих семьях, где мы останавливались, хозяйки говорили, что от мужей, либо сыновей, уже год, а то и два — нет ни слуха, ни духа. Но все надеются.

Очень хорошо сказал хозяйка нашей хаты в с. Боброва на Воронежском фронте (Курская обл.) Ракитянского района — звали ее Ефимья:

— Все не придут, но все ждут.

23 августа.

Вчера я и Макаренко получили вызов из редакции.

Перед отъездом зашел к Галаджеву, простился. Разговор зашел о действенной агитации печати. Он считает (и резонно), что газета фронтовая, а тем паче армейская, не может утешать себя тем, что она уже писала о том или другом вопросе. В частности, нужно писать, как бороться с „Тиграми“, „Фердинандами“, хотя об этом уже не раз давали два месяца назад. Нужно снова и снова писать, как уберечься от мин и. т. д. Ибо — в армию пришел новый народ, который ничего этого не знает и газету, допустим, „Красную Армию“ никогда раньше не читал.

— М.б. это не по-журналистки, — сказал он. — Но, во всяком случае, это очень нужно.

Спросил он меня — надолго ли я уезжаю и пожелал скорейшего возвращения. Ругал он (к слову говоря о повторениях) своих разведчиков:

— Пишут листовки для немцев и заканчивают их так: „…

переходите на нашу сторону. Вам будут обеспечены условия, согласно приказа 095“. Что же, у немцев подшивки приказов ведутся, что ли?!

Хорошо и подробно говорил с подполковником Прокофьевым — новым нач. отдела агитации и пропаганды ПУ. Он затеял хорошее дело: аннотации-тезисы к кинокартинам („Сталинград“, „Котовский“ и пр.).

Задача — дать материал для агитатора. Такие рецензии он просил подготовить журналистов. Охотно!

Вечером собрались у известинцев. Отмечали три события: 37 лет Михаила Рузова, награждение Лени Кудреватых орденом Красной Звезды и наш отъезд. Присутствовали на званом торжестве: Рузов, Кудреватых, Павел Трояновский, Николай Стор (корр-т „Последних известий по радио“), капитан Навозов (корр-т Совинформбюро), Яша Макаренко, Сергей Коршунов и я. Именинник и Трояновский только сегодня днем вернулись из одной армии и отчаянно зевали: две ночи они не спали, на обратной пути раз десять выскакивали — из непрерывно бомбили.

Стол был невиданный: банка рыбных консервов, соленые огурцы, масло, сосиски, мясо с картофелем, рисовые пирожки, блины с сахаром, яблоки. Напитки: водка, спирт, самогон из сахарной свеклы, портвейн. Сидели до 2 часов утра, пили, пели. Пару раз стукали зенитки, не слыхали даже.

24 августа.

В 7 ч. утра выехали на машине в Москву. Маршрут — через Кромы — Орел Мценск — Тулу. Миновали наш передний край (бывший, Орловско-Курского направления). Рядом — немецкий. Бесконечные ряды окопов, ходы сообщений, очень много ДЗОТов — часть их разрушены прямыми попаданиями. Кое-где встречаются большие участки с надписями „мины“- еще не разминированные. В большинстве же мест уже убран хлеб и между траншеями стоят скирды и связки снопов.

Кромы довольно серьезно разрушены. По пути к ним много трофеев, но мелких — снаряды, гильзы, кое-где лежат подбитые танки, пушки, зенитки, машины. Деревеньки в большинстве целы. Есть наши танки — у многих сбиты башни, видимо — слабое крепление.

На шоссе Кромы — Орел — Мценск (Харьков — Белгород — Курск — Орел Тула — Москва) немцы повзрывали все мосты. Сейчас всюду кипит работа по их восстановлению Часть уже построена. Вообще шоссе в удовлетворительном состоянии. Всюду надписи: „Дорога разминирована“.

Орел разрушен очень. Все дома масштаба от двухэтажного

каменного и выше — разрушены, церкви обезглавлены, вокзал и прилегающее ж.д. хозяйство обращены в труху (но там сейчас энергично работают). Я пробовал было найти хоть один целый большой дом — на всем пути через город не удалось. Центр города — огражден: еще не разминирован. Жителей на улицах мало. Идут войска — пополнение. Где-то в одном дворе стрекотал автомат (война!). Сделал в районе вокзала два снимка разрушенного дома, какого — не знаю.

Деревни за Орлом (к северу) сожжены. Торчат трубы. Обычная картина. Километров через 10–15 начинают попадаться целые селения.

Но самым сильным разрушениям, по-моему, подвергся (из этой группы городов) Мценск. Ему досталось зверски. Город расположен на холмах, очень своеобразен, красивая рек, зелень, очень много церквей оригинальной формы. Но нет, по-моему, ни одной целой церкви: от одной уцелела только колокольня, от другой только своды, у третьей снесены начисто купола. Очень много разрушено и домов — даже не могу вспомнить, видел ли целые.

Кстати, о церквях. В селе, где находится ПУ ЦФ, тоже из трех церквей две разрушены, одна — до основания, вторая — изнутри. Во вторую мы зашли. Там все взорвано. На колонне — рисунок Христа, ему приделаны борода, усы, рога, penis. Над сиянием — надпись „курить строго воспрещается“. Говорят, там была конюшня.

Да, в Кромах видели огромный лагерь для военнопленных. Гигантская территория обнесена колючкой. Сараи для наших пленных — хлипкие, без стен, высота — в полчеловека. Хлевушники!

В Москву приехали к 11 ч. вечера. На Серпуховке нас задержали милиционеры: сделайте маскировку фар, иначе не пустим.

— Да у нас на фронте ездят с полным светом!

— Не мое дело, там фронт, а тут — Москва.

Что делать? Нет ни картона, ни темной бумаги. Но наш водитель — старший сержант Михаил Чернышев — нашелся: взял штаны и гимнастерку, обвязал ими фары, оставил в прорехах щелки для света, и так ехали.

— Потеряешь штаны, Миша! — говорил я ему.

— Это невозможно. Как только они спадут — милиционер засвистит: будет полный свет.

В 11:45 вечера был дома. Страшно поразила чистота в комнате. Вот чего давно не видел!

Помылся, выпил, лег спать.

Хотел позвонить в редакцию, но, оказывается, по случаю взятия Харькова газета вышла с понедельника на вторник, а сегодня (во вторник) в редакции свободный день.

25 августа.

Да. На вечере у Рузова мы разучивали новую песню Симонова, которую он написал будучи у нас на фронте. Песня стоящая, хотя и не доработанная. Вот она:

Журналистская застольная.
Без глотка, товарищ,
Песни не заваришь,
Так давай по маленькой хлебнем.
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем.
Жив ты или помер
Главное, что б в номер
Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
От Москвы до Бреста
Нет на фронте места
Где бы не лежали мы в пыли.
С лейкой и блокнотом,
А то и с пулеметом,
Сквозь жару и стужу мы прошли.
Жив ты или помер
Главное, что б в номер
Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Выпить есть нам повод
За военный провод
За У-2, за Эмку, за успех,
Как плечом толкали,
Как пешком шагали,
Как мы поспевали раньше всех.
Жив ты или помер
Главное, что б в номер
Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!

Там где мы бывали
Нам танков не давали:
Репортер погибнет — не беда.
Но на Эмке драной
Мы с одним наганом
Первыми въезжали в города.
Жив ты или помер
Главное, что б в номер
Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Помянуть нам впору
Мертвых репортеров,
Стал могилой Киев им и Крым.
Хоть они порою
Были и герои
Не поставят памятника им.
Жив ты или помер
Главное, что б в номер
Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
От сырца и водки
Охрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
— С наше покочуйте!
— С наше поночуйте!
— С наше повоюйте третий год!
Жив ты или помер
Главное, что б в номер
Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Так выпьем за победу,
За свою газету…
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой.
Жив ты или помер
Главное, что б в номер

Материал успел ты передать.
И, чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!

Навозов сообщил мне также начало Симоновской же „Веселой журналисткой“, которая записана у меня в дневнике (№….) за прошлый год. Я этого начала не знал. Вот оно:

Веселая журналистская.
И пьющий и курящий,
Отважен и хитер
Был парень настоящий
Веселый репортер.
На танке, в самолете,
В землянке, в блиндаже,
Куда вы не придете
До вас он был уже.
Но вышли без задержки
На утро, как всегда,
„Известия“ и „Правда“,
И „Красная Звезда“.
Оружием обвешан…. (и т. д. — уже записано).

На всех фронтах весьма популярны „Ловушки“ Алеши Суркова. Их множество. Вот некоторые из них, сообщенные мне Стором:

Ловушки.
В купальне старый филантроп
Увидел пару дамских… туфель
Он сморщился как трюфель,
Свалился в воду и утоп.
Три футболиста, скинув бутсы,
С тремя девицами… гуляют.
Они подруг обожествляют
И в чувстве сем не ошибутся.
Свое имущество страхуя
В бюро пришло четыре… деда.
Они пришли после обеда
О бренной старости толкуя.
Стиль баттерфляй на водной глади
Нам демонстрируют две… девы,
Плывя направо и налево
В большом бассейне в Ленинграде.
Разбив кардиналистов рать,
Три мушкетера сели… кушать,
И приготовилися слушать

Что д'Артаньян им будет врать.
Один подвыпивший вассал
Весь замок ночью… обошел,
Потом поднявшися на мол,
Стихи о деве написал.
Какой-то пьяненький капрал
В присутствии дам на стол… уселся,
потом он наголо разделся
И вежливо „пардон“ сказал.
Тореадор попал в беду
Схватив синьору за… мантилью.
Она вскричала „Эскамильо!“
Ты груб, с тобой я не пойду!!»
На виноградниках Шабли
Пажи маркизу… угощали,
Потом стихи ей посвящали
И спать в беседку увели…
(и в заключенье — у…бли).
29 августа.

Вот уж несколько дней в Москве. Болтаюсь все время в редакции. Докладывался по всем инстанциям, написал две докладные записки в ЦК (об уборке урожая в освобожденных районах и по военным вопросам — маскировка, охрана и т. д.). Вчера написал в № передовую «Офицеры и генералы отечественной войны». В связи с этой передовой имел много разговоров с генералами.

Я задал им вопрос: что нового в той или иной отрасли войны показал тот или иной род войск в 1943 г?

Зам. нач. ВВС генерал-полковник Фалалеев сказал

— Воюют, как обычно. Новое — массирование авиации. Количественное преобладание на отдельных участках.

Нач. оперативного отдела ВВС генерал-лейтенант Журавлев ответил:

— Массированные удары. Защита своих войск. Мобильность. Умение управлять большими массами. Умение наращивать силы. Когда зайдете рассказать о поездке на фронт?

Генерал-лейтенант танковых войск Вольский:

— Танки выдержали основной удар в обороне, этого не бывало. Танки парализовали огневую мощь пушек «тигров», «фердинандов» и другой самоходной артиллерии. Танки научились наступать в условиях не только оперативного простора (как было под Сталинградом), но и в условиях глубокоэшелонированной вражеской обороны, притом маневренной и насыщенной огнем.

Зам. нач. арт. управления генерал-полковник Яковлев сказал:

— Артиллерия всегда хорошо действовала (вы простите меня — я же артиллерист). Недаром ее называли еще до войны «бог войны». Это действительно бог. Из нового? Массирование при прорыве. Маневренность в наступлении — сопровождение траекторией стрельбы и колесами.

— Можно ли сказать, что мы имеем огневое превосходство?

— Безусловно.

Позвонил начальнику штаба АДД генерал-майору Шевелеву. Он очень обрадовался. Расспрашивал, как я ездил, кого видел, что говорит Байдук, пьет ли Лапеев. Я похвалил их работу по Орлу, где район вокзала снесен начисто.

— Да, там у нас как то работало 500 самолетов. А вот 5 дней была интересная операция. Немцы установили дальнобойные пушки и начали плеваться в Ленинград. Позвали нас. Одна ночь — 200 самолетов, другая — 200. Вот уже пять дней не стреляют. Только так, по мелочам.

Зашла речь о Курске. Он сказал, что там специально в свое время убили какого-то генерала. Чтобы точно выполнить задание (домик с зелеными ставнями) бомбили с высоты 80 метров «зато с гарантией». Я спросил: это не в домике ли на Восточном аэродроме? Оказывается, он этот домик знает.

— Нет, там генерала не было, там были только офицеры.

Рассказал, что немцы специально для борьбы с АДД создали на одном направлении отряд ночных истребителей. Самолеты — модернизированные «Ме-100», летчики — отборные ночные ассы, наведение и обнаружение посредством особой радиоаппаратуры.

— Но ничего, мы им готовим контрфигу.

Приглашал обязательно заходить и обещал даже напоить пивом.

О наступлении на Брянском направлении уже не пишут, понемногу заглохло. После взятия Харькова тише пошли дела и на Харьковском направлении. Зато активизировались дела в Донбассе. Снова началось наступление и на Центральном фронте: взяли, наконец, Севск. Судя по сводкам, дело идет с очень жаркими боями.

Вчера вызвал меня Лазарев и предложил быть готовым к отъезду снова на Центральный, вместе с Макаренко. Я сказал, что готов. Поеду, видимо, через пару дней.

В Москве — паника среди женщин. Идет мобилизация домашних хозяек. Сейчас очередная разверстка — 10000, главным образом на ЗИС, «шарик» и другие предприятия ленинского района. Раньше не трогали тех, кто имеет детей до 8 лет, сейчас ценз снижен до 4 лет. Жену Лидова уже мобилизовали.

Все жены бешеным темпом устраиваются на работу, куда угодно, лишь бы не в промышленность. Часть зачислилась фиктивными секретарями, часть пошла в секретари к писателям, часть знатных дам (говорит Н. Кружков) поступила в «Копыта» (топать ногами за сценой, когда нужно в спектакле изображать кавалерию). В общем — кто куда.

3 сентября.

Наступление развивается. Чуть не каждый день радио сообщает: «Внимание. Во столько-то часов будет передаваться важное сообщение». Затем следует приказ главкома. Потом гремит салют. В понедельник мы должны были быть выходными. Но взяли Таганрог. Газета работала. Во вторник — взяли Ельню и Глухов. Последовали два приказа. Работали. Отдыхали только в среду. Вчера, в четверг — новый приказ: Сумы.

Москвичи уже снова привыкли. И так же, как во время нашего отступления, молва сдавала без устали города, так и сейчас их бездумно и торопливо забирают. Позавчера распространился слух, что взят Брянск. Нашлись даже очевидцы, которые «слышали» это по радио.

В связи с тем, что материалы от корреспондентов запаздывают приходится кое-что делать в отделе. Так, в день взятия Таганрога я поехал в ВВС, там связались по проводу с Южным фронтом и я сделал «В небе над Таганрогом». Макаренко, бывавший у казаков Кириченко, сделал материал «Казачья доблесть».

Был у генерала-лейтенанта Журавлева (в понедельник). Беседовали часа три. Я рассказывал ему свои впечатления с Центрального и Воронежского. Он внимательно слушал, соглашался, возражал. Я ему сказал, между прочим, что у Руденко больше порядка. Он вполне согласился. Зашел разговор об ассах.

— Я хочу, чтобы Покрышкин скорее дошел до сотни сбитых, — сказал он. Сейчас у него 38.

— У Дмитрия Глинки — 39, - сказал я. — Может, он дойдет быстрее? На кого ставим, т. генерал?

— На обоих, — рассмеялся он.

Позавчера я попросил его затребовать материал о действиях Громовской авиации на Западном. Вчера позвонил ему: «Ну как?»

— Прервалась связь. Я приказал послать самолетом. Жду. Сижу, как на иголках.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1943 г

Аннотация: Встречи в Москве — Коккинаки, генерал Кондратьев, генерал Журавлев. Центральный фронт, поездка через освобожденные территории. Встреча с генералом Бойковым, генералом Телегиным. Начало операции по форсированию Днепра. Фронтовая жизнь лагеря военкоров. Поездка на Воронежский фронт под Киев, разговоры в деревнях. У генерала Тетешкина. Беседа с Н.С. Хрущевым. Встреча с генералом Ватутиным, генералом Штевневым. Обратно на ЦФ. Лагерь военкоров. Битва за Киев, город взят. В только что освобожденном Киеве. Стихи военкоров. В Москву.

Тетрадь № 24–15.09.43–12.12.43 г.

Центральный фронт.

15 сентября 1943 г.

Вот и снова на этом фронте. В Москве я пробыл около трех недель. Затем стали усиленно собирать. 12-го выехал.

Перед отъездом было несколько интересных бесед и встреч.

10-го, после долгих сборов, поехал, наконец, с Зиной к Кокки. Договорились заранее, и он по этому поводу приехал домой рано. Посидели очень хорошо, по-домашнему, выпили, заели разговоры различными травами домашнего изготовления (бобы, свекла, огурчики), которые Володя яро любит.

Он лишь несколько дней назад прилетел из Иркутска, где испытывал новую машину. Пробыл там почти месяц. За это время тут разбился Сергей Корзинщиков. Летел на истребителе «Як», зацепил колесами за провода. И все. Жаль! Чудный был парень, один из последних могикан.

Володя стонет: много работы, особенно «канцелярии».

— Сам посуди. Я — летчик, нач. летной станции, шеф-пилот конструктора, председатель летной комиссии наркомата (то, что был Громов) и начальник летной инспекции — генерал-инспектор наркомата. Везде по кусочку, а набирается день. С утра летаю, а после обеда заседаловка.

— Летаешь много?

— Много. Ведь это моя работа.

— На «кобре» летал? Хороша?

— Хорошая машина (но без энтузиазма).

Зато с полным энтузиазмом показывал свою четырехмесячную дочь Ирину и хвастал, что она похожа на него.

Перед отъездом был у нач. дорожного управления РККА генерал-лейтенанта Кондратьева. Толковали час. Он рассказывал мне об организации и значении дорожной службы, с каким

трудом приходилось ее налаживать.

— Знаете, когда мы отступали в 41-м от Смоленска, бардак был такой, что мне пришлось пустить 8 (или 12, - не помню. Л.Б.) броневиков с регулировщиками налаживать движение. А сейчас они стали живой частою фронта. Каждый командующий о них заботится.

— Надо бы вам наградить их.

— Орденами? Очень многие награждены. Но через фронты, на месте.

— А строители дорог — Ваши?

— Еще бы! Мосты, дороги — это наше кровное дело. Вот на Орловском шоссе почти все мосты уже готовы. Вообще, идем следом за войсками и ладим дорогу. Сейчас, например, уже готовимся наводить через Днепр и Киева. У по строительству дорог много делаем. В этом году, например, построили несколько десятков тысяч километров дорог. Часть из них — шоссейных.

В заключение беседы дал он мне пропуск на проезд без предъявления документов.

Говорил с генерал-лейтенантом Журавлевым. Он интересовался моими планами, рекомендовал скорее забрать Киев, сказал, что очень доволен, что еду я, ибо будет точное описание действий авиации.

— Ну, это на чей взгляд, — возразил я. — Знаете, приехал я в один бомбардировочный полк, о котором писал. Говорят, недовольны моим очерком. Заходили, мол, не оттуда, а отсюда, не в таком строю, а в таком и прочее. Я спрашиваю: ну, и сколько же там верного? — Да процентов 80. — Вот если с такой точностью бомбили, — ответил я, — так давно бы войну выиграли.

Журавлев долго хохотал.

— Ловко вы их купили, — говорил он смеясь. — Ну за 80 %!

Позвонил члену военного совета ВВС генерал-лейтенанту Шиманову.

— У меня к вам две просьбы, — сказал он. — У нас сейчас огромная задача: передача боевых традиций и опыта. Плохо с этим. Приходит новый народ, а самое драгоценное оружие — опыт — остается неиспользованным. Помогите нам в этом. Я тоже скоро туда приеду, разыщу вас и поездим вместе. И второе: покажите дважды Героев. Их у нас всего 8 человек, а страна их не знает.

В ночь перед отъездом был у Поспелова. Простились очень тепло. Я рассказал ему о своих планах, он их очень одобрил.

— Не забывайте своей авиации. Прошлый раз вы нас просто выручили. Сколько вы рассчитываете там пробыть?

— Пока горячо будет.

— Очень хорошо.

Информбюро (полковник Соловьев) сообщил мне, что меня зачислили военным корр-м американской газеты «Чикаго дейли ньюс». Я сказал об этом Поспелову. Присутствовавший при беседе зав. иностранным отделом Хавинсон заметил, что это — самая черносотенная газета («Лет через 5-10 Вам придется объясняться на партийном собрании: почему Вы в ней сотрудничали»)

— Да, это неудобно, — подтвердил Поспелов. — Очень хорошо, что вы пишете в Америку, но я поговорю со Щербаковым, чтобы Вам дали более приличную газету.

Ехали хорошо. Водитель моей машины — харьковчанин Александр Ленивенко. Высокий, статный, красивый парень. За рулем — 13 лет, на войне с первого дня. Драпал, наступал — все было. Семья его (жена, двое ребят, мать) осталась в Харькове и он и них ничего не знает. Гнал отлично.

Ночевали вблизи Фережа, в деревне Овсянниково, где был госпиталь? 3246. Сейчас он выехал и там осталось только второе отделение. Ночевал у начальника этого отделения — капитана медицинской службы Самуила Моисеевича Островского. Очень любопытный человек. Ростом мне по плечо, золотые зубы, живот, беспомощный в житейской обстановке, но, видимо, хороший врач и хирург. Кончил 6 лет назад институт, кажется, в Донбассе. На войне — с первого дня. С этим госпиталем был под Сталинградом, лечил немцев. Рассказывал очень любопытные вещи о том, как немецкие врачи лечили немцев.

Показывал мне коллекцию денег — немецких, французских, бельгийских, украинских, румынских.

Да, забыл записать. Ехали по шоссе Москва-Тула-Кромы-Фареж, тем же путем, которым ехали три недели назад. Мосты почти все построены. На вокзале Орла — снесенном, чистом месте — поезда. Уже ходят.

Но в самом Орле восстановление пока чувствуется мало. Любопытно, между прочим, как воспринимает эти разрушения свежий человек. Яша Макаренко рассказал мне вчера, что он привез в Орел из Москвы нашего очеркиста Ваню Рябова. Он впервые видит такую картину, до этого только читал. Ваня аж прыгал в машине от негодования:

— Звери! Сволочи! Что они сделали с городом Тургенева, с родиной русского языка — звери! Гады!

Очень хорошо сказала акушерка-девушка в том доме в Овсянниково, где мы ночевали (кажется, Катя Копычева):

— Я бы посадила Гитлера в клетку и возила по всей России. И пусть каждый человек издевается над ним, как хочет.

От Дмитрова-Льговского мы ехали по территории, освобожденной две-три недели назад. Деревни, лежащие сразу за линией фронта, почти все разрушены, сожжены. Жители — в подвалах, землянках, на земле у сгоревших хат, в уцелевших амбарчиках. Ребятишки в пыли. Там, где случайно хаты уцелели идет побелка, чистка. На полях убирают пожелтевший, перестоявшийся хлеб. Кое-где работают в поле, среди хлебов, саперы — выискивают мины. Вдоль дорог таблички «Мины!». По обочинам много подорвавшихся машин.

Немецкая оборона здесь была, видимо, очень солидной, бесконечные ходы сообщений. И характерно: на брустверах — мятые следы наших танков, давивших оборону, воронки бомб, разнесших блиндажи, обломки орудий.

Были в Глухове. Город сильно разбит. Вначале, говорят, его захватили почти целым. Но вот уже какой день немцы его долбят: доламывают авиацией. Разрушений много. Но жители живут. Живучи!

Вчера в 10 ч. вечера добрался, наконец, до своих. Яша Макаренко и Павел Трояновский только что приехали из-под Нежина. Устали, измучились, не раз выскакивали из машин. «Бомбят, бляди!» Особенно им досталось в Конотопе, еле отсиделись в немецких окопах.

Сегодня днем сообщили о том, что взят Нежин — сейчас все гадают: какое будет дальше направление — Киевское, Черниговское или промежуточное к Киеву?

Вообще, видимо, фронт перспективный…

17 сентября.

Вчера навалился дождь. Еще ночью замочило и весь день льет. Холодно. Ходим в шинелях, зябнем. У всех один разговор — остановит ли это наши войска и надолго ли непогода? Не началась ли уже распутица?

У газетчиков — гонка. Каждый день надо передавать об успехах, о том, как взяли тот или иной город. По образному шутливому выражению Павла Трояновского для нас наступление — «верные дни — каждый день берут города».

Вчера приехал из района Шостки и Бахмача руководитель кинобригады Киселев. Он рассказывает, что они организовали там, в Шостке раскопку трупов, убитых немцами в районе химико-технологического института. Там разом расстреляли 700 человек. Киселев договорился с райкомом и создали комиссию, в которую вошел и местный священник. Сначала он страшно перепугался, а затем — узнав в чем дело — охотно согласился. По словам Киселева вырыли восемь трупов. Четверо имели огнестрельные раны в висок, четверо — никаких следов, то ли

были избиты до потери жизни, то ли просто засыпаны живыми. Священник рассказывает, что многих закапывали живыми и земля после долго шевелилась. Характерно, что все трупы в земле стояли, а не лежали.

Был митинг. Священник Михаил Волчек сказал потрясающую речь:

— Господь покарает извергов, но до страшного суда перепоручил это святое дело Красной Армии.

Народ плакал хором. Отлично выступил и один рабочий.

В Шостке разбили эфирный завод. Все перепились. Всюду пахнет эфиром.

Любопытную вещь отмечают ребята, побывавшие в Шостке, Конотопе, Бахмаче. Впрочем, это и я сам наблюдал раньше. Местные жители подавлены. У них какой-то надлом. Они не говорят «наши», а «русские», «красные» или «ваши». У всех чувствуется боязнь возвращения немцев.

Вчера взяты Новгород-Северский, Инчя и ряд других пунктов. По Новгороду — приказ. Одновременно узнали в взятии Новороссийска. Ну наконец-то!!! Тоже — приказ.

Вчера, вернувшись с ужина, я застал полную хату шоферов. У водителя нашей (Макаренковской) машины Михаила Чернышева вчера в грязи полетел блок коробки скоростей. Дело безнадежное. Достать тут — бесполезная затея. Но Михаил узнал, что запасной блок есть у шофера машины корреспондента Информбюро. Смышленые наши ребята спешно инсценировали именины, достали самогона (очень недурного!) и пригласили владельца. За чаркой он обещал блок и сейчас Михаил уже вынул мотор и устанавливал поживу.

НА этом банкете, меж прочих, присутствовал и комендант политуправления Баталин, по специальности шофер. Он много и остроумно рассказывал о неистовой страсти, прямо пунктике генерала Галаджева к маскировке.

— Мы машины маскируем не от немцев, а от генерала. Вот выйдет он со мной на бугор и смотрит, нагибается — не блеснет ли где стекло. Я ему говорю, что самолеты пешком не ходят и не нагибаются. Он как зыкнет! Как-то вечером, возвращаясь из штаба, он заметил, что где-то светится окно. А в нашей деревне все окна выходил на другую сторону. Так на следующий день он со мной два часа ходил по задам хат, отыскивая, где есть окно на эту сторону, чтобы узнать виновника. А у меня хлопот — уйма. Обо всем заботиться. Я сначала все делал, и не успевал, конечно. Наконец, сообразил: стал уходить, прятаться. — Где комендант? — Ушел по хозяйству. И дел сразу меньше стало.

Еще перед выездом из Москвы я предложил Поспелову, что

сделаю большой материал о наступлении Центрального фронта, объяв все операции последнего времени под общей тематической шапчонкой «Удар за ударом», «Удар на Юго-запад» или «На Днепр». Он согласился.

Для того, чтобы материал был более военно-публицистическим и умным что ли, я решил поговорить с командующим фронта генералом армии Рокоссовским или членом Военного Совета генерал-лейтенантом Телегиным. Вчера и сегодня я безуспешно атаковал командующего, но его не было.

Тогда сегодня позвонил и объяснил в чем дело нач. оперативного отдела штаба фронта генерал-майору Бойкову. Кстати, это мне советовал и большая умница, отлично разбирающийся в газетных ослах секретарь Военного Совета майор Алешин:

— Ты пойди к Бойкову. Он толковый, тактически грамотный человек, и все тебе обстоятельно расскажет. А командующий — говорить не мастер: скажет, ну взяли то, потом то, потом то. Вот и все.

Бойков пригласил приехать к 6 часам вечера. Я прибыл вместе с Макаренко, но его вызвали на партсобрание. Встретились мы только в 9. беседа продолжалась два с половиной часа (см. запись в большом блокноте). Он охарактеризовал по моей просьбе основные цели нашего наступления, силы противника, меры нашего противодействия, характерные черты наступления, его военно-стратегические результаты.

Беседа была очень интересной и весьма содержательной. Генерал Бойков невысокого роста, приветливый, с умными живыми глазами, несколько полный, с широким лицом, гладко брит, тяжелый подбородок. В хате — очень чисто. На столе — газеты, фуражка, папиросы, два телефона, скромный письменный прибор. На окне — цветы. На стене — большая карта Европейской части СССР и карта Европы. В углу — откидной стол, над ним лампа, на нем — двухверстка с оперативным положением войск.

При трудных вопросах, требующих точной формулировки, генерал задумывался, опустив голову книзу, и затем давал четко сформулированный ответ. Особенно он подчеркивал рост и значение чисто человеческих черт характера воина, что обычно наши военные спецы совсем выпускают из виду. В заключение он пригласил заходить почаще, не стесняясь.

Я перед расставанием сказал:

— Разрешите задать обывательский вопрос: кто будет брать Киев — мы или Воронежский?

— Дело покажет, — ответил он уклончиво.

— А трудно?

— Да. Дело не только в том, что он на правом берегу, но и берег то этот высокий, гористый. Но история знает пример, когда Красная Армия именно в этом месте форсировала Днепр. Это было в 1920 году. Надеемся, что так будет и ныне.

Оттуда я зашел к лейтенанту Жакрееву — адъютанту Рокоссовского. Он извинился, сказал, что докладывал, но просит позвонить завтра, или послезавтра.

— Генерал страшно занят. Часто даже позавтракать или поужинать не успевает. Сами понимаете. Позвоните около 12 ч. — он в это время встает.

Я заметил на стене здания школы, где шел разговор, двустволку и патронташ.

— Чья?

— Командующего. Раньше ездил. Но сейчас, с весны, даже не притрагивается.

19 сентября

Наш корпус пополняется. Вчера утром приехали известинцы Женя Кригер и Павел Трошкин. Они выехали из Москвы на машине на день позже меня, проехали прямо через Глухов в Нежин и сейчас усталые вернулись сюда голодные, как черти. Мы их покормили. Только ушли — вваливается в хату спецкор «Комсомолки» Карл Непомнящий. Он прилетел из Москвы на самолете, летел 2 дня. К ТАССовцам приехал какой-то Глебов — в штатском и в шляпе.

Среди ребят много разговоров об иностранной прессе. Все мы через Информбюро при ЦК «завербованы» в инокорреспонденты. Трояновский уругвайская газета, Костя Буковский — какая-то английская, Макаренко английская «Йокшир дейли пост», я — «Чикаго дейли ньюс», корреспонденты Информбюро дают тоже (Пономарев и Навозов) через свое ведомство куда-то. С легкой руки Трояновского все говорят сейчас об этом «писать на Гонолулу». Писать надо раз (или два) в неделю, размер 3 странички. Некоторым фикс — 500 р. + гонорар.

Вчера с Яшей закончили, наконец, сбор материалов к своей статье и в 11 ч. вечера сели писать. Я диктовал, Яша записывал. Очень трудно было давать формулировки. Кончили в 8 ч. утра совсем опизденевшие. Заголовок — «На Днепр!», размер — 600 строк. Я лег спать, Яша отвез ее на узел. Интересно, что в ней выкинут в СИБ и у нас?!

Наступление развивается. Сегодня взяты Ярцево, Духовщина, Чернигов, Прилуки, Лубны и многое другое. Под Черниговым разведка вчера обнаружила, что с юго-востока до города на расстоянии почти 40 км. нет противника и рванулись вперед, сегодня город взят.

Очень много артиллерии идет вперед. Появилось много «дугласов».

Живем в чудном хуторке, носящем приветливое название Веселые Терны. Освобожден от немцев две недели назад. Население еще не избаловано и не привыкло к постояльцам и относится к нам очень предупредительно и гостеприимно. Жарят гусей, уток, кур, поят молоком, потчуют картошкой, стирают. Немцы здесь были только налетом (хутор в стороне от шоссе и грейдеров) и у крестьян сохранились коровы, гуси, индюки, утки, куры. Посевы повсюду единоличные, убирали тоже единолично. Колхозов не хотят — немцы близко.

Хутор расположен на двух буграх, разделен оврагом и имеет форму буквы Т. Ребята шутят: Т = «тут посадка самолета». Много зелени, часть хутора — в лесочке и высажена чистая аллея Тополей. У каждой хаты — фруктовый сад, но фруктов нет.

Мы живем на самом краю, в большой просторной хате. Как всюду — тут грязно. Но приветливы. Состав семьи: старуха — Елизавета Николаевна, сноха красивая молодайка Аксинья, ее сын 5 лет Шурик. Муж ее неизвестно где с начала войны (в армии где-то).

20 сентября.

Сегодня поехал с утра в штаб, а Яша Макаренко, Сергей Коршунов, корр. ТАСС капитан Денисов и корр. Информбюро капитан Навозов отправились на яшиной машине под Чернигов — ходили еще вчера слухи, что он должен сегодня обязательно пасть.

Зашел к члену Военного Совета Телегину. Когда я был у него прошлый раз (месяца полтора назад), он был генерал-майором, сейчас — генерал-лейтенант. Принял меня очень приветливо, выразил удовольствие, что я вернулся сюда. Поговорили в московских новостях, о моих планах. Затем он рассказал о положении на фронте, напирая особенно на значение боев за Чернигов.

— Ставка придает ему очень большое значение. Нарком сказал, что когда бы ни был взят — салютовать (днем ли, ночью, утром). Сейчас все время из Москвы звонят, узнают, как идут дела.

— И когда вы думаете он падет?

— Обязательно сегодня. Затем еще одно очень серьезное дело: наши передовые войска находятся сейчас (разговор был в 13 ч.) в 6–7 км. от Днепра. Мы все время ждем сообщений, что вот-вот подойдут. Дадим специальное сообщение в Москву. Так что видите, сколько вам писать!

— Да, Ваш фронт становится Центральным не только по

названию, но и по существу.

— Да! — засмеялся.

— А как будете брать Киев?

— Я не знаю, мы будем его брать или воронежцы. Да и не в этом дело кто. В лоб его ломать очень трудно. Надо будет действовать в обход. Выход к Днепру и форсирование — затем река создает такую предпосылку. Правда, форсировать Днепр очень трудно, но надо и можно. А там, потом, пусть берут воронежцы. Мы вообще очень помогаем другим. Когда наши войска нависли над Сушами — пали неприступные ранее Сумы. Бои за Кромы помогли падению Орла. Взятие Новгорода-Северского определило падение Брянска. Нежин предрешил падение Прилук. Сейчас захват Чернигова создает угрозу окружения Брянской группировки противника.

— Хочу широко показать битву за Киев.

— Отлично. Благодарная задача.

Помещался генерал в здании школы. От него пошел к генералу Бойкову. Он рассказал о ходе боев за Чернигов и сказал, что ждут его сегодня. Сообщил, что на этом плацдарме дерутся 4 немецких дивизии + подвели учебно-полевую дивизию. Я рассказал ему о разговоре с Телегиным и ожиданием выхода к Днепру.

— Уже, — сказал присутствующий при беседе работник оперативного отдела подполковник Шиманский. — Утром вышли передовые отряды, а сейчас основные силы трех дивизий: 70-ой, 322-ой и 6-ой. С сопротивлением? Нет. Мы рассекли там немцев и отбросили часть к Чернигову, часть к Остеру. Там серьезные бои, а тут почти гладко.

Затем, зайдя к себе, он подробно рассказал о ходе боев за Чернигов и дал некоторые сведения о движении наших войск к Днепру.

По дороге в столовую я и корр. Информбюро капитан Пономарев встретили нач. информации разведотдела подполковника Смыслова. Он великолепно знает противника. На наш вопрос о силах немцев под Черниговым он на ходу по памяти назвал не только?? дивизий, но и отдельные полки и даже сообщил откуда они прибыли и что собой являют.

Часиков в 7 вечера я сел писать. Дал около 120 строк о выходе к Днепру и 200 строк о боях за Чернигов. В 10 часов позвонил Шиманскому.

— Ну, взяли Чернигов?

— К сожалению, нет.

В полночь голодный я вернулся домой, в село. Завтра переезжаем на новое место.

22 сентября.

Вчера вечером позвонил Бойкову.

— Как тот пункт, о котором вчера мы Вам голову крутили? (дипломатично)

— А, Чернигов? Взят! Утром, в 8:00. Ждите приказа.

Вечером слушали приказ.

Сегодня днем идучи с Рузовым по селу вдруг слышу:

— Лазарь!!

Смотрю — капитан, с шинелью, с огромным толстым портфелем, небритый, пыльный. Всмотрелся — Михаил Тихомиров, бывший редактор (по Детиздату) моей книги «На вершине мира», потом — работник нашего иностранного отдела, потом — зам. зав. отделом печати НКИД, потом военный корр. «Красной Звезды» на Брянском фронте. Там недавно проштрафился. Описывая по данным оперотдела взятие Мценска, написал, что действовали и танки. А они не участвовали. История обычная — каждая наша строка заминирована. Дальше последовал приказ нач. ГлавПУРККА об освобождении от работы в «Красной Звезде» и переводе в армейскую печать. Вот и прибыл в распоряжение Галаджева.

Затем встретил фотографа Капустянского. Он поведал, что Кригер и Трошкин побывали уже в Чернигове и Кригер уже улетел в Москву. А наших ребят все нет и нет.

Вечером сидели у ворот. Темно, как в трубе. Вдруг подлетает «Виллис». Вылазит длинный, нескладный, очень похожий на иностранного корреспондента корр. ТАСС капитан Баранников. В машине еще писатель Алексей Глебов в штатском и выписавшийся только что из госпиталя после ранения корр. «Красной Звезды» ст. лейтенант Кудрявцев (ходит еще с тросточкой).

— Поехали. Дорогой скажу в чем дело. Забирай шинель.

Что, думаю, такое. Сел. Сел и Тихомиров, обогревшийся пока возле машины. Дорогой оказалось, что ребята были в Глухове, заправлялись бензином и достали там на заводе 20 литров пива — бензиновый бачок. Сейчас едут распивать его в соседний пункт за 12 км., где их ждут с утра Пономарев и Трояновский.

Ну что скажешь? Впрочем, затея мне понравилась, хотя я и небольшой любитель пива. Нас сейчас можно прошибить только колоритом. А тут на получай: ночная поездка по степи за 12 км для того, чтобы выпить по стакану пива и вернуться обратно.

26 сентября.

21 сентября наши передовые части форсировали Днепр. Против ожидания, это шло без особого сопротивления. Затем переправились еще и еще. 22 сентября переправа была наведена

на 40 км. севернее. А переправившиеся ранее уже достигли Припяти и начали ее одолевать. Вот тут уже оказались прочные немцы.

Сейчас река Днепр форсирована и южнее (в 20 км. от Киева) и севернее первых дней — другими словами, почти на всем протяжении нашего фронта. Немцы яро контратакуют в лоб и во фланги, пытаясь а)задержать б)сбросить в воду с) окружить наших. Кое-где делается по 12 контратак в день. Сегодня на переправе было 600 самолето-вылетов. Но ущерб небольшой.

Произошел, между прочим, забавный случай. Наши бойцы заметили, что немцы направили к одному из островов на Днепре свой бронекатер и баржу с войском, дабы мешать потом нам. Мы быстро подкрались с другой стороны острова, высадились, встретили, перебили солдат, захватили катер и баржу. Они начали исправно возить наших но тот берег (команда катера осталась немецкой). Сейчас им удалось, наконец, утопить эти «средства».

Хорошо и быстро развивается наступление и на Гомель. Вчера взяли Новозыбков. Позавчера пал, наконец, Смоленск. Вот обрадуются москвичи!

Сегодня был у командующего инженерными войсками фронта генерал-майора Прошлякова и начальника его штаба полковника Алексеева. Они рассказывали о работе саперов при форсировании Десны и Днепра. Я заказал им статью об этом.

— А мин сейчас немец не ставит, — сказал Алексеев. — Не успевает, да и нет у него тут запасов: не думал он, что придется тут воевать. Иной раз не хватает даже взрывчатки, чтобы подрывать здания. Бомбят сверху.

Зашел разговор о телетанке.

— Встречали их еще где-нибудь с того времени (Орловско-Курского)? спросил я.

— Нет. Вообще это чистое арапство. Нельзя такой смешной штукой попасть в движущийся танк. Арапство.

Вечером был у Бойкова.

— Киев будет наш или соседей?

Он засмеялся:

— Вам легче: если соседей — то вы туда. А нам каково?

— Почему немцы оказали такое слабое сопротивления при форсировании Днепра? Есть ли восточный вал?

— Они хотели, но не успели. Дело не только в укреплениях, но в силе. А сил для противодействия у него там оказалось мало и быстро подбросить он не мог: его мы везде сковываем и не даем возможности широкого маневра. А это в нынешней войне, пожалуй, главное. Характерной особенностью является и то, что

мы переплыли с ходу. А все наставления и труды трактуют о длительной подготовке. Вот вам еще одно проявления нового воинского духа. Обязательно напишите подробнее о форсировании Днепра. Это очень большая победа!

— А силы он подбрасывает?

— Да, и большие.

— Ну, а как Гомель?

— Я думаю, что он будет взят раньше Киева.

Посмотрим.

Были в пятницу в Шостке. Отлично вымылись в бане, в номерах с ваннами и душем. Красивый, большой город. Довольно много больших зданий (4–5 этажей), но все они взорваны.

29 сентября.

Днем заканчивал сбор материалов по переправе через Днепр. Вечером сел писать. Кончил в 12. Позвонил на узел. «Приезжайте, Москва свободна». Ночь чернила. Ехать 15 верст, днем шел дождь. Доехали. Сразу пошло на провод. Написал строк 600. Заголовок «Через Днепр». А первую вещь «На Днепр», бюрократы, до сих пор не печатают, говорят — рано еще. Мелочь же идет.

Сейчас наши войска вышли к Днепру на всем протяжении от реки Сож до Киева. но на том берегу сопротивления все крепнет. Наших оттеснили с правого берега Припяти, не дают переправляться Белову (у него зацепилось 3–4 батальона и пока все). Туго и у Черняховского. На других участках идем хорошо. Вечером объявили Кременчуг, через пару дней решится судьбы Гомеля.

С хозяевами хаты зашла речь о сдаче молока. Немцы требовали 600 литров с коровы в год, наши до войны — 75, сейчас — 50 (до конца года).

3 октября.

Позавчера переехали на новое место. Заняли чудную хату — впору генералу. Впервые за всю войну живем в таком доме. Огромная комната, пружинные кровати, деревянный пол (!!), зеркальный шкаф, буфет, цветы. При хате большой фруктовый сад, пчельник, цветы во дворе. Хозяин — Михаил Игнатьевич был ярым опытником, но рядовым членом колхоза. Свою хату пригнал водой за 600 км. по Десне. При немцах был старостой, но очень хорошим и его сейчас не тронули. Зато немцы отобрали у него корову, свинью, разорили пчел. Очень гостеприимны и неизменно приглашают нас к обеду и ужину, хотя питаются очень скудно. Неизменный «борщ» три раза в день, картошка — вот и все, иногда на второе — бульон.

Дела на фронте становятся более сложными. Немцы за Днепром сопротивляются железно. Видимо, приказ Гитлера («не

отступать от Днепра, за отход — расстрел», оглашенный 17.09.43) действует. Кроме того, как показывают пленные, за стрелковыми дивизиями стоят эсэсовские офицеры с задачей стрелять всех, кто отойдет.

Сегодня был у генерала Бойкова. Он считает, что воронежцы потеряли темп и дали немцам время собраться с силами.

— А время на войне — самое ценное. Это было всегда, но в войне с немцами это особенно важно, т. к. они маневрируют быстро.

Он считает, что поэтому судьба Киева будет решена сейчас уже в длительной и сложной борьбе. Затянулось дело и с Гомелем. Там уже несколько дней затишье.

Сегодня я с Яшей написали о ходе борьбы за Гомель — заготовку! Мой материал «Через Днепр» так и не ушел. Узел забит, связи нет. Сегодня при мне отправили 350 телеграмм в мешок на самолет. Поэтому я вчера взял очерк и послал самолетом. Все равно он будет лежать, т. к. о форсировании Днепра до сих пор официально не объявлено.

Приехали сюда под Гомель Эренбург и Симонов. Эренбург остался в армии, а Симонова я сегодня вечером встретил в столовой.

— Хотел ехать под Киев, но дело длинное, полечу завтра в Москву.

Был у меня Евгений Долматовский.

— Написал поэму о Сталине. Хочу ехать в Москву, показать. Писал честно, писал, что в трудные минуты он надеялся на нас, а многие из нас ничего не делали, а надеялись, что он выручит и сам все сделает.

Получил телеграмму от Лазарева с предложением поехать на Воронежский и готовить материалы по Киеву. Там думают, что если с этой стороны подошли к Днепру, то участь города уже решена. Завтра поеду. Думаю сделать большой материал «Битва за Киев» с показом усилий нескольких фронтов, о роли авиации, выступления украинцев. Если дело затянется — хочу вернуться.

Вечером прошел слух, что взята Тамань. Таким образом, вся Кубань очищена от немцев. Это дело!

До сих пор не получил ни одного письма из Москвы. Ничего не понимаю. Сегодня уже попросил Лазарева сообщать мне — все ли там в порядке. Сегодня летало до фига наших самолетов.

5 октября.

Вчера выехал на Воронежский, под Киев. Вместе со мной поехал корр. Комсомолки капитан Непомнящий Карл — юноша 24 лет, в очках, очень способный, с орденом Красного Знамения за двойное хождение в тыл противника.

По дороге заехал к командующему воздушной армией генерал-лейтенанту Руденко. Встретил очень приветливо. Со времени последней встречи у него прибавился орден Суворова 2-й степени. Он рассказал о действиях воздушной армии над Днепром, об особенностях этой операции, о тактике немцев. После этого говорил с начальником его оперативного отдела полковником Островским. Я сказал генералу, что уезжаю под Киев и спросил: не опоздаю ли? Он засмеялся.

— Если вы доедете до того, как Днепр замерзнет, то не опоздаете. Думаю, что раньше не будет. Время ушло.

Он сообщил также, что Чернобыль, за два дня до этого занятый нашими войсками, пришлось вернуть немцам. Зато мы расширили свои позиции в междуречье Днепр-Припять.

— Ну а над Киевом ваши самолеты бывали?

— Да. Между прочим, первым там побывал самолет «У-2». Это уж совсем обидно для немцев. Летал он с агитатором. Пока говорил по-русски — не стреляли, начал на немецком — прожектора, обстрел. Ушел благополучно. Я докладывал Телегину — хохот. Ну а бомбить — не бомбили. И не будем.

Переночевали мы у него рядом с бомбоубежищем и поехали. Вместе со мной и Непомнящий. Дорога была примечательной.

Проезжали Мену — небольшой городок Черниговской области. Как и всюду крупные здания разрушены, электростанция взорвана. Зашли к секретарю райкома. Сидит молодой парень с погонами старшего лейтенанта, со сталинградской медалью, Плотников. Судя по всему, очень опасается, чтобы не забыли, что он участник войны, офицер. Все время называет себя страшим лейтенантом. Рассказал, что в Мене немцы расстреляли 900 человек. Закопаны в общих могилах. Жители требуют раскопать, но «без центральной чрезвычайной комиссии не хочу». Истребили всех евреев.

— Остались в живых только две девочки. Сейчас их помещаю в свой детский дом.

Усиленно приглашал остаться. Хвастал своим театром (журналисты приехали!), в котором и москвичи, и ленинградцы, и киевляне. Это — сборная труппа, составленная из эвакуированных и застрявших артистов и участников художественной самодеятельности.

При въезде в Мену встретили большой красный обоз, впереди на головной подводе — укреплены в рамке с цветами портреты Ленина и Сталина. Остановились, расспросили. Оказывается — обоз в фонд Красной Армии (в счет хлебосдачи? Нет! В помощь Красной Армии). Комсомольцы колхоза «Коммунист» из села Даниловка Менского района, 29 подвод, 100 центнеров ржи, 35

центнеров мяса и птицы. Село освобождено от немцев 19 сентября.

— Как же вы сохранили все это?

Молодая украинка, краснощекая, белозубая, на головной подводе, хохочет:

— Уберегли. В ямах было. Закопали.

Секретарь райкома спешно ищет духовой оркестр, чтобы встретить обозников.

Я снял этот обоз.

Переезжали Десну. Село Бондаревка (Черниговская обл.) за рекой полностью сожжено. Посреди села увидел вдруг: от хаты наполовину сохранилась печь, старуха садит что-то в печку. Среди кирпичей — к печке тропка протоптана. Рядом — старик лет 50 и его 15-ти летний сын ладят из обломков сарай. Это — семья капитана Степана Корнеевича Супруна. Старуха Ганна Зотовна, плача, рассказала, что вместе с другими ховалась в лесу, а ироды все спалили.

Сфотографировал.

Большинство сел, однако, уцелело. У населения сохранился скот, птица, хлеб, огороды. Живут крепко. Под селом Адамовка, Борзинского района Черниговской области встретили колхозников «Червоный Клич». Они сеяли рожь («100 га уже, надо еще 20»). Пять пар здоровенных откормленных быков. Как сохранили? Прятали в лесу.

Подъезжая к этому селу встретили крестьянку. Везла на лошади картошку. Мы остановились узнать дорогу. Рассказала, что мужа недавно взяли в солдаты, а дома — четверо детей. Мой шофер, чтобы успокоить, сказал, что сейчас многих мобилизованных возвращают обратно.

— Ох, если бы вернули мужика — я бы корову отдала бы, не пожалела.

Вот психология! За мужа, пожалуй, можно отдать и корову.

Въехали в Ичню — небольшой городок Черниговской области. Почти не разрушен, взорвано только спиртовой завод и два-три дома. По улицам маршируют партизаны, с винтовками и без, в красноармейской форме и в немецкой, в фуражках и зимних ушанках. На лбу — красная ленточка, у некоторых — в петлицах красные астры. Оказывается — ходят строем в столовую, в баню, несут охрану общественных зданий. Они из отряда, которым командовал нынешний секретарь РК Попко, комиссаром был Сычев. Остановил я одну группу, снял. Здоровые, ражие ребята.

— Давно партизанили?

— Нет, два месяца. Но держали в страхе всех немцев в Ичне.

— Вот бы таким ребятам полицаев, — засмеялся Непомнящий.

— Сейчас беда. — угрюмо сказал здоровенный детина с распахнутой грудью и в немецкой куртке. — Не дают нам с ними расправляться. То ли дело раньше…

У хаты РИКа сидит на бревнах несколько изможденных женщин с ребятами. Одна из них — Наталия Арна Коротченкова рассказывает: они из села Денисовка, Суземского района, Орловской области. Отступая, немцы погрузили их всех в эшелоны с детьми («всех-всех») и начали возить. Завезли потом в Оршу, заставили там работать на торфяных болотах. Давали 100 г. хлеба в день на работающего. Потом, перегнали сюда. Жили они на хуторе под Ичней. Сейчас пришли проситься обратно на родину. Председатель обещает отправить, как только дадут вагон.

Проезжали Прилуки. Весь центр уничтожен. Не бомбежка, а гранаты и поджог.

Ночевали в селе Пречистка, в 50 км. от Прилук (видимо, Яготинского района). Живут крепко, но грязно. Здесь, как и в других местах Полтавщины, осталось очень много мужчин. Их мобилизовали сейчас от 1926 года до 50-ти летних. Но затем всех 49-ти и 50-ти летних, а также родившихся в 1926 и 1927 г.г. отпустили по домам, официально — на с/х работы. Кроме того, после комиссий, отпустили слесарей, трактористов и еще уйму народа.

За завтраком мы пили самогон с 30-ти летним бригадиром Василием Митрофановичем Куприенко.

— Больше половины отпустили.

Жаловался, что очень неохотно народ ходит на колхозные работы. Все норовят на свой огород. Впрочем, так бывало и по другим местам, где мы бывали — нередко.

Сильно развит тут национализм — немцы постарались вовсю!

6 октября.

Утром выехали дальше, по направлению к Киеву. Стоит отличная, летняя погода. Тепло.

Проехали Борисполь — в 35 км. от Киева. Весь город сожжен и разрушен. Выезжая из города, встретили седого, оборванного старика. дал закурить, разговорились. Оказывается, житель соседней деревни Нестеровка (в 2-х км. от Борисполя) — Иван Кузьминский. 59 лет. По профессии — плотник. Сейчас собирает прутья.

— А при немцах (плачет) чистил сортиры, просил милостыню. Весь город сожгли, взорвали, какой город был! Рельсы взрывали так, что куски улетали за 300 м. А с жителями

что делали! Люди рассказывают, что согнали 300 человек в подвал и сожгли живьем. А то взяли трех девок, связали косами и бросили в колодец.

И снова плачет.

8 октября.

Деревня Красиловка (под Киевом).

Находимся вместе с другими корреспондентами. Их тут — уйма. Кто-то насчитал 39 душ.

Он нас — майор Петр Лидов, майор Леонид Первомайский, фотограф Яков Рюмкин.

От «Известий» один майор Виктор Полторацкий, чудный парень, немного мечтательный, очень скромный, великолепный товарищ, высокий, худой, глаза на выкате.

От «Красной Звезды» — майор Петр Олендер, майор Константин Буковский, подполковник Жуков, майор Василий Гроссман, полковник Хитров, фотограф Кнорринг, на подъезде — Илья Эренбург и К. Симонов. Последнего я видел на Центральном фронте, он собирался подлететь сюда поближе к делу.

От ТАСС — майор Крылов и капитан Николай Марковский, фотограф Копыт.

От «Комсомолки» — Непомнящий, капитан Тарас Карельштейн, майор Гуторович (которого все зовут «Швейком»), фотограф Борис Фишман.

От «Иллюстрированной газеты» — капитан Фридлянд.

От Информбюро, «Советской Украины» и проч., проч., проч.

У большинства свои машины. Всех сортов — Эмки, Виллисы, полуторки, трофейные, а у кого-то даже 5-ти тонный Форд.

Страшно разнохарактерный и разнокалиберный народ. Лидов зовет их «шакалами» и во многом прав.

У всех на устах — когда будет Киев?

Большинство считает, что нескоро, через месяц-полтора. Среди населения — всевозможные версии (уличные бои уже «идут», подошли к Лавре и т. п.). Но точно никто ничего не знает.

Что-то за последнее время стали страдать газетчики изрядно. В Смоленске контужен Миша Калашников (при разрыве мины), в Харькове был ранен фотограф ТАСС Кпустянский, в Полтаве — ранили фотографа ТАССа Озерского.

Здесь, при вступлении в Миргород, налетел на мину (противотанковую) наш бывший работник, сейчас сотрудник фронтовой газеты «За честь родины» старш. лейтенант Шера Нюренберг (Шаров).

— Я почувствовал страшный толчок и потерял сознание. Очнулся метрах в 80, на коленках. Толи меня туда бросило, толи сам отполз. Лицо залито кровью, чувствую — изранены веки.

Страшная мысль — ослеп! Жутко кричит шофер, он вскоре умер. Остальные двое отделались легко. Меня подобрали шоферы и отвезли в госпиталь. Первый день я находился в ужасном состоянии: не мог открыть глаз и все время думал, что ослеп. День был бесконечным. Да и потом, когда разлепили глаза и удалили из век осколки — врач-перестраховщик говорил, что ни за что не ручается. Пробыл в госпитале две недели. Весьма неприятно также, когда иглой лезут в глаз.

Из сводки СИБ исчезли все направления. «никаких существенных изменений». В местной газете вчера напечатана передовая «Изматывать силы врага».

Все время неумолчно гремит канонада с берега Днепра. Часто слышны разрывы бомб. Ночью иногда видны «фонари» немцев.

Вместе с Лидовым сделал несколько визитов. Позвонил секретарю Н.С. Хрущева подполковнику Гапочке.

— Заходите. Жду.

Зашел. Часовой направил в сад. Большой фруктовый сад. На траве лежат четыре человека: невысокого роста Гапочка, огромный толстый мужчина в штатском (как оказалось — зам. пред. СНК Украины Василий Федорович Старченко), стройный средних лет человек в полувоенной форме и с «лейкой» (секретарь ЦК КП(б) Украины по пропаганде Литвин) и майор (забыл фамилию). Поздоровались и легли. Разговор шел о том, как нужно палить и свежевать свинью. С шутками, прибаутками, подначкой. Потом вспомнили об обеде и украинских колбасах и как ими хорошо закусывать.

Нахохотавшись, Старченко и Литвин тут же на траве сели писать постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У о помощи крестьянам сел, спаленных немцами. Гапочка сказал мне, что военный совет фронта на днях вынес уже два постановления о помощи Красной Армии населению освобожденных районов. К редактированию нового постановления привлекли и нас. Мы, в свою очередь, договорились о статьях по Киеву.

— В вашем распоряжении 5–6 дней, не больше 10-ти, — сказал мне Гапочка.

Вечером мы зашли к генералу-майору Строкачу — нач. партизанского штаба Украины. Он сказал, что по донесениям партизан немцы усиленно эвакуируют ценности и грузы из Киева, вывозят даже войска (это — сомнительно — Л.Б.) Часть населения уезжает на Запад, часть в Германию. Вокруг Киева усиленно роют окопы и строят укрепления.

Строкач — высокий, статный, представительный, с ленточкой на три ордена.

Говорит, что партизаны оказали большую помощь при

переправах.

Днем был у генерал-майора — нач. оперативного отдела Тетешкина. «А, опять на наш фронт? Раз горячо — так сюда?» По-прежнему красные малярийные веки, веселый. Мы ему рассказали, что сегодня СИБ объявил о том, что после некоторой передышки для подтягивания сил Кр. Армии, вновь началось наступление на всем фронте от Витебска до Тамани, форсирован Днепр севернее и южнее Киева и в районе Кременчуга, занят Невель, Кириши, Тамань.

Генерал сказал, что южнее Киева наши передовые части закреплялись на захваченных правобережных плацдармах. Севернее Киева немцы наступали, а сейчас мы на отдельных участках ведем наступление, а на остальных закреплялись и отбивали контратаки. Контратаки солидные, до двух полков пехоты при 60–70 танках. За вчерашний день — 1300 самолетовылетов немцев.

— У меня вопрос. Если невпопад, можете не отвечать, — сказал я. Задача наших войск сейчас: сломить сопротивление противника или непосредственная борьба за захват Киева?

— Наша задача — взять Берлин!

— Где наибольшее давление противника?

— У Черняховского.

— А у Пухова?

— Гораздо меньше.

— Что говорят пленные?

— Немцы подтягивают силы: технику и людей.

— Нет ли живых приказов Гитлера?

— Нам известен только старый его приказ: держать плацдармы на левом берегу для обеспечения наступления 1944 года. Вот как далеко загадано!

Сажусь писать «Самолеты над Днепром». Завтра в 11 утра назначена встреча с Н.С. Хрущевым.

9 октября.

Газетный корпус все растет. Сегодня на самолете прилетели из Москвы четыре известинца: Женя Кригер, фотогрф Гурарий, Булгаков и Федюшев. Днем приехал наш фотограф Яша Рюмкин. Где-то бродит фотограф «Иллюстрированной газеты» Шайлет.

Гурарий рассказал новые печальные вести. В Новороссийске погиб наш корр. по Черноморскому флоту капитан Ерохин. «С боевого задания не вернулся» неистовый авиафотограф Кафафьян (прямое попадание над целью). Это был его полет уже на третьем десятке по счету.

Сегодня был с Лидовым у Хрущева. Он принял нас хорошо, говорили часа полтора. Внешне он изменился: потолстел, лицо

очень усталое, сердитое, обрюзгшее немного. Видно, что он работает днем и ночью. Глаза красные от бессонницы. Очень простая хата, небольшая комната с большим столом, на стенах карты, простой стул, в алькове — кровать с двумя подушками.

Говорили об авторах по Киевскому номеру. Он назвал ряд фамилий, дал общие установки. Просил отметить: освобождение Киева — это освобождение всей Украины, нет сомнения, что потеряв Киев, немцы откатятся до старой границы. Победа — результат тесного союза украинского и русского народов, без этого она была бы невозможной. Отметить упорство и сопротивление украинцев оккупантам. Добавил, что было бы хорошо, если бы вспомнили Богдана Хмельницкого, который еще тогда заключил в Переяславе договор с русским царем, заложив основы русско-украинского союза. По предложению т. Сталина этот город скоро будет называться Переяслав-Хмельницкий. Вводится орден Богдана Хмельницкого трех степеней — т. Сталин дал принципиальное согласие.

— Это будет союзный орден?

— Да

— А герои других республик?

— Наверное, тоже будут. Не знаю точно. Вот орден Багратиона будет. Солдатский орден.

— А вы сами не напишете статьи?

— Нет, некогда. Это — нереально, надо посидеть над ней, не смогу.

— Когда взяли Харьков, вы в разговоре с Поспеловым просили отложить заказ до Киева.

— А сейчас до Львова, — смеется Н.С.

Я сказал, что должен готовить статью о битве за Киев. Добавил, что был на Центральном, который, видимо, содействует киевской операции. Н.С. сразу оживился:

— Вы, журналисты, часто подходите фотографически. Что значит содействует? Я не хочу ничего плохого сказать про Рокоссовского. Он талантливый полководец. Но положение определяется силами противника. Сколько против него танков?

— Три дивизии.

— Какие?

— Вторая, пятая, восьмая.

— Так они сейчас уже наши, как вы знаете. А против Воронежского фронта все время действовало 8-10 танковых дивизий. Вам известно, наверное, что главный удар он наносил на Белгородском направлении, а на Курском (Кромском) был вспомогательный. Здесь его танков было вдвое больше. Мы ведь тоже собирались наступать, но 20-го, а он начал 5-го июля. И вот

потом все время имели дело с его танками.

— Какие были основные этапы борьбы?

— Прохоровка. Борьба за Ворсклу. Тут был сильный удар противника. Форсирование Днепра. Судя по всему, он решил очень цепко держаться за Днепр и не отдавать его. Но мы очень крепко зацепились. Для того, чтобы выбить нас с (такого-то) участка, нужно не меньше тысячи танков. Это не удастся.

— Верно ли, что он эвакуирует Киев?

— Это кто вам сказал — партизаны? К этим рассказам нужно относиться с большой осторожностью. На войне очень много врут, но больше всех — партизаны.

— Нам нужен самолет для отправления материалов в Москву.

— Это правильно. Самолет будет.

От него пошли к генералу армии Ватутину. Очень маленького роста, полный, с очень маленькими, но очень живыми и умными глазами. Шея завязана. На кителе — ленточки пяти орденов и медалей (у Н.С. - четырех). Просторная комната, большой стол накрыт картой насплошь (километровкой). В соседней комнате — постель. Простые деревянные стулья. Предварительно я позвонил ему по телефону, представился.

— Хорошо, заходите через полчаса.

Принял нас очень приветливо. Сели. Говорили тоже часа полтора. Я сказал, что прислан сюда, на этот фронт, поскольку он сейчас стал центральным. Командующий рассмеялся:

— Он уже давно центральный.

Я попросил рассказать об основных этапах борьбы за Киев. Ватутин очень подробно рассказал о немецком наступлении 5 июля, как и почему оно провалилось, что за тем последовало. Говорит он очень просто, без военных терминов, вставляет публицистические замечания, звучащие, как афоризмы («неудавшееся наступление — крупнейшее поражение для наступающего» и пр.)

Дальше он охарактеризовал этапы нашего наступления. Касаясь непосредственной борьбы за Киев, он сказал, что тут надо сначала бесспорно прорвать фронт противника, разбить его силы и только после этого овладеть Киевом. В свете его слов, эта операция выглядит совершенно самостоятельной, независимой от предыдущего наступления.

— Ожидал ли противник, что мы так быстро выйдем на Днепр?

— Безусловно не ожидал. Но все же он успел стянуть большие силы. Он пытался удержать за собой и предмостные укрепления на левом берегу. Немцы очень крепко держались в районе Дарницы и ушли оттуда тогда, когда мы вышли к Днепру южнее и

севернее. Я был там, смотрел: серьезные укрепления. А в других местах — не очень. Но сам Киев укреплен.

Рассказал он о силах противника, охарактеризовал основные черты наступления, отметил отличную работу авиации.

В конце беседы пришел Н.С. Хрущев и прочел по служебному выпуску ТАСС румынские статьи, свидетельствующие о полной панике в Румынии.

— Вот дураки, — сказал Хрущев. — Сами себя секут сейчас.

11 октября.

Сегодня вечером был у командующего бронетанковыми силами фронта генерал-лейтенанта Андрея Штевнева. Чудная ночь, лунная, светлая. Ехали до него с час с провожатым. Недалеко, в стороне, над переправой висят немецкие люстры.

Генерал встретил нас (меня и Непомнящего) в той же пижаме, в которой я видел его в прошлый раз в августе. Он только что приехал из корпуса Кравченко, был зверски усталый.

— Сколько вы не спали? — спросил я.

— Вчера заснул часика на два.

Начиная беседу, я достал карту. Он резко схватил ее, склонился над ней и замер. Молча он смотрел на участок севернее Киева и думал. Пять минут, десять, пятнадцать. Изредка он бросал отдельные слова.

— Сегодня Кравченко пошел. С хода. Там на этом пятачке не удержишься для сосредоточения. Так что переправлялись через Днепр и прямо в дело. Бомбит, блядь, но ничего. Артиллерия? У нас своя артиллерия. Должен был сегодня он выйти к Ирпеню и к вечеру форсировать его. Вот жду донесения. Укрепления по Ирпеню? Солидные, еще наши. Я их хорошо помню. Серьезные. А оттуда ударить на Ворзель и западнее Святошино — на Житомирское шоссе.

— Тогда немцам надо тикать из Киева, — взволнованно сказал Непомнящий.

— А вы им подскажите, — усмехнулся генерал. — А с юга пойдет Рыбалко. Бо-о-о-льшая сила у него. Ну ему труднее — дальше, сил у противника больше. Контратаки? На Кравченко вначале кинулось 30 танков. Зажгли восемь, остальные ушли. Местность? Тяжелая: леса. Это только в кино танки ломают деревья. Силы противника? Восемь танковых дивизий: 2-я, 5-я, 7-я, 8-я, 11-я, 19-я и т. п., часть танков тяжелые, остальные средние, много самоходных пушек, в том числе «Фердинанды».

Он снова кинулся к телефону:

— Чайка! Чайка! Почему не даете Чайку?

Адъютант принес ужин, вина. Он угощал, сам не ел («не хочется»), усиленно потчевал.

— Давайте выпьем первый тост за Киев — предложил он.

Потом лег на койку, попросил веселой радиомузыки и долго рассказывал про детство (он был грузчиком с 12 лет, потом машинистом на юге в Мелитополе), вспоминая десятки имен и историй.

— Завтра поеду к Рыбалко, — сказал он.

Сидели у него часа три. Итак, битва за Киев началась.

12 октября.

Вечером был у и.о. нач. штаба 2-й воздушной армии полковника Катца.

— В 7:40 утра Рыбалко пошел. Была большая помощь с воздуха. Пошел в изгибе Днепра у Зарубену. Мы бросили туда всю авиацию. Непрерывные удары с утра и до вечера по узкому участку — чтобы дыхнуть было нельзя. За день 1200 самолетовылетов.

Судьба решится завтра — будет ясно: подтянет сюда кременчугскую группировку или нет. Подтянуть — оголит юг, не потягивать — туго тут. При благоприятном развитии судьба решится в 4–5 дней, при затяжке — две-три недели. Сейчас противник сильно готовится к контратакам. Видимо, завтра хочет вернуть положение. До этого — помогали Черняховскому отбивать контратаки.

14 октября.

Темна вода во облацах. За вчерашний день было продвижение, но небольшое. Позавчера наши войска прорвали первую линию обороны в излучине и продвинулись на 6 км. Сегодня — ничего. Немцы контратакуют силами до двух полков и даже двух дивизий при 100 танках. По официальным данным, как сообщил сегодня генерал Тетешкин, за вчера убито 6000 немцев. Можно судить о силе драки.

Вчера вечером собрались у «Комсомольцев» и майор Саша Гуторович пел под гитару песенки своего сочинения. Это солдатская батальная лирика. Полет слащаво, но искренне и доходит хорошо. Песенок своих он не публикует и считает их пустяком.

В связи с затяжкой, народ разъезжается. Позавчера улетели известинцы, сегодня — комсомольцы.

Вот одна из песенок Гуторовича:

ПИСЬМА.

Война! Война! Но как на грех,
Терзая и дразня влюбленных,
За тыщи верст и сотни рек,
На фронт приходят почтальоны.
Что письма? Так, любовный бред,

Страстей бесплодные желанья,
И через скуку длинных лет
В воображении свиданья.
Нет, им любви не заменить.
Они способны лишь тревожить
Те чувства первые любви,
Что нас значительно моложе.
Гонцы веселья и смертей
В конвертах с голубой одеждой
Их ждут с тревогой у дверей
Не потерявшие надежды.
Им надоело долго ждать.
Утешьте их. В краю родимом
Пусть не хоронит сына мать,
Жена не плачет о любимом.
Когда мы залпом их прочтем,
Они напомнят нам, что где-то
Всё существует отчий дом,
Жена и мирная планета.
Кто был разлукой искушен,
Тот знает: трудно жить влюбленным.
Мужья сильней ревнуют жен,
Чем жены их — к неверным женам.
А встреч все нет. Война! Война!
Поля, забрызганные кровью,
Судьбой распятая жена
Клянется честью и любовью.
Поди проверь за тыщи верст
Какие в доме перемены,
Кого сам Бог к жене занес,
Благословляя на измены.
А все ж сильнее счастья нет,
Чем почтальона стук в оконце.
С волненьем надорвешь конверт
И на душе — весна и солнце.
Будь я доктором в местечке
И умея тела вскрывать
Я б хотел в руках сердечко
Как галчонка подержать.
Чтоб почувствовать, как бьется,
Крылышками трепеща,
То, что нежностью зовется,
Иль — любовью, сгоряча.
Всех хирургов став смелее,

Я б сердца переменил
Чтоб тебя никто сильнее,
Чем я сам не полюбил.

16 сентября.

Перемен нет. Газетный корпус то убавляется, то расширяется. Короли отдали концы. Улетел Эренбург, Гроссман, полковник Хитров, Женя Кригер и мелкие подразделения, сегодня уехал и наш Первомайский. Зато сегодня неожиданно зашел ко мне единственный на всем фронте человек в морской форме — корр. «Красного Флота» капитан Вл. Рудный, а следом прилетел из Москвы фотограф ТАСС Дм. Чернов.

Рудный рассказал подробности гибели Ерохина. Он подорвался с катером на мине в Новороссийской бухте. Там же погиб и корр. «Красного Флота» ст. лейтенант Мирошниченко и еще кто-то (на берегу с десантом). Что-то опять пошел мор на газетчиков! Вчера стало известно, что под Брянском убит, подорвавшись на мине, редактор газеты «На разгром врага» полковник Воловец и тяжело ранен его ответственный секретарь, жена секретаря убита. На центральном фронте немцы разбомбили поезд фронтовой газеты «Красная Армия», погибли при том Марьясов и еще кто-то. Вспоминаю, как в прошлом году, вернувшись из армии в Валуйки, мы застали дымящийся вагон этого поезда, как раз перед нами его разбомбили.

Вообще возможностей — много. Позавчера Первомайский сказал мне, показывая на спецкора «Кр. Звезды» майора Константина Ивановича Буковского:

— Посмотрите на этого чудака, он сегодня был на Трухановом острове.

— Хорошо, что сегодня, а не вчера, — рассмеялся Костя. — Вчера немцы устроили вылазку из Киева на остров двухсот автоматчиков. Высадились ночью, пробыли до полудня, побили много народа, перестреляли жителей, забрали пленных и угнали скот. Сейчас ничего. Жарко конечно. Все под огнем: артиллерия, минометы, пулеметы, да и винтовки достают. Местные жители? Конечно есть — прячутся в ямах в лозняке. Зато вид на Киев каков!

Молодец Костя! Помню, с Центрального фронта он полетел в Чернигов. Это было примерно 20 сентября. 21 сентября наши передовые части вышли там к Днепру. 22 сентября мы получили от него телеграмму: «передал о Чернигове, был на Днепре, передал очерк».

Вчера немцы предприняли диверсию севернее Киева: ударили 5 дивизиями во фланг корпусу Кравченко. В дивизии, принявшей на себя удар, были корреспонденты «Кр. Звезды». Молодцы,

просидели до конца, не драпанули.

Грызем день и ночь семечки. Пасмурно. Обстрел. Где-то рядом бомбежка.

17 октября.

Глубокая ночь. Только что закончил подвал об артиллерийском наступлении — «Со всего плеча». В хате все спят, душно, угар от керосиново-бензинового фонаря.

Нежданно-негаданно я остался один на этом фронте. Так сказать, из тяжелой артиллерии РГК превратился в полевую пушку. Я приехал сюда на помощь Первомайскому и Лидову. Но Первомайский ныл и напирал на редакцию, и ему разрешили выезд в Москву. Вчера он уехал. Я позавчера дал телеграмму о том, что дело тут затягивается и прошу разрешить выехать с материалами в Москву. Сегодня утром получил нежданно-негаданно предложение немедленно командировать в Москву Лидова (там получены немецкие снимки о Тане Космодемьянской, о которой он писал первым, еще в 1941 г.), а мне предложено пока задержаться. Днем Лидов выехал на машине в Москву, взяв с собой и моего сожителя Непомнящего. В итоге — я один. В гневе написал с Лидовым резкое письмо Ильичеву и одновременно дал телеграмму Лазареву, в которой указал, что мне необходимо по неотложным делам выехать на Центральный фронт и я прошу перебросить сюда Коробова (с Центрального) или Росткова (со Степного).

Погода испортилась в дым. Вообще осень стояла на редкость сухая и ясная. В последние дни начало сильно подмораживать, но светило солнце. Вчера все затянуло облаками, а сегодня весь день и сейчас всю ночь льет и льет. Это очень ни к чему. Так тут можно застрять до морозов. Вот уж ни к месту!

От скуки можно описать деревушку и хату. Деревушка грязная и, по сравнению с другими селами Украины, бедная. От немцев она почти не пострадала, так, пощипали жителей немного, но не палили, скот сохранился, птица тоже, посевы. Настроения, однако, явно наши. Это проявляется во всем, вплоть до того, что говорят «наши», а не «красные» или «русские».

Живу я маленькой чистой хате старика Федота Гавриловича Зозули. Ему 69 лет, бодрый, много работает, интересуется политикой и ходом войны, разбирается в событиях. Жена его — Софья Симоновна, маленькая старушка, хлопотливая и заботливая. Три сына — на войне. Но больше всех работает и печется о нас их сноха — жена младшего сына Саши, мобилизованного уже нашими войсками после освобождения села («трофейного солдата»). Он сейчас уже дерется где-то под Киевом. Зовут ее Маруся, ей 24 года, она беременна, но очень

бодра. Недавно она ходила проведывать мужа и сделала пешком за сутки 80 верст.

Мы получаем продукты на руки, отдаем им и они кормят нас. Продуктов, конечно, не хватает и они много докладывают своего. Каждый день варят нам борщ — неизменное здешнее кушанье, на второе — кашу или картошку. Утром, в обед и вечером к нашим услугам молоко, а для меня — кислое молоко.

Мне уступили кровать с продырявленным пружинным матрацем, Непомнящий спал в каморке (сейчас его место занял мой шофер Саша), а хозяева размещаются на лежанке за печкой и на печке.

Хозяйство состоит из коровы, нескольких кур и кошки. Одну курицу нам гостеприимно сварили, сейчас их осталось штук пять, не больше. Большой огород дал уйму картошки и овощей. Кроме того, много картошки собрано с огорода в поле.

Не в пример некоторым другим местам, где мы бывали раньше, здесь охотно и аккуратно выходят на колхозные работы. В частности, Маруся почти через день ходит то на уборку артельной картошки, то на другие работы.

Общей страстью всех тут является семечки. Грызем их — и грызут их с утра до ночи. Удивительно прилипчивая штука: никак от них не отделаешься. И куда не придешь — всюду они.

21 октября.

Раз за разом получил несколько взаимопротиворечащих телеграмм из редакции. Все как полагается. В первой телеграмме Лазарев пишет, что выезд в Москву разрешен при условии быстрого прилете и отлета. Во второй телеграмме — разрешается выезд на Центральный фронт, как только приедет Брагин. Третья телеграмма предлагает (все получены в один день) в трехдневный срок сделать разворот о героях форсирования Днепра. Это было 19 октября.

В этот же день, едучи в штаб, встретил по дороге Брагина. Вчера он заехал ко мне и мы вместе колесили по начальствам. Были у Тетешкина, который сказал, что все без изменений. Вышгород, объявленный сегодня, 20.10.43 в сводке, за сутки 9 раз переходил из рук в руки, сейчас, вчера утром, немцы снова ворвались в него. Чем дело кончилось — неизвестно, нет связи.

Брагин ночевал у меня. Мы долго толковали о литературных делах, о военных. Он, с моих слов, уже увлечен киевской операцией, которая представляется ему чрезвычайно сложной и исключительно интересной.

— В каждой операции важнее всего определить, что думает противник, какой у него план — и тогда строить свой. Какой у немцев план? Защищать Киев? Отдать его? Когда? Из этого и

будет видно, что нужно нам делать. А очень может быть, что у него нет никакого плана: часто он бывает просто дурак и уши холодные. Вот в Брянске у него не было никакого плана.

Я решил сделать так: собрать материал на Воронежском, взять часть по здешней газете, часть по Центральному фронту и ехать в Москву. Непосредственно по Киевской операции передал достаточно: два подвала — об артнаступлении и «У стен Киева» (позавчера). Брагин пишет «Битву за Киев».

Последние ночи немецкая авиация буйствует. Над нами летают почти непрерывно. Где-то рядом совсем бомбит. Стекла в хате дребезжат, как игрушечные. Для приманки, видимо, вокруг нас поставлены зенитные пулеметы и они мелко тявкают. Но мы уже привыкли и спим по первое число.

Сегодня утром выехал на Центральный фронт. Два дня ясно, и дорога просохла. До Чернигова ехали по великолепному Киевском шоссе — одно удовольствие. Дальше — грейдер. Сейчас остановились ночевать по тракту в селе Жавчичи, Черниговской области. Саша пошел промышлять самогон, а хозяйки разжигают печь для ужина.

Большинство сел по шоссе сожжены. Чернигов — одни развалины, улицы пустынны, редко-редко попадаются жители. И тем не менее, немцы ночами его бомбят. В стороне от шоссе — села целы, скот и куры тоже.

С позавчерашнего дня Воронежского фронта нет, есть Первый Украинский фронт. Пора!

23 октября.

Вчера прибыл на место. Всех застал на лицо. Дела с Гомелем затягиваются, наши войска предпринимают обходной маневр (по западному берегу Днепра). Результаты зависят от быстроты продвижения. пока идет средним темпом.

Ночевали плохо. Где-то рядом всю ночь клали бомбы. Стекла дребезжали, хата чувствовала. Слышали и свист бомб. Ночь ясная, звездная.

Сегодня весь день занимался бензином, да еще завтра придется потратить полдня.

Вечер начался опять с бомбежки. Вчера дал телеграмму о том, что материал весь собран (о героях) и предлагаю выехать с ним в Москву. Сегодня или завтра утром должен быть ответ.

24 октября.

Вчера получил ответ от Лазарева. Все, как полагается: Макаренку — в Москву, материалы с ним или самолетом, мне — обратно под Киев. Вчера же дал телеграмму о том, что обработка материалов — долгая песня и вторично прошу разрешения на приезд в Москву, хотя, мол, повторно просить и неприятно.

Сегодня получили телеграмму — мне и Макаренко немедленно выехать под Киев, материал о Днепре слать самолетом или проводом. Для вящей убедительности телеграмма подписана не только Лазаревым, но и Поспеловым!

Цыганская жизнь!

Хотели ехать сегодня, но у моего шофера острое воспаления глаза, врач запретил ему трогаться с места. Поедем завтра утром.

Вчера затратили весь день, но зато зарядили машины под завязку. Ура!

Здесь произошел трагический инцидент. Пьяный шофер одного из отделов ПУ застрелил подполковника Кузнецова из отдела пропаганды и немедля смотался на машине. Удалось узнать, что километрах в 15 на запад он спрашивал у лесника дорогу на Гомель, бросил машину (не нашел переправы через речку) и исчез. Все решили, что он подался к немцам и продает им местожительство. Тревога длилась несколько дней. Всё было поставлено на ноги, но шофера найти не могли. Каждую ночь ждали концентрированной бомбежки. Наконец, вчера получили телеграмму, что шофер нашелся. Он пришел к командиру одной части под Гомелем, сказал, что совершил большое преступление и просит послать его для искупления греха на передовую. У всех отлегло от сердца.

А завтра я именинник…. опять в дороге!

За ужином руководитель кинобригады капитан Федор Киселев, только что вернувшийся из Добрыша (под Гомелем) рассказал любопытное. В Добрыше существовала подпольная организация, 57 человек. Руководитель — 23-х летняя Катя, засланная туда. Взорвали гомельскую электростанцию, убили 20 руководящих деятелей при немцах, пустили под откос 127 эшелонов, взорвали 12 мостов. Половина участников служила полицейскими. Сейчас это дело поднимает наш корр. Леша Коробов, и сегодня выехал туда Карл Непомнящий. Он прибежал восторженный, я влили на него ушат холодной воды, и он уехал мокрый.

После ужина в хате Стора сыграли преферанс: Стор, библиотекарша Лидия Павловна и я. Я выиграл рублей 75, остальные проиграли. Кончили в час ночи.

Так начались мои именины.

26 октября.

Именины продолжались.

Встали, позавтракали и поехали на двух машинах. Со мной примостился подполковник Малофеев из ГлавПУРККА, молчаливый и малоразговорчивый, с Яшей — корр. «Кр. Звезды» майор Костя Буковский.

Чтобы не трястись по страшным песчаным ухабам, я избрал другую дорогу по проселку, через лес. Лес — чудесный, местами хвойный, местами смешанный. Березы в осеннем наряде, золотая осина, высоченные, почти строевые сосны. Так километров 20. И все это было местом ожесточенного боя. Весь лес побит осколками снарядов. бомбами, всюду полуснесенные деревья, щепки, раненые стволы («брызнет кровь зеленая из глубоких ран» — как говорится в одной песне Гуторовича). Окопы, окопчики, воронки, окопы для пулеметов, взорванные мосты. Немые свидетели жарчайшего боя, видимо с партизанами.

А дальше, километров через 20, мы были свидетелями еще одной партизанской эпопеи. В селе Чуровичи, Городнянского района, Черниговской области мы увидели настоящую крепость. В школе там, большой десятикласске, помещалась немецкая комендатура и полиция. Так вот, вся школа была обнесена настоящей кирпичной стеной. От партизан! Совсем, как раньше мы видели на картинках в учебниках истории деревянные крепости. Правильный четырехугольник, длиной шагов в 150–200 и почти такой же ширины. Высота — метра 2,5–3. Толщина бревенчатых стен — около метра. Пространство между бревенчатой обшивкой забито песком. В стене — бойницы (через каждые 5–7 шагов), чтобы в бойницы не простреливалась школа, они сзади, за стрелком, забраны бревнами. Получается индивидуальная ячейка. Бойницы широкие, чтобы можно было поставить пулемет. По углам — башни, на 5 амбразур, закрываются они жалюзями из трех листов стали.

Строить все это хозяйство немцы согнали деревенских жителей. Несколько сот человек трудились полтора месяца и поставили крепость. Но воспользоваться ей не пришлось: партизаны не напали, а немцы осенью сами удрали. Спустя примерно час мы проехали мимо другого села — Клюсы, Городнянского же района, расположенного по правому берегу реки Снов. Его судьба поистине трагична. Немцы объявили его в 1942 году партизанским и насплошь спалили. Жители сначала ушли в леса, а затем вернулись и стали жить в погребах. С приходом наших войск они начали строиться. Сейчас воздвигнуто уже три-четыре десятка хат. Все — как одна — крошечные коробочки из тонких бревен, узенькие окошечки, крыты соломой. Часть еще строится, часть уже заселена, часть жителей продолжают жить в погребах. И крепость и Клюсы я снял.

Ночевали в дер. Дубровное, за Городней, в гостеприимной, но очень грязной хате. У хозяйки (Соньки, как она отрекомендовалась, рождения 1903 г.) — муж с первых дней на войне, вестей нет, 5 дочерей — старшей 19 лет, младшей — 5 лет.

Две младших — Маша и Нина — больны, лежат на печи, тихие, присмиревшие.

— Вы бы позвали врача, — сказал я.

— Зачем? Может помрут — все легче будет, — просто ответила она.

Страшно!

Костя Буковский вез с собой литр самогона. Мой шофер Саша достал еще поллитра первачу, который был изготовлен «для себя» (на поминание). Хозяйка сварила картошки, затем выменяли на бензин миску кислого молока и сели за именинный стол. Первый тост подняли за мои 38, затем я предложил два тоста: за тех, кто в пути и за тех, кто ждет.

На том и самогон и именины кончились.

27 октября.

Снова проехали через Чернигов. На этот раз он показался еще более разрушенным и мрачным. В центре — одни руины. Жителей, как и тогда, мало.

Вечером прибыли на место. Остановились в той же хате — у Софьи Симоновны.

28 октября.

Сегодня рано утром Саша уехал на машине в Харьков. Я отпустил его повидаться с семьей, за одно он там отремонтирует машину.

Газетчиков здесь стало много меньше. Говорят, где-то едет Кригер и Гурарий. «Последние известия по радио» прислали Льва Кассиля и Васю Ардаматского — они томятся и рвутся в Москву.

Здесь узнали, что приехали напрасно. Тут отдан приказ: перейти к обороне. Вот до чего наши не информированы!

Стоит ясная, но очень холодная погода. Ночами — около нуля и щиплет за уши.

Кругом бомбят, видны зарева.

29 октября.

С утра очень сильно стреляли из пушек. Днем отчетливо донеслись крупнокалиберные пулеметы. Жизнь идет, самолеты летают.

На нашем фронте — тиховато. Утром на южном участке немцы предприняли контратаки, силами до полка. Хорошо идут дела наших южных соседей. Они уже практически решили судьбу Крыма и Кривого Рога. Вновь началось наступление на Витебском направлении. За день боев «местного значения» (по сообщениям СИБ) занято 80 населенных пунктов.

Любопытна газетная братия. Сидим у Полтарацкого. Яша просит у него почитать дома «Комсомолку».

— Дай газету!

— На, — и протягивает «Известия».

— Да нет, «Комсомолку».

— Ну так бы и сказал сразу. А о просит газету.

Шли мы по улице с нашим Шаровым, поэтом Ильей Френкелем и корр. «Посл. известий по радио» майором Зиновием Островским (его все здесь зовут «седым майором»). Шаров вспомнил:

— В Ростове Зиновий нашел женщину, у которой немцы изнасиловали трех дочерей, а ее избили до потери сознания. Зиновий решил записать ее рассказ на пленку. Она начала и заплакала и так, плача, продолжала рассказ. Зиновий был в восторге. Он бегал вокруг нее и кричал:

— Очень хорошо! Плачьте, плачьте! У вас еще три минуты. Да куда вы плачете? Не туда, сюда плачьте!

Обильна и своеобразна газетная кухня. Порой дело доходит до желтых анекдотов. Коршунов рассказывает, что фотограф Трахман возил с собой в полуторке трупы двух замороженных фрицев и когда надо «оживлял» ими пейзаж. Другие возят немецкие каски, шинели, мелкие трофеи. Так в мирное время эти дельцы возили с собой вышитые скатерти и чайные сервизы и устраивали «культурную» жизнь колхозников.

Рюмкин рассказывает, что Фридлянд и еще кто-то уехали на озеро под Прилуки и «организовали» там переплаву через Днепр на подручных средствах: на бревнах, плащ-палатках, лодчонках и проч.

Вот мерзость!

31 октября.

Як. Рюмин отколол блестящий номер. Он получил несколько телеграмм из редакции, требующих больше снимков. И загрустил: все снято, а требуют еще. Недели полторы назад, перед моим отъездом на Центральный, он пришел ко мне:

— Лазарь Константинович, я хочу пролететь над Киевом на штурмовике.

— Нет. Риск не оправдывает цели.

— Да это совсем безопасно.

— Нет.

Он долго уговаривал меня и под конец я согласился при обязательном условии надежного прикрытия истребителями.

По возвращении сюда ищу Рюмкина — нету. Где? Улетел снимать Киев. Уехал в часть Витрука. Обещал на пути к Киеву низко пройти над нашей деревней. Этот самолет видели (видел и я, не подозревая, в чем дело), а обратно пролета не было. Волновались два дня. Вчера заявился. Довольный, рожа сияет.

— Пролетел. Сначала говорил с летчиками — категорический

отказ, говорят — безумие. Тогда я пошел к командующему, снял его, сказал. Он приказал. И сразу все сделали. Пошли со мной два ястребка. И очень хорошо. Сразу же у Киеве приняли бой. Шли мы низко, вдоль берега. Немцы лупили по нам из минометов, так в Днепр и сыпались. Снял несколько кадров. Вот только жаль, что кое-что смазалось — скорость большая.

Такова цена кадра. Сегодня вечером он сидел и рассказывал о работе под Сталинградом. Как-то поехал снимать волжскую флотилию. Подъехал к берегу. Немцы увидели и накрыли. Рюмкин и шофер Кахеладзе успели выскочить и плюхнулись в ямочку. И лежали в ней, не поднимая головы, с 12 часов дня до 8 ч. вечера (до темна)!.

Вчера вечером сидели у Полторацкого. Он рассказывал историю своего выхода из Киевского окружения. Шел как раз этими местами. Трагическая жизненная правда.

Особенно потрясающ один эпизод. Шел он вместе с отрядом пограничников под командой ст. лейтенанта Соколова. Ночевали как-то в хате вдвоем (под Яготином). Хозяин роскошно угостил их, в том числе сахаром, чаем, печеньем и на вопрос — откуда все это? — ответил, что он драпанул с повозкой из-под Киева — надоело ему воевать и надоело отступать, вот он и дезертировал с армейской едой.

— Чуть брезжит, будит меня Соколов, пойдем. Я оделся, около сапог лужица. Вот, думаю, натекло с обуви. Обуваясь, намочил руки, вытер о штаны. Пошли. Рассвело. Смотрю — на штанах кровь. Где это, говорю, вымазался? А Соколов спокойно отвечает: это я хозяина, суку, зарезал ножом, вот ты и вымазался.

Спокойным, меланхоличным голосом Виктор рассказывал, как ходил в разведку, как зарос и все его «папашей», как был комиссаром в атаке, как убивали его на глазах друзей, как голыми руками задавил немца, как остался в трагический момент дожидаться грузовика с водкой и ветчиной, как принял команду над 2-м взводом и тот разбежался. Вот повесть!

А вот еще сюжет для повести. Были сегодня с Яшей в одной деревне. Встретили там Костенко — корр. газеты «Советская Украина». Раньше он был военным корр. РАТАУ на Южном фронте вместе с Макаренко. Молодой парень лет 28–30.

— Где твоя семья? — спросил Яша.

— На Урале. Но у меня трагедия.

— Какая?

— Жена вышла замуж. От меня долго не было писем. Она на заводе, там ее друг. Приезжаю недавно в отпуск, а она замужем. Вот как бывает иногда.

На нашем участке пока все тихо. Погода стоит пасмурная, но

дождя нет. Холодно. Были сегодня на базаре: масло 400–500 р./кг, яйца 60р. десяток, самогон — 300 р. литр.

1 ноября.

Вот и ноябрь. Двухнедельная (по словам Поспелова) командировка дотягивает уже четвертый месяц.

Сегодня утром чуть свет отправились с Яшей в баню, в госпиталь. Баня паршивая, грязная, тесная, но с каким удовольствием мы мылись!

Вечером я писал корреспонденцию в «Правдист» («То, о чем не пишут») и там указал, что народ стремится в Москву не только потому, что там семья и друзья, но там ванна, чистая постель, свежее белье, табак и хорошая бумага, книги, журналы, театр, настоящий чай, электрический свет.

Как надоела коптилка! Она портит все настроение. Днем ходишь, а вечером надо писать, но прямо руки опускаются, как вспомню про нее.

Вернувшись из бани нашел записку корр. ТАСС майора Крылова с просьбой срочно зайти к нему. Зашел. Оказывается, утром нач. ПУ генерал Шатилов срочно собрал всех корреспондентов центральных газет и предложил им немедленно ехать на южный участок к Жмаченко («через два часа нам начнется представление»)

Мы посовещались, поудивлялись и решили, что туда поедет Яша Макаренко и Яша Рюмкин. Они и отбыли. Остальные газеты также послали вторых работников. Первые корр-ты остались здесь ожидать развития событий.

Днем, у Олендера, начали вспоминать различные розыгрыши. Я рассказал, как после освобождения Конотопа туда послали с Центрального фронта фотографа Копыт (корр. ТАСС) снимать разрушенный немцами памятник Хулио Хуренито. Полторацкий вспомнил, как в Ивановском «Рабочем Крае» посылали фотографа Дм. Чернова (нынче военфотокор ТАСС) снимать приезд Шота Руставели.

Только что вернулся из общей части — отправлял пакеты в редакцию. Ночь облачная, непроглядная. Идти километра два. И вот поймал себя на том, что с напряжением всматриваешься во всякий отблеск света на горизонте, пытаешься догадаться — свет ли это фар, пожар ли, отсвет ли бомбежки. И столь же чутко прислушиваешься ко всем звукам ночи: не летят ли?

Между прочим, хоть и чернильная мгла, а «У-2» летают всю ночь. Вот летучие мыши! Недаром немцы их так боятся.

3 ноября.

Макаренко вчера вернулся с Южного участка. Ничего серьезного там не было. Состоялась артподготовка, на которую

немцы ответили сильнейшим огнем, к концу дня наша пехота продвинулась на 100 метров.

Вчера виделись с некоторыми командирами. У них твердая уверенность, что 5-го будем в хуторе, а «к празднику наверняка».

Погода вчера разгулялась и стала великолепной. Сразу начала летать авиация. Над селом, где мы находились, разыгрался воздушный бой.

Сегодня весь день гремит артиллерия. Видимо, началось. Особенно интенсивно стреляли часов с 14. Весь день воздух гудит от моторов буквально ни секунды перерыва.

Дал телеграмму в редакцию с предложением быть наготове Заславскому.

К вечеру Олендер и Полторацкий поехали к танкистам и артиллеристам. Там подтвердили, что артиллерийский концерт состоялся, а после была очень сильная наша бомбежка. Танки до 4 часов дня не вступали еще в игру.

В 3 часа дня газетчиков принял Тетешкин и сказал, что в 8 ч. утра началась артподготовка и наступление развивается успешно.

Все ребята сидят и строчат. Пришлось сесть и мне. Сидел с 8-ми вечера до 4 ч. утра. Написал 4 колонки «Путь к Киеву» (обзорная статья).

Вечером летала «рама». Сбросила шесть бомб, три сравнительно далеко, а три совсем рядом, аж стекла ходуном пошли. Ночью над нами опять ходили немцы.

Сейчас с удовлетворением отметил, что небо затянулось облаками.

Хочется есть — пожевал галет.

4 ноября.

Погода — мразь и смердь. Днем было просто пасмурно, низкая облачность и плохая видимость. К вечеру — мелкий, страшно противный дождь. Дороги раскисли. Меж прочим, узнали, что в Москве — снег, нелетная погода. Все наши пакеты о героях Днепра, посланные еще 30-го, до сих пор лежат в Прилуках на аэродроме. Впредь редакции наука — соглашаться на вызов с такими материалами (разворот целый!!) в Москву. Давно бы отписались и были здесь. Жаль только затраченного труда.

Сегодня весь день артиллерийской канонады не было слышно. Мы терялись в догадках. Не было и самолетов, но это объяснялось плохой погодой. Днем поехали на рандеву в оперативный отдел. Нас принял полковник Гречкосия заместитель Тетешкина, типичный русак, статный, дородный. Он сообщил, что наступление развивается успешно. Севернее Киева его ведут два хозяйства Москаленко и Черняховского, входит и Пуховское. Вчера они продвинулись на 7-12 км. Сегодня (к 13

часам) на 3–5 км.

В итоге заняли:

Черняховский — Мануильск, Дымер, колхоз им. Шол. Алейхема,

Москаленко — окончательно Вышгород (который СИБ взяло еще 20 сентября), Горянку, дачи Пуща Водица и дом отдыха.

Бои придвинулись к северным предместьям Киева.

Меня удивляет только слабая активность немецкого сопротивления — в контратаках, и то редких, участвуют до батальона пехоты, и весьма скромные потери — за весь вчерашний день по двум хозяйствам всего 1800 немцев, 36 танков, 13 орудий и т. п. Это — не цифры разгрома.

Южнее Киева, на излучине у Переяслава, в 11:00 сегодня перешли в наступление два хозяйства, но к часу дня успеха еще не добились.

В непосредственной близости от Киева — на острове Казачьем — два наших полка форсировали Днепр.

— Каковы силы противника? — спросил я.

Полковник ответил путано, он точно не знал.

— Каково намерение противника? — спросил я.

Полковник сделал загадочное лицо и уклонился от ответа, он этого тоже не знал.

Видимо, завтрашний день определит все. Главные наши танковые силы пока еще (к 13:00) в бой не были введены, за исключением одного корпуса и двух бригад, кавалеристы — тоже.

Во время беседы позвонил из Москвы генерал Антонов — зам. нач. Генштаба. По ответам Гречкосии можно было заключить, что Москва следит по детальной карте и отлично ориентируется в силах и обстановке.

— Рыбалко? — переспрашивал полковник. — Еще не вступил. Кавкорпус? Нет еще. Такая-то дивизия? Находится там-то.

Из начальства здесь никого нет — все на местах.

Написал вместе с Яшей корреспонденцию (около 300 строк) об этих делах «Вновь в наступлении».

6 ноября.

Сейчас 12 ч. дня. Я еще не ложился со вчерашнего дня. Только что побрился и почувствовал себя легче, хотя и вчера спал часа 4–5.

День был пасмурный, но облачность высокая (вчера) и авиация летала. В 12 ч. поехал в штаб 2-ой воздушной армии. Зашел к и.о. нач. штаба полковнику Катцу. Он был очень занят, его поминутно обрывали, но встретил меня очень радушно. Рассказывал об авиационных делах, прерывая рассказ звонками Красовскому на ВПУ, распоряжениями и пр.

Рассказал о данных разведки: сплошной поток в три ряда машин из Киева на Васильков, горят ангары на аэродроме у Беличей, танки отступают на юго-запад, из Киева вышли 5 эшелонов на Фастов, наблюдается три огромных очага пожара на юго-западной окраине города.

— Жгут, сволочи! — сказал он.

Тут же принимались решения, как долбать отступающих. Сказал мне, что в 9 утра танки Рыбалко заняли Святошино и продолжают идти на юг. В это время (часов в 14) принесли срочную телеграмму. Он огласил:

— Наши войска ворвались на западную окраину города. Ведут бои.

Я распрощался — он пообещал в случае чего непременно доставить меня в Москву — и спешно уехал.

Сел дописывать и переделывать битву за Киев («Путь к Киеву»). Вечером сдал ее на телеграф. Вечером в моей хате собрались все корреспонденты. Обсуждали, как ехать в Киев, когда, как достать самолет для отправки материалов в Москву. Позвонили помощнику Хрущева — подполковнику Гапочке, он обещал достать и переговорить об этом с нач. штаба фронта генерал-майором Ивановым. Около 12 ч. ночи разошлись. Я сел названивать Гапочке, Иванову и другим, Яша — писать.

Гапочка позвонил мне около часа и сказал, что передал нашу просьбу, ответ будет позже, и сказал, что бой идет у Ботанического сада.

— Это же рядом с моим домом! — вскричал Яша Рюмкин. — Центр города.

В 4 ч. утра Гапочка позвонил и сказал, что будет истребитель 6-го в 2 ч. дня. В 5 часов позвонил по поручению Хрущева подполковник какой-то и сказал, что всем корреспондентам надо утром быть на левом берегу у Москаленко.

В 5:30 я позвонил Иванову.

— Что вы еще мудохаетесь?! — сказал он. — Киев уже взят. Вам нужно быть там. От меня едет порученец на амфибии — езжайте с ним напрямую.

Яша категорически поставил вопрос, что ехать должен он: иначе зачем сюда приезжал, ничего не писал и т. д. А я, мол, дал от арт-наступлении, битву за Киев и пишу еще «Накануне», да буду еще писать об авиации. После долгих споров я сдался.

В 5:30 Яша с Рюмкиным и фотографом Архиповым уехали кружным путем на Киев с тем, чтобы к 2 ч. быть на аэродроме.

В 6 ч. позвонил Гапочка, поздравил меня с Киевом и сказал, что Хрущев дает свой «Дуглас» для полета.

В 8 ч. утра я закончил очерк «Накануне» и начал его

переписывать от руки, чтобы дать на узел и дублировать самолетом. Удивительно отвратительная работа! Корпел два часа, потом послал на узел.

Хотел лечь соснуть хоть час, но так и не получилось. Сейчас, через 15 минут, надо ехать на аэродром. На тот случай, если ребята переправятся из Киева прямо сюда — подослал в Предмостную Слободку Чернышова. Мой шофер, отпущенный 28-го в Харьков до 4-го, еще, каналья, не приехал.

Ночь была очень беспокойной. Где-то рядом очень долго и часто бросали бомбы, бахали зенитки, строчили пулеметы. Над Киевом полыхало всю ночь огромное зарево, на облаках — кровь отсвета, раздавались взрывы, слышные и здесь.

А сейчас — очень холодный, но совершенно ясный день.

Да того дописался, что пальцы сводит судорога… Сиволобов, выехавший из Москвы 1 Ноября, до сих пор не приехал. Бардак!

9 ноября.

События шли так бурно, что некогда было записывать. 6 ноября в час я с Олендером поехали на аэродром. Самолет уже вертел винтами. Мы начали махать — остановили. На наше недоумение летчик сказал, что Буковский заявил, что якобы никого не будет больше и никто ничего не привезет. Вот свинья! Буковский и фотограф «Комсомолки» прилетели из-под Киева на двух «У-2» и хотели опередить и объегорить остальных.

В 1:45 опустился на аэродроме «У-2» и сразу подрулил к нам. Это был корр. «Красной Звезды» Хамзор. Он вылетел из Москвы на «У-2» 5 ноября. Утром 6-го дотопал до этого аэродрома, узнал, что взяли Киев, полетел туда, снял его с воздуха и вернулся. Молодец! Тут же он снял с себя комбинезон, пересел в «Дуглас».

Яшей все нет. Я задержал «Дуглас» на 10 минут, дальше летчик не захотел — не успеем долететь — и улетел.

Мы вернулись домой. В 3 ч. приехали Макаренко и Рюмкин. Оба были в отчаянии. Сваливают друг на друга: один, мол, слишком много снимал, другой слишком много записывал. Да дорогой еще спустила камера, да разводили мост.

Утром 7 ноября поехали в Киев целой свадьбой. На нашей машине — я, Яша Макаренко и корр. ТАСС майор Герман Крылов, на «Кр. Звезде» — Олендер, корр. «Комсомолки» кап. Тарас Карельштейн (Карташев) и два шофера — один из них Николай, который специально ехал искать семью, на третьей — Мих. Брагин. Доехали до Броваров. Оттуда напрямую через Предмостную Слободку до Киева 10 км. Но моста еще нет. Пришлось ехать кружным путем: 20 км. по шоссе, 15 км. песками до Десны, там переправиться (у с. Новоселки), 10–15 км. пол лесу и грязи, затем по мостку через Днестр (у с. Стродомье),

километров 10 грязью и 30 км. по шоссе. Итого — около сотни. Туда ехали благополучно, если не считать, что два раза столкнулись со встречными машинам (Итог — помято крыло и разбиты вдрызг стекла левой стороны). На переправе стопилось несколько тысяч машин. Колоссальное стадо. Счастье, что не было немецкой авиации из-за низкой облачности. Иначе — труба. Обманом выскочили вперед и переехали. Иначе — ждали бы до вечера. Села на правом берегу, бывшие ареной боев, сильно избиты. Лютеж снесен с лица земли, Старопетровцы и Ново-Петровцы избиты снарядами и бомбами, перекопаны блиндажами и траншеями, леса изрыты. На дорогах стоят наши и немецкие подбитые танки. У самых Приорок проходит мощная линия обороны немцев, не только полевые укрепления, но и два широких противотанковых рва. Поля минированы. На дороге щиты: «Езда только по центру шоссе, обочины минированы». В знак предупреждения лежат трупы подорвавшихся лошадей. Были и машины, но их убрали.

Перед самыми Приорками уткнувшись в землю носом и подняв вертикально вверх хвост, лежит «У-2»- видимо подбитый и беспорядочно падавший.

Вот и Киев. Первое, что бросается в глаза — люди, возвращающиеся в город. Немцы объявили центр, а затем и трехкилометровую полосу по берегу Днепра запретной зоной и выселили всех в пригороды, на окраины, а то и в села. Сейчас они возвращаются домой. На подводах, на тачках, на себе. Тачки, тачки без конца. И тут, и в центре, всюду. Везут всякий домашний скарб, ребятишек.

Город еще совершенно неорганизован и выглядит очень пустынно. Едут бойцы, тянут пушки. Пожары уже потушены. Довольно много разрушенных зданий, но в общем он сохранился очень хорошо. Некоторые улицы совершенно нетронуты, дома красавцы, но пустые, мрачные от этого, зловещие какие-то.

Крещатик производит гнетущее впечатление. Одни развалины. Много вывесок на немецком языке. Висят плакаты «Гитлер — освободитель» с его садистической мордой.

Стоит машине остановиться, как киевляне немедленно останавливаются и умильно смотрят. Многие подходят, расспрашивают, интересуются — не могут ли помочь. Когда мы стояли у здания коменданта города — подошел старичок (Горбач) и предложил отведать его табачку.

— Своей выработки, своей резки, и бумажка — своя. Понравилось? Очень рад. Заходите, вот адрес: Татарская, д 3 кв. 9, пометьте, что табачок, а то спутаете.

Группа встретившихся музыкантов, разговорившись, стала

наперебой звать к ним ночевать. Обещали натопить, обогреть.

Подошла какая-то старушка и стала нас уговаривать не иметь дела с киевскими «девушками».

— Бойтесь их! Они за кусок колбасы к немцам ложились. А сейчас держат револьверы под тюфяками.

Зашли к секретарю обкома Сердюку. Он рассказал нам, что делается в городе, кто у него был, первые шаги. Сказал, между прочим, что 6 ноября ему исполнилось 40 лет. За весь именинный день он съел, находясь в городе, два ломтика хлеба.

— А аппарат ваш здесь? — спросил я.

— Нет. Этот дом еще не проверен. Вот сижу и не знаю — не взорвусь ли вместе с вами. Зачем же аппарат подвергать риску.

При нас принесли телефонный аппарат и обещали к вечеру включить. Первый аппарат в городе!

— Ничего. Через две недели у вас будет пять телефонов и тогда до вас не дозвонишься! — пошутил Крылов.

Зашли к коменданту (при нас привели пленных фрицев, найденных в подвалах) и поехали разыскивать родных шофера Николая. Знакомые по дому сказали, что жена и ребята выселены за город, сестра была увезена в Германию, проработала там год и 8 месяцев, вернулась, вышла замуж за какого-то русского и куда-то уехала.

Вечером подъехали к Днепру посмотреть — нет ли переправы напрямую. Нас обогнал «Виллис» с генералом. На берегу остановился и начал смотреть на воду в бинокль. Мы подошли.

— Не знаете ли, когда будет мост?

— Должен быть ночью. Вы думаете, так легко?

Оказалось, что это начальник инженерных войск фронта генерал-майор Брусиловский. Забегая вперед, можно сказать, что переправа и сегодня (9 ноября) не готова, хотя артогня нет, авиация не бомбит и проч. проч. Засрались инженеры!

Ночевали у соседки Коли по квартире — Анны Демьяновны Молодченко (ул. Тургеневская, 26). У нее сын 19 лет Алексей, дочь Лида 16 лет, сама не работала, муж — в Красной Армии, техник, о судьбе его, конечно, ничего не знает. Рассказывала, как тяжело жила. Леша работал чернорабочим в какой-то немецкой фирме, Лида — на железной дороге. Зарабатывали 30–40 рублей в неделю. Продали все, что могли. Леша, рассказывая, все вставал.

— Ты сиди, — говорил Крылов.

— Это я по привычке, — конфузился паренек.

Он больной, но лечиться не мог. Больницы были платные, кроме того, больных должны были кормить родные.

Тургеневская тоже вся выселялась, Молодченко только

переехали в свою квартиру. Они предоставили нам все, что могли — две кровати. Мы на них улеглись по двое. Холодно, мерзли. Еды у нас было только на скромный ужин с кипятком без чая и сахара. Ночью где-то взрывалось.

Легли спать. Утром съели по тоненькому ломтику оставшегося хлеба и поехали по городу. Те же картины, что и вчера. Только тачек на улице еще больше. Заехали к коменданту Гречкосии, поговорили. Он при нас посадил на губу какого-то младшего лейтенанта за расхлестанный вид.

— Завоеватели, едри вашу мать! Где же порядок. Киев, понимать надо!

Вошли представители «Кр. Звезды», жаловались, что в этом помещении оставалось у них 6 пишущих машинок. Оказалось, что две забрал прокурор-майор.

— Не отдам! — сказал сей представитель власти. Его кабинет уже украшен коврами и всякими безделушками.

Случайно попал в дом, где собирались на регистрацию артисты. Рассказывали очень много о немецких порядках и совершенно меня заговорили. И снова без конца звали встретиться, поговорить. У многих чувствуется желание разоблачениями прикрыть свои собственные грешки. Но кое-что рассказывали и интересное, особенно — о политике немцев в театре.

Подошла женщина:

— Посоветуйте, что делать. Муж у меня был еврей, у нас была общая фамилия. Его немцы расстреляли. У меня оставался трехлетний ребенок. Я дала объявление, что потеряла паспорт и выписала новый на свою девичью фамилию. Теперь у меня два паспорта.

В 13:30 выехали в обратный путь. Движение к Киеву значительно усилилось. Обозы, обозы, машины. Снова круг на переправу. Дожди совсем размочили дорогу. И все время накрапывает. У переправы — пробка. Идут машины с того берега и нет им конца. К счастью, подъехал генерал-пограничник Панкин, с которым мы днем виделись у коменданта. Он послал на тот берег подполковника с приказом сделать передышку, а сам начал наводить порядок на этом берегу. Когда очень замерзал — приходил в нашу машину, скручивал мой табак и матерно ругал понтонеров.

Ждали 2 часа. Наконец, перескочили на ту сторону. Но, Бог мой, какая там оказалась жуткая дорога! Все размыло, сплошная грязь. Сотни машин буксуют по всем направлениям. Начало темнеть. И вот, километрах в пяти от Днепра, мы влезли в болото. Остановили «Виллис»- он нас вытащил, мы помогали.

Дальше было еще хуже. В поисках дороги получше машины разбрелись по все округе. Темно. Отовсюду светят фары, всюду сидят десятки машин в грязи. Раза два и мы садились. Вылезали, толкали, нам помогали. Так ехали.

И вдруг кончился бензин. С трудом выпросили литров 5, проехали немного и на этой адской грязи сожгли весь. Оставалось с литр. А до переправы через Десну с полкилометра — не больше. Тогда Крылов подал блестящую мысль:

— Давайте остановимся посередине моста и скажем, что кончилось горючее. Волей-неволей должны будут дать.

Так и сделали. Стали ждать. На наше несчастье первым подошел какой-то «Виллис» с почти пустыми баками. Некий полковник торопился в часть. Ему смертельно было жаль бензина и он предложил:

— Давайте попробуем на руках выкатить с моста, а потом у проходящих возьмете бензин.

Предложение нам не понравилось, но деваться некуда. Потолкали без энтузиазма, не выходит. Скрепя сердце, полковник отлил литра два и мы поехали. Отъехали с километр — увидели три брошенных машины. Обшарили баки пусто.

Немного дальше был мостик через ручей. Стали поперек. Взяли со встречной машины 5 литров, немного дальше повернулись в грязи боком, перегородили дорогу — еще 5. С этим запасом мы были уже короли и в 10:30 вечера доехали домой.

С каким наслаждением вошли в теплую хату, зажгли лампу. От голода кружилась голова. Достали банку консервов (крабы) и тут же уничтожили. И крынку кислого молока. И легли спать совершенно разбитые.

Сегодня утром я сел писать очерк «Новый день»- о Киеве, написал подвал за обоюдной подписью. Яша поехал по отделам и дал (за двойной подписью) оперативную корреспонденцию.

Приехал, наконец, Кригер и привез письма из Москвы. А Миши Сиволобова до сих пор нет, как нет и моего шофера Саши. Если не приедет и завтра передам дело прокурору.

Снова дождь.

14 ноября.

10-го ноября снова поехали в Киев. На этот раз ехали напрямую, через Предмостную Слободку. Мост тут только строили. Мы первыми перешли на ту сторону, часть пути шли по взорванным фермам ж.д. моста, часть шагали по понтонам, а остаток проплыли на лодке. Шел дождь, шли и мы, было очень холодно.

Вместе с Александром Гуторовичем остался в Киеве ночевать и заночевал до вчерашнего дня. Вечером 10-го стало скучно и мы

решили походить «по огонькам», наблюдая, как живет народ. Почти всюду мы видели только что возвратившихся в свои жилища людей: холод, узлы с вещами, голодных ребятишек.

Чтобы оправдать визит, мы придумали, что ищем семью командира Джапаридзе. Постепенно наш рассказ облекался плотью: Джапаридзе, выдуманный нами, вначале был в Киевском окружении, потом партизанил, затем командовал полком и получил два ордена. Семья его, состоявшая вначале из одной жены, получила от нас еще двух сестер, одна из которых была артисткой («кажется, пианисткой, т. к. он рассказывал, что мешали спать»), деда и посаженного немцами дядю.

Любопытно, что многие говорили, что слыхали эту фамилию, провожали нас к дворнику, и тот смущенно разводил руками: может быть, они жили под чужой фамилией? Да, возможно.

Но самое трагическое происшествие с Джапаридзе произошло на следующий день. Корр. «Последних известий по радио» Вася Ардаматский затащил нас вечером 12 ноября на квартиру к артистке театра оперы и балета Шуре Шереметьевой, которую немцы арестовали и около года продержали в концлагере (я об этом написал сегодня в очерке «Встречи и рассказы» — см. Правду). Около двух часов она рассказывала нам о пережитом. В основном, это была правда, ибо это чувствовалось в ее словах, поведении, репликах матери и дяди. Затем она стала рассказывать о своих знакомых, погибших в лагере, называла фамилии.

— А Джапаридзе? — спросил Гуторович.

— Погиб, — категорически ответила Шура. — Расстрелян.

— Как? — растерянно переспросил Сашка.

— Да, — подтвердила она. — И вместе с женой. Очень милая была женщина.

Так погиб не только наш Джапаридзе, но и его семья. Аминь!

За эти дни Киев заметно оживился. Появились не только ростки нового, но и ростки бюрократизма. У секретарей обкома и горкома появились секретарши, докладывающие о посетителях. Появились талоны в столовую, списки «А» и «Б» и проч.

Но город оживает по-настоящему. Во всех домах появились люди. В жилищных отделах — свалка. На предприятиях выдали первый хлеб и т. д. и т. п. Все это я описал в посланном вчера очерке «Становление» (см. Правду)

Вместе с Гуторовичем я остановился на квартире по ул. Горовица у бывш. командира одного из кораблей Днепровской флотилии Ары Георгиевича Гулько. Он прорывался к своим, но не прорвался и замаскировался в Киеве под какого-то агента. Таких моряков было много и большинство уцелело. И он и его жена

Анастасия Федоровна трогательно ухаживали за нами, отдавали нам последний кусок (мы пришли пешком, без машины и, естественно, без харча.) Она купила и сварила нам конины, истратила на нас последний фунт муки, последнюю заварку чая: мы не знали, куда деться, но не могли и обидеть их. Вчера, когда приехал Макаренко, я взял у него буханку хлеба, табаку, 10 кг. картошки и оставил им.

Разъезжая по городу, мы вспомнили о приглашении старичка Горбача (Корнея Степановича) отведать его табачку и завернули к нему. Встретили нас по-царски, точнее — очень приветливо. Он сразу достал самогона и объяснил на чистоту, что многие думали, ну что же — немцы такие же люди, да еще культурные. А как пожили с ними, так другое запели. Слова немецкая культура стали ругательными. 23 года советской власти не научили нас так ценить эту власть, как два года прожитых под немцем.

Вчера днем мы уехали из Киева на базу. Доехали (по дальне переправе) к 7 часам вечера. Тут узнали, что, наконец, приехал Сиволобов, у него дорогой сломалась машина. А Сашки все нет!!!

Пообедали. В это время приходит майор Крылов и сообщает, что взят Житомир. Надо в номер! Поехал с ним на узел, там написали. И вернулся я только в полночь.

Сегодня с утра ясный день. Сначала пошли в баню в госпиталь, помылись. и прожарились. Стало легче на душе.

Потом сели писать. Написал очерк «Встречи и рассказы»- о немецких зверствах в Киеве.

Ночь ясная, лунная. Всю ночь неподалеку немец бомбит. Дрожат стекла. Бомбит очень интенсивно, крупными порциями. Стреляют зенитки, шарят прожектора. Все мы скорбим о пасмурных нелетных днях.

В числе прочего, по нашим предположениям, бомбят и Киев. К слову говоря, вчера, когда мы уезжали из города, было слышно несколько крупных взрывов. Возможно, взлетали заминированные впрок здания.

— Вот так залезешь на бабу, а доёбывать будешь уже в царствии небесном, — мрачно пошутил какой-то боец.

16 ноября.

Вчера устроил себе полу-выходной день. С огромным удовольствием читал просто с жадностью накинулся на чтиво. Читал рассказы Хемингуэя. Очень сильно сделаны «Снега Килиманджаро» — умная вещь. Вечером читал рассказы О'Генри, какие у него гиперболические образы.

Сегодня с утра чувствую себя неважно. Видимо, сильно простудился. Заложило уши. Трудно собраться с мыслями. Начал писать, но не выходит. Лягу-ка!

К вечеру отошел. Написал очерк о киевском театре оперы «Расстрел культуры», а потом даже сыграли в преферанс.

Немцы вчера начали активные действия под Житомиром (юго-восточнее) во фланг нашим. Вчера — 120 танков и 4 полка пехоты. Сегодня — новые силы. Положение тяжелое. В районе Фастова они забрали обратно Кнорин. Бои идут тяжкие.

Макаренко сегодня уехал под Гомель.

25 ноября.

Немецкое наступление продолжается. Цель ясная — Киев. Мы отдали Житомир, Коростышев, Брусилов. Бои идут в 60 км. от Киева. Жестокие. Позавчера немцы бросили в бой одновременно 800 танков. Все хозяйство Черняховского из-за этого вынуждено было прекратить наступление на Полесье, повернуться фронтом параллельно шоссе Киев-Житомир и драться. Кроме того, туда бессчетно идет техника с востока и люди.

Киевляне уже начали тревожиться. Вчера мы приехали в город. Все спрашивают:

— Ну как? Не придется? (и не договаривают). Неужели опять?

22 ноября выдался отличный день, а то все — непогода. Авиация наша неистовствовала. А ночью немцы налетели на переправы и долбали их. А затем опять — мерзейшая погода.

Сейчас проснулся — все бело, зима. Надолго ли?

Вчера наш старик (в деревне) Федот Гаврилович простудился, кашляет. Любопытно отношение остальных. Жена его, Софья Самойловна, меланхолически говорит (спокойно так):

— Наверное, помрет старый.

Я говорю:

— Да что вы! Это же просто простуда.

— Нет, помрет. Ну, может, до весны дотянет.

Днем соседям принесли письмо с фронта. Путанное, малограмотное. Там они вычитали, что их сын Павел убит (написано же было — ранен). Старуха два или три раза сказала обыкновенным голосом: «О, Господи!» и ни на минуту не прекратила возни с горшками.

22 ноября был у Героя Советского Союза генерал-майора Лакеева. Он командует истребительной дивизией (Ла-5). Когда-то был ведущим знаменитой пятерки на всех тушинских «днях авиации». Был участником испанской, финской, халхинголской войн. Вся грудь — в отметках. Маленький, живой.

— Сколько дивизия сбила?

— Было 613. Да в эти дни штуки четыре.

— Сколько у лучшего летуна?

— 22

— А у тебя?

— За эту войну 1, да 2 в группе.

— А за все войны?

— 16. Да разве дело в сбитых? Наше дело — не пущать к своим, защищать их. А сбивать — это раз плюнуть.

Жаловался, что забыли его.

Киевская хозяйка рассказывает: был знаменитый гинеколог Кособуцкий. При нас имел всё, вплоть до машины. Но ждал немцев. Они дали кафедру. Уехал с ними, с барахлом. Сейчас знакомая получила его записку: сидит в концлагере, где жена и вещи — не знает. В Киеве — все рады этому.

27 ноября.

Уж несколько дней стоит отвратная погода. Но сегодня, сейчас ночью, такая мерзкая, что хуже и придумать нельзя. Отчаянный, как на Рудольфе, западный ветер, дождь со снегом. Бр-р-р! Чернильная ночь. В хате холодно, сижу в ватнике.

Из Киева уехали днем позавчера. Плыли по грязи. Перед отъездом зашел на квартиру к Шуре Шереметьевой — той самой, что была в концлагере. Ее не было дома, но мамаша узнала сразу. Всхлипнула, начала расспрашивать: не уйдем ли? Я сказал — нет. Да и в этот день в сводке, впервые за все время, вместо «отбивали атаки» было вставлено «успешно отбивали» (в дальнейшем это слово опять исчезло). Когда я уходил — старушка бросилась мне на шею, поцеловала и несколько раз проговорила «Спаси вас Господь». Даже растрогала.

К какой только гадости человек не привыкает. В Киеве Сиволобов завел нас в один дом, где он раз ночевал.

— Хотите немецкого коньячку? — спросил он.

Хозяйка поставила на стол поллитра. Михаил налил по стакану. Какая немыслимая гадость! Но крепкая. Мы выпили. Долго терзали вопросами оказалось, смесь спирта с валерьянкой. Вечером заехали к старику Горбачу, который угощал табачком. Он встретил не так радушно. Я дал 250 рублей, он приволок поллитра самогона. После «коньяка» он показался слабым, как вода.

Приехали сюда. Вечером сели играть в преферанс. В последние дни мы частенько играли, главным образом для того, чтобы в светлые ночи не сидеть одному в хате, прислушиваясь к бомбежке. Неприятное ожидание! А за картами («на миру и смерть красна» — как это верно) не обращаем внимания. За эти дни я выиграл около 300 рублей, но позавчера продул 80 р.

Вообще, ожидание бомбежки — неприятно. И все мы понемногу становимся суеверными. Уходя, считаем законом пожелать остающимся «спокойной ночи». Прямо формула какая-то, без которой не так легко на душе.

Вокруг все дороги — месиво. До штаба — 3 км, но добраться туда немыслимо: сплошные озера грязи, глубиной по колено. Сапоги наши не просыхают, все машины не могут туда двинуться.

Произошла газетная катавасия. 11 ноября в «Красной Звезде» была опубликована статья майора Пети Олендера о том, как был взят Киев. Редакция дала это за подписью «полковник П. Донской» (она и раньше так подписывала Петра). Ватутин прочел эту статью, признал, что она выдает военные тайны и приказал найти автора. Искали, искали, и, наконец, опознали.

Вернувшись из Киева, мы узнали, что Олендера ищет адъютант Ватутина подполковник Семиков. Петр позвонил ему, тот сказал: «Пишете глупости, придется отвечать. Ждите — вызовем».

А тем временем стряслась другая история. «Красная Звезда» состряпала в Москве корреспонденцию о том, как был «взят» Овруч и напечатала ее 20 ноября. В тот же день статью взяли у нее и напечатали (так же 20) Правда, «Комсомолка» и передал ТАСС. Подпись — П.Донской, но на это раз подполковник. Олендера же 21 ноября вызвали к прямому проводу из Москвы и ругали — почему он не дал о боях за Овруч, в силу чего материал пришлось делать в Москве.

В статье об Овруче было без конца выдумки, чепуха. Упоминалось о бешенном сопротивлении немцев, о несуществующих трех линиях обороны и т. п. Случайно эта статья попала на глаза находящемуся здесь маршалу Г. Жукову. Он прочел, возмутился и приказал: автора найти и арестовать.

Шатилов вызвал Олендера. Тот пошел с лентой и доказал, что он ни причем. Шатилов приказал ему никуда не отлучаться, обещал доложить маршалу и известить о результатах.

В журналистских кругах эта история наделала большого шума. Тем паче, что с месяц назад Полтиуправление решило представить газетчиков к награде. В частности, Шатилов телеграфировал Поспелову, что хотят представить к правительственной награде меня. Поспелов дал согласие, но попросил включить в список и Лидова. Ребята опасаются. что список сейчас пойдет под откос. А там много народа: Полтарацкий и Антонов («Известия»), Крылов и Марковский (ТАСС), Островский (радио), Шабанов (СИБ), Гуторович и Карельштейн («КП»), Олендер и Буковский («Кр. Звезда»).

По моему совету Сашка Гуторович написал вчера об этом происшествии песенку:

БИТВА ПОД ОВРУЧЕМ.

(поется на мотив «три танкиста»)

Лет семьсот назад на поле брани,

В страшной битве за Дону-рекой
Орды швейков при Маме-хане
Под орех разделал князь Донской.
Шли века, как грозная стихия,
И вот как-то осенью глухой,
Занял Овруч, Коростень и Киев
Самозванец, некто П. Донской.
Его маршал Жуков заприметил,
Покачал в раздумье головой:
— Не припомню я, чтобы в газете
Службу нес великий князь Донской.
Приказал тут маршал часовому:
Ранним утром, прямо на снежку,
Открутить полковнику Донскому
Репортера хрупкую башку.
Но молва скандал разносит быстро.
Чтобы честь газетную спасти,
Порешили с горя журналисты
К нач. ПУ фронта голову снести.
На комод башку установили.
Слышат — губы тихо говорят:
— Вы за что, за что меня казнили?
Я, Олендер, тут не виноват!
Каясь я, что с фланга и с плацдарма
Все заочно занял города.
Нагоняй имел от командарма,
От газеты — право — никогда!
Эти фразы сильно всех смутили:
Не один Донской умел так врать.
И башку обратно прикрутили,
Чтобы вновь публично оторвать.

Вообще, Гуторович за последнее время написал несколько хороших песенок. Очень хороша у него «Гибель неизвестного солдата», неплоха «За Днепром убит наш запевала» и «Пошли в контратаку ребята вчера». А вот его:

МАШЕНЬКА.

Разодетая в кофточку яркую,
Из далекой Сибири глухой,
В полк прибыла санитаркою
Синеглазая, с черной косой.
Ей во флигеле, в старенькой башенке,
Отвели теремок и кровать.
Звали девушку Настей, но Машенькой
Стали все невзначай называть.

На девчонку, совсем безоружную,
Обещая до смерти любить,
Наступали все виды оружия,
Но никто не сумел победить.
А однажды, осеннюю ночкою
Командир приласкал ее сам,
До зори называл своей дочкою…
И с тех пор вдруг пошла по рукам.
От усатого повара Сашеньки
Через лысых штабных писарей
Пролегала дороженька Машеньки
К командирам морских батарей.

3 декабря.

Провел два дня у Героя Советского Союза генерал-майора Лакеева, командира истребительной дивизии. Говорил с летчиками, командирами.

Инженер-майор докладывал при мне генералу о ремонте самолетов. Дело шло медленно. Лакеев поморщился:

— До Берлина еще долго идти. Давай быстрее!

Вечером он насел на меня:

— Огнев! Достань мне учебник немецкого языка. Самый простой, школьный. И словарь. Сяду учить, понадобится. Не могу же я, генерал, идти по Германии, не зная языка.

27 ноября в Киеве состоялся митинг, посвященный освобождению города. Была отвратнейшая погода, но собрались все же до 30–40 тысяч. Выступали Жуков, Ватутин, Хрущев и другие. Жуков сказал:

— Удар под Киевом был полной неожиданностью для немцев и был непоправим. Немцы решили взять реванш, отбить Киев. Собрали 16 отборных дивизий, из них 10 танковых, их план горит — подбито уже 800 танков. Мы били немцев весной, летом, осенью и будем беспощадно бить зимой.

Ватутин заявил, что т. Сталин приказал взять Киев 6 ноября — и этот приказ точно выполнен.

За последние дни немцы никаких успехов особых не достигли., если не считать того, что отбили Коростень. Сейчас, на 1 декабря, они с запада подошли к Киеву на 65–70 км. и там застряли. В последние два дня никаких почти действий не производится: вчера весь день шел снег, сегодня тоже падал снег, сейчас морозит.

Вчера, наконец, мы выехали из проклятой Красиловки, где провели почти два месяца.

Крылов нашелся. А вчера приехал и мой шофер.

Позавчера вечером в Красиловке долго, до глубокой ночи,

разговаривали с Сиволобовым. Он — содержательный человек. Учился в Ленинграде, работал в городской печати, затем в ГлавПУ РККА, потом окончил (как раз перед самой войной, вернее — в июле 1941 г.) высшую партийную школу. Это было очень интересное и своеобразное учебное заведение.

— Это был своего рода партийный лицей, — рассказывает он. — Были созданы блестящие условия для учебы: великолепные кабинеты, лучшие профессора, к чтению лекций привлекались крупнейшие деятели партии. Жили в превосходном общежитии, у каждого — по комнате, отличная столовая. стипендия — 900 руб. в месяц. Лектора получали от 400 до 600 р. за двухчасовую лекцию. Читали они по вопросам. Академик Тарле читал, скажем, только о французской революции, но зато Ярославский — всю историю партии. Правила приема были жесткими. Курс — два года. Принимаются только мужчины, не старше 28 лет. т. Сталин сказал: настоящий партийный работник и сейчас (и до революции) тот, кто хорошо связан с ЦК, кончит школу, поработает несколько лет в аппарате ЦК и потом 10–15 лет будет полноценным партийным работником. Время есть, чтобы его таким сделать.

У нас часто выступали крупные партийные литераторы, авторы трудов. Ярославский рассказывал, как создавался «Краткий курс истории партии». Писали его, по поручению ЦК, Ярославский и Поспелов. Принесли. Собрались Сталин, Молотов, Жданов, Ворошилов. Сталин взял в руки толстую рукопись и сказал:

— Какой же это «краткий» курс?! Я предлагаю поручить авторам сократить ровно вдове, и тогда уж рассматривать.

Так и решили. А потом началась кропотливейшая работа над книгой. Так, четвертую главу, всю — от начала до конца, написал сам т. Сталин. А сколько он делал поправок! (Я сам помню его поправки в листы, которые шли в печать в «Правду». Где-то они у меня в архиве хранятся. — Л.Б.).

Минц рассказывал, как т. Сталин редактировал первый том «Истории Гражданской войны» (частично он писал об этом в «Большевике»). Он внес туда около 700 поправок, некоторые из которых были больше страницы. Был там, к примеру, заголовок «Весна в деревне».

— Это неправильно. Впечатления — солнце, тает снег и проч. Надо написать просто: «Буржуазно-демократическая революция в деревне». Или пишете: «Столыпин». Кто такой Столыпин? Это мы знаем, а остальные не обязаны помнить, кто он: ваш двоюродный брат или министр внутренних дел. Исправьте, напишите — кто он такой. Согласны с этим замечанием?

Леонтьев (нынешний член редколлегии «Правды») рассказывал, как года полтора назад ему и группе экономистов было поручено составить «Краткий курс экономических наук» (по типу «Краткого курса»). Готовилось и постановление ЦК от изучении его коммунистами. Когда принесли «курс» — т. Сталин жестоко и крепко высек экономистов: они мыслили формулами, а не жизненно. Они утверждали, например, что при социализме нет стоимости, ибо нет прибавочной ценности.

— Как же так, — сказал т. Сталин. — Вот рабочий откладывал год 400 рублей и купил шкаф. Идет он с покупкой и встречает экономиста. Тот говорит: этот шкаф — не стоимость. А что же это?

Незадолго до войны т. Сталин предложил ввести в ВПШ изучение логики и психологии.

— Сейчас введем здесь, а через год-два еще в 10–15 заведениях.

Он вызвал к себе ученых наших философов, весь стол его был завален изданиями по логике.

— Вот до войны издавали уйму, а сейчас совсем не выпускают. Это неправильно. Мы, а особенно партийные работники, обязательно должны изучать логику и знать психологию.

Но война помешала изучению и изданию этих книг.

Кстати, об изданиях. Директор ОГИЗа Павел Федорович Юдин рассказывал, как однажды т. Сталин вызвал его и предложил составить план издания книг библиотечки по экономике (массовым тиражом). Этот засадил своих ученых гавриков и составили список в 200 названий. Пришел Сталин повычеркивал почти всё («Кто же все это будет читать?!») и оставил 10–12 названий.

Интересный человек Сиболобов. Работает он у нас с начала (примерно) войны. Послали его на Брянский фронт. И вот раз, сидя в дивизии, он узнал, что пришли партизаны из Брянских лесов, привели пленных.

— А можно с вами пойти?

— Пожалуйста.

— А когда вы уходите обратно?

— Да сейчас.

Через полчаса он ушел с ними и пробыл там около двух месяцев. Потом вернулся, отписался, докладывал Щербакову и Жукову о делах. Получил от них два «Дугласа» всяких вещей, поручение созвать и проинструктировать командиров отрядов и отбыл снова. Был там около трех месяцев, скитался с ними, участвовал в операциях («когда настало трудное время —

отступал с ними, но не уезжал, не мог же я, правдист, смотаться в такой момент»), дрался, расстреливал. Вернулся и написал все.

Вчера мы приехали в Киев с Сиволобовым.

А. Гуторович. Март 1943 г. Тухунсие леса (под Питером).

РАННЯЯ ВЕСНА.

Я б снова взять тебя хотел
Не лаской, к сердцу проторенной,
А грубой, злой, непокоренной
Весенней силой мужика,
Чтоб сладострастия река
На землях гожих для ночлега
Нас уносила в мир весны
У теплых корневищ сосны,
Едва оттаявших от снега.
Я знаю: нет такой постели
От страсти камни онемели.
Молчи, молчи. Терпи пока.
Знакомый след найдет рука.
Я временно тебе несносен,
Уже не слышно шума сосен.
Губа, закушенная в кровь,
Мольба, и шепот, и любовь
Все слилось в жадном поцелуе,
Не в силах муки побороть
По корневищам хлещет плоть,
И теплая — уходит в землю.
…Все кончено. Шумит сосна.
Какая ранняя весна.

А вот эпиграмма на Кирсанова:

Его друзья все ищут бури,
Все ищут славы боевой…
А он, мятежный, служит в ПУРе,
Как будто в ПУРе есть покой.

Вспомнил эпиграмму на Симонова:

Живет — Арбат.
Нос — горбат.
Много зарабат.

12 декабря.

4 декабря получил из редакции вызов в Москву. Вообще, начался массовый разъезд. Уезжают и уехали: Полторацкий (Известия), Олендер, Галин и Слесарев (Кр. Зв.), Карельштейн-Карташев (КП), Островский (Радио), Крылов (ТАСС), Архипов («Фронт. илл.»), наш Рюмкин.

Сиволобов и Крылов уговорили подождать их и выехать

вместе 10 декабря. Так и выехали — тремя машинами. По дороге заехал на Белорусский фронт ночевали у Макаренко. Были в Гомеле — город в дым разрушен, многие кварталы и улицы до сих пор заминированы. Из Гомеля выехали в 12 дня 11 декабря и ехали безостановочно до самой Москвы. Приехали сюда сегодня в 14:30. Привезли с собой бензин и поставили его дома — готовность № 1.

1944 год
ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1944 г

Аннотация: 1-ый Белорусский фронт. Беседа у генерала Телегина с Рокоссовским. Встреча с генералом Орлом, генералом Казаковым. На 1-ый Украинский фронт. Киев, Житомир. Рассказ Николая Стора (радио) о 22 июне 1941 г. — приезд и выступление по радио Молотова. У секретаря ЦК Белоруссии Горбунова, его рассказ о сценарии Довженко «Украина в огне» и реакции Сталина, рассказ о начале войны в Белостоке. Фронтовая жизнь, встречи. Поездка в Мозырь, Овруч. Долгая стоянка в Ельске, опять в дорогу, Овруч. Рассказы полковника Прокофьева (быв. воен. комендант Молотовского р-на Москвы). Возвращение в Москву, подробности гибели Калашникова. Встреча с врачом Неговским у него дома. У генерала Тарасова. Открытие 2-го фронта. Гибель в Полтаве Лидова, Кузнецова и Струнникова. Полет с генералом Шимановым в Люблин к маршалу Новикову, жизнь у него, разговоры, обратно в Москву. Дома у Яковлева. Освобождение Бухареста и срочный вылет туда. В Бухаресте. Возвращение в Москву.

Тетрадь № 25–01.02.44–18.09.44 г.

1-й Белорусский фронт.

1 февраля 1944 г.

с. Мильча (под Гомелем)

Вот и снова на войне. Выехал из Москвы вместе с Хватом 26 января. Сколько раз мы в мирное время мечтали поехать вместе на какое-нибудь длительное дело, и вот сейчас, наконец, осуществилось. Ныне Хват, после долгих мытарств (работник ГУСМП, репортер ТАСС, военкор на Юж. фронте, «эмигрант» в Ташкенте, работник оперотдела в воздушной армии Громова) военный корр. «Труда».

По дороге решили заехать в гостиницу к Рачику Григоряну — редактору Армянского «Коммуниста», вызванного в Москву для переговоров в связи с наметкой преобразовать его в нашего корреспондента. Григоряна я знаю еще по моей поездке в Армению в 1940 г. и очень люблю его. Честный, добрый, прямой товарищ. Заехали. Нашли его у народного артиста СССР Вагарша Богдановича Вагаршяна, которого я тоже знал по Армении. Обрадовались. Выпили. Поговорили. Уехали. На дорогу Рачик дал нам литр виноградной водки, о которой мы с признательностью вспоминаем до сих пор. Выехали в 16:10.

Дорога была скользкая, как стекло. Тепло. Шпарили при свете фар. За Медынью неожиданно развернулись на 180о и

вмазали в канаву. Попробовали вытащить — силенок мало. Ночь, машин почти нет, становится прохладно. Все-таки январь! Ждем встречных и поперечных машин. Одна прошла — нет троса. Другая — не остановилась. Третья — мимо. Когда решили, что придется ночевать, подошла машина с красноармейцами. Подняли на руках. Поехали.

Ночевали в Юхнове, в санчасти ДКУ, т. к. комната для офицеров была занята. Утром поели в питательном пункте. Очень удобные эти учреждения появились сейчас на дорогах, раньше их не было.

По этой дороге я ехал, возвращаясь из Киева в Москву, 10–12 декабря прошлого года. Дорога известна под старым именем Варшавского шоссе. Разительная разница! От Рославля и, особенно, от Пропойска до Довска дорога была в ужасном состоянии: полотно еще приличное, но все мосты взорваны и объезд на объезде. Сейчас и полотно отремонтировано и мосты построены заново. На всех дороге только один объезд, да и то мост уже готов. А ведь Пропойск был взят 25 ноября, а Довск лишь в начале декабря.

Сначала я хотел ночевать в Довске, но мне отсоветовали, т. к. он находится под артиллерийским обстрелом, и ночевали в Рославле. 28 января часиков в 16 прибыли на место. Встречали нас радушно, а меня — так просто, как уезжавшего в командировку. Газетного народа здесь порядочно: от нас Леша Коробов, от «Известий» майор Паша Трояновский, майор Шванков. И сегодня приехал фотограф Кнорринг, от ТАССа — кап. Денисов, кап. Баранников, Шилкин, майор Евг. Ратнер и фотограф Копыт, от «КП» — капитан Карл Непомнящий (который был со мной под Киевом) и фотограф Капустянский, от Информбюро кап. Пономарев и еще кто-то (кажется Попейко), от радио — кап. Николай Стор, от «Иллюстрированной газеты»- ст. лейт. Виктор Кинеловский.

Ух! Кажется, всё. Есть еще люди, приватно упражняющиеся в газете, скажем, кинооператор Римка Кармен («Известия»), поэт майор Женя Долматовский («КП»).

В первый же вечер Долматовский затащил к себе, заставил рассказывать московские новости. Я ему сказало том, что 3 февраля будет пленум Союза Писателей, что ответ. секретарь будет Поликарпов из радиокомитета (а на его месте — Пузин, зав. отделом печати ЦК), а президентом Ник. Тихонов вместо Алексея Толстого. О том, что повесть Зощенко «Перед заходом солнца» признана антихудожественной и пошлой, а невышедший в свет сборник стихов Асеева клеветническим. Он был весьма оживлен этими известиями, ругал писателей и в заключение

сообщил две эпиграммы-экспромта. Первый экспромт откликается на мрачную трагедию, происшедшую в Мозыре. Три командира заняли одну комнатку. Ночевали. Двое ночью оказали честь благосклонности двух девиц, а третий писал срочную статью в газету. Экспромт:

Только честный скрип пера
Спас его от триппера.

Второе произведение посвящено Непомнящему, который без устали рассказывает всем о своей московской невесте. Женя написал:

Как о далеком, погибающем
Торпедированном корабле,
Вспомните о Непомнящем,
Тонущем на земле.

И тут же продал это четверостишье за 10 литров бензина Непомнящему. Совсем, как «наемник капитала» в «Золотом теленке» продал рассказ Остапа Бендера о смерти вечного жида представителю европейской свободомыслящей газеты. Как известно, тот передал рассказ в свою редакцию. Так поступил и Непомнящий. Он послал свою покупку своей девушке с там же Долматовским, уехавшим в эту ночь в Москву.

По дороге из Москвы я, шутя, говорил Левке, что где-нибудь около искомого села мы обязательно встретим на дороге машину секретаря Военного Совета фронта майора Владимира Алешина. Сейчас он уже не секретарь, а нач. отдела информации ПУ. Произошло это формально потому, что он женил я на подавальщице столовой Военного Совета. И впрямь — уезжая и приезжая сюда, я всегда встречал его машину. В день приезда я не встретил его, но на следующий день действительно встретил на дороге в машине, и он, как обычно, за рулем.

Сегодня, к слову говоря, у нас с ним (Хватом) был длинный разговор (в который уже раз!!) о литературе. Как и многие, он крайне неудовлетворен оной и ругает наших писателей на все корки. Ругает зло, справедливо и остроумно.

— Многие из них, — говорит он, — написав первую сносную вещь заболевают неизлечимой болезнью — гонорареей и всю последующую жизнь лечат ее переизданиями.

Забавно видеть и наблюдать человека, долго оторванного от войны, хотя и обладающего очень высокой, профессионально-мгновенной хваткой. Левка задает самые наивные вопросы, особенно касающиеся общевойсковых, а не воздушных тем. На здешних корр-ов он произвел впечатление матерого тыловика, т. к. не знал, что такое коничка, планетарка, первичный валик и т. д.

Гигантское впечатление на всех произвел прорыв наших войск под Ленинградом. Об этом говорят все — и военные, и крестьяне. Здесь пока тихо. Но сегодня приехал из Речицы Виктор Кинеловский и сказал, что сегодня с 10 до 2 там была слышна яростная артподготовка, примерно на северо-западе, западнее Жлобина к Бобруйску.

— Чья — наша или немца — там не знают.

Хочу записать. Перед отъездом из Москвы у меня была жена командира стратостата «Осоавиахим» — Лидия Борисовна Федосеенко. Он погиб 30 января 1934 года, поднявшись на 22 000 м. Я ожидал, что с поминальной статьей придет пожилая мадам, а пришла очаровательная молодая женщина, в каракулевом манто, раньше она была авиатехником, а сейчас работает бухгалтером в ВВС.

Официальная версия причин гибели гласила: стратостат был рассчитан на 19000 м., они поднялись выше, перерасходовали балласт и грохнулись при спуске. Федосеенко утверждает категорически, что экипаж имел две серии чертежей: на 19000 и на 22000. Строили на 22000, а приемочной комиссии (под председательством Прокофьева) показывали на 19000, дабы не запретили.

Очень любопытно!

2 февраля.

Сегодня вечером пронесся слух, что у нас где-то началось. Где и что неизвестно. Завтра будем знать. Вечером смотались в штаб, но и там ничего не узнали.

Погода окончательно испортилась. Когда мы приехали сюда — везде были ледяные лужи. По выходе на улица сразу сапоги размокали. Потом немного подморозило, а сегодня с утра опять дождь, снеговая слякоть и ледяная каша.

У всех разговоры — о сессии Верховного Совета. Еще в Москве шла тьма разговоров о повестке, все гадали. Тут все обсуждают и гадают — что могло быть в докладе Молотова.

В офицерских кругах ходят две международных анекдота, вызванных, видимо, «слухами из Каира» (Черчилли, Рузвельты, вилками на воде и «что тебе одного мало»). К слову, два неплохих анекдота рассказал Денисов:

1. Девушка просит негра подвести ее на велосипеде в соседний пункт. Садится на перекладину, едет. На полдороге: «Мисс, не могу вести дальше, велосипед дамский.»

2. Два приятеля умирают. Один попадает в рай, другой в ад. Первый просыпается, хочет выпить — опохмелиться: одни кисельные берега и реки молочные. Идет к аду. Видит, сидит на троне приятель, на коленях восхитительная обнаженная дева, в

руках кружка и черт льет водку. Зависть!

— Милый, она без дырки, а кружка с дыркой.

3 февраля.

Бомба: окружено 10 немецких дивизий в районе Канева и смыкание войск 1 и 2 украинских фронтов. Почему я не там!!

Хвату в городе в семье одного сапожника рассказали, как у жены одного командира умерла одна дочь и родилась вторая — от немца. Он приехал в освобожденный Гомель и застрелил жену.

— Будут его судить? — спросили Хвата. — Немецких детей всех будут убивать, это ясно. А вот тех женщин, которые жили с немцами, наверное, посадят?

Мокреть, дождь, продолжаются. Сыграли в пульку: Хват, Киселев, Стор и я.

4 февраля.

Новостей нет. Мокреть. Летал вечером немец, стреляли, прожектора, шел низко, ушел.

Два анекдота — отзвук военного положения в Москве.

1. Почему все женщины в Москве носят черное трико? — Есть приказ затемнять все места общественного пользования.

2. По карнизу Моссовета ходит человек. — Петров, что вы там ходите? Я лунатик! — Сумасшедший, почему же вы ходите днем?! — У меня нет ночного пропуска…

И загадка: что такое верх шума? Совокупляться со скелетом на железной крыше.

Экая чушь!! А все смеются и довольны…

6 февраля.

Вчера и сегодня — дни больших визитов.

Вчера:

Будучи в штабе, я позвонил адъютанту Члена Военного Совета генерал-майора Телегина (подполковник Майстренко) и спросил — как бы повидаться с Телегиным.

— Приезжайте сейчас. К нему приедет Кнорринг, фотокорр. «Красной Звезды». Будете вместе. Он Вам не помешает?

Приехал. Следом подъехал Кнорринг и фотограф «Фронтовой иллюстрации» Виктор Кинеловский. Вошли. Телегин принял очень радушно. Ребята сказали, что хотели бы снять его вместе с Рокоссовским. Он созвонился с ним, уговорил его и тут же предложил следовать за ним.

перешли дорогу. Небольшой домки. Крошечная передняя с закутком для адъютанта, и сразу кабинет командующего. Светлая комната — два окна на улицу, два во двор. Маленький письменный стол, к нему примыкает длинный стол заседаний. Между уличных окон — откидная доска, на ней оперативные карты. Около — столик с телефонами. На стене — обзорная карта

Европы. У печки большой серый дог «Джульбарс». У стены — жесткий маленький диван. Вот и вся обстановка. Очень просто.

Командующий сидел на диване, ожидая нас. Встал, любезно поздоровался. Высокий, очень стройный, в превосходно сшитом, но простом кителе, с погонами генерала армии. Девять орденов. Ровный пробор недлинных темноватых волос. Идеально брит. Моложавое, очень спокойное, чуть скучающее лицо. Держится, как человек, которому абсолютно нечего делать.

За столом сидел начальник штаба — генерал-полковник Малинин, среднего роста, коренастый, седеющий, с крупными чертами крупного лица. У карты стоял мой старый знакомый — нач. оперативного отдела генерал-майор Бойков невысокий, полный, с очень живыми глазами, но небритый.

Телегин представил нам всех. Бойков улыбнулся:

— Мы знакомы. Вы давно с Украины?

— Вы с Украины? — оживился Рокоссовский. — Какая сейчас там погода?

— Я оттуда уже полтора месяца.

— Наверное, такая же, как здесь, — сказал командующий. — Эх, и погода. Смотрите, — указал он на прикрепленный к окну термометр. — 17 градусов тепла на солнце.

Видно было, что погода сидит в печенках у генерала. Позже, в разговоре со мной, он несколько раз возвращался к этой теме.

— Знаете, когда мы подошли сюда, противника перед нами не было почти до Минска. Мы могли бы идти и идти, но болота не пускали. Решили подождать, пока они замерзнут. А они не замерзают до сих пор! Разве это зима! И сейчас всё на руках — и пушки, и танки, и автомашины, и снаряды.

— Вы сейчас вернулись из поездки, — сказал я. — Дороги развезло?

— Страшно раскисло. Но до штабов доберетесь. У вас какая машина?

— Эмка.

— Доедете, пожалуй. Поезжайте к Батову и Романенко и покажите (статьях — С.Р.), что такое болота, война в болотах.

— Она, очевидно, родила новую тактику?

— Конечно. Раньше, скажем, мы перед наступлением вели очень интенсивную артиллерийскую подготовку. Сейчас здесь трудно сосредоточить на узком участке такое количество орудий. И решает живая сила — с пулеметами, автоматами, винтовками.

В разговор вступил Телегин:

— Вот наш народ привык сейчас мерить успех наступления километрами. В вы поезжайте и покажите, что значит идти вперед по болотам!

— Цену метра? — спросил я.

— Да, да. Именно цену метра.

— Это довольно трудно. У нас принято писать только с тех участков, которые именуются в сводке.

Рокоссовский нахмурился. Видимо, его очень задевало то обстоятельство, что в сводке давно не было его фронта. В это время зазвонил телефон. Кто-то докладывал, судя по всему, о том, что его бомбят.

— Маловато истребителей? — переспросил он и очень спокойно добавил:

— А вы их зенитками. У вас их достаточно. Вот и бейте!

Пока мы сидели, адъютанты непрерывно докладывали по телефону из ВНОС, что к нашему пункту приближается два, три, два, четыре немецких самолета. День был ясный, солнечный, удобный. Низко над нами прошел немецкий разведчик.

— Переправы высматривает, — сказал Рокоссовский. — Ночью бомбить будет. О, они отлично знают, что для них переправы.

Фотографы снимали без устали: у карты, у телефона, за столом, в группе, портрет. Я говорил с ним в паузах, и разговор был очень непринужденным.

— Стоит показать саперов? — спросил я.

— Вполне, они хорошо работают. Да сами понимаете — болота! Это не тот театр, где мы двигались раньше. Там — раздолье. Там можно было развернуться.

— Много немцев против вас?

— Очень. 37 дивизий — различных. Мы — на втором месте по всему фронту. Против 1 Украинского, кажется, 40, затем мы. Иногда, когда им очень туго, они снимают пару дивизий, но затем быстро затыкают новые.

— Есть ли среди них венгерские?

— Нет, чистые немцы.

— Говоря военным языком — «первый сорт».

Телегин засмеялся:

— Да. Они же знают, против кого стоят.

— А каков характер немецкой обороны?

Очень своеобразный, — ответил Рокоссовский. — Во болотах есть островки. Немцы укрепляют их дзотами, траншеями, иногда — минируют подступы. Сидят там с пулеметами, минометами, артиллерией. Получается — форт. Вот и возьми его!

— И эшелонировано?

— И эшелонировано, и насыщено — все рода войск. Им же легче — они в обороне, а не в наступлении.

Пробыли мы у него около часа. В заключение я попросил

Телегина дать мне машину.

— Подсчитаем, посмотрим, напомним.

Сегодня я поехал по управлениям. Заехал сначала к командующему бронетанковыми силами генерал-лейтенанту Орлу. Высокий, красивый, молодой, лет 35–40. Ленточки пяти или шести орденов. Очень простая и грязноватая комната в хате, маленькая.

— Да, болота. Массированный удар здесь исключен. Мы вынуждены действовать мелкими группами. Придаем танки пехоте. Идут они вперед, потом болото, пехота занимает его, затем строит гати до сухого места, танки идут, снова возглавляют пехоту и так до нового болота. Скачками!

— Хотел бы найти экипажи, воюющие с первого дня.

— Есть такие.

— А танки?

— Вряд ли. У нас же сейчас и материальная часть совершенно иная. Я начинал войну в 16-ой армии. У нас тогда были БТ (Т-26). Их сейчас и в помине нет. Но вот сталинградские танки можете найти. Есть, скажем, танк «Папанин». Напишите о нем (5-ый гвардейский полк у Батова).

От него пошли к командующему артиллерией генерал-полковнику Казакову. Как я и ожидал, и обстановка и генерал были совершенно иными. Маленькая комната. На полу — мягкий ковер. Изящный письменный стол, настольная лампа, картины. Великолепный чернильный прибор — пушка со снарядами. Пушка сделала по всем правилам — не только рожки, но и прицельное приспособление, и откатывается даже.

— На этой пушке можно обучать журналистов артиллерийской грамотности, пошутил я.

Невысокого роста. Шесть или семь орденов. Лет 40–45. Седеющие светлые волосы. Очень интеллигентное, живое лицо, умные глаза, гладкая, культурная речь, очень простое, но с достоинством обращение. Артиллерист!

Я сказал, что хотел бы написать о действиях артиллерии в болотах.

— Очень хорошо, — ответил Казаков. — Они этого стоят. А условия совершенно необычные, всё на руках, молодцы! тут же никто никогда не воевал. В мировую войну здесь просто стояли (в Пинских болотах) наши и немецкие заставы. В гражданскую и польскую боев тут не было. В 1941 г., когда немцы наступали, они обошли эти болота с севера и от Могилева спустились вниз.

(В разговоре с Орлом я спросил, является ли новинкой действия танков в болотах?

— Нет, ответил он. — Мы изучали это в академии. Но там это

преподавалось, как исключительный случай, а тут это — правило.

— Но мы сейчас рассматриваем танки, как проломное орудие, действующее на противника именно своей массой, — сказал я. — Следовательно, здесь, в болотах, танки больше напоминают танки первой мировой войны, когда они являлись в основном передвижными бронированными огневыми точками.

— Да, до известной степени это верно, — неохотно согласился Орел. Ему было обидно, что его танки так «пали», хотя и по объективным причинам).

Казаков много и хорошо говорил об артиллеристах. По всему чувствовалось, что он ярый патриот своих войск. Он вспоминал бои у Понырей (под Орлом во время июльского наступления немцев в 1943 г).

— Тогда на некоторых участках выручали только артиллеристы. В третьей гвардейской истребительной бригаде был полк, где за три дня сменилось три командира, а командиры батарей выбыли абсолютно все. Но не пропустили! А ведь пехоты за ними почти не было. Вообще потери артиллерии — большие и, что характерно, количество убитых равно числу раненых, а иногда и превышает его. Дело в том, что поражается либо снарядом, либо — если снаряд попадает в пушку — ее кусками. Но народ не колеблется, стоит. Это — результат и более высокого культурного уровня по сравнению с пехотой. В мирное время мы принимали в артиллерийские училища только окончивших среднюю школу. Даже сейчас, во время войны, мы принимаем туда с образованием не ниже семилетки и учим еще год. Да что там: на курсах, где готовим из командиров взводов командиров батарей, учим полгода. Вообще, должен сказать, культура большое дело. Возьмите нашу интеллигенцию Очень хорошо воюет. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы бывший, скажем, служащий, дрался плохо. Прямой результат культурности общей, общего развития.

Я спросил о меткости артиллерийской стрельбы, ч частности — можно ли из ПТО попасть в люк танка.

— Это разговоры, — засмеялся он. — На войне никто не стреляет в цель. Представьте себе: вот стоят пять орудий и идет 25–30 танков. Наводчик человек, ему к тому же и жить хочется. Он не выцеливает определенную точку (это некогда, да и не реально), а старается вообще попасть в танк, остановить его — хорошо бы попасть в гусеницу, подбить другой, третий, а затем — лупить в уже подбитые, пока они не загорятся. Ведь подбить — это полдела, ибо восстановить легко и нам и немцам, а вот сожженный танк надо уже бросать.

Он продолжал:

— Вот под Сталинградом мы поработали. 10 000 орудий лупили! А пехоты было совсем мало. Мы считали, что возьмем в городе 15 000 пленных. А взяли 60 000. Идет колонна тысяч в пять — впереди 5-10 красноармейцев, и сзади человек десять. Вот и ведут. А в каких условиях сами красноармейцы жили. Помню, в одном месте захватили 400 самолетов, бойцы в них расквартировались, печки поставили, вывески повесили: «такой-то взвод».

Вспомнил он газетчиков. Очень хорошо отозвался. И погоревал об Евгении Петрове, о Ставском («Жаль, какой смелый человек погиб, он часто бывал у нас, в 16-ой армии»), о Брагине («Маша Брагин — заядлый танкист»), резко отозвался о Кармене («Приезжает сливки снимать, а черновой работы не любит»).

В заключении я спросил его:

— Что за канонада вчера была слышна?

— Это немцы бомбили рядом.

И пригласил меня завтра заехать к нему: будут командиры из частей, дадут все материалы.

Я остался очень доволен этим визитом. Бывший со мной Кнорринг заявил о своем желании поснимать артиллеристов. Казаков обещал дать ему машину и провожатого командира («только дайте план тем съемки»)

Погода начала, как будто, устанавливаться. Всю ночь со вчера на сегодня валил снег, подморозило. Метет и сейчас (вечером).

Получил письмо от Абрама — от 30 января. Пишет, что прислали двух профессоров. Сделали первое впрыскивание — достали из позвоночника 8 кубиков спинномозговой жидкости и ввели вместо нее его кровь. Письмо довольно бодрое, но, видимо, мучения очень сильные. Бедный Абрам!

Был у Наташи Боде. Бедняжка, лежит больная, никто не заходит. Вспоминали, как ездили вместе в 1942 г. под Харьковом на ЮЗФ. Рассказала, как первой снимала «тигры» у Понырей. Их был несколько подбито, но нельзя было подобраться. И она поползла снимать под огнем на нейтральную землю.

— Очень противно — во ржи, среди трупов, а жара — разлагаются. Бррр! Сняла, на обратном пути обстреляли, мины шлепались рядом. Полом долго болели колени и ноги — всё ползла.

Хочется записать одну историю, пока не забыл окончательно. Дело было летом 1941 г. Звонит мне Папанин:

— Приезжай. Очень важное дело.

— Что?

— Не могу сказать по телефону.

Приехал.

— Вот что. Хочу организовать партизанскую армию в тылу у немцев Я ведь старый партизан, партизанил в Крыму, у Мокроусова. Опыт есть. Надо будет сплотить отдельные отряды, объединить их, возглавить, поднять дух у советских людей в занятых районах. Говорил с Микояном, он одобрил. Буду говорить с Вячеславом Михайловичем. Пойдешь ко мне комиссаром?

Неожиданность предложения несколько меня ошеломила. Но дело интересное, с размахом, понравилось.

— Да я же, Дмитрич, только еще кандидат партии. Какой же из меня комиссар! Бери просто к себе в штаб.

— Это ничего, что кандидат. Я тебя давно знаю, один кусок хлеба ели, видел в деле. Я тебе, Лазурка, верю — и это самое главное. Ну?

Я дал согласие. Через несколько дней заехал. Папанин мрачный.

— Ну что?

— Вячеслав Михайлович сказал: вы нам нужны, мы не можем вами рисковать.

7 февраля.

Тихий день. Снегу намело столько, что сразу образовалась зима. Подморозило. Ездил в штаб, говорил с танкистами и артиллеристами об особенностях войны в болотах. Танкист майор Кременский (из оперативного отдела) рассказал о том, что немцы начали применять новые, так называемые, магнитные кумулятивные мины для танков. Они небольшие, весом в 2–3 кг, с 1 кг. взрывчатки, но полые внутри, а снизу — три магнита, которые присасываются к броне. Кидается она либо вручную, либо из специально сконструированных гранатометов, один из которых называется «куколкой» (пульхен). Взрываются через 5–7.5 секунд. Разрывная сила чудовищна: танк разлетается в куски, башня отлетает на десятки метров.

Так тут было поражено до 60–70 танков. Долго не могли понять, в чем дело. Сначала думали — новые земные мины, потом — артиллерия, потом бомбежка. Наконец, нашли эти мины, испытали их на своих сгоревших и немецких танках — они! Сами немцы, опасаясь применения нами таких мин, уже начали покрывать свои танки особым глиняным раствором (толщиной до 5–7 мм), нейтрализующим притяжение магнитов. До той поры, пока наша промышленность освоит этот глянец, танкисты рекомендовали своим частям обмазывать танки обыкновенной глиной и замораживать ее.

Вечером с Левкой за работу. Я написал для Информбюро «В гостях у генерала Рокоссовского» и предложил им серию

подобных материалов. Левка пишет очерк «Свет и вода» (о восстановлении Гомеля).

— Правда, воды больше, чем света, — шутит он.

Зашел Непомнящий и рассказа, что по случаю приезда Рокоссовского в 65-ую армию, там состоялся банкет. На банкете выдвинулся вперед Леша Коробов и поднял тост:

— За Багратиона наших дней — генерала Рокоссовского.

Рокоссовский ответил:

— Легко быть Багратионом в наши дни, когда т. Сталин дает тысячи танков и десятки дивизий. Но трудно было бы быть даже Рокоссовским, если бы не было танков и дивизий.

Вчера информбюро сообщило, что 3-й Украинский фронт прорвал оборону, занял Апостолово, Марганец и др. пункты и окружил в районе Никополя 5 немецких дивизий. А ведь я собирался ехать на 3-ий! Вот обидно!

Левка психует вообще. Еле-еле, грубо, тяну его.

Долматовский уверяет, что Хозяин предложил издать «Антологию советской поэзии»! Сейчас!

21 февраля.

18-го выехали с Левкой на 1-ый Украинский фронт. Погода отвратная, мороз, сильнейший ветер. На дороге — вьет, заносит. Одели всю теплынь, что была. Дорога — хорошая.

В Чернигове пообедали. Город понемногу оживает. Правда, разрушен, как и раньше. Но уже разбирают развалины, строят чуть-чуть. Сидели в обкоме у зав. финхозсектором Белоуса. бывший партизан. Рассказал, что только за день до нас сняли с центральной площади 4 повешенных предателей, в т. ч. одну женщину. Зашел какой-то работник обкома, поздоровался. Разговорились. Оказывается, на восстановлении работает много пленных.

— Достается им?

— Ну да. Не смеешь пальцем тронуть. Иначе до партийного билета дойдет.

— А как кормите их?

— 600 граммов хлеба в день, да три раза в день горячая пища. А мы, работники обкома, получаем 500 г. хлеба, а население в городе — 300. Но работают добросовестно.

В темноте подъехали к Киеву. Идет бешенная стройка большого моста через Днепр, разъемного, для пропуска судов. Работы идут день и ночь. Очень красиво: весь город в темноте, а на стройке на высоченных фермах — огни. Собираются построить за полтора-два месяца. Ветрище, а работают! Недавно был несчастный случай: подняли металлическую ферму, ветром сорвало, убило и ранило несколько десятков человек.

Одновременно идет и стройка железнодорожного моста через Днепр.

В Киеве провели часок у артистки оперы Шуры Шереметьевой, о которой я раньше писал: она провела 9 месяцев в концлагере. У нее сидела подруга Кира Карлова — инженер «Киевтраспроекта», тоже бывшая с ней в концлагере (11 месяцев) и тоже лежавшая. Они рассказывали, что начальник лагеря Радомский сконструировал специальные сита. Перед приходом наших войск — начли вырывать расстрелянных, сжигали их, а пепел просеивали сквозь эти сита, чтобы уловить золотые зубы, коронки и т. д.

И Шура, и мать ее, и дядя встретили нас, как родных, оставляли ночевать (но холодище! — они живут на кухне), угощали «супчиком», чаем с печеньем (сушеным хлебом). Шура сказал, что приехали корифеи оперы: Литвиненко-Вольгемут, Патаржинский и другие. Готовится опера «Русалка» (завтра премьера).

Ночевали у родителей Наташи Боде. Встретили очень тепло, но ночевать было холодно. Ужинали. Маленький Шурик (четыре года) совершенно серьезно сказал:

— Я очень люблю наш советский хлеб.

Очень показательно, чем жила семья при немцах. Обычно тут говорят: ваши, советские, красные, а тут пацан: «наш советский».

Когда прощались, он прильнул ко мне:

— Дядя, не уезжайте на фронт, я вас очень люблю.

Город уже две недели не бомбят. Хлеб дают всем, в т. ч. и иждивенцам 300 гр. Но очереди!! Ходит трамвай, работают столовые, магазины, кино. Пустили стекольный завод. Есть вода, но в колонках, в части домов — свет. Цены на базаре понизились. Но улицы не убираются.

Утром 19-го поехали дальше. Великолепное шоссе Киев-Житомир. На 50-м километре остановились заправиться. Помощник нач. участка ДКУ — капитан Коган, бывш. инженер-строитель, предложил пообедать. Разговорились: дочь убита во время эвакуации бомбежкой, жену обокрали — начисто. «Будем живы наживем и детей, и робу».

Обед чудесный: прекрасный борщ, бефстроганов, чай. Очень чисто, отдельные комнаты для офицерского харча, чистые скатерти, трюмо, диван, даже картины. Есть парикмахерская, баня, гостиница. Очень звал встречать у него день Красной Армии.

— Много не обещаю, но довольны будете по горло.

Рекомендовал ночевать в Житомире, дальше ночью не ехать: пошаливают, обстреливают, подрывают. Было уже несколько

десятков случаев.

В Житомир ехали мимо знаменитых Кочерово, Коростышева, где немцы наступали в начале зимы 1943-44 г.г. Какие тут были бои! По обочинам, на дороге, на полянах — сгоревшие и подбитые танки, самоходки, бронетранспортеры, машины. На некоторых полях и полянах — до 10–15 штук Кучно! И наши и ихние — а сколько увезли подбитых. Хват только ахал.

В Житомир приехали в темноте. Город как будто сохранился. У въезда аэродром, ангары целы. Много жителей. Только самый центр — небольшой разрушен.

Я решил ехать до места, не задерживаясь. Дороги занесены, все время объезды. Тянулись, тянулись.

Деревушка, где живут наши, вся занесена снегом, вся в сугробах. Оставив машину на дороге, побрел искать своих. Ввалился в хату, которую указали (уже полночь!). Зрелище! Размер 2 х 5 метров. На койке — Полторацкий в кальсонах и рубашка повязана вокруг горла, за столом — Первомайский — в нижнем белье, пишет очерк, на лавке — Кригер в таком же наряде, читает какую-ту церковную книгу. На полу, на соломе, спят Трошкин и два шофера. Жара!

Разговорились, накричались. Виктор Полторацкий, оказывается, писал смехотворную стихотворную пьесу о житье в этой хате. Туда немедля вошел мой приезд, рассказ в встрече Нового года в Москве и проч.

Ребята только вернулись из-под Дубно, за которое идут бои. Рассказывают, что там весьма пошаливают отряды, так называемой, «Украинской Народной армии». Некоторые из них насчитывают по 700-1000 человек, получают оружие от немцев, от нейтралов и еще кое у кого. Но артиллерии нет. Районы и села законспирированы, имеют тайные склады, огромные землянки. Бьют беспощадно поляков. Встреч с регулярными частями КА избегают и действуют уже в тылу, когда фронт уходит вперед (такова директива). Носят названия: бендеровцы, бульбовцы, григорьевцы и др. — по атаманам.

В 2 ч. ночи пошли в свою хату., где живет Макаренко (его не застали, уехал ремонтировать машину). Предупредили нас, что там холодно, клопы и вши. Идем по сугробам, вдруг:

— Хват!

Оглядываемся, подходим: корр. ТАССа майор Григорий Ошаровский, с которым Левка был в 1941 г. на Южфронте. Узнал по голосу. Ночевали на досках в его хате. Немцы построили рекламно и торжественно крестьянину Андрею Антоновичу Семенюку, погорельцу, новую отличную хату (паблисити!).

Но и холодно в ней! Навьючили на себя все и все же мерзли.

Вчера днем пошли в 7-ой отдел. У меня было письмо от лектора ВУ Белфронта Людмилы Зак к инструктору Ватеру. Спрашиваю. Убит 4 дня назад. Это была его первая поездка здесь на фронт. Забрасывал людей в район окружения, попал под огонь автомата.

Газетчики тут все те же: ТАСС — Крылов, Марковский и добавили Ошаровского, «Кр. Звезда» — Олендер, Капустянский, «Известия» — Полтарацкий, Кригер, Трошкин, «КП»- Тарас Карельштейн, Радио — Островский, Информбюро Навозов, Шабанов (Макаренко острит «Навозну кучу разрывая, петух нашел шабанова зерно»).

От нас тут Макаренко, Первомайский, Брагин, Устинов, Ростков.

Деревня — полная чаша, у всех коровы, поросята, свиньи, куры. Много сахару. Всюду гонят самогон — хороший, горит.

Вечером долго говорили с Марковским. Старый газетчик, был редактором районных газет, «За индустриализацию» и др. Рассказал мне, что его отца — коммуниста немцы расстреляли, как мать пишет — «по заявке нижних жильцов».

И он, и Ошаровский резонно ставят вопрос о нашей пропаганде. Она, как и раньше, ориентирована на тыл и дается методами 1941 года, а сейчас — 1944, половина тиража идет в освобожденные районы, они перемешиваются с тыловыми людьми. Это обязательно надо учесть!

Много говорили о том, как сами пишем. Ошаровский привел слова знаменитого на юге командира дивизии генерал-майора Аршинцева:

— Как бы мне попасть на участок, где корреспонденты бывают. Вот где хорошо воевать!

Ночью где-то рядом бомбили.

25 февраля.

Утром 23 февраля выехали домой. Ночевали в 143-м ДКУ 96 ВАД. Встретили нас отлично. Был праздничный вечер, зело выпили. С ходу проехали Киев. Зашли на базар — полный торг. Левка совсем ошалел от удивления.

Часиков в 10 вечера вчера въехали в свой пункт. Сразу заехали в АХО за аттестатами. Там узнали, что начато наступления и взят Рогачев. Сразу заехали к корр. Информбюро кап. Попейко, информировались, и написали корреспонденции. Пока писали — немыслимо палили зенитки, рыскали прожектора. Немцы!

В 12:30 отправили в Москву, поехали домой, поели, а то весь день голодали, и уснули.

Я сильно простужен. Как бы не слег! Вот уж не время для

болезни.

Был у Зак.

— Ну, привезли мне ответ?

Я сказал, что Ватер убит. Молчит и плачет. Показала карточку — хороший парень, латыш. Судя по надписи на обороте — любил ее («Вернись! Юрий»).

— Я была так несправедлива к нему…

Вот уж по-женски!

В хате холодно, знобит.

Получил пачку писем. Абрам пишет, что сделали третью прививку. Результатов пока нет.

Коробов уезжает в Москву. Остаюсь один.

26 февраля.

Вчера до глубокой ночи сидели у нас Николай Стор и Непомнящий. Рассказывали всякие истории, но такие, какие могли поразить даже газетчиков. Лев рассказал о чуме в Москве. В том, что у меня записано еще в довоенном дневнике надо исправить две вещи: саратовский профессор остановился не в «Москве», а в «Национале», и привезли его не в Боткинскую больницу, а в Клиническую — на углу Петровки и бульвара.

Стор рассказал о первом дне войны. В этот день, в воскресенье, он как раз дежурил в «Последних известиях по радио». Пришел в 6:30 утра, начал спешно готовить 7-ми часовой выпуск. Работы невпроворот, каждая минута в обрез. Еще на лестнице уборщица сказала, что все телефоны звонят, но он махнул рукой — некогда.

Примерно в 6:45 она опять приходит.

— Там опять звонят, ругаются, что не идете.

— Скажите, никого нет.

Ушла, вернулась.

— Ругаются. Велят обязательно позвать.

— Тьфу! А какой телефон звонит?

— Горбатый, который на замочке.

Вертушка! Подошел.

— Кто?

Доложился.

— Где пропадаете?! Сейчас с Вами будут говорить.

— Кто?

— Услышите.

Через полминуты новый голос.

— Кто?

Доложился.

— С вами говорит Щербаков. Вот, что нужно сделать. В 12 часов будет выступать по радио т. Молотов. Надо все подготовить

к его выступлению и записать всеми способами его речь. Вызовите всех, кого найдете нужным. Передайте Стукову (председатель Радиокомитета), чтобы он позвонил мне. Остальных работников найдете? Они, вероятно, на дачах, воскресенье? Сумеете все сделать?

— Да. А в связи с чем будет выступление?

— Началась война с Германией. Только вы об этом широко не распространяйте.

Стор вызвал и растолкал спящего шофера и послал его за Стуковым («да что я сейчас поеду, вот в 10 часов поеду за ТАССом, тогда уж по пути»), а сам сел лихорадочно заканчивать выпуск. Минуты остались!

Бенц! Вылетает из будки стенографистка:

— Вас требует немедленно Синявский.

Вадим Синявский был послан в Киев для передачи хода какого-то крупного футбольного матча, назначенного на воскресенье. До него ли было Стору!

— Скажите, не могу.

Ушла, вернулась.

— Он ругается матом, требует — во что б это ни стало.

Подошел, обложил:

— Вадим, ты не знаешь, что творится!

— Да нет, не то, не футбол! Ты не знаешь сам, что творится! Я не могу сказать прямо, даю по буквам: Борис, Ольга, Матвей, Борис, Иван, Лидия, Иван. И тех же я увижу при командировке в Луцк, Одессу…

Ух! Времени нет, выпуск полетел. Стор приказал повторить 6-ти часовой, только сообразил выкинуть из него сводку Германского Информбюро, передал стенографистке приказ всем корреспондентам сидеть, не отлучаясь, у репродукторов хотя бы сутки, вызвал по телефону нескольких человек., послал за остальными. В чем дело не сказал никому, предложил все готовить. Машина завертелась. Шофер Стукова поднять не мог. Стор поехал сам, еле достучался. Тот как услышал в чем дело, так ошалел. (Позже он был комиссаром полка и был убит).

Вскоре приехали чекисты и заняли все выходы и коридоры. За три минуты до назначенного срока приехал т. Молотов. Он сел за стол, раскрыл папку и начал читать приготовленную речь.

За полминуты до срока он встал и прошел в студию к микрофону. Стор подошел и налил нарзана в стакан.

— Уберите все лишнее! — резко сказал Молотов.

Левитан объявил его выступление. Молотов говорил очень волнуясь, нервно. Но записали все хорошо.

Это было последнее выступление руководителей партии из

студии. т. Сталин 3 июля выступал из Кремля. «Объявлять» его туда поехал Левитан. Он рассказывал потом, что т. Сталин так волновался, что Левитан ушел в соседнюю комнату.

Весь день лежал дома, грипповал. К вечеру заехал майор Николай Васильевич Меркушев, бывший работник «Правды», ныне — замполит 54-го гвардейского Бахмачского ордена Суворова минометного полка. И потащил к себе. Они все время дрались в болотах у Мозыря, а сейчас выведены на отдых. Познакомились там с командиром полка — подполковником Аркадием Тимофеевичем Шаповаловым. Очень плотно пообедали, с тортом даже, с огромным удовольствием послушал радио. Разговор был интересным. Шаповалов рассказывал о первых днях применения «Катюш». Это было в августе 1941 г., под Смоленском, в 19-ой армии Конева. Всего две батареи. Личный состав строжайше отбирался комиссией ЦК. Район действия был оцеплен чекистами, не подпускали даже генералов. А теперь таких полков — сотни. Оба — большие патриоты своего оружия.

— Ну как его не хвалить, — говорит Шаповалов. — Это же мощь! Я могу дать за 7 секунд от 500 до 1000 снарядов. Чтобы дать такое количество, надо чуть не всю артиллерию армии собрать на узкий участок.

Боевой человек: десятки раз был под огнем. Однажды через его блиндаж переехал немецкий танк. И ни разу не был ранен!

Меркушев жаловался на тяжелые условия политработы. Полк получает 13 экз. «Правды» (одних только офицеров больше 70), 7 экз. «Кр. Звезды», около 10 экз. «Кр. Армии» и 25 экз. армейской газеты. Изредка — 1 номер журнала «Красноармеец», один номер «Парт. строительство» «Огонька» и других журналов не видят. Книг совсем нет. Радио — только у командира полка. Кино последний раз видели полгода назад.

Это очень серьезные вопросы и надо будет обо всем этом серьезно поговорить в Москве.

Выпил стакан водки с гаком и трезв, как младенец. Вот растет квалификация!

29 февраля.

Наш фронт опять исчез из сводки. Сегодня стало известно, что немцы в районе 48-ой армии начали отступление. Она еще 19-го повела наступление, шла с очень тяжелыми боями и продвинулась на 9-10 км, форсировала Березину. Но далеко ли отойдут — пока неясно. Севернее Рогачева наши 25-го перешли Друть. Немцы подтянули из района Бобруйска три танковые дивизии (4, 5 и 20-ю) и оттеснили наших на Восточный берег реки. Только в районе Мал. Коноплицы у нас остался небольшой качающийся плацдарм.

Как было обнародовано в приказе Сталина, создали 2-й Белорусский фронт (южнее нас). Ему сейчас достанутся болота.

Очень хорошо идут наши на Псковском направлении. Вчера жахнули больше 400 нас. пунктов.

Погода до вчерашнего дня стояла морозная. В ночь на сегодня опять развезло.

Вчера утром зашли кинооператоры майор Николай Вихирев и капитан Ибрагимов. Преложили поехать в 96-й гвардейский пикирующий полк полковника Якобсона. А нас туда уже приглашали. Смотались сразу.

В землянке у командира полка — рослого эстонца разговорившись, выяснил, что это тот самый 99-йближнебомбардировочный полк, в котором я был в конце мая 1942 г. в Волоконовке, вместе с Наташей Боде и Сашкой Устиновым. Сам Якобсон тогда был командиром полка и привозил нам яичницу и водку. В этом же полку до сих пор живы летчики: ныне Герой СС Смирнов, штурман капитан Герой СС Туриков, летчик — кавалер 5 ленточек капитан Мельник, штурман Герой СС капитан Крупин. Со всеми из них я беседовал сейчас об их последних делах буду писать.

В этом полку мы пробыли в 1942 г. два дня. Я писал тогда об их налете на Харьковский аэродром, во время которого подожгли самолет Карабанова, все считали его погибшим, но он со штурманом пришли дней через десять пешком, а радист Сокольский не пришел. Писал я тогда и о летчике ГВФ Богданове. Через несколько дней в Валуйках, где мы тогда жили, я встретился с Костей Тараданкиным, он передал мне привет от командира полка полковника Егорова. Я спросил о Богданове.

— Богданов не вернулся с задания, погиб.

Прошло еще несколько дней, я уехал с Устиновым в Воронеж. Однажды (20–25 июня) в столовой ДКА ко мне подошел от соседнего стола летчик.

— Тов. батальонный комиссар. Вы, кажется, были у нас в полку в Волоконовке?

Это оказался летчик Быстрых, впоследствии ГСС. ОН сидел со своим штурманом.

— Где полк?

— Да вот почти все, что осталось — я да он.

— А Егоров?

— Назначен командиром дивизии.

— А кто в полку?

— Якобсон.

И вот, сейчас снова встретились! Тесен мир, земля круглая! Пошли оживленные расспросы.

— Где Быстрых?

— Погиб.

— Егоров?

— Командует в тылу дивизией, учебной.

— Кошевой (командир прикрывающего истребительного полка)?

— Погиб.

— Комаров (командир соседствующего полка Ил-2)?

— Командует штурмовой дивизией. На нашем фронте.

— Крупин, Смирнов, Мельник, Туриков?

— У нас. Почти все Герои. Смирнова представляем на дважды Героя, а Мельника — к Герою.

— А помните, я писал о Карабанове?

— Как же, отличный летчик. Погиб под Орлом вместе со своим штурманом. Жаль. Но знаете: год назад пришел его радист Сокольский. Год был в плену, в лагере, бежал.

Вот так история! Весь вчерашний вечер и утро сегодня говорил с народом. Восстановил историю Карабоанова, вспомнили о Богданове, Быстрыхе, записал также различные эпизоды: пикирование, разгром 11 эшелонов, жизнь стрелка-радиста Стратиевского и проч.

Ночевали в хате, в селе у аэродрома. Из 200 домов осталось только 39. В хате — 12 душ, три семьи, теснота страшная. И я и Левка записали их мытарства при немцах — угон в тыл и т. п. Когда уже легли спать — в 12 ч. ночи — пришел пьяный стрелок-радист Игнатенков, лег к девкам на пол и начал любезничать. Одна из них встала (Маша) и пошла с ним гулять. А метель! Потом пришел и начал нам рассказывать о своем ранении. Уснули из-за шума, духоты и грязи только в 6 ч. утра, встали в 8.

Зак рассказала трагическую историю. Под Гомелем есть село. Отступая в 41 году, один артиллерист полюбил девушку. Ушел. Родилась дочь. Жизнь сложилась так, что остался живой и наступал тут, через это село. Узнал. Радость. Пять дней отпуска. Снова в наступление и в первой же день убит осколком.

5 марта.

Днем заехали Михаил Рузов и Пономарев. Михаил молча протянул телеграмму. Там было:

«С глубокой скорбью сообщаем о гибели на боевом посту майора Олендера. Похороны 6 марта.»

Подписи: Крылова, Макаренко, Кригера, Первомайского, Полторацкого, Навозова, Ошаровского, Островского, Шабанова — в общем, всех ребят.

Адресовано Рузову, как старшине нашего корпуса.

Известие буквально ошеломило меня. Как, почему, когда?

Мина, бомба? А м.б. бендеровцы? Все лишь две недели назад я видел его на том фронте, как обычно — спокойного, с неизменной трубкой в зубах, высоколобого, с умными глазами и большой лысиной. Мы сидели, говорили о фронтовых делах, щелкали семечки.

Петя рассказывал обстановку, которую всегда отлично знал, ругал редакцию, которая требовала статьи «об артиллерийском окаймлении окружения».

— Они думают, что там неподвижное кольцо, как в цирке!

Это был один из наиболее грамотных — военно-грамотных — журналистов, человек исключительной работоспособности и добросовестности. Не было, кажется, ни одного задания его сумасшедшей редакции, которое бы он не выполнил. А их бывало по несколько в день. Он писал без устали статьи полковников, генералов, и они подписывали. Всю военную часть этих статей он давал сам.

По положению старшего корреспондента он не имел право без ведома редакции выезжать на фронт, а должен был сидеть в штабе. И он выезжал: тайком, на воскресенье. Так было, когда он был на Центральном, он выезжал в Поныри, Мало-Архангельск, к Севску, так было и на Воронежском фронте. Видно, и сейчас куда-нибудь поехал…

Рузов и Пономарев предложили поехать на похороны. Пошли к Галаджеву, пока ходили — 4 часа. А похороны завтра, до туда пути — 500 км., не успеть.

Я написал некролог во фронтовую газету, потом телеграмму ребятам на 1-ый Украинский с соболезнованием от нашего корпуса. Запросил Яшу Макаренко об обстоятельствах гибели.

Обидно, очень обидно! Я знал его еще по 42 году, по ЮЗФ. Вместе там были, вместе бежали до Сталинграда. Он — с первых дней на фронте. Потом вместе здесь, на Центральном, в моей машине он уехал со мной на Воронежский, там были вместе, ездили в Киев в первые дни освобождения, спали там на одной кровати. А как он знал поэзию, сам писал стихи, есть где-то его книжка.

Спрашивал меня: возьмут ли его в «Правду»? Да….

Приехала Наташа Боде. Больна, простужена. Так, больной, вместе с Женей Долматовским ездила в Рогачев. Проехали на машине на набережную Друти, глядят — машут им руками. Оказывается, въехали на огневые позиции орудий прямой наводки, которые лупят по той стороне. К этим пушкам ползком лежа пробираются, а они — на машине… Пули свищут.

Отправили машину обратно, в город, а сами залегли. Поснимала. Ночевали в городе. Была яростная бомбежка. Кидали

из контейнеров хлопушки.

— Жутко красиво, — говорит Наташа. — Я сидела в хате у окна, поджав колени, готовая выбить стекло и выпрыгнуть в любую минуту. Зато сделала хорошие снимки.

Людмила Зак рассказала интересную безымянную ситорию, рассказанную ей из многих источников. Возможно — вычитанная история.

Молодой он и она любили друг друга. Но его родители были против брака, ему прочили блестящую карьеру. Им пришлось расстаться. Она взяла с него слово, что никогда не будет ее разыскивать, но обещала ежегодно писать ему одно письмо. Через год он получил первое: страдает без него, любит до самозабвения, почти сходит с ума. Еще через год — второе: печали меньше, но любит. Еще через год: она за границей, путешествует, к ней сватается очень хороший человек, как «его» мнение? Затем: вышла замуж, ждет ребенка. И так каждый год. В конце концов, он знал, что она счастлива, четверо ребят, спокойная жизнь с простым хорошим человеком.

А у него — все кувырком, карьера не получилась, личная жизнь шла нескладно, и он все время грыз себя за отказ от нее. И вот, через десять лет он получил от нее письмо, датированное днем их расставания. В нем сообщалось, что на завтра ее уже не будет в живых, она не может жить без него. И говорилось, что она написала ему письма, разослала их знакомым и просила посылать ему каждый год по одному.

У нас — тихо. Неимоверная опять слякоть. Наступление заглохло. В ночь на 3 февраля немцы силами четырех дивизий атаковали наш плацдарм на Друти (у Большой Коноплицы), но отброшены. Дал об этом сегодня заметку.

Последние дни много работал. 3-го дал оперативный подвал. Вчера отослал с Вихиревым подвал «Одиннадцать эшелонов» и к нему великолепные снимки бомбежки. Вчера и сегодня писал весь день «Возвращение». Думаю послать в «Огонек». Написал не меньше 1/2 печатного листа.

Устал, 4 часа утра. Спать!

Коробов 4-го уехал в Москву. Я остался один. Гм…

10 марта.

Дни идут быстро, а события — не очень, их хватает только для дневника. Судя по вчерашним и сегодняшним сводкам, резко шагнули вперед войска 1-го и 3-го Украинских фронтов. Перерезана железка на Николаев, бои идут на улицах Тернополя. А у нас — без перемен. Общее внимание до сих пор сосредоточено на Финляндии. Условия перемирия были опубликованы еще 2-го. Финны кочевряжатся. Пару дней назад у

нас была напечатана передовая о Финляндии — необычайно мягкая, уговаривающая, разъясняющая. Странно! Впрочем, разве отсюда увидишь все вольты политика.

На дворе — два дня весна. Снег почти стаял. В поле — скоро будет сухо. На улицах — грязь. Разлетались немцы. Сегодня были в Гомеле — зенитки стучат все время. Впрочем, и тут их слышно нередко.

Утром 8 марта к нам заехал майор Меркушев и утащил к себе в полк минометчиков. Опять хорошо посидели, выпили на четверых 1,25 л. С грустью вижу, что стакан водки для меня почти безделица, и что самое скучное полная ясность сознания, и очень быстро (через час) совершенно трезвею. В все еще хмельные: и им противно видеть трезвого.

Помянули там неласковым словом Военторг. Вот что у военных вызывает всегда ругань дикую. Я не видел ни одного человека, кто бы хорошо отзывался об этой организации. Недаром о ней ходит столько анекдотов в армии.

Вот несколько:

1. Одна армия выходила из окружения. Осталось там хозяйство военторга. Надо выручать, никто не идет. «Довольно мы с ними настрадались, пусть теперь немцы помучаются».

2. В Сталинграде обсуждаются условия сдачи немцев. Паулюс спрашивает: «А где нас будут кормить?» — «В столовой Военторга.» — «Тогда мы будем драться до последнего!»

3. В часть прибыл самолет, построенный на средства работников Военторга. По фюзеляжу надпись «Военторг». Ни один летчик не соглашается лететь… «Свои собьют!».

Вчера с Левкой были у секретаря ЦК Белоруссии Горбунова — между прочим, бывшего нашего корреспондента по Белоруссии., бывший в ту пору зав. местной сетью Степа Зенушкин съел его. Горбунов сейчас не в обиде.

Скромный кабинет. На столе — стенографические записи лекций ВПШ (ух, если буду там — столько учить!).

— Прислал Александров. Я ведь доцент по истории при Белорусском университете.

Высокий, толстый, пухлое лицо, светлые волосы, лысина. В приемной — два секретаря, скучают до обалдения, одна читает «Хождение по мукам», вторая отрывной календарь на 1944 г. Аккуратно записали нас в тетрадочку посещений: кто, куда, должность.

Беседовали два часа. Интересно, вкусно. Сначала он рассказал нам историю со сценарием Довженко «Украина в огне». Это фильм должен был сниматься, а сценарий представили к печати. Украинские товарищи читали его, одобрили, назвали

смелым, правильным и прочее. Долматовский, вернувшись с пленума Союза писателей, рассказывал мне, что на заседании пленума выступил Александров, подверг жестокой критике сценарий и читал отрывки из него. Как остроумно заметил Долматовский — в 37 году за эти отрывки посадили бы не только Довженко, но и Александрова — за их чтение.

Горбунов рассказал — со слов Пономаренко — о беседе, состоявшейся у т. Сталина по поводу этого сценария. Присутствовали: Хрущев, Бажан, Корнейчук, еще кто-то их украинцев (Богомолец и не помню кто), Пономаренко, Довженко.

— Вы интеллигент, — говорил т. Сталин, — и притом не умеющий подняться до правильных обобщений. Вы видели только одну сторону и на этом основании считали возможным думать о целом. И не заметили основного — роли партии и государства. Известно, что Япония только и ждала момента, что бы напасть на нас. Но этого не случилось, и до сих пор она придерживается политики строгого нейтралитета. Разве в этом нет заслуги партии и правительства? Известно, что ни Англия, ни США не были восторженными поклонниками Советского Союза. Но они стали нашими союзниками. Разве в этом нет заслуги партии и правительства? А перелом, который произошел в войне — разве он случаен? Почему Франция, сильное государство, с сильной армией, свободолюбивым народом — развалилась под ударами в несколько дней? Там не было крепкого, уверенного в своей силе правительства, которое сумело бы поднять весь народ, все силы против врага. В своем сценарии Вы пытались ревизовать учение Ленина. Этого мы никому никогда не позволим. При одном упоминании имени Ленина вы должны шапку снять и в ножки поклониться. Когда наступили крутые времена, вам, интеллигенту, пытающемуся вобрать в себя ощущения других таких интеллигентов, показалось, что всё рушится. Мелочи заели, из-за мелочей вы не видели основного.

Разговор зашел о первых днях войны. Горбунов вспомнил свои впечатления. Он был тогда в Белостоке. В час ночи вернулся из театра, шла пьеса «Интервенция». Жил в общежитии обкома, в одной комнате с товарищем, инструктором ЦК. В 4 часа утра проснулся от колоссального взрыва. «Вот, дураки, переложили аммонала», и повернулся на другой бок. Второй взрыв, вылетели стекла и осколком стекла обожгло нос.

— Война! — сказал он инструктору и начал поспешно надевать штаны. Позвонили секретарю обкома, тот был у себя. Приехали. Связь с Минском порвана, в Брест — порвана. Это старались поляки. Немедленно связались с пограничниками. Они спрашивают: как быть, немцы наступают. Инструкций никаких

нет. Везде полный бардак. Отбомбившись по городу, немцы повернули на аэродром и начали садить. Там было 200 самолетов. Пламя, горят. Те, которые успели подняться — сбиты. Зарево освещает весь город. Горбунов все-таки секретарь ЦК — командует драться, не пускать через границу. Сколько тогда погибло славных пограничников! Они стояли, действительно, насмерть. Между прочим, я только сейчас узнал, что гарнизон Бреста дрался отчаянно, весь город был уже занят, немцы вошли в Минск, а он еще продолжал сражаться в крепости до 6 июля! Вот эпопея, о которой еще ни слова на сказано!

Ранним утром Горбунов сам выехал на восстановление связи с Минском. Проложили километров 14 (??) провода, соединились. Пономаренко сказал: «Вы человек ответственный, принимайте решения на месте. Вам поручается порядок в двух областях».

Горбунов выехал в Волковыск. Там — полная растерянность. Дал приказ секретарю райкома: немедля эвакуировать партийные документы, банк, семьи коммунистов. Выехал в дивизию Зыбина. Тот обрадовался: «У меня орлы, а приказов — никаких. Я думаю, что немцы берут в клещи Белосток. Пойду рубить одну клешню». Ладно. Зыбин ушел с дивизией. Вскоре звонит: «В тылу дивизии высадился немецкий десант, 200 человек. Все изрублены. Документы соберите сами, мне некогда». Горбунов выехал. 14 км. от Волковыска. Все поле в трупах. Собрал несколько документов, обыскал несколько трупов и назад (их рубили конники приданного дивизии эскадрона еще на весу, при посадке).

Вскоре, в кабинет секретаря райкома, где сидел Горбунов привели двух пленных парашютистов. Пойманы работниками на станции. Один — высокий, дылда, второй — поменьше.

— Когда сброшены, откуда, кто такие?

Молчат. Горбунов — в штатском костюме, с галстуком.

— Я интеллигент, — говорит Горбунов. — Воспитан мягкотело. Дрался только в детстве. Но тут подошел, все кипело во мне, и изо всей силы дал дылде по морде. Он свалился на диван, кровь.

— Буду говорить, — отвечает по-русски.

(Любопытно, инструктор 7-го отдела ПУ майор Шемякин, в прошлом профессор психологии МГУ, тоже говорил, что первый его немец молчал, пока он, профессор, не дал ему в ухо. «Немец тогда становится человеком, говорил Шемякин, — когда почувствует себя рабом». Он проводил любопытную дифференциацию: а) немец 1941-42 года — полное молчание в плену, горделивый, высокомерный, говорит только после оплеухи. б) немец 1943 года — периода Сталинграда — Ефрейтор, построить мне пленных! — Как вы построили, еб вашу

мать, подравнять! — И тот не только выравнивает, но у левофлангового становится на корточки, высматривает линию и рукой подравнивает выпятившихся. в) немец 1943-44 годов — полное безразличие, апатия).

Немного погодя на некоторые вопросы опять ответил молчанием. Снова в морду (с участием уполномоченного по безопасности). Заговорил. Закончив допрос Горбунов вызвал караул из истребительного батальона и приказал отвести пленных в сарай и закончить дело. Караул в полном составе собирался минут десять. Увели. Вскоре Горбунов услышал десятка полтора выстрелов. Что они там возятся? Пошел. Оказывается, пленные легли с испугу на пол, а истребители палят в окошки. Горбунов приказал немцам встать, пойти вперед и двумя выстрелами из «маузера» закончил дело. Истребители остолбенели. Пришлось выступить тут же с речью, сказать, что это не митинг, а война, что но дорогах лежат убитые бомбежкой женщины и дети и т. п. Впрочем, волковычане вскоре и сами убедились, что такое война. Последовала бомбежка, одна бомба попала в дом районного отдела НКВД, где собрали совещание — «что делать?» и убили сразу 40 человек.

Вечером 23 июня Горбунов приехал в Слоним. Там находились армейские склады, они тянулись на 5 км. Сколько было хлеба Горбунов не помнит, но горючего — 150 тыс. тонн. Он приехал в райком — света нет, народу полно. Почему темно? Нечем замаскировать, сидят и заседают в темноте. Одеяла есть? Есть. Немедля дать свет, завесить окна! Сделали.

Горбунов выяснил возможность эвакуации запасов. Нет никакой возможности. Тогда он предложил поджечь склады и спросил, кто будет за это ответственным. все молчали, пораженные. Тогда Горбунов возложил ответственность на секретаря райкома и дал час сроку. Тут встал уполномоченный наркомата заготовок: — Я не позволю, это антигосударственное дело! Горбунов пригрозил арестом и расстрелом. — Дайте мне письменное распоряжение, — кричал тот. — Я никакого распоряжения писать не буду, ответил Горбунов, — а вы мое запишите. И продиктовал ему приказ сжечь в течении часа склады, причем ответственность возложил на него (его фамилию первой) и секретаря райкома. Тот понял, что шутки плохи. Уходит, документ на столе, и хочется и колется взять.

— Возьмите распоряжение, — приказал Горбунов. — Я вам его продиктовал не для отчетности, а для того, чтобы вы выполнили и доложили об исполнении.

Через час-два, когда Горбунов уезжал из города, он весь был закрыт облаком от горевших складов.

Страшные вещи он рассказывает о зверствах. До войны в Белоруссии было 11 млн. населения. Немцы убили (по данным на июль — сентябрь 1943 года) 1 200 000 человек. Было 800 000 евреев, около 200 000 эвакуировалось. Все остальные физически уничтожены. В Минске убито 90 тыс. человек, в том числе 70 тыс. евреев. В Борисове немцы сначала устроили погром, во время которого было убито 300 евреев, а потом сказали, что хотят спасти евреев от погромщиков, приказали всем собраться в одно место, повезли на грузовиках и расстреляли из пулеметов на соседней станции всех 16 000 человек. Спаслись либо те, кто ушел к партизанам, либо малые ребята, которых русские и белорусы брали к себе, крестили и называли своими детьми.

Много он рассказывал о партизанах. В Белоруссии их — сотни тысяч. Сейчас немцы ведут отчаянную компанию против них — брошены многие дивизии, прочесывают леса. Положение партизан осложняется тем, что они отягощены целыми селами, следующими за ними — с детьми, стариками, бабами, коровами. Когда наши войска подходили к Рогачеву — навстречу им вышла партизанская бригада Падаляна (комиссар у него — Рутман). 4000 партизан образовали коридор, через который вышли 11 000 жителей, шедших с ними.

Каждый отряд имеет рацию, связанную с партизанским штабом БССР. На местах действуют обкомы, райкомы, диверсионные группы. Одна из таких групп убила наместника Гитлера по БССР. Он был разорван минами на своей постели в Минске. Две девушки, которые сделали это, — здесь. Вот бы дать их рассказ! Но еще время не пришло. Партизаны издают газеты, листовки и даже журналы. Несколько районов в тылу — советские.

— Вы поймите наше положение, — смеется Горбунов. — Из 200 районов БССР сейчас освобождены 40. По площади это около одной четверти, на занятой территории мы ведем пропаганду — все разрушать, здесь — все строить, восстанавливать.

(Пришлось прервать запись — где-то рядом бомбили, над нами немцы. Вышел, пролетели, пишу дальше).

Тепло он говорил о Заслонове (о нем писал Виленский) — беспартийном инженере, талантливом организаторе партизанской и диверсионной борьбы. Он погиб в стычке, посмертно ему присвоили звание Героя СС. Начальником штаба у него был Родионов. И вот, ЦК узнает, что Родионов был принят Гитлером, получил от него орден с мечами, возглавил русскую дивизию. Изменник! Так и считали. Как-то командир одной бригады сообщает, что Родионов прислал к нему посредников и собирается всей дивизией перейти к партизанам: — как быть?

Собрали бюро ЦК. Уже было известно, что Родионов выдавал себя за немца Поволжья, и что, мол, его настоящая фамилия Гиль. Немцы так и писали Гиль-Родионов. Решили — принять. Родионов перешел к партизанам, отправил на «большую землю» в самолете связным своего начальника штаба — власовского генерала (между прочим, по всем данным власовцы сейчас уведены с советского фронта и брошены в Албанию и Югославию. Там за них спокойнее!). Переход был полнейшей неожиданностью для немцев. Они бросили туда четыре дивизии, но успеха не достигли. Как после выяснилось — Заслонов поручил Родионову эту роль. Сейчас Родионов отмечен орденами, и верный кандидат в Герои.

Немало говорили о работе в освобожденных областях. Население не уверено, что ему будет за работу при немцах. Линия — если работал просто, чтобы не умереть с голоду — ничего. Конечно, никаких кар и женщинам, жившим с немцами. Очень возрастает роль судебных органов, но они спят. Очень нужны справочники о законах — тут их все позабыли.

Сейчас немцы спешно создали Белорусское правительство — Белорусскую Раду. Во главе — Островский, привезенный белоэмигрант из Берлина. Пробовали создать национальные части — перешли к нам с оружием. Но с поляками отношения весьма жесткие. Об этом мы решили еще поговорить.

Два штриха, рассказанные Горбуновым. В одном селе учительница ничем себя не скомпрометировала, но когда немцы приезжали в село — переводила их речи и требования. Сейчас село освобождено, идут занятия. На уроке иностранного языка она спрашивает ученика: — Зачем надо знать язык? — Для того, чтобы переводить немцам! — ответил тот. Полные слезы.

Весной прошлого года Горбунов ездил на Калининский фронт. Остановились в одном селе ночевать. Хозяева — старуха и дочь. Самовар. Горбунов приглашает к столу, первой идет дочь. — Прочь, блядь! — кричит старуха. С немцами еблась, а за один стол с командирами сесть хочешь!

Вчера вечером сели играть пред-отъездную пульку: я, Хват, Киселев, Стор. Кончили в 4 утра. Я продул 150 руб. Сел на мизере, и вообще дико не шла карта. Последняя игра была замечательно интересной. У меня — 4 бубны, 4 пики и король черв с маленькой. Объявляю 6 бубен, ход мой. По первому ходу Стор бьет короля пик. Оказалось, у него 4 бубны, 4 трефы и две червы, у Хвата — 4 пики, 2 трефы, 4 черви. Мельница! Сел без двух. Великолепный расклад!

Левка сегодня уехал в Москву поездом. Остался я один в комнате. Непривычно, одиноко. Вечером был в бане, сейчас

ложусь спать.

13 марта.

Погода шалит. Несколько дней было тепло и говорила весна. Вчера весь день и сегодня ночь шел снег. Сегодня — солнце. К вечеру тучи, ветер. Тьфу!

Вчера вечером инструктор 7-го отдела майор Владимир Борисович Розенфельд — очень интеллигентный и вдумчивый человек — делал международный обзор. Собрались работники 7-го отдела и два работника комсомольского, остальные, видимо, не интересуются или считают: свой докладывает, что ж тут может быть интересного?

А обзор был интересным. Розенфельд считает, что мы реально накануне открытия второго фронта. Все материально-технические предпосылки уже созданы, об этом же говорят и высказывания политических руководителей США и Англии. Подробно он анализировал внутриполитическое положение союзников, отметил усиление реакции в США, крупные атаки на Рузвельта, рост реакции в Южной Америке. По его словам, немцы сейчас делают основную ставку на разлад между союзниками и рост реакции в странах коалиции.

Отметил он и начало дипломатического наступления на нейтралов (Испанию, Португалию, Турцию).

Написал вчера два очерка в СИБ (о экипаже Смирнова, воющего с начала войны, и о Наташе Боде — «Цена кадра».) Сегодня написал еще очерк.

«Цена кадра».

— Бомба! — крикнула Наташа и повалилась на землю.

Зловещий свист нарастал. Тут уж некогда было искать ямку или канавку, и мы грохнулись там, где стояли, на дороге, втискиваясь телом в густую пыль. Раздался взрыв и над нами с визгом пронеслись осколки. Снова нарастающий вой. Новый взрыв. Еще, еще… Мы все плотнее и плотнее прижимались к земле и только одна скучная мысль сверлила голову: куда зацепит, легко или смертельно? Кругом все грохотало, рвалось, неистовствовало.

И вдруг стало тихо. Оглушенные, засыпанные землей, мы встали, отряхнулись. Небо было по-прежнему чистым, бездонным. Ласково грело веселое солнце и, если бы не горящие справа дома, — могло бы показаться, что все это нам причудилось.

— Дайте папиросу, — сказала Наташа. — Вы не ранены? Как жаль, что я перетрусила и не сняла разрывов. Эффектный был бы снимок.

Так началось два года назад мое знакомство со старшим лейтенантом Наташей Боде, фотокорреспондентом фронтовой

газеты «Красная Армия». Эта маленькая, очень миловидная и очень хрупкая женщина, с первых дней войны связала свою жизнь с солдатской судьбой. Муж ее, артиллерист, был убит еще в 1941 году, родители и единственный ребенок остались в занятом немцами Киеве, и она не имела от них никаких вестей. Сердце молодой женщины исходило тревогой за судьбу двухлетнего Шурика, но она великолепно держалась и по-мужски делала свое трудное дело.

Вместе с войсками она совершала крестный путь отступления, была по Харьковом, на Дону, участвовала в обороне Сталинграда и не раз снимала под огнем на улицах легендарного города. Ее стройную фигурку знали во всех дивизиях фронта, всюду она была желанным приятным гостем, веселым, жизнерадостным, обаятельным.

Военная дорога кидала меня по различным участкам фронта. В июле 1943 года, в разгар пресловутого летнего немецкого наступления мне довелось побывать под Курском. Шел жаркий бой севернее станции Поныри. Немцы бросили в атаку сто двадцать танков, в том числе около десятка «тигров». Наши артиллеристы отбили натиск, подбили до сорока бронированных машин и отбросили неприятеля на исходный рубеж.

Я стоял с командиром дивизии на наблюдательном пункте. Впереди нас, в километре, на бугре, в нейтральной зоне, горели немецкие танки. Там и сям виднелись частые разрывы мин: гитлеровцы густо поливали из минометов всю площадь нейтральной зоны, чтобы помешать советским бойцам подорвать подбитые машины. И вдруг мы увидели, как из наших передовых окопов метнулись две фигурки и скрылись во ржи. Прошло полчаса, час. И вот перед нами появилась Наташа в сопровождении автоматчика. Ее синий комбинезон был изодран в клочья, локти и колени в крови — все расстояние до танков она преодолевала ползком.

— Есть первый снимок «тигра»! — торжествовала она. Потом лицо ее приняло брезгливое выражение, и она тихо добавила:

— Как противно переползать через мертвых немцев…

Прошло полгода Вместе с наступающими войсками я вошел в освобожденный Киев. Вспомнив тревогу Наташи, я решил отыскать ее семью. Но дом, где она когда-то жила, был сожжен. Соседи рассказали мне, что родители Боде еще полтора года назад куда-то уехали, и о судьбе их ничего не известно. Что делать — много таких трагедий узнал я в те дни в Киеве. Наташа находилась тогда на другом участке фронта, под Гомелем, и я решил не огорчать ее.

На третий или четвертый день пребывания в Киеве я зашел к

председателю горсовета — узнать о ходе восстановления взорванного немцами водопровода. В приемной мне на шею бросилась какая-то незнакомая женщина. Это была Наташа, но в каком виде! Элегантное шелковое платье, модные туфли, кокетливая шляпка — все это делало старшего лейтенанта совершенно неузнаваемой. Лишь орден Красной Звезды, да две медали напоминали о военном человеке.

— Нашла! Нашла! — кричала она мне, обращая на себя общее внимание посетителей. — Все живы, и Шурик прелестен. Пойдем к нам!

Шурик и впрямь был прекрасен. Живой, развитой, очень ласковый ребенок. Тяжело достались родителям Наташи эти два с лишним года. Мать продала все ценные вещи, всю обстановку, все, что было накоплено и приобретено за десятки тел, но выходила внучка. Да еще сохранила чемодан с любимыми нарядами дочери и даже флакон ее любимых духов.

Горсовет дал Наташе удобную квартиру из трех комнат, она наскоро привела ее в порядок, перевезла туда своих стариков и снова умчалась в своем комбинезоне на фронт.

Наши войска вплотную подошли к Гомелю. И снова потянулась страдная, но благодарная работа военного фотокорреспондента. Наташа снимала на улицах освобожденного Гомеля, лазила по болотистым берегам Березины, блуждала по непроходимым чащам полесских лесов.

Только что она вернулась из очередной поездки по дивизиям. На своей машине она влетела на огневые позиции наших орудий прямой наводки, а немцы обстреляли ее из пулеметов. Потом два раза она лежала под бомбежкой, потом сломалась машина, и она тридцать километров брела пешком по грязи и ночевала в лесу, одна, в наспех сделанном шалаше. Но довольна — без меры.

— Какие снимки я сделала в этот раз, — восторженно говорит она. Чудо! — И ее огромные голубые глаза загораются искрами победившего творчества.

(для СИБ — полк. Ризину по телеграфу).

* * *

«Воздушные ветераны»

— Давно вы летаете вместе?

— С первого дня войны.

Они пришли в этот полк молодыми, неопытными авиаторами, впервые познакомились в полете над Минском, и с той поры не расставались ни в воздухе, ни на земле. Даже спят они вместе — будь это в хате, в землянке или под плащ-палатками на зеленом поле аэродрома.

Внешне между ними мало общего. Летчик Алексей Смирнов — невысокий, плотный человек, с очень красивым лицом и мягкими серыми глазами, он спокоен, молчалив, несколько медлителен. Штурман Алексей Туриков — наоборот, разговорчив, человек насмешливого и даже иронического склада, вспыльчив, лицо у него некрасивое, широкое, но очень энергичное. Стрелок-радист Натан Стратиевский — типичный южанин: высокий, статный, иссиня черный, горячий и живой, как огонь его пулемета. Но всех их сплачивает настоящая боевая дружба, каждодневный риск и прожитые опасности, кровь погибших друзей и общее дело.

Сейчас их считаю старейшими летчиками полка, хотя вместе им набирается только 74 года. Они принадлежат к той молодежи, которая в страдную пору войны вынесла на своих молодых плечах всю тяжесть отступления и нашла силы для новых победных боев. Где только не побывал этот экипаж. Он летал под Минском, у Конотопа, над Полтавой, Таганрогом, Харьковом, дрался у стен Сталинграда, бил немцев под Орлом, в Брянских лесах, на Десне, за Днепром, сражался за Чернигов, отвоевывал Гомель, и сейчас снова летает над просторами центральных областей Белоруссии. Пикирующий бомбардировщик друзей возвращается к месту своего первого вылета.

Они честно воевали со своим полком и росли вместе с ним. Так стройный дубок превращается в могучее дерево, и веточки его — в мощные ветви. Полк стал гвардейским, получил почетное имя Сталинградского, был награжден орденом Красного Знамени. Росли и трое наших друзей. Алексей Смирнов стал майором, командиром эскадрильи, получил звание Героя Советского Союза, четыре боевых ордена и медаль. Почетным званием Героя Советского Союза и тремя орденами был отмечен и капитан Алексей Туников. Ратные подвиги лейтенанта Натана Стратиевского отличались тремя орденами и медалью.

Бомбардировки железнодорожных узлов, пикирующие удары по танковым дивизиям, налеты на аэродромы, разгром артиллерийских позиций, глубокая разведка, полеты к партизанам — вот краткий тематический обзор 259-ти вылетов бомбардировщика майора Смирнова. Не раз ему приходилось бывать в отчаянных переплетах.

Как-то экипажу поручили прорваться к аэродрому, блокированному противником, и вывезти оттуда раненых летчиков. Это было еще в 1941 году, под Киевом. Связь был порвана, и никто точно не знал — в чьих руках находится аэродром. Смирнов поднялся, прошел за облаками над линией фронта, в районе цели нырнул в окно, снизился, и на бреющем полете пронесся над территорией аэродрома. Он шел так низко, что видел, как дула немецких зениток поворачивались за самолетом. Его жестоко обстреляли, снаряд угодил в машину, но летчик продолжал хладнокровно изучать летное поле, пытаясь с воздуха определить, кто там: враги или свои. Убедившись, что около ангаров находятся советские бойцы, Смирнов пошел на посадку. Он пробыл на аэродроме всю ночь и вместе с остальными отстреливался от наседавших автоматчиков. Механики тем временем отремонтировали машину. Ранним утром Смирнов взмыл в воздух, унося с собой шесть незнакомых друзей.

— Трудно отрываться было, бежал через немецкие траншеи на их пулеметы, — вот все, что вспоминает сейчас летчик об этом рейде.

Большинство полетов Смирнова групповые, т. е. такие воздушные экспедиции, когда командиру приходится отвечать на только за один свой самолет, но за успех и благополучие всего отряда. Однажды он во главе девятки бомбардировщиков отправился в рядовой полет: сорвать готовящуюся контратаку немцев. Густые, тяжелые облака нависли над землей, самолеты шли на небольшой высоте и были видны, как на блюдечке. Их зверски обстреливали из зенитных орудий, потом налетели одиннадцать немецких истребителей и начали клевать и в хвост и в гриву.

И все же бомбардировщики дошли до цели и отбомбились, успешно выполнив задание, и вернулись домой.

* * *

«Поединок у Стоячего болота».

— Бросьте шутить! — недовольно сказал я своему спутнику

полковнику Курбатову. — Тут на детском велосипеде не проедешь, а с пушкой — и подавно.

За последний час на своем «Виллисе» мы продвинулись по этой узкой заброшенной дороге не больше двухсот метров, и сейчас наш вездеход беспомощно стоял, увязнув в грязи по крылья мотора. А полковник уверял, что через два дня здесь пройдут тяжелые орудия и, мало того, развернутся в болоте, по сторонам от дороги, станут на огневые позиции и будут вести стрельбу. Десятки 152-мм гаубиц, каждая из которых весит около семи тонн. Да их по хорошей-то степной дороге, пыхтя и отдуваясь, обычно тащат два мощных тягача. А тут — по болоту…

Богом проклятая местность! На сотни километров тянутся заболоченные леса и болота. Каких только болот здесь нет — мелкие и глубокие, большие и малые, торфяные, илистые, трясины, изредка встречаются островки и перемычки сухой земли, а дальше — опять идут гнилые леса и топи. Каждый шаг нужно отвоевывать не только у противника, но и у природы. Она бесстрастно ставит свои западни на пути человека. И как во льдах Арктики гибли порой корабли, рвавшиеся на север, так и тут иногда тонут в болотах без выстрела пушки и танки.

И все же полковник был прав. Возвращаясь из своего путешествия, мы встретили целую колонну гаубиц, подходивших к болоту, а ровно через два дня из чащи поднявшегося над торфяниками соснового леса вырвался ураган огня и стали. И я решил описать этот боевой эпизод, чтобы показать на его примере исключительное своеобразие болотной войны, о которой так мало знают.

Этот крупный заболоченный лесной массив, вклинивающийся углом в позиции противника, еще несколько дней назад был ареной ожесточенного боя. Наши батальоны точным маневром поставили немцев перед угрозой окружения и вынудили их очистить лес. Важный плацдарм, необходимый в дальнейшем для развития наступления, был занят. Правда, внешне этот лес производил весьма невзрачное впечатление. Недаром жители прозвали его Стоячем болотом. Деревья росли среди кочек и обомшелых коряг, в воздухе стоял тошнотворный запах гнили и тлена. Кое-где поблескивали лужи воды, выступившей из незамерзающих окон болота.

Выдвинувшийся клин очень серьезно беспокоил противника. Не имея, очевидно, на этом участке достаточно пехоты, немцы решили выбить советских бойцов из леса огнем. День и ночь тяжелые орудия обстреливали наши позиции, методически обрабатывая один сектор за другим. 150-мм немецкие гаубицы стояли в нескольких километрах от переднего края, и наши

легкие пушки, имеющиеся в стрелковых батальонах, достать их не могли.

Тогда-то командование и решило выставить в районе Стоячего болота артиллерию большой мощности и подавить батареи неприятеля. Успех операции зависел от скрытности подготовки и внезапности удара. Первыми пришли на болото саперы. Они прорубали в лесу просеки, гатили топи, прокладывали по зыбкой почве километры деревянных мостовых. На месте будущих огневых позиций они устроили прочные фундаменты для орудий, соорудив их из толстых бревен и заранее припасенной земли. Все это строилось под огнем противника. Рвались снаряды, падали раненые и убитые, но остальные продолжали работу.

— Быстрей, быстрей! — торопил бойцов полковник Царевский.

Все было готово за один день. Ближайшей же ночью десятки пушек на буксире могучих тракторов проползли по проложенным путям. Но в иных местах и тягачи застревали. Тогда в лямки впрягались артиллеристы и как бурлаки вытаскивали орудия на себе. Когда пушки, наконец, были установлены на подготовленные площадки, люди взялись за переноску снарядов. Они перетащили на руках восемь тысяч снарядов, каждый из которых весил 48 килограммов.

— Сизифов труд был легче, — сказал мне руководивший этой атлетической операцией майор Пожидаев.

Одновременно артиллеристы вели тщательную разведку. Звукометристы, со своей сложной и точной аппаратурой, просиживали, как птицы, целые часы на деревьях. Каждый выстрел немцев регистрировался и засекался чуткими приборами, отмечающими направление и расстояние до очага огня. Таким путем было выяснено, что немцы обстреливают лес из 24-х тяжелых орудий, были установлены их огневые позиции. Затем наша артиллерия начала пристрелку целей — осторожную и редкую, чтобы не вспугнуть противника. Пасмурная погода и снегопад затрудняли наблюдение, но и здесь выручали умные звукометричесие приборы, добросовестно отмечающие точку каждого разрыва.

Наконец, все было ясно. Начало артиллерийского удара планировалось на рассвете. В этот час противник безмятежно спал и, конечно, не ожидал огневого нападения. И вот в мутных сумерках зари враз заговорили десятки орудий. В течение трех минут они вели ураганный огонь по разведанным целям, а затем еще на протяжении получаса — в несколько сниженном темпе, но с не меньшей обстоятельностью — осыпали неприятеля ливнем

разящей стали. Тысячи снарядов буквально вспахали территорию вражеских огневых позиций, разрушали укрытия, смешивали все с прахом. Удар был полной неожиданностью для противника. Он был ошеломлен, подавлен, деморализован. Ни одного орудия не успело ответить на наши выстрелы. Все шесть немецких гаубичных батарей были уничтожены.

В лесу, у Стоячего болота, воцарилась тишина.

(послано 17.03.44 и Информбюро — пакетом)

21 марта

Долгонько ничего не записывал. Да и нечего было. Разве, что погоду: нелепую и дурацкую. Несколько дней шел снег, иногда дождь, сейчас все раскисло, хотя снег еще лежит. Как всегда, особо непроезжей оказалась наша деревня. Только что приехали с Сессии Верховного Совета БССР. Доехали благополучно. Но на последних ста метрах (уже в самой деревне) 4 или 5 раз вылезали в грязь и толкали машину. Ночью!

На нашем фронте никаких движений. Точка!

В запой читаем книги. Все, что есть — ходит по рукам, образуются очереди, совсем, как было на Северном Полюсе. Я привез Шекспира (однотомник), но никому не даю, прячу, это — мой НЗ. Вообще же, читаем все, что попадет под руку. За последнее время прочел «Разбойник Кудеяр» Костомарова (экая дрянь), рассказы и 1-ый том «Анны Карениной» Толстого (какой психолог!), ч.1 «Фауста» Гете (хорошо, но дурной перевод), «Новеллы» Бальзака т.1, «Огонь» и «Ясность» Барбюса («Ясность» — очень откровенная, но больно уж моралистическая), «Брусиловский прорыв» Сергеева-Ценского ч.1, «Багратион» Голубева (хорош!), «Мои воспоминания» Анненкова (много крайне частного и устаревшего), «Мифы древней Греции» — для детей среднего возраста (крайне упрощенно), «Подросток» Достоевского (не вкусно, тягуче, нарочито), письма «Горький-Чехов» (превосходно!!), томик рассказов Дж. Лондона. Собираюсь засесть за Жуля Верна, на очереди — пьесы Мольера. Экая смесь!

Сегодня был на открытии 6-ой сессии Верховного Совета БССР. Состоялось оно в 6 ч. вечера, в клубе спичечной фабрики. Перед входом — песок и еловые ветви, закрыли грязь. Партер, балкон. Сцена сделана быстро под Кремль: трибуна для Председателя и двух замов, по бокам — ближе к залу — ложи членов правительства, еще ближе — трибуна для выступлений. Кино (приехали из Москвы), стенографистка, все чин чином.

Среди присутствующих — Рокоссовский, Малинин, Телегин, Казаков, много генералов, Герои — полковники. В числе Героев — две девушки: Галя и другая, которые убили в Минске наместника Кюбе. Внешне простые, неинтересные, 25–30 лет. Был книжный

киоск, я купил там последние №№ «Большевика», 4 детских книги, карты Европы и мира и — чему очень обрадовался — два десятка конвертов и три пера. Был и буфет: единственный его продукт — чай с лимоном.

Заседание открыла председатель Верховного Совета Грекова. С докладом выступил Председатель СНК БССР Пономаренко. В форме генерал-лейтенанта. Приводил очень интересные документы о зверствах, о действиях партизан.

На сессию приехали три театра: театр оперы и оперетты БССР, Белорусской драмы и Белорусской музкомедии. говорили с артистками оперетты. Создались они в конце прошлого года. Все — москвичи. В репертуаре — только концерт, готовят «Гейшу». Это их первый выезд.

— А в Минск поедете работать?

— Что вы! Ни за что!

Встретил сегодня майора Меркушева. Завтра у них торжество — вручение полку ордена Суворова. Зовет. А послезавтра — они в бой. Надо поехать.

Денисов получил письмо от корр. ТАСС по 4-му Украинскому фронту Афанасьева. Тот приводит новые стихи Кости Тараданкина. Ничего!

Я много оставил друзей и могил
В пыли прифронтовых дорог,
Я сердце от пули врага сохранил,
А вот от тебя не сберег.
Быть может, не время влюбляться — война!
А, может быть, нету войны?
Как солнцем, как песней, как пеной вина
Все мысли тобою полны.
Мне поздно влюбляться: виски в серебре,
Но ты ведь сказала сама,
Что если полюбишь — весна в сентябре,
Не любишь — так в мае зима.
Как сердцу прикажешь: любить, не любить…
Тебя называя родной,
Я горькую радость готов искупить
Тяжелой солдатской судьбой.
И если в полях я пролью свою кровь,
Чтоб снова полям зацвести
Прости мне не во время эту любовь,
Короткое счастье прости.

Получил письмо от Абрама. Он дома, видимо, ему хуже. Мама пишет, что он совсем плох. Прививки пока не помогли. Хоть плачь! Писем вообще мало. Из дома не получал недели две-три.

Левка — гад, обещал сразу написать, а молчит. Молчит и Васька, и Непомнящий, все молчат, гады.

25 марта.

Вместе с Киселевым были в 56-м полку на вручении ордена Суворова 2-й степени. На счастье выпала удачная погода. Лесок они посыпали песком. Приехали. Генералы, артисты, в том числе и белорусская оперетта. Снимал.

Пили очень. По выражению генерала Надысева: одни — как слоны, другие как воробьи. Был концерт. Оперетта очень слабенькая, боле или менее сносен балет, хороша Ира Андреева и певица Аня Алексеева. Вечером остались в домике ком. полка Шаповалова: он, Меркушев, три генерала, я и Киселев. Генералы плясали русского, гопак, краковяк. Просто и хорошо. Уехали, расцеловались с командованием. Я ночевал. А на следующий день полк ушел в бой.

Познакомились там с командиром 6-го минометного полка — подполковником Николаем Ивановичем Мурзаевым. Воюет с августа 1941 года. За это время потерял всего две боевых машины. А стоит обычно в километре — двух от переднего края. По национальности — чуваш, 1912 года рождения, окончил два ВУЗа, очень самолюбивый, подтянутый, гордый. Вчера с Киселевым обедали у него и ужинали. Сколько я стал пить! За обедом выпил 200 г., за ужином 400–500. И ничего.

Погода — мерзость. Еле-еле пролазим на «Виллесе». Моя машина стоит в сарае. Что с ней будешь делать. Вчера вернулись самолетом из 65-й фотограф ТАСС Копыт и кинооператор. Рассказывают:

Немцы создали вблизи переднего края три лагеря на 60 000 человек, специально для гражданских лиц. Половина детей. Цель:

1. Чтобы мы побили их своей артиллерией

2. Занести к нам тиф и инфекции, т. к. в лагерь специально отбирались из деревень больные люди. Условия там были ужасающие — народ мер, как мухи.

— Страшно, — рассказывал Ефим Копыт. — Я снимаю старуху. Первый кадр, глаза еще открыты, второй — уже закрыты, умерла.

Подступы к лагерю были заминированы. Когда немцы ушли — народ кинулся на волю и начал подрываться.

Сейчас там созданы спешно госпитали, дают им хлеб, лечат, вывозят.

Приехавшие из Москвы рассказывают, что Коробов заболел двусторонним воспалением легких. Вот так так!

Чуть переделал Костины стихи:

…Я сердце от ветра судьбы сохранил,

А вот от тебя — не сберег.

Быть может, не время влюбляться — война!

И думы иным пленены?

29 марта.

Чудный день — солнце, чистое небо, чистое небо. Но — зимний: снег, морозит. На северо-запад над нами все время идут «Пешки», «Бостоны», штурмовики. Несколько дней (три дня) назад там начали, но пока что дело идет туго. Вот в последние два дня им и помогает спешно авиация. А украинцы вышли позавчера на Прут, вчера заняли Николаев, немцы спешно оккупировали Румынию, Венгрию, Болгарию.

Только что прошла группа штук в 35 «Пе-2» и «Илов». Буквально через минуту загрохали зенитки. Прямо над нами шел немец.

Днем с Денисовым был в поезде-бане. Начальника поезда зовут «начпоебан». Чудно вымылись и договорились о стирке обмундирования. Блаженство! Сейчас сижу в сашкиных летных штанах, зеленой «апашке», мерзну. Гимнастерку, брюки и прочее послал в поезд. Начальник его — Кагановсий, в прошлом — инженер-экономист, кончил два ВУЗа, был нач. планового отдела Наркомтекстиля, читал лекции по экономике. Бывает! Уверяет, между прочим, что вшивость в этом году гораздо меньше, чем в прошлом.

Вчера приехала из одной армии Людмила Зак. Сидели вечером, пили чай с медом. Страшно довольна поездкой. Со своей агитмашиной была в артиллерийских частях, все время под огнем. Давала кино, читала лекции, особенно прививая вкус к тылу: работа тыла.

Под конец много говорила, с тоской и болью, об убитом друге Ватере. «Он меня очень любил, а я не знала этого. Мне это казалось невозможным по двум причинам: он знал человека, которого я люблю, во-вторых: он очень красив». Она мне показала его карточку, любительскую: очень красивое, открытое лицо, чудесная улыбка, смеющиеся глаза. На обороте надпись: «Песня звучит, пока поется, девушка любит, пока ее обнимают, вечна лишь дружба. Вернись! Юрий».

Рассказала Людмила о том, что погибла Розанова. По окончании ЦФЛИ она работала у нас — кажется, года два — в отделе искусств. Я помню ее: небольшого роста, хрупкая, с очень большими глазами, почти навыкате. Потом исчезла куда-то. Началась война, она, по словам Людмилы, была на аппаратной работе. Потом — телефонисткой в стрелковой дивизии. Все еще не нравилось. Выучилась радио. Пошла в танковый корпус, потом — радисткой в танковый батальон. Тут и осталась, довольная

очень, собралась писать большую вещь. Наградили ее медалью. И вот сейчас пришло письмо: погибла. Последняя радиограмма от нее была такая: «на нас идет 12 танков. Будем пробиваться. Свертываем рацию».

Дело было на 1-м Украинском фронте.

Оттуда сейчас приехал работник Воениздата Пукман. Рассказывает о гибели Пети Олендера. Приехал он в какую-то деревню. Шел по улице, женский крик. Вошел в хату: какой-то в военном кителе — не то грабит, не то бьет женщину. Он вступился. Военный схватил автомат и прострочил ему ноги. Все. Поймать не удалось — националист скрылся.

Пукман рассказывает, что там же от гранаты, брошенной националистом, ранен Ватутин. Я был у него вместе с Лидовым пред Киевом, в Требухово.

Сегодня за обедом рассказали, что немцы начали минировать дороги с самолетов. Бросают «лягушки». Вчера на шоссе на Довск подорвалось 12 человек, в том числе один майор — оторвало ногу.

Давно ничего не писал. Надо бы сегодня и завтра написать хоть пару вещей на «Гонолулу».

2 апреля.

Вчера разговаривал по прямому проводу с Лазаревым — он меня вызвал. Попросил обрисовать обстановку, сказал, что нужны материалы об авангардной роли коммунистов, не могу ли написать несколько передовых, сообщил, что партсобрание сняло с меня выговор (за Сталинград). Я ответил, что обстановка сложная, неопределенная, спросил — когда приедет Коробов. Он сказал, что Коробов болен, другого прислать сюда не могут, а если обстановка позволяет, то отзовут в Москву и меня. Я сказал, что это пока нецелесообразно.

На узле встретил Леву Безыменского. Он сказал: против нас сейчас 17 дивизий, было 20, но 3 немцы оттянули из-за Друти в район Ковеля, окруженного еще три дня назад войсками 2-го Белорусского фронта. Немцы там контратакуют, но пока туда удалось прорваться только трем немецким танкам. В районе Каменец-Подольска окружено 5 немецких танковых дивизий (почти все, что у них было на юге) и 4 пехотных. Пытаются пробиться на запад — идти 110 км. Прут мы форсировали на фронте в 90 км., углубились на 15 км. Дерутся там румыны. Немцы передают, что Иден уходит в отставку.

Вчера был день Похвальной Богородицы — какая погода, такая и весна. К вечеру задула пурга, мела всю ночь и бушует весь сегодняшний день. Намело огромные сугробы. Бушует, как в Маточкином Шаре. Хату совсем занесло. Читаю «Петра I»

Толстого. Играли пульку у Киселева.

Сломал стекло лампы, сижу с очерком. Вот пошла жизнь.

5 апреля.

Буран кончился. Второй день светит солнце — чуть тает. Но холодновато. На улицах — сугробища. Ребята катаются на лыжах, на салазках. Всю деревню выставили на расчистку дорог. Но машины еще не ходят.

Летают немцы. Стрельба.

Вчера приехал на машине из Москвы Непомнящий. Доехал до Гомеля, оттуда брел пешком. Привез мне письма из дома, от Мержанова, Гершберга. Привез посылку: простыню, папиросы, пачку табаку «Казбек» (а папиросы — сотню «Казбека» и пачку «Фестиваля»!), пачку чая, пачку печенья и пять конфет! Лафа. Пишут, что все в порядке, вот только Абраму все хуже и хуже, почти не встает.

Вечером 2 апреля т. Молотов принял иноземных журналистов и сообщил им, что советские войска перешли границу Румынии. «Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». Первое наше членораздельное заявление о том, где кончится война. Воображаю трескотню во всем мире!

Вчера вечером нач. отдела агитации и пропаганды полковник Прокофьев сообщил мне, что 2-й Белорусский фронт ликвидируется, а его хозяйства отдаются нам (не сумели освоить). Мы снова просто Белорусский фронт. Будем решать судьбу Ковеля (там три недели назад окружено 8000 немцев) и лезть в южную Польшу. Ол-райт!!

Хорошо сказал Прокофьев про Непомнящего. Шел разговор о московских кулуарных новостях. «Может быть Непомнящий их знает?» «Нет, не вхож». «А, может быть, он по наивности туда зашел?».

Сейчас возвращался из столовой с майором Шемякиным. Очень любопытная фигура. Профессор психологии, москвич, научный работник одного из московских институтов, читал, как будто, лекции в МГУ. Работает в 7-м отделе переводчиком. Два ордена — Звезда и Отечественной войны 2-й степени. Внешне — француз после пожара Москвы: костюм на нем висит, огромная, не по росту, солдатская шинель, вечно незастегнутая целиком, без пояса.

Говорили о логике. Он рассказал мне то, что как-то (на 1-м Украинском) рассказывал Сиволобов.

— Сталин вызвал людей и дал задание подготовить учебник логики для средних школ. Философы засели, швырялись, как мячиками, тезисами: логика и конкретность, логика и

строительство социалистического общества, формальная логика — достояние идеалистов. Написали, подали. Тогда Сталин созвал второй раз людей, более расширенный круг. Лежала перед ним и эта рукопись, вся исчерканная красным карандашом. Разнес!

— Надо научить людей просто думать, уметь думать. А вы до сих пор спорите: что такое тарелка — тарелка или чашка.

Поскребышев раздал всем присутствующим по одному экземпляру логики старика Чалпанова. Она и издается сейчас, с очень небольшими изменениями. А мы долго еще бегали за нашими философами, мы — просто грешные ученые, и спрашивали: «Я — это не вы. Я — человек. Следовательно: вы не человек?»

Правда, они в течение одного дня начисто перековались и стали славословить формальную логику.

Ночью недалеко бомбили. Долго. Ракеты.

6 апреля.

Опять снег. Сыплется весь день.

С утра занимаюсь подбором материалов для корреспонденций в Совинформбюро.

Была Зак. Рассказала интересный эпизод, приводившийся в одном докладе Дм. Мануильского. Он цитировал статью, кажется, турецкой газеты. Там сообщалось, что в ноябре 1941 г. союзники предложили т. Сталину встретиться, чтобы обсудить порядок совместных действий, если Москва и Ленинград будут заняты немцами. т. Сталин ответил: «Москва и Ленинград никогда не будут заняты немцами. Стройте, господа, свои планы действий на иных предпосылках.» Хорошо сказано!

7 апреля.

Карусель! Моя тихая, маленькая хатка вдруг превратилась в бедлам. В 6 ч. вечера вдруг подъехали «Эмка» и «Виллис», в ввалились Оскар Курганов, Левка Хват, корр. ТАСС капитан Николай Марковский и корр. фронтовой газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины» кап. Верхолетов. Машины загнали в наш дворик, сели есть. У ребят — косервы, водка, хозяйка добыла молока, сварила бульон.

Ребята едут на 1-й Украинский. Я объяснил им новую обстановку. Они призадумались. Я предложил остаться. Решили так: едут до Киева, говорят по телефону с редакциями и — в случае согласия — едут к нам.

Часиков в 9 ввалилось еще четверо: Непомнящий, подполковник Илья Пеккерман (редактор армейской газеты), подполковник Дубов (нач. его издательства), поэт Михаил Светлов в майорском чине.

Исправно дымили часа два. Потом пришел Федя Киселев.

Легли в 4-м часу утра. Встали в 8. Уехали в 9.

Ребята рассказывают интересные вещи. Оскара и других (числа 2–3 апреля) ночью вызвал Поспелов. Это было в 3 ч. утра. Призвал наших из отдела, прервал работу над газетой. Сказал, что только что от Александра Сергеевича. Сказано, что продолжаем неправильно освещать военные дела. Увлеклись тактическим разбором операций. Это мало дает читателю и, порой, сообщает кое-что противнику. Надо сосредоточить основное внимание на людях. Очерки, очерки, очерки! И Петр Николаевич тут же спросил Оскара — не сможет ли он дать очерк в номер. Указано также, что мы слишком схематично освещали занятые города: даем с налету, в тот же день. Совсем не грех дать и через несколько дней, вернуться к теме.

30-го марта было в редакции партсобрание (на котором сняли выговора с меня и других). Произошло это так. Лазарев подал заявление в партбюро о снятии с него выговора. Гершберг предложил снять также и с меня и Мержанова. Согласились. Когда на собрании Золин доложил о решении бюро — Ильичев бросил реплику:

— Бронтман и Мержанов не подавали заявления. Может быть, они еще не прочувствовали?

Ему ответил Золин, что Бронтман все время на фронте.

— Да. А Мержанов?!

Одначе, собрание решило, что сие не обязательно. Тогда Ильичев предложил обсудить работу отдела, т. к. речь идет о руководителях. Выступали Ильичев, Кирюшкин, Мержанов, Парфенов, Лазарев и др. Говорили, что работа улучшилась, но по-старому — не умеют маневрировать и поэтому на нужных участках нет вовремя людей. Мержанов говорил о неправильном использовании людей: Бронтмана, Курганова, Павловского держат на тихих участках. Лазарев возражал, говорил, что должны учитывать не только сегодня, но и завтра. Решение о нас — единогласно.

Гвоздь разговоров — Александр Самойлович. Его обвинили в семи смертных грехах. Он привел в действие всю свою артиллерию, в том числе «БМ» РГК. События разгораются, пока была артподготовка. Любопытно!

Верховцев рассказал обстоятельства гибели Пети Олендера. Он приехал из Киева на пункт, где был — в с. Лясовку (то село, куда я с Левкой ездили в феврале). Оттуда остальные уже уехали. С Петькой был Хомзор, — фотограф «Кр. Звезды». Он послал Хомзора на машине в Андрушевку — узнать, не отбыл ли и узел связи, а сам остановился в своей хате. Через несколько минут вбежала туда с плачем хозяйка той хаты, где мы жили три дня

(хата, где жил Яша Макаренко), и рассказала, что в село пришли три пьяных военных с автоматами, грабят, а один из них насилует ее дочь Нину (помню ее — 18–19 лет, в теле, работала на почте, кажется). «Ратуйте!». Петя сразу пошел. Вошел в хату (через 3 дома от него) — все так. Он выхватил пистолет («маузер», обмененный в Красиловке с Мих. Сиволобовым), но перекосило патрон. Бандит схватил автомат и выпустил очередь по ногам. И скрылся. Вскоре приехали шофер (Коля Тесско и Хомзар). У Петра — нервный шок. Немедленно повезли в Житомир 50–70 км. Все время был без сознания и там умер. Бандитов не нашли. Предполагают, что бендеровцы.

Обстоятельства ранения Николаева таковы. Ехали несколькими машинами. В одном селе попали в засаду. В домах не перекрестке стояли пулеметы. Ударили из них и затем напало человек двести. Убили нескольких спутников, но наши все же успели занять оборону, отстрелялись. Николаев был тяжело ранен. Вскоре туда подошли войска. Никого не нашли. В домах, где стояли пулеметы ни души. Взятые на допрос жители: мы ничего не знаем, не видели, слышали выстрелы, вот и все. Сволочи!

Пеккерман недавно летал в Ровенскую область. Рассказывает, что там шайки по 1000–1500 человек. Пришлось выделить войска на охрану коммуникаций. Борьба с ними ведется и мечом и разложением. Блядское население кое-где поддерживает бандитов. Сейчас там проводится призыв. В одно селе надо было призвать 250 человек. 30 пришло само, а 220 привезли с автоматчиками. Вот гады!

В Москве улицы освещены (даже Старая Башиловка). С 15 апреля открываются коммерческие магазины. Все сходят с ума от Вертинского и цветного фильма «Багдадский вор».

Работники 7-го отдела рассказывают, что немцы прорвали наше Ковельское кольцо. Идут жаркие бои.

Сегодня — чудный солнечный день. Все тает.

10 апреля.

Слякоть, грязь по пояс.

Вчера был у меня майор Меркушев — его полк вернулся из боя., он зовет в гости. Некогда.

Завтра уезжаем на новое место — на Белорусский фронт.

Написал сегодня «Исповедь майора Ганса Бидерманна». Посылаю телеграфом в Совинформбюро полковнику Ризину.

Немцы сообщают, что мы взяли Одессу. Ура!!

Вчера бомбили соседнее село. Я и не слышал.

«Исповедь майора Ганса Бидерманна»

Много за время войны я видел дневников немецких солдат и

офицеров, но такого исключительного документа, как личные записи майора Ганса Бидерманна, я еще не встречал. Автор их — начальник разведотдела 56-го танкового корпуса — был, видимо, хорошо связан с кругами высшего германского офицерства, и это придает его заметкам особый интерес. Бидерманн, конечно, никогда не рассчитывал, что его дневник попадет в посторонние руки, и изъяснялся поэтому с похвальной откровенностью.

С цинизмом садиста описывает он потрясающие картины зверской расправы гитлеровских войск над беззащитным населением оккупированных советских районов. Эти кровавые тризны начались с первых же дней похода на восток. Так еще 3 июля 1941 года Бидерманн помечает: «с. Майков (район Ровно). Около 30 русских было уложено на землю в один ряд. Наш танк проехал по ним и раздавил их. Некоторые все же остались в живых. Их пристрелили». По пояс в крови шли немцы по советской земле. Майор считал это в порядке вещей. 27 октября 1943 года он хладнокровно поучал самого себя: «Не надо быть мягкотелым. Мы должны стать еще более жестокими и в еще большей степени действовать без оглядки».

Наиболее интересны в дневнике записи, относящиеся к прошлому году. Под ударами молота Красной Армии с Бидерманна слетела вся позолота, и от прежнего петушиного высокомерия не осталось и следа. Его заметки 1943 года реалистичны и, если можно так выразиться, меланхоличны. Сталинградский разгром застал его, судя по записям, в Берлине, в Военной Академии Генштаба. Настроение германских верхов в эти дни было сумрачное. 21 марта 1943 года Бидерманн записывает: «Я достал приглашение на правительственные торжества в Цейгхаузе. Выступал фюрер. Вид у Гитлера был плохой и измученный».

Мы помним, как в свое время немцы храбрились и, скрывая растерянность, спешно пытались доказать, что падение Муссолини является чуть ли не положительным фактором, а капитуляция Италии есть, мол, просто радостное избавление от ненадежного союзника. А вот, как это на самом деле было принято гитлеровским офицерством: «26 июля 1943 года. Все мы совершенно потрясены известием о том, что Муссолини свергнут. Трудно теперь продолжать быть оптимистом, потому, что положение выглядит очень серьезным. К тому же отдан приказ об эвакуации Берлина. Два дня подряд все вокруг напоминает сумасшедший дом. Носятся самые дикие слухи, нас тоже переводят… 22 сентября. 8 сентября капитулировала Италия. В следующие дни удар следует за ударом. Итальянская армия распущена, а флот предался англичанам».

Судорожные усилия германского правительства, пытающегося чрезвычайными мерами спасти положение, не внушают большого доверия и бодрости Бидерманну. В эти же дни сентября он записывает кратко, но выразительно: «Политический горизонт омрачается все больше и больше. Гиммлер становится министром внутренних дел».

Дела на фронте становятся угрожающими. От былой иронии майора не остается и следа. В конце сентября он мрачно помечает: «Положение на Востоке весьма серьезно. 23 августа сдали Харьков, 11 сентября — Мариуполь, несколько позднее — Смоленск». 14 ноября он записывает: «В военном отношении дела выглядят отнюдь не блестяще: Житомир потерян, а Полоцк должен быть сдан. К тому же с фельдмаршалом Клюге случилось серьезное несчастье, его преемник — Бирш».

Будучи в Германии, Бидерманн решил на один день съездить в Кассиль, чтобы посмотреть результаты бомбардировки этого города английской авиацией. Вот как оценивает автор свои впечатления: «Это было потрясающе. В течение 40 минут город был почти полностью разрушен. Я мог бы составить себе прежде весьма отдаленное представление о размерах подобного разрушения. В течение целых часов улицы остаются закрытыми для движения».

По окончании курса в Академии майор снова был направлен на Восточный фронт. Его путь лежал через Варшаву. С унынием констатирует автор, что в оккупированных немцами странах атмосфера стала горячей. «12 ноября 1943 г. Варшава. Положение в городе кажется тревожным и неопределенным. В порядке дел — стрельба, нападения, акты саботажа».

Много записей посвящено действиям советских партизан. Бидерманн откровенно признает, что германское командование бессильно бороться с ними: «Барановичи — Минск. Партизаны чувствуют себя здесь вполне как дома и почти ежедневно взрывают железнодорожные пути. Я слышал, что в районе войсковой группы „Середины“ ежесуточно происходит более 6000 взрывов. На всем протяжении линии мы устроили опорные пункты, находящиеся на расстоянии 500 метров один от другого и вырубили вдоль нее лес. Для охраны привлечены 18-тилетние солдаты. Один из них рассказал мне, что они постоянно находятся в состоянии смертельной усталости и страха».

Эта запись в дневнике датирована 17 ноября 1943 года. А через четыре дня майор Ганс Бидерманн был убит партизанами, которые затем переслали его дневник через линию фронта советскому командованию.

15 апреля.

Шестой день в дороге. Или — вернее — шестой день без дороги.

В 8 часов утра 10 апреля мы снялись со старого насиженного места, где провели четыре месяца, и отправились в дальний путь. Тронулись двумя машинами: Я с Сашкой, на другой — корр-ты ТАСС капитан Илья Денисов и кап. Виктор Шилкин с шофером Федором Масловцом.

Со мной ехал до Речицы майор Владимир Алешин. Был он раньше секретарем Военного Совета. Женился на подавальщице военсоветовской столовой — Жене, грубой, вульгарной бабе. За унижение чувства офицерского достоинства его перевели работать нач. отдела информации к Галаджеву, а сейчас назначили замполитом в тяжелый пушечный полк. Уезжая и приезжая на этот фронт, я всегда встречал его на дороге, и сейчас дорога легла вместе с ним. Планида, прямо — талисман!

По дороге заехали в 56-й ГМП. Они только что вернулись из боя. Встретили нас радостно, оставили завтракать. Бой был жаркий.

— Я за несколько дней выпустил столько снарядов, сколько за несколько месяцев, — говорит командир полка подполковник Александр Трофимович Шаповалов. Его заместитель Ник. Меркушев потчевал нас водкой и рассказами. В бою потерь они не имели. Но вечером накануне нашего приезда, когда их колонна подъезжала уже к Гомелю, на шоссе их обстрелял немецкий самолет. Шли без огней, он повесил ракету и начал прочесывать. Народ не растерялся, сразу увеличил интервалы и продолжал путь. Но все же убило троих и ранило двух. Вот уж поистине — не знаешь, где найдешь — где потеряешь.

Плотно позавтракали и поехали дальше.

Перед Речицей проехали по великолепному новому шоссе через Днепр, построенному в очень короткий срок. Мост деревянный, но высоководный, длинной в несколько сот метров в виде «S». В Калинковичах пообедали. Город напоминает больше поселок. Довольно цел, очень грязен. По случаю нашего приезда били зенитки.

Затем перевалили через Припять и въехали в Мозырь. Город раскинулся на склоне холмов вдоль берега реки. Улицы грязные, кривые, дома хреновые. Центр взорван, но он небольшой. Чем-то неуловимым город напомнил мне Батраки на берегу Волги. Тут решили ночевать. Остановились в домике у некой Шибут. Муж ее был кассиром госбанка, перед приходом немцев уехал с ценностями банка в Тамбов и они ничего больше о нем не знали. Она оставалась одна с четырьмя детьми, выходила их. А на второй день освобождения города муж вернулся. Я записал эту

житейскую историю и думаю написать для Гонолулу «Возвращение кассира госбанка».

Утром — в путь. По карте — от Мозыря до Овруча идет шоссе. На деле жуткая дорога. Такую мне еще не приходилось встречать. 15 км. ехали восемь часов. Сидели бессчетное количество раз. Откапывали, выталкивали, отрывали. Так добрались до 23 км. Там пробка, столпилось несколько сот машин. Стояли часа три. Кое-как продвинулись, народ всюду раскинулся лагерем — варили концентраты, жарили картошку, кипятили чай.

На траверзе Ельска — новая пробка. Тут два километра шоссе были положены на трясину. Столпилось несколько тысяч машин. Перетаскивали трактором по одной! Вояж челнока занимал 1 ч. 20 минут. Не доезжая 5 км. мы встали в хвост машин. Постояли часа три. Пролетел немец, пострелял из пулемета, где-то впереди бросил бомбы. Потом пошел дождь. Что делать? Решили ехать ночевать в Ельск — 4 км в сторону от шоссе. Нам не советовали застрянете, дорога плохая, да и нет смысла — к утру дорогу сделают, там распоряжается генерал Бойко, он решил снять весь грунт на протяжении 2-х км. и вымостить бревнами, лес тут же пилят, рубят и укладывают.

Я решил не ждать. Дорога в Ельск была действительно жуткая: сплошная грязь. Но проехали благополучно и застряли только в самом Ельске, на окраине. Тут нет земли, одни болота (как и по всей дороге от Гомеля до сюда — ленточка шоссе, а по бокам без конца и без земли болота и лес на них, лес вдоль шоссе вырублен и через 500-1000 м. деревянные немецкие крепости.) Так вот и тут. Машины сели. Мы отправились пешком в город, нашли секретаря райкома (Черноглаза) и он приказал устроить нас на ночлег.

Это оказалось делом сложным. Городок небольшой, паршивый, очень грязный, точнее — это село, а не город. По словам жителей — немцы бомбят его почти еженощно, ибо тут станция. Но сложность не в этом. В городе свирепствует сыпняк, есть брюшной тиф, и задача заключалась в том, чтобы выбрать относительно безопасную квартиру. Зам. председьсовета Копач накормил нас горячей картошкой и мы были счастливы, ибо не ели целый день. Потом отвел нас в одну хату. Одна комната. Живут в ней — мать Мария Ивановна Корнейчук, 43 года, две дочери — Ольга -20 лет и Валя — 14 лет, все трое партизаны, сначала были в Смоленской области (мать — поваром, а дочери — не всяких делах), награждены партизанскими медалями, пробыли в лесу 14 месяцев, затем их вывезли на самолете в тыл, пожили они там и потом приехали сюда. Муж Марии Ивановны,

тоже партизан, убит (замучен) немцами. Она нас все время потчует партизанскими рассказами. Дочки не глупые, но очень грубые (привыкли давать отпор всем «мацающим» и оборонительно смотрят на каждого из нас), малокультурные. Старшая кончила среднюю школу, но кто такой Есенин — не знает. Вместе с ними в одной комнате живет работник райкома Аня, лет 25, вульгарная, быстрая и смелая на язык, с голосом, как у «студебеккера», крупным темпераментным телом. И мы трое.

Живем мирно, хотя девушки, видимо, немного озадачены тем, что никакой агрессии мы не проявляем.

Шоферы первую ночь ночевали в хате около застрявших машин. Битком ребятишек, недавно болели тифом. Весело. Решили немедля переводить их и машины в город, поближе к нам. Подняли машины вагами, выложили дорожку в грязи досками, проехали длину машин и опять увязли. Опять тоже и опять сели. На противоположной стороне улицы сидел на плетне и покуривал, наблюдая, какой-то майор в кавалерийской кубанке. Наконец, ему это зрелище опротивело и он крикнул:

— Дайте бак бензина и я вас вытащу тягачом. Вытащил бы так, да нет горючего.

Мы подошли, разговорились. Он оказался зам. командира 6 гвардейского минометного полка, Сергей Васильевич Воронин. Я спросил — не знает ли он Шаповалова, Меркушева?

— Как же, служил в этом полку, был командиром дивизиона, потом ударил младшего лейтенанта, за это был снят, лишен ордена Красного Знамени. Переведен в этот полк.

Сейчас он стоит здесь с автопарком, ждет машины. Молодое, кавалерийского образца лицо (хотя 1906 г.р.), рыжие волосы, усы и бородка такая, как я отпускал на «Садко». Орден Невского.

Появился тягач. Вытащил сразу обе наши Эмки в центр, определили ребят в новую хату.

Майор пригласил нас обедать.

— Неужели угощу вас хуже Шаповалова? — сказал он обиженно.

Встречи на дорогах! Угостил нас яичницей, картошкой, мясом, капустой, отличным самогоном, крепости до 70о. По вкусу — свекольный. Жена и двое дочерей — во Владивостоке, он там служил на флоте. Прочел нам письмо от нее — живут плохо, обвиняют его в том, что он из забыл, не пишет, «видно, хочешь строить новую жизнь». Очень тяжелое, но с большим достоинством письмо. Прочел и свой ответ: помнит, любит ее и детей, но написано суховато.

— Надо бы теплее!

— Не могу. Ведь письма — это то, что думаешь. Надо писать

откровенно, иначе — не писать.

— А когда написал?

— 23 февраля.

— Почему же не отправил?

— Некогда.

Потащил играть в преферанс. Сидели до 3 часов утра. Впервые сел за пульку Денисов. Майор играл по-кавалерийски, темнил, плутовал, выиграл 50 р. Я выиграл 100, Денисов проиграл около сотни. Его адъютант Григорий притащил еще самогону. Майор, без всякой аффектации, рассказал, как Григорий дважды спас ему жизнь. Как-то, когда поблизости разорвался снаряд, он силой свалил майора, прикрыл его своим телом и был сам тяжело ранен в голову. Также был ранен и второй раз.

Позавчера долго говорили с секретарем райкома Черноглазом. Он и раньше был секретарем тут. Перед приходом немцев все бюро райкома и все ответработники ушли в партизаны и положили начало Ельской партизанской бригаде. В декабре прошлого года своими силами заняли Ельск. Рассказал несколько любопытных историй. Сейчас в районе всюду — вверху, в колхозах, сельсоветах — заправляют партизаны.

— Воевали они хорошо, но трудно с ними — опыта у них никакого.

Хлопот у секретаря по горло. Начиная от стекол в здании райкома: «Только вставишь — вылетают от бомбежки. Вот позавчера застеклили, а вчера долой…»

Приезжающие с шоссе машины рассказывают, что пробка продолжается. Что поделаешь — живем, ждем, стали уже аборигенами. Сейчас я выпросил у Чероглаза лошадь, и погнали Масловца верхом в разведку — что там делается. А то хоть на службу тут поступай. Харч уже кончился весь, осталось немного сухарей. Н-да!

Райком работает на голом месте. В городе — одна пишущая машинка и ее таскают из Райкома в Райисполком, оттуда в НКВД. Копирок нет. Позавчера достали портативную печатную машинку и начали печатать сводки СИБ. Сводки интересные. Пошло наступление на Крым, очищена уже половина его. Сегодня заняли Симферополь, на остальных фронтах — бои местного значения.

Только что Денисов вернулся из райкома и рассказал, что умер Ватутин «после тяжелой болезни».

Сразу вспомнилась моя беседа с ним под Киевом, и весь он — живой, умный, экспансивный.

Воронин рассказал вчера о своей беседе с т. Сталиным. Он окончил тогда курсы «Катюш». Вызвали.

— Ну как, освоили новую технику?

— Мне кажется — да. Полтора месяца занимались. (а перед ним — лист а отметками: пятерки сплошные)

— Да как будто знаете. Немцам технику не оставите?

— Скорее умру, т. Сталин!

— Вы меня раньше видели?

— В 1924 г., во время похорон Ленина, на параде войск.

— Ну как — я изменился очень?

— Постарели.

— Так вот, немцам техники не отдавать ни в коем случае!

Если только Воронин не врет, разговор интересный. Он рассказывает, что часто выезжает бить по немцам прямой наводкой и при этом всегда свято помнит слова Сталина.

— Разве я могу нарушить слово, которое дал такому человеку!

И мне вспомнился рассказ летчика Ары Молодчего (ныне дважды Героя). Был я с Гершбергом у них в полку на торжестве преобразования полка в гвардейский (кажется, в 1942 г.). Во время банкета сидели рядом, пили. Он предложил мне свозить меня на Берлин. Я согласился, он расцвел.

— А страшно? — спросил я.

— Очень страшно! Вот последний раз летали несколькими машинами. Такой огонь встретили — ужас! Ребята отвернули за запасную. У меня вся душа в пятках, руки сами тянут на разворот. И тут я подумал, если я, Герой Советского Союза, обману доверие т. Сталина, кто же тогда будет выполнять? И прорвался!

17 апреля.

Наш верхоконный разведчик вернулся со своего задания: на шоссе машин не больше 300, но дорога разбита в дым, грязь по колена, одначе, машины таскают — прикрепляют к тракторам, «Студебеккерам». Решили — на следующий день (16-го) ехать.

Вечером секретарь райкома Черноглаз прислал к нам нарочного сообщить, что некий майор Скуридин приглашает нас на обед. Скуридин работал в районе по заданию ЦК КП(б)Б, вместе с ним находилось человек 15. Сейчас они закончили работу, съехались и собираются уезжать из района. По сему поводу и обед.

Пошли. Было неплохо. Меню: борщ, жареная картошка, водка. Я сидел вместе с доктором Иосифом Ильичем Галицким. Очень любопытный человек. По национальности — караим, родился в Одессе в 1897 г. Плотный, коренастый, редковатые светлые волосы; светлые, почти бесцветные глаза; крошечные, пятнышком, усики. Одет в серую немецкую куртку. В 1914 г. окончил университет, был два года в Германии, и тогда еще возненавидел

немцев. С 1925 г. в партии. Терапевт.

Семейная трагедия: жена оставалась в Луцке, замучена и убита немцами. Сын воюет — неизвестно где, дочь — тоже. Галицкий с первых дней партизанит. В конце 1941 г. он был посла в Ельский район (как пограничные между БССР и УССР) ЦК КП(б)У для налаживания связи с украинцами. И остался в отряде. До конца. Был врачом и диверсантом. За все время у него не умер ни один раненый («ампутировал, лечил от всего, делал аборты»). В то же время он был руководителем диверсионный группы, обучал людей взрывам, подготовил около сотни подрывников, которые под его руководством пустили под откос 29 эшелонов. Участвовал в различных операциях. Некоторые из них («засада», «выборы старосты») я записал в блокнот. За обедом Галицкий рассказал мне еще об одном любопытном деле: ликвидации 48 полицейских в Словеченском районе. Через год, встретившись с прибывшими оттуда людьми, он узнал, что помогавшая ему немка расстреляна немцами.

Галицкий четыре раза представлен к наградам, дважды прошел указами, имеет партизанскую медаль. Он участвовал в партизанском захвате Ельска 9 декабря прошлого года, подорвал «Тигр» (который и сейчас стоит на окраине) и остался в городе. Сейчас он руководит райздравом и борется с сыпняком.

Говорил я о нем с Мищенко, который был командиром партизанской бригады, а ныне — председатель Райисполкома, он дает о Галицком самый лестный отзыв.

Когда мы пошли домой, Мищенко провожал меня. Рассказывал о Беляеве, который явился, как представитель ЦК партии, распустил подпольное бюро, оказался жалким трусом, призывал к тихой жизни, ныне — он зампред Мозырьского Облисполкома.

Вечером никуда не пошли. Всю ночь палили зенитки, летали немцы. Утром, перед отъездом нас позвал позавтракать зав. райторгом Гоникман Моисей Израилевич. ДО немцев он тоже работал в этом районе зав Райпо. Всю войну партизанил, был комиссаром отряда «Большевик». С виду — он никак не похож на партизана: маленького роста, сморщенное лицо торгового агента, редкие волосы с зализами, большой нос коршуна. Не очень живой, не очень умный. Серый костюм, медаль партизана, представлен к ордену.

У него настоящая семейная трагедия. Два брата убиты на войне, убит муж сестры жены, в эвакуации умерла жена. Сейчас к нему приехала сестра жены, и в квартире — четверо ребят: двое его, двое ее, все маленькие, все глазастые. Рассказывал о действиях отряда, об (вычернуто — С.Р.) некоторых партизан.

Показал очень любопытную справку — о том, что он комиссар отряда. Она снабжена самодельной печатью: в центре — звезда, по кругу надпись: «смерть немецким окупантам» (через одну «к»). Сделала печать из калоши начальником штаба отряда Павлом Остапко.

В 11 часов утра мы выехали. Два километра до шоссе ехали два часа. Несколько раз садились, толкали. Последний раз сели в 15 метрах от шоссе. Толкания не помогло. Шофера пошли за вагами. И вот мы видим, как Федор Масловец, резво шагавший с бревном на плече, вдруг остановился и на цыпочках, как балерина, осторожненько пошел по собственным следам обратно. Оказалось — едва не наступил на мину, влез в минированное поле.

Проехали по шоссе вперед 3–4 км и увидели, наконец, то самое место. Жуткая грязь, действительно — по колено, глинистая, тягучая. Кое-где выстлана бревнами, они торчат вверх, как ежи. В стороне, на пригорке, стадом сбились несколько десятков машин, ждут, когда дорога станет проезжей. А «Студебеккеры» идут, как корабли.

Что делать? При нас «ЗИС-5» взял на буксир полуторку, рванул и выдрал у ней передок. Решили все же ехать. Поймали одну «Студебеккершу», прицепили к ней машину Денисова. Рванули, трос порвался. Достали другой — потащили, бедную.

Мой Сашка Кахеладзе смотрел, смотрел и решил ехать лучше своим ходом. И проехал!! Но как прыгала машина — как блоха, аж жалко было. Протяжение этого переката — 2 200 м., по обочинам стоят зенитки, пулеметы — подвезли. Встретил тут майора Василевского, руководившего работами — он не спал 5 суток. Весело!

Поехали дальше. Перевал занял у нас четыре часа. Дальше тянулось уже настоящее шоссе. Населенных пунктов мало. Весь лес вдоль дороги вырублен. Через каждые 1–2 км немецкие деревянные крепости от партизан, кое-где — с наблюдательными вышками. Тем не менее, по обочинам валяются взорванные и опрокинутые немецкие машины, а в одном месте — целое кладбище, до десятка.

Весна в разгаре. Снега почти нет. Но все залито водой. Болота и вода, и лес на них. Единственное сухое место — шоссе. Справа и слева бесконечные большие и малые моря. Вот указатель — «Село Новая Рудня». Стрелка указывает дорогу… прямо в озеро, шириной в несколько километров. В версте, за затопленным лесом, видна эта затопленная деревня. Ну и места! Вот где наступать…

Поехали дальше. Уже ночью прибыли на место. И вот, в

200 м. от деревни, стоп: на одном и том же месте, на абсолютно гладкой дороге, у меня полетела коничка, у Денисова — задняя полуось! Сказалась проклятая дорога. Что дальше делать — ума не приложу.

Остановился и Непомнящего. Впервые прочел газеты за неделю сразу. Узнал новости. Взята Ялта, салют. На 1-м Украинском — сплошные и сильные контратаки. У нас — сильные контратаки на левом фланге, стоим под Ковелем в непосредственной близи. Очень сильные бомбежки левого фланга и всех дорог. Поезд Константинова (Рокоссовского) 300 км. шел три дня. Шалят и весьма бендеровцы. Был у них недавно съезд, объявивший лозунг: «Украина без немцев и без коммунистов».

Стоит чудный день, снега нет, сухо, тепло.

19 апреля.

Совсем весна. Тепло, солнце, ходим без шинелей. Нигде ни капли снега, зеленеют поля. Как всё вдруг! Тихо. Только днем иной раз вдруг начинают бить зенитки (в прошлую ночь жители вообще не спали: с вечера до утра над нами летали немецкие «летаки», били зенитки, светили прожектора — было так светло, хоть мак в поле собирай, а мы бессовестно все проспали).

Вчера вечером соседка Ксения рассказывала, как она провела 4 месяца в прошлом году в Эссене, на заводе. 300 г. хлеба в день плюс баланда. Фанерные бараки, нары. Бьют. «Не чаяла, что побачу родимы край». Город разрушен англичанами. Бомбили и при них: «ох, все движется». Уехала по болезни.

Хозяйка Мария Медведчук рассказывает о местном старосте Ходачеке. При немцах был сукой, сейчас сидит под замком где-то. Так вот, сын его оказывается, Герой Советского Союза. Недавно он прислал письмо. Там, между прочим, пишет «батя, а кто у нас был старостой при немцах? Приеду — своей рукой задушу». Ну сюжет!

Забавно: приехал к нам фотограф ТАСС Пушкин. Знакомятся: «Долматовский» — «Пушкин».

Сегодня смотрели американский фильм «Джаз банд Александер». Ничего. Любопытна его история: он был закуплен польским правительством для польской Армии Андерса в СССР. Пароход с фильмом торпедировали в Северном море. Пока его спасали, переправляли и проч. — Андерса уже у нас не стало. Остался фильм с польскими надписями.

Все еще ищу коничку. Просят 700 р. плюс литр. Ищем.

Говорят, что мы опять — 1-ый Белорусский.

Любопытны здесь разговоры о немцах. Ощутимого зла они не причинили, жители говорят — не успели, ибо деревню заняли партизаны. Но отзывы о них, то, что Горбатов называл «под немцем» — любопытны.

Старик. Сосед. Говорит:

— Немцы? Це же некультурная нация — в хате серут.

Сын моей хозяйки — 8-ми летний Петя (или, как он себя называет Петр Наумович Медведчук) шустрый, белесый, с живыми светлыми глазами паренек, очень любознательный, весь день торчит около меня, лопочет про все спрашивает, всем интересуется, все щупает.

— При немцах я бы не мог так стоять около вас — сразу бы выгнал за дверь. Я немца ни одного не бачил, чтобы был добрый. Все — га-га-га!

Он, между прочим, гордится тем, что не курит.

— У нас на хуторе всего трое некурящих.

А вчера спросил Непомнящего

— Что ты все один, да один? Надо тебе молодую девку? Познакомлю, тут есть одна.

В Ельске, на улице, подошли ко мне трое оборванных детей лет 9-10. Робко остановили, я думал будут просить денег или хлеба.

— Дяденька, нет ли у вас маленького карандаша? В школе писать нечем очередь длинная.

Я дал им карандаш. Забыл даже поблагодарить, они торопливо пошли по улице, изо всех сил рассматривая приобретение и, видимо, споря — кому им владеть.

Вчера отмечали 42 года Галаджева. Был банкет. Мой Сашка удивлялся перед Непомнящим — почему нас не позвали.

21 апреля.

И вчера и сегодня — холодные дни. Какая-то дырявая весна. Вчера и сегодня — поиски конички. Сегодня в автобазе шоферы обещали «достать» за 1.5 литра + 100 р. Денисов уже приобрел полуось за поллитра и ездит, как на новой.

Сегодня говорил с полковником Калашниковым из 4–7. Рассказывал о Ковеле. Окружали немецкий гарнизон (6–8 тыс.) Три пехотных дивизии. Углубились на 25 км на запад. Держали недели полторы. Потом немцы прорвали танками. Но и сейчас наши две дивизии сидят на улицах Ковеля, в т. ч. на Монопольной. Театр действий — отвратный: болота, леса. Немецкие самолеты висят над передним краем, на всех коммуникациях. Летают «Фоке Вульф 190» и бросают контейнеры с мелочью.

Сегодня днем был у полковника Смыслова. Он рассказывает, что против нас больше 30 дивизий, в подавляющем большинстве немецкие, мадьярские — во втором эшелоне. Основные силы противника — на нашем левом фланге, в том числе танковые — 4, 5, на подходе 20-я и уже дерется «Викинг». Она была в Корсунь-

Шевченковском окружении, считалась уничтоженной, но сохранила 1600–1700 человек (без техники, конечно), впитала в себя другие батальоны, пополнилась, конечно, танками и сейчас представляет серьезную силу. Из пехотных интересна 214-ая, переброшенная из Норвегии, и еще одна — из-под Ленинграда.

Около 800 самолетов. Появился и генерал Миттенгоф (?), командовавший корпусом в районе Корсунь-Шевченковского.

Когда мы зашли полковник перебирал немецкие солдатские книжки. Показал одну: рождения 1902, по профессии — художник, рост 155 см, размер ноги — 42.

Паша Трояновский рассказывает, что три дня назад немцы подвергли ярой ночной бомбежке Калинковичи. 68 самолетов!

Видел Розенфельда. Вчера в газетах было опубликовано сообщение английского министерства иностранных дел (или информации?) о цензуре дипломатической почты. Я спросил: как он расценивает это?

— Начало второго фронта, — ответил он. — Я считаю, что он откроется в ближайшие 2–3 недели. В этом меня убеждает много фактов, в том числе изменение целеустремленности бомбежки Германии. Сначала они бомбили города, потом верфи, потом авиазаводы, а сейчас все силы брошены на ж/д узлы Франции. За вчера и сегодня одни англичане сделали 1800 самолетовылетов. Зачем? Они же знают, что ж/д разрушения восстанавливаются быстро. Кроме того, учтите высказывания — очень решительные — Эйзенхауэра, взятие де Голлем власти в свои руки, да и Рузвельту, чтобы переизбраться в ноябре, нужно обязательно военные успехи.

Получил сегодня телеграмму из редакции: «Как только приедет Курганов езжайте в Москву. Лазарев.»

Ответ ли это на мою — о поломке конички, или я просто зачем-то понадобился.

22 апреля.

Получил телеграмму от Мержанова, что под Севастополем погиб Миша Калашников! Да что же это такое!! Эх, Миша, Миша!

23 апреля.

Сводка: «ничего существенного на всем фронте».

Сегодня долго сидели с Непомнящим у полковника Ивана Алексеевича Прокофьева — с 10 ч. вечера до 3:30 ночи. Без дел, разговаривали обо всем, легко и приятно, отдыхая, слушали радио — легкую музыку, тоже легко и приятно. Он долго работал в войсках НКВД, много рассказывал о быте чекистов, их жизни, бдительности не только вообще, но и в быту и даже в интимной жизни.

— Что такое бдительность? — говорил он. — Знаете, это —

какое-то особое чувство. Вот помню — оборонный завод. Часовой, обыкновенный рядовой Ванька, стоит у контрольных ворот. Проходит один инженер, которого он видит каждый день. В это раз он останавливается, что-то роется в бумагах. Обыкновенная вещь, а когда после Ваньку этого спросили, что вызвало его подозрение, он мог сказать только об этой суетливости. Но нам ясно, что были еще какие-то неуловимые нюансы в поведении инженера, которые насторожили и обеспокоили часового. С пропуском у инженера все было в порядке. Часовой пропустил его и с нетерпением ждал его обратно. Все прошли, а его все не было — уже полчаса прошло, как ушел последний. Это тоже увеличивало подозрения Ваньки, хотя он сам не знал почему. Действительно, мало ли по какому делу мог задержаться инженер. Вот и он, торопится. — Пропуск! Дает знакомый, много раз виденный пропуск. Под мышкой — книга.

— Дайте!

— На!

Берет, листает.

— Что ты смотришь, она же на немецком.

Молчит, листает по листику. И долистался — два склеенных листика. Отодрал — между ними чертеж, калька! Ванька вызвал карнача. Инженера ввели в караульное помещение. Карнач по инструкции имеет право произвести поверхностный обыск (нет ли оружия). Только хотел приступить — позвонил телефон.

Воспользовавшись тем, что карнач повернулся спиной, а другой боец, находившийся в комнате, смотрел в окно, инженер вынул из заднего кармана брюк какую-то бумажку, скомкал, наступил ногой и стоял индифферентно. Но, оказалось, что боец, смотревший в окно, внимательно наблюдал в отражение стекла все, что было сзади, и сообщил карначу. Под ногой был второй чертеж. Так разоблачили целую диверсионную организацию на заводе.

В осенние дни 1941 г. Прокофьев был комендантом Молотовского района в Москве. Я спросил: много ли тогда вылавливали диверсантов, смутьянов, шпионов?

— О, очень много и самых разнообразных. Большинство — служащие, инженеры; среди смутьянов и всяких «голосов», утверждающих, что немцы совсем не страшные люди — больше пестроты, начиная от слепых в очередях, кончая выступлениями «знакомых» на призывных пунктах. Почти все шпионы — не свежие, а посеянные давно, задолго до войны, кое-то из них только в 1941 г. получили приказ действовать, а ряд — нет, просто получали деньги.

В частности, он рассказал о раскрытии крупной группы

диверсантов, оперирующих в центре Москвы. После того, как упала бомба в здании ЦСКА, кто-то из жителей сказал, что видел на одном большом доме на ул. Разина в момент налета что-то вроде светового сигнала. Чекисты мгновенно осмотрели дом: в самом деле — на крыше, в водосточной трубе нашли электропатрон и 500-свечовую лампу, провода шли по стене, по перилам и бесследно обрывались в 100 м. Проверили жильцов дома. Документы у всех были в порядке, все прописаны, и лишь в одной квартире нашли трех хмельных морячков, которые никак не могли объяснить, как они туда попали. Их забрали. Но потом, когда хмель прошел, они объяснили, что приехали за получением орденов, жить негде, знакомый флотец поместил их в эту пустовавшую квартиру. На радостях они рубанули и с пьяных глаз и сами не могли понять — где они. Отпустили, конечно.

На следующий день, когда патруль Прокофьева проходил по улице Разина, к нему подошла девочка и передала записку, сказав, что мать просила вручить ее лично начальнику. Боец, сменившись с наряда, отдал записку Прокофьеву. Какая-то женщина просила придти по важному делу. Он отправился по указанному адресу. В квартире на ул. Разина застал писавшую: это была больная женщина, прикованная к постели давним ревматизмом. Единственное ее занятие — смотреть в окно. И вот, она заметила, что в квартире напротив (или наискосок) происходят странные вещи: туда приходят все время новые и новые люди, а однажды пришло трое в штатском, а вскоре они же вышли в военном.

Дело было интересным. Прокофьев поставил в известность своего приятеля начальника райотдела УГБ Володю (забыл фамилию, что-то типа Ушкевич — ЛБ) и они занялись им. Выяснилось, что квартиру занимает бывший серпуховской голова со своей экономкой. Живет он там уже несколько лет. Месяца два назад у них поселилась молодая девушка, прописалась и работает кассиршей в хлебном магазине по этой же улице (через несколько домов). Что делать? Арестовать старика или экономку — оба они, несомненно, дошлые и при недостатке улик из них ничего не выжмешь. Арестовать кассиршу — возможно, что она ничего не знает, а арест спугнет основных. Прокофьев зашел в магазин, посмотреть: довольно миловидная девушка, глуповатая и все.

Тогда решили обработать ее и оторвать (очень естественно!) от этой семьи. Приставили одного паренька — девки так и валились с одного взгляда. Через два-три дня кассирша по уши влюбилась, он предложил жениться, и она переехала к нему. Знала она очень мало, но важно: она служила проводником и связью. К ней приходили покупатели и особенным, условным

образом клали на стол пятерку. Тогда она должна была под каким-нибудь предлогом сдать кассу (пойти в туалет и т. д.) и провести покупателя в квартиру. Вот и все.

Тогда арестовали старика с экономкой, обнаружили большой гардероб. Они запирались. Устроили очную ставку с кассиршей. Сознались. Так раскрыли целую группу из 14 человек, которые сигнализировали при налетах, вели шпионскую работу, готовили диверсии, взрывы зданий и т. п.

Еще один эпизод из того же времени — множительный аппарат. Когда Прокофьева назначили комендантом Молотовского района, он объездил все предприятия и учреждения района, выступал на собраниях, рассказал о положении в Москве (это было после постановления ГКО от 19 ноября обо обороне Москвы), о безопасности. Заготовив в типографии листочки с телефонами он просил по каждому подозрительному случаю звонить ему большому или меленькому случаю, все равно. В комендатуре на телефонах сидело 5 помощников, рота немедленно реагировала на все сигналы. Благодаря им было выловлено много всякой пакости.

Однажды помощник сказал, что какая-то женщина просит к телефону лично коменданта. Взял трубку. «Когда можно его видеть, чтобы рассказать о важном деле?» Когда угодно. Не может ли она приехать сейчас, он пошлет за ней машину? Послал. Приехала. Молодая женщина. Отрекомендовалась. Сообщила, что когда-то работала в НКВД, правда — машинисткой, но вкус к бдительности получила. И вот она заметила, что в квартире над ней раз в два-три дня по ночам работает какой-то множительный аппарат. Не то ротатор, не то стеклограф, она когда-то работала на них и их характерный звук помнит отлично.

Дело было занятным. Договорились, что как только в следующий раз аппарат заработает — она немедленно звонит Прокофьеву, будит его в любой час и он едет. Прошло несколько дней. Как-то, только он заснул, около 3–4 часов ночи раздался звонок: Приезжайте! Случайно в комендатуре не было никого изо помощников, был только дежурный боец. Вызывать из роты — нет времени. Взяв бойца, Прокофьев отправился на место. Приехал. Встретили муж и жена. «Послушайте!». Верно, над головой раздался шелестящий шум. Когда-то в погранотряде Прокофьев выпускал многотиражку и часто пользовался стеклографом. Знакомый шум: явно накатывают стекло, затем катают листовки.

Взяв с собой бойца, он поднялся на этаж и постучал. Никакого ответа. Громче, громче, дубасит. Никакого ответа. Сбежались жильцы из других квартир. «Занимайтесь своим делом. Комендатура!». Сразу растворились. Тогда Прокофьев послал

бойца найти управдома, достать топор и лом. Через три минуты тот вернулся с топором и каким-то штырем. Отправив бойца караулить окна, Прокофьев приступил к взлому. Дверь дубовая, два вершка. Штырь сломался. Наконец, вскрыл топором — на цепочке. Тьфу! Сбил обухом цепочку. Темная передняя. Взяв в одну руку фонари, в другую «маузер» — вперед. Кухня пусто. Из передней — две двери. Толкнул ногой влево — и сразу свет — видимо, детская, пусто. Направо — у входа сушка с постельным бельем, шкафы, стол с бутылками из-под вина и остатками ужина. Но пусто. Что такое! Тут он заметил в глубине еще одну дверь направо. Знал, что его слышат. Знал по кубатуре и плану нижней квартиры, что больше быть негде. Знал, что его ждут. И решил действовать неожиданностью. В два прыжка достиг двери, толкнул ногой и сразу выдвинул вперед пистолет и фонарь.

Свет выхватил сидящую в качалке женщину в пижаме, со скрещенными руками, белую, как стена, без кровинки в лице, с глазами почти лопнувшими от страха. Эта не опасна. Передвинул луч — на кровати, на подушке — две мужские головы, одеяло до подбородка. Это тоже не опасно. Опустил револьвер.

— Встать!

Встали. Один трясется от страха, голый, в рубашке. Другой тоже полуодет, но более спокоен.

— Что здесь происходит? Почему не открывали?

— Сейчас я вам объясню, — ответила женщина.

Зажгли свет. Голые оделись. Срывающимся голосом молодая женщина объяснила, что любит этого (голого), но она сама замужем, имеет детей. Иногда она приходит к нему сюда. Отец — грузин однажды застукал их тут и пообещал, что если это случится еще раз — убьет и ее и его. Вчера любовник и его приятель заехали за ней на машине и привезли сюда. Когда начали стучать и ломиться, они решили, что это отец и хотели отделаться молчанием — может быть, он уйдет, подумав, что никого нет.

Проверил документы: у мужчин в порядке, один — завмаг, другой что-то вроде, даже брони есть. У нее никаких документов: «Увезли вот так, в пижаме».

— А где аппарат?

— Какой?!

Пришел боец, увидевший с улицы свет. Прокофьев принялся за обыск. Перевернул все вверх дном, икал три часа — ничего.

Уже светало. Усталый он сел на кровать — она издала странный знакомый звук. Он привстал, сел — снова тот же звук. Сомнений не оставалось: когда на этой кровати любовники предавались друг другу — и происходил этот подозрительный

шум. Кровать и была множительным аппаратом!

Прокофьев предложил женщине поехать домой, чтобы установить ее личность. «Ни за что! Это гибель для меня».

— Но как же бы вы сами приехали?

— Ну, это дело женское: была у подруги, мало ли что…

Договорились, что она поедет в комендатуру. Пожалуйста. А он — к ней на квартиру, проверять, якобы, документы. Так и сделали. Оказалось — все в полном порядке.

Прокофьев — высокий, подтянутый, с отличной выправкой. Очень энергичный, умное, длинноватое лицо, большой нос крючковатый, серые умные глаза, высокий лоб, лысоват спереди. Очень любит дисциплину, любит рассуждать, говорит гладко, логично, немного поучая.

Читал подробные материалы о бульбовцах. Точнее — бульбовцы, бендеровцы, мельниковцы. Формально объединены в две армии, УПА (Украинская повстанческая армия) и УНРА (Украинская народная революционная армия). Программа: «Самостийная Украина без немцев и большевиков». Режут наших, поляков, дико терроризируют население. Объявляют: кто пойдет в Кр. Армию (в некоторых селах — просто берут расписки) — вся семья будет репрессирована, а репрессии зверские, убивают всех, закапывают живьем, четвертуют. Или: кто будет выполнять поставки — репрессируем. И крестьяне просят: пойду в армию, но пришлите за мной автоматчиков. Нате хлеб — но придите за ним отрядом. пойдем пахать — но пусть нас вроде выгоняют. Мол, под угрозой оружия, силой.

Дисциплина — строжайшая. Конспирация — полнейшая. Связь — цепочкой, тройками, один знает только двух соседей, в случае провала одного — соседи уничтожаются. Все (и в связи и в войсках) — под кличками. Руководство построено пирамидой столь же конспиративно. Есть тайные склады, созданные еще в дни оккупации. Большая связь с немцами и договоренность с ними об отдельных операциях. Насильственная мобилизация.

Войсковое деление: бригада, батальон, группа. Вооружение: автоматы, пулеметы ручные и станковые, винтовки, артиллерии и минометов почти нет, за исключением снятых с танков (несколько штук). Тактика сейчас — уйти в подполье, подождать, пока части КА уйдут вперед, тогда действовать. Центр город Камень-Кашарский. Численность батальонов 500–600 чел., во главе бригад — «генералы» (полковник Берестнев) и другие.

30 апреля.

27 апреля выехал в Москву, так и не дождавшись Курганова. К вечеру доехал до Гомеля. Дорога между Овручем и Мозырем стала неузнаваемой, совершенно проезжей. Никакого следа того,

что было. Гладкая, хорошая.

Ночевал в 56 ГМП у Шаповалова. У них — ЧП. Командир дивизиона напился, пошел к зенитчицам, их командир не пустил его, тот разозлился и выстрелил (и застрелил). Другой командир самовольно уехал на боевой машине к жене. К Катюше на «Катюше»! И Шаповалов и Меркушев мрачны. Развеселили из только мой рассказ о Воронине — встреча в Ельске. Характеризуют они его, как трепача и лгуна. Оказывается, он не только у Шилкина взял 300 руб., но и у Шаповалова 2 000 руб. и не отдал.

Из Гомеля поехал через Довск. Дорога до Довска страшная, вся разбита в дым, деревянные настилы. 90 км. ползли 5 часов. В Довск приехали перед темнотой. Советовали ночевать, т. к. ночью немец кидается на свет. Поехали дальше. Дорога и дальше в жутком виде. Кидало, мотало. Но наша сломанная коничка выдержала все испытания отлично. В 2 ч. ночи приехали в Рославль. Поспали 3 ч. в машине и дальше. Дорога опять говно. Но шли без передышки. Лишь от Юхнова дорога стала дорогой — шоссе, как шоссе.

В 8 ч. вечера вчера прибыли в Москву.

4 мая.

Вот уже пять дней в Москве. Пока ничего не делал, а только ходил, докладывался, рассказывал, слушал. Был у Лазарева, он говорит «довольно поездил, надо посидеть в отделе». Золин — на Черноморском флоте, Иванов болен — сердце, сам Лазарев собирается на 1-ый Украинский. Мартын Мержанов хочет через месяц уйти в отпуск по болезни — он нервен и говорит, что прозорлив. Тем не менее, написал пьесу (по повести «Непокоренные» Горбатова), и она уже принята. Вот рубка!

Сводка уже две недели сообщает «ничего существенного». У всех на устах — ожидание второго фронта. Вчера я сидел у Гольденберга, зашел Хавинсон.

— Ну, Яков Зиновьевич, когда высадка?

— Я думаю, не позже 1 июня.

— Нет, 15–20 мая.

Приехал позавчера Дима — племянник Богомольца. Он говорит, что многих офицеров сейчас отпускают в отпуск. Сам он прибыл на 10–15 дней.

В редакции много разговоров о смерти Калашникова. Редакция сделала для него все, что могла сделать для мертвого: тело доставили сюда самолетом, выставили почетный караул, похоронили на Девичке, постановили издать альбом снимков, дали пособие семье, приняли его жену на работу фотографом.

Приехал фотограф «Известий» Фатька Гурарий, который был

с ним вместе. Он рассказывает, что группой поехали на высотку под Севастополь. Миша Калашников, Кригер, Гурарий, Кожевников, Коротеев. Неожиданно немцы накрыли огневым налетом дальнобойной артиллерии. Легли, чуть рассредоточились. Плечом к плечу лежали Кригер и Миша, метрах в 5 — Гурарий, еще дальше Кожевников. Вдруг Фатька услышал крик: «Калашников ранен!!» Все подбежали, несмотря на огонь. Миша лежал на спине. Он жаловался, что очень больно, что не чувствует ног: наверное, мол, перебит позвоночник. Ребята понесли его в соседнюю деревню. Он жаловался, что трудно дышать: наверное, пробиты легкие. Фатька говорит: плюнь мне в руку, а затем показал ему: видишь, слюна чистая, крови нет. Всю дорогу Миша говорил о семье, о детях. Когда принесли его в хату, Фатька помчался за врачом, вернулся — Миша был уже мертв. До последнего момента находился с ним Кригер, он записал все его слова. Мишина жена — Мария Ивановна вчера видела его, но он отказался прочесть ей: «потом, сейчас Вам очень тяжело.»

Был у Кригера. Он говорит, что Миша держался образцово. У него было 7 ран, одна из них — длиной в 35 см., разворотила 3 позвонка, задела легкие. Женя лежал рядом с ним, плечо в плечо — и ничего. Шли они на НП дивизии, внезапно накрыли, залегли. Доставили в медсанбат, хирург очень хороший оперировал, перевязал, но было уже ни к чему. Миша жил 1 час 45 мин. и только за 5 минут до смерти потерял сознание. Все время говорил об аппаратуре и семье. Чувствовал, что умирает, говорил об этом. Ребята удручены страшно. По словам Кригера, Гурарий обревелся — уткнется в угол и плачет.

5 мая.

Несколько лет назад, когда я занимался опытами оживления организма (см. записи о Брюхоненко), мне сказали, что этими же работами промышляет молодой ученый Неговский. Я к нему, нашел его в нейрохирургическом институте академика Бурденко. Маленькая, темная комнатушка. Отказался разговаривать для печати:

— Я еще только нащупываю. Когда будет что-нибудь реальное — другое дело. А сейчас — только теоретические изыскания.

— Но обещайте тогда поставить меня в известность.

— Обещаю.

Сейчас, когда я приехал с фронта, Зина сказал, что звонил мне какой-то Неговский, а потом была «эффектная женщина», назвавшаяся его ассистентом и оставила мне письмо. Я уж, признаться, забыл фамилию, но когда прочел письмо — сразу вспомнил, в чем дело. Неговский писал, что добился

практических результатов и хочет повидаться. Подписано «доктор медицинских наук». Интересно!

1 мая раздается звонок. Неговский:

— Помните меня, может быть?

— Ну, как же! Помню даже, что вы обещали мне сообщить, когда будут практические результаты.

— Верно. Я только что вернулся с Западного фронта. И вот, когда у меня первый покойник заговорил — я вспомнил о своем обещании.

Договорились в встрече на 4 мая. Вчера я был у него дома. Живет в доме Академии Наук, на Б. Калужской. Восьмой этаж. Видимо, две комнаты: мы сидели в одной, которая — и кабинет, и спальня, и столовая, вторая, по-видимому, детская. Очень просто обставлена. Книжный шкаф и много книг в коридоре. Сам Влад. Арович Неговский — молодой, очень просто одет, в сером костюме, простеньком галстуке. Он 1909 г. рождения, беспартийный («Вы сообщали о своих работах в ЦК?» — «Зачем, я же беспартийный!»). Кончил 2-й московский институт, полгода работал врачом на периферии, добился перевода на научную работу, был несколько лет в Центральном институте по переливанию крови, работал с Брюхоненко, когда ему создали институт — ушел к нему, но затем по разногласиям в направлении работы («видите ли, он, конечно, способный человек, но страшно разбросанный, не знает науки и поэтому ничего нового создать не мог и не может, и дальше собак не пошел»). Создал свою лабораторию подо крылом Бурденко, сколотил коллектив, а сейчас имеет лабораторию при ВИЭМ («две комнатки, нет уборщицы, подметаем сами, нет стекол»).

Среднего роста, удлиненное, чуть загорелое лицо, высокий лоб, зачесанные назад темные волосы с зализами, на лице — почти постоянная улыбка. Самое характерное в нем — глаза: серые, очень беспокойные, не то ждущие чего-то, не то ищущие.

Говорили мы часа четыре. У меня все время было ощущение, что и заглянул куда-то «туда», по ту сторону черты. А он говорил обо всем очень просто, как о рядовых будничных делах.

— Вас бы в средние века на костре давно бы сожгли, — не удержался я.

— Наверное, — рассеянно улыбнулся он.

Потом эта перспектива дошла до него полностью, и он, усмехнувшись, сказал: «Да и вас бы, как сообщника».

Он рассказал мне о своем творческом пути.

— Я хотел не эмпирики, не эксперимента, а научной истины, познания. Поэтому несколько лет я потратил на изучение механизма умирания. Как умирает организм, в какой

последовательности уходят из жизни органы, функции.

— И много народа вы отправили на тот свет?

— Отправлял не я, а мои коллеги. Много. Я думаю, несколько десятков, а м.б. и больше. Но, знаете, привык. Умирает человек, а ты сидишь и смотришь (и знаешь), когда у него начнется агония, когда перестанет прощупываться пульс, исчезнут рефлексы.

Вошла в комнату жена Неговского — молодая, очень миловидная женщина, видимо, жизнерадостная и веселая. Она спокойно и даже равнодушно слушала все рассказы о смерти и оживлении, видимо, давно привыкнув к этому.

— И только тогда, когда мне стало ясно до последней детали, как умирает организм — я занялся вопросом о том, как его оживлять. В своей работе я исхожу из того, что между моментом видимой смерти и действительным разрушением организма есть период, который можно и нужно лечить также, как болезнь.

Впервые свои опыты на людях Неговский провел на Западном фронте — с декабря 1943 по апрель 1944 года. До этого он некоторое время работал в одном родильном доме № 15, проверял там свою методику: вытаскивал в жизнь мертвых детей. Вытащил 14–15, жили по несколько дней.

На фронт он попал после долгих мытарств: добивался полтора года. Вот бумажные души! Ведь все ясно, человек хочет тащить покойников с того света, нет — боятся взять ответственность.

Работал он там под огнем, в госпиталях передней линии. Тьма народа медицинского смотрела и ахала. Объекты: случаи тяжелейших ранений в грудь и живот. Брал он три категории: шок 3-ей степени, агония и клиническая смерть (нет дыхания, сердце молчит, нет рефлексов). Подходил он к столу после того, как нормальные врачи складывали руки и предлагали вытаскивать людей ногами вперед (на кладбище).

— И вот вам результаты, — сказал Неговский, развертывая передо мной рукописную таблицу, разграфленную, как ведомости в ходе хлебозаготовок или смет канцелярских расходов главка. — Из 54 случаев оживления — 22 ожили, но пожив по несколько дней, умерли на операционном столе, 15 выжили (из них 3 погибли потом от воспаления легких) а остальные живы до сих пор и — видимо снова вернутся в строй.

Дальше он начал говорить по таблице: столько-то было агональных, столько-то — клинической смерти, столько-то шок, из них — ранения таки и такие-то, результаты такие-то. Привел по памяти некоторые случаи, фамилии, но за более конкретными данными документального характера просил заехать в лабораторию. Вчера же дал мне только снимок одного покойника

и его письмо из госпиталя. И подарил свою книжку «Восстановление жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или в периоде клинической смерти» — изд. Наркомздрава, 1943.

— Вообще, медицина знает случаи оживления. И некоторые врачи могли бы сказать, что они оживляли сами людей. Очень хорошо, но пусть они ПОВТОРЯТ это. У них были случаи это. У них были случаи, а мы выработали СИСТЕМУ, знаем КАК это делать, чтобы успех был почти наверняка, делаем это НАУЧНО, со зрячими глазами.

— В.А! Если это удавалось вам с тяжелоранеными, что в случаях насильственной или внезапной смерти, когда организм не пострадал, это тоже должно дать эффект?

— Бесспорно. Утопленников, угоревших, случаи паралича сердца, некоторые отравления — оживлять будет очень легко. Большую помощь может оказать наша методика при тяжелых состояниях сердечно-сосудистой системы. Возьмите Серго: он умер потому, что закупорились жизненные каналы крови. Еще бы несколько толчков сердца — и кровь пробила бы себе дорогу, был бы наш простой аппарат — он помог бы сердцу, заменил бы его и жизнь осталась бы. Или возьмите, так называемые, кризисы болезней.: стоит помочь ослабевшему организму — и человек останется жив.

Я ушел от него шальной.

10 мая.

Звонил Неговский. Говорит, что один из его пациентов находится здесь в госпитале. Приглашает съездить к нему. Обязательно надо побывать, расспросить, что он видел на том свете.

Говорил об этом с Ильичевым. Отнесся очень настороженно: боится публиковать.

15 мая.

Леша Коробов побывал за последние три дня у больших людей. Когда-то перед отправкой к партизанам, он был у т. Ворошилова (он в то время возглавлял штаб партизанского движения) и инструктировался на дорогу. Потом, разоблачая «батю», он снова был у него. Потом был, уезжая в прошлом году к Ковпаку. Сейчас он решил снова пойти к нему, т. к. замыслил писать книгу о Ковпаке (он пробыл в его отряде 50 дней).

Ворошилов хорошо принял его, расспрашивал о книге, обещал помощь, потом спросил:

— Слушайте, а вы умеете писать так, как никто из вашей братии не пишет: правду, то, что видите? Кстати, почему в последнее время совсем не видно вашей подписи?

Лешка стал жаловаться на полковника, на загон, затирание, рассказал вообще об обстановке на третьем и четвертом этажах. Ворошилов сразу же свел его с Маленковым. Лешка повторил все Георгию Максимилиановичу, при беседе присутствовали Александров, Федосеев, а затем вызвали и Поспелова.

т. Маленков потребовал снятия полковника, активизации людей, оживления газеты, сделать ее интересной, выходить в срок (официальные материалы можно и нужно откладывать, если они грозят выходу), выращивания имен, сделать так, чтобы члены редколлегии писали в газету, дабы партия их знала.

Позавчера Лешка был у т. Щербакова. Говорил часа два. В числе прочего, рассказывал по его словам, о Леньке, Мартыне, мне. Впрочем, Лешке верить надо очень осторожно: врать любит по-довоенному.

Позавчера Поспелов собрал весь актив. Сообщил о решении Политбюро по 3-му тому «Истории философии» (это решение будет изложено в редакционной статье в ближайшем № «Большевика»). Оказывается, в эти страднейшие дни ЦК нашел необходимым посвятить ТРИ ДНЯ обсуждению этого дела, таково внимание идеологическим вопросам.

Затем Поспелов призвал всех подумать над тем, как сделать газету интересной («чтобы в каждом номере был один-два гвоздевых материала»), как выходить в срок (4–4:30) и т. д. Разошлись, и тут же — в субботу — вышли в 6:00, а вчера — тоже в 6:00.

9-го взят Севастополь. После этого на фронтах снова тихо, «без существенных изменений».

Уже три дня — тепло, солнце. Разом полезла листва. Ходим, наконец, без пальто.

Звонил Кокки: уже две недели работает с 5 ч. утра до ночи, все летает.

23 мая.

На фронтах — тишина. Союзники пару дней назад начали довольно энергичное наступление в Италии, наши иностранцы (Гольденберг) считает его генеральным. («Рим будет взят» — говорит Яша).

В редакции тиховато. Последствий визита Коробова пока не видно. Только секретарь партбюро Ваня Золин вызывает уже третий день подряд народ и опрашивает — что надо делать для улучшения газеты, а попутно неумно и топорно прощупывает настроения о Сиротине. До сей поры он не решается собрать партактив.

В 10:30 вечера я позвонил Кокки.

— Приезжай, если свободен. Потреплемся.

Приехал. Он в трусах. Здоровый, как бык. Маленько порасспрашивал, маленько порассказал. Очень много летал, но зато в кратчайший срок облетал две новых машины Сергея (Лавочкина). Доволен — «Хороши!». Сказал, что на штурмовике недавно таскал тонну.

— Полезного груза?

— Да, коммерческого, — засмеялся он.

Сейчас он много работает в наркомавиапроме: ведает всем летным составом Наркомата. Разработал систему награждения летчиков-испытателей: за столько-то самолетов сданных — такой-то орден, за столько-то — такой и т. д…

Без памяти влюблен в свою дочку. Много времени уделяет своему летному народу — чтобы успели засадить картошку, «лучше работать будут».

Предлагают мне поехать в Баку от эконотдела. С удовольствием поглядел бы тыл. Да боюсь — затаскают потом по тылам, обрадуются.

26 мая.

Лазарев предложил написать мне несколько очерков о войне в болотах. Я узнал, что этим сейчас занимается (изучением и обобщением опыта боев в лесисто-болотистой местности) генерал-лейтенант Тарасов, быв. инспектор физкультурной подготовки РККА, ныне — зам. нач. управления боевой подготовки. Позвонил.

— Я сейчас уезжаю домой, а утром — в командировку. Может быть, домой ко мне?

— Отлично.

Приехал к нему в 11 ч. вечера (вчера). Небольшая квартирка. В кабинете — стол, два шкафа, диванчик, кровать. За стеклом шкафа — портрет мальчишки, веселый, чуть лукавый, лет 18.

— Сын, — сказал генерал, — второй раз в боях. Сначала восемь месяцев, и сейчас — с января. На 1-м Украинском. Дважды награжден. Танкист. Третью машину меняет. Два месяца не писал, сейчас получили.

Я рассказал о теме, он горячо ухватился.

— Форсирование болот — это тоже, что форсирование рек. Водная преграда. Надо брать с хода. Только методы иные. На первом плане — живая сила.

Он долго распространялся на эту тему, говорил о необходимости развивать солдатские навыки по действиям в болотах, приводил аналогию с лыжниками. «Только пишите глухо — я как-то дал статью о лыжниках, а потом ее абзацы читал в германских наставления о подготовке лыжников.»

Затем попросил отметить необходимость выращивания

пластунов. Рассказал, как еще под Белгородом, будучи уполномоченным ставки, с согласия Ватутиным, провели в нескольких частях опыт использования пластунов. И это в плотной обороне! И вот одна группа из 11 человек уползла на три дня. Высокий бурьян — лафа. Вернулись все целы, убили 20 человек.

— У нас, в огне танков, БМ и ЯК-9, забывают, порой, о человеческих усилиях, — сказал я. — Хотя и БМ и Яки созданы для того же: убить врага.

— Верно, — обрадовался генерал точной формулировке.

Уходя, я помянул о футболе. Тут он оживился чрезвычайно и — стоя держал меня еще час. Он совершенно ярый болельщик спорта. Говорил, что когда последний раз ЦДКА проиграл — он неделю чувствовал себя больным.

Вспоминали отдельных спортсменов. Я спросил: помнит ли он, как «Вечерка» несколько лет назад писала о ленинградском рабочем-феномене, работавшим «мостовым краном»?

— Да, мы занимались им. Ничего не вышло. Просто исключительная становая сила. Был еще один такой — узбек Абдурахманов: рост 209 см., вес почти 150, а еле двигал двухпудовку. Бились — и зря. Вот Новак — это да! Свой вес 70, а кидает 150!! Бесспорно, самый сильный человек мира. Сейчас он в СибВО. Там жалуются — ест по три обеда. Ясно, что аппетит есть у такого.

Генерал — высокий, статный. Твердые черты длинного лица, твердые серые глаза. Каштановые волосы на небрежный пробор. Ленточки четырех наград.

30 мая.

После долгих колебаний Ваня Золин и П.Н. решили, наконец, созвать актив. Сначала хотели собрать просто партийное собрание, потом остановились на активе, но с вопросом: как улучшить газету.

Сегодня открылись: редколлегия с активом, тема — обсуждение июньского плана. Стенографисток нет — это первое, что заметил Магид. Вступительное слово сделал ПН, затем Ильичев доложил о плане и, между прочим, сообщил, что намечена некоторая переброска работников, укрепление сети и т. д.

Выступил довольно зло Заславский, горячо Азизян, серо — Толкунов, Кожевников, Потапов, Лидов. Перенесли продолжение на 1 июня. Присутствует зав. отделом печати ЦК Федосеев.

Большие события в кино.

ЦК обсуждал работу кинохроники, признал «Борьбу за Крым» неудовлетворительной, не показан размах и мощь наступления,

нет показа мастерства и отваги бойцов и офицеров.

Рассказывают, что т. Сталин смотрел журнал, посвященный Крыму. Сказал:

— Удивительно, операторы ничего в наступлении, кроме весенней грязи не усмотрели.

Там не было ни действий артиллерии, авиации, танков, не было прорыва Перекопа. Фильм о борьбе за Кавказ забракован.

В связи с этим — большая реорганизация в кинохронике. Директор ее Васильченко — снят, зам. Кацман — тоже, нач. фронтовой хроники Марк Трояновский — тоже (и назначен нач. фронтовой бригады), состав кинооператоров перешерстен. Руководителем кинохроники назначен реж. Герасимов, привлечен в нее Пудовкин и другие режиссеры.

Вадим Кожевников сейчас работает над новым вариантом фильма «Борьба за Крым». Рассказывает, что режиссера фильма т. Сталин вызывал и полтора часа говорил, что и как надо снять и показать.

2 июня.

Актив продолжается. Вчера и сегодня заседали и будем заседать еще завтра. Вчера выступили Гершберг (об организационной немощи), Шишмарев (о местной сети), Обедков (о вражде старых и новых), Пишенина (об экономотделе), Хандрос (о культуре работы).

Сегодня выступили Кононенко (хвалила Ильичева и ругала Рыклина), Рябов (исковеркал сельхозотдел), Лукин (защищал литотдел), Корнблюм (частные замечания), Волчанская (не осталось в памяти), Шур (внимание политработе в армии), Парфенов (кадры, письма). Говорил и я: покрыл Обедкова, о расширении тематики, об изношенности сил и лечении оных у людей.

Завтра будут, видимо, выступать члены.

Позавчера состоялось решение ЦК о снятии Лазарева и назначении зав. военным отделом и членом редколлегии генерал-майора Галактионова. Лазарев убит. Что причиной — никто ему не говорит, что дальше делать — он сам не знает. Мне его по-человечески жаль.

Магид роет землю. Позавчера он был у Щербакова. Говорил с ним около двух часов. Сказал о недостатках. Говорил в Сеньке (Гершберге — «и.о.»), предлагал сделать его секретарем. Смешал с говном кое-кого. Говорил в Ваньке («убожество»). Сегодня был у Александрова, говорил о том же.

3 июня.

Актив закончился. Члены не выступили. Короткую неуверенную речь держал Золин. Затем на 1 ч.10 мин. выступил

редактор. И закрыли.

Все осталось — как было.

Все время стоит холодная погода. Когда же лето?

6 июня.

Сегодня на рассвете союзники начали второй фронт!

Прослышав об этом, мы немедля собрались в редакцию. Ажиотаж прямо. Все телефоны звонят, со всех заводов спрашивают — верно ли?

Подробности пока: между Шербуром и Гавром, 4000 судов, 11000 самолетов, потери минимальные, особого сопротивления нет, «атлантического вала» нет, за линией береговых немцев высажены воздушные десанты в размере нескольких дивизий.

Дня за два до этого американцы, ссылаясь на Лондонское радио, опубликовали сообщения о втором фронте. Через два часа дали английское опровержение. Мол, неопытный диктор тренировался и по ошибке передал в эфир не то. Гм…

9 июня.

Дела у союзников развертываются «планомерно», но особых результатов пока не видно. За четыре дня занят лишь одни населенный пункт. Всех занимает вопрос: когда начнем мы. Все высказывают различные предположения. Магид с Скопина считают, что скоро.

Галактионов провел совещания замов. Обязанности первого зама («по всем вопросам») возложены на Золина. Что будут делать остальные — неясно. Сегодня говорил с Ильичевым, сказал, что недоумеваю: кто же я: зам или разъездной военный корреспондент. Собеседник лавировал и успокаивал.

Сегодня в 2 ч. ночи (на 10 июня) я, Ильичев, Лукин и Галактионов поехали смотреть опытную демонстрацию второй программы стереокино (авторство Иванова). Сложнейший экран: чугунная станина, на ней натянуто 36000 проволочек, за ними — экран из искусственного жемчуга. При демонстрации на экране бесчисленные световые полоски, поэтому голову надо ворочать так, чтобы их было как можно меньше. Показывали две картины: «Ленинград после немцев» и детский лагерь (елка в Колонном зале). Особого эффекта не видно. Разница с обычным кино (за исключением нескольких кадров) почти незаметна. Страшно утомляются глаза. Народу было 20–30 человек.

Сегодня говорил с генерал-лейтенантом Журавлевым, уговаривал написать статью — военный обзор о действиях авиации союзников. Не хочет:

— О чем писать? Если говорить всерьез, то первые дни вторжения, а особенно воздушная подготовка к ним, показали, что авиация решающего значения в войне не имеет. Если бы

имела — союзники были бы уже у Парижа. Вы поймите только: 11000 самолетов, 30000 вылетов за два дня. И что же? Ничего. Не заставляйте меня комментировать уже скомпрометированную мощь авиации. Бомбардировщики могут разбомбить город, но даже не испугают войска. Вот истребители у них хорошо работают. Смотрите — немцы не бомбят море. Боятся лезть. Затем хорошо сработаны воздушные десанты, значение которых скажется позднее. Естественно так же, что наличие в воздухе таких мощных стай стесняет передвижения и маневр противника. Но бомбардировщики себя не оправдали. Хотите искренно: союзникам не хватает штурмовиков. ИЛ-2 — прекрасная машина. Она создала целую эпоху и буквально искореняют фрицев. Будь у союзников ИЛ-2- мы бы с вами через неделю дали обзор о занятии Парижа. Они бы рассеяли все танки немцев и истребили пехоту.

13 июня.

Сегодня говорил с Ильюшиным. Очень обрадовался звонку. Напомнил, как года два назад в фойе цирка мы говорили с ним об одной машине — ястребке, а сейчас она уже готова. Рассказал, что нет данных о боевом применении авиации союзников (сейчас я написал обо этом докладную).

— А на одних технических данных далеко не уедет конструктор. Данные одно, а практика — другое. Вот у «У-2» и данных нет, а работает чудно, а у «Харриера» все данные отличные — а машина же говно.

Поэтому писать статью об авиации союзников (технический обзор) он отказался, и предложил другую тему — о действиях ИЛ-4 (дальних бомбардировщиках и торпедоносцах). Я обещал поговорить с Галактионовым и Поспеловым.

Звонил Шпитальному, предложил написать статью о прогрессе авиационного оружия. Охотна согласился.

Позавчера днем было совещание отдела. Присутствовали: Галактионов, Золин, Яхлаков, Иванов, Горбатов, Первомайский, Кожевников, Брагин, Курганов, Шур, Толкунов, Куприн, Устинов, Струнников, Коротков, Коршунов. Выступали почти все. Писатели требовали эмансипации, возможности работать для страны, а не только газеты, для себя, все требовали индивидуального подхода.

— В госпитале я лежал вместе со старшим сержантом командиром автоматчиков, — сказал Курганов. — Он мне рассказывал, что такого-то бойца нельзя послать в степь, т. к. он лесник, а такой-то рыбак — и чудно действует на реках и озерах. И я подумал, как бы завести такого старшего сержанта у нас. Мы в нашей газете слишком по-военному подходим к людям, а вот военная газета «Красная Звезда» подходит к ним по-газетному.

Все говорили о лжеоперативности, о погоне в ногу за

сводкой. Все, и генерал, согласились, что это ни к чему. В заключительном слове генерал говорил о качествах военного журналиста:

— Талант или высокая квалификация + огромный запас знаний + опыт + умение предвидеть ход событий.

А вечером пришло сообщения о прорыве на Карельском перешейке и я срочно добывал из Ленинграда материал к сводке.

Погода, вроде, установилась. Тепло. Даже жарко.

Написал сегодня очерк «Угол — 60°» — о пикировщиках. К нам.

21 июня.

Наступление союзников развивается медленно, но успешно. Перерезали п/о Кантонен, подошли к Шербуру. У немцев что-то нет пехоты там — одни танковые дивизии. Странно. Генерал Галактионов ночью мне сказал, что у них нет резервов — не думаю. Он считает вообще положение союзников крайне рискованным — узкая ленточка, легко смять танками, спасает только флот, подходит к берегу и лупит из пушек. Хотя тут же добавляет, что Гитлер не будет сбрасывать англичан в море, иначе будут говорить: Красная армия сильнее, ибо с ней он не может справиться. Забавная история.

Наше наступление на Карельском перешейке идет успешно. Вчера взяли Выборг. Объявили об этом в 12:15 ночи, в 0:30, в дождь, был салют. Большой, областной, 20 залпов.

На перешейке вчера, в Терриоках, был легко ранен в голову наш Ганичев (Гольдман). Бомбежка и обстрел из пулеметов с воздуха. Машину сожгли. Вечером говорили с ним по телефону, храбрится.

Ночью звонил Белогорский — говорит у них контужен там Жена Кригер. Всего три дня назад звонил он мне — не иду ли на футбол на «Динамо».

Сегодня — партсобрание, отчет о работе Полевого и Курганова. Любопытное сопоставление.

25 июня.

Эти дня в редакции траур. Днем 22-го получили телеграмму:

«В ночь с 21 на 22 июня на месте командировки бомбой убиты ваши корреспонденты Лидов и Струнников, и корреспондент „Известий“ Кузнецов. Похороны устраиваются на месте. Прошу сообщить Ровинскому. Полковник Денисов».

Утром 22-го они вылетели на базу «летающих крепостей», а ночью были убиты. Денисов — корр. «Красной Звезды».

Страшно. Меня эта весть поразила почему-то больше, чем известие о гибели Калашникова. Еле сдерживал слезы. Как раз накануне веером оба были у меня. Лидов приглашал меня лететь

с ним, потом стал звонить Хвату чувствовалось, что не хотелось одному. Говорили о работе, о девушках, он любил обе эти темы. Вообще, любил поговорить с друзьями. В последнее время он готовился к работе на западе, изучал французский, давался он ему легко.

Струнников показывал снимки приема в особняке НКИД. Молотов, Микоян, Вышинский, Лозовский — прямо живые, свежо и непосредственно.

И вот… Ровно трехлетие войны. Петя начал ее в первый день в Минске и тоже бомбежкой. Помню, дня через два-три приехал с семьей в Москву, бросив в Минске все имущество (он был там нашим корреспондентом). Домрачев собрал нас — актив коммунистов — и Петя рассказывал, что такое бомбежка («может быть и вам придется испытать — вот, знайте, что это такое»). Он рассказывал, как отправил семью в убежище, а сам остался в комнате и почему-то лег на кровать, лицом к стене. Потом, в паузу, сошел вниз, там паника — он начал шутить, чтобы успокоить. Затем подошла машина, и он, не теряя времени, сел с семьей и уехал, не поднявшись даже в квартиру — третий этаж — безо всего, и даже паспорта остались в ящичке тумбочки.

Много мы провели вместе. Московские дни 1941 г. Петька держал место в своей машине для меня или Сеньки, если придется давать ходу.

В 1942 г. весной он мне сказал: «Не переживу, наверное, этого лета. Война пошла на убой». В прошлом году мы встретились с ним под Киевом. Хорошо жили, дружно.

А Сережа… Написал я вчера некролог о нем. Теплый, как мог.

Мы послали позавчера на место Яхлакова и Кирюшкина. Вчера они вернулись. Кирюшкин рассказывает, что была интенсивная бомбежка. Ребята — в укрытие. Когда первая волна прошла — встали и пошли. Бомба — и все. Похоронили вчера в Полтаве. Был весь город, десятки венков. Торжественно, но что им это! Бомба — 500-ка! Лидова убило взрывной волной, Струнникову вырвало спину, а от Кузнецова в гроб положили одну ногу. Ужасно!!

2 июля.

Наступление развивается вовсю. За эти дни взят Могилев, Жлобин, Витебск, Бобруйск, Борисов, Слуцк, Полоцк, Петрозаводск. В день иной раз забирают по 1200 пунктов. Немец драпает, но не успевает: под Витебском и Бобруйском окружили и кокнули по 5 дивизий.

Позавчера нас торжественно собрали в конференцзале «Комсомолки» и вручили медали «За оборону Москвы». Очень приятная медаль, гордая! Получили я, Гершберг, Лазарев,

Парфенов, Хавинсон, Шишмарев, Штейнгарц, Заславский, от издательства — Ревин, секр. парткома Аронова и мастер наборочного Попов. Ильичев и Поспелов идут по списку ЦК. Это пока 1-ая очередь: на район дали 150 мест, на всю Москву отчеканили пока 3000 медалей. Вручал зам. пред. Моссовета Майоров.

Дня 3–4 назад долго говорил с Поспеловым о положении в отделе и положении со мной. Он, конечно, успокаивал, говорил, что не знал, что редакция очень ценит, что «московские дни накладывают такие узы, которые нельзя забывать», что будет во всем советоваться лично со мной, что зря я не обратился к нему сразу и т. п.

Золин сказал, что дней 10 назад послано на меня представление на 1-ый Украинский фронт.

Приехал из Киева Леша Коробов. Ездил делать статью дважды Героя Ковпака. Тот месяц был в командировке. Чтобы «не скучать» — Лешка смотался на 20 дней в тыл к немцам к партизанам. Молодец, как на дачу!

Вчера у меня сидел два часа летчик-испытатель Юганов. Хорош! Буду писать о нем. Усиленно зовет к нему домой, видимо, понравились взаимно.

Галактионов жмет на меня со статьями — заказываю их без конца.

Позавчера перевезли Абрама на дачу в Серебряный Бор. Положение его по-прежнему плохо.

4 июля.

Сегодня был бурный газетный день. Вчера взяли Минск, но мы не работали (понедельник). А давать-то сегодня надо. Позавчера еще договорились о самолете начерно, вчера — набело. Решил лететь Ваня Золин, но надо же кому-то и писать? Искали вчера вечером меня — я был в театре. Вызвали Мартына Мержанова из дома отдыха — он там лечился. Сегодня в 4 утра улетели плюс фотограф Коротков. Летели на Як-6, с посадками. В Борисове сели на полу-разминированный аэродром — в это утро там сняли 740 мин. В Минске садились на вообще непроверенный аэродром. Город по их словам разбит в дым, уцелели домишки только на окраинах. Жителей очень мало.

Прилетели обратно в 10 ч. вечера, пока добрались — полночь, пока Мартын написал — 3 ч. утра.

Сегодня же взяли и Полоцк. Материал о нем передал Павел Кузнецов. За день туда был послан фотограф Яша Рюмкин. Его вообще гоняем сейчас по спецзаданиям. Послали на Карельский — через день вернулся на самолете со снимками. Послали на Витебск — есть. А тут — ни слуху, ни духу.

В 12:40 звонок — «Ваш корр. Рюмкин просит сообщить, что вынужденная посадка под Москвой. Пришлите машину.»

Оказалось, вылетел на «У-2» в 7:30 вечера с посадками. В 12:30 мотались, мотались, Москва не принимает, бензина нет, сели в поле. «Вот попотел от страха». Добрался к трем, проявили, напечатали, и…не влезло. Вот, цена кадра!

Кончили в 7:30 утра.

20 июля.

В редакции — ничего нового. Несколько дней назад в КПК состоялось первое заседание по делу Магида. Поспелов произнес Магиду хвалу, назвал Ларионова клеветником. (Это — со слов Магида!).

На войне — бурное оживление. Постепенно вошли в строй и новые фронты: 2-ой Прибалтийский, 1-ый Украинский, 3-ий Прибалтийский. Жмем всюду. Очевидно, очень скоро вся советская земля будет чистой. Вот тогда начнется драка, ух!

Приехал Сашка Шумаков. Живет у нас. Такой же, как и был.

28 июля.

Сегодня у нас идет статья конструктора Лавочкина «Конструктор и завод». Он продиктовал Магиду стенограмму, затем за нее сел Гершберг и написал статью. 23 июля Лавочкин послал статью т. Сталину, а вчера она вернулась с надписью «т. Поспелову. Опубликовать. А. Поскребышев».

Но так как там упоминается и т. Маленков, то Поспелов решил ее показать и Маленкову. Послали. Маленков тоже оставил без замечаний все (т. Сталин не изменил ни одного слова), но решил убрать в конце свою реплику: «Он (Лавочкин) не хочет портить свою машину» (поэтому, де, не соглашается увеличить дальность). Маленков позвонил об этом Сталину. Сталин сказал: «Только с согласия автора».

Вот отношение к автору! Нам бы такое!

Сейчас читал стенограмму. Помимо идущего в печать там есть несколько очень интересных моментов:

«Товарищ Сталин внимательно следит за серийной техникой, за эксплуатацией и очень часто спрашивает у конструкторов: почему появились такие-то недочеты, откуда они, старается подсказать, что нужно их свести к минимуму. В начале войны выяснилось, что наши машины у земли летают плохо, „ноги“ не убираются и т. д. т. Сталин вызвал меня, я открыл дверь, вхожу:

— Слушайте, почему у вас „капоты“? Нельзя ли додумать так, чтобы это не происходило?»

«Сделал я машину, а завод не дотянул ее в производстве. Данные были ниже расчетных. Вызвал меня т. Сталин, встретил нас (меня, Маленкова, Шакурина) полушутливо:

— Ну что мне делать с вами, конструкторами? Как вас научить? Вы делаете новые вещи, изобретаете, все это нужно, хорошо. Но надо делать, чтобы это было жизненно. Почему ваш самолет не имеет расчетной скорости, почему он не дает опытных данных?»

29 июля.

Наступление развивается темпами совершенно сказочными. Взяты Брест, Белосток, Львов, Перемышль, Двинск, Митава, Резекне, началось наступление на Каунас. Тут дело не только и не столько в отступлении немцев, но в том, что они ничего не могут сделать. Их генералы, видимо, растерялись, мы их переиграли. Этим, видимо, и объясняется попытка генеральского путча и покушения на Гитлера 20 июля.

Сегодня видел Илью Мазурука. Он рассказывает, что два года был на перегонной линии. Проходит у черта на куличиках, через Оймякон. Вот, где лежит будущая (собственно — уже настоящая) трасса воздушной связи СССР-США. Гонят всё — шестерки «Бостон», «Си-47», «Кобру». Вырабатывают 35 часов, а ресурс — 400. Чудно!

— Американцы пишут о воздушной линии?

— Еще как.

— А Японцы знают?

— Еще бы. Мы же в воздухе гогочем, как гуси. Слушают вовсю.

Говорил с полярниками. Навигация нынче очень тяжелая. Много льда.

Иосиф Верховцев рассказал забавную историю. Его дядя Соломон Абрамович Пекер не смог вовремя в 1941 г. удрать из Киева. Ему — 55 лет. Его жена украинка, партизанка — приютила его у какой-то знакомой на Куреневке и еще 26 евреев. Достала им паспорта. Ему был паспорт монаха. Он отрастил бороду, стоял на паперти с кружкой. В эту кружку опускали записки — партизанская почта. Готовый фильм! Все остались живы.

Сегодня у Зины была ее подруга Полина, стенографистка. Рассказал трагическую историю. Была у нее ученица 39–40 лет, Морозова, кажется. Очень способная машинистка. Где-то у Марьиной рощи ехала в час ночи в трамвае. Стояла на передней площадке. Мальчишка хотел спрыгнуть на ходу и нечаянно столкнул ее. Упала под вагон, отрезала обе ноги.

Трамвай ушел. Лежит. Ни души. Подошла какая-то женщина. «Гражданка, вам ноги все равно отрезало, разрешите взять ваши туфли, они вам больше не нужны!» И снова никого. Появился, наконец, военный. Подошел, нагнулся, ахнул. Сорвал у нее с шеи шарф («я думала — задавит»), перетянул ноги, вызвал скорую

помощь. Доставили к Склифосовскому, на стол.

Работала она, кажется, в Наркомате стройматериалов. Тот немедля вызвал из провинции ее сестру, дал ей пропуск. Сейчас Морозова печатает от Наркомата на дому, а сестра носит ей работу. Человечески.

30 июля.

Позавчера взят Перемышль. Сегодня прилетел с 1-го Украинского фронта кинооператор Ник. Вихирев. Звонил мне с аэродрома:

— Привез вам снимки — снимал Перемышль с воздуха. Должно получится хорошо. Когда перезаряжал кассету — налетел «Мессер». Срезал хвост у нашего «У-2». Сразу встали на нос. По счастью, внизу — река. Плюнулись в нее. Пилот довольно сильно ушибся, а я отделался царапинами.

Послал машину за пленкой.

8 августа.

Наступление продолжается, но значительно меньшими темпами. Сопротивление немцев очень усилилось. Достаточно сказать, что за последние дни подбиваем по 120–160 танков, до 120 самолетов.

Дней десять назад на 1-ый Белорусский фронт вылетали наши ребята Золин и фотограф Рюмкин. — брать Варшаву. два дня назад Золин вернулся. Пока Варшавы не видать. Идут тяжелейшие бои в 10–15 км от города. Таково же положение и на подступах к Восточной Пруссии — стоим в 10–12 км. от границы (с Каунаса) и не двигаемся. Немцы перекинули на наш фронт уже 16 дивизий и бригад с запада. Вот так второй фронт! Правда, за последние дни американцы немного зашевелились там, как пишут сами корреспонденты, без сопротивления, «иногда идем ЧАСАМИ (!) без выстрела».

С Золиным прилетел Яша Макаренко. Рассказывает, что поляки встречают довольно радушно, или точнее — довольно равнодушно. Села — полным полны, людей — море, мужчины — на каждом шагу, хлеба вволю, скота — много, деревни чистенькие, девушки пахучие, изумительные — но держатся строго.

Сегодня прилетел с 1-го Белорусского Яша Рюмкин. Он снимал лагерь смерти, устроенный немцами в Майданеке — предместье Люблина. Это было чудовищное место. Яша сидел у меня и взволнованно рассказывал:

— Константиныч, я много видал страстей, но такого не видел. Была устроена баня — люди раздевались, входили мыться, а в мыльню напускался по особым трубам газ и люди дурели, становились безвольными. Их выводили и сжигали живьем в

громадных каменных печах, устроенных, как пароходные топки. Пепел укупоривали в глиняные горшки и продавали на удобрения. Одежду продавали и распределяли. Свозили туда людей отовсюду — русских, поляков, чехов, французов, норвежцев. Говорят, там погибли миллионы!

Яша показывал мне снимки. Жуть!

Топки, как хлебопекарные печи, в каждой печи — несколько топок. Склады снятого с жертв имущества. Фотокарточки из ограбленных бумажников — детишки. Горы обуви — дамские туфли, детские крошечные башмачки («это страшно, Константиныч, физически ощущаешь, что все это было на детях»). Трупы, которых не успели сжечь. Инвалиды, которых не успели сжечь. Ужас!

Сейчас там работает чрезвычайная комиссия.

18 августа.

Никак руки не доходят до записей.

В субботу, 12-го, я дежурил. В 4 ч. утра звонит мне Галактионов и просит зайти к нему.

— Вы могли бы полететь в 6 ч. на фронт, сделать статью маршала Новиков ко Дню Авиации?

— Могу, конечно.

Кончили номер, заехал домой, переоделся, позавтракал, поехал на аэродром.

Летел вместе с членом Военного Совета ВВС генерал-полковником Николаем Сергеевичем Шимановым: высокий, несколько тучноватый, с темными волосами, широким лицом. Очень приятный и простой в обиходе. Кроме того, летели: жена Новикова Елизавета Федоровна, молодая, приятная, простая, дочь от первой жены Светлана 15–16 лет, сын от первой жены — Лева, лет 20, студент дипломатического факультета, и сын члена Военного Совета 1-го Белорусского фронта — лейтенант Телегин, только что окончивший летную школу и отправляющийся на боевую стажировку. Пилотировал — генерал-майор Грачев, здоровенный, тучный, очень приятный летчик.

Машина — отличная (И-47). Кожаные кресла, отличная изоляция, радио, патефон. Сын Телегина летел с баяном, играл. Играл и Шиманов, потом он решил играть на баяне, как на рояле, положил его плашмя, мы держали и растягивали меха, а он перебирал клавиатуру.

Затем играли в «козла» — карточного, и Шиманов подбивал даже на «очко» Слушали патефон.

Погода была превосходной. Долетели до Сарн, взяли прикрытие и через час были на месте — под Люблиным, недалеко от Вислы. Летели всего около 5.5 часов.

Встретил нас генерал какой-то, усадил в «Виллис».

— А самолет надо отогнать на другой аэродром, километров за 60–70. там будет безопаснее, — сказал он.

Поехали. Чистенькое шоссе. По бокам — польские деревни, аккуратные домики с палисадниками, женщины, одетые так, как у нас в городе, цветники, костелы.

Приехали на место. Новиков жил в помещичьем имении, небольшой двухэтажный дом, немного похуже шмурловского, небольшой парк вокруг, сам помещик умер когда-то, а помещицу немцы увезли в Варшаву зато, что она не разрешала им ловить рыбу в своих прудах.

Еще дорогой Шиманов показал мне наброски заготовленной статьи. Я забраковал их и сказал, что все надо делать заново.

— Но успеете ли? Завтра надо обязательно вылететь обратно.

— Чай и машинистку, — ответил я. — Успею.

Сразу по прилете я встретил генерал-лейтенанта Полынина Федора Петровича, командующего 6-ой воздушной армией. Когда-то, в 1936-38 году, я много сидел с ним и писал «записки китайского летчика» — он был в Китае, летал на Формозу, потопил японский авианосец в из главной реке (забыл ее название). Мы долго тогда думали, как подписать статью и решили поставить подпись «генерал Фынь-По». После Полынину дали звание Героя, я приехал, сообщил ему об этом, он был растроган. За время войны я его не видел, но часто получал от него приветы. Сейчас я напомнил ему о подписи.

— Да, — засмеялся он, — оказались пророками, стал генералом.

Спустя часа два Новиков позвал меня. Мы сели за маленьким столиком втроем (плюс Шиманов), он потребовал пива (мы привезли с собой ящик), и начали дело. Новиков был в генеральских брюках и в нижней белой рубашке, коротко-стриженный, невысокий, плотный, с энергичным лицом, негромким спокойным голосом.

Я сказал, что ждем от статьи. Выступает впервые за войну, нужны принципиальные положения, скромные — но увесистые выводы, нужно показать, как руководил всем Сталин. Он согласился. Мы говорили около двух часов, я записывал все, что он говорил — см. коричневый блокнот — и первый вариант его статьи.

Я бы просил вас не улетать завтра, — сказал он. — Еще раз утрясем, подумаем. А я вас как-нибудь доставлю.

В разговоре чувствовалось, что он хорошо знает дело, хорошо знает полки, историю русской авиации (на следующий день он рассказывал со всем подробностями историю о том, как в первую

мировую войну один летчик бросил в беде другого, речь шла о летчике, кажется, Желубинском, кинувшем Павлова впоследствии начальник воздуха; он разбился, кажется, в 1926 году).

Я вызвал машинистку, продумал план и часов в 10 сел за работу. Диктовал до трех. Новиков и Шиманов несколько раз подходили, спрашивали — не устал ли я. Новиков принес нам по чашечке пива. Потом подошел опять:

— Не знаю, Огнев, имени и отчества. Кончите — в столовой для вас и партнерши готов ужин.

Вино, помидоры, огурцы, паюсная икра, сыр, колбаса, холодный жареный карп (из здешних прудов), первое, второе.

Шиманов предложил спать в отведенной для него комнате. Перед сном прочел статью, одобрил ее и приказал положить у изголовья уже уснувшего маршала. Легли мы что-то около четырех.

Утром я проснулся часиков в 10. Маршал спит, Шиманова нет. Где? Оказывается, встал часов в 6–7 и отправился бродить с двустволкой по прудам — тут тьма уток. Но зарядов всего было 8. Трех уток подранил, но не нашли.

Новиков, проснувшись, сразу прочел статью. Понравилась. Мы сели на ступеньки крыльца, и он попросил сделать только две вещи: немного убавить ссылки на Хозяина («слишком много — не пропустит») и убрать речь от первого лица.

— Это нескромно. У нас не принято.

Шла суета, полковники готовили горы указов и приказов ко Дню Авиации, зло поглядывали на меня, но мы продолжали беседовать, снимались. Я попросил его пожелание к передовой — он высказал.

Речь зашла о таране. Я высказался против. Новиков и Шиманов поддержали.

— Это от неумения стрелять, — сказал Шиманов.

— Да, — согласился Новиков. — Но иногда таран оправдан: если доверен важный объект.

Очень налегал на искусство маскироваться облачностью, солнцем.

— Вот иногда говорим, немец вывалился из облаков. Это значит — умел маскироваться. Так и мы должны.

— Всегда ли нужно лезть в драку? — спросил я. — Два против пятнадцати и т. п.

— Чепуха, — ответил он. — Есть храбрость разумная и безрассудная. Никакого позора нет при неравных силах уйти. Какой прок быть сбитым.

— А летать можно всегда?

— Нет. Против метеорологии не попрешь. Можно летать

вслепую, но нельзя драться вслепую. И мы сейчас в наставлении прямо записываем, что существует нелетная погода.

— Я думаю, что пора драться не только умением, но и числом.

— Правильно. И если сейчас бывает так, что наших меньше, это большей частью объясняется тем, что командир не умеет наращивать силы.

— Какой лучший истребитель?

— Ла-7. Вот вы расхвалили Як-3, а это переходная машина, и огонь у нее мал.

Вечером смотрели кино: картину «Всадники». Новиков посадил меня рядом, фыркал, ругался и, наконец, после 5-ой части встал.

— Что за картина, которая не захватывает, не переживаешь. Почему все орут, почему приказания отдаются ревом? Почему немцы по шоссе идут парадным шагом с барабаном? Чушь!

До этого ездили ловить рыбу неводом. Здесь в прудах разводится карп. Пять прудов дают до 80 тн. рыбы. Мы завели невод и поймали щук 30, по полкило каждая. Новиков очень переживал ловлю. Потом собрались крестьяне и он с Шимановым час проговорил с ними о польском комитете. Они знают и комитет, и Моравского, и Василевскую, но высказываются осторожно.

Шиманов тоже остался ночевать. Решили лететь утром, в шесть. Сели все завтракать.

— Что будете пить? Коньяк, цинандали, водку?

— Коньяк, — ответил я.

— Правильно.

Мы с ним пили коньяк, он разливал, Шиманов — вино, закусывали помидорами, карпом.

— Хорошая рыба, только утомительно есть, — сказал Новиков. — Мяса я ем мало, а вот молоко и — особенно — простоквашу люблю. На этом деле пострадал однажды. Съел в нашей военсоветовской столовой простокваши, и свезли в Кремлевку — отравился. Несколько дней температура выше 40. Страшные боли. Два раза в день докладывали Сталину о здоровье. Когда температура спала, он позвонил: «Вы государственный преступник! Кто вам позволил есть всякую чепуху, что попало? Я, что ли, должен следить за вашим питанием?!»

— Часто вам приходится бывать у него?

— Я все больше на фронте. А когда в Москве — иногда по несколько раз в день вызывает или звонит. И когда только успевает.

Проводил он нас на аэродром. Попросил снять на прощание. Тепло попрощались, улетели. Спали всю дорогу. Шиманов взял с собой собачку на дачу: всю дорогу блевала.

Да, когда я там был, Новиков вызвал к себе командира одного истребительного полка подполковника Ковалева. Он посадил его у Вислы прикрывать наши войска на Сандомирском плацдарме. Держал на приеме полтора часа. Вышел бледный.

— Что?

— Обещал голову снять. Немцы, говорит, летают, а вы хлопаете. Да в рапортах орете — не принимают боя, бегут. А они бомбят, понимаете, наших бомбят.

— Голос повышал?

— Нет. Это-то всего хуже!

Видел там командующего 16-ой воздушной армией генерал-полковника Руденко. Встретились приветливо. Вспомнили встречи:

— Ну вы, Огнев, всегда у нас перед большими прыжками бываете. Были под Курском, под Днепром, сейчас у Вислы. Приезжайте в Варшаву.

— А обратно отправите?

— Двумя самолетами, если одного мало.

22 августа.

Отвели, наконец, День Авиации. Празднование его ЦК перенес с 18-го на 20-ое, причем решилось это вечером 17-го. Яковлев рассказывал мне, что собрались у т. Маленкова, затем пошли к т. Сталину, «предложили одно мероприятие» и он сказал, что надо тогда сделать 20.08. В тот же день в газетах было опубликовано сообщение о том, что СНК СССР постановил перенести празднование на 20-ое, на воскресение.

Я думаю, что это «мероприятие» — пролет самолетов, который был устроен 20-го. Летало немного — несколько девяток. (Точное число указано в копии моего отчета). Хотели устроить настоящий парад воздушный, но, как передают, Сталин сказал, что нельзя снимать авиацию с фронта.

Мороки у нас было много. Главную ставку мы делали, естественно, на статью Новикова. 17-го я узнал, что он прилетел в Москву. Позвонил ему. Он очень дружески приветствовал меня:

— Как статья?

— Маленков смотрел, ободрил, но сказал, что надо показать самому.

Вечером 19-го выяснилось, что статья не пойдет — Сталину некогда было ее просмотреть. Я позвонил Шиманову.

— Вы нас подводите!

— Что же я могу сделать? Некогда ему читать — другие дела.

Но ты не отчаивайся, через несколько дней ее дадим.

— Дорого яичко ко Христову дню.

— Такое яичко всегда дорого.

Но выручили указы. Пришло постановление СНК о присвоении звания Главного маршала авиации Голованову и маршалов авиации заместителям Новикова — Ворожиткину, Фалееву, Худякову и замам Голованова — Скрипко и Астахову, тьма указов о награждении, о Героях, о присвоении трижды Героя Покрышкину. Я написал передовую, мы дали очерк Рыбака о Покрышкине, очерк Заславского о конструкторах, указы — вот и вся газета.

Часиков в 12 я позвонил Голованову.

— Поздравляю, Главный маршал.

— Вы шутите, Бронтман?

— Серьезно.

— Вот тут у меня маршал Астахов, маршал Скрипко, генерал-полковник Гурьянов (его член Военсовета, совсем недавно генерал-майор). Даю Астахова скажите ему.

Подошел Астахов.

— Здравствуйте, т. Бронтман. Спасибо за поздравления. А с чем поздравить Голованова? Ах, вот как! А то он нас поздравляет, а про себя не говорит.

— С вас магарыч, т. маршал.

— Хотите авиабензином? Или, может быть, смазочными?

В воскресенье проснулся в 4. Чудный, ясный день. Выпил чаю, побрился. В 5 ч. послушал салют в честь Дня Авиации — по приказу т. Сталина били 20 залпов из 224 орудий. Приехали кузины Витя и Дэлка. Только расселись, звонок. Звонит пом. редактора Петепухов.

— Лазарь? Звонил Поспелов с дачи. Едет в редакцию. Просил тебя немедленно разыскать. Оказывается, в 5 ч. были на Красной Площади т. Сталин и другие. Знаешь?

Вот так так! Я позвонил Кокки.

— Ничего не знаю.

— Тебя поздравить? (мы получили Указ о награждении летчиков-испытателей. Орденом Отечественной войны 1-ой степени Владимира, Красного Знамени — Валентина и Костю. Всю семью!)

— Немножко.

— Что ты с ними делаешь (с орденами)?

— Вешаю в шкаф. Заходи, что давно не был?

Позвонил Ляпидевскому. Ничего не знает. Приехал в редакцию. Магид звонил Новикову — тот тоже ничего не знает.

И вдруг узнаю, что секретарь нашего литотдела Польская

была на площади. К ней. Действительно. Ехала он на работу. В 4:45, будучи на площади Революции, услышала по радио, что будет салют. Так как никогда не видела пальбы с Красной Площади, то решила посмотреть оттуда. Прошла к углу Исторического музея и ждет. Вдруг видит, что все бегут к центру площади. Пробегает мимо мужчина и говорит: «Что вы стоите, там Сталин!» Побежала. И верно. На правой площадке Сталин, Молотов, Микоян, Маленков и другие. Сталин в шинели, с погонами, в фуражке, очень хорошо выглядит, все время улыбался, шутил. Рядом с ним стоял кто-то усатый, и он обращался к нему, смеялся, разговаривал с ним. Народ подошел к самой решетке, кричал. Ребятишки влезли на ступени мавзолея. Стали махал на приветствия рукой, аплодировал, высоко, по обыкновению, подняв руки. Когда пролетели самолеты, и кончился салют, сошел, и все ушли в заднюю калитку. Было просто, тепло и интимно. Никакой охраны.

Приехал Поспелов. Сразу позвонил Жданову. Тот сказал, что обедали, потом решили пройти на площадь и посмотреть салют. Были Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Жданов, Щербаков, Микоян. Надо написать.

В это время позвонил Щербаков. Спросил, знаем ли мы? Да. Сможем ли быстро написать, часам к 9? Да, некоторые наши товарищи были.

— А снимок?

— Нет, не снимали.

— Прохлопали. Эх, вы!

Поспелов извинился. Проверил у присутствующих. Обещал к 9 прислать отчет.

Начали искать снимок. Оказывает, как на грех, никто из фотографов Москвы не снимал салют на площади. Может быть, из москвичей кто-нибудь снял? В таком случае его обязательно должны замести. Я позвонил начальнику московской городской милиции. Нет, не замели, был честный народ. Тьфу-ты!

Сел писать. Написал 200 строк. Собрался с Магидом ехать на вечер ВВС в ЦДКА. И банкет после. Но Ильичев предложил писать в номер передовую: «Неудобно, раз так — давать гражданскую. Напиши — о мужестве и героизме бойцов, особенно летчиков». С горя пошел обедать домой. Только сел — звонок Поспелова.

— Лазарь Константинович, немедленно приходите. Отчет нужно в корне переделать.

Проглотил харч, иду в редакцию.

Отчет вернулся из Кремля.

— Надо убрать все о пребывании т. Сталина на площади. Не делать ее центром. Убрать название самолета Ла-7. Убрать

количество пролетевших самолетов.

Было уже 11:30 вечера. Сел работать. К двум часам ночи сдал и передовую и отчет. Газета вышла в 4:30, на полчаса позже срока. Да, я забыл записать, что недели полторы назад позвонил Маленков и очень строго предложил выходить вовремя и прекратить опоздания.

— Когда у вас срок?

— В 4 часа, — ответил Поспелов, впопыхах забыв, что в 4:30.

— Так вот, в 4 и выходите.

И вот уже дней десять выходим в 4–4:30.

А прокол с отчетом понятен. Несколько лет назад был такой же случай. Мы узнали, что т. Сталин вышел из Большого театра и гулял. Написали. Он запретил печатать и сказал, неужели он не имеет права сделать шаг без опубликования в печати.

Наша английская газета в Москве («Moscow news») попросила меня написать ко Дню Авиации о Яковлеве — «с домом, обстановкой» и т. д.

Я позвонил ему, объяснил в чем дело.

— Приезжай!

Был у него 11 августа. Принял очень хорошо, по-старому. Вообще, за последнее время он опять стал заигрывать с газетчиками вовсю — честолюбив до дьявола. Рассказал все, читал своей главной заслугой то, что не пошел по пути увеличения веса истребителей. Потом пошли домой, обедать. Показал пластинки.

— Я меломан. У меня их 500. Страшно люблю Большой театр, особенно «Лебединое озеро». За все время не пропустил ни одного спектакля. Хоть на один акт, а приеду. И Шахурин знает — назначается заседание коллегии с учетом — нет ли этого спектакля. Если в это день заседание какое-нибудь поджимаемся, чтобы не опоздать. Только ты об этом не пиши.

Сталин его очень любит. Яковлев подсчитал, что был у него 62 раза.

Написал. По просьбе Яковлева послал ему посмотреть. Вечером 17-го позвонил мне.

— Превосходно. Никогда ничего лучше о себе не читал. Нельзя или так написать обо мне для советских читателей? Когда вы будете так писать для нас? Сам знаю, что газета наша, но в «Правду» бы…

На фронте своеобразно. У нас резко возросло сопротивление немцев. В день подбивается по 180–290 танков, 60–80 самолетов. Мы вышли к границе Восточной Пруссии, западнее Мигавы — к Балтике, отрезав прибалтийскую группировку. Стремясь вырваться, немцы идут там в наступление. Рьяно. И немножко

потеснили. Сегодня сообщено, что мы оставили город Тумукс. Тем самым немцы освободили себе одну (правда, кружную) железку в Пруссию. На юге они пытались сбросить нас с Сандомирского плацдарма через Вислу, но ничего не вышло. Под Варшавой уже 3–4 недели бои в 10–15 км. от города. Пошел, как будто, в ход 2-ой Украинский фронт — в Румынию (у Ясс).

Хорошо идут дела у союзников. С запада они быстро продвигаются к Парижу и находятся от него в 20–30 км. Высадились они и на юге Франции, хорошо идут, встречают мало сопротивления, вчера заняли Тулон.

Я думаю, что быстрые темпы продвижения союзников объясняются несколькими причинами: у немцев там мало сил, они отступают, решив защищаться крепко на свои старых границах, они решили выбрать из двух зол меньшее — пусть лучше союзники войдут в Германию, чем большевики.

Да и сами союзники, видимо, решили действовать энергичнее, боясь опоздать к дележке пирога.

Посмотрим, что будет дальше.

26 августа.

Самое интересное — капитуляция Румынии. Слухи об этом разносились еще вечером 23 августа — точнее ночью на 24-ое. Я дежурил, сдавал срочный материал. В 2:30 ворвался Магид:

— Есть радиоперехват. Румыния капитулировала.

Но мы об этом ничего не дали. Дали только заметку о новом правительстве.

На следующий день — 24 августа — мне предложили писать передовую о победах на юге (третью передовую за пять дней)

— А как быть с Румынией? — спросил я Поспелова.

— Вы об этом ничего не знаете.

Днем я разговаривал с нач. оперативного управления ВВС генерал-лейтенантом Журавлевым. Он сказал, что штабы армий запрашивали его, как быть (слухи были и у них), и он ответил: бомбить по всей линии, по-старому, вплоть до Бухареста.

Ночью, в 3 ч. пришло коммюнике НКИДа, но и в нем нет ничего о прекращении военных действий, видимо, румыны еще не предприняли требуемых нами решительных шагов. Пока что наши идут очень быстро. Заняты Кишинев, Бендеры, Аккерман, подходим к Галацу, Измаилу. Юго-западнее Кишинева в «котле» -12 немецких дивизий.

На остальных фронтах — без особых перемен.

Сегодня вечером по радио несколько раз передавали сообщение информбюро НКИД о событиях в Румынии и Болгарии, и о том, что румыны приняли наши условия капитуляции. А дали ли мы приказ войскам прекратить военные действия против

румын — об этом пока нет ничего.

Сегодня взят Измаил.

Разговоры у всех — о Румынии и о… футбольном завтрашнем матче «Зенит» (Ленинград) — ЦДКА — финал кубка СССР. Из Ленинграда на матч прилетел председатель Ленсовета. Магид рассказывает, что маршал Новиков и его замы не могли достать билетов. Магид им устроил через НКВД. Ажиотаж — страшнейший. Поглядим.

27 августа.

Был на игре. Полнехонький стадион. 2:1 в пользу «Зенита». Кубок уплыл в Ленинград.

5 сентября.

Во время дежурства с 29 на 30 августа вызвал меня зачем-то Поспелов. Мы с ним говорили. В это время раздался звонок (около 11 ч. ночи).

— Слушаю, Александр Сергеевич!

Звонил Щербаков. Он сказал, что утром 31 августа наши войска вступят в Бухарест, и нужно обеспечить, чтобы текст и снимки были в тот же день в Москве. Поспелов предложил мне срочно дать телеграммы ребятам на фронт. В это время там находилась такая сила: с войсками 3-го Украинского фронта шли Куприн и Акульшин. Числа 25-26-го из Москвы на специальном самолете «Щ-2» вылетели в Румынию Герой СССР майор Борзенко и Яша Рюмкин, задача Бухарест. 28-го вылетели в Румынию Золин, Соболев, жена его и Кожевников. Сил, вроде, достаточно.

В 3 ч. утра вызвал меня снова Поспелов и спросил — не полечу ли я для перестраховки? Я дал полное согласие. Начали искать самолет. В это время позвонили от Шикина (зам. Щербакова) и сказали, что туда утром идет «Дуглас». Я решил лететь с ним. Со мной посылали фотографа Короткова, я предложил захватить еще Виктора Вавилова — «на подхват».

Отлет в 7:30. Денег — ни копейки. Гришилович ходил по редакции и собирал, набрал 2000 рублей. В 5 ч. утра я освободился от редакционных дел, зашел домой, побрился, переоделся, позавтракал и уехал на аэродром. Там встретил уйму народа: Таранадкина с Бродским — от «Известий», Июльского — от «Комсомолки», Капланского — от ТАСС, Кривицкого, Высокоостровского и Кнорринга — от «Кр. Звезды» и других. Всего — 14 человек. От ГлавПУРККА летел полковник Левин — заместитель Баева (зав. отделом печати ПУРа). Он сообщил, что летим по приказу т. Сталина, должны вместе с войсками войти в Бухарест, и в тот же день быть в Москве. Идет три машины «Бостон», «Дуглас» и второй «Дуглас» — для страховки.

Левин предложил мне лететь с ним на «Бостоне» — быстрее.

Я согласился. Кроме нас на «Бостон» шли Кривицкий и фотокорреспондент ТАСС Лосев.

В 8 ч. утра ушел «Дуглас», в 10:10 мы. Я лежал на полу в кабине штурмана на парашюте. Хотели не брать, но летчик, капитан Товчигречко настоял. Кривицкий сидел в головах и все время бил подошвами мне по лицу. Штурман полусидел на мне.

Летели около 4-х часов. Сели в Яссах. «Дуглас» прилетел почти одновременно. Огромный аэродром на окраине города. Встретил нее зам. ком. воздушной армией генерал-майор Смирнов (или Егоров?). Начали выяснять, где можно сесть дальше. Дело в том, что между Яссами и Бузэу шли бои с немцами, прорывавшимися в Карпаты. Было их там около 10000. Шли они большими группами, с оружием, вплоть до зениток. 29-го там подбили с земли 7 наших «У-2» и один Ла-5, в том числе легко ранили командующего фронтом Малиновского, летевшего на «У-2» поглядеть, что происходит.

На аэродроме в Яссах мы встретили известинцев Белявского и Антонова. Они в этот день пытались прорваться на машине на юг, к Бухаресту, наткнулись на пулеметы и вернулись обратно. Тут же стоял наш «Щ-2» и «Як-6»- «Кр. Звезды». Летчики «Щ-2» сказали, что Рюмкин и Борзенко утром выехали на юг.

Пока выяснялась ситуация, мы смотались в город. Грязный, побитый, напоминает наши уездные города, а еще второй город Румынии! Много фруктов, очень много собак, очень много грязных, оборванных румын. По улицам водят пленных.

В 5 ч. 30 минут поднялись в воздух. С нами шло 8 истребителей прикрытия: такой был приказ Москвы. Через час сели недалеко от Бузэу. Громадный аэродром. Мы — первые его обитатели. Валяются скелеты сожженных немецких аэропланов. Низко над нами прошел немецкий разведчик.

— Через час придут бомбить, надо смываться! — сказал генерал.

Поднялись в воздух и перелетели в само Бузэу. Большой город, аккуратно распланированный, много зелени. Железка посередине города, эшелоны, один горит. На аэродроме — подбитые и битые самолеты, бомбы.

Тут заночевали. Сюда должны были придти за нами «Виллисы». В 10 ч. поужинали, выпили вина, легли спать навалом в пустой комнате. В три чала подняли. «Виллисы» не пришли, поехали на «Форде». До Бухареста — 100 км. Ходу!

Шоссе, обсаженное акациями. Темная, безлунная ночь. Сначала пусто на дороге. Потом встретили бронетранспортер.

— На Бухарест так?

— Прямо. Я сейчас оттуда.

Эге! С полдороги стали попадаться машины, а дальше — все было забито нашими частями. Танки, пушки, грузовики, обозы — кони свежие, сытые, много запасных, кухни. Пешком — никого. Мы то и дело съезжали в канаву и обгоняли. Некогда!

Пылища!

В 8:30 утра 31 августа въехали в Бухарест. Впереди шли наши танки. Толпы на улицах, кричат, рукоплещут. Вроде как в свой город въехали. Стоит сойти с машины — обступают, расспрашивают — пальцами, жестами, но много и понимающих по-русски: то ли увезенные, то ли бессарабцы старого оккупационного времени.

Доехали до памятника Братиану и уговорились встретиться тут в 12 ч. дня. Дальше все расползлись в разные стороны. Я пошел с Костей Тараданкиным и Евг. Капланским. С нами — проводник, бессарабец Фельдман, по его словам пострадавший от немцев, имел швейный магазин, арестовали, держали два года в лагере, выпустили с «сертификатом», в котором сказано, что он сидел по подозрению в шпионаже. Затащил к себе, угостил коньяком, крохотная квартира из двух клетушек и кухни, лестницы такие узкие, что двоим тесно, лифт на двух человек. Коммерческий дом, новый постройки.

Походили по улицам. На бульваре Елизаветы несколько разрушенных зданий (одна-две бомбы). «Это американцы». Рядом улица Академии, около десятка побитых домов.

— Это немцы, несколько дней назад.

Взяли такси. Поездили по городу. Очень много народа, хорошо одетого, много молодежи, офицеров. Женщины некрасивые, интересных мало. Разрушений не много. Все магазины бойко торгуют. Много разносчиков с фруктами, газетных киосков.

Нашу технику встречают восторженно. Странный народ — только что их били, дрались с нами, а сейчас орут, приветствуют. Поехали в какой-то переулок: дом ЦК КП Румынии. Небольшой особнячок, патрули с повязками. Приглашают, но мы торопились.

На аллее Виктории встретили роту амфибий. Командир — капитан Михаил Гильбо, ленинградец, сказал, что он был первым военным комендантом Бухареста, но сегодня сдал дела новому — генерал-майору. Вообще, наши танки вступили в Бухарест еще 29-го августа — полк. Гильбо договаривался с властями о расквартировании, о фураже, о продовольствии. Король Михаил приказал все отпускать до всяких соглашений. Ни одного конфликта за эти дни, полная учтивость. Узнав, что мы улетаем в Москву, Гильбо просил позвонить (ДЗ-06-51) и дал письмо. (Я все сделал).

Я привез с собой 200 экз. «Правды». Начали кидать в толпу. Меня чуть на части не разорвали. И главное — на русском просят: «Дай газету!».

Очень многие ко мне присматривались, потом спрашивали «аид?». «Да». Начинался разговор по-еврейски. Наконец, мне надоело, и я стал отвечать: якут, туркмен.

В Бухаресте встретили Кригера, Гурария (с ним прямо расцеловались на бульваре к удовольствию румын), Симонова. Наших — нет.

Встречали русских — угнанных из СССР, одна девушка (Михайлова, кажется) плакала, говорила, что три брата на фронте, сама угнана из Одессы. Вообще, одесситов видел нескольких — спрашивают, что с городом, когда можно будет обратно. Видели наших пленных — майора, подполковника и других — направляли их к коменданту.

В 13 часов собрались снова у памятника. Поехали на том же «Форде» на аэродром. Там стояли два «Бостона» и несколько «У-2» для нас. Сели в «Бостон» и полетели в Бузэу. Лететь 15 минут. Идем полчаса, час, смотрю на картушку — все время разные курсы. Блудим! Через полтора часа сели на поле, определиться. Янко — в 60 км. к востоку от Бузэу. Снова поднялись.

Вот наконец и Бузэу. 4 часа дня. В «Бостон» хоть и худо, но зато быстро. В кабину штурмана садятся еще Тараданкин и Симонов, в бомбо-люк Кригер, Высокоостровский, Капланский. Я снова на полу. Уснул. Через 4 часа Москва.

Еще в воздухе Москва запросила — кто летит. Ответили. «Дуглас» с остальными шел за нами и сел в 10 ч. вечера во Внуково.

Приехал и сразу к Поспелову. В это время позвонил Щербаков. Узнал, что я прилетел и попросил к телефону.

— Как летели? Как было организовано? Как встречали? Хорошо? Радуются, что война для них кончилась. Эксцессов не было?

— Нет.

— Как выглядят наши бойцы?

— Запылены, но чисто и бодро!

— Хорошо! Ну пишите.

Написал полполосы. Отдал пленку Короткова в проявку.

Ночью в 4 ч. утра поехал к Александрову в ЦК (нач. управления агитации и пропаганды). Тихий просторный кабинет. Портрет Ленина. Невысокого роста, моложавый, сухой, приветливый. Прочел.

— Хорошо. При окончательном чтении прошу иметь в виду такую мысль: это все-таки побежденная, а не дружеская страна.

Некоторые газеты сбились на восторг встречи — не надо.

Начал расспрашивать об общем впечатлении.

— Торгуют всем, от яблок и до страны.

Смеется.

— Много народа?

— Много.

— Молодежи?

— Много.

— Город не побит?

— Мало.

В это время позвонил Щербаков. Он сказал, что я тут и посоветовался надо ли писать, что румыны подносят зажигалки прикуривать.

— Оставить! Заискивают, — сказал Щербаков.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1944-45 г

Аннотация: Награждение орденом. Смерть Виленского. У Байдукова. Генерал Вольский в редакции. Новый 1945 год. Взятие Варшавы. Рассказ Коккинаки. Режиссер Калатозов в редакции. В.Кожевников о чистоте зерна. Рассказ Волчанской о поездке в Европу. Поездка на аэродром к Яковлеву, новые самолеты, пояснения Яковлева, обед в его кабинете на авиазаводе. 7 мая известие о капитуляции, слухи по Москве, официальной информации нет. У Папанина отметили победу. 8 мая выступили с речами главы союзников. 9 мая празднества в Москве. В Кремле у Микояна, беседа о послевоенном Берлине. Смерть в Боткинской Абрама (брата), похороны. Открытие сессии ВС РСФСР, Сталин на трибуне. Сессия Академии Наук в Ленинграде, встреча с Капицей и др. учеными. Разговор с Яковлевым, гибель его самолета. Выступление в редакции Майского.

Тетрадь № 26–27.10.44–06.09.45 г.

27 октября.

Очень давно не брал пера в руки. Летний и осенний период записаны в другой книжке, дошла до корочки, вернулся к этой. Но вернулся с запозданием. Больше месяца не держал пера в руках.

За это время успел съездить в Румынию и на Карпаты, вернуться.

Последовательно — основное.

Вернувшись из Румынии, узнал, что Военный совет 1-го Украинского фронта наградил меня орденом Красного Знамени. Приказ № 0132/н от 22 сентября 1944 г. Этим же приказом Яша Макаренко награжден орденом Отечественной Войны 2-й степени, корр. ТАСС Крылов — Красным Знаменем, корр. ТАСС Гриша Ошаровский Отечественной Войны 1-й степени. Через день наградили там и Сашку Устинова Красной Звездой.

Приехавший с фронта корр. «Известий» Виктор Полторацкий рассказывает, что 30 сентября начальник ПУ фронта генерал-лейтенант Шатилов созвал все работников политуправления, зачел приказ о нашем награждении, выразил удовольствие, что на фронте работают такие журналисты. Между прочим, на фронте организуется к Октябрю выставка о боевом пути фронта, там устраивается специальный раздел «военный корреспонденты».

В редакции известие встретили по-разному. Поспелов поздравил действительно, видимо, от души, Ильичев — весьма кисло и с нескрываемой завистью. Орден, конечно, знатный. Из редакционных — он есть еще у генерала и Первомайского. Все-

таки докапало: представили ведь еще в декабре прошлого года, за Киев.

Получать хочу в Москве. Попросил Полевого прислать выписку.

Сталинские премии за 1943 год все еще не опубликованы. Несколько раз мы готовились и зря. Рассказывают, что Сталин сказал о литературных произведениях, представленных на премию

— Надо, чтобы народ с ними ознакомился. А то едва выйдет книга, или напечатают ее в журнале — готово. А ее еще никто, кроме критиков и Союза писателей не читал.

Поэтому задержались и другие премии.

23-го октября умер Эзра Виленский.

Опять резали. Последний раз ему сказали: «Больше резать не можем, не хватит кишок для сращивания. Тут уже мы бессильны. Тут надо выходить за пределы современной хирургии — это может только Юдин.»

Эзра колебался. Я видел его месяца два назад на «Динамо», он вырвался страшно худой, сидел с грелкой. Говорил с ним недели две назад — жаловался на зверские боли, спать мог только днем. Решил резаться. 21-го лег к Юдину, сделали операцию, прошла блестяще. 22-го в 4 часа дня стало плохо — сердце и истощенный организм не выдержали — в 7 ч. утра 23-го умер.

Утром 24-го привезли его в конферецзал «Известий». Я поехал с Яхлаковым, Кургановым, потом приехала Зина. Стоял в почетном карауле. Он почти не изменился, только отчаянно похудел. Лида убивалась страшно.

Была панихида. Выступал Ровинский, Кригер, Бачелис, я.

В 5 ч. сожгли.

Встретил там Слепнева.

— Что-то часто мы с тобой тут встречаемся.

— Да, — ответил он. — Надо бы его похоронить в стене авиаторов на Девичке. Там все наши, да и нам местечки забронировать.

Да, что-то снова пошел мор. Я подумал, как мало нас уцелело из полюсников, и грустно стало.

Продолжаем обсуждать с Кокки план полета в Будапешт. Он хочет посетить разом и Белград, и Софию, и Бухарест. Я не против. Сейчас он летит на пару дней в Куйбышев, а потом свободен.

Был вчера у Ильюшина. Говорили долго о послевоенной авиации. Он строит уже гражданскую машину на 28 человек, скорость 350 км/ч (крейсерская), высотная — герметичная. Затем

садится за четырехмоторный бомбардировщик, думает выжать скорость. Жалеет, что с 1937 г. забросил истребитель, ТОГДА добился 500!

Вчера отметили мои именины. Были: Абрам (привезли его), Шурка, Давид, мама, Костя, ребятишки.

39 лет! На два года больше Пушкина, и что сделано?

30 октября.

Три дня заседал актив, вчера закончился. С докладом выступал Поспелов. Тщательно остерегался давать оценки людям. Прения были вялыми, неострыми.

В своем докладе Поспелов между прочим сказал, что публичные платные лекции, проводимые в Колонном зале Дома Союзов и создание Лекционного бюро при комитете по делам высшей школы — инициатива т. Сталина. Видимо, этим и объясняется, что во главе бюро стоит Вышинский.

Позавчера напечатали очень острую рецензию Ильичева о постановке «Ивана Грозного» в Малом театре. Постановка названа халтурной, безответственной. Говорят, что пьесу смотрел т. Стали и члены Политбюро. Между прочим, т. Сталин и выдвинул несколько лет назад идею показа Грозного — великого государственного деятеля. Я, помнится, со слов Курганова записывал об этом в дневнике. И сейчас, как передают, т. Сталин отозвался об этой постановке, как о халтуре.

В театре — бум. Художественный руководитель Судаков подал в отставку.

Звонил Ал. Лесс из «Вечерки». Рассказал любопытную историю с Мотей Козловым. Летом в Карском море немецкая субмарина потопила наш транспортный корабль. Дали SOS и сели в лодки. Мотя долго шарил — нашел. Шторм. Садиться нельзя. Восемь часов он висел над лодкой и, как только волна чуть успокоилась, сел. Принял на борт 50 человек. Оглянулся — перископ. Он газу. В него успели дважды выпалить. С волны, несмотря на барахливший мотор, поднялся и ушел. Допер до базы, сдал. Они не ели несколько дней.

Нач. ПУ ГУСМП Валериан Новиков улетел в Болгарию с праздничными подарками танковому полку «Советский полярник». Звал с ним, я не мог. Пилот — Ваня Черевичный.

Был на днях у Папанина. Позвонил ему в 12 ночи. Приезжай! Сидит, работает. А было постановление ЦК, запрещающее ему, ввиду состояния здоровья, работать после 7 ч. вечера.

— Ты что сидишь? Нарушаешь партийную дисциплину?

— Дел много.

Сказал мне, что представил мен як «Знаку почета», скоро подпишут, что считает меня своим ближайшим помощником. Ва!

Сегодня выпал первый снег. Дома — холодище.

11 ноября.

Прошли праздники. Как обычно, 7 и 8-го работали. 9-го был устроен вечер-банкет в редакции, на всех. Ни шатко, ни валко.

В Кремле не был. Доклад послушал по радио. Т. Сталин читал очень спокойно и очень уверенно.

5-го был оглашен указ о награждении за выслугу лет. Я дал передовую. Сегодня идет сообщение о вручении орденов за выслугу (Кр. Знамени). группе военных руководителей. Я как раз звонил гл. маршалу бронетанковых войск Як. Никол. Федоренко и поздравил между прочим.

— Нашли с чем поздравлять, Огнев, — смеясь, сказал он. — Это ведь за старость! Я бы согласен был медаль «За боевые заслуги» получить — значит мне 25–30.

И рассказал, что сегодня при вручении М.И. Калинин спрашивает Шаденко:

— Ефим Афанасьевич, ты долго еще будешь ко мне за орденами ходить?

— Да до тех пор, М.И., пока давать будешь.

— Ну, значит, недолго. Я от этой тяжелой работы скоро помру.

— Э, до тех пор я успею еще два-три получить!

На фронтах всюду тихо. Еле теплится под Будапештом, продвигаемся на 5–7 км. в день, и то на отдельных участках. Видимо (судя по докладу) — перед грозой.

Сегодня Леопольд Железнов сообщил мне об очередной убыли. В Темишоаре, при бомбежке, убит корр. СИБ Лалоян (он выскочил из хаты — прямое попадание), чуть позже вышли и нарвались на бомбу фотокорр. «Фронтовой Иллюстрации» Анат. Григорьев (тяжело ранен), фотокорр. «Фр. Иллюстрации» Егоров и корр. СИБ Львов. Что-то к концу войны опять пошел мор на газетчиков.

Был у меня сегодня Мих. Брагин. Он говорит, что случайно уцелел на 1-м Прибалтийском — попал под огонь кораблей. Страшно!

Да, о маршале Федоренко. Несколько дней назад говорил с ним, просил статью об оперативной выносливости танков.

— Не дам. Им предел — несколько сот (часов? — Л.Б.), а мы даем тысячу и полторы. Это ни на одном танкодроме не выходит. А напиши я об этом — сразу узаконят. Тоже и с часами работы моторов. Норма — 200, мы даем до 500. Нет, писать нельзя.

— Ну напишите о заграничных.

— Ишь вы! Хотя мы можем смело конструировать. Правда, ходовая часть американских лучше наших, но броня,

подвижность, огонь — несравнимы с нашими.

— Ну о глубоких рейдах.

— Вот это дело. Сегодня же поручу нач. штаба генералу Маркову и маршалу Ротмистрову. И сам шефство возьму.

Звонил сегодня Кокки. Божится, что полетим. Целый час рассказывал мне о дочке. Ей 1 год 7 месяцев, но уже все выговаривает, не плачет, читает книжки и прочее…

Загадка: что такое горжетка и изюм? — Засушенная басня Крылова «Лисица и виноград». Это, видимо, сказано к Крыловскому юбилею.

На нашем вечере Сурков читал «Они не вернутся с востока». У нас же он ее читал в ноябре 1941 г. И тогда, и — особенно — сейчас звучит исключительно!

1 декабря.

За эти дни произошло несколько событий. Кризис в «Известиях», наконец, разрешился: туда назначен несколько дней назад Ильичев. Страшно доволен. В «Известиях» им тоже довольны. В остальном там перемен пока нет — работает комиссия ЦК. Понемножку улучшает газету, завел крупный отдел на 2-ой полосе «Советское строительство», дает всякие мелочи, оживляет газету.

На днях подняли архив за этот год, достали 600 статей, 100 из них годны — либо авторы, либо темы, либо целиком.

У нас место Ильичева пока пустует. Поспелов все вздыхает о нем. В кабинете Ильичева сидит пока Сиротин, но всех предупреждает, что он заменяет его лишь территориально. Строятся различные догадки. Видимо, вместо одного Ильичева будут два человека — замредактора и секретарь редакции.

Ровинский послан в ОГИЗ, заместителем П.Ф. Юдина, видимо — вторым, т. к. первым там — Алеша Назаров.

В отделе без перемен. Заболел лишь Яхлаков — обострение порока сердца. Выбыл на 2–3 месяца.

Я почти целиком устранился (самоустранился) от оргработы. Чего я буду отвечать за эту лавку, не имея никаких прав. Пусть занимается этим Золин, там паче, что он крайне ревниво относится ко всякой попытке вмешаться в его прерогативы «первого зама».

Я договорился с редактором и генералом о том, что я — «зам по статьям».

Заказал большую статью о действии танков. Получилось пышно, хотя статьи еще нет. Я позвонил Главному маршалу бронетанковых войск Федоренко и просил заказать как-нибудь такую статью. Хорошо. Он поручил это нач. штаба генерал-майору Маркову, а консультацию — маршалу Ротмистрову. Тот

написал, Ротмистрову не понравилось. Передели. Ротмистров заново написал половину. Вчера я был у него. Он очень походит на вои портреты — невысокого роста, в больших очках, лицо — сельского учителя, преподавателя географии, но никак не полководца. Маленькие усики, добрые внимательные глаза, в разговоре большая предупредительность, наклоняется к собеседнику. Он сказал, что дал статью на просмотр Федоренко, маршалу Коробкову и члену Военного Совета генерал-полковнику Бирюкову.

А потом я увижу, что статья нам не годится?!

Уже несколько дней по всей Москве во всех жилых домах выключают свет с 8–9 до 5 ч. вечера. Херово, тем паче, что у многих газ не горит. Встаю, есть нечего, чаю нет. Бррр!

На улице — мокреть, снег выпадает, тает. Только сегодня подморозило, минус 15.

6 декабря.

Погода крепчает — минус 20, сильный ветер. Облачно, солнца не видел, пожалуй, с лета. Авиация не ходит.

Кокки до сих пор не смог вылететь в Куйбышев.

Приехал Мартын Мержанов из Восточной Пруссии. Стоим на прежних местах, только Гольдан немцы забрали обратно. Самое большое удаления (вклинивание) 20 км. Вся занятая территория простреливается немцами и держится под огнем.

Мартын рассказывает, как он туда ездил несколько раз и честно признается, что это скучное занятие.

Впрочем, Мих. Брагин, вернувшись с 1-го Прибалтийского, считает обыкновенный артобстрел сравнительно безобидным занятием. «Вот огонь корабельной артиллерии — это вещь!» — говорит он с уважением.

Брагин шел в прорыв к морю с танками Вольского и на берегу попал под огонь с кораблей. УХ! Он рассказывает, что в штабе фронта ночевал вместе с одним старым седым генералом из СибВО, приехавшим впервые за войну посмотреть на нее. Утром они выехали на передний край и через два часа генерала убило во время артналета. Вся жизнь и два часа!

Мартын говорит, что в занятых немецких городах и селах не видел ни одного немца, все уходят — бросают все и уходят. Ходят слухи, что в каком-то селе остался один старик, да и тот швырял гранату. Танкисты Бурдейного с обхода зашли в Гольдан и поэтому застали население. Так старики, женщины, дети стреляли по танкам из ружей и револьверов. Вот звериная ненависть! Тяжело будет идти по этой сволочной стране.

Из Венгрии прилетел Яша Рюмкин. Летел четверо суток. Рассказывает, что венгры необычайно подобострастны из боязни.

Живут гораздо беднее румын, одеты плохо. Города сильно разбиты. В деревнях — мазанки под черепицей. Из-за угла не стреляют. Наши вторые эшелоны ведут себя вольготно.

Был он в Бухаресте. Там все по-прежнему. Магазины полны. Но харч сильно подорожал. В городах Румынии демонстрации. Вообще, судя по газетам, сейчас во всей Европе — правительственные кризисы: в Иране, Греции, Бельгии, Румынии, Италии, Голландии, Польше. Наши поляки требуют преобразования комитета во Временное Правительство.

Позавчера был у Мержановых. Встретил там Леньку Кудреватых — военкора «Известий». Рассказал любопытную вещь. Его приятель был в Саратове. В столовой смотрит: сидит человек с квадратной головой. Вспомнил, что очень походит на памятник («бегемот») Александру III в Ленинграде. Оказалось — сын. Император был в Саратове. Прислуживала подавальщица. Поставил. Родился сын. Сообщили. Приказал воспитывать за счет губернаторства, дать образование. Сейчас он профессор, заслуженный деятель науки.

Там же живет сестра Николая II — Ирина Александровна. Во номер, если только — не треп!

7 декабря.

Новостей нет. В редакции тихо, холодно. Дома — голодновато, несмотря на то, что я получаю усиленный харч: рабочую карточку, обед литер «А» (сухпай), ужин, абонемент и какую-то долю кремлевского пайка с базы № 208. Тем не менее, утром, как правило, я ем картошку (часто на растительном масле), лишь изредка — кусочек, грамм в 20–30, колбасы или сыра; обед — щи и картошка, редко-редко мясной, ужин — в редакции (обычно — котлета, макароны, чай, иногда — кусочек масла); этот ужин — наиболее значительная еда.

Домашние питаются так же, за исключением этого ужина.

Паек кремлевской базы нам дают вместе с ужином, ежедневно. Кладут обычно: ломтик колбасы, кусочек рыбы или чайную ложечку икры, кусочек сыра или масла, 2–3 куска сахара или пару конфет, 200 гр. хлеба. Приношу это домой детям. Если прихожу в 5–6 утра, Валерка просыпается и спрашивает: «Папа, что ты принес?». Если он спит — кладу пакетик в столовой, он утром съедает конфетку и часть икры, оставляя вторую «часть» — Славке, колбасу Зине, а сыр — мне на завтрак. Трогательно, но устало.

Вот и сейчас. Позавтракал. Съел сыр, картошки. В желудке пустовато. В 8 приду обедать: щи, картошка. У-ух!

12 декабря.

Сегодня в 5 ч. утра умер Володя Хандрос. У него была

закупорка вен и износ аорты. Был в больнице Боткина, после полтора месяца в санатории. Три дня назад был в редакции, шутил, собирался скоро работать.

В час ночи почувствовал боли, в 3 ч. разбудил жену, вызвали неотложку, впрыснули камфару, нитроглицерин, туром врач хотел отправить в больницу. Повернулся на бок и сразу умер. До последней минуты был в сознании, говорил, как обычно — почти шутил.

Завтра хороним.

Маловато нас остается могикан.

В Бухаресте, когда мы узнали о гибели Паши Трошкина, Константин Симонов прочел свои стихи «Чаша круговая». Фаталистические. И смысл: теснее становится круг и быстрее ходит чаша смерти.

15 декабря.

Приближается 65-летие т. Сталина Но до сих пор неизвестно, будем ли отмечать. В порядке подготовки я предложил Поспелову сделать статью Папанина «Сталин и освоение Арктики». Он согласился.

Вчера нач. ПУ ГУСМП Новиков привез мне рукопись сборника «Встречи полярников с т. Сталиным», подготовленного ими к печати в 1940-41 г.г., но не выпущенного. Я до 6 утра читал. Исключительно интересно. Там воспоминания Молокова, Водопьянова, Воронина, Орлова, Головина и др. Особенно драматичен рассказ Легздина — гибель «Руслана», травля Легздина и буквально спасение его Сталиным. Очень интересны воспоминания Шевелева, Воронина, Шмидта.

Был вчера вечером у меня подполковник Гончаренко, замполит 10-ой гвардейской транспортной дивизии ГВФ. Рассказал, что делает их дивизия потрясающий материал. Полеты в тыл, работа с итальянских баз, полеты в Америку, полеты в Югославию и т. д. За последние пять месяцев не потеряли ни одного самолета. 21-го там будут вручать гвардейское знамя, зовет меня. Обязательно поеду.

Рассказал несколько забавных штрихов. Наши летают в Стокгольм. И вот, на аэродроме, стоят рядом наши самолеты и немецкие. Нейтралы!

Летел сюда из английских владений, года полтора назад, г. Бенеш. На аэродроме — два самолета: английский и наш. Он выбрал английский. Наш пришел на несколько дней раньше, англичанин возвращался из-за непогоды, блудил. Пора улетать из Москвы, г. Бенеш просит: нельзя ли с тем русским летчиком?

Во время пребывания Черчилля в Москве ежедневно ходили два «Москито» в Англию — почта, газеты. И каждый раз — разные

летчики: англичане, канадцы, австралийцы. «Зачем вам, удобнее одним экипажем, знают трассу и проч.?» «Видите ли, у нас так много летчиков хотят посмотреть СССР». Гм.

В Бари англичане нагрузили грузовик сверх нормы и сунули под крыло нашему самолету. Вышел из строя. Там же два «Мустанга» сбили «Ли-2». Извинений — гора!

Мороз все время 22–26 градусов. Мерзнем! В редакции холодина, сидим в шинелях, пальто. Дома, по постановлению Моссовета, выключают свет с 9 утра до 5 ч. дня. Газ не действует, плитки молчат. Даже чаю нет. Ух. Ладно, что я обычно просыпаюсь в 4:30 дня — к свету и плиточному чаю.

Читаю «Войну и мир». Хорошо, вкусно.

19 декабря.

Морозы держатся. 20-26о. Ясно. Холодно. Холодно и дома. В Москве очень плохо с топливом. Кое-где уже перестали топить и выключают отопительную систему. Так сделали в доме на Арбате, где живет Гольденберг, в доме на Садово-Зубовской, где живет Хавинсон. Сейчас у них минус 2о. В редакции топят еле-еле, сидим одетые.

Звонила секретарь Водопьянова. Сказала, что он обижается — лежал в госпитале, не навестил. Сейчас выздоровел, пишет роман. Хотел вы видеть, посоветоваться.

Вечером был Кокки. Сидел часа два: рассказывал всякие летные истории. Долго возились с Яшей Моисеевым. Решили сдать в отставку — будет первый генерал в отставке. Тоже своего рода почет!

20 декабря.

Утром позвонил Байдуков — приехал с фронта. Я покатил к нему. Такой же, как был, только немного облысел спереди, да на макушке лысина стала покрупнее. И завел усики! Смешные, рыжие, небольшие. И покручивает.

— Пижон! — сказал я.

— Скажите ему, чтобы снял, — говорит Женя. — Видеть не могу, хотя вообще мне с его усами спокойнее, ни одна девка не польстится.

Просидел я у него часа четыре. Сейчас он командует штурмовым корпусом на 2-м Белорусском. «Женили» его на корпус без него. В конце прошлого года он приехал из-под Фастова в Москву, дивизию свою оставил в Фастове. Жил тут двадцать дней. Тихо. А тем временем изготовили и дали на подпись Хозяину приказ о корпусе. А ему еще в 1942 г. предлагали корпус, но он наотрез отказывался. Тут тоже начал было брыкаться — некуда, приказ подписан. Ну и сел.

Работой доволен очень. Жалуется только на потери. В

основном — от зениток. Авиации у немцев мало. На три Белорусских фронта — 1200 самолетов, летают редко. Белосток, например, не бомбили уже 4 месяца. Только недавно начали изредка ходить ночами. Чаще — сбрасывают диверсантов. По 10–15 человек. В основном — русские, обучавшиеся в особых школах. взрывчатка — в форме кусков каменного угля. Подбрасывают в уголь, а там в топку — и взрыв. Парашюты стали черные.

Новых самолетов нет. «Фоке-Вульфы» применяют, как бомбардировщики. Берет либо мелочь (по войскам), либо до 250 килограммовой. Делают один заход с ходу. Вообще же авиацию почти не выпускают.

— Почему?

— Я думаю, держат в резерве. Во-вторых — мало горючего. А бензин — в резерве, «НЗ». По данным пленных в Германии создан полуторалетний запас горючего, хотя Варга ваш давно его кончил.

Говорит, что немецкая оборона очень крепка. Траншеи, огонь, мины, минируются не только впереди, но и бруствер, и пространство между траншеями, и часть их, незанятая солдатами. Много огня. На километр — 50 пушек всех видов. Учили уроки!

— Какой век летчиков?

— В среднем — 20–30 штурмовок. Смертники!

Пленные показывают, что усиленно готовятся к химии. Подвозят химбоеприпасы, оружие, обучают химзащите всех от переднего края до глубокого тыла. В большом уважении наши противогазы — они лучше немецких.

Егор рассказывает, что на местах стоянок беспокойно. Поляки блядуют во всю. Стреляют из-за угла. Банды. Нападают на небольшие гарнизоны. Если пьяный пойдет ночью — укокошат наверняка. Оглушают (стрелять — переполох) и утаскивают добивать. Или бьют зубьями от бороны — несколько случаев у него в корпусе.

Скучно жить секретарям райкомов. Егор был в гостях у одного, кажется, Волковысского. Ночью тот ночует у всяких знакомых — ежедневно в окно его квартиры стреляют. Егор говорит:

— Посмотрел у него: шкаф, стены — все в пулях, разных — от автомата, пистолета, дробовика. Иные из наших довольно сильно гуляют. Много триппера, сифилиса.

— Что делаете с ними?

— Лечим.

В последнее время Егора прочили посадить замом в НИИ ВВС. Дали на подпись Хозяину. Он дошел до его фамилии, закрыл папку и сказал: «Не надо сейчас трогать армейских командиров.

Они работают, неизвестно, кто их заменит.»

Егор потолстел Но не сознается:

— Я потолстеть не могу. Каждый день по часу гимнастикой занимаюсь.

— По какой системе?

— По своей.

Обедали. Пьет водку, в отличие от прежнего. Сообщил, что все время ездит с двустволкой. Зайцев много. Во время обеда пришел брат Чкалова Алексей Павлович. Пьяный, испитый, а кончил два ВУЗа. Потом он сбегал, добыл еще поллитра. Жалкое впечатление.

Егор, между прочим, рассказывал как летали с Черевичным на лодке в Америку по заполярью (+Громов и другие). Егор — на втором сиденье. Подлетают к Ному, сильная волна. Черевичный говорит — нельзя садиться, разобьемся. Егор отвечает — приказано, значит надо сесть.

— Утонем же!

— Ну так что же, приказано!

— Не буду!

Егор за пистолет. Тот матом. И курит, курит. Попробовал — кааак ударит волной. В воздух.

Второй раз. То же.

Третий. Страшный удар. Черевичный за газы, а Егор из уже убрал. Накрыло волной всю машину. Егор подумал — ну не выплывет. Нет, вылезла… Подскочил катерок — вывез.

Черевичный отдышался.

— Буду взлетать.

— С такой-то волны?!

— Оставить не могу, на якоре — разобьет.

«И взлетел! Ну и мастер! Только неврастеник».

Вечером заехал ко мне Кокки.

— Как ты думаешь — выйдет ли у Сергея (Ильюшина) с транспортной?

— Строит. Сейчас конструктора научились делать, чтобы летала.

— А качества?

— Как тебе сказать. Он хочет сразу забрать в одну руку все блага: и скорость, и дальность. А надо основное решить, а потом доводить.

Очень хвалит Юганова.

Проводит второй набор на курсы испытателей. Соорудил положение о классах летчиков-испытателей. Ввел шеф-пилотов II и I класса, на I-ый не меньше пяти опытных машин. И вышло, что там он только один.

21 декабря.

Сегодня — 65 лет т. Сталину. До последнего часа ждали сигнала — не будем ли отмечать. Надеялись. но так ничего и не дождались. Часика в 2 ночи Сеньке Гершбергу позвонил авианарком Шахурин, спрашивал: нет ли об этом деле новостей? Ответили — нет. Видимо, он сам не хотел.

Сегодня был на празднике в 10-ой гвардейской авиатранспортной дивизии ГВФ по случаю вручения им гвардейского знамени. Вручал маршал авиации Астахов — толстый, почти заплывший, с маленькими усиками и маленькими стелкянными глазами. Принимал — командир дивизии генерал-майор Чанкотадзе, невысокий, полный, коренастый грузин, с широким, твердым лицом и глазами на выкате. Я знаю его давно. Когда-то в 1942 г., когда я уезжал на ЮЗФ, В.С. Молоков рекомендовал мне связаться с ним — он командовал группой ГВФ на фронте, а до войны был начальником лучшего в системе ГВФ Закавказского управления ГВФ. Я его видел на фронте и в селе Алексеевка и в Валуйках. Работал он там отлично.

23 декабря.

Второй день сводка сообщает о сотне подбитых танков. Немцы в НДП пишут, что начались бои в Курляндии (Прибалтике), в Восточной Пруссии и южнее Будапешта. Там, около Будапешта, дело действительно затянулось, немцы подбросили и тянут туда уйму войск. Наша сводка об этих направлениях пока молчит.

Сегодня после полуночи получили сообщение о создании в Дебрецене Временного Национального Собрания Венгрии и его обращение. Даем в номер.

Был ночью в редакции Василий Тимофеевич Вольский. Генерал-полковник, молодой, сановитый.

— Где ты так помолодел? — спросил я.

— На войне. Там есть такая живая вода. Приезжай, и я из тебя сделаю молодого, не седого, полного.

Зашел он к Поспелову, выговорил себе Брагина.

— Вообще, пишите больше о танках, — говорит он. — т. Сталин сказал, что танкисты — хозяева полей сражений. А сейчас перед нами важнейшие задачи.

Узнав, что Вольский в «Правде», позвонила Вера Голубева:

— Возьми у него короткий ответ на анкету «Смены» — что я буду делать в 1945 году?

Сели втроем: Вольский, Леопольд Железнов и я.

Я предложил: «Буду бить немцев».

Вольский: «Буду воевать.»

Леопольд: «Буду выполнять приказы Главкома». или

«Рассчитываю мыть гусеницы танков в Шпрее».

Все не понравилось. Тогда Вольский предложил: «В 1942-43 году я окружал Сталинград. В 1944 г. — окружал в Прибалтике. В 1945 г. хочу осуществить третье кольцо, в котором задохнется Гитлеровская Германия.»

Понравилось.

— Вот давайте, ребята, так и напишем — «Три кольца», — сказал Вольский.

Я дежурил и пошел к себе. Леопольд остался с Вольким дописывать. На прощание Вольский сказал:

— Ты и сам приезжай на фронт. Возможно, это наступление будет последним. Сил — уйма!

Рассказывают наши корреспонденты, что Жуков, принимая 1-ый Белорусский фронт, сказал командирам:

— т. Сталин поручил нам подготовить и нанести такой удар, чтобы немцы поняли, что это — конец, а у союзников — коленки затряслись.

27 декабря.

Второй день гриппую.

На фронтах, за исключением юга, затишье перед бурей. Вот-вот начнется. На юге — завтра или сегодня будет Будапешт. Получено известие, что там ранен Виктор Полторацкий. Он всего неделю вылетел туда.

Виктор Вавилов был на днях у танкового конструктора Котина. Тот рассказывал ему о встречах со Сталиным. Как-то на фронте начало лететь управление новых танков (или какая-то деталь). Сталин вызвал Котина и начал спрашивать — в чем дело. Котин ответил, что испытатели ни разу не жаловались на эту деталь.

— Испытатели, — насмешливо повторил Сталин.

Котин пояснил, что дело в низкой квалификации механиков-водителей. Заводские водители тоже никогда не жаловались на конструкцию.

— Это неправильно, — ответил Сталин. — Если бы все летчики были как Коккинаки, то ни одна машина на фронте не капризничала бы. Машины надо делать на водителя-середняка, а не на танкового Коккинаки.

Звонил Оскар Курганов. Приехал из-под Будапешта. Говорит, что воевать стало очень трудно. Как в 1941 г. Бомбят, всюду и непрерывно. Был в Бухаресте — там все совсем иначе, чем было. Цены жаркие. Советские офицеры живут в Гранд-отеле. Вход строжайший, по пропускам. В подъезде — пулемет, у входа два часовых.

31 декабря.

Вчера закончилось партийное собрание. Было бурным и очень хорошим. Резко и увесисто выступал Сиволобов, крепко Корнблюм, Креславский, Гершберг. Сильно и по делу всыпали Золину.

Голосование дало любопытные результаты. Голосовало 56 человек. Получили «за»:

Поспелов — 55
Сиволобов — 51
Мацко — 51
Азизян — 50
Гершберг — 46
Креславский — 45
Рабинович — 43
Сиротин — 32
Штейнгарц — 30.

Они и избраны. За флагом остались: Кононенко — 28, Золин — 26, Рябов 21.

Из старого состава партбюро переизбраны только Поспелов и Гершберг. Секретарем избран Сиволобов.

Много разговоров — где встречать Новый год. Сашка Погосов зовет в клуб летчиков. Володя Кокки зовет в Дом Кино. Гершберг — в наш дом отдыха в Серебряный Бор. Там встречает издательство, но дают нам 12 мест. На этом и останавливаемся.

1945 год

1 января.

Новый год встречали в Серебряном. Из наших были с женами Гершберг, я (с Зиной и Леркой), Мержанов, Мацко, Объедков. Время провели хорошо. Начали с коньяка «финь-шампань», пили шампанское, Карданали, Дими, водку, Кюрдамир. Была отличная закусь. Танцевали.

В 2 ч. ночи позвонил Сиротин — поздравил с Новым годом и предупредил, что сегодня буду писать в номер передовую: как страна встретила праздник.

Вечером приехал и написал. Новый год я начал с передовой.

3 января.

Сегодня — выходной. Галактионов собрал военных корреспондентов поговорить о задачах в связи с наступлением, которое не за горами. Были: Золин, Иванов, я, Брагин, Курганов, Сиволобов, Кузнецов, Павловский, Рюмкин, Мержанов. Присутствовал и выступал Поспелов.

Затем все поехали отдохнуть в дом отдыха Болшево с женами. Отдохнули хорошо.

13 января.

Сегодня — Старый Новый год. И снова я писал на завтра передовую. Началось наступление. 1-ый Украинский фронт с плацдарма за Вислой, западнее Сандомира. Как часто бывает, я и дежурил к тому же. Передовая — «Победа за Вислой»

Вчера снова повезли Абрама в Боткинскую.

17 января.

Сегодня снова писал передовую — о Варшаве. Она взята сегодня совершенно неожиданно для нас. Как говорит наш генерал, «Красная Армия воюет не по правилам».

А войска 1-го Украинского фронта заняли Ченстохову и находятся в 15–20 км. от границы Южной Германии. Прорвал оборону и 2-ой Белорусский фронт (севернее Варшавы, за Наревом). Сегодня — три салюта.

Дерется уже несколько дней и 3-й Белорусский фронт, в Восточной Пруссии, но пока особых успехов не достиг.

В Будапеште закончили очистку восточной части города — Пешта. Вот гады, держатся уже с 28 декабря!

20 января.

Вчера написал на сегодня очередную передовую. Вчера — 5 салютов!

21 января.

Сегодня два громовых события: войска 1-го Украинского

ворвались на территорию собственно Германии и заняли Крайцбург, Пиштен, Ландоберг, Розенберг и Гутентаг («доброе утро»)!

Войска 3-го Белорусского ворвались в южные районы Восточной Пруссии и заняли Едвабно, Танненберг, Найденбург.

Хочу записать разговор с Кокки. Он был у меня в редакции 17 января вечером и сидел часа два.

— Вчера я чуть не угробился.

— ?!

— Летал на «Ил-8». Погода — мудь. А мне позарез одну штуку опробовать надо. Поболтался в облаках, иду домой. Аэродром закрыт облаками. Вывалился из облаков над крышами, чешу от одной к другой. Ну я их всех знаю. Аэродрома не видно — вот тут должен быть. Плюхаюсь куда-то, качусь. Вдруг штурман кричит: «Впереди что-то темное!!!!» Встал. «Дуглас» впереди в 8 метрах. А облака толстые, и туман херовый.

— Когда это, утром?

— Нет, утром я летал на «Ла-7». Это — днем.

— А ты и на других ходишь?

— А как же! Иногда по делу, иногда из спортивного интереса. Вот, например, последняя серия у него (Лавочкина) села на 40 км/ч против проектированного. Полетал, установил, что проектируемая и не может получиться. Все конструкторы получают цифирь, а заявляют всегда на 10–15 меньше (Яковлев, Ильюшин), а он — больше на 10–15. А заводскую уплывку нашел. Так и сказал наркому: покупайте за столько-то километров.

— А для интереса?

— Это на «Ла-5». Там температура в кабине 56°. Нельзя — люди болеют. Конструктор на дыбы: могу охладить, но это съест 25–30 км/ч Вот, думаю, нехристь. Полетел, в кабине — 23°. Он рассчитывал это сделать за счет охлаждения кабины, а я — за счет прекращения доступа тепла. Да еще скорость на этом хочу выгадать — внутренняя циркуляция то уменьшится!

— А что ты делаешь в наркомате?

— Разное. Я же генерал-инструктор. Раньше, например, на серийных заводах не проводилось испытания продукции. И вот скорости в сериях начали падать. Конструктора — это не наше дело, это завод. Ухнули некоторые до 40 км/ч. Я ввел всюду испытателей, преподали программу. Месяц за месяцем тянули кривую вверх. И вытянули. Оборудовали все станции новой аппаратурой. Подготовили новые кадры и посадили знающих людей. Вот сейчас на это дело торгую Марка Шевелева. Курсы испытателей провели: сейчас второй набор идет.

— На иностранных летаешь?

— А как же! Ты ведь знаешь мое правило — самому все пощупать. Летал на «Сандерболте», «Харрике», «Спитфайере», «Кобре», на днях пойду на «Б-29».

— «Кобра» хороша?

— Хороша, но устарела уже. Вот у них есть какая-то «Черная вдова» — вот бы надо посмотреть. Знаешь, я вчера прочел заметку в «Красной Звезде» и заболел. Там какой-то американский грач рубанул через весь континент со скоростью 600 км/ч с гаком!

— Ну?

— Вот я и думаю — весной бы мотануть в Оренбург (ну это близко), лучше — в Ташкент и дать среднюю в 600 км/ч. Здорово, а? Надо машинку найти, да чтобы она бензин тащила, а самое главное — ветер поймать, весной на высотах бывают ветры со скоростью больше 100 км/ч. А полет-то записывается в одну сторону. Я когда по треугольнику летал — и то под ветер рассчитывал, это было ух, как сложно — ведь круг! А тут — прямая.

— Ну а когда на запад пойдем?

— Пойдем обязательно. Вот дай с Куйбышевым разделаться. Ну еще неделю-полторы. Может, к тому времени и Вена будет. А сейчас пойдем ко мне молдаванское вино пить! Надо же его попробовать.

Вчера говорил с академиком Гращенковым об Абраме. Он говорит, что ничего наука пока сделать не может. Средств пока нет. Никто в этой области не экспериментирует.

Говорил об этом с профессором Ермольевой. У ней концентрируются материалы по применению пенициллина. Препарат чудодейственный: триппер излечивает в 1–2 дня, сифилис — в месяц. Но против этой болезни и пробовать никто не пробовал. Не то.

В Москве опять холодно. Топят всюду холодно. В редакционном кабинете у меня мерзнут пальцы и ноги. Худо со светом: во всех домах выключают с 8 до 5 ч вечера. Газ не горит. В городе, говорят, сыпняк — отдельные случаи. Локализуют быстро.

31 января.

Наступление все прет и прет. В действии все фронты. Начали доколачивать и в Прибалтике. Начали там дней десять назад, но идет дело медленно. Пока объявили только Клайпеду. По остальным фронтам идет хорошо. В иные дни стреляют салютами в Москве по пять раз в день. А вчера не было ни одного салюта — так москвичи даже недоумевали. Вот заелись!

В Восточной Пруссии немцев окружили. Они попробовали вырваться на северо-запад, к Эльбингу. Сначала продвинулись,

вчера остановили. Познань окружена Жуковым, а позавчера (правда, Макаренко сообщил об этом еще в субботу-27-го) его войска пересекли тоже границу. Немного застопорилось дело в Силезии, уже дней 7–8 стоим под Бреслау. Топает понемногу и 4-ый Украинский — по Карпатам. Зимой!! Ну и участочек им достался!

Будапешт еще держится. Вчера бросили туда авиацию — дым пошел. Так его и надо, очень уж церемонились.

В Берлине — паника. Дают эвака!

А союзнички все стоят… Вот терпеливые.

Почти через день пишу передовые. Последнюю написал вчера.

Яша Рюмкин блестяще слетал в Будапешт. Он вылетел 19-го января на «Дугласе». Дошел до Арада. Там уходил на фронт полк «Ил-2». Уговорил летчика, сунул с собой в кабину. Затем подлетел на «У-2» до штаба фронта. Выпросил у генерала машину. Притопал в Будапешт. А снимать нельзя — нет погоды. На следующий день чуть развиднелось. Снял. В машину. На связной аэродром. Туман. «Убьешься, нельзя». Уговорил. Дотопал до Арда. Стоит «Дуглас», винты вертятся. Туда. Шли на 5000 м — из-за погоды. Как и туда, шла кровь носом и из ушей.

И вот вваливается ко мне 21-го:

— Снимки нужны?

— Ты откуда?

— Из Будапешта.

— Врешь! Иди, разыгрывай других, мне некогда.

Еле уговорил.

Новое партбюро энергично берется за дело. Вчера закончилось созванное им двухдневное совещание актива о фельетоне. Вместо доклада Заславский рассказал «Как я стал фельетонистом». Очень интересно. Выступали Поспелов, Рыклин, Верховцев, Штих, Гершберг, Рябов и др. Завтра — бюро о своевременном выходе. Вчера нам снова строжайше приказали сдавать в 4:30. Вчера, впервые за месяц, уложились. А то все — 6:30.

Холодно. В редакции — все в пальто — минус 20!!

6 февраля.

Наступление понемногу утихомирилось. Уже несколько дней нет в сводке 1-го Укр. фронта. Там, южнее Бреслау, мы форсировали Одер еще дней 10 назад, но, видимо, туго расширяется. Тише стало и на 1-м Белорусском обкладывается со всех сторон Франкфурт на Одере, правым флангом заняли Бэрвельде (в 70 км. от Берлина — это же их Кубинка!! Вспомнить только, что делалось у нас, когда немцы были в Кубинке!) Войска

2-го Белорусского в основном стоят стеной и не выпускают немцев из Восточной Пруссии, а войска 3-го Белорусского (Черняховского) жмут их. Места им там осталось чуть. Между делом 2-ой Белорусский окружил Эльбинг. В Будапеште продолжается драка.

Прежней стремительности (20–30 км в среднем по всему фронту) уже нет. Дни проходят без приказов. Это понятно. Нельзя месяц выдерживать такое сумасшедшее движение. Тылы отстали на 200–300 км. Наши ребята рассказывают, что сейчас всё за сотни километров (бензин, харч, снаряды), везут на машинах. За границей железка имеет более узкую колею, чем наша. Все надо перешивать, на границе — перевалка, а немцы подвижный состав угоняли. Да что там железка. Пехота отстает на несколько дней. Вот приехал вчера с 1-го Белорусского Кизяев, рассказывает: 5 дней от Катукова не было никаких сведений в штабе: ушел вперед со своими танками и оторвался от всего.

Из немецкой Силезии прилетел наш фотокорр. Устинов. Летел 5 дней. Был в Оппельне, Крайцбурге. Рассказывает — немцы уходят подчистую, во всех городах не видел ни одного! Все вещи брошены, скот бродит, его наши рубят, колют на харч, но не перекололи. Жили там все богато, по горло. Много наших вещей, товаров, машин. Города побиты, но не очень. Часты пожары — солдаты разложат костер в доме, покидают туда мебель, а загасить не всегда умудряются. В лесах — немецкие полки, дивизии, отставшие, сбившиеся с толка.

Немцы вовсю эвакуируют Берлин.

Начали брать к нам «стариков». Ильичев их всячески отваживал, сейчас его нет — берем. В иностранный взяли замом Бориса Изакова, он сейчас трижды орденоносец, был у партизан, был тяжело ранен, лежал год, но нога и сейчас болит — с костылями. В Экономический взяли спецкором Раневского — он работал последнее время в ТАССе, уволили его от нас лет 7–8 назад из-за ошибки (придравшись!!). Замом в отдел обзоров взяли Бориса Горелика. Поспелов мне вчера сказал: «Вот собираются опять ветераны».

Был у нас режиссер кино Калатозов. Он провел полтора года в Америке. Рассказывал свои впечатления. Высокий, большеглазый, солидный, в сером костюме.

Войны средний американец не чувствует. Бешено разрослась промышленность, безработицы почти нет, все работают на войну, и все боятся кончится война, что тогда делать, опять безработица. Живут крепко, некоторые ограничения только на обувь, сахар и еще кое-что.

Заводы всюду. Даже в Калифорнии, около Голливуда,

авиазаводы «Дугласов». О Советском Союзе знают по-прежнему мало, считают все происходящее чем-то вроде чуда. Очень популярен Сталин, Рузвельт популярен, Черчилля не любят. Пресса Херста весьма сильна, недавно съела Чаплина, обвинили его в совращении девушки и прижитии ребенка. Грозило 10 лет, он нанял адвоката за 100 тыс. долларов, еле вывернулся, Рузвельт его бросил на съедение Херсту.

В кино военной тематики нет. Американцы уже два года перестали делать военные фильмы, говорят — народ устал от войны. Газеты выходят в прежнем объеме. Читать — мало читают, Хемингуэя у нас знают больше, в Америке его считают нереалистом. Русских писателей не знают. Среди белогвардейцев громадный раскол. Большинство — за Советский Союз, руководят всеми сборами в пользу СССР и т. д. Но есть и сильные враги, издается даже газета «Русский фашист».

С неграми дело полегче, есть театры негритянские, берут их и в армию.

Театра в нашем понимании почти нет — ревю. Большинство артистов актеры одной роли, нашего перевоплощения в роли героев — очень мало и очень немногие. Киношники боятся русской кинематографии: ее методов, исканий, будущего. Русские картины идут в 80-100 кинотеатрах, второэкранных (из, кажется, 18000 киношек).

Ближайшие годы, по мнению Калатозова, — годы цветного кино. Было бы раньше, но патенты цветной съемки скупила одна фирма и не дает другим.

Мультипликатор Дисней делает чудесные картины, но ярый фашист.

Очень много театров кинохроники. Программа — 10 минут дикторского обзора (что случилось в мире за неделю — не надо читать газет), и потом всякий кино-обзор. Кино — переполнены, это — быт. В среднем, каждый американец тратит на кино долларов 30 в год, билет от 50 до 120 центов.

25 февраля.

23-го февраля, как раз в День Красной Армии получил орден Красного Знамени. Вручали в Кремле. Вручал Калинин. Сначала Горкин огласил фамилии трех Героев. Затем — сразу меня. Потом еще около 150 человек.

Вручение происходило в небольшом круглом, но очень торжественном зале. Высоченный, с уходящими в высь, прозрачным, с льющимся, каким-то проникающим светом. Массивные колонны, между ними на стенах горельефы — античного торжественного характера. Строгая тишина, и голос Горкина.

Михаил Иванович очень постарел. Я его не видел несколько лет. Стал совершенно седой. Лицо очень усталое, глаза сощурены так, что их почти не видно. Стоит слева у стола, согнувшись, делает шаг, полшага навстречу, протягивает левой рукой орден с коробочкой, правой пожимает руку, говорит «Поздравляю Вас». В первом ряду сидели на костылях. Он делал им навстречу два-три шага.

Быстро. Горкин выкликал пункт из Указа (указы сведены вместе по группам и орденам), вызываемый подходил, получал, отвечал Калинину, уходил. Вручение всем заняло (со съемкой) 45–50 минут.

Большинство получающих — военные. Я был в штатском. Подошел. Калинин вручил, поздравил. Вместо обычного «Служу Советскому Союзу» я ответил: «Спасибо, Михаил Иванович». Он сразу вскинул голову, посмотрел на меня пристально и улыбка пробежала по его лицу. Видимо, он вспомнил меня.

Потом снялись вместе (по группам) с Калининым. День был морозный (-27), но солнечный, яркий. Очень хороший день!

Наступление продолжается, но темпы уже стали, естественно, иными. В Восточной Пруссии немцам, как будто, удалось проложить от Кенигсберга дорожку к морю, к Пиллау. Но много ли уведешь морем — там их 40 дивизий.

Левое крыло 2-го Белорусского рвет на Данциг, правое 1-го Белорусского (Жуков) — на Штеттин. Намечается второй гигантский котел. Жуков форсировал Одер южнее Кюстрина и ждет. Конев правым флангом уже подпирает Жукова, а середкой приближается к подступам Жрездена. Слева он окружил Бреслау.

Прошел слух (пишут немцы), что союзники, наконец, начали наступление в районе Аахена. Начали, вроде, позавчера, но сообщение пока не печатаем.

В отделе — тяжко. Золин уехал на 1 БФ, Иванов — болен, в Архангельском, генерал — болен. Паримся с Яхлаковым каждую ночь. Не вынимая. Да тут еще передовые (сегодня — моя).

6 марта.

На фронте опять оживление. Пошел левым флангом Рокоссовский и правым Жуков. Плечом к плечу вышли к Балтике, к Кольбергу, и учинили позавчера котел в Померании. Таким образом, все побережье Балктики в котлах Прибалтика, Восточная Пруссия, Померания. Так Германия скоро станет сухопутной страной. На остальных участках тихо. О прорыве к морю написал передовую.

Союзники действительно начали 23-го наступление. Идет довольно успешно, хотя темпы и не наши. Находятся сейчас в 5 км. от Кельна. Начали они, наконец, долбать авиацией Дрезден

и другие пункты, лежащие в ближнем тылу нашего фронта.

Сенька Гершберг рассказал хороший анекдот по поводу Крымской конференции:

Прощаясь, Рузвельт и Черчилль говорят:

— До встречи в Берлине.

— Милости просим! — ответил Сталин.

Это очень хорошо сказано. Рыклин собирается обыграть это в «Крокодиле» (сделав сцену между освобожденным англичанином и нашим бойцом или т. п.).

Популярный ныне бытовой анекдот:

— Кто твой муж?

— Газовый монтер. А твой?

— Повар. А у Машки?

— Инженер.

— Так ей, стерве, и надо!

Вчера чествовали в Серебряном бору Рыклина — в связи с его 50-летием и Баратова — в связи с награждением орденом Ленина за безупречную выслугу лет в армии. Были: Сиротин, Поспелов, Малютин, юбиляры, Сиволобов, Гершберг, Азизян, Кирюшкин, Шишмарев, Объедков, Лукин, Потапов, Корнблюм, Креславский, Заславский.

Пили крепко. Говорили спичи. Здравицы. Пели песни.

Рыклин рассказал, что в его городке — Стародубе — были три профессии часовщик, портной, сапожник — «интеллигентные профессии», по которым отец хотел его пустить.

Заканчивал свою речь Гриша фельетонно: «Как говорится в таких случаях: Уважаемый товарищ редактор! Не имея возможности лично отблагодарить всех поздравивших меня с юбилеем, разрешите в Вашем лице…» Раздался хохот, Гриша и Поспелов облобызались.

Позавчера на заседании редколлегии Гершберг, наконец, был утвержден зав. экономотделом. В течение нескольких лет он был ВРИО. Вчера в Серебряном выпили по этому поводу.

7 марта.

Сегодня Вадим Кожевников рассказывал интереснейшие вещи. Он был в неких органах и просил материалы о действиях наших разведчиков. Меркулов ему посоветовал заняться другой темой: борьбой за чистоту хлебных семян.

Оказывается это — колоссальное дело, огромного народнохозяйственного значения. До войны в результате колоссальных государственных усилий, у нас было благополучно. Но это — проблема проблем всех стран. Зерно заражается различным бактериями, кроме того — в силу различных причин — вырождается, теряет сои благородные качества и биологически

перерождается. Крайне важно оградить основной семенной фонд и поля от таких зараженных посевов. До войны мы проделали титаническую работу. Ее всегда вели органы НКВД. Были установлены строжайшие кордоны на границах (к растениям они были придирчивее, чем к контрабандистам), барьеры между областями, неусыпное наблюдение за семенным фондом. Этим фондом мы маневрировали, как армиями, безжалостно забирали и изымали подозрительное зерно, давали другое. Тоже делалось и за границей. Но у них маневренные возможности были меньше. Я помню, как лет 10–15 назад мы часто печатали, что в Канаде или в Бразилии «чтобы не падали цены» фермеры сжигали десятки тысяч тонн зерна. Дело объяснялось гораздо проще (и гораздо сложнее). Это — проводилось государственное уничтожение подозрительного зерна. Государство не только скупало у фермеров зерно, но и платило им за расходы по его уничтожению.

Во время войны эта проблема у нас резко обострилась. Во-первых, в связи с недостатком хлеба на севере и на Дальнем Востоке, мы получали зерно из Америки. Пришлось установить старый кордон. Наши заокеанские друзья воспользовались случаем и частенько подсовывали «то» зерно. И часто, несмотря на голод и скуднейшее обеспечение населения севера хлебом, мы, получая зерно и благодаря за него, вывозили его потом в море и топили. Недаром, почти все работники хлебной инспекции Мурманска, Архангельска, Дальнего Востока — награждены орденами Ленина.

Но гораздо сложнее дело обстояло в оккупированных немцами областях. Они и тут проводили политику истребления. Они вывезли из Украины, Белоруссии, Кубани благородный семенной фонд (желая облагородить свои посевы в Германии), а сюда завезли зерно подмоченной репутации. В итоге, уже при немцах урожай хлеба в оккупированных районах составлял едва 30 % довоенного. Но это — полбеды. Сейчас из-за этого нависла страшная угроза над всеми остальными районами. Пыльца растений при благоприятных условиях погоды переносится на расстояние до 1000 км. В стране — огромное движение, колоссальные перевозки — самая благоприятная обстановка для размножения беды. И вот тут нужна исполинская работа. И настоящая бдительность. Вадиму рассказывали, что недавно были обнаружены два вагона зерна, посланные из Донбасса на Урал, хотя тот и не запрашивал. Как это получилось? То ли напутали, то ли заслали по ошибке, то ли кто-то действительно затребовал и забыл. А, может, и сознательно послали заразу.

Наша Наташа Волчанская ездила с советской профсоюзной

делегацией в Лондон на всемирную конференцию. Вчера она рассказывала подробности. Занятно!

Путь лежал через Иран, Аравию, Египет, Францию — воздухом. При отличных условиях 4–5 дней, обычно (с непогодой) — до 10 дней. На промежуточных аэродромах образцовое обслуживание. Был а Каире: страшная смесь нищеты и богатства; нищие — грязные, обвшивевшие, в лохмотьях — продают ужасные на вид лакомства, ощущение брезгливости не покидает потом неделю. В Египте тьма людей — и все ничего не делают, жрут, сидят в кафе или стучат в кости. Была у пирамид — чрезвычайно интересно, но неорганизованно. Пирамиды — облезшие, все ценное — даже орнаментировку — англичане вывезли в свои музеи. Экскурсоводы — четыре невероятно грязных араба. На невероятной смеси всех европейских языков «объясняют» самые невероятные вещи. Яйцо у сфинкса выщерблено временем, арабы поясняют, что это Наполеон бил из пушки. Всех европейских женщин они почему-то называют Мария.

Наташу поразило, что арабские ребятишки на улицах играют в скакалку, также, как и наши.

Ефрат — грязная, необычайно унылая река, топкие, грязные берега, мутная желтая вода. От Рая тут ничего не осталось.

Тяжелое впечатление оставляет Франция. Летели над ней — ни поездов, ни машин. Страшная безработица, голод. Женщины, как правило, без чулок (хотя и холодно, и ноги синие — НЕТУ!), не видела ни одного человека в кожаной обуви — дерево. Паек -300 гр. хлеба и почти всё. Но очень бурлит общественная жизнь, всюду плакаты, воззвания, лозунги. К нашим отношение восторженное.

Наших было 42 чел. Летели на трех советских самолетах со своими экипажами. Старший — Чулков.

Лондон. Вид неказистый, мрачный, тяжелый. Совершенно угнетающее дело туманы. Они какие-то особенные — это копоть, и его как будто глотаешь. Даже в комнатах туманно.

Женщины и дети в большинстве эвакуированы из-за Фау-1 и Фау-2. На улицах детей почти не видно. Очень много американцев, канадцев, австралийцев, много женщин в военной форме (элегантно — длинные прямые брюки, со вкусом курточки). Много машин, все очень быстро ездят.

Лондон сильно разрушен. Некоторые улицы снесены в дым, ремонта не видно. До сих пор методически обстреливают. Раньше, при Фау-1 успевали объявлять воздушную тревогу за 6 минут до удара. При Фау-2 не успевают и не слышат полета. Взрыв, а затем — через несколько секунд — грохот рушащегося здания. Каждая бомба — квартал в щепки. Однажды видели полет

Фау-2- как огонек метеора, и взрыв. Население внимания не обращает, бесполезно, но многие ночуют в метро, говорят, что теплее и уютнее.

Магазины торгуют бойко, но промтовары лимитированы. Чулки, носки, обувь, одежда, сукно — по талонам. Хлеб не нормирован, остальные продукты норма. Сахару — 400 г. в неделю. Масла сливочного совсем нет, маргарин. В ресторанах — без карточек и сравнительно недорого, но можно заказать только одно мясное блюдо, за вторым мясным надо идти в соседний ресторан.

Еда безвкусная. По утрам обязательно овсянка, которую наши называли «кашей-затирухой».

Англичане Наташе не понравились. Корректные, но страшно сухие. Лицемерные. В ресторане не дашь положенного на чай — и лакей нечаянно обольет соусом. Ханжи. Святость семьи и порнографические открытки в магазинах, порнофильмы в кино, балеты с голыми девушками.

Много кино. Очереди на 30–40 минут. В основном — американские фильмы, в том числе — превосходный фильм о Шопене. Английских картин не видели. Дважды была в театре. Постоянных трупп нет. Смотрели «Ричарда III» Шекспира — очень хорошо, но наша постановка богаче; смотрели оперетту — никуда не годно.

Отношение англичан не понравилось. Стараются не пускать куда только можно.

Рыклин рассказал новый анекдот о Крымской конференции. Зашла речь о том, как делить репарации с Германией.

— По частям, — сказал Черчилль.

— По участникам, — сказал Рузвельт.

— По трудодням, — ответил Сталин.

9 марта.

Сегодня ушел обедать в 11 ночи и решил остаться дома — болела голова. Лег в 2. Только уснул — звонок. Поспелов просит прийти в редакцию.

— Срочное дело. Можете?

Пришел.

— Надо написать о репатриации военнопленных союзных армий. Задание т. Молотова. Вас ждет генерал Голубев.

Поехал. Генерал-лейтенант Голубев — зам. уполномоченного СНК СССР по репатриациям. Маленький кабинет. Толстый широкий генерал, две линии нашивок, широкое лицо, покоробленное у губы и на щеке шрамами. Когда встал — великан. Сидел еще помощник уполномоченного генерал-майор Басилов, низенький, худощавый, усатый, приветливый.

Говорили часа два. Рассказали интересные вещи. Буду писать в номер. Потом Голубев начал расспрашивать меня, где я бывал. Я рассказал.

— Много видите вы, журналисты. Как вы обеспечены?

— По разному.

— Ну вот вы, например.

— 3000–3500.

— Столько, сколько командир корпуса.

Рассказал, что командовал армией. Под Москвой, у Подольска в 1941 г., брал потом Медынь, Духовщину и пр. Был тяжело ранен («накрыло нас десять человек огнем — восемь убито») и попал сейчас сюда.

— Обо мне много писали. Как бы достать — память!

Я обещал помочь.

Помнит меня по газете, помнит ребят, которые к нему приезжали Белявского, Лидова, Курганова.

Расстались друзьями.

Сегодня напечатана опять моя передовая «Удары Красной Армии по врагу».

Получили сообщение, что Костя Тараданкин награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени. Наконец-то!

20 марта 1945 г.

В 12, когда я еще спал, позвонил Гершберг.

— День отличный. Звонил мне Яковлев. Приглашает к нему на аэродром, посмотреть послевоенную авиацию. Едет Заславский. Поедем, а! Через полчаса он пришлет машину.

Поехали. Приехали на завод. Вышел Яковлев, сели в другую машину, поехали на аэродром. Он в генеральской форме, с ленточками орденов (восемь, в два ряда). День солнечный, веселый, хотя и 10о мороза.

Еще дорогой Яковлев говорит:

— У меня сегодня одно очень большое событие. Скажу после.

На аэродроме проезжаем мимо красноватых истребителей.

— Это новые Микояновские, — поясняет Яковлев.

— А вот и Яки!

Сошли. Целое племя новых пассажирских машин.

Первый стоит Як-8 — изящная серая двухмоторная машина. Назначение внутриобластные перевозки. «Маленький Дуглас». Два мотора «М-11» по 150 л.с., моторы закопчены. Внутри скромно, но хорошо отделано. Яковлев предложил пройти, сесть. Деревянные удобные кресла с подзатыльниками. Шесть пассажирских мест. Уборная (просторная — я сразу вспомнил теснейшую на дирижабле «В-3», из которой высовывалась половина командира корабля). Регуляция воздуха — теплый/

холодный. Серый сплошной коврик.

— Садись в пилотское кресло, — предложил Яковлев.

Я сел. Два кресла, двойное управление. Отличный обзор. Скорость 220, дальность 1000, за счет дополнительных баков — 1500. Стоимость 100–150 тысяч.

— Тебе ее заказывали?

— Нет. Мне никто не заказывал ничего, но конструктор и не может ждать. Я хотел сделать машину, промежуточную между большими аэродромами. Эта садится, где угодно.

Рядом другая — «Як-14». Одномоторная, тот же «М-11». Моноплан тоже, но крыло над кабиной, поэтому — подкосы. Это — настоящий воздушный автомобиль. И все сделано под автомобиль. Широкая дверка, четыре места, как в машине, садиться так же. Приборная доска, как в машине, и даже ящички по бокам. На доске — витая надпись «Яковлев» и «№ 14».

— Земной человек плохо себя морально чувствует в самолете. А тут все привычно, как в машине. Этот стиль много значит. Поставил даже глушитель, чтобы и мотор работал по-автомобильному. Послушай!

Запустили (запуск из кабины!). Звук очень приглушенный, чуть громче авто. В кабине можно свободно разговаривать. Скорость — около 200, посадочная — 65. Багажник сзади, на 2–3 чемодана, за сиденьями — место для портфелей, свертков. Обзор — чудо.

— Это настоящий автомобиль личного пользования. Таких много в Америке. Стоимость будет не больше «Эмки». Сейчас она полетает.

Подошел летчик, молодой, скромный, деловой, высокий рост, кожанка.

— Познакомьтесь, Расторгуев. Сегодня — юбиляр. Летал утром и поставил не то союзный, не то мировой рекорд скорости.

Поздравили.

— На чем?

— На моей новой машине.

— Все документировано? По треугольнику? — спросил я. — По правилам ФАИ? Комиссары были?

— Все чин чином, — отвечал летчик. — Летал полчаса. Можно подавать официально, а аэроклуб.

— Так об этом надо написать!

— Погоди, рано. Машина — особая.

— А что особого?

— Вот увидишь после.

Расторгуев сел в «Як-14» и улетел. Прошел низко над нами. Мотора почти не слышно. Идет, как по ниточке. Малый вираж и

снова строго горизонтально. Управляемость и послушность отменные.

Пошли дальше.

— Вот вам нужны в «Правде» несколько таких машин, как 14-ая, — сказал Яковлев.

— Нет. Такие — само собой. Мне лично нужна машина с радиусом в 1500–2000. И скоростью в 400, - сказал я. — Мне надо в один день успевать в Берлин и обратно — к выходу номера.

— Так вот тебе «Курьер», — ответил Яковлев. — Скорость 600, дальность 2000. Устраивает? Это будет пассажирский экспресс.

Мы вошли в ангар.

Длинный красный самолет, красная сигара. Это и есть «курьер» переделанный «Як-9», бывший истребитель, вооружения сняты, добавлено 2-ое место.

— Садись в кабину, приноровись, удобно?

Я залез. Никое, очень удобное сиденье, откидной столик, слева высотомер, справа — саф. Летчик не отгорожен, можно его толкать, хороший обзор. Даже сидя в самолете, я чувствовал себя уже летящим с большой скоростью.

— Хороша! — сказал я.

— Вот — пожалуйста. Я согласен дать ее тебе в полет, когда понадобится. Все испытания прошла. Позвони, когда будет нужно!

Вышли из ангара. Около стояла красная машина, одномоторная, похожая на иглу с несколько толстым хвостом.

— Это и есть сегодняшний юбиляр. Реактивный самолет. Взлет с обычным мотором, на высоте — включает реактивный.

— Сколько он работает.

— Около получаса. Вполне достаточно для воздушного боя. Но для него у меня сделан и другой самолет — «Як-3» с новым мотором. Будет самый быстроходный истребитель мира. Вот он стоит в ангаре. А рядом — «УТ-2», сейчас всюду обучают на нем.

— А ангар у тебя давно?

— Нет. Раньше у меня не было. Все самолеты стояли под открытым небом. Бился, ничего не могу сделать. Сказал т. Сталину. Он сразу, не переспрашивая никого, сказал — дать! Дали мне, Микояну, Лавочкину.

Подошел худощавый, невысокий, веселый летчик, на вид — лет 35, в кожанке, генеральские погоны.

— Федрови.

Заславский говорит: хорошо бы полетать хоть на одной из виденных.

— Давайте я вас покатаю, — засмеялся Федрови. — Как раз

сейчас полечу.

— На чем?

— «Мессер-108». Новый. Испытываю, что он такое. Прошу!

Но Яковлев запротестовал: «Некогда». Видимо, не хотел отвечать за нас.

Поехали на завод. Зашли в кабинет. В камине — дрова горят, уютно. Сели.

— А я с этим камином натерпелся. Начал строить этот корпус, запроектировал камин, широкую лестницу. С стройинспекция не утверждает, говорит — по нормам не полагается. И ни в какую!

Работает у меня подарочная группа (пепельницы с самолетами). Так часто делаю то одному, то другому подарочный самолет для ребят. И вот случилось: Рузвельт прислал Сталину свой портрет. Сталин ответил тем же, а рамку для портрета — строгую, художественную — мы делали. Я вот давно думаю над тем, чтобы вещи делать не только правильные, но и красивые. Ведь изуродовали Москву новыми безобразными домами. Хочу написать об архитектуре архитектора услыхали, Христом Богом просят написать, помочь им прошибить косность. Хочу написать и о театре. Вот я, конструктор, дал за время войны столько-то новых самолетов. А что дал Большой театр? Один спектакль «Иван Сусанин», да и то испортил его. Говорил я об этом с Поспеловым — и об архитектуре, и о театре, а он боится что ли?

Позвали завтракать. Маленькая столовая, тут же — при кабинете. Чудный сервиз. На столе — коньяк «КС», водка, Мукузани, Цинандали. Легкая закуска, печеная картошка, заливная осетрина, горячая рыба, ромштекс, кофе с яблочным пирогом. Великолепно и вкусно.

После завтрака — опять в кабинет. Заславский завел разговор о механизме творчества, спросил — где Яковлев работает.

— Я работаю здесь, в кабинете, больше у меня рабочей комнаты нет. Иногда фотографы требуют, чтобы я снялся за чертежной доской, за расчетами. Я им говорю, это же враки. Я даю идею, основное решение проблемы, а дальше дело, пожалуй, техники. При современном оснащении нас расчетной наукой и при нынешних знаниях авиации, да плюс еще наш опыт — технически грамотные идеи можно обосновать быстро. Этим и занимаются мои помощники. Но одних знаний недостаточно. Нужна творческая интуиция. Вот есть такой авторитет в области аэродинамики — проф. Пышнов, ты его, Лазарь, знаешь хорошо. Сколько раз он пытался создать машину, а не получается. Как я творю. Мне необходимы ощущения. Я разговариваю с вами, с другими людьми, бываю в театре, на заседаниях, а мысль все

время где-то подсознательно работает. И мне необходимо общаться с людьми. Если бы меня заперли на три месяца в комнату я бы ничего не создал и захирел.

— Расскажите, все же, о создании какой-нибудь машины.

— Хорошо. Вот свежий пример. т. Сталин устраивал прием де Голлю. Кажется, 9 декабря прошлого года. Пригласили почему-то и меня. Видимо, потому, что был и командир полка «Нормандия», а они все время хвалят «ЯКи». Прием был в Екатерининском зале. Молотов поднял тост за гостя, гость — за Сталина и, кажется, Молотова. Потом Сталин начал провозглашать тосты. И вдруг слышу — «За Яковлева, конструктора советских грозных истребителей». Я сразу встал. И вот вижу — Сталин идет с бокалом к моему столу. Я совсем растерялся. Пошел навстречу. Чокнулись. «Вы хорошо выглядите, я давно вас не видел», — сказал Сталин. После банкета т. Сталин пригласил посмотреть кино. Посмотрели одну картину. «Ну что, по домам или будем смотреть еще?» спрашивает Сталин. Все, конечно, молчат. «Ну, давайте посмотрим еще. Что есть?» Ему называют. Он выбрал «Волгу-Волгу». (Сталин, видимо, очень любит эту картину. Мне когда-то Полина Осипенко рассказывала, что на даче Сталина еще в 1938 или 1939 г. ее вертели, потом еще кто-то говорил. Гершберг рассказывает, что Сталин смотрел ее десятки раз. — ЛБ) Прокрутили. «Ну, по домам — или еще?» Опять все ждут. Начали вертеть мультипликацию Диснея, сделанную специально для России, на русском языке.

Потом Сталин взял командира «Нормандии» подполковника Пуяда и пошел в соседний зал, туда же пошли еще несколько человек. Проходя мимо меня, он потрогал ордена, побренчал ими и засмеялся: «А неплохо получается?!» и позвал меня. Сел за стол. «Дайте нам шампанского!» Сам открыл бутылку, налил в бокалы. Выпили. Потом спрашивает у командира:

— Вы летали на Як-9 с 37-мм пушкой?

— Да.

— Нравится вам эта машина?

— Хорошая машина. Но нам больше нравится «Як-3», это более маневренный самолет.

— Но у него вооружение слабее.

— Зато маневренность больше.

— Ну это важнее для индивидуального воздушного боя, — заметил Сталин. Зато пушка 37-мм разносит любой современный самолет. Видите, у нас есть идея устраивать в воздухе при налете вражеских бомбардировщиков воздушную артиллерийскую завесу. Как вы на это смотрите?

— Вот если бы на «Як-3» поставить 37 мм пушку — это было

бы хорошо, упорствовал француз.

— Ну как вы не понимаете, — возразил Сталин. — Это же разные задачи: воздушный бой и артиллерийский заслон. Конечно, было бы хорошо иметь «Як-3» с 37 мм пушкой, но такого самолета нет, и вряд ли это возможно. Яковлев, как вы думаете, это возможно?

— Нет, т. Сталин, — ответил я. — Это невозможно. «Як-3» — самый легкий в мире истребитель. Если на него поставить 37 мм пушку — это его резко утяжелит и он потеряет и скорость и маневренность.

— Ну, вот видите, — сказал Сталин. — Конструктор говорит, что это невозможно.

А француз упорствовал. Он явно не понимал идеи Сталина и хотел иметь тяжелую пушку не для завесы, а для драки.

— Ну, с ним каши не сваришь, — махнул рукой т. Сталин.

Беседу переводил работник НКИДа. При переводе он явно путался в технической и военной терминологии, и я, несмотря на весьма слабое знакомство с французским языком, и французский летчик его часто поправляли.

— Вот так всегда, — заметил полушутливо т. Сталин. — Мы воюем-воюем, а придут дипломаты — и все испортят.

Он еще пару раз — по ходу разговора и очень к месту — сказал это о дипломатах.

Вернулся я домой на дачу в 5 ч. утра, и уснуть не могу. Свербит мысль: как бы все-таки поставить на «Як-3» тяжелую пушку. Ходил, лежал, думал. И постепенно начала рождаться мысль: передвинуть летчика, это освободит место для более габаритного вооружения, сделать то-то, так-то изменить центровку. В 9 ч. утра я уже позвонил на завод и приказал приготовить к часу дня такие-то и такие-то расчеты. Приехал, сели. Неделю работали. И вот, в субботу, я позвонил т. Сталину.

— Могу поставить на «Як-3» 37 мм пушку.

— А скорость и маневренность?

— Останутся без изменения.

— Это очень хорошо.

И в понедельник меня уже вызвали со всеми расчетами и данными (об этом он дал в Комсомолке. Надо взглянуть. — ЛБ).

Вообще, т. Сталин давно уже высказал мысль о том, что современная авиация должна быть пушечной. Помню еще до войны он вызвал меня и спросил, как вооружены современные иностранные самолеты. Я ответил, что «Спитфайер» имеет столько-то мелкокалиберных пулеметов, «Харрикейн» столько-то и пр.

— Это обывательский подход к авиации, — сказал Сталин.

Они успокаиваются тем, что их много Но раз их много — рассеивание большое, а убойность — ничтожна. Сейчас вслед за нами будут бронировать самолеты, что тогда сделает мелкокалиберный пулемет? Самолет истребитель должен быть вооружен пушками и пулеметами крупного калибра.

— А вот другой случай создания машины. Дело было в 1943 г. в сентябре или октябре, когда наши войска форсировали Днепр. Вызвали нас к т. Сталину был Маленков, Новиков, Шахурин, кто-то еще; из конструкторов — Ильюшин, Лавочкин и я. Сталин сказал

— Наши войска вышли к Днепру. Немцы бросили туда свою авиацию, бомбят вовсю, а наши аэродромы далеко, близких аэродромов в Днепру нет, дальности у истребителей не хватает и они не могут бороться с немцами. Нужно срочно увеличить дальность. Что вы можете предложить т. Лавочкин? (Между прочим, об этом — дальности аэродромов, невозможности их пододвинуть из-за прибрежных болот и леса мне как раз говорил тогда на фронте командующий 16 — ой воздушной армией генерал-полковник Руденко. — ЛБ).

Лавочкин встал и ответил, что дальность увеличить нельзя, т. к. это снизит скорость, но он может предложить другие улучшения.

— Нам сейчас дальность нужна, — перебил т. Сталин. — Дальность, дайте мне дальность. Можете?

— Нет, т. Сталин, не могу.

А я сказал, что могу и через несколько минут постановление было оформлено.

Спустя некоторое время наши самолеты производили большую операцию по эвакуации штаба И.Б.Тито из окружения в Югославии (об этом писал летчик Калинкин в «Красной Звезде» в конце прошлого года. — ЛБ). Но «Дугласы» должны были действовать обязательно под прикрытием, иначе вся операция могла пойти насмарку. И вот, полк «ЯК-9» днем пролетел через всю территорию Украины, Румынии и Югославии, занятую еще немцами, и без посадки опустился в Бари в Италии. Из этой машины сейчас родился «Курьер». Такая дальность тебя устраивает, Лазарь? А помогло мне в этом деле и одно внешнее обстоятельство. Когда я стал замнаркома, я добился постановления (и с этим т. Сталин согласился), чтобы конструкторы 1-ой категории имели в год 500000 рублей абсолютно бесконтрольных, на риск. Он может кинуть эти полмиллиона на ветер, не думая о Наркомфине, Госконтроле и т. д. Конструктор должен иметь право на риск. Вот на эти деньги я и строил машину. Что в этом случае обеспечило успех и в чем

здесь проявилась роль конструктора? Конструктор не должен ждать заказа, благодаря предварительной работе общая схема машины и сама она в первом приближении были готовы еще до разговора в Кремле. Успех обеспечило и то, что я поставил перед собой хотя и дерзкую, но разумную черту: 2000 км. Поставь я 3000- и ничего бы не вышло. Роль конструктора заключается в том, чтобы определить пределы дерзания и наметить наиболее короткий путь к цели. Иные идут более длинным путем, третьи заходят цели во фланг, а то и с тыла, некоторые совсем сбиваются с пути и не приходят к ней (говоря это, Яковлев чертил на столе эти пути).

— А над чем вы сейчас работаете? — спросил Заславский.

— Над истребителем.

— Как вы относитесь к Ильюшину?

— Я считаю его гением. В 1938 г., задолго до войны он предложил штурмовик, которого и до сих пор нет ни в одной армии мира. Идея его заключалась в том, чтобы бить танки, когда они раскрыты.

9 апреля.

Война на излете. Уже две, пожалуй, недели союзники наступают, не встречая никакого организованного сопротивления. Немцы, видимо, решили там открыть ворота. Ясно это было с первых дней нового наступления союзников. Не было сопротивления ни на линии Зигфрида, ни на Рейне, ни за ним, без боя немцы отдали даже Рурский район.

Наша печать сначала молчала. Впервые об этом сказал в № от 1 апреля Галактионов. Тогда стали давать и ТАСС, и остальные газеты.

По-видимому, немцы решили из двух зол избрать меньшее. Хотя зоны оккупации Германии и поделены, но большая разница — как эти районы будут заниматься: с боя или без боя. И немцы предпочли, чтобы союзники заняли как можно больше, а наши казаки — как можно меньше. И на нашем фронте по-прежнему драка.

За это время Василевский дожал группировку юго-западнее Кенигсберга (сейчас в руках окруженных остается Кенигсберг, Пиллау и южная часть Земландского полуострова), Толбухин (3-й Укр. фр.) отбил все атаки за Дунаем, опрокинул немцев, влез в Австрию и вчера, как сообщили уже немцы, вступил в предместье Вены. Малиновский занял Комарно, Братиславу. Пошел выравнивать мешок и 4-ый Украинский фронт.

Немцы дерутся довольно энергично. Появились на нашем фронте и реактивные самолеты, в частности, «Ме-262». Несколько штук уже сбили. Вчера мы об этом первый раз сообщили.

Вадим Кожевников предложил мне вместе поехать на фронт, поглядеть на Германию. Маршрут — Вост. Пруссия, Померания, Бранденбург, Силезия. Заманчиво. Генерал морщится: не могу отпустить вас на три недели. Но позавчера он сам предложил мне:

— А что, Лазарь Константинович, если вам в Вену?

Я позвонил Кокки. Он сказал, что согласен, но после 15–20. Обязательно туда полетит. Но до этого должен смотаться на пару дней к Баграмяну, на 1-ый Прибалтийский, а потом в Куйбышев. Другой оказии нет, поздно, к Вене не успею.

Вчера гром: денонсирование пакта с Японией. Японское правительство в тот же день подало в отставку. У нас — шум, разговоры, прогнозы. Яша считает, что воевать не будем, Изаков говорит, что японцы отдадут все, что попросим, Минаев считает — это война.

29 апреля.

Бурные события. Берлин агонизирует, занято на вчера 90 % его территории. Вчера весь мир облетело сообщение о том, что Гиммлер сделал (через шведов) заявление Англии и США о капитуляции, они ответили, что надо капитулировать перед всеми.

Сейчас вся пресса мира полна слухами: Гитлер убит, Гитлер в Берлине, Гитлер ранен, Гитлер улетел, Гитлер разбит параличом, у Гитлера кровоизлияние в мозг и т. д.

25-го войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с союзниками. Позавчера прилетел оттуда Устинов. От нас был он, Конст. Симонов (от «Кр. Звезды») и Крушинский (Комсомолка). Американских журналистов и киношников 50 человек. Устинов рассказывал, ведут себя, как коршуны, грязны, небриты, в касках, с револьверами, гранатами и бутылкой вина в заднем кармане. Все держались просто, дружественно.

В Сан-Франциско 25-го открылась мирная конференция. Там — т. Молотов. От нас полетела Наташа Волчанская, от «Известий» — Жуков и Гурарий.

Вчера начали готовить победные номера. Я — в комиссии.

С 30-го в Москве отменяется затемнение.

Все считают, что победа свершится на днях.

2 мая.

Вчера был на параде. Чудный, солнечный день. Все ждали демонстрации, но так до последнего дня и не было ясно. Попов собирал секретарей райкомов, ничего не сказал определенного. Между прочим, сказал, что должны следить, чтобы народ хорошо одевался, а директорам заводов и секретарям не худо бы было завести шляпы.

Парад очень насыщенный. Особенно много самоходок, танков. Раньше, когда мы их видели, мы думали — как они будут себя вести в бою. Сейчас знаем — это вещь. Великолепна новая форма генералов.

Генералитет стоял на нижней трибуне. Потом стало слышно, как т. Сталин сказал им: «А нельзя ли вас попросить сюда». Поднялись Фалалеев, Воронов и другие.

Кончился парад, и тысячные толпы ринулись на площадь. Мы смотрели от «Москвы» — буквально вся Тверская залита народом, и все мчатся на Красную площадь.

И вчера и сегодня работаем. Сегодня — дежурю. Сегодня ждем Берлина.

5 мая.

События кувырком.

2 мая объявили Берлин. Всю ночь возились с материалами, Яхлаков не вылезал с узла.

В 9 ч. вечера позвонил Телегин и сообщил, что Темин вылетел со снимками Берлина. Я помню, как несколько месяцев назад, недели за две до взятия Варшавы, он пришел ко мне и заявил:

— Пришла пора вставлять перья. Темин будет снимать флаг над Берлином и первым привезет его в Москву. Темин хочет опять в «Правду».

Я поддержал его, и его взяли. И вот он летит. Магид сразу связался с маршалом авиации Фалалеевым и самолет повели. Разрешили ему лететь без посадки в Яново, перенацелили на Внуковский, на не Астафьевский аэродром, дали ночной старт. В 3 часа Темин прибыл в редакцию, проявили, напечатали, дали три снимка (снимок Рейхстага никак не лез на 1-ую полосу под приказ, я предложил убрать Шпигель, поднять приказ и тогда войдет. Поспелов пошел на эту меру, впервые в «Правде»). Снимки обошли всю мировую прессу.

В этот день мы выходили одни. На следующий день все газеты вынуждены были перепевать нас. Да и снимки их пришли только 3-го к вечеру. Кстати, в этот день (3-го) прилетел и Рюмкин. Можно представить себе его разочарование.

О том, как Темин снимал Берлин, помещено сегодня в «Правдисте», там же дано постановление редколлегии и премировании его (писал я) и отклики иностранной прессы. Как снимал Рюмкин Рейхстаг — я записал на листочка и, кроме того, написал сегодня для инорадио — «Флаг на Рейхстаге».

Между прочим, стоит отметить. В 11 ч. вечера 2-го Яхлаков разговаривал по прямому проводу с Золиным (в штабе 1-го Белорусского фронта). Тот сказал:

— Завтра вылетает Рюмкин.

Яхлаков: — Уже летит Темин.

Золин:

— Темин вряд ли вылетел. Кроме того, он не снимал Рейхстага, а Рюмкин снимал.

Редакция объявила группе товарищей, в том числе и мне, благодарность за подготовку первомайского и берлинского номеров. Сегодня вышла «Летучка» ко дня 5-го мая. Там обо мне хвалебная статья под заголовком «Спокойная уверенность», писал Лешка Штих.

Был у меня сегодня Коля Константинов. Когда-то учились вместе в Курганском СХТ. С той поры (25 лет!) не виделись. Он был научным работником ТСХА, ополченцем и стой поры дерется. Сейчас старшина, награжден Красной Звездой и «За отвагу». Внешне — типичный Швейк, а был кругляшок.

Сейчас готовим номера Победы.

Слухи о смерти Гитлера и иже с ним все упорнее в мировой печати. Горбатов и Мержанов передали корреспонденцию о том, как нашли труп Геббельса, Вишневский и Золин — о том, как шли переговоры о капитуляции. Обе задержаны.

В мировой прессе шум по поводу ареста нами 16-ти поляков-диверсантов. Даем сообщение ТАСС.

7 мая.

Сегодня — выходной, у нас собрались в театр. Премьера в театре «Миниатюр» — «Чужое дело». С Гершбергом.

В 4 ч. я поехал за билетами. В 5 вернулся домой. И начались звонки.

— Лазарь, что ты сидишь дома? — позвонила Витя, кузина. — Наши инженеры рассказывают, что война кончена. Верно?

Я сразу позвонил дежурному по редакции. Дежурил Шатунов.

— Слухи ходят. Сейчас приедет Поспелов.

Новый звонок. Галя Погосова из ТАССа.

— Обнимаю. Целую. Все верно. Уже подписано в деревушке у Эйзенхауэра. Приезжай пить шампанское. Я хоть больна, но когда мне позвонили из ТАССа, сбегала удостовериться. Приезжай, ей Богу! У меня есть бутылка.

Пришла Феня со двора.

— Весь двор говорит.

Звонок.

— Я сейчас приеду к вам. У меня есть поллитра. А?

Звонок. Вера Голубева из «Смены».

— Я не могу. Хоть что-нибудь выпить! Сейчас прибегу.

И прибежала. Раскрыли бутылку ликера. Чокнулись…

Прибежал Валерка:

— Папа, правда, что война кончилась?

— Правда.

— Ух хорошо, я завтра в детский сад не пойду.

Звонок. Хозяйка Фениной знакомой.

— Вы меня не знаете. Верно ли это? Верно!! Крепко вас целую.

Славка:

— Папа, я пойду на Красную площадь, можно? А можно мне завтра в школу не идти?

На Красную площадь — это уже рефлекс.

Звоню Кокки. Подходит Валя, Володя болен.

— Ну, я его сейчас выздоровею. Война кончена!

— Лазарь, вы треплетесь? Приезжайте сейчас же, четверть спирта поставлю на стол. Ей Богу? Только не разыгрывайте — я сейчас всему городу звонить буду.

Конечно, на театр плюнули, послали жен, а сами пошли в редакцию. Собрались Поспелов, Сиротин, Малютин, Козев, Гершберг, Азизян, Шишмарев, Магид, Сиволобов, я. Ждем, может будем выходить. Слушаем радио — вспоминаем, как слушали также в иностранном отделе в первый день войны речь Риббентропа.

Звонки непрерывно.

Выясняются подробности. В 2 ч. по парижскому времени в штаб Эйзенхауэра, в деревушку, явился генерал-полковник Эбр и передал от имени Деница капитуляцию.

Подписал ее начальник штаба генерал Смитс, наш представитель генерал…, француз, англичанин. Было заседание английского кабинета. В 8 ч. по Гринвичу выступит Черчилль. Потом пришло сообщение, что его выступление отложено.

Ждем, будет ли наше сообщение. Неужели не скажут народу? Звоним генерал-полковнику Штеменко в генштаб, у которого обычно узнаем о салютах.

— Подготовлен салют по Бреслау. В случае большого салюта он будет отложен. Но пока ничего не знаем.

9:40. (или 8:40).

Слушайте важное сообщение.

Мы сразу решили: раз не в круглый час, а за 15 минут, значит — не то. Так и было: Бреслау.

Зашел к Поспелову.

— Можно расходиться?

— Нет. Быть на чеку. Может быть будет в 12:01.

Сразу прибежало несколько человек:

— Папанин звонит по всем телефонам. Ищет вас.

Звоню.

— Лазурка, милый. Приезжай! Такая радость. У меня даже сердечный припадок. Слезы текут, до сих пор не могу успокоиться. Меня попросили написать для радио. Наши написали, не нравится. Говнюки! Только ты мои мысли знаешь.

— Я не могу, Дмитрич. Поспелов не велел отлучаться.

— А он не узнает. Я уже послал за тобой машину. Будет у тебя через 8 минут. Я время засек. Матрос — ветер.

Поехал. Трофейный «Крайслер». Встречает адъютант.

— Заходи скорее, он время засек, все спрашивает — не приехал ли?

Обнялись.

— Винца выпьешь по этому поводу?

Адъютант налил «Мукузани», поставил закусь. Тут же врач — выслушивает сердце, разволновался старик. Дает лекарство. Папанин шутит:

— Ты закусываешь колбасой, а я бромом.

Поглядел я выступление для радио. Исправил.

Зашел Мазурук. Пошел разговор об Арктике.

Я говорю:

— Пора думать о новых делах. Арктика была всегда родиной нашего героизма, романтики. А сейчас ее стали забывать. Надо новые громкие дела. Иначе место Арктики займут новые области и отрасли. Партии нужно поднимать и воспитывать новых людей. Не забывайте, что с войны вернутся тысячи героев и людей, которые будут поднимать страну перед миром.

И рассказал о недавнем разговоре с Кокки. Он сказал:

— Пора думать о том, чтобы поднять пульс. Вот помнишь, когда я лазил на высоту — начал новое дело, все полезли за рекордами. Полезно. Надо и сейчас делать что-нибудь, чтобы расшевелило остальных и толкнуло. Приезжай, потолкуем.

Я не назвал его имени собеседникам, но Папанин сразу рассмеялся:

— Володя Коккинаки. Он, так же, как я — с тобой всегда вместе.

Зерна упали в хорошую почву. Мазурук загорелся:

— Вот надо разделаться с магнитным полюсом. Их сейчас два. И оба чудят. Надо будет послать пару самолетов в район полюса, сесть там на пару месяцев и изучить до основания.

— И Лазаря туда послать обязательно (Папанин).

— Это хорошо, но это — для науки, — сказал я. — А надо для народа. Вот ведь совершенно недопустимо, чтобы оставались необследованные места в восточном секторе. А они есть. А надо там обязательно открыть землю.

— Это правильно, — подхватил Папанин. — Мы называем

СМП сталинским, а вот земли Сталина — у нас нет.

— Обязательно землю, а не островок, — сказал я. — Я уверен, что там есть земля. Я уверен в существовании земли к северу и от Врангеля и от Новосибирских островов. И, наверняка, есть земля между ЗФИ и Северной землей. Мы там болтались и убеждены в этом.

— Но там же ежегодно летают наши самолеты, — возразил Мазурук, подходя к карте и проведя параллель.

— Но выше они лезут? — спросил я.

— Нет.

— А надо выше. Мы там видели в 1935 г. айсберги, характер дна и грунта в этом убеждает.

— Пожалуй, ты прав. Надо поискать, — сказал Мазурук. — Если айсберги должна быть большая земля. А землю Сталина надо новую открывать. Нельзя же ЗФИ переименовать.

И приняв официальный тон, обратился к И.Д.

— Товарищ начальник. Разрешите резервировать самолет для этого. И нынче отправим. Предлагаю Черевичного. Загодя оборудуем вспомогательные базы. Горючее можно забросить на Северную землю.

— Лучше на о. Ушакова, — предложил я. — Там есть и хорошие бухточки для гидросамолетов, и озерко на куполе, и площадки на берегу.

— Ты там был?

— Был.

— Ну что ж, я согласен. А ледовую разведку это не сорвет? — спросил Папанин.

— Нет.

— А экипаж я сам подберу, — сказал я.

Все засмеялись. А меня действительно мучит и восточный сектор, где, по моему глубокому убеждению, есть земли (в т. ч. и Санникова и Андреева) и западный, к северу от о. Ушакова, открытого нами в 1935 г. Да и к северу от Шпицбергена, видимо, есть пресловутая земля Джиллиса, которую мы искали тогда на «Садко». Все показывало близость земли, но лед не пускал нас на север, а туман не давал Бабушкину туда проникнуть.

Хорошо, если выйдет!

Ночью Папанин завез меня в редакцию. Сказал, что звонил Поскребышеву о капитуляции, тот ответил, что сегодня сообщения не будет, будет завтра и, возможно, выступит Хозяин.

8 мая.

Состоялось!

Сегодня днем выступил Черчилль, Трумэн, де Голль с речами о капитуляции. Все мы ждали, что вот-вот у нас объявят.

Все не отходили от радио. Циркулировали различные слухи. Сталин выступит во столько-то, во столько-то. Так шло до вечера.

Вечером, часов в 5 позвонил Золин из Берлина и сообщил, что скоро начнется заседание, на котором Жуков и Кейтель будут подписывать капитуляцию. Наши ребята там будут и затем со снимками вылетят в Москву.

До полуночи, однако, не было никакого сообщения. Часиков в 11 вечера я поехал поужинать к Кокки. Они осадили меня вопросами. Я, как докладчик, потребовал платы — бутерброд. Валя поставила водку, селедочку, колбаски, предложила кислых щей, кулича, пасхи.

Сказал я Володе о плане экспедиции о которой вчера толковал с Папаниным.

— Нет, мое сердце не туда смотрит. Как ты думаешь, смотаться на 4 часа дальности со скоростью 580–600 и затем обратно также — стоит?

— Стоит. Только учти: если летишь Москва-Ташкент — это произведет впечатление в СССР, если Москва-Париж — во всем мире.

— Я это понимаю. Только ветра туда поганые.

— А высота какая?

— Приличная. 10–12 км.

— А нетренированный человек на этой высоте как себя будет чувствовать?

— Я не хочу из-за тебя полет срывать, — прямо ответил Володя. — Ты не обижайся, я честно говорю.

В час меня вызвал Поспелов. В 2 часа стало известно, что радио будет работать до трех с половиной. А в 2 ч. 10 минут ночи начали передавать акт о капитуляции. Когда-то на вопрос: когда кончится война, отвечали — Левитан скажет. Так и было — читал Левитан.

И пошли звонки! Без края. Звонил с дачи Папанин, звонили мы по Москве, звонили москвичи друг другу, звонили нам. Чокались, обнимались.

В 6 ч. утра Горбатов и Мержанов передали отчет о заседании. Указали, между прочим, что акт был подписан в 0 ч. 50 мин. по московскому времени, а начали заседание ровно в полночь. Эти цифры мы выбросили.

9 мая.

Сегодня — праздник победы. Мы пришли из редакции (я как раз дежурил вчера) в 10 ч. утра, но в 4 ч. все уже снова были в редакции. Весь день радостные звонки.

Передают — с утра народ попер на Красную площадь, в центр. Героев Советского Союза ловят на улицах, качают.

Обнимаются, целуются. Какой-то военный подтащил ребят к мороженщикам и кормил всех мороженым. Группа нетрезвых в 4 часа утра вышла к проезду Исторического музея с двумя корзинами вина и бутербродами, останавливали всех прохожих, чокались и выпивали.

Говорили, что Сталин выступит в 4, в 5, в 6. Наконец, стало известно, что в 10 ч будет приказ.

Я, Сиволобов, Толкунов, Азизян, Магид с сыном решили пойти посмотреть в центр. От Белорусского сели в метро до Театральной. Давка — феерическая, особенно на выходе. Пошли на Красную. Вся Манежная и вся Красная — битком. Кто поет песни, кто идет с Красным флагом, выдернутым из дома, много ребят, они идут, взявшись за руки, чтобы не растерять друг друга. Это предусмотрительно: мы потеряли Толкунова и Азизяна.

Машины ревут, воют, но пройти не могут. Вскоре, оказывается, закрыли и метро.

Много военных, очень много женщин, все в праздничных костюмах. Все вежливы, никто не ругается, все смеются. Машины идут, облепленные ребятами со всех сторон.

На Красной была такая давка, что мы решили уйти на Манежную. Там народу тоже битком, особенно много у прожекторов.

— Раньше, как увидим прожектор, так сразу шофер гнал, что есть силы подальше, — вспомнил я.

Сиволобов рассмеялся.

В 9:50 начали объявлять приказ т. Сталина.

Площадь мгновенно замерла. Тихо. Но вот раздались слова: «30 залпами из тысячи орудий». И площадь ахнула, закричала, зааплодировала, засмеялась. Дальнейшие слова уже не были слышны.

Характерно, что толпа остановила шедший было во время приказа трамвай, автобус, и пр.

И вот — салют! Сотни прожекторов сошлись голубым куполом. В последний раз поднялись над Москвой аэростаты воздушного заграждения. Прожектора освещали огромный портрет Сталина, поднятый на тросе аэростата, и такой же громадный красный флаг. Ракеты, море огня. Чудесная феерия!

Но залпы были слышны слабо — пушки стояли по окраинам.

А потом по Садовому кольцу прошли «Дугласы» и кидали ракеты.

Обратно добирались пешком, но были страшно довольны тем, что пошли.

А в редакции узнали, что в 9 ч. выступал Сталин.

В час дня прилетел из Берлина Рюмкин со снимками

подписания капитуляции.

11 мая.

Вчера умер Щербаков. 44 года!

Сенька рассказывает, что сегодня в правительстве никто не занимался никакими делами. Траур.

Говорят, в воскресенье будет демонстрация по поводу победы.

В редакции много коридорных разговоров о послевоенных делах. Сиротин прочит на зав. информотделом Мержанова, Сенька и Сиволобов настаивают на мне. А я — сам не знаю: сесть — морока, опять сплошные ночи и не писать, хорошо бы быть очеркистом на спецзаданиях и ездить. Или, может быть, остаться замом в военном отделе, отдыхать и писать?

Никого из корреспондентов пока с фронтов не трогаем. Приказали сидеть, давать о героях боев, о ходе капитуляции и городах.

Ну, посмотрим!

18 мая.

Вчера, около полуночи, меня вызвал Поспелов и сказал:

— Есть мировое задание. Буквально — мировое. Поезжайте сейчас к т. Микояну. Возьмите с ним беседу. Он вернулся из Берлина. Мы хотели послать т. Заславского, но вы сумеете это сделать лучше.

Я помчался в Кремль. Пропуск был готов. Поднялся в здание Совнаркома Союза. Помощник Микояна Барабанов — очень живой, полный, невысокого роста, средних лет — сразу пошел доложить и сразу пригласил.

Вошел. Большой кабинет. Много света. Большой письменный стол, заложенный бумагами (видимо, знакомится со всякими делами после возвращения), много телефонов, рядом, вплотную, маленький столик, на нем разложены аккуратно газеты, и тоже дела. Над столом — портреты Ленина и Сталина. Кожаная мебель. Сам Микоян сидел во главе стола для заседаний и читал толстенную папку дел. Я был у него году в 1929-30, тогда он был худощавый, молодой, резкий в движениях. Сейчас эта резкость сохранилась, но он сильно пополнел и поплотнел, лицо несколько обрюзгло и выглядит поэтому сердитым. Широкие, но не длинные усы. Просторный синий костюм, галстук. Судя по всему, он был крайне занят. Сразу приступили к делу.

— Здравствуйте. Садитесь. Я был в Берлине и Дрездене. Докладывал т. Сталину. Он сказал, что хорошо бы дать интервью в «Правду», «Известия». Я думаю — достаточно дать в «Правду», а «Известия» потом перепечатают. Как вы думаете?

— Перепечатают.

— Вот вам сначала материалы. Пойдите, ознакомьтесь, а

потом поговорим. Только верните мне, там на обороте я записал кое-что.

Я ушел. Это были две докладных записки Члена Военного Совета одной из армий 1-го Белорусского фронта Бокова о том, как встретили берлинцы объявление норм выдачи хлеба и меры нашего командования по налаживанию нормальной жизни в Берлине и сводка писем бойцов и офицеров о продовольственном положении Берлина.

Прочел. Пришел к Барабанову. Он опять доложил. Опять сразу принял.

— Садитесь. Прочли? Это надо использовать в интервью. Особенно — письма бойцов, последовательно расположить, с нагнетанием; а о том, что едят падаль — в конце. Я сам видел толпы голодных, и как свежевали лошадей.

Он начал диктовать интервью. Не сидел, а ходил. Говорил очень быстро, энергично, но слова его трудно было разобрать, мысли не заканчивал перескакивал на следующую, сказывалось живость и резкость характера. Диктуя, смотрел на записи на обороте дававшихся мне сводок, там синим карандашом широким, неразборчивым, быстрым почерком были набросаны тезисы беседы. Когда он говорил о высказывании Суворова об отношении к побежденному врагу, он спросил: «Найдете эту цитату? Если не найдете — она у меня есть». «Найдем».

Во время беседы позвонил во ВЧ Жуков из Берлина.

— Здравствуйте, т. Жуков, — сказал т. Микоян. — Я докладывал т. Сталину и он одобрил ваши мероприятия. Я доложил ему и о поставленных вами вопросах — он обещал их рассмотреть. Дальше. Я говорил о профсоюзах. т. Сталин сказал: «Надо восстанавливать в Германии профсоюзы». Я сказал, что в Берлине мало газет. Он сказал, что надо открыть газеты демократических партий, коммунистическую и другие. Я предложил открыть в Берлине две гостиницы НКВнешторга для приезжающих. т. Сталин сказал, что гостиницы нужны, но их должны открыть военные организации. Так что подберите один-два дома, оборудуйте, как следует и пусть действуют для наших приезжающих людей. Вот, что я хотел вам сообщить. Действуйте. Поздравляю с успехом.

Потом продолжал беседу. Закончив ее, сказал:

— Вы где будете работать? Поедете к себе?

— Мне все равно. Была бы машинистка.

— Ну, машинистку как-нибудь в Совнаркоме найдем. Сколько у вас займет?

— Часам к 3:30 -4:00 сделаю.

— Это правильно. Лучше поработать сегодня. Незачем терять

время. Когда напишите — заходите.

— Размер?

— Я не обуславливаю. Пишите.

Я ушел в секретариат. Сел, привел в порядок записи, сообразовал их с материалами, продиктовал шесть страниц. Вернулся. Барабанов опять доложил. Опять сразу вступил. В кабинете сидел какой-то генерал и какой-то нарком.

— Вы оставьте, — сказал Микоян. — Я посмотрю через несколько минут вместе с вами.

— Я говорил с Поспеловым. Дадим в номер.

— Нет, сегодня не надо. Дадим завтра. Вы позвоните, чтобы не ждали.

Через несколько минут он опять меня позвал, и мы вместе стали читать. Он вносил небольшие поправки. Там, где речь шла о том, что крестьяне не имели права продавать излишки — он попросил дописать — «это не создавало стимула к развитию производства». Он попросил добавить, что они не могли продавать на рынке «малейшую долю» хлеба, жиров, мяса. «У нас тоже могут продавать не всё», и добавил «и картофеля». Указал, что личное потребление крестьян было строго ограничено правительственными нормами. Вставил, что гитлеровцы закрыли все рынки и базары. Добавил, что наши инженеры руководят работой немцев, «а не сами восстанавливают».

Вычеркнул о том, что сам видел голодных и евших падаль. Вычеркивал лишнее, переходные фразы, вообще делал мысль более ясной и фразы и периоды короче и доходчивее. Небольшое недоразумение получилось с Суворовым. Мне наша библиотека дала цитату: «Солдат — не разбойник, мирных не обижать».

— Я не эту цитату имел в виду, — сказал Микоян. — А то место, где он говорит, что пока враг не сдается — его надо бить безжалостно, но когда сложит оружие — тогда надо относиться великодушно.

Я исправил.

— Надо ли писать, что вы были по поручению правительства?

— Я ездил по поручению т. Сталина. Но этого писать не надо. Всем ясно, что без поручения правительства такие поездки не предпринимаются.

Попросил внести все эти изменения.

— Завтра утром еще раз почитаем.

— Но в основном годится?

— Да.

Я внес исправления и уехал. Было около 6 ч. утра. Приехал, рассказал Поспелову и ушел спать.

Проснулся в 3 ч. на следующий день. Звонок. Перепухов.

— Звонил Барабанов. Микоян ждет тебя.

Не успел позавтракать, туда.

— Он ждет вас, — сказал Барабанов. — Он сейчас на заседании бюро Совнаркома. Вот просмотрите этот окончательный текст после его поправок, он хочет знать ваше мнение.

Я прочел. Микоян уточнил некоторые места, поправки были незначительными. По просьбе Барабанова я написал Микояну небольшую записку, что материал видел, все в порядке.

Он ушел с запиской наверх. Возвращается через несколько минут.

— Он хочет вас видеть.

Мы поднялись на третий этаж, где шло заседание Совнаркома. В приемной сидели наркомы, замы, начальники главков, рубали бутерброды с чаем и оживленно разговаривали. Все места вокруг круглого стола и стоявших у стены столиков были заняты.

Пришедший со мной помощник Микояна Королев (высокий, приятный блондин, с умным лицом) написал записку: «А.И.! т. Бронтман здесь».

Микоян сразу вышел, буквально через минуту. Он поздоровался, пригласил меня выйти в коридор.

— Там высказывания немцев в двух местах — после сообщения о введении норм на питание и после того, где говорится о восстановительных работах. Не лучше ли их объединить в одном месте, т. к. говорят они одно и то же? Как вам кажется?

— Это можно сделать. А число высказываний не надо сокращать?

— Я думаю, не стоит. Они содержательны. Сделайте это и пошлем на просмотр т. Сталину. Я с ним уже говорил. У вас других вопросов нет?

— Нет.

— Хорошо. До свидания.

Пожали руки. Я ушел, переделал. Барабанов принес записку, написанную Микояном: «Товарищу Сталину И.В. Посылаю проект интервью о положении в Берлине» (и подпись)

Кстати, сначала заголовок у меня был «Красная Армия обеспечила население Берлина продовольствием», — Микоян переделал на «Положение в Берлине», а в газете появилось «Продовольственное положение в Берлине и Дрездене» — этот заголовок пришел к нам от Поскребышева.

Во время перепечатывания Барабанов несколько раз спрашивал меня: «Скоро ли?» Видимо, торопил Поскребышев.

Сделали, наконец, и около 6:30 послали.

Да, между прочим, ночью, расставаясь с Микояном, я напомнил ему:

— А помните, А.И., я делал у вас доклад?

— Когда?

— В 1928 или 1929 году мы занимались высвобождением пищевых жиров из мыловаренной промышленности. Вы нас тогда сильно поддержали, и я делал доклад на коллегии Наркомторга.

— Помню, помню, — улыбнулся он. — Этот вопрос и сейчас у нас стоит. Очень важная проблема.

Я приехал в редакцию. В 11 ч. вечера беседа пришла из секретариата т. Поскребышева. Поправки были незначительными. Одновременно сообщили, что она пойдет во всех газетах. Поспелов был счастлив и горячо меня поздравлял и благодарил.

20 мая.

Беседа вчера была напечатана во всех газетах. Я позвонил Барабанову.

— А.И. очень доволен. Все в порядке. Если будут отзывы — он просит прислать ему.

Поспелов ночью показал мне постановление ЦК, в котором было написано приблизительно следующее: «Принять предложение т. Поспелова и установить для ведущих журналистов-писателей „Правды“ пять персональных ставок по 2000 рублей в месяц».

— Мы хотим установить это Кожевникову, Рябову, Колосову, Заславскому и вам. Тут дело не в деньгах, а в принципе. Ставка членов редколлегии и формулировка «ведущие журналисты-писатели». Вы, кажется, член Союза Писателей?

— Нет еще.

— Обязательно надо провести. Ведь у вас около десяти книг?

— Двенадцать.

— Обязательно надо. Мы этим займемся.

Встает вопрос — что мне делать дальше? Война кончилась. Оставаться ли в военном отделе, переходить ли в другой отдел? Я лично склонен был бы перейти на амплуа спецкора по особым заданиям, не быть связанным оргработой. Тогда бы мог и писать, и поездить, и поработать над книжкой, и людей посмотреть, и себя показать. В крайнем разе, это можно бы сделать, оставаясь замом в военном отделе, работы по отделу будет не так много, хотя генерал и считает, что мы сейчас должны широким планом обобщать опыт войны (а это — статьи, а статьи — на мне). Сесть же на отдел информации — это каждодневно трубить от зари до зари, и погрязать за столом, без всяких поездок, и без писания.

Сироти, проводя свою политику, сажать везде своих людей,

которые были бы ему обязаны местом, намечал на отдел Мержанова, слухи об это дошли до ТАССа. Против этого энергично выступал Сиволобов и Гершберг. Оба говорили обо мне — и с Поспеловым, и с Сиротиным.

И вот, позавчера, когда я приехал от Микояна и докладывал в присутствии Сиротина редактору, Сиротин вдруг сказал:

— Л.К., война кончается. Не пора ли вернуться к старым делам?

— Да, — подхватил Поспелов. — Возглавить отдел информации.

— А первым заместителем — Мержанова, — добавил Сиротин.

Я промолчал. Разговор перешел на другие темы.

Вчера, когда я зашел к Сиротину по поводу номера, он опять поднял этот вопрос:

— Вот надо немедленно создавать отдел информации. Как ты смотришь на это?

— Если создавать — так мощный отдел, дать ему и силы, и место в газете, — сказал я.

— Разумеется. А что ты думаешь о заведующем?

— Конечно — Бронтман! — сказал присутствующий Хавинсон и вышел.

Я изложил свою точку зрения (о спецкоре по особым заданиям).

Он промолчал.

На днях (18-го, кажется) мы опубликовали статью Члена Военного Совета ВВС генерал-полковника Шиманова, подводящую итоги действий авиации в войне. Решили дать такие же статьи по танкам, артиллерии и инженерным войскам.

Позвонил я сегодня маршалу инженерных войск Воробьеву. Он сразу согласился и обещал дать через 3–4 дня.

Главный маршал артиллерии Воронов сказал, что сейчас не хотел бы, а недели через полторы-две даст.

Позвонил главному маршалу бронетанковых войск Федоренко. Обещал поручить кому-нибудь и сказал:

— Вот читаю сейчас статью в «Вестнике танковой промышленности», издает его Наркомат танковой промышленности. Вот мудаки! В каком-то американском журнале или газете была опубликована статья, трактующая, что придет на смену танкам. А наши чудаки взяли и опубликовали у себя. Это же деморализует людей.

— Тем более, нужна ваша статья, — сказал я.

— Правильно. Обязательно дадим.

21 мая.

Сегодня — большой вечер в Доме Культуры в связи с днем Победы. Устраивается для редакций и тех из типографии и издательства, кто делает «Правду». Торжественное заседание, большой концерт и ужин Шуму!

Вчера весь день занимались представлением наших военкоров к наградам по фронтам. Послали телеграммы почти на всех.

— А нас? — спрашивает Яхлаков (месяц назад его произвели в полковники и сейчас орден не дает ему покоя).

2 июня.

Вчера, в 2 ч. 27 мин. дня в Боткинской больнице умер Абрам.

Хотя все мы давно знали, что его болезнь неизлечима и конец неотвратим, все же это оглушило нас. Его то брали домой, то снова клали в больницу. Последний раз он лежал дома месяца полтора. В это время болезнь уже очень обострилась: ноги у него давно не действовали, но еще прошлым летом работали руки, он ел, писал (хотя и быстро уставал), но он не сдавался, придумывал себе работу, помогал Лизе проверять ученические тетрадки, договаривался с Сельхозгизом о правке рукописей. Но уже к осени руки сдали, и в последнее время он только шевелил пальцами. Начали сдавать шейные мышцы, ему трудно было держать голову. С месяц назад резко застопорил желудок, никакие меры не помогали, и облегчение внезапно наступило тогда, когда, казалось, уже придется прибегнуть к оперативному вмешательству. Это его очень сильно вышибло из колеи, подорвало его силы, и он впервые дал увидеть, что испугался.

Недели полторы назад (кажется, с 20-го) пользующий его проф. Маргулис начал применять для лечения бокового амиатрофического склероза разработанную им сыворотку. Естественно, что решили попробовать и Абраму. Отвезли в больницу. Договаривались, чтобы сделали в первую очередь, т. к. он очень хотел поехать на дачу и не хотел терять теплых летних дней.

Первые прививки он перенес хорошо.

Позавчера утром мне позвонили из больницы:

— Приезжайте, ему плохо. Рано утром было совсем плохо, сейчас немного получше.

Я приехал. Он лежал бледный, измученный. Дышал тяжело.

— Стоит в горле какая-то пробка. Отхаркнуть не могу. И не дает дышать.

Ему, оказывается, уже делали укол камфары, еще чего-то.

Попросил переложить грелку из-под ног на ноги. Потом попросил посадить его («может быть, будет легче дышать»), потом опять положить («не помогло»). Дышал все время с трудом, видно

было, как сильно напрягаются шейные мышцы.

— Нет аппетита. Не могу есть.

— А глотать трудно?

— Нет.

Лежала на столике полураскрытая книжонка Аверченко (рассказы). Раскрыта на половине.

— Не идет?

— Да, не идет. Да и скучновато. Вот «осколки разбитого вдребезги» лучше.

— Сейчас многое кажется скучным, — заметил я. — Я пробовал перечитывать Майн-Рида, Жюль-Верна, — тяжелая работа.

— Купер лучше, — заметил он.

— Он литературнее.

Он кивнул. Потом вспомнил о книжке Б. Шоу, которую я ему посылал.

— Я ее отослал с мамой. Оказывается, я ее читал.

Спросил, как идут у Славки экзамены. Поинтересовался моими делами, перспективами. Говорил медленно.

— Тебе тяжело говорить? — спросил я. — Молчи.

— Да, тяжело, трудно.

Я не сразу находил темы для разговора.

— Слушай, — вспомнил он. — Маргулис велел в случае критическом впрыснуть лобелин.

— Как? — переспросил я.

— Открой ящичек. Там в коробочке лежит ампула. На ней написано Гинда (врач Быховская), она достала где-то одну, больше нет. Маргулис сказал, что, может быть, ты достанешь.

Я вынул ампулу, записал.

— Сложное название, — сказал я.

— Я запомнил так, — сказал он. — На Северном Кавказе есть станица Лабинская. Лабинская — Лобелин.

— Мнемотехника?

Он улыбнулся. Помолчали.

— Рассказывай что-нибудь! — несколько раздраженно потребовал он.

Видимо, ему надо было отвлечься от своих мыслей, а говорить самому было трудно.

Я стал собираться — в Кремлевку за лобелином и в редакцию.

— Пошли Славку за Лизой, — сказал он. — Только, пожалуй, пусть он а приедет без Инуси: может, придется пробыть около меня ночь, а Инусе негде тут.

Он зяб. Я потрогал его лоб — горячий. Как раз сестра

принесла термометр. Поставили. Прошло 8 минут.

— Можно самому вынуть, — попросил он.

Я достал — 37,1. Я удивился, но Абрам, кажется, был доволен результатом.

— По-моему, должно быть больше, — заметил я.

— Плохо, наверное, стоял, — ответил он.

— Может быть, поставить снова?

— Не стоит.

Я уехал часиков в 6 в редакцию, потом в Кремлевку. Там обещали дать, если будет рецепт из больницы. Славку послал с запиской к Лизе. Затем приехал домой, позвонил по телефону в больницу, мне сказали, что Лиза там. Объяснил о рецепте. Она пообещала договориться с врачом, сообщила, что у него температура 39.

Я подъехал в больницу. Как раз, когда входил в корпус, позвонила туда из дома зав. нервным отделением Гинда Хаимовна Быховская.

— Его положение очень тяжелое, — сказала она. — Это не скопление мокроты, а отказывают дыхательные пути. Сегодня утром я думала, что это уже конец, сейчас ему лучше, но положение угрожающее. Сделать ничего нельзя, мы бессильны. Лобелин пока не нужен. Это средство можно вводить только раз в день. Сегодня он не потребуется, если очень нужен будет — я завтра возьму у нас еще одну-две ампулы, так что не стоит сейчас выписывать рецепт.

В коридоре я увидел плачущую маму. Оказывается Лиза с Инусей приехали в больницу, не заезжая домой, записка попала Давиду, ее увидела мама — и сразу тоже сюда.

Когда я вошел в палату, Абрам готовился ко сну. Чувствовал он себя несколько лучше, чем когда я был у него. Дышал немного легче. Поел. Я рассказал ему о поездке в Кремлевку, о разговоре с Быховской. Видимо, это успокоило его. Еще из дома я звонил главврачу больницы Шимелиовичу, объяснил ему положение и попросил заинтересоваться положением, он обещал. Я сказал Абраму и об этом. Но ничего, пес, не сделал.

Принесли ему снотворное (санбутал). Он выпил. Я сказал ему о решении редколлегии, вынесенном в этот день о назначении меня зав. информационным отделом. От поинтересовался, кто будет еще в отделе.

Спросил, верно ли, что в Москву съезжаются победители — на парад.

— Маму возьмешь отсюда? Ты на машине?

Лиза попросила прислать утром Давида, сменить ее ненадолго.

Мы с мамой собрались уходить. Он не хотел отпускать. Но пришла сестра и предложила уйти, дать ему отдохнуть.

Ночью я из редакции пытался дозвониться — не соединяли. У меня шла передовая. Кончили в седьмом часу. В 7 я пришел домой, позвонил в больницу. Подошла Лиз.

— Ни на минуту не мог уснуть. Очень измучен. Дыхание по-прежнему. Но температура немного спала. Сейчас хочет уснуть.

— Ну и я посплю немного и приеду.

Я уснул. Около часу (1 июня) меня разбудили по телефону из больницы:

— Говорит сестра. Вашему брату очень плохо. Немедленно приезжайте с сыном.

Я взял Славку и сразу поехал. Меня встретила с заплаканными глазами Быховская и врач Муза Кузьминична Усова.

— Ему очень плохо. Перестают работать дыхательные мышцы. Ввели лобелин — он действует непосредственно на дыхательный центр, даем кислород, камфару — безрезультатно. Боюсь, что он не переживет сегодняшнего дня.

— А Маргулис был?

— Заходил четыре раза.

Я зашел в палату. Там была мама, Лиза. Инуську увели в другую комнату. Абрам был уже без сознания, глаза закрыты. Я несколько раз окликнул его никакого ни ответа, ни рефлекса. дышал тяжело, часто, видно мучительно и очень мелко. Спать ему так и не удалось

Лиза после рассказывала, что ночью он спрашивал:

— Ты дремлешь? А я не могу уснуть.

Потом попросил:

— Поцелуй меня.

Когда утром померили ему температуру, было 38 и Лиза сказала:

— Слава Богу, меньше, было 39.

Он рассердился:

— Значит от меня скрывали? (Лиза тогда сказала, что не 39.1 а 38.1)

Накануне Абрам, зная, что 2 июня Инуся — именинница, попросил купить ей альбом с открытками. Инуська стала спрашивать, как он приедет на именины ведь машины нет, он сказал: «Я пешком приду».

То ли потому, что он был без сознания, то ли потому, что организм угасал — мне кажется, что он уже мучился меньше в эти последние минуты. За полчаса до смерти у него посинели руки. Потом они стали белеть.

Вот он стал дышать реже, реже. Врач пощупал пульс: нет. Но он еще дышал. Кто-то сказал: «Кончился». Он еще вздохнул. Потом какое-то не дыхание, а судороги дыхания. Еще. И все.

Через две-три минуты я взглянул на часы — было 14 часов 30 минут. Значит, он умер в 2:27- 2:28.

Пожалуй, лучше для него, что он отмучился. Врачи предсказывали дальше атрофию пищеварения, речи. Это были бы для него ужаснейшие страдания.

Я вышел — весь персонал плачет, врачи, сестры, сиделки. Еле-еле увез маму и Лизу.

Сегодня знакомился с результатами вскрытия. Полное подтверждение диагноза, классический случай. непосредственная причина смерти — удушье от двусторонней пневмонии легких — застойной, а не простудной.

Наркомзем берет похороны на свой счет, дает единовременное пособие Лизе (около 1500 руб.). Завтра хороним, Лиза настаивала на кремации, решили так и сделать.

3 июня.

Сегодня похоронили. К 4 ч. приехали к моргу Боткинской больницы. Там служители его обмыли, побрили, одели в любимую кавказскую белую рубашку, белые брюки. Было много цветов, в том числе его любимые тюльпаны. Оттуда поехали в крематорий и в 5:30 кремировали. Было очень тяжело, мама совсем убивалась.

Были: мама, Давид, Шурка (он вчера прилетел из Берлина), Зина, Славка, Зина Давида, Катя, Лиза, Инуська, Таня, Дмитрий, Анета, Дэлка, Рахиль, Ия, Феоктиста Якимовна, Бауэры, знакомые мамы Поля и Надежда Давыдовна, Реут, Зуев, Хват, сослуживцы Абрама по Наркомзему.

Их крематория поехали к Тане на поминки.

5 июня.

Сегодня был на открытии сессии РСФСР в Кремле. Видел Сталина. Это первое публичное заседание после войны, на котором он присутствует. Ну и встреча же была!

Сначала заняли свои места в левой ложе (если считать от сцены) Наркомы РСФСР. Потом появились в правой ложе Наркомы Союза. Ровно в 7 вечера появились Сталин, Молотов, Каганович, Маленков, Берия, Шверник и др. Сталин и Молотов остановились рядом в начале прохода между кресел, остальные прошли на свои места. Овация. Молотов обернулся к Сталину и тоже жарко хлопал. Сталин то ответно аплодировал нечасто, то опускал руки. Он в военном кителе, без орденов, только звездочка. Молотов — в сером костюме, белой сорочке, тоже без орденов, сильно полысел и поседел.

Наконец, Сталин сел. Сели и остальные. Он сел в заднем ряду в кресло у прохода, по другую сторону прохода — Молотов. Церемония открытия. Доклад НКфина Просконова. Молотов нагнулся, что-то сказал Сталину, он улыбнулся. Доклад длился час. Сталин сидел неспокойно, то осмотрит зал, то ложи, то облокотится на правую ручку кресла, то на левую, потом опять на правую И так все время. Лицо очень спокойное, слушает внимательно. После доклада он ушел.

Отдел у меня все еще не сформирован. Поспелов до сих пор со мной не говорил, пойду сегодня сам к нему: прошла уже неделя. Надо хоть с 5-6-ю людьми, но начать.

За последние дни несколько событий: выгнали Азизяна за то, что использовал без ведома редакции служебное положение для реабилитации родственницы, и Михайловского — за барахольство.

Сегодня в Берлине подписана декларация о порядке оккупации Германии. В 3 ч. утра прилетел Рюмкин со снимками подписания декларации. Даем в номер.

Сегодня Поспелов дал согласие и подписал на меня наградной лист к ордену Отечественной войны 1-ой степени. Решили проводить не через фронт, а через ГлавПУРККА или ВВС.

1 июля.

Не записывал, шут его знает сколько времени. Была запарка. Числа 12-го Сиротин поручил мне вести юбилейную сессию Академии Наук. Вытянули мы ее хорошо. Началась она 15-го и закончилась вчера приемом в Кремле. Все было очень помпезно и торжественно.

Прежде всего участников кормили на убой. На питание было отпущено по 60 руб. в день (по твердым ценам), на банкет в «Москве» — 500 руб. Иностранцы были поражены, а французы, например, просто объедались. Вообще же на проведение юбилея было отпущено 17 млн. руб. (включая ремонт институтов).

Работу у нас вели Реут (информация), Капырин (организация), Заславский и Рябов (зарисовки). Я писал отчеты об открытии сессии в Большом театре, о втором заседании — в Колонном зале и о заседании в Ленинграде.

Были в Ленинграде 4 дня. Выехали туда 24-го, тремя поездами, после парад Победы. На параде был дождь, вымокли. Парад отличный. Ленинград готовился добросовестно. Отремонтировали для сессии «Асторию» и «Европейскую», выселили оттуда всех жильцов. Я не был в нем с 1940 г. В самом городе следы блокады почти незаметны. Но город погрязнел, народ одевается плохо.

Несколько отрывочных записей.

15-го в Нескучном был устроен прием Президиумом Академии всех участников. Мы были очень озабочены получением статьи Комарова. Писал же ее обычный помощник — Борис Кузнецов, зам. директора института Естествознания. В это день мы напечатали его статью об истории Академии, но лично я его не знал. Послал Капырина разыскать. Капырин зовет — вот он. Я подхожу. Высокий, блондин.

— Тов. Кузнецов?

— Я

— Бронтман.

— Очень приятно.

— Статью вашу видели?

— Видел.

— Претензий к нам нет?

— Никаких.

— А у нас есть. Очередь за второй статьей.

— На это время же нужно.

Вижу, упирается.

— С вами Поспелов хотел об этом поговорить.

— Он здесь? Пойдемте.

Пошли. Подвел. Только хотел знакомить — смотрю, Поспелов сам с ним радостно здоровается, и вдруг начинает меня расхваливать: мол, король репортеров, награжден за то-то и за то-то. Я тащу разговор на статью, а Поспелов все о другом.

Кузнецов прощается.

— А как со статьей? — спрашиваю я.

— Мы об этом еще поговорим.

Оказалось, это Кузнецов, но председатель ВЦСПС. Вот тебе и король репортеров! Поспелов хохотал до истерики, когда я ему объяснил, в чем дело.

Увидели Капицу. Подошли я и Хват.

— А, мой первый знакомый, — приветствовал он меня. — Выпьем. Не люблю журналистов, но вы — порядочные люди, а порядочных людей уважаю.

Я попросил его написать статью о дерзании в науке.

— Мало времени даете, — сказал он.

— Столько, сколько вам нужно.

— Тогда согласен. Но не торопить! Я пишу сам.

Мы попросили его прокомментировать — с кем из иностранцев стоит беседовать. Левка показал список приехавших.

— Я знаю только физиков. Вы коньячный счет знаете? По звездочкам. Так вот, буду ставить крестики — один, два, три. Три — это превосходный.

И начал быстро чирикать карандашом. По три креста

получили Лангмюир, Карман, Кюри и кто-то еще.

— Обязательно займитесь Гингиельвудом, он специально выучил русский язык, чтобы лично разговаривать с нашим химиком Семеновым, с которым ведут параллельные работы. А Кюри — чудо!

Приехал Папанин на прием. В центре внимания. Окружен иностранцами.

— Сколько летели из Англии? — спрашивает он какого-то химика.

— Восемь часов.

— Столько, сколько мы от Рудольфа до Полюса.

Комаров очень дряхл. Еле двигается. Взор погасший.

На следующий день — прием в «Москве». Я сидел с Федоровым. Он рассказывал о планах:

— Завели свою авиацию Будем делать резервы. Готовим полет стратостата. Высота -24 км. Пилот — Голышев.

Я сказал ему о Прилуцком, рекомендовал.

— Пришли.

— А когда кончится дождь?

— Ты все о трусиках мечтаешь, — засмеялся он. — А ты об овощи подумай.

Встретил там Н.Н. Зубова. Контр-адмирал. Страшно горд этим, называет себя в третьем лице «адмиралом русского флота». Я начал подбивать его на экспедицию на Север. До какой, мол, поры будете терпеть белые пятна? Придется на самолете нам смотать.

— На самолете — это не наука, — отрезал он. — Нужно на ледоколе, обязательно на советском, на «Ермаке». И во главе — адмирал русского флота. Тогда это привлечет всеобщее внимание.

— Нам нужна в Арктике земля Сталина, — сказал я. — Беретесь найти? Честь-то какая!

— Вот так я тут, 60-тилетний ученый, за бокалом ее и выдам.

— Но есть земля к норду от о. Ушакова?

— Бесспорно. И большая.

— А земля Джиллиса?

— Бесспорно.

— А Андреева? А Санникова?

— Я восточный сектор плохо знаю.

Авдей Лубович, репортер «Последних известий по радио», рассказывает.

16-го июня, на торжественном открытии сессии в Большом театре было оглашено приветствие ЦК и СНК. Это было часа в три дня. По радио его передали в 7 ч. вечера. В 7:30 позвонил

Поскребышев (председателю редколлегии Пузину)

— Почему так поздно передали?

— Только что получили от ТАСС.

— Не годится. Радио для того и существует, чтобы немедленно доводить все новости до населения. Все важные вещи вы должны получать непосредственно, а не из ТАССа. А ТАССу мы тоже укажем.

На следующий день радио весь день — в ходе заседания — передавало о ходе заседания (в Колонном зале). 18-го в 11 ч. утра открылся процесс над поляками. В час дня радио передало подробнейший отчет.

В Ленинграде мы насели на физика Саха, чтобы он рассказал свое мнение о достижениях русской физики. Тот долго и старательно объяснял, а в заключение отослал к… его статье, опубликованной в сборнике «XXV лет советской физики».

Много обменивался любезностями с аэродинамиком, доктором Теодором Карманом. Ему 60 лет, на вид — 45.

Переводчица сказала ему, что я летал на Полюс.

— В 1937 году? — быстро спросил он. — Я тогда был в Москве и встречал вас. Это было грандиозно!

Прокомментировал, что я очень корректен, не в пример американским журналистам. Я ответил, что удобообтекаемые самолеты движутся быстрее. Он засмеялся.

На сессии подошел ко мне Ширшов. Он — Наркомфлот.

— Здравствуй, Лазарь. Во время войны наш флот был засекречен, а делал хорошие дела. Сейчас вето снято. Надо бы написать. Заходи, поговорим.

— Заходи, поговорим, — в тон ему ответил я.

…июня наградили Поспелова орденом Ленина. После номера собрались у него в кабинете человек 8-10 и вспрыснули. Очень взволнован. 18-го чествовали его в Серебряном бору. Он рассказывал о внимании Хозяина к газете. Однажды сказал: «В „Правде“ мало пищи для ума». Другой раз: «Мы с т. Молотовым тоже газетчики». Внимательно следит за газетой, вплоть до опечаток (в сообщении СИБ было пропущено «не»). После этого у нас ввели институт считчиков и барабанщиков.

Вчера вечером ко мне приехал Валерьян Новиков — начальник ПУ ГУСМП. Сидели до трех. Шел разговор об Арктике. Я снова жал на то, что нужно возродить романтику и фантазию в работе, иначе они превратятся в Главк Наркомата. Говорил ему, что надо твердого первого зама Дмитричу, называл Шевелева. Долбил об экспедиции, предлагал послать ледокол, возглавить Папаниным, цель — исследование белых пятен и поиск новых земель, просить разрешения в ЦК сделать ее правительственной.

Новиков во всем со мной соглашался.

11 июля.

Кое-как работаем. Секретаря все еще нет, людей нет, вопросы эти Сиротину — нож к горлу. Все, что хочешь, но лишь бы ничего не решать.

7-го Поспелов послал к секретарю ВЦСПС Поповой — брать беседу о поездке во Францию. Был, сделал, сегодня напечатали. Молотов одобрил их работу, сказал «действуйте дальше, созывайте международный конгресс женщин».

Вчера отдыхали в Серебряном бору. Пошли купаться. Лерка Гершберг начал тонуть. Лида кричит «Лазарь!!» Я бросился в штанах, в ботинках. Час сушил документы. Обошлось — высохли.

14 июля.

Вчера говорил с Неговским. Жалуется, просит помочь. Сейчас он опять у Бурденко — в институте и в Академии медицинских наук.

— Раньше все помогали, потому, что я только начинал. Сейчас говорят: ты уже сам большой. А с фронта пишут об отличных результатах. Около 20 врачей действовали по этой методике и добились отличных результатов. Один врач в самом Берлине оживил двух после клинической смерти. Шуму!!

Сейчас печатаем награждение медиков. Неговскому дали Красную Звезду.

Был сегодня у Кокки. Он заехал за мной на своем довоенном «Оппельке» («Кадет»). За рулем — сам.

— Прошел 60000 км, а бегает, как новенький. Мотор без капиталки. Хочу наездить еще 100 000 км. В городе всех обгоняю.

— Был бы ты шофером — расписали бы, как стахановца, — пошутил я.

Володя ведет машину удивительно легко и красиво, без всякого напряжения, видно, что отдыхает за рулем. И машина отдыхает.

Попробовали разные коньяки. Отличные есть. Каждого по рюмочке гурманы! Слушали радио — увлекается, как ребенок. Сделал несколько снимков за столом.

Подбивал его на рекорд. Ухмыляется. Я ему доказывал, что если не он пойдут другие. Партии выгоднее, чтобы пошел он — его вся страна знает, не надо снова поднимать имя. И доверия у ЦК к нему больше.

— Я хочу сделать затравки, — говорит он. — Как в 1935 г. А потом пусть идут другие. Вот хочу пройти Москва-Ленинград за час. 640 км/ч. Моя мечта на одну-две минуты вылезть из часа, чтобы выговаривалось не «час», а столько-то минут.

— На чем?

— Думал на «Яке», а пойду, видно, на «Лавочкине». Только он сам еще не знает. Я ведь веду многие машины.

— Летаешь часто?

— Каждый день. Утром — в воздухе, вечером — в наркомате. И на неделе обязательно какая-нибудь петрушка. А, знаешь, я вот подумал: из стариков — я один летаю. Вот испытывал тут один агрегат, а он в воздухе рассыпался смеху было. Лавочкина тащил, помогал кое-что.

(Мысли про начало войны — собеседник неизвестен, лист отсутствует. С.Р.)

…Следовательно — тактической внезапности немецкого удара быть не могло. Но стратегически — он был полной внезапностью. Они не знали — когда, где и какой удар будет нанесен. Армия, ожидающая в течение нескольких лет войны, перестала быть осторожной и мобильной. Удар последовал спустя час после объявления войны, когда армия находилась в лагерном положении, да и перестройка ее в готовность потребовала бы многих дней, а не часов. А мы обвалились со всем опытом войны: страшная артподготовка и авиаобработка, танковые армии в прорыв и т. д. Все полетело к шутам. Стратегическая внезапность была полная.

Вчера был в Тушино, на репетиции воздушного парада. Сидел рядом с Кокки, глядели групповой пилотаж тройки.

— Эх, придется мне опять подобрать пятерку или эскадрилью ребятишек и показать, как это по-настоящему делается, — сказал он.

— Треплешься?

— Нет, займусь весной будущего года.

Парад обещает быть интересным, хотя и очень профессионально-строгим. На правительственной трибуне встретил маршала Ворожейкина, маршала Астахова, генерал-полковника Шиманова, Шахурина, Ильюшина, Яковлева.

— Ну как, дойдет до зрителя? — спросил меня Ворожейкин.

— Большая нагрузка, надо дать — чем заполнить наблюдение, дать разрядку. Поставить зенитки, пусть стреляют, дать музыку.

— Это правильно, — и он тут же отдал приказание.

— Твоя пассажирская машина полетит? — спросил я Ильюшина.

— Нет. Еще не облетана. Через неделю.

— Огнев, вы приезжайте вечером ко мне, посмотрим вместе статью Новикова для вас, — предложил мне Шиманов.

С аэродрома заехал к Яковлеву на завод. Он показал мне статью, написанную ко Дню Авиации. Называется, кажется, «Нас

ведет товарищ Сталин». Написана довольно содержательно, но довольно бесплановo. Главная ценность в высказываниях т. Сталина. Два из них потрясающи и станут крылаты так же, как его «сын за отца не отвечает».

Вспоминается в статье, как некоторые руководители жалуются, что хороших кадров мало. т. Сталин ответил:

— Одних хороших кадров не бывает. Есть кадры хорошие, кадры средние, кадры плохие. Нужно уметь со всеми работать.

Другой пример. Надо было назначить куда-то человека. т. Сталину назвали фамилию генерала:

— А дело он знает? — спросил Сталин.

— Он честный человек, — ответили ему.

— Я не об этом, — сказал Сталин. — Дураки тоже честные бывают. Дело-то он знает?

В статье приводятся интересные воспоминания. Однажды т. Сталин спросил у Яковлева мнение о качестве английских и немецких истребителей. Это было году в 1939. Яковлев ответил. что ведущие истребители «Спитфайер» и «Мессершмитт» примерно одинаковы по летным данным, но на «Спитфайере» — пулеметы, а у немцев — пушки.

— Пушки сильнее, — сказал Сталин. — Нам нужно строить истребители пушечные и ставить калибр не менее 20мм.

Тогда появилась как раз отличная пушка Шпитального, ее и поставили.

Перед войной т. Сталин твердо определил, что нам надо строить: два типа истребителей, два типа бомбардировщиков и штурмовик. После этого дали заказ 30 конструкторам, чтобы отобрать лучшее.

— Я столько помню из встреч с т. Сталиным, — сказал Яковлев, — какая бы книга получилась!

Он рассказал, как однажды, в тяжелые годы, когда надо было гнать как можно больше машин, — кто-то из конструкторов предложил улучшение. Но это задерживало выпуск и серийщики запротестовали. Конструктор пожаловался т. Сталину. Он ответил:

— Я целиком на их стороне. Нам нужно сейчас как можно больше самолетов, чтобы ликвидировать превосходство немцев в авиации. Сейчас я сам — серийщик.

Другой раз т. Сталин рассматривал какое-то предложение. Ему понравилось. Он спросил: почему не реализовано. Ответили: не соответствует техническим условиям.

— Мы техническим условиям не присягали, — сказал Сталин поучительно и предложил сделать.

В 1942 г. он сказал о военных:

— Некоторые наши генералы выучили кучу книжек, а воюют по пути Кира Персидского. Современный генерал должен знать и понимать технику и уметь ею пользоваться.

Стоит вспомнить, что в майском приказе 1945 г. есть такая фраза: «Генералы научились сочетать массированные удары техники с маневром».

18 августа.

Сегодня позвонил Яковлев и рассказал мне подробности гибели его «красной» машины. В Тушино вчера был устроен просмотр этих самолетов. Яковлевский пришел, хорошо прошел, набрал высоту. В верхней точке, на высоте примерно 2000–2500 м. машина вдруг перешла в отвесное пике и так до земли с работающим мотором (бензиновым). Летчик не делал никаких попыток выброситься.

— Кто?

— Расторгуев.

— Причины?

— Ничего понять не можем.

Голос совершенно убитый.

Завтра в Тушино праздник. Написал передовую. Завтра — писать отчет.

Звонил Голышев, воздухоплаватель. Это он собирается на пузыре бить рекорд стратонавтов.

— Когда?

— В начале сентября.

— Ну, скоро подвергнем вас довоенной полной обработке.

Он смеется.

6 сентября.

Авиационный праздник в Тушино до сих пор не состоялся — нет погоды. Вообще, вся вторая половина лета — дождь, прорва. Очень боимся за урожай.

ЦК усиленно жмет на обязательства областей, которые мы публикуем по 2–3 в день. Каждое из них сопровождается постановлением. ЦК — «опубликовать в № таком-то». Из этого видно, какое значение ЦК уделяет хлебозаготовкам. Но воспользовавшись этим, Сиротин всю газету превратил в сельскохозяйственную: каждый день полоса. Все аж стонут.

Кстати, какой огромный диапазон работы ЦК. Числа 25-го июля нам группе правдистов — отдел печати ЦК поручил ознакомиться с воскресными номерами областных и республиканских газет за 29 июля. Мне достался «Красноярский рабочий». Дело в том, что ЦК разрешил 35-ти газетам выход на четырех полосах формата «Правды», повысили ими гонорар до 3600–4000 рублей за номер, вынесли большое решение о задачах,

о кадрах.

В субботу, 40-го августа, наши выводы и заключение отдела пропаганды обсуждалось на оргбюро ЦК. ЦК вынес большое постановление, конкретно указав достоинства и недостатки нескольких газет, их содержание. Особенно ЦК жмет на разнообразие тематики, географию и литературное качество.

Нам предложили дать обзоры на хорошие и плохие газеты. И с той поры ЦК регулярно, раз в неделю рассматривает воскресные номера газет. А в прошлую субботу, 1 сентября, ЦК рассматривал номера московских газет за воскресенье 26 августа: «Правду», «Известия», «Красную Звезду», «Комсомолку» и пр.

Наш номер был признан неплохим, разнообразным, содержательным. Минусы указанные: передовая «Образцово подготовить промышленность к работе в зимних условиях» (Корнблюма) не подкреплена подборкой на эту тему, не содержит сама конкретного материала об этом, слишком дидактический тон («надо», «необходимо», «должны» и т. д.). Указано на некоторые стилистические неряшливости в статье Заславского (которая признана хорошей и правильной) и сказано, что и мастеров надо править.

Разнесли «Известия», особенно досталось Агапову за очерк «В капище империализма» — вычурный, надуманный, непонятный. Пощипали Эренбурга.

Разделали «Труд» — нет материалов о быте.

На днях ЦК вынес решение о повышении гонорара в «Правде» до 2000 руб. за полосу (раньше — 900), готовится решение о переходе на 6 полос. У нас много об этом разговоров, но никто не готов и людей по-прежнему нет (в т. ч. и у меня).

Закончили войну с Японцами. В воскресенье, 2 сентября, выступал Сталин. В понедельник был праздник победы.

29 августа у нас на партийном активе выступил зам. НКИД Иван Михайлович Майский. Седой, полный., веселый, умный, с очень живыми и дотошными глазами. Сначала сделал вступительное слово:

— Международная обстановка сейчас определяется тремя силами: СССР, США и Англия. Положение, которого не было больше ста лет. Германия и Япония сошли с исторической сцены, Китай и Франция весят мало, остальные страны исторический материал.

В ведущей троице — борьба за влияние. И международная ситуация будет определяться взаимоотношениями между ними. В тройке — не все равны. Основной показатель — размер индустриальных ресурсов. В наше дни держава, имеющая меньше 100 млн. населения — держава второго сорта. Правда, у Англии

доминионы. Но они уже изрядно вылупись из яйца. Хорошо, что в этой войне США и Англия сражались вместе. А будь война между США и Англией — еще неизвестно, с кем бы пошла Канада. Основные державы: СССР и США.

Между Англией и США много потенциальных противоречий: море, флот (американский уже сейчас больше английского), воздух (США ставят вопрос летать где угодно, а это значит — базы, обслуживание, задавят всех), борьба за мировой рынок. Финансовое и экономическое положение Англии значительно слабее, чем до войны. Американцы жмут на рынки в колониях, доллар прокладывает дорогу, ищут — где что плохо лежит. Идет борьба за влияние в Европе (в основном между тройкой, ибо Франция скатилась на положение очень второстепенной державы).

Конечно, эти противоречия очень своеобразны, кое-где они сходятся, но тенденция, потенция — таковы. Некоторые американцы вообще склонны мечтать о едином англо-саксонском государстве, в котором Англия должна играть роль Европейского форпоста США.

В то же время, между ними много сближающих моментов. Прежде всего Россия. Ибо она: 1) исконный противник в Европе и Азии, 2) социалистическое государство, 3) чем сильнее Россия — тем сильнее левые элементы в из собственных странах. А это им не нравится. Поэтому: Англия будет стараться маневрировать, подбрасывать карты то нам, то американцам, всячески лавировать. Народ они ловкий.

Внешняя политика лейбористов вряд ли изменится по сравнению с консерваторами. Пример и доказательство — отношение к Франко. Возрастут тенденции создания блока Англии и Франции (поэтому сейчас так горячо встречают де Голля в США). Политику лейбористов определяют правые элементы (Бевин, Моррисон, Ситрин).

Внешняя политика США. Они вступили в фазу бурного развития империализма. Британские империалисты сейчас гораздо сдержаннее, боятся авантюр, стремятся сохранить то, что есть. Американский империализм сейчас в таком состоянии, в каком английский был 100 лет назад. Атомная бомба им ударила в голову — и без достаточных оснований. Она послужила фактором, укрепляющим их самоуверенность и даже нахальство. Они будут пытаться распространить свое влияние, и — прежде всего — в Южной Америке, затем Тихий океан, который они считают американским озером, Китай, Индия, Австралия, Канада, африканские владения, там США видит свое будущее экономическое внимание, финансовое покорение, получение

морских и воздушных баз. Взаимоотношения между Англией и США будут определять значительную часть международной политики.

Дальше Майский отвечал на вопросы. Это было очень интересно не только по существу, но и по форме. Ясно чувствовалось, что говорит дипломат, который даже молчанием дает ответ.

Гершберг: Взаимоотношения США и СССР?

Майский: Я не вижу коренных противоречий, кроме разницы систем. В Европе мы не сталкиваемся, на востоке на американские земли не претендуем.

Леонтьев: Ваши личные впечатления от Берлина?

Майский: (смеется) В дух словах не скажешь.

Креславский: О, у нас есть время!

Майский: Но уже поздний час.

Вопросы были разнообразные: о значении договора с Китаем (от ответил: «дела пойдут по-китайски»), о выборах в Болгарии — почему они отсрочены, это наше поражение? (Майский: «Это не значит, что они пойдут по-другому»). На какой-то вопрос о Франции он ответил: «У каждой страны есть своя форма политического лицемерия, англичане очень любят подзуживать кого-нибудь».

Леонтьев: Все-таки о Берлине?

Майский: Очень чувствовалось отсутствие Рузвельта, а потом — Черчилля. Это были очень крупные, государственные люди. И остальные при них — молчали. А сейчас — непрерывно советовались с советниками. Особенно тяжело с Бернсом — государственный секретарь США. Он плохо понимает. Скажет Сталин что-нибудь, Бернс переспросит: вы предложили то-то, потом переспросит у советников, потом у Трумэна.

Вопрос: Он туповат или это форма дипломатии?

Майский (смеясь): Нет, это не форма дипломатии. Вообще, играть ради дипломатии в тупость не принято.

Малютин: Наши отношения с Турцией?

Майский: Внешне корректные (улыбается). Но требуют во многих вопросах пересмотра.

Леонтьев: Что в Иране будет?

Майский: Трудно гадать. Это страна загадочная.

Малютин: Проливы — не столько турецкий, сколько английский вопрос?

Майский: Конечно.

Малютин: Как понимать Вашу фразу, что атомная бомба вскружила головы без достаточных оснований?

Майский: Можно по-всякому понимать (смех).

Азизян: Могут ли быть разногласия о Германии?

Майский: Не думаю. Все-таки гитлеровская Германия сильно напугала и много крови испортила англичанам. Правительство в Германии никто из союзников пока не намерен создавать.

Я: Как мыслит США воздушное завоевание и наша позиция?

Майский: Летать где угодно и кому угодно. Внешне — полная свобода для всех, практически — контроль над всем миром. Мы — против.

Гершберг: Будет ли Япония оккупирована?

Майский: А почему бы нет?!

Я: Самолеты и суда сблизили расстояние и они не являются препятствием. Страны ищут места для морских и воздушных баз и источников сырья. Может ли начаться борьба за Гренландию и Антарктику?

Майский: За Гренландию уже взялись. Американцы укрепились не только там, но прибирают к рукам и Исландию. Об Антарктике вопрос пока не стоит.

Я: А не может она стать яблоком раздора?

Майский: Есть очаги поближе.

Сиволобов: Бронтман в Антарктику собирается, спецкором. (Смех).

Гершберг: Соотношение репараций с Германии и наших потерь?

Майский: Конечно, репарациями можно покрыть только незначительную часть. Но все же эти репарации — больше, чем кто-нибудь когда-нибудь в истории получал.

Гершберг: Почему мы, могущественная страна, не можем заткнуть глотку реакционерам в Турции и Иране?

Майский: Во-первых, мы там не одни. Во-вторых, терпение требуется в международных делах.

Принесли записку: Молотов просит его срочно позвонить. Майский уехал.

Видел вчера Петра Корзинкина. Когда-то он работал в «Кр. Звезде». Сейчас — секретарь военной окружной газеты в Риге, майор. Просится в Москву. Рассказал:

— Я так погорел на войне. Был женат 14 лет, дочка 14 лет. Два года посылал с фронта деньги, письма. Приезжаю, узнаю — вышла замуж. Уехал. На фронте нашел хорошую девушку, врача. Жили мужем и женой. Сейчас в Риге получил квартиру, поехал за ней: «Нет, Петя, я с тобой жить не буду».

Иду на продолжение партсобрания (начали в воскресенье 2 сентября). Заслушали доклады парторгов Корнблюма и Леонтьева о подготовке коммунистов отделов к 6 полосам и повышении журналисткой квалификации.

Я выступал в воскресенье: жаловался на отсутствие людей и на страшную загрузку, в силу которой отстаем, не растем. Все речь одобрили.

7 сентября.

С 1-го по 4-ое сентября проводился международный шахматный радиоматч СССР-США. Занятно. Я был дважды в ЦДРИ, где сидели участники. Разгром полный!

Вначале наши очень трусили. Перед открытием у меня был Рохлин — нач. штаба матча. Он считал (выражая общее мнение наших шахматистов), что Ботвинник выиграет со счетом 11/2: 1/2, Смыслов и Болеславский продуют Файну и Решевскому, дальше — ничьи. Надежды возлагались на вторую пятерку (Бондаревский, Лилиенталь, Макагонов, Рагозин, Бронштейн). Председатель комитета по делам физкультуры и спорта Романов опасливо говорил нашему Капырину, что на этом матче он свернет себе голову.

А вышло все наоборот. Первый тур — 8:2, второй — 71/2: 21/2 в нашу пользу.

Я был в зале во время первого тура. Начало в 5 часов. Ботвинник сидел скучая внешне, но напряженно. У него — черные, вот секундант принес ход Денкера, Ботвинник немедленно ответил. Смыслов — белые, сделал, не раздумывая, ход и встал прогуливаться. В глазах — озорные искорки. Вообще, ходил он очень быстро, первые 23 хода заняли в общей сложности 8 минут. И все время — прогуливался. Болеславский сделает ход — и уткнется в книжку. Подошел, взглянул: «Остров Сокровищ» Стивенсона!!

Во время второго тура я сказал об этом Котову. Он рассмеялся:

— Знаете, я тоже могу читать, чтобы отвлечься. Ну 2–3 секунды. А он прочел всю книжку. А знаете, что он читал во время второй партии? «Одноэтажную Америку».

Партии, в связи с передачей, тянулись очень долго. В первый день игра закончилась после 5 ч. утра. Я сказал Ботвиннику:

— Здесь не столики нужны, а койки.

Он смеется.

Во втором туре американцы пробовали жулить. Они забывали включать часы. Тогда наш представитель от полпредства Фоминых сказал деликатно: «Очевидно, у вас не хватает секундантов» и вызвал 5 мальчиков из полпредства.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1945-46 г

Аннотация: Встречи в ВОКСе. У Збарского дома, его рассказ об истории бальзамирования Ленина, посещение вновь открытого мавзолея, беседа со Збарским. Встреча с Аккуратовым, планы экспедиции. Беседа с Аминтаевым, его гибель. Дома у Галая. Полет Титлова на Северный Полюс на «Дугласе» Си-47, отсутствие реакции от Сталина, запрет на печать новости в газетах. Геликоптер «Омега» Братухина, статья о нем, скандал. Планы экспедиции Водопьянова. Пропажа самолета Томилина и Погосова, поиски, спасение. Выступление Мессинга с сеансом в редакции. Чествование футболистов «Динамо» в Метрополе, разговор с боксером Королевым. Беседа в редакции с Майским. Смерть Калинина. Запись рассказа Вишневского о заседании ЦК по «Звезде», Ахматовой, Зощенко, выступление там Сталина. Шахматисты в редакции.

Тетрадь № 28–11.09.45–06.10.46 г.

11 сентября.

За последнее время я довольно часто стал бывать на приемах в ВОКСе в честь разных иностранных деятелей. Был на приеме в честь иностранных участников сессии Академии Наук, в честь председателя американского общества помощи России проф. Картера, в честь советских шахматистов и т. д. Приглашают Поспелова, он бывает.

Сегодня был прием в честь премьер-министра Румынии г. Петре Гроза. Народу было масса: Вышинский, Кавтарадзе, Сусайков, Папанин, академики, артисты, политические деятели.

Хочу записать несколько разговоров:

1). С директором ИМЭЛ Кружковым Владимиром Семеновичем.

Он — наш, правдист, до сих пор член редколлегии. Мы пили вместе с ним, а потом я его пытал о планах института.

— Готово 20 томов 4-го издания Ленина. Но нет полиграфической базы, так что в этом году выйдет два-три тома. Выйдет двухтомник Ленина и двухтомник Маркса. Готовится полное собрание сочинений Сталина.

В этот момент его позвали к Грозе. Вернулся через полчаса.

— Ух, дока! Как он хорошо знает Маркса! Расспрашивал меня о том, какие рукописи есть у нас, где такая-то, где такая-то. Что готовим. Знаешь, Гроза — и впрямь любопытная фигура. Один из крупнейших финансовых магнатов Румынии, он издавна сочувствовал левым партиям. Он перевел Маркса на румынский язык, в годы оккупации поддерживал левых. Не даром сейчас

англичане так ополчились на него.

Прощаясь, Гроза подошел и ко мне.

— Спасибо за прием, за гостеприимство. Постараемся оказать Вам такой же прием в Бухаресте, — сказал он мне, как и всем.

— Спасибо, я уже пользовался вашим гостеприимством в Бухаресте, ответил я. — И с наслаждением испытаю его еще раз.

Он поклонился, я тоже.

2). Был отличный концерт: Михайлов, Емельянова, Лиза Гиллельс, Максакова, Григорян. Потом сидели с Козловским и пили. Я напомнил, что последний раз мы чокались вместе с Чкаловым лет восемь назад.

— Да, помню, — ответил он. — А за три дня до гибели Валерия Павловича и слушали новую ведь. Он очень любил музыку.

3). Комендант Москвы генерал-лейтенант Синилов Козьма Романович, крупный, полный, широкий мужчина, с широки русским лицом (я встретился с ним в 1939–1940 году, зимой, в Мурманске, когда мы шли за «Седовым») рассказывал мне, Поспелову и Кружкову. Он довольно долго охранял Ленина, стоял на важных постах в Кремле.

— Помню, Владимир Ильич любил отдыхать в скверике, а сейчас и этого скверика нет. Я смотрел картину «Ленин в октябре», «Ленин в 18 году» и все сравнивал: тот ли Ленин, та ли походка, жесты. Мы часто сидели в Арсенале, свободные от дежурств, Ильич подойдет, послушает, очень он любил русские песни. Как-то раз, в ноябре 1922года, мы занимались на плацу. Вдруг подъехала машина Ильича. Мы все ее очень хорошо знали. Все замерли. Владимира Ильича посадили на колясочку. Он осмотрел Царь-пушку, колокол. Мы молчали, знали, что он очень болен.

У меня в комендатуре есть один подполковник. Он тоже был в школе ВЦИК. Он рассказывал, что Ленин зашел как-то в казарму, посмотрел, как бойцы живу, спросил — почему тумбочки не покрыты, посмотрел, чистое ли постельное белье у бойцов на койках.

Потом разговор зашел об октябрьских днях войны. Вспоминали, как тогда работали и в «Правде» и в комендатуре. Синилов рассказал:

— 19 октября 1941 года меня назначили комендантом. И вот дня через четыре вдруг вызывают меня к т. Сталину. Я был где-то в казармах, в простом кителе, помню — долго пояс искал, чтобы подпоясаться. Приехал. Я в кабинет, а из кабинете какой-то генерал выходит, кажется, Жуков. Вхожу. Берия меня представляет т. Молотову, Кагановичу, — все члены

правительства там были. Потом заходит т. Сталин. Поздоровался, зашел по другую сторону стола, я — по эту. «Садитесь», — говорит. Я, конечно, продолжал стоять.

— Мы позвали вас затем, т. Синилов, — говорит т. Сталин, — чтобы вы, как новый комендант Москвы сказали, какие у вас есть вопросы к правительству. Что нужно сделать, чтобы помочь вам поддерживать порядок в Москве?

Я опешил, но кое-что ответил. Из своих ответов кое-что помню, а кое-что забыл. Потом т. Сталин говорит:

— Хорошо, мы сделаем, что вы просите. А теперь у нас есть вопросы к вам. Вот мы с т. Молотовым ездили и видели, что машины плохо соблюдают светомаскировку. В большинстве — это фронтовые машины. Можно, конечно, запретить им въезд, но тогда Москва будет отрезана от фронта. Нельзя ли сделать так, чтобы они соблюдали маскировку? (он не сказал «запретить», а «нельзя ли»).

Я ответил, что как раз перед этим мы испытывали новые фары (лягушки), и они очень хороши и надежны.

— А нельзя ли ими снабжать фронтовые машины, въезжающие в Москву? спросил Сталин. — Вы сможете взяться за это, чтобы их было достаточно?

Я ответил, что берусь. В тот же день мы занялись этим, поехали на заводы. За три дня мне сделали 65 тысяч лягушек и мы на КПП снабжали ими все идущие в Москву машины.

Прошло несколько дней и наша служба сообщила мне, что ночью т.т. Сталин и Молотов ездили по разным районам Москвы. И вот вызывает меня т. Молотов.

— т. Синилов. Мы ездили с т. Сталиным по Москве и у нас нигде не спрашивали пропусков. Это не годится. т. Сталин очень недоволен.

Я ответил, что мы знали, что едут именно они, и мы им давали «зеленую улицу».

— Это не годится, — повторил т. Молотов. — Мало ли какие машины ездят, и мало ли кто в них сидит. Обязательно надо спрашивать пропуска.

4). Видел там архитектора Алабяна. По его проекту будет восстанавливаться Сталинград. 22 августа СНК СССР утвердил в основном его проект. Договорился с ним о подвале.

— И там можно некоторые общие вопросы поставить? — спросил он.

— Конечно.

— Поедем на юбилей Армении?

— Обязательно, — ответил я.

Он был чудным мне спутником в 1940 году в дни

празднования 20-тилетия Армении. Он, Суре Кочарян, Рачик Григорян, Иосиф Орбели и другие.

5). Видел арх. Бориса Михайловича Иофана. Когда-то я давал беседу с ним о проекте Дворца Советов (на месте Храма Христа Спасителя. — С.Р.) Сейчас я его еле узнал: маленький, сухой и очень постарел. Сказал он мне, что сейчас в проект внесены некоторые изменения. Когда Молотов вернется из Лондона с конференции министров иностранных дел, он посмотрит и утвердит (он по-прежнему председатель Совета Строительства). Договорился о беседе.

6). Сидели, курили. Композитор Вано Мурадели сообщил, что написал новую песню о Берия, хотя тот и очень не любит, когда о нем пишут. Потом рассказал чудную грузинскую сказку о молодоженах и трусиках.

ЦК принял решение — выпускать 6 полос с 1 октября. По этому поводу Поспелов вызывает завов с докладами о подготовке. Гершберг и Объедков уже были. Моя очередь, видимо, завтра.

Сегодня он вызвал меня, спросил — подойдет ли мне замом Володя Верховский? Еще бы! (Три дня назад мне утвердили замом Шабанова — быв. корр. Информбюро по 1-му Украинскому фронту). Рекомендовал не гнаться за количеством, а брать орлов. «И чтобы вы побольше писали». И тут же заказал мне передовую — о разгроме Японии и заселении Дальнего Востока.

ЦК принял решение — всем центральным газетам выходить в 4 часа. О каждом опоздании давать письменные объяснения.

Вчера получил выписку из постановления редакции о назначении меня завом Информации с 1 июня (все недосуг было Сиротину оформить).

Сегодня на приеме Папанин сказал мне, что они переделывали список и решили представить меня не к «Знаку Почета», а к «Красной Звезде». Олл-райт!

Пора спать — 5 ч. утра.

Уж какой день холодище. Весь конец лета и осень — дырявые, дождь по несколько раз в день. С 19 августа и по сей день не могут выбрать дня для авационного праздника — видимо, отменят. Хлеб гниет. Худо.

18 сентября.

Несколько дней назад нам сообщили, что в воскресенье открывается мавзолей Ленина — впервые после четырехлетнего перерыва. А я уже месяца два собирался побеседовать со Збарским о том, как готовятся к открытию, и как раз накануне узнавал его телефоны.

Позвонил, его нет дома, скоро будет. Дело было в пятницу, 14 сентября. Звали на прием в ВОКС, в честь английского писателя

Пристли. Решил поехать и оттуда звонить. Шикарный прием, много представителей литературы, искусства. Встретил там академика, секретаря Академии Медицинских наук Василия Васильевича Парина. Спрашиваю, кто главный по всей работе, связанной с мавзолеем.

— Збарский.

Ага, правильно!

Познакомили с Пристли. В сером костюме, невысокий, полный, лицо невыразительное, лавочника средней руки. Но сказал несколько хороших слов:

— Я имел приглашение во многие страны, но очень хотел приехать в Россию потому, что чувствовал глубокую дружбу английского народа к русским. Я говорю о чувстве широких масс, рабочих, интеллигенции. Многие из вас могут спросить — почему же, при этом, так мало издается в Англии советских книг и фильмов. Дело в том, что у нас издатели — собственники, и они заинтересованы в доходности.

Потом он говорил в Шолохове:

— Я завидую Шолохову. И не только толщине его романов, хотя это большое дело уметь написать толстый роман, но и его темам и образам.

Наконец, я дозвонился Збарскому и поехал к нему. Живет он в Доме Правительства, на 7-м этаже, окна на реку. Большая, комфортабельная квартира, прекрасный просторный кабинет. По стенам — картины, фотографии, на полу — ковры, диван, огромный письменный стол, маленькие столы, мягкие кресла, безделушки. Столы завалены книгами. Вдоль всех стен — книжные полки и шкафы.

Борис Ильич Збарский — основной автор метода бальзамирования тела Ленина. Он и покойный академик В.П. Воробьев и провели эту гигантскую работу. Суть ее изложена в книжке Збарского «Мавзолей Ленина», которую он и подарил мне с авторской надписью. За эту работу его наградили двумя орденами Ленина, двумя Трудового Знамени, знаком Почета. 26 или 27 июля этого года ему присвоили звание Героя Соц. Труда и дали третий орден Ленина. Он лауреат Сталинской премии, действительный член Академии Медицинских наук, профессор.

Встретил он меня очень приветливо, усадил, предложил на выбор трубку, папиросы, сигары, сигареты.

— Честерфилд? — спросил я.

— Нет, мексиканские. Но не хуже!

Закурили. Я сказал, что хотели бы к открытию дать беседу или статью. Он задумался. Я глядел на него и удивлялся. Ему 60 лет, но можно дать 45–50. Среднего роста, плотный, широкий,

очень подвижный, энергичный, правда седой, но волос много, волевое широкое лицо, живые глаза. Серый, отлично сидящий костюм. Чем-то неуловимо напоминает Капицу, м.б. внутренним излучением силы (физической и интеллекта).

— Я готов всегда дать беседу или статью, это несложно. Материал у меня весь в голове, и я его за час продиктую стенографистке. Но тут есть один момент: можно ли касаться эвакуации тела? Вопрос этот может разрешить только т. Берия — он председатель правительственной комиссии по эвакуации. Сможете ли вы с ним договориться? Правда, сейчас — это история, но раньше шло лишь строгое запрещение.

— Когда было эвакуировано тело?

— 3 июля 1941 года. Еще в конце июня меня вызвали т.т. Коганович и Микоян и сказали, что так как есть опасность воздушных налетов, то правительство считает необходимым эвакуировать тело Ленина. Мне предложили подготовить проект постановления. Мы написали такой проект и дали т. Берия. Место эвакуации мы обозначили точками. Меня вызвал С.С. Мамулов — помощник Берия и сказал, что Лаврентий Павлович спрашивает: какой я предлагаю город? Я ответил, что я считаю наиболее подходящими университетские города на Волге: Куйбышев, Саратов или даже Свердловск, там есть лаборатории, ученые, заводы — все это может понадобиться. В 2 ч. утра 3 июля мне позвонил комендант Кремля и попросил приехать. Я приехал. Он показал мне постановление, подписанное т. Сталиным и датированное 3 июля. Предлагалось эвакуировать тело Ленина 3 июля в 7 ч. вечера и стоял город — Тюмень. Ни таких сжатых сроков, ни этого города мы не предполагали. Очевидно, т. Сталин советовался с военными о том, до куда могут летать самолеты и, кроме того, хотел выбрать наиболее тихий, медвежий угол. В постановлении предлагалось выехать и мне. И вот в 7 ч. вечера 3 июля мы уехали.

— Очевидно, перевозка была связана с большими техническими и научными трудностями?

— О, с громадными. В мавзолее тело 17 лет лежало неподвижно, а тут его надо было везти и на машине, и несколько суток поездом. В мавзолее оно сохранялось при неизменной температуре в 16 градусов (правда, она нами была выбрана довольно случайно, но сохранялась строжайше, ее регулировали зимой и летом особые приборы и целый штат постоянно следил за термометрами). А 3-го июля на улице была адская жара, 37 град. в тени, такая же жара в вагонах и в самой Тюмени. О, мы натерпелись страхов и намучились. Но наш метод выдержал все испытания.

— Ждали ли вас в Тюмени?

— Там об этом не знала ни одна душа. Мы прибыли туда своим большим поездом с войсками охраны, вызвали на вокзал представителей власти и объявили им решение правительства.

— Представляю, как они растерялись!

Збарский смеется.

— Заняли мы там небольшой домик и вели там всю работу. Конечно, через полгода о прибытии тела Ленина знали все жители города, они собирались толпами. Перед домиком всегда стояли люди.

— Вы допускали их к телу?

— Нет. В декабре 1943 года в Тюмень приезжала правительственная комиссия, назначенная по моей просьбе. Возглавлял ее нарком здравоохранения СССР Г.А. Мителев, члены — академики А.И. Абрикосов, Н.Н. Бурденко и Л.Н. Орбели. Они признали, что «тело Ленина за 20 лет не изменилось. Оно хранит облик Ильича, каким он сохранился в памяти советского народа». Комиссия признала, что можно твердо говорить, что наш метод позволит сохранить тело Ленина века, даст возможность видеть его многим поколениям.

— Когда вы привезли тело обратно?

— В апреле 1945 года. К 1 мая мы предложили открыть доступ в мавзолей, но нам сказали, что еще рано. И вот позавчера, 12 сентября, т. Сталин подписал постановление об открытии мавзолея. В нем два пункта: 1. Открыть доступ в мавзолей с воскресения 16 сентября. 2. Поручить комендатуре Кремля и нам установить дни и часы посещений. Вообще же все постановления, связанные с работой над телом Ленина, подписывал лично т. Сталин.

— Были ли члены правительства в мавзолее?

— т. Молотов был три раза. Очень часто бывал т. Берия. Были и другие. т. Сталин еще не был. Перед самым отъездом из Москвы был румынский премьер Гроза — он очень просил об этом, и ему разрешили. Сопровождал его т. Вышинский.

Мы договорились, что я поговорю с Поспеловым о характере беседы, и на том закончили нашу встречу. Перед уходом я попросил разрешения осмотреть кабинет.

— Пожалуйста, — ответил Збарский. — Вот портрет Дзержинского, с которым мы вместе начинали эту работу.

На портрете надпись: «Борису Ильичу Збарскому. На память суровых времен (кажется, там стояли еще слова „1924 года“ — Л.Б.) Ф. Дзержинский.». Над этим портретом — портрет Ленина: открытый, прямой, в пиджаке и галстуке, с откинутой назад головой (этот портрет воспроизведен на титульном листе книжки

Збарского).

— Я считаю этот портрет наиболее удачным, — ответил Збарский на мой вопрос. — У меня есть очень много снимков Ленина, в том числе малоизвестных. Вы знаете, например, его снимок с кошечкой под рукой? («нет»). Нам ведь пришлось очень тщательно изучать все снимки, чтобы добиться наибольшего сходства. Так вот, этот портрет я считаю наиболее удачным и похожим. Между прочим, почти на всех снимках Ленин снят в пиджаке, с галстуком, а в мавзолее он во френче. Это многим бросается в глаза. Я помню, Бернард Шоу как только вошел, остановился и спросил меня по-французски: «почему он в военном?». Сейчас, по возвращении, мы ставили вопрос о том, чтобы переодеть тело, нам сказали — не надо, все уже привыкли.

Я уехал в редакцию, рассказал Поспелову. Он долго думал, но на следующий день сказал, что, по его мнению, эвакуационного периода в беседе касаться не надо.

В воскресенье я вместе с Марусей Калашниковой поехал в мавзолей. Шел мелкий дождь, нас впустили внутрь. Там был Збарский, Лидия Алексеевна Фотиева (личный секретарь Ленина), журналисты — в том числе, Петя Белявский — из «Известий», Анна Караваева, которая должна была писать очерк для нас, писатель Юрий Либединский и другие. Познакомили меня с профессором скульптуры Борисом Ивановичем Яковлевым — высоким, седым и желчным человеком, автором проекта нового саркофага. Он хорошо сказал мне об ответственности этого дела: «художник ложится под свой памятник».

И вот мы вошли. Светлый зал «могильного зала», недвижные часовые в изголовье и ногах Ленина, часовые вокруг. Мягкий свет, невидимый. Стеклянные стены саркофага не видны. Кажется, что Ленин лежит прямо на ложе. Живой, вот только заснул. Закрыты глаза, огромный лоб, чуть розовато-желтая кожа лица и рук, левая рука свободна, правая — сжата в кулак (как после объяснил Збарский, это — конвульсия удара, парализовавшего правую половину тела). Темно-зеленый френч со значком члена ВЦИК, ноги прикрыты черным знаменем на котором видны буквы «РКП (б)». Это знамя ЦК РКП(б), которое было возложено на гроб Ленина. По бокам — бронзовые знамена саркофага, в изголовье — герб СССР.

Мы простояли минут десять. Фотиева сказала:

— Он такой, каким его помню в постели в первые минуты после смерти. Сходство поразительное. Даже улыбка сохранилась.

Мы вышли. На площади уже стоял хвост очереди. Это были работники завода «Красный Пролетарий», которые делали саркофаг. Им разрешили придти первыми. Мы прошли с ними

еще раз. И снова тоже ощущение: вечности и величия. Впереди меня шло двое ребятишек: 10-тилетний вел за руку малыша лет 5–6, одетого в легкую, донельзя истрепанную кофту, без шапки, голые ноги в галошах, стоптанных до верху. Шли молча, как-то свято.

Вечером я приехал со стенографисткой к Збарскому. Он дал беседу (стенограмма ее и обработки литературная — см. в архиве). Из не записанного в стенограмму стоит отметить:

— Сложной ли была научная работа в эвакуационный период? — спросил я.

— Еще бы! Очень. Особенно — в момент перевозок.

— Где ваша лаборатория?

— Постановлением правительства созданы две лаборатории. Одна при мавзолее, сбоку от могильного зала. Мы имеем возможность перевозить туда тело. Вторая — большая, отдельно. Там мы проводим всю исследовательскую работу, готовим себе смену, ведь за телом нужно будет следить века.

— Вероятно, в процессе этих опытов и обучения новых кадров — сохранится на века и ряд трупов совершенно безвестных людей?

— Да, много.

— Были ли на западе попытки подобного рода?

— Да. Очень напряженную работу ведут ученые в Америке. Я удивляюсь, как они до сих пор не раскрыли секрета — ведь он очень прост. Там хотели сохранить тело Рокфеллера — вы сами понимаете, что средств на научную работу не жалели. Были попытки сохранить тело Пилсудского, тело Сун-Ят-Сена… Ничего не вышло. Между прочим, несколько лет назад американцы официально вели переговоры о покупке секрета, они давали 1 млн. долларов, дали бы и больше. Но стало известно, что они собирались коммерчески эксплуатировать этот метод, и переговоры сразу прекратились. Представляете, они бы рекламировали «по методу бальзамирования тела Ленина»!

— Ленин выглядит живым, спящим, — сказал я.

— Да, это общее впечатление: спящий человек. Вы знаете, есть одно явление, понятное биологам. (он назвал его, но я забыл — Л.Б.) Оно заключается в следующем: если у живого человека надавить на кожу, сделать углубление, даже сделать складку и держать так несколько дней, то потом ткань выполняется, выправляется, и ни углубления, ни складочки не остается. У мертвого человека, даже недавно умершего, ткань не выправляется. У Ленина — выправляется. Когда Бурденко увидел это, он воскликнул: «Это уже не медицина, это — чудо!». Больше того, у Ленина на скулах были морщины после смерти, в

эвакуации мы их выправили.

— На нем тот френч, в котором он умер?

— Нет, — улыбается Збарский, — другой. Беда в том, что материя не выдерживает и разрушается временем, и притом — очень быстро. Из прежнего на нем осталось только знамя, и то мы специально его укрепляем и бережем, как зеницу ока. Это то самое знамя, которое было возложено на его гроб, только кисти я отрезал себе на память.

— Сейчас у вас полная уверенность в успехе?

— Да. Сейчас странно вспомнить, что на первом совещании в январе 1924 года, когда перед крупнейшими учеными страны правительством был поставлен вопрос о сохранении тела Ленина, все ученые отказались от решения этой задачи.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Над проблемой рака. Это страшная болезнь, единственная, против которой наука пока бессильна.

— А туберкулез?

— Ну, туберкулез сейчас лечат успешно, особенно, если захватят вовремя. Вот рак… Его обязательно надо одолеть, — и в его тоне чувствовалась уверенность, что он одолеет и эту болезнь.

— Вы знаете Неговского, Брюхоненко? — спросил я.

— Да.

— Что вы скажете об их работах?

— Ну, они пока дали методы, применимые лишь в условиях пунктов скорой помощи. Но там в некоторых случаях они бесспорно дают эффект. Не подлежит сомнению, что мы хороним много людей преждевременно, при надлежащем лечении клинического периода смерти, они могли бы еще жить.

Я уехал, написал беседу, прочел ее Збарскому по телефону, согласовал. Пока лежит у редактора.

(Беседу со Збарским (в т. ч. и об эвакуации тела) разрешили опубликовать, кажись, в 1946 году в «Огоньке» — на первой странице. — ЛБ комментарий вписан в 1946 г.)

Сегодня генерал Галактионов вручил мне медаль «За победу над Германией». Кроме меня получили еще: Митницкий, Потапов, Лукин, Дунаевский, Юриков, завхоз Бычков.

Сегодня — хороший день, солнце, но холодно очень.

19 сентября

Сегодня ЦК вынес решение увеличить тираж «Правды» до 2 млн. Последнее время был 1.5 млн, до этого — 1200 тыс. Выходить предложено в 2:30 (подписать последнюю полосу). В последние дни выходили в 4–5, а сегодня закончили номер в 2:24. Сейчас сижу дома, пью чай и записываю перед сном.

Сегодня у меня какой-то день авиационных разговоров. Днем

позвонил генералу Затевахину. Он сказал, что Аминтаев собирается в новый прыжок. К полету все готово. Хочет прыгать с высоты в 14 000 м. Самолет нашел. Остались контрольные полеты. Дело — на днях.

Позвонил Кокки. Вчера его наградили четвертым орденом Ленина, а вообще в этом году награждают его, кажется, в третий раз.

— Когда пойдешь в Ленинград?

— А что?

— Обгонят.

— Кто? — забеспокоился.

— Не в этом деле, а во внимании. Ты же хотел начать компанию, а начнут другие.

— Кто?

Я рассказал о полете Аминтаева.

— Погоди. Сейчас минуту подумаю 14000. Это значит, надо подняться на 14500. Я там был и должен сказать, что для этого надо иметь мое бычье здоровье. И быть абсолютно в форме. Сейчас бы и я не мог. Треп!

— Погоди, — ответил я. — Ну будет тринадцать — и то шум на весь мир. А если 14000- даже без прыжка — и то дай Бог!

— Я на высоту сейчас не пойду. Надо идти на 16–17 тысяч. Без скафандра нельзя. А скафандра нет.

— Да я не о том. Нужна скорость.

— Это погоди. Мне сейчас нужна погода, чтобы сходить на высоту, так для пробы машины. Потом переткнем моторы и буду ждать погоды на трассе. Дело недели. К тебе просьба: узнай подробнее об Аминтаеве, что за машина, завтра встретимся.

Заело его.

Вечером позвонил Валя Аккуратов. Когда-то мы вместе летали на полюс (он был штурманом у Мазурука), потом он зимовал с Мазуруком на Рудольфе, в поисках Леваневского ходил до полюса, много летал потом с Черевичным, в войну — с Орловым (в частности, сделал 47 рейсов в осажденный Ленинград, и вывез в числе прочих ЕФБ), потом ушел в АДД, летал там флаг-штурманом дивизии Лебедева на ТБ-7, бомбил Кенисберг и прочее, сделал 190 боевых вылетов, был ранен, и посейчас трещина через весь череп, запретили пить. После войны вернулся в полярную авиацию, слетал два или три раза с Черевичным на Чукотку.

— Ты знаешь, что 25-го уходим?

— Нет. Куда?

— До девяностого. А мне Мазурук сказал, что в экипаже будет корреспондент «Правды». Я решил, Что кроме тебя некому.

— Ты дома? Сейчас приеду.

Тут же вызвал машину и поехал. Полночь. Просторный старый дом в Шведском тупике. Второй этаж. Уютная квартира. Много книг, безделушек. Жена — известная балерина Наташа Конюс — уехала с бригадой артистов на Дальний Восток. На рояли — секстаны, на столе — астрономические таблицы «положение светил в октябре», графики, расчеты. Валентин за время войны почти не изменился. Такой же ладный, широкоплечий (бывший боксер-любитель), в коричневом костюме, два ряда ленточек на восемь клеток. Поздравили друг друга с наградами. Закурили, сели за кофе.

— Рассказывай.

— Ну вот. Вызвал меня Мазурук. Сказал. Составил я докладную записку. Маршрут: Москва — Архангельск — мыс Челюскина — полюс — о. Котельный. Оттуда либо в Тикси, либо в Кресты Колымские, либо еще куда-нибудь, в зависимости от погоды.

— Почему с Челюскина?

— Ближе всего к полюсу.

— Когда солнце уходит с полюса?

— 22 сентября. Значит, будем там в полярную ночь, вернее — сумерки, а это очень затруднит ориентировку: звезд-то не будет. Очень трудно будет выходить на меридиан Котельного. Компаса-то почти бесполезны: склонение неизвестно. Расчет держу на две звезды, может, их увижу, и на ГПК.

— А радиомаяк?

— На Рудольфе нет, там зимовка законсервирована, а маяк Котельного будет слышен только за 400 км.

— Расчетное время?

— На Челюскине сидим неделю: выбираем погоду. Полет от Челюскина до полюса и обратно на Котельный — 14 часов (кажется, я не напутал — ЛБ). Взлет с большой перегрузкой — вся машина в баках. Всё — месяц.

— Резерв горючего?

— На три часа — 700 км.

— Машины?

— «Си-47». Моторы американские, надежные. Сейчас заканчиваем оборудование. Институт Истернберга дает завтра расчетные таблицы на светила. Берем аварийку, палатки, 200 кг. непзапаса, хватит на 3 месяца.

— А если на одном моторе?

— Аварийный слив опорожняет в три минуты баки. Тогда пойдет на одном.

— Экипаж?

— Летчик — Титлов. Сейчас он в Южной Германии, завтра прилетает. Говорят, отличный пилот. В прошлом году он за один месяц в Арктике налетал 300 часов. Ходил до 87°. Ни разу не интересовался погодой. Штурман — я. Бортмеханик — Дима Шекуров, помнишь — летал с нами, он же и второй пилот. Да и я вожу… Радист, гидролог — Сомов, будет следить за льдом. И ты.

— Почему я?

— Ясно. Кто же еще?! Я сказал Диме — он сразу говорит: «вот бы хорошо!». Тебя знаем, дело интересное, Арктику ты знаешь. Пойдем, а?

— Цель?

— О цели ты должен больше нашего знать. Помнишь, ты мне говорил по телефону об одной авантюре? (Я и впрямь после разговора с Папаниным, когда я его подначивал насчет новых экспедиций в Арктику, позвонил Аккуратову и сказал, что есть интересное дело).

Я рассказал ему о своем разговоре с Папаниным, Новиковым.

— Ну вот. Оно и есть. В развитие. Ты знаешь о полете на полюс англичан на «Ланкастере». Утереть им нос — пусть полетают не днем — это проще простого, а полярной ночью. Во-вторых — наблюдать лед. В-третьих — найти землю, то что ты хотел.

— Где?

— Вообще-то она вернее всего между ЗФИ и Северной землей, к норду от о. Ушакова, там, где ты говорил. Но в 1941 году мы с Черевичным летали километров за 200 к норду от мыса Молотова, видели там без конца громадные айсберги и характерную шапку тумана, которые бывают только над землей. Посмотрим сейчас. А обратно идем совершенно необследованным путем.

— А где еще есть земли?

— Я думаю, что к северу от наших посадок у полюса недоступности: глубины к северу падали, было много птиц, дрейф был забавным — не по ветру, а как будто его отклоняло препятствие. Может быть, есть и земля Андреева — к северу от Врангеля. А вот земли Санникова — бесспорно нет: мы там ходили десятки раз, все облазили. Или ее не было, или остров исчез, как исчезают и некоторые другие острова в этом регионе. А ты где еще ждешь?

Я ответил, что, видимо, есть земля Джиллиса. Рассказал, как искали мы ее в 1935 году. Кстати, Н.Н. Зубов и сейчас, нынче летом, клялся, что она есть.

— Может быть, — ответил Валя. — Я этот район не знаю. Да, кстати, ты знаешь, что мы тогда нашли второй северный

магнитный полюс в районе недоступности? Сейчас ученые согласились.

— А может — он перемещается?

— Может быть. Англичане на «Ланкастере» установили его на севере Канады. Геофизически возможно и перемещение. Тогда грош цена нашим всем расчетам склонения.

Рассказал он мне об одном чрезвычайно любопытном явлении, которое они наблюдали во время зимовки на Рудольфе. Ехали они с купола. И вдруг увидели мираж: в бухте стоит трехмачтовый обледенелый корабль, старой конструкции, вмерзший в лед. Видели все: Мазурук, Аккуратов, весь экипаж. Обалдели. Потом немедленно повернул вездеход, поехали на купол, хотели сразу лететь туда туман. И так неделю. Через неделю вылетели на «У-2», облазили все — пусто.

— Это очень интересно, — сказал Валентин задумчиво. — Ты знаешь, что от Брусиловской «Св. Анны» с 1912 года и до сих пор ничего не выбросило на берег? Может быть, она вмерзла в паковый лед и носится?

— Вернее, могла застрять где-нибудь в архипелаге ЗФИ, в бухте какой-нибудь, особенно в фиорде, невидном с боков. — возразил я. — Если бы в паковом льду — вынесло бы в Гренландское море — дрейф идет туда. А тот стоит себе на здоровье, а рефракцией — подняло мираж.

— Очень возможно. В этом архипелаге еще целые острова валяются неизвестные, — сказал Валентин, — не то, что корабль.

Вспомнили Леваневского.

— А что ты думаешь, может и жив? — сказал он. — Жили же матросы на Шпицбергене 15 лет. И без продуктов.

Вспомнили полярников. Сережа Фрутецкий — в морской авиации, очень доволен. Шмандин — опустился, но летает. Ивашина — у Сырокваши, завел молодую жену.

— А полынья есть? — спросил я.

— Есть. К северу от Новосибирских островов я зимой почти всегда видел чистую воду или лед 5–6 баллов. Я предлагал там и пускать корабли — легче. Южнее почти всегда лед тяжелый и забито.

— А севернее Врангеля?

— Тоже неплохо. Тоже 5–6 баллов. Но там я летал меньше.

Поговорили еще.

— Слушай, — сказал он. — А нельзя ли поставить вопрос об Антарктике? Еще в 1822 году там плавали русские, есть остров Беллинсгаузена, Петра I, Александра I. Сейчас все страны открывают там земли и берут себе. Что же мы будем отставать?

— Туда надо идти на корабле.

— Да. конечно. Но года на два — на три. На палубу — самолеты, вездеходы. Все, как полагается.

Я рассказал ему о нашем «разговоре в палатке» на полюсе, о последующих беседах со Шмидтом.

— А о другом моем полете знаешь? — спросил он. — Вокруг шарика? Экипаж — летчик-испытатель Галлай, второй пилот летчик-испытатель Афонин, штурманом пригласили меня, радистом, видимо, будет наш полярный — они лучшие, наверное, Макаров.

— Машина?

— Месищева. Сейчас сделана модель, с моторами, проверяем расположение оборудования. Двухмоторная, моторы Климова. Уже делаются три штуки: тренировочная, основная и запасная. Запасные моторы — в пунктах посадки.

— Маршрут?

— По утвержденной трассе: Москва — Новосибирск — Якутск Фербенкс-…-Нью-Фаунленд — Париж — Москва. Шесть посадок. (И он показал разграфленную кругом схему). Срок — 70 часов, рекорд Говарда Юза — 93 часа.

— Резерв горючего?

— 600–800 км при ураганном встречном ветре. Старт — не позднее июня 1946 года.

— Вот сюда бы я пошел.

Он засмеялся.

— Давай и туда и сюда!

Договорились, что я говорю с Поспеловым и Папаниным. В любом случае лечу или нет — полностью обрабатываем экипаж.

20 сентября.

Довольно многоразговорный день: звонил Жене Федорову — он ныне генерал-лейтенант, нач. главного управления гидрометеослужбы РККА. Рассказал ему о разговоре с Аккуратовым по поводу магнитного полюса в районе недоступности.

— Верно, — сказал Женя, — они нащупали там полюс.

— Но англичане тоже нашли, в другом месте.

— Верно.

— Может быть — два магнитных северных полюса?

— Вполне.

— А, м.б., он просто шляется, и это — один и тот же?

— Возможно.

— И наука не против?

— Наука всегда «за». Вот и интересно поэтому сейчас там побывать и выяснить дотошно.

Спросил я его о полете стратостата.

— Готовимся, но не раньше зимы пойдут.

Я напомнил о своей рекомендации в экипаж — профессора Семенова.

— Пришли его. Поговорим.

Позвонил Папанину. Я послал ему статью на просмотр — в связи с готовящимся награждением полярников.

— Рано еще, Микоян уехал.

Рассказал он мне о полете Титлова. Я сделал вид, что не знаю.

— Ты думаешь полететь? — спросил он.

— Не знаю, не говорил еще.

— А то есть хороший паренек из «Московского большевика» — Фельдман. Очень просится. Я ему сказал, чтобы договорился с тобой — если может полететь от «Правды» — возьмем. Ты как?

— У нас и своих хватает.

Сказал о полете Сережу Бессуднову. Он загорелся. Буду говорить с Поспеловым.

Позвонил Ушакову.

— Что нового?

— Готовлюсь в океан. Уйдем, видимо, в середине будущего года. Срок год и два месяца. Но, наверное, придется разбить на две очереди.

— Меня учитываешь в команде?

— Если пойдешь — место найдем на камбузе. Заходи!

— Зайду.

— Только до отхода корабля заходи!

В ближайшие дни ожидается несколько парашютных прыжков. Я, кажется, уже записывал, что подполковник Аминтаев собирается прыгнуть с 13000. Романюк с 12000- тоже с самолета, и Полосухин — высотный с аэростата.

Сегодня у меня был Аминтаев. Рассказывал о себе. Он невысокий, крепкий, черный, с густыми широкими бровями, черными глазами, смуглым и резким кавказским лицом. Родился в 1908 году в Кумухе, в Дагестане, по национальности — лакец. Очень обрадовался, узнав, что я был в Дагестане, спрашивал — где. В авиации он с 1931 года, в парашютизме — с 1932 года, все время экспериментировал. Сделал 1748 прыжков.

— Были ли положения, из которых вы не прыгали?

— Разве только из горящего самолета.

— Сейчас как будете прыгать?

— С затяжкой, конечно.

— Скучно?

— Что вы, очень интересно. Попробуйте!

— Спасибо.

Просил его рассказать о трудных случаях. По его рассказу получалось неинтересно — решение специфических проблем. Видимо, у него все настолько отработано, что случайности и неуспех исключены. Да плюс опыт.

— На чем пойдете?

— «Спитфайер-9»

— Вот это плохо!

— Нет другой.

Записал подробно его рассказ в настольную тетрадь «начатки». Договорились, что Реут будет следить за ним. Я, наверное, напишу о нем очерк. Сняли несколько кадров.

Позвонил Кокки.

— Узнал про машину Аминтаева? — спросил сразу он.

— «Спитфайер-9». И другой — Романюк — тоже на нем.

— Турки! Это же никуда не годится. Надо на своих. Да я сам возьмусь на своем старом ероплане затащить на 12500. Это — с гарантией. Пойти что ли?

— Тренироваться надо?

— Ну. на эту высоту я безо всякой тренировки могу ходить.

Рассказал ему про Титлова. Он просто разволновался.

— Это безобразие! Идти на «Си-47». Да весь этот полет скомпрометирует так. Они откуда пойдут — с краю?

— С краю.

— Сколько оттуда до точки?

— Градусов десять. Плюс обратно.

— Чепуха. Нынче полетом на две тысячи никого не удивишь. Я знаю, ты распишешь: «антициклон подорвался максимумом с Куликова поля, обошли, легли на заданный меридиан…» Но народ-то пошел понимающий. Мы хотим показать возможности нашей авиации, а летим на чужой машине. А ведь тут — всего ничего лететь. На моей машине безо всяких можно дойти, да еще бензина до Москвы останется.

— А про Галая слышал?

— Знаю. Это, между нами, моя идея. Это будет хорошо, чисто.

— Вот туда бы я пошел.

— Правильно. А сюда — и не думай, не позорься.

Звонил Збарскому.

— Хозяин не был в мавзолее?

— Нет. Наверное, ждет Молотова. т. Молотов и Берия три раза осматривали новый саркофаг.

Сегодня вышли в 2:40. Пошла моя передовая в ВУЗах. После смотрели кино «Без вины виноватые» (по Островскому). Хорошо.

Сегодня вышел номер «Правды» № 9998. В редакции ждут, что могут отметить 10000-ый. Посмотрим!

21 сентября.

Сегодня был у секретаря ВЦСПС Нины Васильевны Поповой. Она позавчера вернулась из Парижа с заседания инициативного комитета по созыву Международного Конгресса женщин. Веселая, умная, живая, и даже похорошела.

Рассказывает об усилении реакции во Франции. Де Голль очень откровенно готов прибегнуть к силе оружия, чтобы удержаться. Население голодает. Заводы работают еле-еле. Танковые заводы и моторные выпускают продукцию довоенного образца — кобыле под хвост.

Заседание прошло отлично и с большим триумфом для нас. Наши предложения приняты. Конгресс будет созван в Париже, 26 ноября 45 года. А 10 ноября заседание комитета.

— Я превратилась в авиатора, — смеется Попова.

Даем беседу с ней.

С Титловым решили послать Бессуднова.

Все больше и больше разговоров о 10000-ом номере. Он выйдет с воскресенья на понедельник. Еще несколько дней назад составили списки. Поглядим.

23 сентября.

Сегодня выпускаем 10000-ый номер «Правды». Еще вчера вечером стало известно, что ЦК разрешил отметить это и выпустить шесть полос. Вечером в редакции были получены копии указов — о награждении «Правды» орденом Ленина и награждении орденами и медалями 177-ми работников редакции, издательства, типографии. Ух!

Первым меня поздравил Сенька Гершберг: с Красной Звездой. При этом он объяснил словами Поспелова: у меня, мол, есть Красное Знамя и Трудовое, поэтому — Звезда, у Сеньки — две Звезды, поэтому — Трудовое.

Поспелов рассказывает, что докладывал лично Маленкову о каждом, характеризовал работу всех остальных. т. Сталин прочел весь указ от первой до последней фамилии.

Сегодня печатаем Указы, приветствие ЦК и другие материалы. Завтра митинг. По поручению Сиволобова я написал приветствие Сталину.

Сенька, в связи с награждением, выпускает 12-ти полосный «Правдист». Я написал для него «Из дневника журналиста» (о встречах со Сталиным).

Вчера были у меня Титлов и Аккуратов. Беседовали под стенограмму о предстоящем полете. От нас полетит Бессуднов.

28 сентября.

Во вторник, 25-го сентября погиб Аминтаев. Он поднимался утром с Подольского аэродрома, а днем со Щелковского

аэродрома с той же целью ушел в воздух Романюк. Оба — на «Спитфайерах-9», оба шли на 12.5 км., чтобы оттуда прыгать с затяжкой. Я поручил Капырину следить за Амантаевым, а Реуту — за Романюком.

Часа в 2 дня я позвонил по вертушке генерал-лейтенанту Затевахину командующему воздушно-десантными силами.

— Ну как с Амантаевым?

— Плохо.

— Разбился?!

— Нет, но плохо. Сейчас выясняем.

Больше я от него ничего не мог добиться. Позвонил тогда в Щелково генерал-лейтенанту Данилину.

— Ты не знаешь, что с Амантаевым?

— Нет. А что?

Рассказал ему. И спросил у него про Романюка.

— Набрал 12800. Прыгнул. Сейчас ищем его. Летчик сел.

Через час приехал из Подольска Пафнутий Капырин и рассказал: самолет набрал 12500, Амантаев приподнялся, чтобы прыгать и свалился на дно кабины. Летчик вниз. Врачи констатировали смерть. Полагают, что удушье, видимо, что-то с шлангом. Так считают Байдуков и Кокки, с которыми я говорил. А Романюк прыгнул благополучно, падал 12 км, на 800 метрах раскрылся.

Жаль Амантаева — всего несколько дней назад был у меня, живой, энергичный, уверенный.

В среду 26 сентября вечером поехал с Аккуратовым к Галаю. Небольшая, скромная квартирка из двух маленьких комнат на пятом этаже на тихой улице Стопани. Молодой, высокий, с очень живым, еврейским лицом. Очень миловидная жена. Сынишка уже спит. Нас, видимо, ждали, накрыт стол, виноградное вино. «В этом доме водки не пьют» — извинилась хозяйка Зоя, не помню отчества, Галая зовут Марк Лазаревич.

За столом речь зашла о перелете. Галлай говорил образно и довольно остроумно о своем проекте и треволнениях.

— Заявление Шахурину я дал еще три месяца назад. Сказал, что поддерживает, но до сих пор никуда не доложил. А время уходит: надо машину строить, испытывать, тренироваться. Прошу вас помочь.

Я выразил некоторое сомнение в выборе конструктора Месищева.

— Другого нет, — ответил Галлай, — все-таки его Пе-8 наиболее близко подходит к нашим требованиям. Ее следует модифицировать, забить баками, приспособить.

— Какую скорость вы будете держать?

— Конструктор обещает среднюю около 500. Мы делаем скидку на встречный ветер и считаем, что чистый летный путь вокруг Земли займет 55 часов, время на земле — 15 часов. Тогда мы побьем рекорд Юза на двадцать часов и долбьемся такого результата, что наш рекорд долго никто не сможет побить. Ныне, при современном состоянии авиации, его можно улучшить лишь часа на 2–3, но отнюдь не на двадцать, а из-за этого никто лезть не станет.

— Земля может задержать.

— Да. Поэтому я считаю, что во все пункты посадки надо послать опытных инженеров, знающих именно эту машину. Чтобы он знал, что пробка на левом баке закручивается туже, чем на правом, и это так и должно быть, и чинить это не надо. Тогда — уложимся.

— Контрольные полеты?

— Это когда будет готова машина. Тогда обязательно сходим по всему советскому маршруту, до границы.

— Как будет оборудована машина?

— Я передал конструктору технические условия, он их принял. В машине должно быть тепло, удобно — это очень важно в длительном перелете. Будет два штатных места над баками, звукоизоляция, можно курить. Вообще, на мой взгляд, довольно демонстрировать сверхчеловеческую выносливость. Я. например, предполагаю на последнем этапе выбрать время и всем побриться, одеть чистые воротнички, надушиться — выйти из машины пижонами.

Он очень интересовался моим мнением — утвердят ли его проект, особенно — учитывая, что он малоизвестный летчик, еврей и не Герой Советского Союза. Я расхохотался, и он понял мой ответ.

— А вот первое соображение имеет резон, — сказал я. — Вы знаете рассказ Микулина о том, чем отличается опытный конструктор от неопытного? Обоим дают задание — определенные параметры. Неопытный делает в точку, тщится и срывается. Опытный делает по заданию и чуть ниже. И когда у него срывается основное, он говорит: да, не получилось, но вот готово в первом приближении. Так и вы должны иметь запасной вариант.

— Какой? Я уже думал об этом. Вот, например, можно пролететь по границам всего СССР. Впрочем, это будет, пожалуй, не легче кругосветки, но зато все время — на своей территории.

— Да, это не легче, — подтвердил Аккуратов.

— Такой проект был, — сказал я. — Виктора Евсеева. Это — стоящее дело.

— Ну вот видите, я и не знал, — сказал хозяин. — А какие вы еще знаете неосуществленные проекты?

— Супрун предлагал пролететь от западных до восточных границ Советского Союза без посадки.

— Это очень интересно и показательно, — воскликнул Галлай (видимо, дошло!).

Мы стали говорить вообще о возможных перелетах. Их осталось чуть на земном шаре. Кругосветка. Из Москвы в Австралию без посадки, или в Бразилию. Через два полюса. Из Москвы в Москву без посадки вокруг света, это проект как-то развивал мне Громов, говорил о возможностях авиации.

— Так у вас экипаж сколько? — спросил я.

— Пять. Два пилота, штурман, радист, инженер.

— А вам Валентин говорил о шестом?

— Говорил, — засмеялся Валентин.

— Да, он мне говорил о вас, — подтвердил Галлай. — Честно говорю: с большим удовольствием. Вы человек известный в авиации, и мы знаем, что вы не подведете. Вы пользуетесь крупным именем и авторитетом. Мы, конечно, заинтересованы в том, чтобы перелет был освещен, как следует в печати — это тогда будет обеспечено. Наконец, Ваше участие разгрузит нас от многой организационной работы на земле, в частности, от бесед с корреспондентами. Так что — принципиально я целиком «за». Трудность только в том, что мною уже даны технические условия конструктору, но я думаю, что он сможет их переучесть. Да кроме того, в современном аэроплане возможности резерва очень большие. Ну-ка прикинем: 80 кг. вашего веса — это 10 минут полета. Никакой роли на таком маршруте не играет и не спасает.

— Да, — засмеялся Валентин. — Я берусь сэкономить эти десять минут на трех сутках полета.

Расстались. Договорились, что мы позвоним Шахурину и узнаем о судьбе проекта.

Галлай произвел на меня впечатления толкового и настойчивого человека. Во время войны, желая узнать, как ведут себя машины в длительном полете, он пришел в полк Пусэпа, 6 или 7 раз летал в тыл на бомбежку, над Брянском его сбили, зажгли, они выскочили с парашютами, пробирались к фронту, прорвались и вернулись. Как испытатель, видимо, бывал во всяких переделках. На его счету — 73 испытанных машины. Дня за два до нашего разговора — взлетал на новой машине, и лопнула покрышка, сел. Рассказывает, смеясь. Вот только опыта маршрутных полетов у него маловато, почти нет — только по испытаниям на километраж. Тут полная противоположность Титлову. И когда на обратном пути Аккуратов спросил моего

мнения о Галае, я сказал ему, что командиром, пожалуй, он годится, но на правое сидение обязательно надо извозчика, вроде Титлова, который и будет вывозить перелет, а взлеты и посадки — за Галаем.

— Верно, — согласился Валентин.

Вчера позвонил Володе.

— Так тебе и надо! — сказал Кокки. Это означало поздравление с орденом.

Рассказал ему о своем впечатлении от Галая. Он вполне согласился, поведал, что и он такого мнения: голова хорошая, а руки должны быть маршрутника. Обязательно нужна прикидка — тренаж по маршруту. Пройти, скажем, до Иркутска. Потом до Владика. Потом туда и обратно без посадки. Тут выяснится и машина, и люди, и земное обслуживание, и многое другое.

— Ну, а у тебя как?

— Позавчера хотел сделать прикидку на полчаса — мотор не годится. Буду завтра просить другой.

По моей просьбе Сенька звонил Шахурину. Тот сказал, что знает о проекте Галая. Дело интересное. Но решения еще нет. Будет сразу приниматься по трем группам: Галая, Громова, Кокки. А это еще что? Надо узнать!

29 сентября.

Сегодня Титлов на машине «Н-331» улетел в Арктику. Провожал их в Химках. Разъяснил Титлову и Аккуратову, как себя надо вести на полюсе, кому давать радиограммы.

НА аэродроме видел занятную машину: геликоптер конструкции инж. Братухина. Сигает с места, висит, поворачивается в ладони от земли. Совершенно чудн'ая машина.

2 октября.

Сегодня утром, вернее — днем, мне позвонил Устинов. Титлов вылетел с Челюскина на полюс и в 6 ч. 57 мин. был на ним, сейчас идет обратно. Я немедля позвонил Папанину.

— Да, верно. Прислали оттуда телеграмму т. Сталину. Не знаю, как с ней быть, ведь он ничего не знает о перелете. Приезжай, пожалуйста.

Умылся, побрился, поехал. Папанин возбужден, нервный, ходит по кабинету, китель расстегнут.

— Я тебя прошу, посмотри — там Мазурук редактирует это приветствие, а то оно очень сухое. Помоги ему.

— Что ты! Господь с тобой. Какое право ты имеешь вмешиваться в личную переписку! И притрагиваться нельзя. Позвони Поскребышеву, доложи.

Он позвонил, сообщил о полете, о телеграмме. Поскребышев сказал прислать телеграмму с объяснительной запиской. По

моему совету Папанин позвонил т. Маленкову. Тот выслушал, спросил — на какой машине, сказал, что дело хорошее. Папанин попросил меня написать объяснительную записку на имя т. Сталина. Я вместе с Мазуруком написал две странички, указав цели ледовой разведки, упомянув о полете англичан весной этого года, задачах нашего полета, его особенностях и составе экипажа.

В 6 ч. вечера все ушло в Кремль, в 7 ч. вечера Поскребышев сообщил, что материалы переданы т. Сталину.

К этому времени было получено сообщение, что экипаж сел в порту Чокурдал на Индигирке. Я немедленно дал им поздравительную телеграмму за подписью Поспелова и моей. Потом установили (из радиоцентра ГУСМП) с ними прямую связь, и я задал несколько вопросов о полете, ответы на которые принял Реут.

Еще через час Бессуднов начал передачу корреспонденции «На вершине мира». Очень интересные подробности о том, как летели, как сбросили на полюсе портрет т. Сталина, №№ «Правды» за 24 (юбилейный) и 29 сентября.

Я уехал в редакцию, продиктовал предотъездную беседу с экипажем (по стенограмме — когда у меня были Аккуратов и Титлов), добавил туда ответы на вопросы, полученные Реутом.

Ждали сигнала от Поскребышева, но его все не было.

Все газеты узнали о полете только днем, все начали просить у нас материалы, снимки.

Занятно, что сегодня днем, когда я уезжал к Папанину, меня в вестибюле встретил Леша Коробов — зав. информотдела «Комсомолки».

— Вот это по-газетному, — сказал он. — Берете рядовой полет, сажаете спецкора и делаете из него конфетку. Это — по мирному времени.

— Да, по мирному, — ответил я.

Вечером он в панике просил у меня материалы по «рядовому полету».

3 октября.

Ответа от Поскребышева все нет. Папанин вчера перенервничал, и с ним случился сердечный припадок. Он звонил мне несколько раз — нет ли у меня новостей.

Прислал интересную статью Аккуратов — как нашли полюс. Я заказал статью Титлову, сделал сводку радиограмм о полете, написал передовую.

4 октября.

Утром в 6 ч. меня разбудил Папанин. Я встал на 30-м или 40-м звонке.

— Извини, Лазурка. Я сначала позвонил твоей секретарше,

узнал, когда ты ушел. Она сказала, что в 5. Ну я знаю, что если тебя вначале разбудить, то ты снова сразу заснешь. Что слышно? Не могу заснуть, сердце болит за ребят.

Я ему сказал, что ничего не слышно. Видимо, там не до этого, и объяснил почему, по моему мнению.

Видимо, наверху сейчас заняты Советом министров иностранных дел в Лондоне. Заседания прекратились 2 октября, не дав никаких решений. Английская и американская печать обвиняет в неудаче советскую делегацию. Формальные расхождения в том — допускать ли Францию и Китай к обсуждению мирных договоров с Балканскими странами. По духу Потсдамской конференции они не имеют права участвовать, и Молотов настаивал на этой точке зрения. Барне и Бевин требовали их участия. По существу же, видимо, дело идет о блоке Англии, США и Франции против СССР. Сегодня мы опубликовали ответ о пресс-конференции у Молотова в Лондоне — резкий и ясный…

5 октября.

Сейчас в «Известиях» опубликована очень резкая и прямая передовая «В совете министров в Лондоне», разбирающая существо разногласий и причин срыва работы Совета. В конце — предупреждение, что все это может «поколебать основу сотрудничества между тремя державами». Давно я не помню такой энергичной, прямой и откровенной передовой. По строю и фразам мне кажется, что ее писал Хозяин.

10 октября.

Опять сразу за несколько дней. И пес его знает, как не хватает времени!

Что делается на земном шаре — не пойму. 6 октября у нас была напечатана передовая о Совете министров — уже более мягкая, чем в «Известиях».

Позавчера в газетах был обмен телеграммами между Молотовым и Бевиным по случаю отлета Молотова из Лондона — весьма любезный.

Сегодня напечатано выступление Трумэна, в котором от говорит, что разногласия были следствием «неточностей перевода», да и их, собственно, не было.

Яша считает, что в Лондоне пытались сколотить блок против нас, мы его взорвали, они увидели, что лопнуло, пошумели немного, но примирились до поры, до времени.

Позавчера нам вручали ордена в Кремле. Вручал Наталевич — председатель Верховного Совета Белоруссии, Калинин, говорят, болен. Было весьма торжественно.

В редакции — новость. Зав. партотделом Андрей Миронович

Малютин назначен редактором «Бакинского рабочего». Все гадают, кто будет на его месте.

Вспоминаю, как в 1940 году, когда я был в командировке в Баку, секретарь ЦК Азербайджана Гиндин торговал меня на это место. Он попросил меня приехать вечером в ЦК, сначала вел разговор о нефти, а затем осторожненько подошел к этому:

— т. Багиров просил меня узнать, как вы отнеслись бы, если бы мы поставили в ЦК вопрос о назначении вас на работу в Баку.

— В Баку?! Зачем? Мне и в Москве нравится!

— Но и Баку нравится? А «Бакинский рабочий»?

— Нравится. Но Москва — больше!

— И вы в Баку нравитесь. Вот уже несколько лет нам не везет с редактором «Бакинского рабочего».

— А… Но я же и по формальным признакам не подхожу. Я — кандидат партии.

— Это ничего, мы вас переведем.

— Нет. Мне очень лестно. Но для журналиста нет ничего дороже «Правды». Вот если меня выгонят — первое место будет Баку!

Он настаивал и просил подумать. Так разговор ничем и не кончился.

Как будто уже решен вопрос с Магидом. В понедельник, 8 октября, было заседание КПК — опять о нем, после окончания работы следователя. Говорят, что и Александров и Шкирятов согласились с точкой зрения Поспелова, что он не может дольше работать в «Правде» и вообще в печати. Но решили это оформить постановлением ЦК.

У меня — поучительный кацепихес, как любит говорить Штейнгарц. В октябре мы опубликовали заметку о геликоптере «Омега», со снимком. 29 сентября, провожая на север экипаж «Н-331», мы случайно увидели этот занятный ероплан. Он поднимался на метр, зависал, опускался. Я поручил Устинову снять. Подошел и сам, познакомились с конструктором Братухиным. Он сказал, что это — второй экземпляр геликоптера «Омега», первый был построен еще в 1940 году. Я предложил ему: созвониться с Шахуриным, а потом напишем. Добро.

Позвонили Шахурину. Не возражает. Вызвали конструктора, поговорили, написали, послали Шахурину на визу. Он болен, посмотрел Яковлев, все в порядке. Дали. Поспелов снял. Наш цензор подполковник Аркадий Баратов тоже посомневался, взял материал, поехал к нач. отдела военной цензуры генштаба генерал-майору Березину. Тот разрешил. Я настоял у редактора, и 8 октября опубликовали.

После вручения орденов я приехал домой и лег. Уснул.

Звонит Перепутов: позвони редактору по вертушке. Приехал в редакцию, звоню.

— Лазарь Константинович, не надо все-таки было давать геликоптер. Мы что-то разболтали или напутали.

— П.Н., да ведь мы только повторили других. Об этом было подробно, со снимком, в «Московском большевике» 4 августа, а 10 марта — в «Известиях» в статье академика Юрьева. Наш материал визировал Яковлев, Шахурин дал согласие, Березин.

Он попросил меня повторить все, видимо, записал, сказал, чтобы я подготовил вместе с Баратовым докладную записку.

— Мне нужно объяснение представить Александру Николаевичу. Понимаете? Видимо, все-таки напутали.

Еще бы не понять! Раз звонил Поскребышев, значит заметкой заинтересовался Хозяин. Вскоре мы получили полное подтверждение этому. Из Генштаба позвонили Баратову и сказали, что в отдел военной цензуры позвонили из (вычеркнуто — СР), приказали выяснить — как появилась эта заметка, кто ее пропускал, и доложить лично Поскребышеву. Затем мне позвонил испуганный конструктор и сказал, что его вызвали в Наркомат авиационной промышленности и тоже спрашивали, как появилась заметка в «Правде». Я тогда позвонил Яковлеву:

— В чем там дело, ты не знаешь? — спросил он. — Меня выспрашивал Дементьев (первый зам. Шахурина, он болен) об этой заметке. Я ничего не вижу в ней секретного и сейчас. Старая машина.

Я и Баратов написали докладную на имя редактора, приложили вырезки из «Моск. большевика» и «Известий». Поспелов просил нас дождаться его. Мы ждали до 11:30 вечера. Выяснилось, что он не приедет, поедет прямо на дачу, а этим делом займется завтра. Оказывается, сказано было «Нашли, чем хвастать старьем!»

У нас отлегло: раз дело откладывается на завтра, значит либо удовлетворились его устными разъяснениями, либо вообще все рассеялось. На завтра, 9 октября, он приехал, посмотрел нашу записку и никуда ее не послал. Может быть, он сам написал?

Поздно ночью пришло сообщение, что 9 октября т. Сталин уехал в отпуск. Значит, даже в предотъездной горячке он нашел время заниматься «Правдой» и нашей заметкой. И еще: в «Известиях» и «Московском большевике» эти данные прошли без внимания, а у нас — сразу заметил. Как продумаешь это — еще раз поймешь, что значит работать в «Правде», и сколько с нас спрашивается. Не плестись в хвосте — вот урок.

В связи с отъездом Сталина, видимо, окончательно безгласным будет и полет ребят на «точку». Обидно.

Ширшов считает, что дело в иностранной марке самолета.

Опять говорил о разгрузке судов. До сих пор считалось рекордом разгрузка «Либерти», наши перекрыли ее в 10 раз. Это буквально революция. Договорились.

Вчера звонил секретарю МК и МГК, он же председатель Моссовета, Георгию Михайловичу Попову.

Решил посоветоваться с ним о московских темах.

— Стоит ли писать о газопроводе?

— Подождите с месяц. Надо писать так, чтобы читатели через месяц не плевались.

— А о четвертой очереди метро?

— Тоже надо подождать. Нет тюбингов. Вот если бы вы дали статью о тюбингах и станках, и залезли под ребро некоторым наркоматам — мы бы сказали вам спасибо.

Я обещал передать об этом Поспелову.

— О чем же писать по Москве?

— Очень много. Но надо, чтобы вы составили себе ясное представление, чем сейчас дышит Москва. О Москве вы даете очень мало. А орган МК! Я понимаю, в чем дело — смеется он, — в других городах у вас спецкоры, а в Москве — их нет. Приезжайте вместе с Гершбергом, хотя его и интересует только промышленность, и поговорим.

Звонил мне Романов, председатель Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. Сказал, что есть постановление СНК СССР о развитии физкультуры и спорта за подписью Сталина. Очень резкое. И очень деловое: деньги на строительство, рекорд — 20000 и т. д. Просил дать несколько критических материалов. Готовится и постановление ЦК.

5 октября мы опубликовали беседу Иосифа Верховцева с нач. ГлавВино Картавченко. Она излагает решение комиссии ЦК, созданной по инициативе Сталина специально для рассмотрения: что надо сделать для всемерного увеличения выпуска вина.

В заметке, между прочим, указывается два любимых вина т. Сталина: старые, полузабытые грузинские вина: Атенури и Хидистаури.

Никогда не приходилось пробовать.

13 октября.

С геликоптером все прошло бесследно. Также бесследно закончилось и дело с полетом Титлова на полюс. Насколько можно судить — дело в машине. Нельзя ни писать о «Си-47», ни умолчать об этом. А шуму бы было заграницей!!

Уже три дня заседаем с собкорами. Выступали все завотделами с докладами. Завтра — будем слушать контрпретензии.

В понедельник — 15 октября — банкет по поводу награждения «Правды». В гостинице «Москва». Сиротин уже два дня сидит и мозгует — кого приглашать (и одного или с женой), кого нет, нумеровать ли места и пр.

Сегодня вечером выпал толстый снег. Холодина! Утром было минус 10, сейчас (5 ч. утра) — столько же. Сегодня я дежурил, была горячка, не успел пообедать. Сейчас грею суп, второе. И, конечно, «Синий платочек» — чарку.

ЦК и Сталин изо всех сил жмут на улучшение бытового положения. По прямому предложению Сталина это — основная деятельность профсоюзов. Он предложил созвать пленум ВЦСПС и сам описал третий вопрос: культурная работа.

26 октября.

Мне сорок лет.

Утром встал, отхлебнул глоток коньяку. Пошел на работу. Ушел из редакции в 11:55. Пришел вечера, выпил коньячку.

Денег нет, никого не звали. Решили устроить в понедельник, 29-го, прием для родственников.

28 октября.

В редакции некоторые перемены. Сиротин, наконец-то, утвержден секретарем редакции. Лешка Сиволобов назначен членом редколлегии и зав. партотделом. Вчера в ВОКСе встретил Ал. Суркова. Он сказал, что назначен редактором «Огонька» (про «Огонек» говорят, что Сталин предложил сделать его отличным журналом, «лучше Лайфа», многокрасочным и 46-тистраничным).

— А кто будет редактором Литературной газеты вместо тебя?

— Вернее всего — Кожевников.

— А у нас — литотделом?

— Вернее всего — Полевой.

16 ноября.

Опять руки не доходили. Вот провели октябрьские дни. Все ждали и гадали — будет ли Сталин к празднику, будет ли делать доклад.

Иностранная печать просто из себя выходила в догадках. Дня за два мы узнали, что доклад будет делать Молотов.

Торжественное заседание было в Большой Кремлевском Дворце. Я не был, но ребята рассказывают два интересных момента. Ложа иностранных журналистов полна. Выходит правительство. И сразу ложа пустеет: все ринулись сообщать, что Сталина нет. Второй раз ложа опустела, когда Молотов сказал, что у нас «будет и атомная энергия и многое другое».

Потом несколько дней иностранная пресса плясала вокруг отсутствия Сталина. Писали, что он инкогнито в Вашингтоне, что в Лондоне, что отсутствие в кремле показывает изменение нашей

политики и т. д. Вот турки!

В начале ноября был у нас доклад Майского о международном положении. Очень откровенный. Говорил, что сейчас такой же период во взаимоотношениях великих держав, как в начале войны: сильные разногласия, взаимное ознакомление, притирка частей, но потом необходимость берет верх. Это может произойти через несколько месяцев, через год, но будет. Мы подождем. Трумэн, Этли — по его словам — мелкие люди, не идущие ни в какое сравнение с Рузвельтом и Черчиллем. Бевин же — просто антисоветская фигура.

Месяца два назад наш завхоз прислал ко мне врача центральной поликлиники НКПС доктора Ивана Федоровича Спарыкина. Средних лет, седой, очень плотный и очень живой, облик — районного врача. Он в течение семи лет работает над проблемой рака, изобрел жидкость, которая действует на пораженную ткань, но безвредна для здоровой. Вылечил (без ножа!) несколько поверхностных язв. Если дело получится — гигантская проблема решится. Скромен: просит дать ему отделение на 10 коек и виварий на 100 мышей.

— Почему вы не идете в Онкологический институт?

— Там сразу найдутся сотни опекунов. Тебе, мол, одному трудно, распределят тему на 100 участков, и от Спарыкина ничего не останется. Дело-то, ведь, большое, всякому хочется рядом встать. А там люди с именами и со званиями. Вот консультанты — пожалуйста, сколько угодно.

— Хотите, я вас свяжу с Збарским?

— Боже упаси! Ну поработаем. Выйдет брошюра, авторы — заслуженный деятель науки, Герой Соц. Труда Збарский и никому не известный доктор Спарыкин. И кто — автор?

Видимо, и в научном мире проблема принудительного соавторства стоит также остро, как в кино.

О его работах знает Л.М. Каганович — он дважды давал указания двигать. Я звонил нач. мед-сан управления Красной Армии генерал-полковнику Смирнову:

— Как, Ефим Иванович?

— Дело интересное. Я его знаю, был у меня. Надо помочь.

Вчера я свел Спарыкина с Поспеловым Он заинтересовался, тут же позвонил наркому транспорта Ковалеву, попросил вызвать Спарыкина и устроить ему отделение, а мне получил шефство.

К слову, встретил недавно Неговского. Он сейчас организует лабораторию и станцию при институте Склифасовского. Будет работать из-под крана. Обещал позвать на первую же операцию.

Позвонил мне на днях Водопьянов.

— Есть дело. Помнишь, несколько лет назад мы с тобой

писали новогоднюю мечту — полет на южный полюс. Так вот, я уж давно думаю об этом. Так все обдумал. И сейчас зову тебя: я обещал, ведь, иметь ввиду при интересном деле. Пусть там одни были на северном, другие на южном, а мы с тобой — и там и здесь. Приедешь говорить?

В воскресенье 11 ноября я заехал к нему. был еще Орест Минеев — бывший нач. острова Врангель, в последнее время — нач. проводки то в западном секторе Арктики, то на участках.

Михаил — такой же, как всегда, только располнел, помрачнел, в генеральской форме.

Дело рисуется так. Выйти отсюда кораблем, дойти до бухты Китовой, где базировался Берд («Маленькая Америка»). Это — самая близкая доходимая точка до Южного полюса. Находится она приблизительно на 78о — в 1400 км. от полюса. Там устроить базу. Оттуда самолетами дойти до полюса перед началом полярной ночи, оставить там зимовку Минеева, а по окончании вернуться за ним. Тем временем корабль либо уйдет на базу, предположительно в Новой Зеландии, либо обойдет с океанографической экспедицией берега Антарктики, а, м.б., и всю ее.

— Корабль?

— Ледокольный пароход «Дежнев», у него запас угля на два месяца.

— Сколько сил?

— 2500, - ответил Минеев.

— Мало, — сказал я.

— Да. Но зато мореходен, а по дороге — шторма и ураганы. И хорош во льду.

— Сколько самолетов?

— Пять двухмоторных. Плюс парочку «У-2», — ответил Водопьянов.

— Какие двухмоторные?

— Сам еще не знаю. Хорошо бы «Дугласа», но они — иностранные. Ты не знаешь своих?

Я сказал ему о новой ильюшинской машине. Он заинтересовался.

— Поговори с Коккинаки, — попросил он. — Узнай, можно ли поставить на них 82-ые. И вообще.

— Лодку берешь? — спросил я.

— Зачем?

— Для ледовой разведки.

— Нет. Я всегда найду льдину, чтобы взлететь на «У-2».

— Неверно. Может быть битый, но плотный лед. И не взлетишь. А полынью для лодки всегда разыщешь. Ты на

ледоколах плавал?

— Никогда, — ответил он. — Я летал.

— А я плавал, — сказал я. — И всегда видели полыньи. Да вспомни, и на полюсе были. Надо лодку!

— А какую? — спросил он, сдаваясь.

— «Ш-2».

— Да их, поди, ни одной не осталось.

— Я найду. Или поговорю с Яковлевым, он специально построит. И геликоптер надо.

— Не нужно этого жука, — запротестовал Михаил.

— Надо, — настаивал я.

Так и не договорились об этом. Успеем, доломаю.

— Сколько человек зимовка? — спросил я у Минеева.

— Пять.

— Это я — пятый?

Он засмеялся.

— Ишь ты, уже торгуешься за участие.

— Сколько тебе надо груза доставить на полюс?

— Семь тонн. Это — жилье, харч, приборы, снаряжение. И запас горючего для самолетов. Думаю иметь там и легкий самолет.

— Мало. Папанину мы дали 11 с лишним тонн, — припомнил я. — А задачи у него были меньше. И без авиагорючего. Ты подсчитай лучше и с запасом.

Разговор перешел на требования к самолетам. Михаил считал, что дальность должна быть 14–15 часов.

— Смотри сам. 1400 км. в один конец. Пусть встречный ветер 100 км, итого — скорость 200. Семь часов, да обратно столько же.

— Значит, — сказа я, — бензина надо на 20 часов. Поплутал, да подогрев, да может сел где-нибудь.

— Плутать не будем — радиомаяк, — сказал он упрямо.

— Ты не будешь, а другой будет. Тут надо весь расчет вести «на дурака», как американцы в ширпотребе. Вот давай прикинем, скажем, головную машину. Экипаж: ты, второй пилот, штурман, два механика обязательно, я, Минеев, да еще кто-нибудь из них, снаряжение, бензин на 20 часов. Ух, большая нагрузка!

— А ты хочешь на первой? — спросил он Минеева. — Лазарь-то пойдет со мной, это я знаю. Но первый полет разведочный, тебе, Орест, не обязательно.

Минеев даже обиделся:

— Кто капитан, кто летчики, ученые, штурманы, механики? — спросил я.

Оказывается, об этом еще не думали — «Люди найдутся». Я сказал, что правительство, решая, будет учитывать две вещи:

международную обстановку и людей. Тем паче, что проект придется писать мне.

Договорились, что еще не раз обсудим все, прежде, чем сядем за докладную записку.

Между прочим, Михаил рассказал мне забавную вещь. Когда он летел на Берлин в 1941 году, на обратном пути его самолет сел у линии фронта. Михаил сказал летевшему с ним Пусэпу и Штепенко, чтобы они имели в виду: его фамилия не Водопьянов, а Бронтман.

— От этого тебе легче не будет, — засмеялся Пусэп. — Водопьянова, может, еще пощадят немцы, а Бронтмана наверняка кокнут.

На следующий день я был у Коккинаки. Рассказал ему весь проект, высказал свое мнение, сказал, что нужен очень авторитетный, властный и знающий начальник («Шевелев?» — спросил он). Дело Володю очень заинтересовало. Про машину он сказал, что 82-ые уже поставил, но еще не пробовал. Настаивал на необходимости взять с собой лодку и геликоптер.

— Незаменимая вещь, с борта может взлетать.

Дальше разговор зашел вообще об авантюрах. Он держится очень насторожено: и хочется и колется. Опять вспомнили Галая.

— Я не понимаю, — сказал он. — Почему он дал согласие взять тебя. Ты мой друг, но я всегда предпочту иметь 100 км. запаса.

— Ты чудак, — сказал я. — Что осталось от твоих полетов? Газетные вырезки, а кто их знает и найдет?

— Это верно.

— Кроме того, при современной авиационной технике и равнении на классного летчика — 100 кг. не вещь, пустяк. Полетишь ведь не на РД.

— Это верно, — сказал он примирительно.

— Кроме того, мне 40 лет. (тебе 42). Я могу участвовать в авантюрах еще не больше 5 лет (ты — меньше). И я не хочу даром работать на вас.

— Это верно, — расхохотался он. — Значит, я должен отныне иметь тебя на борту?

— Обязательно! Кроме одноместных машин. С дураком я не пойду, а с тобой я пойду. Особенно, если второй будет перегонщик, типа Титлова.

— Правильно, второй должен быть Титловым, — убежденно сказал он.

— Вот тебе экипаж: ты, Титлов, штурман Аккуратов или Погосов, механик и я.

— Зачем механик? — спросил он. — Механики, знающие

ероплан до точки, должны быть на земле. А маршрут?

— Кругосветка. За 65часов. 5 посадок.

— Погоди. 25000 км, по пять тысяч за присест. Скорость около 500… Гм… Так, так… Может и выйти. Трудно. А сколько на земле?

— На всю землю 15 часов.

— Трудно… Но, может, можно.

Видно, что я его разворошил. Уехал в 3 ч. ночи.

Во время парада на Красной Площади 7 ноября встретил Марка Шевелева. Он очень обрадовался, и обратно пошли вместе. Сейчас он — начальник перегоночной трассы, сидит в Якутске, генерал-лейтенант. Спросил я его о причинах разлада с Головановым.

— Разные точки зрения на будущее.

— Кем он начал войну?

— Подполковником, командиром бомбового полка. Потом сменил Водопьянова на дивизии. Очень умный, волевой, твердый человек.

— Над чем работаешь?

— Хочу заняться старыми делами., о которых говорили еще на норд-поле. Помнишь? Межконтинентальные связи. По мелочам не хочу разбрасываться. Заходи, поговорим подробно. У меня — португальский коньяк. А авантюру, столь любимую тобой, и тут найдем.

В последние дни меня все больше и больше втягивают в избирательную компанию. Ох, тяжело, дело много!

Вчера написал передовую об изучении боевого опыта Красной Армии.

25 ноября.

14 ноября из Москвы на Чукотку вылетел двухмоторный самолет «СССР Н-362» полярной авиации (типа «Си-47»). Летчик Михаил Томилин, штурман Сашка Погосов. Экипаж — 6 человек, на борту -16 пассажиров, в т. ч. 5 женщин и 7-милетний ребенок. Накануне отлета вечером Сашка Погосов был у меня, пошли обедать ко мне, выпили, съели пельмени, договорились, что он будет нам писать.

Мы дали заметку об отлете.

15 ноября я получил телеграмму от Сашки из Архангельска (вернее — с борта самолета). «Посадка в Архангельске во столько-то, взлет во столько-то, взлет и посадка ночью».

Вечером я позвонил зачем-то Новикову (Папанин в отпуске, он его замещает).

— Вот ты там написал о Томилине, — говорит он, — а мы его сейчас ищем.

— Как так?!!

Оказалось, самолет вылетел вечером из Архангельска. В полночь с 14 на 15 должен был придти в Дудинку. Не пришел. В 2 часа с чем-то 15 ноября сообщил, что горючее кончается, идет на вынужденную. Через час сообщил, что сел благополучно. В 7 ч. утра сказал, что бензина нет, харча у пассажиров нет, теплой одежды нет, пассажиры замерзают, координат не знает. Его немедленно начали искать находившиеся на севере Титлов и Андреев. Через день он сообщил свои координаты: получалась южная часть п/о Ямал. Новиков послал туда Крузе, Мазурука, отменив его полет в Берлин. Обшарили все — нету, видимо — координаты липа.

А Томилин слал все более тревожные телеграммы. Новиков сообщил в правительство. Делом занялся лично Маленков. Предложили ВВС послать 2 машины, ГУГВФ — две, ВМФ — одну, НКВД — две. Послали.

Пользуясь редкими работами рации Томилина, запеленговали его из Москвы и других мест. Оказалось, что сидит совсем не там, а гораздо южнее, в среднем течении реки Пур. Перенесли поиски туда.

К тому же в одной из последний радиограмм Томилин сообщил, что кругом лес. Турки, раз лес — так не может быть Ямала! Вышли наземные партии. Самолеты за ночь доскакивали из Москвы в Дудинку и утром начинали шарить.

Днем 22-го мне позвонил Новиков домой.

— Приезжай! Нашли! Крузе снял сегодня утром и доставил в Дудинку.

— Как, все живы?

— Все живы!

Приехал. Верно: 22-го в 8:27 утра Крузе их нашел, сел, забрал, привез в Дудинку. Нашли их в км. от устья реки Паселька (приток Таза), в 600 км. от Дудинки на юго-юго-юго запад. Эк, куда занесло! С пеленгацией все совпало.

Я записал основные данные. Поспелов решил послать на визу Маленкову, поскольку он занимался этим делом. ДО сих пор не вернулось. Сегодня утром мне позвонил Мазурук.

— Вчера вечером прилетел из Дудинки, руководил всей операцией. Целая эпопея. Обошлось в 2 млн. рублей. Налетали 400 часов. 10 машин искало.

— Сколько из них налетал Титлов? 100 часов?

— Правильно, ровно 100. Не человек, а машина!

— Кстати, а что с машиной?

— Посадил Томилину штурмана Падалко и отправил дальше на восток. А Погосова привез с собой, разбираться.

Вчера у нас в клубе было выступление Мессинга — отгадывание мыслей на расстоянии. Мы приехали поздно, в конце первого отделения. На сцене сидело жюри. Аркадий Баратов, Левка Хват, какой-то профессор психологии, и еще несколько человек.

Мессинг — невысокий, щуплый, с огромной шевелюрой черных завитых волос, очень нервное лицо, узкое, семитского типа, воспаленные глаза, бледная кожа, черный костюм, белая сорочка, бабочка. Говорит по-русски очень плохо, непонятно, обрывисто.

Техника была такой. Люди писали задание. Их получало жюри, вызывали автора («индуктора» — как его называл Мессинг). Мессинг брал его левую руку, закрывал своей рукой глаза, напрягался (почти трясся), вдруг нервно захватывал левой рукой индуктора свою правую руку у запястья, говорил «внушите!» (внушайте) и, не отпуская руки индуктора, ведя его за собой, шел выполнять мыленный приказ. По окончании жюри оглашало задание.

Задания были такие:

Пойти в 15 ряд амфитеатра, на 16 место и привести оттуда девушку.

Пойти в 18 ряд амфитеатра, найти под ковром у 17 места записку, принести ее, подчеркнуть там слово «СССР».

Пойти в такой-то ряд, найти девушку на таком-то месте, взять у нее сумку, достать оттуда блокнот.

Пойти опять в партер, найти такого-то человека, вынуть у него из кармана очки и одеть их на такого-то. А этот в свою очередь должен был одеть из на третьего. Тут Мессинг запротестовал: «я не могу внушать товарищу, чтобы он одел очки на третьего!» Но задание он, следовательно, мысленно прочел.

Подойти к человеку у дверей, которого зовут Н.И. (Ник. Иванович директор клуба), снять с него шапку и одеть на такого-то.

С завязанными глазами проделать такой же номер: пойти, найти там-то человека, найти у него в кармане книжечку, расписаться на такой-то странице.

В заключение он предложил «сложный» номер. Он попросил у публики футляр от очков. Несколько раз обнюхал его, передал жюри. Потом ушел за кулисы вместе с секретаршей и добровольцами — караульными. Жюри должно было спрятать футляр, а он (на этот раз без руки, без непосредственного соприкосновения с индуктором) брался найти.

Ушел. Левка взял футляр, прошел в первый ряд, где сидел я, Зина и Аня Мержанова, и спрятал у нас под ковер. Мессинг

вернулся. Левка стал рядом, смотря в сторону, чтобы не передать глазами, руки по швам. Тот повел его в партер, прошел мимо нас раз, два. Левка мысленно говорил — «не туда, обратно», «налево». Тот поворачивался. Лицо его было бледно, глаза полузакрыты, он шел пригнувшись, как будто принюхиваясь, дышал прерывисто и часто, как собака, идущая по следу. Время от времени он отрывисто и почти страдальчески кричал Левке: «Внушайте! Внушайте!», «Что же вы не приказываете!»

Вот он третий раз остановился около нас, резко поднял с места Аню, Зину, секунду поколебался, нагнулся и достал из-под ковра футляр.

Хват рассказывал мне о нем еще несколько дней назад. Он говорит, что ученые объясняют это какой-то сверхчеловеческой восприимчивостью, необъяснимой при наших современных познаниях. Сам Мессинг — психиатр, много работает над собой, называет эти концерты «научными экспериментами».

В «Труде» Сысоев предложил ему пойти в кабинет редактора, открыть левый ящик и достать строчкомер. Мессинг пошел, открыл ящик и остановился в нерешительности: он не знал, что такое строчкомер. Сысоев мысленно представил его себе, тогда он взял.

Горелик рассказал о разговоре с его секретаршей. Как-то она под дороге к нему зашла зачем-то к директору гостиницы. Он спросил: почему он опоздала? Она ответила, что задержалась в трамвае.

— Разве мне можно лгать? — усмехнулся Мессинг. — Вы были у директора гостиницы и разговаривали о том-то и о том-то.

Ее спросили: женат ли Мессинг?

— Какая же женщина сможет ужиться с таким мужем?! — резонно ответила секретарша.

— Вот бы Магиду такую способность! — с ужасом предположил Вавилов.

5 декабря.

В воскресенье, 2 декабря, мне домой позвонил нач. Политуправления Новиков (он остался за Папанина) и сообщил, что указ о награждении полярников подписан.

— С чем тебя поздравить? — спросил я.

— С орденом Ленина, — отвечал он. — А тебя — с Красной Звездой.

Итак — четвертый орден.

Вечером они прислали мне статью Папанина. Я ее выправил и сдал в набор. Дали на 5 колонок. Затем, около часу ночи, получили указы — включительно по орден Трудового Красного Знамени. Следовательно, сам себя не видел. Но вчера я подъехал

в ГлавСевМорПуть, посмотрел списки. Иду по разделу Красной Звезды под № 29.

В редакции без особых изменений. Вчера ночью Сиротин сказал мне, что с 15 декабря будет шесть полос и тираж — 1.5 млн. экз. Значит: отпуск — ау!

Написал для «Огонька» беседу со Збарским — включил, как было эвакуировано тело Ленина. Они пошлют на визу Берии.

Вчера позвонил мне Рохлин — из шахматной секции Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. Сообщил, что на международный турнир в Лондон едут от нас 5–7 шахматистов (декабрь — январь), в том числе Смыслов, Болеславский и еще кто-то.

— Не смогли бы и вы поехать с нами? — спросил он.

— Я бы смог и с удовольствием, но вряд ли мне удастся вырваться.

— А если мы поставим этот вопрос перед Романовым и перед редакцией — вы возражать не будете?

— Ради Бога.

Выборная компания до сих пор идет без группы. Все информацию о выдвижении в комиссии, о работе и проч. даем мы. Вот шалопаи!

По делу Магида есть решение КПК, утвержденное ЦК. Его заявление о барохольстве военкоров признаны неправильными и недобросовестными, предложено снять его с работы. Это и сделано неделю назад.

Начинаем брать на работу группу окончивших литфак МГУ.

10 декабря.

В прошлый понедельник в ЦК было совещание редакторов. Предложили две вещи: 1). поменьше пользоваться штампами и трафаретами, уменьшить количество превосходных степеней и высокопарных прилагательных (по сему поводу у нас сегодня напечатан обзор печати), 2). писать скромнее о наших достижениях, поменьше кричать о восторгах, памятуя, что народ перенес очень большие невзгоды и сейчас живет трудно. Давно пора!

Выходить на шести будем, видимо, с 15-го.

В Москве очень туго с энергией. Каждый вечер выключаются десять заводов. Но ни одного дома!

15-го в Москве состоится конференция трех министров. Это — бомба, сенсация в международном мире. Яша Гольденберг считает, что это — последняя попытка договориться. Начинаем уделять больше внимания иностранным делам. Раньше давали им полосу, уже с неделю нам предложено давать не меньше двух полос. Есть еще одно указание: не давать фото. Фотографы ходят,

повесив носы.

В Москве бездна разговоров о кражах и грабителях. Ходят всякие истории, а люди боятся ходить.

18 декабря.

Вчера был на приеме в «Метрополе» в честь футболистов «Динамо», вернувшихся из Англии. Там они произвели сенсацию, выиграв два матча (у «Арсенала» и «Кардиер-сити»), и две вничью («Челси» и «Глазго»). Общий счет голов 19:9 в нашу пользу.

На приеме было скучновато.

Занятный разговор произошел у меня с Николаем Королевым, абсолютным чемпионом СССР по боксу. Это звание он, кажется в четвертый раз, завоевал 6 или 8 декабря. Мы были на матче в Госцирке. Сначала шли разные пары. В заключение — Королев и Навасардов, финалисты розыгрыша. Королев — невысокий, плотный, лысый, а Навасардов — здоровенный высоченный грузин, на полголовы выше его и, очевидно, на несколько кг. тяжелее. Народу было битком. Притихли. Первый раунд. Примериваются. Второй, третий, четвертый, пятый полное превосходство Королева. Просто непонятно, как в семи предыдущих боях Навасардов мог три раза у него выиграть, настолько уверенно выигрывает сейчас Королев. Он гораздо техничнее, его удары — очень вески. Когда раздается полновесный удар — кажется, шатается цирк. Могуч удар и у Новосардова. Я с ужасом подумал — вот бы оказаться между ними. Шестой раунд — оба вымотались и дрались еле-еле.

На банкете Королев сидел вместе с другими боксерами — Градополовым и пр. Ко мне подсел редактор «Красного Спорта» Борис Корельников. Мы говорили с ним о его замысле — издавать журнал «Мир путешествий». Я обещал ему поддержку Папанина, Федорова, Громова и др. Потом попросил познакомить меня с Королевым.

— Коля! — позвал он его. — Познакомься!

Королев отвел свою даму на место и подошел. Невысокого роста, в ладном костюме, он не производит впечатление чемпиона, тем более Самсона, просто нормальный средний человек. Я обратил внимание на руки — небольшие мужские ладони, крепкое, но не очень, пожатие. Широкое, почти круглое лицо, маленькие, внимательные, очень веселые, пожалуй — насмешливые глаза. На правой щеке — бородавка, и из нее пучок длинных (5–7 см.) рыжеватых волос.

— У меня к вам вопрос, — сразу начал я. — Вот я говорил товарищам: что будет, если я подойду к группе Королева и пихну одного из них. Вы стукнете?

— Да, — ответил он, недоумевая от внезапности такого

салонного разговора.

— И сколько я буду лежать? В минутах?

Он засмеялся и поднял палец.

— Один.

— Чего — один?

— Один час.

— И как это будет называться — крюк?

— Нокаут, — ответил он и повторил с явным профессиональным удовольствием. — Нокаут.

— А куда будете бить? — не отставал я.

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Вот это вам совершенно все равно, — ответил он. Потом подумал и сказал: — наверное, в щечку. Легонько. У меня ведь рука тяжелая.

— Сколько весит ваш удар?

— 300 килограммов.

Я не понял.

— Ну представьте себе, — пояснил он, — что вас со скоростью поезда, скорого поезда, внезапно стукнет в челюсть железная балка, которая весит 19 пудов.

Н-да…

— Вы, наверное, не боитесь ходить по ночам? — полюбопытствовал сидевший рядом майор.

Он расхохотался.

— Нет, не боюсь.

— А не приходилось вам пускать кулак в ход на улице? — не унимался майор.

— Только один раз, — с сожалением ответил боксер. — Я возвращался с женой. А живу на Сходне. К ней пристали двое. Я их попросил отойти. Не дошло. Я им сказал: я — Королев. Опять не дошло. Лезут. Жена стукнула одного по щеке. Они оба замахнулись. Я прикинул — какой прежде ударит, и двинул его легонько в щечку. Он упал, как будто его подкосили и лежит.

— Второго не пришлось?

— Нет.

Я решил проведать у него его мнение о самом себе.

— Скажите, вот мы сейчас вылезли с футболом. Набили англичанам. Есть еще один вид спорта, который весом не меньше, в котором политики еще больше, в котором резонанс среди масс еще звучнее…

— Особенно в Америке, — перебил он, сразу став очень внимательным и настороженным, как во время боя.

— Да. Так вот, можем ли мы, в силах ли сейчас выступить на этой арене.

— Я вам одно скажу, — ответил он быстро, и было видно, что этот вопрос для него не нов, и он внутренне его уже решил в свою пользу. — Надо попробовать.

— Но вы понимаете, что тут нельзя просто пробовать. Мы — СССР, а не Эквадор.

— Надо попробовать, — повторил он и широко улыбнулся.

— Кто сейчас чемпион мира?

— Джо Луис, негр.

— Сколько он весит?

— 92 килограмма. Такие противники у меня бывали. Видите ли, нам уже пора выходить на международный ринг. Надо ликвидировать боязнь перед иностранцами, к которым мы с детства по литературе чувствуем почтение. Начитались Джека Лондона, и считаем их сильнейшими. Почему динамовцы не выиграли у «Челси» — начитались о том, что английский футбол — лучший в мире. Я тоже читал Лондона. А потом пришлось несколько раз выступить заграницей. Первого я свалил за 14 секунд. Второго — тоже в первом раунде.

— Вы помните, как приезжал Марсель Тиль. Он не дрался, а проводил показательное выступление. Он только тыкал: «се-ту», «се-ту» — вот, мол, я могу сюда ударить, тут не защищено.

— Все это чепуха. Я недавно ездил в провинцию (кажется, он сказал в Ташкент, не помню точно — ЛБ). Тоже проводил показательные выступления. Мне пришлось провести подряд 14 раундов. И я всех легонько тыкал, как Марсель Тиль. Они же мне не нанесли ни одного удара. Почему? Боялись. Так и там.

— Но нам непривычны их условия. У них бьются до победы.

— Не обязательно. И по очкам тоже.

— У них 15 раундов!

— Это не страшно. Мы дрались 3 и сдыхали на третьем. Установили 5 сдыхали на пятом, потом на шестом. Следовательно, все дело в распределении сил. Так я делал в последнем матче с Навасардовым, так будет и в другом матче — скажем, с Джо Луисом.

27 декабря.

Позавчера, 25-го, в Москве закончилось совещание трех министров Молотова, Бевина и Бирнса. После провала Лондонской конференции казалось, что общая точка почти насквозь покололась. Ан тут нашли общий язык. Сегодня опубликовано большое коммюнике.

Несколько дней назад Заславский написал в «Правде» статью (кажется, под заголовком «Вопросы, требующие ответа»), в которой резко и ехидно недоумевал — почему союзники нервничают по поводу наших войск в Иране, в то время, как

неизвестно зачем их войска стоят и в Иране, и в Китае, и в Гонконге.

Спустя пару дней т. Молотов устроил прием в честь приехавших министров. Был там и Заславский. К нему подошли американцы из посольства и сказали, что с ним желает познакомиться заместитель Бирнса. Заславский подошел. Тот стал доказывать, что Давид Иосифович не прав. «А мне кажется, что я прав, иначе бы я не писал». Немного погодя подошел английский зам. посла и сказал тоже самое, добавив, что «наши заокеанские друзья очень нервничают по поводу статьи».

Потом, проходя мимо, увидел Заславского т. Молотов. Остановился, поздоровался. Спросил

— Ну, какие отклики на Вашу статью?

— Да вот, расценивают ее за рубежом, как мнение советского правительства, — сказал Заславский.

— Ну что ж, они, пожалуй, не ошибаются.

История пассажиров Томилина продолжается. Как уже записывал, они вылетели из Москвы 20 декабря на Чукотку. На борту — 5 чел. экипажа (штурман Погосов), 16 пассажиров, в том числе один ребенок. Самолет заблудил, израсходовал горючее (на этапе Архангельск — Дудинка) и сел в 600 км. к югу от Дудинки. Вот куда унесло! Искали их 8 дней, гнали из Москвы до десятка машин. Вмешался в это дело Молотов.

Жрать было нечего, мерзли. Наконец, нашли — с помощью мощного московского пеленга. Нашел Крузе. Привез их в Дудинку. Решили отправить их дальше и Титловым. Поднялся и сел сразу за аэродромом, снес шасси, помял крыло. Тем временем перегнали в Дудинку самолет Томилина, и Мазурук не нашел ничего лучшего, как (при наличие нескольких экипажей) отправить пассажиров дальше с Томилиным. Не долетая Тикси, он опять заблудил, опять израсходовал горючее и сел. Сломал машину (шасси, помял крылья), как выяснилось — в 2 км. от Тикси. Тогда отправили из Москвы летчика Каминского. Взял он их в Тикси на борт, поднялся, загорелся, сел. Люди выпрыгивали на ходу. Часть поломало руки, часть ноги, часть обгорело. Самолет и все вещи сгорели. Сейчас за ними вылетел из Москвы Крузе.

На этом дело в полярной авиации не кончилось. Дня два назад в Дудинке поднялся самолет Андреева (тоже «Си-47», как и те), на высоте 300 метров загорелся. Четыре человека экипажа и 6 пассажиров погибли. Причины неизвестны.

Вчера я говорил с Ляпидевским. Он работает сейчас в Госконтрле, инспектором по авиации. Я предложил ему поставить вопрос о создании Государственной авиационной инспекции при

СНК, которая была бы независима от ведомств, не боялась за пайки, за квартиру и т. д. Это дело поддерживает и Кокки. Толе идея понравилась.

С 26-го у нас — шесть полос. «Известия» — тоже с 25-го. И нам и им до 15 февраля — на время выборов. Материал идет случайный, пока еще не нашли типа. У нас идет много материала — до трех полос. Никакой выборной группы по-прежнему нет, основной материал по-старому даем мы — полосу, примерно. И людей не добавили, если не считать трех учеников — Пономарева, Новоскольцева и Зарапина.

Несколько дней назад был снова у Водопьянова. Он мне показал напечатанное на машинке сырое — программа экспедиции, ее задачи, характеристику научных наблюдений, и попросил составить докладную в ЦК. Я посоветовал ему поговорить с Папаниным. Водопьянов несколько нервно относится к этому, т. к., видимо, боится, что тот будет претендовать на командование, хотя тут же сказал:

— Пусть командует. Я возьму на себя летный отряд. Все равно пойду на первом самолете и сяду, хоть разобью машину. А остальные машины — посадим легко. А ты пойдешь на первом или втором.

Рассказал он мне о своем разговоре со Сталиным в начале войны. Водопьянов просился на фронт.

— Будь я командиром части, — сказал Хозяин, — обязательно дал бы вам любой самолет.

После этого его назначили на дивизию.

Вчера я написал докладную записку об экспедиции на имя т. Сталина (3,5 страницы). Изложил задачи и общий план. К записке будут приложены приложения (графики, расчеты). Послал Михаилу. Сегодня он звонил мне, очень понравилось. Собирается поговорить с Папаниным и послать через несколько дней.

Вообще, идеи носятся в воздухе. Был у меня в редакции Алексеев. Хочет лететь на дизельной двухмоторной машине без посадки от Москвы до Порт-Артура. От Иркутска до Москвы уже ходил. Беседовали с ним и об экспедиции на юг. Считает реальной, выбор «Дежнева» — удачным, но, как и я, считает самолеты «Ли-2» или «Пе-82» (Ли-2 с 82-ми моторами) неудобными, надо отечественные, хотя их подходящих для этой цели и не видит.

Вчера был у меня Черевичный. У этого план другой: нынче весной отправиться 4–5 самолетами в район полюса недоступности, покрыть посадками весь район, взять глубины, проследить течения, дрейф и т. д. Один самолет посадить базой, а остальными все обследовать. В полете 1,5–2 месяца.

— Иначе, Американцы нас обгонят.

28 декабря.

Сегодня в Кремле М.И. Калинин вручал ордена полярникам. Вручил и мне Звезду. Выступил с умной речью. Потом фотографировались. Во время съемки он все расспрашивал Папанина о том, что делается сейчас на Енисее, на Оби. Выглядит хорошо, хотя и долго болел.

Орден я обмыл коньяком и водкой «Охотничьей». Вечером Папанин позвонил мне домой, сказал, что хочет отправить Новикова по зимовкам — вручать ордена — не полечу ли я с ним?

Я ответил междометием.

1946 год

10 января.

Вот и Новый год наступил, и наступил весьма бурно для нас, активным до предела.

Встречали Новый год у нас. Хотя, раз в жизни, 31-ое выпало на понедельник, но мы все же работали. Однако, в 11:45 ушли из редакции и ровно в полночь выпили за ушедший, потом за пришельца. Собрались подходящие: Сеня Гершбрег, Мартын Мержанов, Володя (Верховский? — СР), с женами, Зинина подруга Марина с мужем, был даже своей генерал — Александр Палыч Блинов (приятель Марины) с женой, хороший мужик, был Рачик, была Маша Калашникова.

Часика в 4 ушли в редакцию, посидели там часа полтора, вернулись и продолжали пир до 8 ч. утра. Затем легли

В 4 часа дня опять собрались, допили, доели. В 7 часов вечера заехал Сурен Кочарян и Рачик и увезли к себе (к Сурену). Был там еще композитор Ашот Сатян, председатель Армянского комитета кинематографии Серго Баградян, Сурен с женой, Рачик, я с Зиной и Мартын Мержанов с Аней. Пили чудесные вида «Васкеваз» (золотая лоза), «Арени», коньяк «Армения» и «Двин» — новый коньяк, выпущенный в честь 25-тилетия Армении, еще не поступивший в продажу, чудесного аромата, крепкий, пьешь — и как будто тебя двигают стальной балкой. Сурен читал стихи, произносил тосты — длинные, витиеватые, сложные. Ушли в 3 ч.

7-го Мартын устроил ответный прием. Были те же, плюс Каро Алабян, Юра Лукин и жена Вольского. Сатян играл свои вещи «Песня воина» — чудесный лирический плач воина издалека по родине, почти физическая тоска, и «Застольную» — умную, хорошую, очень своеобразную. Обе смело и уверенно войдут в репертуар.

Работаем до обалдения. 2-го января началось выдвижение кандидатов. Застало нас врасплох, никакой группы так и не было создано. В результате пришлось 2-го (и 3-го) заниматься этим мне и моему отделу. Каждый день по 5 полос!

Опыта никакого, решительности никакой, по каждому вопросу приходится спрашивать в инстанциях. В 6–7 утра меня вдруг охватила безнадежность, мне казалось, что мы вообще не выйдем. Но в 12:30 газета сама вышла!

Звонил Минеев. Сообщил, что написанное мною письмо от экспедиции на юг, они Водопьянов 30 декабря послали Хозяину.

Звонят некоторые расстроенные бывшие депутаты. В этот раз многие из них не выдвинуты: Молоков, Ляпидевский, Водопьянов,

Федоров, Кренкель, Беляков, Байдуков, Каманин. Повторно прошли из старых героев Кокки, Папанин, Мазурук, Шевелев, Ширшов, Яковлев, Ильюшин.

Написал об Ильюшине в «Огонек», о Яковлеве — в «Смену».

14 февраля.

Наконец-то! Ух и досталось же нам за эти месяцы. В основном избирательная компания лежала на нашем отделе. Газета совершенно выбилась из колеи. Каждый день сидели до 8–9 часов утра, редко-редко кончали в 6–7 часов.

Когда делали номер с 10 на 11-ое — как прошли выборы (делал я и Гершберг), три раза звонили от Сталина — после 6 ч. утра — скороли ли выйдем? И все-таки вышли в 8.

Ранним утром на 10-ое, мы (я, Гершберг, Верховский) совершенно измученные поехали посмотреть, что делается на участках Сталинского района. Очень холодное утро, темно, еще нет 6 часов — двери участков открываются в шесть. А народ уже собирается, кое-где очереди. Мы были на трех участках — и везде так. Я обратил внимание, что многие голосуют по открепительным удостоверениям. В участке, который помещается в здании Сталинского райкома партии, в 6:30 было уже 35 таких избирателей, и к этому столу непрерывно стояла очередь. Я посмотрел откуда по списку: Садово-Земляная, Петровка, ул. Горького и т. д. Позже мне рассказывали, что в Сталинском округе по удостоверениям голосовало 20 тыс. чел.

Поспелов приехал 6-го или 7-го и сразу же сел за номер. И сразу же кончилась беготня, дискуссии, базар. Все стало на место. Хорошо.

9-го т. Сталин произнес речь. Не даром все так ждали его выступления. Сейчас все даем отклики на речь.

Сегодня были у меня из Профиздата. Выпускают серию брошюр о Героях Соц. Труда. Предложили мне написать о Яковлеве и Ильюшине. О каждом — по 305 печатных листов. На Яковлева я дал согласие.

Послезавтра читаю лекцию на Центральных газетных курсах при ЦК об информации. Две недели назад читал им на тему: корреспонденция в газете. Остались очень довольны.

6 марта.

Опять руки не доходят до записей.

Пребывание Федосеева в редакции, видимо, не пропало даром. Числа 20–25 февраля было вынесено решение ЦК о назначении Сиволобова секретарем редакции с освобождением от обязанностей зав. партотделом. Сиротин «освобожден от обязанностей секретаря», и ему поручено «наблюдение» за вопросами сельского хозяйства. Видимо, сохранил его Поспелов.

В редакции все ходили и поздравляли друг друга.

— Ты сам не знаешь, кого ты потерял, — сказал мне довольный до ушей Иванов.

Вчера было принято второе решение: освободить Кузьмина от зав. отделом пропаганды и назначить вместо него Галактионова (с оставлением на военном отделе).

В общем — в редакции довольны, хотя и несколько возбуждены. Михаил более положительный, более прямой и решительный человек, хотя и более грубый и резкий.

Дали нам в отдел Джигана (он когда-то работал у нас) и Марковского (корр. ТАСС по 1-му Укр. фронту).

Поспелов обещал мне утвердить Богорада. Освободились от Казакова непрерывно врет, и отстраняем ученика Пономарева.

Таковы служебные дела.

11-го марта Первая Сессия Верховного Совета СССР второго созыва. До сих пор не утрясли повестку. Сначала полагали так: доклад Молотова и содоклад Вознесенского — о пятилетке, доклад Зверева — о бюджете. Затем выяснилось, что доклада о бюджете не будет, т. Сталин сказал: как же обсуждать доклад, если еще не создано бюджетной комиссии Верховного Совета нового созыва, это будет нарушение конституции. Неясно, и кто будет делать доклад о пятилетке.

Левка рассказывал интересные вещи о свидании работников ИМЭЛ со Сталиным. Они были у него по поводу изучения его сочинений. Прежде всего он забраковал кое-то из плана, сказал: это — по частному вопросу, это — не надо, это — случайное, а вот то и то надо добавить. Они предлагали тираж 2 млн., он сказал — 500 тыс. Предложил не делать коллективных подписок. Выбирали портрет — был намечен обычный, он выбрал в военной форме, очевидно, он и просто любит военное дело.

26-го февраля у нас была очередная беседа партактива с Майским. Он напомнил, что прошлый раз сказал, о встрече пяти министров в Лондоне, что ее провал — еще ничего не показывает. Это просто нащупывание и прощупывание друг друга. Тогда в Лондоне мы дали урок американцам. И действительно, говорит Майский, в конце ноября тот же самый Бирнс, который так агрессивно держал себя на Лондонской конференции, предложил созвать конференцию трех министров в Москве.

На заседании Ассамблеи объединенных наций мы дали урок англичанам (на этот раз американцы держали себя в обще осторожно).

Сейчас идет процесс усаживания держав за послевоенным столом. Понятно, что это всегда сложное дело, с давкой, а иногда кое-кто пускает в ход и локти.

Майский на этот раз не дал исчерпывающего обзора международного положения. Он решил отойти от стрых вопросов и показать зато глубоко экономическую базу этих взаимоотношений. Доклад был чрезвычайно насыщен, т. к. он отлично знает экономику запада.

Все проблемы вытекают из экономического малокровия Англии. Баланс у них всегда был отрицательный, и они его выравнивали до войны за счет, так называемого, невидимого экспорта (вложения + фрахт). Но после войны инвестиции Англии сократились вдвое, резко уменьшилась и роль торгового флота (до войны в мировом тоннаже флот Англии занимал 18 %, США — 9 %, сейчас Англия — 17 %, США — 55 %).

Проблема вывоза стала основной. Но что вывозить и куда? Англия очень заинтересована в Советском рынке — рынок большой, организованный, надежный. Но мы хотим получить кредиты, и притом — долгосрочные, а у них — туго, им надо сейчас и сразу. Но, в общем, торговые перспективы СССР-Англия — неплохие.

Другое дело — США. Оттуда мы можем многое получить, но чем им платить? Пшеница — есть канадская, лес — тоже. Видимо, пушнина, марганец, редкие металлы. Трудности большие, но преодолимые.

Проблема США — это полнокровие. Отсюда — империалистическая экспансия. Тем не менее, у нас есть все возможности установить добрые деловые отношения с США, особенно через 2–3 года, когда у них начнется экономический кризис. Тогда они будут сговорчивее.

Американцы лезут сейчас всюду. Они прикрываются флагом баз. Нам, мол, не нужно земель, территорий, дайте нам базы и пусть свободно конкурируем. А там-то они и задавят своей техникой, товарами. Особенно они полезли в Китай, где до войны плавали по экономике страны (все их вложения определялись в 400 млн. долларов, а сейчас — уже около 2–3 млрд.), а ныне лезут вглубь ее. Это, естественно, определяет и нашу политику в Китае.

Резюме Майского: в ближайшие годы мы будем свидетелями гигантских сдвигов в экономических взаимоотношениях между народами, и основную роль в этом будут играть СССР и США.

После доклада мы разговорились с Майским в комнате Сиволобова. Накануне была напечатана заметка об экспедиции американского флота в Арктику — «для испытания поведения кораблей во льдах, работы приборов в арктических условиях и т. д.» Я спросил, что это должно значить?

— Американцы нахально лезут всюду, — ответил он. —

Всюду, куда можно.

— Но на севере у них единственный сосед — мы?

— Да. Поэтому мы должны отвечать тем же и в таких же масштабах, с американским размахом, — сказал он.

25-го февраля у меня дома собрались друзья по случаю 17-ой годовщины моей семейной жизни. Были Гершберги, Мержановы, Верховские, Блинов, Марина с мужем, Решетниковы, Аккуратовы, Галаи, явился Погосов с пятью родственниками. Галлай сказал, Что наш проект, видимо, пока неосуществим. Мы расчитывали, что Месищев сделает для нас машину. Но сейчас принято решение о ликвидации конструкторского бюро Месищева.

Пока что Галлай садится испытывать немецкий ракетный самолет. Должен был сесть раньше, но изучает.

— Я предпочитаю, чтобы говорили: какой Галлай острожный летчик, чем какой Галлай был безумно храбрый летчик, — смеясь, сказал он.

Аккуратов сообщил, что наконец решили отправить воздушную экспедицию в район полюса недоступности. Проект был выдвинут еще до войны Черевичным и Аккуратовым, а за последние два годя я непрерывно долбил об этом Папанину. Вот, наконец, взялись. Вылет — в апреле. Получили два самолета. Пилоты Черевичный и Задков, начальник — Минеев. На льду — несколько посадок, серия промеров и проч.

А вчера позвонил мне Новиков (нач. ПУ ГУСМП) — «хочу посоветоваться по нашим делам, что делать дальше»

Приехал, сидел у меня часа три.

Долго говорили о профиле работы, о направленности деятельности ГУСМП. Я вижу ее — научно-транспортной организацией, а не хозяйственной. Коротко говоря, я предложил ему следующее:

— Добиться круглогодового плавания по Сев. морскому пути.

— До предела изучить весь бассейн, не оставить ни одного пятнышка и обязательно найти еще землю.

— Разведать обходные, запасные пути по СМП, в частности — вокруг Северной земли, севернее Новой Сибири, и Врангеля.

— Создать мощные научные базы — плавучие и земные (на островах) в Арктике.

— Выдвинуть новые научные имена.

— Экспедицию Черевинчого сделать не частной ГУСМП, а правительственной, послать 10–15 самолетов, кооперировавшись с НКАП, и навсегда закрыть полюс недоступности.

— Надо, чтобы Папанин попросил т. Сталина принять полярников и побеседовать с ними о дальнейшем ГУСМП.

Новиков со всем этим согласился.

Вчера уехал на восток Князевский. Дал ему ряд поручений корреспондировать нам.

Граудин сообщил, что Латвийское издательство постановило издать мою книгу «На вершине мира» на латышском языке. Но придется ехать туда, заключать договор и проч.

Черненко предложил мне издать ее в «Молодой Гвардии» и ГУСМП. Но все руки не доходят даже до переговоров. Вот работа!

14 марта.

В пятом номере «Огонька» опубликована моя беседа со Збарским о сохранении и эвакуации тела Ленина. Редакция «Огонька» посылала текст Берии, оттуда он попал Маленкову, потом был у Сталина, и вернулся в редакцию перепечатанным, сокращенным до 4-х страниц, в этом виде. Но важнейшее то, из-за чего я и писал (об эвакуации) оставлено. Выкинуты только детали и пункт.

Сегодня вечером около полуночи позвонил мне в редакцию Кокки.

— Сколько стоит воздухом билет до Владивостока?

— Не знаю.

— Ну примерно, тысячи три стоит?

— Может.

— А сколько лететь транспортным аэрофлотом?

— Так туда не ходят. Только до Хабаровска.

— Ну до туда?

— Собираются укладываться в три дня.

— Так. От Хабаровска до Владивостока 560 км. Значит, стоит пассажиров доставлять до Владивостока за стуки?

— Ты что, контору открываешь?

— Да так, для смеху хочу прошвырнуться. На первый раз могу взять липовых пассажиров — журналистов. Покатаю на высоте в 8000. Хочешь?

— Нет, я стал важный.

— А коньяк пить ты тоже важный?

— Нет, коньяк — демократ.

— Ну, приходи, за коньяком все обсудим.

Вчера звонил Водопьянов.

— Завтра утром улетаю в Берлин. Хочу побывать на Нюренбергском процессе. Поручений нет?

— Погляди за меня на эту заразу.

— Я для того и лечу. А то только на том свете с ними свижусь.

— Как дела с нашим письмом?

— Лежит у самого Хозяина. Держит у себя на столе. Даже Поскребышеву на возвратил.

Несколько раз за последние дни у меня был Новиков. Готовил выступление Папанова на сессии. Дал ему идеи, план, консультировал текст. Все, что я ему говорил 5 марта, он накачивает в Дмитрича, выступал с этим на коллегии, встретил сочувствие.

8 апреля.

Несколько редакционных новостей. Во-первых, с приходом Сиволобова на пост секретаря редакции, начали почти ежедневно выходить вовремя. Во-вторых, на минувшей неделе создали два новых отдела: отдел выездных редакций и массовой работы (задача его — возродить рабселькоровское движение, по этому вопросу Поспелов нас срочно созвал в прошлый наш выходной понедельник, и мы после театра гутарили до трех утра), зав — Саша Дунаевский. Второй отдел транспортный, зав — Иван Кирюшкин, зам — Шульгина. Вместо нее на отдел кадров сел Маша Шишмарев, вместо него на местную сеть — его зам Петр Синцов. Место Кирюшкина в отделе писем пока вакантное.

У меня в отделе туго. Даем много, причем, все время с выдумкой. Это требует много времени на организацию. Дали подборки: рождение новых рек и озер (ирригация), выходной день по стране, дальние рейсы советских кораблей, электрификация сел, жилье в новой пятилетке, восстановление городов и т. д.

Марты Мержанов уехал в командировку, Шабанов заболел. Парюсь вдвоем с Капыриным. Завтра приедт новый помощник — Иосиф Иткин (Павловский).

В мире — шухер, вызванный нашим соглашением с иранским правительством и созданием смешанного советско-иранского нефтяного общества (соглашение опубликовано сегодня в «Правде», сидели из-за него до 8 ч. утра — оно поступило около 4 ч. утра).

Был недавно у Кокки. Предлагает такой проект: утром вылететь и к вечеру вернуться в Москву, за это время посетить: Софию, Бухарест, Будапешт, Вену, Прагу, Варшаву, Берлин, Кенигсберг. Хочет проделать это на новой ильюшинской машине. Свой проект скоростного перелета в Ленинград (вылет из часа), считает устаревшим.

За последнее время я стал часто читать лекции на Центральных газетных курсах при ЦК ВКП(б). Читал у них: об информации, о корреспонденции в газете, работа военного корреспондента, методика составления корреспонденции. Так скоро стану совсем профессором. Недавно был у меня декан созданного в Минске факультета журналистики при университете. Просит приехать к ним читать лекции о газетном деле (эпизодически). Поспелов и Сиволобов дали на это согласие.

Я согласился, но в этой ситуации вряд ли смогу поехать.

25 апреля.

6 ч. утра. Сижу дома, пришел в три, только что кончил статью для бюллетеня ЦК ВЛКСМ — об информации в комсомольских газетах. Многие мысли этой статьи надо будет использовать при подготовке к печати моей лекции об информации (на газетных курсах ЦК).

В газете назревают новости. ЦК принял решение о создании у нас института редакторов отделов (а не заведующих — вряд ли это простая перемена вывески, но что именно — никто не знает) и введении звания главного редактора. Решено направить к нам группу товарищей, способных самостоятельно выступать по внешним вопросам.

На заседании оргбюро на днях т. Жданов обронил реплику: «В „Правде“ мало людей с высшим образованием». Видимо, надо с осени всерьез браться за заочную учебу.

Сегодня в Париже должен открыться Совет Министров (СССР, США, Англия, Франция). Вчера с т. Молотовым улетели туда Юра Жуков и Маша Калашникова, от «Известий» — Полторацкий и Гурарий.

Вчера у нас опубликован бомбовой подвал: «Совершенно секретно» (о блядстве Черчилля в войне).

3 мая.

Вои и майские дни прошли. Сейчас 6 ч. вечера. Только что встал и позавтракал. Наконец-то отоспался, а то уже несколько дней спал по 3–5 часов. Майские дни, конечно, работали. Предполагали, что будем выходными сегодня, но сегодня — опубликуется заем, а завтра — канун Дня Печати.

Был на параде. Потом состоялась грандиозная демонстрация. День выдался теплым, чудесным, солнечным, начала распускаться листва. А вчера и сегодня холодище, дождь (вчера была первая гроза — с громом и молнией, как полагается «в начале мая»).

В редакции новостей нет. Приехал Горбатов из Японии, он пробыл там несколько месяцев. Рассказывает, что американцы там полные хозяева, Мак-Артура называют всерьез богом, и он есть полный император Японии. Все ходят под ним. Все японцы рассчитывают на войну СССР и США.

Конференция министров в Париже, судя по печати, идет туго. И американцы, и англичане закладывают всякие фугасы.

Вчера Сиволобов рассказывал чудную историю. Есть фотограф Толя Архипов. У него привычка: когда выпьет — обязательно закусывать. Вот раз на фронтовой дороге в одной дивизии он заночевал. Утром в хате собрались командиры. Достали самогону, выпили. Человек 12. Подавал адъютант

командира. А закусить в хате абсолютно нечем. У хозяйки было только горячее молоко. Архипов не может не закусить, выпил молока. Поехал дальше. Дорогой — схватки, рвота, прямо катается. Потом прошло. Через месяц, едучи обратно, заехал опять в эту дивизию. Адъютант смотрит на него вытаращенными глазами:

— Вы живы?!

Оказалось, что все остальные умерли, отравившись выпивкой. Архипова спасло молоко.

— Новелла! — говорит Брагин.

16 мая.

Говорят, завтра должны решиться редакционные дела — будет заседание ЦК.

Сегодня похоронили Белоусова. Позавчера был на заседании, вел беседу с молодыми полярниками, был на концерте. В 2 ч. ночи приехал домой, в 3 ч. почувствовал себя плохо, в 4 ч. умер. Инфаркт!

Сорок один год! Недавно его видел, усиленно звали друг друга в гости. А какой был парень!

ГУСМП организует высокоширотную экспедицию. Зовут. Выйдет в середине июня из Владивостока. Ледокол «Северный Полюс». Капитан Бызов. Нач. экспедиции — Максимов (видел его вчера, долго говорили).

Маршрут — севернее Врангеля, севернее Новой Сибири, севернее Северной Земли.

— А ЗФИ? — спросил я.

— В плане нет, но если будет время…

— Время? Сколько вы хотите сделать станций?

— Около ста.

— Я советую вам сразу определить не больше 30–40. И не связывать себя, тогда успеете. Со станциями — пойдете не через мыс Молотова, а через пролив Вылькицкого (?). И вся идея погорит.

Он внимательно слушал.

— А самолеты берете?

— Будет с берега обслуживать.

— Зря. Надо легкий обязательно взять. Для местной ориентировки.

Что-то больно по-домашнему они делают эту экспедицию. Как будто в 29 году! Надо делать с широким размахом. Крупнейшие научные силы, а у них ни одного имени. Лучшего капитана. Громкого начальника экспедиции. Полное воздушное обслуживание.

Сегодня на похоронах встретил Ушакова.

— Пойдешь с нами? — спросил он.

— На сколько?

— Первая очередь — полтора года.

— Согласен так: вы меня высаживаете на Гавайских островах, а на обратном пути забираете.

Смеется.

— Когда уходите?

— Осенью.

— Проект утвержден?

— Госплан утвердил. Вчера пошло в Совет Министров. Пока без сучка и задоринки.

— Судно уже есть?

— Есть. Красавица. 5 тысяч тонн. Надо оборудовать. Капитан — тоже Ушаков, Сергей только. Нач. науки — Бочаров.

В Париже — полная буза. Англосаксы все срывают.

ЦК решил издавать новую газету (газету для газет) «Культура и жизнь» (газета управления пропаганды). Первый номер делают уже недели три. Вышло три пробных номера — варианта. Все переделали. Сегодня закончили четвертый вариант. Секретари ЦК уже видели. Завтра — послезавтра покажут Хозяину. Редактор — Александров.

4 июня.

Вчера, в понедельник, мы собирались быть выходными. Днем я съездил по делам, а в 5 ч. поехал обедать в Серебряный Бор. Едва приехал туда, как узнал, что умер М.И. Калинин, и Поспелов просит всех нас немедленно приехать. Приехали в редакцию и стали готовить траурный номер.

В 9 ч. вечера передали по радио сообщение от ЦК ВКП(б), Совмина и Верховного Совета. Послали людей на заводы, начали делать отклики, связались с городами. Ночью пришел некролог. Номер шел трудно, и кончили его около 9 ч. утра.

Сегодня я узнал, что вчера, около 6 ч. утра, позвонил Сталин Поспелову. Он сказал (со слов Жукова)

— Вы печатаете сегодня наш некролог? Там были допущены промахи. Не было указано, что М.И. рабочий, я сам вставил, что он квалифицируется, как выдающийся лекальщик (Александров вечером звонил Поспелову и сказал, что некролог займет 2 страницы, а получили мы 3.5, видимо Хозяин много над ним поработал — ЛБ). Дайте его получше. Дайте больше материалов с мест. Не торопитесь, сделайте все хорошо, можете выйти в 8 часов. Завтра дайте 6 полос. Могли и сегодня дать, но сейчас перестраиваться не стоит, а то сильно опоздаете. Нам для «Правды» бумаги не жалко, если не будете печатать макулатуры.

Сегодня дали 6 полос. Опять всем занимался наш отдел. В

10 ч. 10 мин. из колонного зала позвонил пне Иткин и сказал, что был т. Сталин и члены ПБ.

Сейчас — 6 ч. утра, газеты еще не видно.

Мор был у помощника Калинина — Федора Кретова, бывшего зам. редактора «Известий». Тот рассказал, что в субботу Калинин приехал из Крыма. Вообще чувствовал себя хорошо, в Харькове выходил из вагона, гулял около часа, в Курске почувствовал себя плохо. Его постоянный врач Иван Васильевич Дьячков вызвал даже городских консультантов. Привезли его в Кремлевку. Но в воскресенье ему полегчало. Он даже назначил старшей дочери свидание на 2 ч. понедельник. А потом стало хуже. Но умирал он без мучений. Сознание угасало вместе с жизнью.

Я сегодня говорил с Дьячковым, хотел записать его рассказ о поеслдних минутах и днях, но Александров узнал и воспротивился.

9 августа.

Как время идет! Вот уже и в отпуске побыл. Уехал 17 июня в Сочи, в наш дом отдыха, приехал 20 июля. Отдохнул великолепно, ходил по Сочи и думал каких пять месяцев ушло из жизни. Приехал — и снова в мясорубку.

За время отпуска состоялось отчетно-перевыборное собрание. Секретарем избрали Г. Креславского (зам. зав. партотделом). Из старых членов бюро остались: Поспелов, Сиволобов, Гершберг, Рабинович. Добавили: Романченкова (зав. отделом писем), Володю Верховского, Величко, Полевого, Корнблюма и кого-то еще.

2 августа, наконец, состоялось долгожданное решение ЦК. Подписано Сталиным. Таких серьезных постановлений я не помню. Страниц 5.5. Вначале, страницы на 3,5, идет констатация: газета не выполняет в должной мере своих функций, как орган ЦК, перестала быть ведущей среди других газет, скучна, неинициативна, не ставит новых вопросов и т. д. Дальше резкой критике подвергается иностранный отдел — механическая перепечатка ТАСС, не ставит вопросов внешней политики, не дает статей, не вскрывает реакционеров и т. д. Затем полной мерой получает партийный отдел, отдел пропаганды (мол, несмотря на ряд решений ЦК не налажено), отдел обзоров (мало обзоров и они не учат. Кстати Блисковский в Сочи мне говорил, что на это — не учат, а только высмеивают и хохмят — указывал и сам Хозяин в июле). Нам попало меньше других: говорится, что недостаточно освещается жизнь республик и областей, информационные заметки носят зачастую случайный характер. Достается беспланости (редколлегия не руководит работой отделов, работают без плана, самотек), верстке, шрифтам,

заголовкам.

Предложено все это исправить. Иностранцам давать от 1,5 до 2 полос. Завести корреспондентов «Правды» в США, Англии, Франции, Китае, Японии, Италии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Болгарии и Индии (!), а также во всех союзных и автономных республиках, краях и обалстях РСФСР и крупных промышленных центрах.

Введен институт редакторов «Правды» по отделам:

— Иностранный — Жуков (быв. зав. инотделом «Известий», а сейчас политический представитель в Союзном Совете по Японии)

— Партийный — Слепнев (зам. зав. орг. инстр. ЦК)

— Сельскохозяйственный — Лаптев (доктор наук)

— Пропаганды — генерал Шепилов (зам. нач. ГлавПУРККА)

— Науки — проф. Зворыкин.

— Экономический — Курский (член коллегии Госплана, зав отделом сводок и балансов)

— Критики и библиографии — Заславский.

— Местных газет — Гребнев (наш, бывш. ред. «Тихоокеанского знамени»)

— Литературы и искусств — Кожевников

— Военный — Галактионов.

Главный редактор — Поспелов. Ответственный секретарь — Сиволобов. Все 12 образуют редколлегию.

Таким образом, Сиротин автоматически выпал. Выпал из коллегии и Хавинсон.

Утвержден институт иностранных обозревателей, «способных самостоятельно выступать по вопросам внешней политики». Утверждены 13 человек: Ю. Жуков, Хавинсон, Яков Гольденберг, Заславский, Изаков, Сергеева, Галактионов, Варга, Куусинен, Иванов, Пономарев и др.

Секретариату ЦК предложено разработать меры улучшения материального положения работников «Правды».

Разговоров, связанных с этим — уйма. Начинается понемногу робкая перестройка. Кое-кто не захотел оставаться на вторых ролях. Володя Верховский ушел из обзоров замом в парт. отдел. Сеня Гершберг — перешел зам. секретаря редакции. Объедков также уходит в секретариат замом. Жуков уходит из секретариата в иностранный отдел.

Нас пока все это не коснулось. Правда, у меня создается впечатление, что на мое место очень метит Синцов (зав. местной сетью) и, видимо, редакция склонна поддержать его. Ну что же, наконец смогу уйти на литературную работу.

Видел Яковлева. Дали ему генерал-полковника. Рассказывает,

что разрешили уйти из министерства и заняться только конструкторской работой. «Кое-что делаю, вот услышишь, а если приедешь, то и увидишь». ЦК объявил ему благодарность за 6-тилетнюю работу в НКАПе.

— А звание генерал-полковник за новое достижение?

— Как тебе сказать… Отчасти.

Ильюшинская пассажирская, 28-ми местная, сдана на госиспытания, готовит к первому полету гросс-бандуру.

Две чудных ситуации. Наши решили послать в Ташкент за фруктами. Туда самолет повез гроб какого-то знатного узбекского генерала. С ним полетели… и заготовители, в том числе и наш Соломатин. Обратно — везли фрукты.

Был день железнодорожника. Зав. отделом Кирюшкин, он на праздновании в ЦПКиО. Приходит материал о праздновании по стране. Надо давать в номер. Материалы вручают курьеры зам. зав. отделом Шульгиной. Но она зам. по речному флоту. И все. Материал подсовывает под дверь Кирюшкину.

10 августа.

Вчера в ВОКСе был прием в честь Гарольда Ласки — председателя исполкома лейбористской партии. Накануне его принимал т. Сталин. Встретил там академика-секретаря Академии медицинских наук Василия Васильевича Парина. Он рассказал мне, что 1) ездил на охоту и взял 25 уток, в т. ч. 19 кряков. 2) китайский лимонники и хорош и плох. 3) стрептомицин начинает лечить туберкулез горла и туберкулезный менингит.

Спросил я его о работах Ивана Федоровича Спарыкина. Не знает. А Спарыкин был у меня несколько дней назад.

— Я уже не шарлатан, — сказал он. — Крупнейший онколог Петров одобрил работу. Сейчас я считаю кожный рак решенным. Боюсь, что действует и против кара легких и матки. Два случая рассасывания есть — оба вышли на работу.

Надо будет помочь ему с бытовыми делами.

Говорил в ВОКСе с артистом Сергеем Владимировичем Образцовым. Умница. Ерчь шла о газетах, ругался.

— Надо писать так: вычеркнуть все чужие образы, и тогда появится свой пустого места не бывает. Если вы напишите «комната была залита светом» — это плохо, свет — не вода, лучше скажите, что «была сильно освещена». Я писал о своих впечатлениях об Иране. И написал, что с самолета было видно, как внизу струились змейки рек. И ужаснулся: я не мог этого видеть, это я слышал. Что же я видел? Я долго припоминал и вспомнил: я видел мертвые змеи рек. Сверху смотреть — они не текут, они застывшие, мертвые.

И еще много говорили.

Зина позавчера уехала в Ригу к Зое.

21 августа.

Уже три дня продолжается собрание актива редакции, посвященное постановлению ЦК о «Правде». Доклад сделал Поспелов, выступали все новые члены редколлегии, завы, замы, литработники и проч.

Сегодня у нас опубликовано решение ЦК о ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград». Вопрос этот рассматривался на заседании оргбюро ЦК. Туда пришел и т. Сталин. Кроме журналов обсуждался вопрос о кинофильме «Большая жизнь» 2 часть (режиссер Луков). Вообще ЦК очень энергично взялся за идеологию. Поспелов формулирует так: главнейшая задача партии — воспитание новых членов, вторая — улучшение работы газет, являющихся важнейшим средством идеологического воздействия партии на массы.

Еще зимой Оргбюро на каждом заседании рассматривало вопрос о воскресных номерах областных и республиканских газет. На каждом заседании обсуждалось по 2–3 газеты и принимались развернутые, очень конкретные решения. К составлению предварительных обзоров привлекались и правдисты, несколько обзоров написал я, Сенька и пр. Газеты доставлялись на самолетах. Потом на эти газеты давались у нас обзоры. Так — целая серия заседаний. Потом взялись не только за воскресные номера, н и вообще — за газеты. Тоже — на оргбюро.

Потом взяли несколько крупнейших провинциальных редакторов (в т. ч. Григоряна из «Зари Востока») и сделали их инструкторами Управления пропаганды ЦК. Они ездят с бригадами, обследуют газеты, и затем выносятся решения ЦК — пространные и развернутые. Григорян не так давно ездил в Ростов, смотрел «Молот», другие — в Курск и еще забыл куда, и недавно вынесено решение. Сейчас Григорян обследует «Известия».

Создана газета Управления пропаганды, редактирует ее сам Александров «Культура и жизнь», крепкая, резкая. Выходит раз в декаду. Писатели и артисты боятся ее страшно.

Потом решение о «Правде».

В этом свете надо рассматривать и обсуждение журналов на Оргбюро логическое продолжение начатой большой работы. Сегодня на нашем совещании выступил Вс. Вишневский, который был на заседании оргбюро, слушал все и принимал участие в обсуждении и подготовке резолюции. Он рассказывал о заседании, причем сказал, что за каждое слово Сталина — отвечает полностью, что не переврал его. Я записывал по ходу

рассказа Вишневского, и вот эта запись. Сегодня мы опубликовали постановление ЦК о журналах, завтра идут резолюции ленинградского партактива, где выступал Жданов, послезавтра — его доклад. Полагаю, что и высказывания Сталина будут опубликованы, так как они обращены к очень широкой аудитории.

Вот, что рассказывал Вишневский.

4 сентября.

Так замотался, что только сегодня собрался продолжить. А тут дела шли одно за другим — передовые, задания, несколько дней сидел на процессе Антонова и К°, — просто дыхнуть было некогда. Спал опять по 4 часа, а организм просит себе 8–9, да и только.

Итак — Вишневский (даю его словами).

— Заседание оргбюро происходило в Мраморном зале заседаний, на 5-м этаже, где мы и раньше встречались — писатели с т. Сталиным до войны. Последняя такая встреча была осенью 1940 года, когда разбиралось дело Авдеенко, пришедшего в телячий экстаз от Черновиц. И то, что т. Сталин опять пришел побеседовать с нами в этот зал — я рассматриваю, как восстановление традиции встреч с писателями.

т. Сталин был одет не в военное. Заседание началось в 8 ч. вечера (9 августа) и кончилось без десяти 12. т. Сталин сидел на краю стола, внимательно слушал, подавал реплики и два раза выступил с речью.

Доклад о «Звезде» и «Ленинграде» делал т. Александров. После говорили другие, в частности редактор Саянов. Он выступал путано и нервно. Когда он говорил о рассказах Зощенко, Сталин бросил реплику:

— Зачем печатаете эти вещи, ни уму, ни сердцу ничего не говорящие? Зачем печатаете этот балаган?

Саянов бормотал, что не подозревал реакционной сущности произведений Зощенко и Ахматовой.

т. Сталин сказал:

— А мы обязаны подозревать. Мы журнал делаем не для узкой группы лиц.

Саянов говорил, что рассказ об обезьяне был для детей написан. Сталин заметил:

— А Ваш журнал для детей делается? Извините, что прервал. Продолжайте.

Когда говорил Лихарев и смущался, Сталин поддержал его: «Говорите смелее!»

Когда говорили об Ахматовой, Сталин сказал:

— Почему мы должны идти на поводу устарелых вкусов

престарелой дамы? За войну она написала только два патриотических стихотворения (и тут же сказал — какие).[62]

Выступал поэт Прокофьев. Тут разгорелся следующий диалог. Прокофьев говорил, что в Ленинграде 259 писателей, из них только немногие пишут.

Сталин: А вы что — только ленинградцев признаете?

Прокофьев ответил, что писатели уезжают в Москву.

Сталин: А вы подайте счет Москве!

Прокофьев говорил, что ленинградские издатели горят, убытки составляют миллионы рублей.

Сталин: Товар плохой.

Когда зашла речь о тех же произведениях, Сталин спросил его:

— Украшает Ленинград то, что вы написали о приключениях обезьяны?

Выступал Вишневский, говорил о коротком рассказе, о новелле — ее не ценят, в том числе и материально: работы много ювелирной, а оплата огульная.

Сталин: Да, материальный вопрос имеет очень серьезное значение.

Вишневский говорил, что многие писатели забронированы от критики высоким званием или Сталинской премией. Нужно все равно критиковать за плохие вещи.

Сталин: Правильно!

Затем Сталин взял слово. Он сказал:

— Наши журналы не могут быть аполитичными. Есть некоторые литераторы, которые считают, что политика — дело политиков, а их дело — лишь хорошо писать. Это неверно. С подобными литераторами мы разойдемся.

Он заговорил о Зощенко.

— Зощенко войны не заметил, накала войны не заметил. Не нам же по Зощенко перестраиваться. Пусть он лучше по нам перестраивается или убирается ко всем чертям. Задача литературы — воспитывать боевую добрую молодежь в духе Ленина. Вот ваша главная задача. (Он это повторил несколько раз — ЛБ).

Далее он продолжал:

— Много вредят приятельские отношения в литературе. Они вырастают из аполитичного отношения к жизни и борьбе. Не надо бояться критики. Кто не критикует — тот трус. У нас есть редакторы ответственные и безответственные. Должен быть во главе один человек, который имеет моральное право критиковать, который имеет право на это, который будет обучать молодых, который берет в свои руки полную ответственность. Там (в

редколлегии) должны быть настоящие люди, а не олухи царя небесного. У нас журналы — это журналы народа, а не отдельной группы. Все, что мы делаем, должно быть подчинено интересам народа, а не Зощенко, Ахматовой и прочим. Если мы будем делать им уступку, у нас не будет журнала, это — не наша пресса. Журнал «Ленинград» своей задачи не выполнил. Видно, в Ленинграде мало материала. Поэтому, в целях рационализации там нужно иметь один журнал, а не два. А со временем в Ленинграде будет пять журналов, он этого заслуживает. Здесь было сказано, что приходят военные (в журналы, со своими литературными опусами — ЛБ) и требуют. Военные бывают всякие. У нас под ружьем были миллионы человек. За свои раны и заслуги они получили должное. А теперь подходим по качеству. Нам в литературе «солдаты» не нужны. Дает что-нибудь нужное — честь и слава, не умеет — не надо.

После перерыва с докладом о кинофильме «Большая жизнь» ч.2 (реж. Луков) выступил т. Жданов. Когда он говорил о подборе героев картины, Сталин бросил реплику:

— В фильме один старый рабочий, и того ухитрились споить!

Затем он выступил с речью и сказал:

— Отношение к теме и предмету, которые берут мастера, несерьезное, безответственное. Возьмем настоящих художников. Чаплин по три года молчит. Изучает до деталей. Так же работали и наши классики. А у нас? Легкость нетерпеливая в работе Пудовкина. Не потрудился изучить тему. Как он рассуждал? Черное море — живописное море, я — Пудовкин, сойдет! Не понял Синопский бой, не знал даже, что мы победили тогда! Что же получилось? Недобросовестное отношение к своим обязанностям на глазах всего мира (Речь идет о картине «Адмирал Нахимов» — ЛБ). Эйзенштейн тоже внес в историю что-то свое. Показал дегенератов, а не опричников. (Речь идет о 2-ой части «Ивана Грозного» — ЛБ). Россия была вправе карать врагов. Грозный — умный, государственный муж, государственный деятель. Что же на экране? Грозный — не то Гамлет, не то убийца. Нам необходимо научить наших людей добросовестно относиться к своим обязанностям.

«Большая жизнь» — обязывающее название. Больно смотреть! Показано ли восстановление Донбасса, где механизация Донбасса? Это — не сегодняшний Донбасс.

Вишневский рассказывает, что на заседании выступал инженер-угольщик и резко критиковал картину за безграмотность. Сталин встал и очень внимательно слушал.

Режиссеры просили разрешения исправить картины.

Сталин: Сколько израсходовали?

Калатозов: 4 500 тысяч.

Сталин: Плакали денежки!

Когда режиссеры настаивали, Сталин встал, подумал две-три минуты и сказал, как бы решая вслух:

— Вот просят поправить. Вот Пудовкину дали шесть месяцев — не успевает. Трудно вам будет — новых лиц… Это трудно будет сделать… Запишем тогда так: пусть художественный совет представить нам еще раз проект деловых исправлений. Вернемся еще раз.

Когда обсуждали состав редколлегии журнала т. Сталин сказал:

— Я думаю, надо оставить Саянова. Если хватит у него внутренней решимости, если хватит смелости. Пусть подумает. (Саянов сидел и плакал).

Ленинградцы, в числе других, предложили Капицу. Сталин сказал:

— Не слыхал такой фамилии. Не знаю. Вероятно, такого выбрали, чтобы и вам удобно было, и другие не боялись.

Потом Сталин говорил:

— Редакция — не почтовый ящик, что прислали, то и напечатали. Материал надо организовать. Учись — уважать будут.

Вишневский был введен в комиссию по выработке резолюции. Его вызвал Жданов, огласил документ и сказал:

— Вы чувствуете боль и обиду ЦК на наш Ленинград? Все ли в резолюции сказано до конца, какие есть вопросы, поправки?

И, обращаясь к ленинградцам, сказал:

— Сидите в обороне, — а переходить надо в наступление!

Потом он опять говорил Вишневскому:

— У нас вековой фонд литературы, демократических традиций. Белинский, Чернышевский… Вспомните, как в этом самом Ленинграде, в рубашке, запачканной его кровью, он, умирающий, сидел и гневно писал. Вот — пример для всех нас. Единственный критерий — литература для народа. Нужно создать теорию советской литературы. Мы с вами, Вишневский, пережили три революции в Ленинграде, выстрадали революцию, а теперь какие-то отщепенцы ревизуют, уводят в сторону. Это — реакционная муть! Тянуть назад?! Это быть не может!

4 сентября.

Надо записать еще несколько вещей, происшедших за последнее время.

16 августа я готовился к передовой ко Дню Авиации. Позвонил главному маршалу авиации Голованову.

— Мне передовую писать. По старой памяти — к вам.

— А, здравствуйте, пропавшая душа. Рад вас слышать. Что ж — охотно. Наша точка зрения изложена в статье Скрипко в «Красной Звезде». Читали? Дня два-три назад. Мы ее всем Советом обсуждали. Кроме того там будет моя статья о типе современного летчика — тоже изложение нашей коллективной точки зрения. Я пытался там суммировать опыт войны и требования к будущему. Что мы сейчас имеем в авиации на земном шаре? Реактивные самолеты, огромные скорости, полеты в герметичной кабине, на большие высоты, на большие дальности, использование всяких энергий. Надо сказать прозрачным языком (как вы умеете, не мне учить), что и у нас есть кое-что, что наши конструкторы тоже хлеб даром не едят, люди сидят и над чем-то работают. Идет очень серьезная и огромная работа. Надо об этом обязательно сказать, сказать умно, так проехаться, ни два — ни полтора, а то народ (союзники) распоясался, пусть почешут затылки. Да и наш народ очень интересуется. О летчике надо сказать. О его культуре. Готовность к технике завтрашнего дня. Да, с большим загадом.

— А где Молодчий?

— На месте. Все так же хорош. Но, знаете, есть у меня летчик, я просто влюблен в него. Это штурман Сенько, дважды Герой. Ну и парень! Летает с 1943 года, а у него 420 боевых вылетов. Вот это орех! И прирожденный летчик. Он далеко пойдет, я за ним внимательно слежу. Заходите обязательно. Адрес старый.

Позвонил с тем же вопросом Яковлеву.

— Слишком много пишется в последнее время в наших газетах о летчиках и забывают о технике. А ведь современная война — война моторов. Ну причем сегодня традиции Нестерова? Как бы ни были доблестны люди — на плохих самолетах войну не выиграешь. А мы выиграли. Наша техника была лучшей в мире. Поэтому сейчас все наши надежды на то, что наша наука, техника, конструкторы — которые не подвели страну в годы войны, — дадут и теперь сильнейшую в мире авиацию. А все данные для этого у нас есть. Есть внимание правительства. Есть русская авиационная наука, которая всегда, начиная со времен Жуковского, шла впереди мировой науки. Надо сказать, что тот разворот науки и научных исследований, о котором говорил т. Сталин в речи у избирателей, не прошел мимо авиации, и даже в первую очередь отозвался на работе деятелей авиации. Сейчас во всем мире идет гонка вооружений в реактивной авиации. Стараются повысить скорость. Не отстают и наши. Если молчим — не значит, что у нас нет. Страна ждет и вправе ожидать от конструкторов, что они окажутся в первых рядах, как было и во время войны. О человеке. Сейчас появилась сложнейшая техника.

Поэтому и летчик должен быть другим. Сейчас мало крутить баранку, ручку туда, ручку сюда. Летчик должен быть знающим, грамотным. Иначе он станет жертвой природы. Скорости приближаются к скорости звука, это коренным образом меняет все наши представления об аэродинамике.

— Ты не знаешь, будут показывать реактивные самолеты? — спросил он.

— Будут, — ответил я.

— Ага! Мне недавно звонил Хозяин. Сказал, что есть намерение показать реактивную технику, и спрашивал мое мнение — не завалимся ли? Я сказал, что пролетят хорошо. Он ответил, что хотел знать мое мнение.

— А твой будет? — спросил я.

— Будет.

В день авиации их показали. Правда, диктор молчал, зато говорили за себя самолеты. Впечатление от них я написал в отчете. Автор дикторского текста Василий Ардамацкий рассказывал мне, что вначале, в утвержденном тексте, он о них даже не знал.

20 сентября.

Опять бездну времени не записывал. Надо записать о Дне Танкистов — 8 сентября. В этом году он праздновался впервые (хотя разговоры о нем шли еще в прошлом году, как д.б. помечено по ходу дневника). Долго рядили: где проводить. Хотели в Тушино, но это значило испоганить аэродром на несколько тел. Подсмотрели чистое поле у села Коломенское, но там огороды — тоже нельзя. Решили совсем отказаться от показа танков и провести Деть в беседах и заседаниях. Прошли к Хозяину, доложили.

— Ну, раз негде, значит — придется на Красной площади, — сказал он.

И сразу все встало на свои места. Восьмого там и провели боевой марш 4-ой гвардейской Кантемировской дивизии. Все было так, как бывает обычно на площади. Народу — вагон. Я с Брагиным писал отчет (до этого — на 8 сентября — написал передовую). Для отчета важно было знать, как Хозяин оценил праздник. На трибуне, вместе с Хозяином, из танкистов был только маршал бронетанковых войск Рыбалко. Начал искать его: на банкете в ЦДКА. Позвонил туда, попросил найти, дал свой телефон. Через несколько минут звонок: Рыбалко. Я объяснил, в чем дело.

— Завтра «Правда» выходит одна? — спросил Рыбалко.

— Да.

— Я очень прошу дать отчет побольше, чтобы задать тон

другим газетам. Это — первый наш праздник.

— Нам важно знать, как вы сами понимаете, оценку.

— По-моему, т. Сталин остался доволен. Он был весел, оживлен, шутил. А когда он недоволен, тогда у него бывает другое настроение. Вот, например, кто-то сзади, кажется, т. Попов, сказал, что тяжелые танки разворотили какую-то мостовую, вымощенную булыжником. Сталин засмеялся и сказал: «Если мы хотим иметь хорошие танки — надо иметь и хорошие дороги». Понравилось ему, как шли «ИС», он отметил, что и машины хорошие, и темп хороший. Когда шли первые полки, он говорил: «Надо быстрее, быстрее». Похвалили СУ-100. Когда шли СУ-76, он отметил, что они сыграли большую роль на войне. Давал нам общие указания о применении танков на поле боя, — впрочем, это вряд ли нужно для отчета. Еще раз — прошу написать побольше и поярче.

Дали отчет на всю первую полосу.

Только что закончился шахматный матч СССР — США, до этого наши шахматисты были на Грёнингенском турнире в Голландии. Сейчас только и разговоров об этом. В Грёнингене Ботвинник занял первое место, Смыслов третье, на втором был Эйве, отставший от Ботвинника на полочка.

Матч (как и прошлогодний по радио) закончился нашей победой со счетом 12,5: 7,5, мы выиграли 8, проиграли 3, остальные — ничья. Вокруг матча много занятных историй.

Флор играл со Стейнером. В первой партии он выиграл пешку и тянул до перерыва, не доигрывая.

— Почему? — спросили мы у шахматиста Рохлина.

— Сало знает, что пешка — это деньги, — сказал этот близкий гроссмейстерам друг, — он просидит дома ночь за анализом и превратит ее в плоть и мясо.

Лилиенталь очень боялся за исход матча (он встречался с видным аналитиком Дейком). В Сочи он отдыхал вместе с известным угадывателем мыслей и полу-гипнотизером Вольфом Мессингом. Лилиенталь спросил его: может ли тот внушить, что бы Лилиенталь сделал ничью. Тот: «Да!» Лилиенталь всячески ублажал его. На матче Мессинг сидел примерно в шестом-седьмом ряду. У Лилиенталя создалось сложное положение. Смотрим, подходит к Мессингу жена Лилиенталя, что-то шепчет ему на ухо, и быстро оба выходят из зала: видимо, пошли внушать. Лилиенталь обе партии свел вничью.

Вчера я пригласил Ботвинника, Кереса, Смыслова, Рагозина и Котова приехать в редакцию. Они приехали, конферец-зал был полнехонек. Пришел Поспелов. Я председательствовал и, по поручению редакции, поздравлял шахматистов. Ботвинник

поделился своими впечатлениями о турнире и матче и произвел на всех превосходное впечатление, выступили и остальные. Потом сидели за чаем.

— Почему Решевский отказался играть в субботу?

— Раньше, хотя он и еврей, — говорит Ботвинник, — он отлично играл в субботу, но только не записывал ходы. Во время войны у него умер отец. Решевский говорит, что это — кара Божья за то, что он не соблюдал правил. Но, как мы узнали, у него есть старый дядя, который может оставить ему наследство, а дядя очень религиозный.

— Каковы перспективы матча на первенство мира?

— Заседала шахматная федерация (ФИДО), которая решила провести матч-турнир шести сильнейших: Кереса, Смыслова, Ботвинника, Эйве, Решевского, Файна в 1947 году в Голландии. Сейчас в Москве шли официальные переговоры. Эйве был уполномочен от ФИДО и имел доверенность от Файна, плюс Решевский, плюс мы. Очень жарко говорили вчера, и чуть не дошло до полного разрыва. Эйве требовал, чтобы матч игрался в Голландии. Он говорил, что терпеть не может играть в Голландии, что ему там мешают, что он там нервничает, что там слишком много о нем пишут, но не может назвать ни одной другой страны, где бы мог играть. Я перебрал все страны — сверху до низу — и везде не может, даже в Англии. Объясняется просто: везде, кроме Голландии Эйве играет плохо и знает это. Поскольку у Эйве был мандат от Файна, следовательно, и Файн стоял за Голландию. Неожиданно к ним присоединился и Решевский, это было странно, но потом выяснилось: Эйве обещал Решевскому 2000 долларов от себя за согласие посетить Голландию. И вот уперлись и никак. Разговор шел очень резко, был на грани полного разрыва. Тогда я заявил, что вынужден буду опубликовать во всей шахматной печати: почему не договорились, и привести все, что говорилось на встрече (в том числе подразумевалось и 2000 долларов). Наконец, они стали сговорчивее. Договорились так: половину играть в Москве, половину в Голландии, играть четыре партии, определили условия игры и проч.

— Почему в последней партии с Решевским вы предложили размен ферзей?

— Атака уже иссякла, обмен — для обострения.

— Почему отдали пешку на В7?

— Для обострения.

С 16-го сентября введены новые цены на нормированные продукты и снижены коммерческие цены. Объясняется так:

1). В результате нынешней засухи мы не добрали 200 млн.

пудов хлеба, и дали колхозам больше 150 млн. пудов ссуды.

2). Худо с кормами.

3). Придется закупать хлеб и корма у крестьян по повышенным ценам.

4). Во время войны пайковые цены были стабильными, хотя во всех странах повышались не раз.

5). Начал дешеветь рубль.

Повышение довольно значительное: в 2.5–3 раза. В больницах, детских учреждениях, домах отдыха, санаториях цены прежние, разницу покрывает государство. На молоко, овощи, картошку, табак — цены прежние.

Разговоров в связи с этим — уйма. Цены такие:

хлеб ржаной был 1 р. 10 к. — стал 3 р. 40 к.,

хлеб белый 1р 70к. — 5 р.

пшено 2 р. 20 к. — 7 р.

макароны 3 р. 50к. — 11 р.

мясо 12 р. — 30 р.

масло сливочное 23 р. — 60 р.

судак 5 р. 50 к — 12 р.

сахар 5 р. 50 к. — 15 р.

Коммерческие цены снижены так:

хлеб ржаной был 10 р. — стал 8 р.

мясо 120 р. — 80 р.

масло 300 р. — 200 р.

сахар 150 р. — 70 р.

28 сентября.

На повестке дня — судьба нынешнего урожая хлеба.

Ребята рассказывают, что в министерствах пусто, кое-где остались одни министры, в других местах — только один зам, — остальные уже выехали и вылетели на места. Наши ребята, совместно с работниками ЦК (там создана опергруппа по хлебу) составили обращение Алтайского края. Алтайцы обязуются кончить заготовки к 1 ноября, а к октябрьской годовщине дать сверх плана 6 млн. пудов (плюс 5 млн. пудов по закупке). Пройдет оно сегодня — завтра (сейчас послано Хозяину на просмотр). Редакция посылает на хлеб большую группу спецкоров, в частности, в Сибирь, в том числе Полевого, Колосова, Рябова, Марковского, Яхлакова и др. 3/4 уже уехали. Вчера на редколлегии мы обсуждали план с/х отдела: передовые, статьи, пропагандистские статьи и др. материалы в связи с хлебом. Вся газета сейчас повертывается на хлеб. Положение очень серьезное. В южных районах была засуха, и потому — неурожай. В Сибири и Казахстане урожай приличный, но там идут сейчас уже проливные дожди. Снижены, правда,

кондиционные требования к влажности, но, тем не менее, убирать сложно.

Сейчас принимаются серьезные меры по снижению потребления хлеба. Снимается с довольствия хлебом и крупой часть трудоспособных иждивенцев, отменяется хлеб по всем дополнительным видам довольствия (литерные карточки, ужины и пр.)

Вообще, наступают дни сложные. Готовится повышение квартирной платы (называют 10 руб. на кв. метр), повышается стоимость трамвайного проезда и метрополитена, с 1- 15 октября будут повышены твердые цены на промтовары.

В Москве уже давно стоит холодная, дождливая осенняя погода. Люди уже с неделю ходят в осенних пальто. Дома холодно. Радует хозяек только то, что здорово горит саратовский газ. Он дан в сеть с месяц назад, правда пока под естественным давлением — компрессорные не готовы.

Несколько дней назад (21.09) начал просмотр материалов для книжки «Они говорили с Хозяином». Набирается много. Просистематизирую, составлю план и буду говорить с Поспеловым и Александровым, м.б. придется решать с т. Ждановым.

Поспелов говорит, что с 15 октября получим шесть полос, но с предупреждением — давать хорошие материалы. В начале этого года нам тоже дали шесть полос на выборную компанию, но еще до истечения срока отменили, т. к. давали плохой материал, так нам и объяснили.

6 октября.

Хлеб, хлеб. Об этом только и разговоров. С 1 октября снизили нормы детям и учащимся на 50 гр., отменили иждивенцам, имеющим детей старше 8 лет, прекратили давать завтраки в школах, хлеб по абонементам, ужинам и разным пайкам. В магазинах — огромные очереди за хлебом, люди стоят по несколько часов.

Очень много слухов. Повышается, мол, плата за проезд в трамвае, метро, квартирная плата, ж.д. проезд и т. д.

В газете мы в основном занимаемся хлебом. Каждый день идут обязательства областей и районов (по 3–4 штуки в номер) и около половины полосы корреспонденций. ЦК активно руководит освещением в печати хода заготовок. На секретариате ЦК рассматривались планы с/х отделов «Правды», «Известий» и «Соц. Зема», наш принят без замечаний, остальные вернули для переработки. Сказано, что на секретариате ЦК будет заслушан доклад о том, как «Соцзем» освещает ход хлебозаготовок.

Посылаем большую выездную редакцию на Алтай. Ребята

вылетают завтра. Редактор — Вася Поляков, в составе ее Колосов, Колосков, Крушинский, Новоскольцев и др. Замом предложили поехать Дунаевскому. Он последнее время был в серьезных винах. Сашка руководил отделом выездных редакций и массовой работы — брал на работу кого попало, выписывал гонорары направо и налево.

11 октября.

Нашему отделу поручено к празднику сделать три полосы — Узбекистан, Азербайджан и Прибалтика (с чем они приходят к празднику). Поспелов, мотивируя эти предложения, сказал нам:

— Как-то, во время выборов в Верховный Совет СССР, в январе-феврале этого года, т. Сталин сказал, что мы мало показываем Узбекистан и Азербайджан. Все, мол, налегают на Грузию, видимо, туда дорожка проторена, и забывают, что Узбекистан — это хлопок, а Азербайджан — нефть.

23 октября.

Звонил Аккуратов. Снова улетает на север. Зашел разговор о земле Санникова. Смеется.

— Там, где она считалась — ее, безусловно, нет. Но сравнительно недалеко оттуда — какая-то земля, и большая земля, есть. В прошлом году, когда летели на полюс, видели айсберги на 84о и 86о. Откуда им там взяться? Из известных мест попасть не могли. Кроме того, к северу от мыса Молотова во время нескольких полетов мы наблюдали чечевичные облака — они образуются всегда над землей; но ничего внизу из-за облаков рассмотреть были не в состоянии. А этот район наименее изученный.

— Так же, как и север от о. Ушакова?!

— Да!

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 1946-47 г

Аннотация: Маршал артиллерии Воронов в редакции. Выставка Дрезденской галереи в Пушкинском, экскурсия по музею его директора Меркурова. Беседа с Ботвинником, Арамом Хачатуряном. Маршал Рыбалко в редакции. Ушаков в редакции. Беседа в радиокомитете с Лапиным. Рассказ Б.Горбатова о беседе Сталина с писателями. Встреча с Ильюшиным, поездка к нему на аэродром, показ нового «Ил-18». Подготовка к поступлению в ВПШ, вступление в Союз Писателй, поступление в ВПШ. История Спарыкина.

Тетрадь № 29–12.11.46–12.12.47 г.

12 ноября.

Вот и прошли октябрьские дни.

Я был на параде, писал отчет о демонстрации. Она прошла очень дружно, но была непродолжительной: 1 час 50 минут.

1 Ноября был в Колонном зале на торжественном открытии Академии Общественных наук и ВПШ при ЦК. Было весьма торжественно. Доклад сделал зав. Управления пропаганды ЦК Александров. В своем докладе он привел высказывания о том, как формируется характер человека, сравнивая это с обтачиванием камней водой горной реки.

Об открытии дал отчет на полполосы. Александрову он понравился, он добавил только о пользы культуры — высказывание Маркса, и мы дали его всем газетам.

Редакция поручила нашему отделу сделать три полосы к Октябрьским дням. Секретариат разослал людей в Узбекистан, Азербайджан, Прибалтику. В Баку поехали Корнблюм и Коротков, в Ташкент — Капырин и Устинов, Прибалтику поручили Граудину — нашему корр. по Латвии. Потом решили еще сделать Грузию и послали туда Кожевникова и Верховцева.

Все полосы сделали. Наибольшая маята была с Грузией. Ребята выслали материал самолетом, а Москва из-за непогоды не принимает. Они сдуру послали копии не телеграфом, а вторым самолетом. И тот не дошел. Вот и сидят оба самолета в Харькове с обоими пакетами. А время — 5-ое ноября, надо давать обязательно. Поспелов нервничает страшно. Пришла хорошая мысль. Вызвали по телефону Харьков — нашего корр. Ляхта, отвечают — нет его, он в районе. Тогда вызвали горком, попросили съездить на аэродром, забрать пакет, вскрыть и передавать нам по телефону. Так и сделали. Работница горкома Верина до хрипоты передавала нашим стенографисткам и спасла дело. А снимки мы мобилизнули в постпредстве Грузии, в

Информбюро и т. д. Так и вышли.

Редакция премировала участников полос месячным окладом и объявила благодарность (в т. ч. и мне).

А позавчера Сиволобов сказал мне, что надо будет дать еще две полосы (на этот раз ко Дню Конституции) — о Казахстане и Армении. Я предложил еще сделать полосу о новых районах СССР (Кенигсберг, Курильские острова, Сахалин, Закарпатье) — он принял. Полосу о новых районах сделаем здесь, в Казахстан поедет старый казах Капырин, в Армению надо будет кого-нибудь послать. Сиволобов предложил поехать мне, но что-то не тянет — это надо будет бегать, высунув язык, а я хочу поехать спокойно, чтобы пошляться по стране месяц, а не 5 дней.

Вчера я позвонил Васе Реуту.

— Ты все хотел на охоту поехать. Не раздумал?

— Нет.

— Ну, собирайся.

— Куда?

— В Антарктику.

— ?!

— За китами. На полтора года.

Дело в том, что мы получили по репарациям флотилию китобойных судов (не то 13, не то 19 штук). В главе — «Славо» в 28 тыс. тонн — целый линкор. Вся эта армада пойдет в Антарктику промышлять китов. Как будто совместно с англичанами и американцами. Выход из Ливерпуля в декабре. ЦК предложил нам дать туда редактора многотиражки. Сиволобов предложил Реута, я поддержал, Поспелов согласен. Васька ухватился. Так что, видимо, поедет поохотиться.

Звонил мне Аккуратов. Полным ходом готовятся к экспедиции на полюс недоступности. Зовет меня. Что-то не тянет.

Вчера у нас напечатана передовая на три колонки о развертывании кооперативной торговли. Дело в следующем. 9 ноября Совет Министров принял постановление «О развертывании кооперативной торговли продовольственными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями». В передовой изложены все основные положения этого чрезвычайно решительного постановления. Передовая — Сеньки Гершберга. Постановление развернутое, очень дельное, страниц 20–25. Поздним вечером в воскресенье 10 ноября Сеньку и Поспелова вызвал Косыгин и рассказал основы этого решения. Он сказал, что Хозяин придает этому делу исключительное значение, и предложил широко осветить его в печати, дать специальные передовые. Косыгин предложил Поспелову создать в «Правде»

отдел товарооборота и местной промышленности.

Сенька прочит меня на этот отдел. Я заявил, что самая лучшая кандидатура — он сам, а у меня и свои дела есть.

Поспелов сказал мне, что с 15 ноября получим 6 полос два раза в неделю. Проект об улучшении материального положения сильно зарезают: ставки подымать не будут, харч останется прежним. А народ у нас кряхтит: трудно. Да и мне тоже туго. Часто завтракаем, либо ужинаем одним черным хлебом. У Валерки желтуха, его надо лечить строгой диетой, дома кормить нечем, решили положить в больницу.

19 ноября.

Несколько дней назад я был в ВОКСе на приеме польской делегации общества культурного сближения. Было много больше обычного, артистов, писателей. Долго разговаривал с Рубеном Симоновым. Он жалуется, что мало хороших пьес, хотя для них и пишут многие, в том числе — Полевой. В заключение, конечно, попросил быть 29-го на юбилее театра Вахтангова и дать перед этим заметку. Артист Жаров уговаривал меня пить, но сам — нет.

Был там Ботвинник с женой. Говорили. Он просил напечатать его статью о кризисе роста шахмат (дали ее 18 ноября), ругал комитет за невнимание, сказал, Что вряд ли будет участвовать во всесоюзном чемпионате в декабре, дабы: 1) не тратить силы перед розыгрышем мирового первенства, 2) не давать будущим партнерам новых партий и идей.

Долго говорил с Поспеловым. Он сказал, что будет создан отдел товарооборота и просил мое мнение о Гершберге во главу. Я одобрил. Предложил мне включиться в работу кафедры журналистики (ведет Заславский) при ВПШ новое дело, там и специализироваться («нам нужны кадры партийных теоретиков газеты»). Это дело мне улыбается. Я сказал, что хочу писать книжку (о встречах с Хозяином), темы не назвал, но загодя просил аудиенции подробной. Охотно согласился.

Вчера был на сабантуе у летчика Галая. Неожиданно попал в литературную компанию. Были Ираклий Андронников, Дыховичный, Раскин, Саша Кривицкий (из «Кр. Звезды»- ныне из «Нового Мира»), Слободской и др. Из летчиков Аккуратов.

Галлай сказал, что закончил испытания новой двухмоторной машины Микояна. Хвалит. Возникает на этих скоростях ряд новых вопросов аэродинамики, сложных, неясных. Например, у отдельных частей самолета на этой скорости появляется собственная скорость, равная скорости звука. В итоге — опрокидывается старое представление о прочности, нужно создавать какое-то новое соотношение частей и агрегатов. Испытывал машину в полном комплекте. Т. к. на этих скоростях

парашют бесполезен, то летал без него. Однажды садился с дымящимися моторами через 3–4 минуты после взлета («быстро бежит, но ничего».)

Горит старым проектом кругосветки, но нужна совсем иная база, чем думали раньше.

Аккуратов написал книжку в 12 печ. листов о полетах в высоких широтах, повесть и ряд очерков. Должен 20-го ноября уйти в Якутск и дальше на побережье на 4-х моторном «Кондоре». Будет вывозить экипаж двух кораблей («Революционер» и еще), зазимовавших около Хатанги. Один из них уже дрейфует, другой в припае, но не прочном, видимо — пойдет следом.

Андронников читал свои вещи, в том числе рассказ «Жопа в кустах», о каком-то знакомом И.И. Соляритинского.

17-го у нас напечатан подвал «Заметки о театре» Хоравы — народного артиста СССР, грузина. Между прочим, профессор Михаил Михайлович Морозов, наиболее выдающийся у нас Шекспировед, на вечере в ВОКСе назвал мне его, как самого лучшего Отелло.

Сегодня Иосиф Верховцев, который делал этот подвал в Грузии, рассказал подробности и историю этого подвала. В начале октября отдыхавший на юге Хозяин вызвал к себе грузинских активистов. Поехали Васадзе, Хорава, Бергашвили (так, кажется, фамилия артиста, который играл «Арсена») и др. Вместе с ними поехали секретари ЦК Чарквиани, Шария. Был на даче и Берия.

Хозяин встретил их очень приветливо, усадил за стол, угощал. Хораву он обнял, расцеловал и назвал своим личным актером. Лестно отозвался о Бергашвили. За столом произносил тосты, в том числе за «гениального Хорава» и заставлял пить до дна. Занятная деталь. Естественно, что Хорава только делал, что во все глаза смотрел на Хозяина. Рядом с Хоравой сидел давний знакомый Хозяина, и по его знаку — как только Хорава выпьет — подливал ему. Хозяин встал, подошел к Хораве «Что же такое?! Я предлагаю тост, а ты, грузин, не пьешь до конца?» «Я выпил, И.В.!» «Как же выпил, когда бокал полный». «Не понимаю, откуда он берется». Так второй раз, третий. Только тогда Хорава сообразил, в чем дело.

За столом и зашел большой разговор об искусстве, который изложен в подвале Хоравы. Верховцев заявляет, что места — о том, что артисты убаюкивают себя, о политической образованности (в т. ч. международной) артиста, о знании жизни, об интеллигентиках и урнах («дело не в урнах, мы рабочего в полчаса научим кидать окурки в урны, дойдем и до этого»), характеристика культуры («в основе понятия Культуры лежит

чувство свободы и борьба за нее»), язык, подготовка актерских кадров — все это почти дословное изложение мыслей Хозяина.

На следующий день утром Хорава уехал в Москву на Сессию Верховного Совета СССР. Уехал, не простившись. Хозяин утром узнал и очень огорчился:

— Какой же я хозяин, если гости от меня уезжают, а я их не провожал.

Хорава в панике прислал из Москвы извинительное письмо.

Сегодня я говорил с Яковлевым. Жалуется, Что забыли. Говорит, что много работает, немного над пассажирской, много над другими. Просит написать об «Ил-18»- пассажирской четырехмоторной.

— Отличная! Недавно Коккинаки сходил на ней без посадки из Москвы в Киев и обратно за 3 ч. 20 минут.

Кокки говорил мне, что Москва — Ленинград — Москва заняло 2 ч. 30 минут.

30 ноября.

Выходить стали неимоверно поздно. Сегодня, к примеру, кончили в 8 утра. Шли списки избирательных округов по выборам в Верховный Совет РСФСР. Вот опять начинается длительная компания. Наученная горьким опытом выборов в Верх. Совет СССР, когда Сиротин все подмял под себя и сидел своей толстой жопой на всех делах, не давая ходу (за что ЦК и стукнул нас), редакция сейчас сразу хочет создать группу. Вчера меня позвал Слепов (редактор по партотделу) и консультировался — как лучше сделать. Предложил мне вести одну бригаду. Я согласился, но предложил, чтобы было не 2, а 3 бригады. Весь вопрос будет обсуждаться в воскресенье, 31 ноября, на редколлегии.

Сделали мы еще три полосы: Казахстан, Армения и новые районы СССР. Пока лежат.

Хозяин вернулся из длительного отпуска. Еще в отпуске он дал телеграммы о плохой отгрузке угля (в частности, о такой телеграмме нам сообщил Кривенок из Ростова.) По приезде, несколько дней назад, он повторил телеграмму. Отзвук — наша передовая в № от 29 ноября.

День артиллерии в этом году проводился не 19, а в воскресенье 24 ноября. Мне надо было писать передовую. По обякновению, я начал констультироваться. Уже несколько дней до этого я вел переговоры с главным маршалом артиллерии Николаем Николаевичем Вороновым о его статье. Он сначала ссылался на занятость, потом обещал, потом сказал, что ему не нравится и переделывает. Попутно я сказал о передовой — хочу, мол, посоветоваться.

— А я буду у вас в пятницу, вот и поговорим.

И верно, в пятницу 22 ноября, он пришел к нам на собрание, посвященное Дню Артиллерии. Встретили его очень тепло. Да и сам он хорош: высокий, представительный, полный, крупное открытое волевое лицо, с крупными чертами, умные с улыбкой глаза. Голос тихий, очень спокойный (и весь он спокойный, уверенный), говорит очень просто, без военной терминологии (что меня поразило и в разговоре с Ватутиным). Очень много планок: я, не ручаясь за точность, насчитал 22- всяких — и наших, и заморских. Народу было битком.

Он извинился, сказал, что у него нет систематизированного доклада, и поэтому он просто поговорит о развитии артиллерии и ее роли в Сталинградской операции и Дне Артиллерии.

Я довольно подробно записывал и даю его рассказ (частично он приводится в выходящем завтра — послезавтра номере «Правдиста» в записи Виктора Вавилова).

Н.Н. Воронов рассказывает:

— В 1937 году в Кремле был устроен банкет летчикам, слетавшим из Москвы в Америку. Выступали летчики, говорили о том, что положено в таких случаях. В середине выступил с речью т. Сталин. Он отметил роль и значение нашей авиации, определил ее место в будущей войне. Заканчивая речь, он сказал: я очень люблю авиацию, уважаю авиацию и борюсь за развитие авиации. Но сегодня я должен сказать об артиллерии. (Дальше Воронов своими словами изложил мысли Сталина, которые он привел в своей статье ко Дню Артиллерии «Грозное оружие Красной Армии», напечатанной 19 ноября 1944 года в «Красной Звезде».

Подробно он рассказывал о Сталинградской битве.

— Сначала приехали, выяснили все, уехали. И вот мы приехали второй раз, с решением. И тому, кто просил одну дивизию, чтобы не отступать, говорили: вот тебе еще 10 дивизий, будешь наступать. Мы наблюдали сцены растерянности и недоумения. И это — опять же — сверху и снизу. Многие просили времени подумать. Как вы знаете, было решено ударить не по немцам, а во фланги из армий, где были румыны и итальянцы. Это было совершенно правильным выбором и дало отличные результаты. После того, как замкнулось первое кольцо в Калаче, надо было создать второе кольцо ударами на Ростов и Богучар — с тем, чтобы изолировать окруженных и создать для них безнадежное положение. Мне выпало вести операцию на Богучар. На той стороне Дона у нас был маленький плацдарм с воротами шириной в 1400 м. В них надо было скрытно протащить 1100 танков, пушки, всю иную технику, силы. И тут для удара мы выбрали фланг между немцами и итальянцами. Во фланг всегда

выгодно бить, а тем паче — в разнонациональный. Так и вышло. Итальянцы дрогнули — и ходу. Помню 16 декабря 1942 года мы перехватили радиограмму командира итальянской дивизии: «Продолжаем отходить на запад. Сзади русские, слева русские, справа русские. Укажите, что делать». Ответ командира 8-ой итальянской армии гласил: «Мужайтесь». Этот ответ звучал особенно пикантно в свете выступления Муссолини, состоявшегося 14-го декабря, в котором он восхвалял успехи 8-ой армии. И вот в это время раздался звонок:

— Как дела?

Я коротко доложил.

— Очень хорошо. Вам надо будет поехать под Сталинград. Раз окружили надо уничтожать.

Я не помню, что я ответил, но, конечно, об отказе и речи не могло быть. Но, видимо, было что-то в тоне моего голоса, потому, что собеседник спросил:

— Вы не хотите ехать от успехов? А все-таки надо. Подумайте и позвоните.

На следующий день мы улетели под Сталинград. Обстановка там сложилась таким образом. После окружения сразу попробовали их смять. Не вышло. Наступила пауза. Ознакомившись с обстановкой, мы начали проводить разведку боем, нащупывая наиболее слабые места. Не выходит. Ирония судьбы: один из наших командармов раньше был начальником укреп-района Сталинграда, а сейчас ему надо брать те укрепления, которые он строил. Но они м.б. перепланированы? И какие там силы? Добывали языков, вели бесконечные допросы. Не ясно. И вдруг помог случай. Сбили самолет, улетавший из кольца на запад. На нем — 1200 писем от офицеров своим близким. В их числе — письмо командира 376 пехотной дивизии генерала Данияса своей жене в Берлин. Генерал писал о том, о сем, и, кроме того, сообщал, что он обороняет такую-то высоту, что за нее надо драться изо всех сил, т. к. в противном случае придется отступать под самый город.

Все ясно! Прекратить всякие разведки. Стали готовиться. И вот, 10 января 1943 года начали. И так — до 2 февраля. 22 бессонных суток.

Многое открылось нового. Вначале мы считали (кто-то пустил этот слух и он перерос в убеждение), что Паулюс и высшие офицеры смотались в Германию, а в окружении командуют средние офицеры. Это, конечно, меняло обстановку и план: одно дело драться с фельдмаршалом, другое — с солдатами и унтерами. И вот, допрашиваю я как-то одного офицера и спрашиваю: «Когда улетел Паулюс?». Он глаза вытаращил. «Не

пытайтесь нас обмануть», — говорю я ему. «Нет, Паулюс на месте» — отвечает он. — «Я был у него с докладом три дня назад». «А когда вы в последний раз знали, что он на месте?» «Я вчера докладывал ему по телефону».

Мы считали, что в окружении около 100 тысяч человек. Оказалось, их было 330 тысяч. Все они остались на месте — убитыми и пленными, за исключением 25 тысяч больных и раненых, вывезенных на самолетах. Ошиблись мы и в отношении пленных, считали и опубликовали, что взяли 95 тысяч, а фактически их оказалось — 135 тысяч. Офицеров было опубликовано 2500, а когда я уезжал было уже 5500.

Разговоры о голоде — чепуха. У них оставалось еще очень много лошадей, да и вообще — я подсчитал — рацион питания окруженных даже в конце операции был в 2 раза лучше, чем у нас в 1919 году. Было достаточно патронов, мин, вот в снарядах ощущался под конец некоторый недостаток.

Мы очень опасались, как бы в последние дни не улетели в Германию Паулюс и генералы. Там было два аэродрома, оба держались под непрерывным артиллерийским огнем (с того часа, как мы узнали об их существовании). В связи с этим, я хочу рассказать, как какая-нибудь мысль бессознательно командует нами. Как-то вечером — дело шло к концу — я уснул на несколько часов. И вдруг проснулся в испуге: ведь немцы могут посадить самолет у своего берега на лед Волги! Через полчаса вся Волга была поднята на воздух.

Дважды мне пришлось допрашивать Паулюса. Первый раз — 1 февраля. Мы заняли южную часть, а северная группа продолжала драться. Нам было жалко наших людей. Мы вызвали Паулюса и предложили ему дать приказ о сдаче. Он категорически отказался, мотивировав двумя причинами: во-первых, я не главнокомандующий, а военнопленный, во-вторых, они меня не послушают, т. к. имеют приказ Гитлера драться до конца.

Сталинградская битва многому нас научила. В январе 1943 г. вышла директива Сталина об артиллерийском наступлении. Бои под Сталинградом показали, что эта тактика является совершенно правильной, и она с успехом применялась и в дальнейшем.

Наша артиллерия по праву может называться сталинской. т. Сталин всем родам войск уделяет очень большое внимание, но артиллерии — больше всех. Всегда особенная, отеческая забота, внимание, очень глубокие знания и в области нашей техники и ее применения. По каждой операции — в выводах — как действовала артиллерия. В планах — особое место артиллерии.

После войны мы занялись укреплением каюров. По

инициативе Сталина организована Академия артиллерийских наук. Ее задачи: а) глубокая теоретическая разработка вопросов техники и ее применения. б) помощь развитию техники с) создание мощных коллективов ученых, работающих в области артиллерии.

День артиллерии был установлен в 1944 году. Когда указ был подписан, нам сказали, что надо подготовить приказ Сталина. Мы сидели несколько дней. Представили. Потом нас позвали. От нашего приказа остался только заголовок и подпись. Весь приказ был написан собственноручно т. Сталиным. Он прочел его нам и спросил: «Ну, как?». Важнейшая оценка в нем — артиллерия: главная ударная сила Красной Армии.

По окончании доклада мы пошли в кабинет Поспелова. Воронов, редактор военного отдела генерал-майор Галактионов, редактор пропаганды генерал-майор Шепилов, полковник Яхлаков, секретарь партбюро Григорий Креславский и я. Военные держались очень стесненно, и поэтому разговор в основном выпал на мою долю.

Я сказал, что хотя мы много писали и много читали о Сталинградской операции, Воронов сообщил нам много нового.

— Ну? — с удовольствием удивился он. — Что именно?

— Пауза после окружения, история с письмом, рекогносцировка ваша перед принятием окончательного решения, история с числом пленных. Очень интересно сообщение об их запасах. Ведь мы тогда писали, что у них форменный голод.

— Чепуха! Они могли еще долго держаться на своих запасах.

— Почему Паулюс не удрал заблаговременно?

— Ему не разрешили. Гитлер решил им пожертвовать.

— Как он держался на допросе?

— С достоинством. Но не это интересно. Любопытны чисто житейские детали. В первые дни он находился в одном помещении — тесно было — со своим начальником штаба генералом Шмидтом. Там были и наши люди, знающие немецкий язык. Шмидт что-то сказал Паулюсу, тот вскочил и отрезал: «Не забывайте, что вы офицер германской армии! Держитесь с подобающим достоинством!» Шмидт молча и устало махнул рукой. Паулюс посмотрел на него и опустил голову. Вызвали мы Паулюсу на допрос. Он вернулся, молчит. Шмидт не вытерпел и спросил: «Ну как?» Паулюс зло ответил: «Никак!» После долгого молчания, Шмидт опять спросил: «А кто допрашивал?» — «Маршал Воронов и генерал Рокоссовский». «А как выглядит маршал Воронов?» Паулюс сердито: «Маршал, как маршал. Чего вы привязались!»

— Удалось ли осуществить воздушную блокаду окруженных?

— Нет. Днем еще туда-сюда, но ночью летали очень много.

— Как вы расцениваете поход Манштейна от Котельникова на выручку окруженных?

— Я считаю это авантюрой. Во-первых, это облегчило наши задачи на севере, т. к. немцы стянули свои силы к югу, во-вторых, если бы он и пробился — это просто увеличило бы число окруженных и — следовательно пленных.

— Значит, нам было бы выгодно, если бы он пробился?

Воронов рассмеялся:

— Нет. Затянулась бы борьба. Но поход был обречен на неудачу с самого начала.

Я спросил о пожеланиях к передовой. Он достал свою статью, передал ее нам, попросил внимательно прочесть и, в частности, не выкидывать примера о том, что снарядами и минами, выпущенными нашей артиллерией за войну, можно было бы, выложив их в ряд лентой, семь раз опоясать Землю по экватору.

— Этот пример очень наглядно показывает работу нашего тыла, — сказал он. — Вы даже не представляете себе, сколько предприятий работало на нас. Ну, возьмем, скажем, мастерские министерства кинематографии. Ну, что общего? А работали, ибо пленка — применяется для изготовления взрывчатки. Большаков не раз звонил мне: «Ну, дай передохнуть, у меня картины не выходят». «Ничего, подождешь, потом выпустим!»

И, вернувшись к моему вопросу, сказал:

— Я бы хотел, чтобы в передовой были оттенены задачи. Они у меня подробно изложены в статье.

— А создание Академии?

— Да, да, конечно.

В тот же день вечером я говорил по телефону с маршалом артиллерии Н.Д. Яковлевым по поводу передовой.

— Я бы просил вас провести такую мысль: надо, чтобы не понизилось внимание технического мира к артиллерии. Это относится ко всем предприятиям, ибо орудия — это комплекс всех отраслей промышленности. Надо сохранить и умножить производственные навыки, технологию. Чтобы не растеряли. Если растерям — будем пузом брать. Учесть опыт, обобщить, положить в запас. Техника не стоит. Иностранцы идут вперед, нам надо быть на уровне, предвидеть. Надо мыслить очень активно, иначе пропадем. Союзники обрели вкус к артиллерии и идут вперед, начав с того уровня, который был к концу войны. У них нет застоя, они стоят на новой базе. Сейчас «Катюшей» уже никого не удивишь. Совершенно другие горизонты, артиллерия подружилась с радиолокацией, реактивной техникой. Все это надо знать, учитывать и обгонять.

7 декабря.

Проснулся сегодня ни свет, ни заря: в 12 часов дня. Вчера был выходной вместо 5 декабря. Рано лег и выспался. На дворе солнце и морозно, хотя все последние дни стояла теплынь, все развезло, были лужи, грязь.

Прочел два том де-Гара «Семья Тибо». Сколько психологии и наблюдательности, сплошная игра на чувствах. Это проходит где-то выше меня, я этому по пояс, не выше.

Создали выборную группу. Постановлением редколлегии от 1 декабря руководство компанией возложено на Слепова. Его заместителями на время выборов утверждены я и Корнблюм, руководителем московской группы назначен Володя Верховский, бригады по Сталинскому округу — Капырин. Таким образом, у меня в отделе на эти два месяца остаются только двое: Марты и Иткин. Но вчера я прослышал, что Мартын опять харкает кровью. Надо опять принимать срочные меры.

Мне поручено сделать в декабре 7 полос: переделать три «конституционных» в «выборные» и дать еще четыре: УССР, БССР, Киргизию и Таджикистан. Заказал. Все делаются собкорами, только в Сталинабад решил послать Толкунова.

13 декабря.

Сегодня утром разбудила мама: пошла на рынок, и у нее стащили разом: пенсионную книжку, пропуск в Кремлевку, хлебную карточку, станд. справку, паспорт, деньги, записную книжку и т. д. Она убита.

Все дико жалуются на безденежье. Цены на рынке резко полезли вверх. Мясо — 100 рублей кг. Хлеба не продают почти совсем. Парикмахеры нашей мастерской жалуются на отсутствие клиентов.

Холодно. Уже несколько дней 20–25 мороза. Два дня назад выпустили Валерку из больницы. Пробыл он там по поводу желтухи с 15 ноября по 10 декабря. Поправился, выглядит отлично. В доме сразу стало веселее.

Говорил с Заславским. Он назначен нач. кафедры журналистики ВПШ. Поспелов как-то сказал, что хорошо бы мне специализироваться при этой кафедре. Заславский — «за». Он считает, что можно мне: а) читать лекции по журналистике для слушателей газетного отделения ВПШ, б) вести семинар, с)написать учебник по информации, д) в дальнейшем — защитить диссертацию.

1947 год

12 января.

Надо записать. 26 декабря мы были в Музее Изобразительных искусств им. Пушкина. Смотрели картины бывш. Дрезденской галереи. Они еще не открыты для общего обозрения, но разговорами о них полна вся Москва уже давно.

Ход через библиотеку. Два зала наверху — один небольшой, второй побольше. Картины висят вплотную. По чести говоря, если бы не знать заранее, что это картины Дрезденские, то, за исключением нескольких полотне, мы не отличили бы их от основного собрания музея. Как раз пару месяцев назад я был на открытии музея — послевоенном — и тогда был просто подавлен его богатством.

Три картины и произвели сейчас на меня наибольшее впечатление. «Портрет старика» Рембрандта — он может сниться, а его глаза все время в памяти, как нарисованные перед тобой. «Спящая женщина» — французского художника, имени которого не запомнил — одновременно вызывающая и светлое восхищение, и желание лечь рядом. И, наконец, «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Недаром о ней столько говорили и говорят. Она висит на стене малого зала среди других картин и открывается неожиданно и неправдоподобно. Неужели это она и есть. Ибо, ждешь ее одну, а не в сообществе живописи.

Сначала я не заметил ничего особенного. В глаза только бросилась ее необычная простота и ясность. Потом я почувствовал желание постоять около, потом посидеть. И смотреть, смотреть. Нам попался очень толковый гид Ротенберг. Он раскрыл нам художественные особенности картины, и она начала доходить до нас вся. Так же, как Белинский в 1848 г, мы начали видеть, что Иисус на руках — не младенец, а будущий властелин. И образ мадонны, держащей в руках не сына, а будущее мира, осветленной провидением исторической роли сына.

В нашей группе были Заславский, Кононенко, Курганов, Полевой, Лукин, Гершберг и др. Полевой вспомнил, как увозили эту картину из-под Дрездена. Директор музея Меркуров рассказывает, что все эти картины найдены в горах, спрятанные немцами, и являются военными трофеями. За «Мадонной» из Москвы прислали специалиста. Стал вопрос транспортировки. Командир фронта Конев дал свой самолет. Специалист отказался:

— А если он разобьется?

— Это мой личный самолет, — сказал Конев. — Я, маршал,

летаю на нем и не боюсь, что разобьется.

— То — маршал, а то — мадонна! — ответил тот.

Окончив осмотр картин, мы поднялись в зал скульптуры. Там всеобщее внимание привлекла полуразрушенная фигурка Гулящей античной девки (мрамор), полная динамики, экспрессии, и потрясающего мастерства исполнения. А вся она — с пол-аршина!

На выходных встретились с директором музея скульптором Сергеем Дмитриевичем Меркуровым. Широкий, черный, чернобородый, энергичный, шумный, умный, любящий себя показать, с нарочито грубоватой. и двусмысленной речью. Ему за 60, но проворен юношески. Обожает анекдоты, острые словечки, остроты. Острит непрерывно.

Он заявил, что узнав о посещении правдистов, решил им сам все показать. И потащил нас знакомиться с фондами музея. То, что я когда-то собирался писать «В подвалах такого-то музея». Мы не пожалели.

Меркуров спросил, как нам понравилась «Мадонна», и рассказал по этому поводу две занятные истории.

1. Один художник, посмотрев Мадонну, вернулся домой и изрезал в куски свою картину. Меркуров рассказал об этом Ворошилову. Тот рассмеялся и заметил: «А из него толк выйдет!».

— Это был молодой художник? — спросил я.

— Конечно, молодой. — ответил Меркуров. — Старые считают, что это Рафаэль должен резать картину.

2. Показывал Меркуров Мадонну одному хозяйственнику. Тот спросил: «Сколько она стоит?». Меркуров ответил, что оценить трудно, но, во всяком случае, многие десятки миллионов долларов. Хозяйственник долго смотрел картину, подошел, пощупал и недоумевающе сказал: «А с виду — обыкновенное полотно».

По сему поводу Меркуров заметил:

— Он не знал, что на рояли играют и «Чижика» и «Кампанеллу».

Вообще же к собранию Меркуров относится с величайшей почтительностью, хотя заявляет, что в живописи ничего не понимает, но сознается:

— Если бы я видел все это 47 лет назад — я бы заново учился. Или хоть бы сейчас мне было бы 30 лет!

Он мучится, что музей тесен, грезит о новом помещении, говорит, что добивается в ЦК расширения за счет ИМЭЛа:

— Перефразируя известное материалистическое положение, я могу сказать, Что у нас количество заедает качество.

Фонды музея действительно грандиозны. Мы видели

сложенные штабелями, как дрова, папки с подлинниками рисунков виднейших художников Запада и Востока (а их в музее десятки тысяч), гигантскую коллекцию фарфора в подвали — навалом (Меркуров не удержался и сострил: «Одна генеральша спрашивает: а где же тут сервизы?») — и впечатление действительно не музея, а магазина посуды Кузнецова и К° (по словам Меркурова), смотрели чудесные ткани Египта, золотые изделия Тибета. Куда все это ставить?

Рассказывал он, кстати, занятную историю из молодости, которую можно использовать в рассказе:

Сидел он с приятелем в кафе. Тот пьян в дым. Вдруг входят и садятся напротив два человека — вылитые близнецы. Меркуров решил воспользоваться этим, чтобы уговорить приятеля больше не пить.

— Хватит тебе, ты пьян.

— Кто? Я? Ничуть!

— Ну я тебе докажу. Сколько сидит человек напротив?

Тот посмотрел.

— Конечно, один!

Концовка сцены была очень комичной.

31 января.

Уже несколько дней (с 29-го) у нас идет партийное собрание, посвященное вопросу об идеологической работе партии. Докладывал редактор отдела пропаганды генерал-майор Д.Т. Шепилов. В своем докладе он обрисовал значение идейного фронта, исключительное внимание, которое партия в последнее время уделяет этим делам. Он провел целую цепь последних решений по этому вопросу, начиная от постановлений по «Звезде» и кончая решением об открытии Академии общественных наук и ВПШ.

Коротко сказал он о философской дискуссии. По его словам, основные указания Хозяина по книге Александрова «История западноевропейской философии» сводится к следующему:

объективистский книжный подход к изложению философских систем.

изложение идей дается в аполитическом духе.

не вскрыта до конца реакционная сущность немецкой философии конца 19 века.

не показана ярко разница между боевой революционной марксистской философией и разными теоретическими течениями.

Выступая в прениях, Рабинович (из «Большевика») привела еще одно замечание: книга — это галерея портретов философов без марксистской оценки их мировоззрения.

Сказал Шепилов и о том, что сейчас выходит краткая биография Сталина, и вскоре — Ленина, и привел при этом высказывание (без ссылки на автора), что издание биографий великих людей имеет очень большое значение, т. к. знакомит самые широкие круги с их жизнью и деятельностью, а через жизненные факты — с нашей программой, борьбой и ее историей, тем самым подготавливает их к изучению «Краткого курса» и Сочинений.

Собрание идет уже два дня и будет продолжаться завтра. Идет оно довольно активно.

Интересным было выступление Хавинсона, рассказавшего о современных социологических школах и воззрения США.

7 февраля.

Сегодня закончилось партийное собрание. Всего заседали четыре дня на протяжении двух недель. С большой речью сегодня выступил Поспелов.

Он сказал, что указания по книге Александрова имеют важнейшее теоретическое значение, и более подробно, чем остальные, изложил их, подчеркнув, что ЛИЧНО присутствовал при беседе у Хозяина.

Важнейший недостаток книги — изложение философских систем оторвано от истории, экономики, политической борьбы того времени. В результате она приобрела характер аполитичный.

Изложение различных философских систем дается в духе объективного изложения, пересказа. Не показаны их подосновы, классовые основы той или иной системы. В книге не объяснено, например, почему особенного развития достигли философские воззрения в Греции. А дело заключается в том, что в Греции был расцвет культуры, греки много ездили по миру, и к ним много ездили, торговые связи выходили далеко за пределы страны. Здесь имеется некоторая аналогия с эпохой Возрождения в Италии. Греки много видели, сравнивали и делали попытки объяснить явления мира.

Особенно подробно Хозяин останавливался на критике немецкой идеалистической философии. Главная критика в книге должна была идти с точки зрения направленности всей философии Гегеля, а этого нет. А ведь Гегель был напуган французской революцией и поэтому пытался создать стройную философскую систему, которая оправдывала бы существовавший в Пруссии порядок и тянула назад от идей французской революции.

Хозяин подчеркнул, что неправильно называть Гегеля просто консерватором. Если правильно оценить тогдашнее положение, что надо сказать, что он тянул человечество назад, все, что

угодно — только не идти по стопам французских материалистов, создать систему, которая опрокинула бы идеи французской буржуазной революции.

Хозяин говорил о значении идеологии марксизма, как символа веры, как жизненной основы нашего мировоззрения, и со всей силой подчеркивал, что Маркс и Энгельс — не догматики, а живые вожди живого учения, и этого никогда нельзя забывать. Правда, Маркс использовал некоторые положения Гегеля, но Гегель писал очень противоречиво, сам себе противоречил, и Маркс воспользовался этими противоречиями.

Особенно важно не допускать аполитичность в научных статьях. В них должна быть боевая политическая направленность. Важнейшей задачей Хозяин поставил — будить сознание у советских людей, воспитывать любовь к партии, которая бессмертна.

В заключение беседы Хозяин подчеркнул, что книга интересная, и что никто из философов такой книги не написал, т. е. исправить ее можно. В книге нет боевого политического духа и надо основательно поработать, чтобы переработать ее по-настоящему.

11 февраля.

Ну, кажется, в основном закончили избирательную компанию. Я делал номер на 9-ое, 9-го парились с материалом до 8 ч. утра, вчера я сидел до 7. Пора возвращаться в свой отдел, а то там дела совсем развалились.

Компанию, как будто, провели неплохо. Сегодня у нас крутили кино («Глинка»), я сидел рядом с Поспеловым, и он выражал мне свое большое удовлетворение.

Я совершенно измучился за эти три выборных месяца, похудел, щеки впали до языка, нарушился сон — ложусь и ворочаюсь по несколько часов.

24 февраля.

Дня три назад был в ВОКСе на очередном приеме. На этот раз — Ливанской и Сирийской делегаций культурных связей с СССР.

Встретил там Ботвинника — как всегда подтянутого, светского, уверенного, с насмешливым блеском очков, в обычном темно-сером костюме. Он был один, жена танцевала в спектакле, в Большом, он нетвердо назвал постановку.

Сейчас в Ленинграде идет очередной чемпионат на первенство СССР. Участвуют все крупнейшие шахматисты, кроме Ботвинника. Турнир начался 1 февраля. Так как его отсутствие вызвало большое недоумение, я посоветовал тогда Ботвиннику официально выступить в печати. Он дал нам беседу, в которой сослался на то, что он занялся своей докторской диссертацией о

синхронных системах (он — электрик). Попутно он оценивал шансы участников, считал претендентами Кереса, Смыслова, Болеславского, Бронштейна. Беседу мы дали числа 3-го.

Мы встретились с ним в ВОКСе, в банкетном зале, и разговорились. Принял участие в беседе и комендант Москвы — генерал-майор Козьма Романович Синило в — грузный представительный мужчина, ярый болельщик спорта и — особенно шахмат.

— Ну как вы оцениваете турнир? — спросил я.

— Все идет так, как предсказывала «Правда», — улыбнулся Ботвинник. Впереди Керес, Смыслов и Болеславский, вплотную за ними — Бронштейн.

— А кто возьмет? — вмешался Синилов.

— Сейчас Керес оторвался на полочка (это было после 10-го тура — ЛБ). Впереди еще очень много испытаний. Если бы Керес за время с 1940 года играл в крупном чемпионате, он бы несомненно взял первое место. А сейчас может и не вытянуть. Но шансы у него очень значительны.

— Не хотелось бы видеть его в короне чемпионата, — сказал комендант.

— Я знаю, что вы имеете в виду, — засмеялся Ботвинник. — Но не забудьте, что когда Красная Армия приближалась к Эстонии, он был в Норвегии (или в Швеции? — ЛБ), мог там остаться, но вернулся. Он любит своих двух детей, любит свою Эстонию. Правда, он, кажется, предпочел бы, чтобы она не была советской, но это он него не зависело.

— А как вы считаете шансы Болеславского? — спросил я.

— Очень высокими. Мы все недооцениваем его. Это очень крупный шахматист. Через десять лет он будет играть еще лучше.

— Чем объясняется странный миролюбивый старт Бронштейна? — продолжал я пытать. — Он с маху сделал шесть ничьих.

— Во-первых, он почему-то решил попробовать себя в позиционной игре, хотя всем ясно, что это — не его стихия. Во-вторых, — тонко заметил иронический собеседник, — он женился. Так что причину надо спросить у Игнатьевой.

— У кого?

— У Игнатьевой. Это его жена, шахматистка. Заняла, кажется, четвертое место в женском чемпионате. Она стала играть немного лучше, он немного хуже. Так и должно было получиться, иначе пришлось бы опровергнуть закон сохранения энергии.

Мы посмеялись.

— Что слышно с чемпионатом мира? — спросил я.

— Я махнул на это рукой. Вы помните, при вас же, здесь, в

этом зале, осенью, мы бились с Эйве, еле-еле уломали его играть не весь матч в Голландии, а половину в Москве. Эйве знает, что он хорошо играет только в Голландии, кроме того, для него это дело коммерции. Недавно они прислали два приглашения, чтобы официально все закрепить. Ваш милый Романов (председатель комитета по делам физкультуры и спорта)…

— Последний из династии Романовых? — перебил генерал.

— … ответил, что матч должен играться в Москве. А это значит, что он не будет играться тут вообще, и его выиграют без нас. Напрасно думать, что они заинтересованы в нашем участии. Они знают, Что без нас кто-нибудь из троих — Эйве, Файн или Решевский — будет чемпионом мира. А если будут участвовать трое наших — тут всякое может получиться. Но вот пойди, докажи. Я уже всюду писал и махнул рукой. Что мне — больше всех надо, что ли?

— А если мы сейчас упустим эту возможность?

— Сейчас мы можем автоматически, по уговору, послать трех: Ботвинника, Кереса и Смыслова. А дальше — надо лезть в угольное ушко. По утвержденным правилам следующий раз можно оспаривать звание чемпиона мира в 1949 году. Но для этого претендент должен занять первое место в международном турнире, затем сыграть в отборочном турнире претендентов, и только тогда допускается.

— А не чешутся у вас сейчас руки на ленинградский турнир? — спросил я.

— Очень чешутся, — просто ответил он.

— Не кажется ли вам, что Смыслов незакономерно проиграл Кересу? спросил генерал.

— Очень закономерно, — живо ответил Ботвинник. — Он был убежден, что он черными проиграет, и блестяще реализовал свои убеждения. Я это увидел еще накануне, когда Вася в партии с Левенфишем (кажется — ЛБ) имел лишнюю пешку и хорошую позицию, но не смог ничего сделать. Он уже накануне думал о завтрашней партии с Кересом, считал, что проиграет ее, и поэтому не смог довести и партию с Левенфишем. Это же совершенно ясно. Надо знать Васю. Я, помню, играл с ним одну очень важную для него партию. Долго думал над длинным вариантом, а когда сделал ход, то увидел, что он вторым ходом может опровергнуть все задуманное. Но Вася верил в меня. Он видел, конечно, этот ход, но полагал, что я не мог ошибиться, поэтому не сделал этого хода, пошел так, как я вначале рассчитывал, — и проиграл партию.

Вскоре меня остановил Романов. Он был навеселе, и весьма сильно, лицо его обрюзгло, но, как обычно, он был очень

самоуверенный и чуть снисходительный.

— Что вы к нам не заходите? — спросил он.

— А что у вас делать? Рекордов нет, успехов у вас мало. ЦК вас не слушал еще?

— Нет, и — видимо — не будет. Готовится постановление Совета Министров, материально-техническое. Может, дадите тогда передовую?

— Ладно, напишу.

— Остро ставим вопрос о профсоюзных обществах, должно решиться.

— А как с розыгрышем первенства мира по шахматам?

— Будем участвовать, — без запинки ответил Романов. — Они не хотят играть в Москве, а мы настаиваем на своем. Вот в июне будет конгресс ФИДЕ, мы решили войти в эту международную организацию. И тогда внутри ее и решим этот вопрос.

— А где еще будем участвовать?

— Да вот скоро должно разыгрываться первенство Европы по боксу. Королев мне житья не дает — устрой ему встречу с Джо Луисом на звание чемпиона мира. Он до известной степени прав. У нас ему драться не с кем. И первенство Европы он сможет выиграть. Вот осенью во время поездки в Чехословакию и Польшу он встретился с четырьмя чемпионами — бывшими чемпионами Европы — и всех нокаутировал в первом же раунде.

К нам подошел Арам Хачатурян, композитор. Высокий, с гордым красивым лицом, высоким лбом, густыми черными волосами с блестками седины. Отличный черный костюм, три значка — золотом — лауреата Сталинской премии.

— Наши женщины-артистки только что высказывали зависть с спортсменам, шутливо обратился он ко мне. — Наша пресса не только пишет только о спортсменах, а не об искусстве, но и беседует только со спортсменами.

Я сказал ему, что накануне ночью слушал концерт из его произведений для зарубежных радиослушателей.

— У меня нет приемника, — ответил он, — и я только расстраиваюсь от таких сообщений.

— Над чем вы работаете?

— Пишу сейчас торжественную вещь — вроде победы, торжества. Не знаю, что получится, и как ее будут играть. Я там даю очень сложную инструментовку. Даже не знаю, как оркестр справится. Только что приехал из Армении, как там хорошо!

Мы разговорились о наших армянских друзьях — Вагаршяне, Григоряне, Демирчане. Он сказал, что сейчас на сцене драм. театра поставлена новая хорошая пьеса Демирчана, а Вагаршян

там отлично играет сравнительно любопытную роль.

— Но он же пьет вино вечной молодости, — засмеялся я.

— Да, из Вагаршапата, древнего города. Знаете, после этих вин — здешнее кахетинское просто безвкусный квас, как «Чижик» после Вагнера, — ответил он.

Избирательная группа, слава Богу, закончила свою работу, и я вернулся в отдел. Устал предельно. Похудел, осунулся, мучает бессонница. Был у врача вроде, все в норме, надавал всяких пилюль. Надо будет съездить за ними в аптеку.

20-го открылась Сессия ВС СССР. Выходим на 6 полосах. Сидим до утра. Написал передовую о Дне Красной Армии.

Позавчера позвонил Кокки. Сказал, что увлекся фотографией, снимает днем и ночью. «Дошла бацилла до печенок». Предложил через недельку смотаться с ним на неделю в Среднюю Азию. Маршрут: Баку — Ашхабад — Самарканд — Хива Бухара — Ташкент — Москва. На «Ил-14», пассажирский, двухмоторный.

17 марта.

Что-то забыл даже, что надо записывать.

Во-первых, 10 марта открылась Московская Сессия Совета Министров иностранных дел. Даем ежедневно по полосе. Пока большой драки не чувствуется.

Три дня назад выступил президент США Трумэн с пакостной речью. Гольденберг о ней сказал: «Раньше, после такой речи, отзывали посла и объявляли войну». Как мы ответили — пока не ясно. Дали на следующий день передовую в «Известиях», потом — у нас.

Было 30 лет «Известий». Прошло тихо, несмотря на ожидания известинцев.

У нас особых новостей нет. Места нам дают с гулькин нос. Вопим, но не помогает. Принято решение ЦК (по инициативе Хозяина) о значительном расширении номенклатуры. У нас раньше утверждались только члены редколлегии. Сейчас будут зав. отделами, первые замы редакторов и замы отв. секретаря. Послали характеристики.

Подал заявление в Союз Писателей.

У нас идет сокращение штата. Надо поджать на 60–70 человек. Сократили фотографов Лагранжа и Кунова, лаборантов Шмакова и Шаталову, у меня Джигана, корреспондентов Воронова (Ленинград), Ляхта (Харьков), Власова (Тула), Кучина (Сталинабад), Дубильера (Ижевск), и др., писателей, которые только числились — Брагина, Горбатова, Хубова, Баяджиева, Первомайского и др. Это лишь начало.

Да, надо записать. 23 февраля был у нас вечер Кр. Армии. Должен был выступать маршал бронетанковых войск Рыбалко.

Встретил меня секретарь партбюро Креславский.

— Пойдем тащить Рыбалко. Не хочет выступать.

Зашли в кабинет Поспелова. Маршал там. Сидит за столом, рядом Брагин, Яхлаков и член партбюро Рабинович. Поздоровались. Маршал — низкий, толстый, заплывшее квадратное лицо и очень маленькие, но очень умные глаза. Крупные черты лица. Протестует.

— Нет, не пойду. Я думал, что надо выступать перед работниками типографии и поэтому согласился. А перед работниками редакции — не буду. Обманули (к Рабинович).

Она извивалась.

— Нет, не буду. Ну о чем я буду говорить? Моя главная обязанность молчать. Я за это деньги получаю.

— Вы можете молчать целый год, — сказал я, — но сегодня смеете право на речь.

— Не буду, — упрямо повторял он. — Не о чем говорить. Ведь эти люди сами доклады делают и статьи пишут.

— Ну ладно, — сказал Брагин. — Давайте я буду рассказывать о ваших делах, а вы будете меня поправлять. И Бронтман тоже.

Маршал скосил глаза в мою сторону.

— Да, — подтвердил я. — Я расскажу о вашей операции на Переяславском плацдарме, и как вы потом перебросились под Киев — на Вышгород.

— Уже неправильно, — быстро сказал маршал. — Я не перебросился, а форсировал Днепр.

— Ну вот видите, уже у меня ошибка. А я собирался рассказывать так, как писал, — шутливо сказал я.

— Тогда идемте, — засмеялся Рыбалко, и все пошли в зал.

20 марта.

Вчера позвонил мне Георгий Алексеевич Ушаков и сказал, что он едет заместителем начальника экспедиции по наблюдению солнечного затмения в Бразилию. Хотел бы написать нам оттуда пару очерков — надо ли? Я поговорил с Сиволобовым, Викторовым. Надо. Попросил его приехать, поговорить.

Сегодня он приехал. Потолстел, чудно выглядит. Яша Гольденберг взглянул на него:

— Да вы настоящий бразилианец!

Затмение состоится 20 мая. Наблюдать его будут с плоскогорья, отстоящего от Рио-де-Жанейро в 400–500 км. Состав экспедиции 32 человека. Маршрут — поездом до Либавы, там погрузка на пароход и прямиком в Рио. Начальник экспедиции — членкор Академии Наук Михайлов.

Яша рассказывал о положении в Бразилии, об интересующих

нас вопросах, в частности, просил осветить тему о проникновении американского влияния и капитала в Бразилию.

— Уже могу ответить, — засмеялся Ушаков. — Американцы посылают туда экспедицию из 200 человек. Я убежден, что во всех штатах не наберется столько астрономов. Наверняка 9/10 из них звездочеты в чине майора.

Посмеялись.

— А сколько продлится затмение? — спросил я.

— Полное? Четыре минуты и сколько-то секунд.

— Сколько продлится экспедиция?

— Туда месяц, там — полтора, обратно месяц.

— Недурно, — заметил я. — Три с половиной месяца для того, чтобы пять минут посмотреть в закопченное стеклышко. Георгий Алексеевич, я тоже хочу получить протуберанец!

Потом мы сидели у меня и он рассказывал о планах своей тихоокеанской экспедиции. Он мне уже не раз вскользь говорил о ней и раньше. С полгода назад на похоронах Белоусова и он, и Ширшов, и Бочаров усиленно звали меня принять в ней участие. Сегодня он подробно рассказал о ней. Он идет начальником экспедиции, Веня Бочаров — заместителем по научной части. Мы взяли атлас мира и смотрели по нему.

— Маршрут?

— Ленинград — Панама. Оттуда — Тихий океан, где и начинается вся колбаса. Делаем несколько разрезов от 5о до Калифорнии — зигзагами. Доходим до меридиана Гавайских островов, оттуда — на Гавайи и на Алеутские острова, затем — длинный разрез от Алеутских островов до кромки Антарктических льдов (примерно, до 60о Ю.Ш.), затем вверх, снова зигзаги около экватора до Филиппинской впадины.

— Время?

— 12–14 месяцев. Это — первый этап. Затем два следующих — это изучение треугольников: Гавайи — Алеуты — Калифорния и Гавайи — Филиппины — Алеуты.

— Судно?

— Уже есть. Их трофейных. Чудный корабль, красивый, и капитанская рубка в фальшивой трубе. Сейчас он специально оборудуется и переоборудуется. Водоизмещение около 5 тыс. тонн, грузоподъемность — 2200–2300 тн. Удлиняем надпалубные постройки, ставим стрелы, лебедки и т. д. Будет эхолот, радар и все, что полагается.

— Как поведет себя на волне?

— Поезжай, увидишь.

— Стоянки?

— Каждый месяц — заход в порт за водой, углем,

продуктами.

— Программа?

— Полный комплекс. Вся океанология — течения, особенно экваториальное (они, говорят, идут вдоль экватора, слева и справа, мощные, со скоростью до 4 миль, а посередине — в обратную сторону), изучение воды, глубины, грунт, бентос, рыбы, планктон, земной магнетизм и проч.

— Зачем это нужно?

— Для развития науки.

— Ага, сокровищница?

— Вот именно — наш вклад в нее. До сих пор в таком масштабе никто Тихого океана не изучал. Были частные экспедиции у берегов Японии, Калифорнии, Южной Америки. Но такого комплекса никто не поднимал. Наиболее близкая по масштабу — это русская экспедиция на «Витязе».

— Состав?

— 70 ученых и 60 команды.

— Радисты?

— Подбирает команду МорФлот.

— Возьми полярных!

— Ты прав. Надо будет подумать. Найти Гиршевича и других.

— Газета будет?

— Обязательно.

— Правительство разрешило?

— Есть постановление Совнаркома за подписью Берия: разрешить тихоокеанскую экспедицию в 1946 году.

— Стоимость?

— Шесть миллионов рублей плюс 300 000 долларов.

— Когда?

— Думаем в августе-сентябре.

Я подсказывать ему не форсировать этого дела. Подождать нового урожая. если урожай будет хорошим — разрешат. Если сунется сейчас…. Он согласился.

— Ну как? — спросил он меня под конец.

— Занятно.

— Да, знаешь, на земном шаре осталось только несколько таких маршрутов для настоящих бродя вроде нас, — сказал он убежденно. — Едем, не пожалеешь!

Вчера закрыли журнал «Спутник агитатора». Он ухитрился весь последний номер забить официальным материалом, уже давно опубликованным в газетах. Хозяин написал на нем: «Это сборник официальных материалов, а не журнал». Обсудили на оргбюро и закрыли.

Сегодня шел дождь. Все развезло. А снега — ужас, зима была

бесконечно снегопадная. Сугробы всюду до крыш. И дождь!

21 марта.

Тихий день. Уже почти неделю отдел не получает ни строчки. Я говорю, что мы превратились в общественную организацию, типа МОПРа или «Друга детей». Все сочувствуют, но места нет. Вся газета занята Советом Министров иностранных дел, откликами на решения Пленума ЦК о сельском хозяйстве. Вчера опубликовали Указ о Героях сельского хозяйства и Указ о награждении орденами передовиков сельского хозяйства. Об орденах дали начало и, по обычаю, сегодня продолжения не дали, думали сойдет. Однако, позвонили из ЦК, сказали, что Указ имеет очень важное значение и предложили напечатать полностью. На завтра даем на 4 колонки на первой полосе.

Сегодня было заседание редколлегии. Обсуждали планы сельхозотдела, партийного и экономического в связи с решением Пленума. Утвердили.

Утвердили характеристики на номенклатурных работников для представления в ЦК на утверждение в должностях, в т. ч. и на меня. Назначили Азизяна зам. редактора пропаганды, а Креславского — зам. редактора партотдела.

На улице — дождь и снежные лужи. Тепло.

22 марта.

Сегодня утром позвонил мне домой Водопьянов.

— Поздравляю!

— С чем? — недоумевая, спросил я.

— 10 лет назад я повез тебя на полюс.

И верно. Я сразу вспомнил. Такое же хмурое, облачное утро. Оттепель. Лужи на аэродроме. Долгий спор — с 6 ч. утра до полудня — на чем вылетать: на лыжах или колесах. Улетели на колесах.

— Что ты в это время делал? — спросил Михаил.

— Блевал, — ответил я чистосердечно.

— Правильно, — подтвердил он, — сейчас 2 часа дня — в это время мы болтались в воздухе. Я хочу написать статью к 21 мая — ко дня посадки на полюс.

— Хорошо, поговорю. Я — за. Как поживает твой бильярд на даче?

— У, вспомнил! Давно продал и деньги уже проел. Вот хуже, что наша экспедиция на полюс недоступности лопнула. Надо что-то выдумывать — ты бы посоветовал.

Я решил позвонить участникам экспедиции и поздравить их. Занятно записать, что делает сейчас, спустя 10 лет каждый из них.

Позвонил Шмидту. Женский голос попросил позвонить

спустя полчаса, т. к. у него сидит врач. Последние два года он был очень болен — обострения туберкулеза, врачи считали его уже приговоренным, тем более, что начался процесс в горле. Но на зло медицине он выжил. Врачи рассказывали мне, что изобретатель стрептомицина американский (он же одесский) химик Ваксман, который прошлой осенью приезжал в СССР по приглашению Академии Наук с докладами, привез О.Ю. в подарок порцию стрептомицина, и она подействовала изумительно. Тем временем Шмидт разработал математическую теорию происхождения вселенной, которая, по словам С.Вавилова, вызвала исключительный резонанс среди ученых мира и получила общее признание в Европе и Америке.

Через полчаса я позвонил, поздравил. Он был очень тронут.

— Рад слышать, что вы не забыли меня. Я сегодня уезжаю в Ялту, а то бы обязательно устроил встречу с друзьями. Своего рода маленький старт перед новыми делами.

— Надолго?

— До июня. На гнилой период. Сами видите, как все развезло. Врачи меня буквально выгоняют. А потом, когда там начнется жара, вернусь под Москву.

— Как вы себя чувствуете?

— Гораздо лучше, чем пару лет назад.

— Видимо, стрептомицин — чудодейственное средство?

— Стрептомицин — чудодейственное средство, но не в моем случае. Он мало помогает при хроническом процессе, а замечателен при начинающемся или очень остром развитии. А у меня было основным климатическое лечение, а главное — я ни за что не хотел умирать. Это чрезвычайно важно для легочных больных. Их спасение — в твердой, непреклонной воле к жизни. Даже в самые тяжелые дни я продолжал очень интенсивно свою научную работу. Результаты были отличными и для науки, и для меня. Не забывайте меня, и обязательно увидимся по приезде.

Позвонил Ширшову. Ныне он — министр Флота СССР.

— Что? Какой юбилей? А, совсем забыл. Спасибо за память и напоминания. А я совсем запарился с подготовкой к навигации.

Женя Федоров, начальник Гл. Упр. Гидрометеослужбы при Совете Министров СССР, генерал-лейтенант. Он тоже захлопал сначала ушами.

— Точно, точно. И погода была такая же — лужи, облачность. Только она была еще ниже и плотнее — я сейчас разбираюсь лучше.

— Когда выдашь весну.

— А это тебе не весна? Самая настоящая. Будут, конечно, заморозки, но она началась.

— Чем ты сейчас занят?

— Подготовкой к паводку. На юге уже началось. Севернее — мы шлем предсказания, чтобы готовились. Вот сейчас москвичей пугаем. Кое-кого затопим здесь. Паводок будет высокий. Река Москва вскроется между 10–15 апреля, снег в окрестностях сойдет в первой декаде апреля. Ты поинтересуйся, хлопот у москвичей много. Кстати, ты думаешь публиковать статью Острекина о втором Северном магнитном полюсе?

— Да сейчас места нет, все Совет Министров занял. Устареет.

— Не устареет. За это время полюс не переместится, хотя, вообще говоря, он не стоит на месте, а все время перемещается по эллипсоиду. Надо, надо дать. Во-первых, это интересно, во-вторых — утвердить приоритет русской науки. (Эту статью Федоров мне и прислал с весьма мотивированной запикой).

Позвонил Марку Шевелеву. Он сейчас генерал-лейтенант, депутат СССР, зам. нач. Аэрофлота, занимается строительством.

— Спасибо, Сан-Лазар! Позвони бороде!

— Чем занимаешься?

— Да вот выкраиваю, как прокормить рабочих на моих стройках и дотянуть до нового урожая. Самая главная проблема и больше всего сил трачу. Зашел бы на коньяк.

— Да ты не пьешь!

— Зато ты пьешь!

Позвонил Илье Мазуруку. В начале февраля он был у меня в редакции, сидел часа два, рассказывал, как лезут американцы в Арктику, бесился по поводу безрукости ГУСМП, мрачно оценивал нынешнее состояние полярной авиации. Я советовал ему написать в ЦК, но он что-то не шел на это. В связи с уходом Папанина его освободили от обязанностей зам. нач. ГУСМП и члена коллегии и оставили только нач. полярной авиации. Видимо, в связи с этим он, хотя говорил о жажде учиться, хотел уйти в Академию Генштаба. Не в пример многим другим знатным летчикам, в феврале 1946 г. его снова избрали депутатом СССР.

— Здравствуй, здравствуй, спасибо!

— Что делаешь?

— Готовлю людей и машины к глубокой разведке. Крузе уже улетел на восток, скоро пойдут другие.

— А как с Академией?

— Лопнуло. Придется на будущий год отложить эту задачу. Ты бы заехал распили бы пол-литра за наши общие дела. А?

Позвонил Папанину. Он, после снятия из ГУСМП, сначала лечился на юге, потом охотился, затем провел два-три месяца в Москве, перед Новым годом звонил со страшной обидой («Забыли! Никогда не думал, что ты будешь блядью! Из одной

чашки хлебали, один хлеб ели!»). Сейчас уже месяц отдыхает в Барвихе. Он тоже забыл о дате. Очень обрадовался звонку.

— Обнимаю тебя за заботу. Это для меня лучшее лечение. Вообще, чувствую себя хорошо, о припадках забыл. Скоро смогу сидеть за столиком с врачом и пить кисленькое винцо не как с доктором, а как с приятелем.

— Желаю тебе долечиться до возможности пить водку!

— Спасибо. Я ее не пью с 1938 года. И не буду.

Я сообщил ему, что, судя по сообщениям ТАСС, его книга «На льдине» пользуется большим успехом за границей.

— Очень рад. Я сейчас строчу новую вещь. И есть один план. Вот выйду из санатория — все расскажу тебе. Похлеще Северного полюса. Буду говорить со Ждановым и т. Сталиным. И обязательно твое участие — только не корреспондентом, это — говно, а парторгом. Пойдешь? Ну передавай обязательно привет женушке и ребяткам, обними их за меня.

Позвонил Юре Орлову. У него в конце войны стряслась беда. Летел из Германии домой на «Дугласе» пассажиром, загорелся в воздухе, остальные сгорели, а он обжег всю левую половину. Долго лежал по госпиталям. Вылечился, назначили его командиром московского отряда Полярной Авиации. И вот с полгода назад — паралич, отнялась левая (или правая) половина, лицо не двигается и застыло в гримасе, один глаз не видит.

— Сейчас почти прошло, — говорит он, — только нижняя губа еще не двигается, да легкий перекос лица. Продолжаю ежедневно лечиться в институте физических методов лечения на Петровке: массаж, УВЧ, высокая частота. Помогает.

— А потом?

— Снова летчиком на север. Командиром больше не буду — это не по моему характеру. Учусь, зубрю — надо сдавать экзамен на звание командира корабля.

Сообщил он мне, что Саша Погосов снова засыпался. В декабре 1945 г. он заплутал с летчиком Томилиным и сел на вынужденную в 500 км. от Дудинки. Сейчас он заплутал, подлетая к Красноярску из Якутска, а на днях — из Свердловска — к Москве, были полные баки, а сели из-за недостатка бензина на колесах в сугробы под Москвой. Сейчас туда выехали рабочие делать аэродром для взлета. Видимо, попрут его из Арктики.

Позвонил Лиде Виленской. Сидит дома, не работает, продает вещи.

— Почти ничего не осталось. Живу плохо. Марику учиться еще год (ему 21 год). С женой не живет, а она ему родила двоих.

Ну что ты скажешь?

— Да, Лазарь, — продолжала она, — Многих уже нет за эти

годы!

И верно. Погиб при аварии в 1938 г., возвращаясь с ЗФИ, Миша Бабушкин (в Архангельске, на взлете самолета Мошковского). Разбился на празднике Морского флота в Химках с парашютом Яша Мошковский. Умер в 1938 г, возвращаясь с ЗФИ с поисков Леваневского, Симка Иванов. Погиб при взрыве дирижабля «В-6», направляясь на спасение папанинцев в 1938 г., Алеша Ритсланд. Погиб при испытании самолета (еще до войны) Паша Головин. Погиб в войну Костя Сугробов. Умер Эзра Виленский под операционным ножом. Это только те, о ком дошла весть…

Позвонил Василию Молокову. Он сейчас начальник авиации Главного Управления Гидрометеослужбы. Я его искал весь день и нашел только дома вечером.

— Я уже думал, что ты снова улетел на какой-нибудь полюс!

— Ну куда же я без тебя полечу, — засмеялся он.

— Как здоровье?

— Ничего, в полном порядке.

— Заспиртовано?

— Да, и давно.

— Что делаешь?

— Да вот подводим финансовые балансы наших предприятий за прошлый год. Втерли меня председателем комиссии. Хожу весь в активах и пассивах. Ну и работа для летчика! Да кроме того, свое хозяйство большое: самолеты, шарики.

— А как большой пузырь?

— Видимо, в этом году не пойдет. Поставили нам очень жесткие условия не успеем.

— Смотри, американцы обгонят. Там Пакар собирается.

— Знаю. Ты водку пьешь?

— Нет.

— Тогда заходи, выпьем. А то Надежда Ивановна мне не велит с пьющими пить.

Позвонил Эрнсту Кренкелю. Он всю войну был начальником АртикСнаба, а сейчас — нач. управления полярных станций.

— Весь протух от табачного дыма. Кое-где на станциях цинга. Вот и думаю, как им свежинки подбросить. Опять же готовимся к навигации. Слушай, как бы отметить 10-тилетие?

— А вы поставьте вопрос по начальству.

Позвонил Вале Аккуратову. Подошла его жена — Наташа Конюс, балерина театра Станиславского.

— Вали нет. Он снова в воздухе. Улетел с Крузе. Вчера получила радиограмму с мыса Роджерса. Это восточный сектор? А я — хандрю и танцую, танцую и хандрю.

Занялся приведением в порядок папок. Ну и работка! Уже, в общем, потратил с неделю, а конца еще не просвечивает. И это только накопленное за время войны! А еще — довоенные годы. Уй-ю-ю-ю!

23 марта.

Вчера вечером позвонил мне Кокки. Рассказал, что вернулся из Адлера, летал на один день.

— Какая там весна, Лазарь!

— А ты не дразнись!

— Да, ведь вместе там пировали. Слушай, как летели обратно — умора! Пришли в Москву в 9 ч. утра 21 марта, впрочем, это ничего тебе не говорит, т. к. для тебя это — глубокая ночь. Еще на маршруте получаю сообщение, что ни один московский аэродром не принимает, все закрыты облаками, туман, видимости никакой. Ладно. Летим дальше. Подлетаем к Москве, получаем комплимент: «Сумасшедший, куда лезешь!» Ладно. Находим свой аэродром, садимся. Уже на рулежке слышу, как с командной вышки спрашивают: «Где вы находитесь?» Отвечаем: «У ангара» «Как?!» Представляешь, какая погода, если нас даже не видели, как мы садились.

— Такой полет приятен для пассажира, понимающего в авиации, — заметил я. — Вот «оценил» бы тебя.

— Да. Но у меня же дома Валюша больна воспалением легких. Я не мог ждать — температура 39о, когда улетал. Мой радист сказал: 16 лет летаю, а такого полета не видел.

26 марта.

Сегодня — 29 лет со дня смерти папы. 29 лет!!

9 апреля.

Кожевников рассказывает, что Сталин прочел в «Звезде» (ленинградской) пьесу Симонова «Русский вопрос» и сказал:

— Многие были за это время в Америке, а только он один заметил и написал то, что надо.

Сейчас пьеса уже идет в Москве в театре им. Ленинского комсомола и репетируется еще в 4-х (по другим данным — в 6-ти) театрах Москвы, идет в Ленинграде, во многих городах провинции.

16 апреля.

Солнечный день — второй или третий за всю весну. Снег в городе весь сошел, остался кое-где во дворах, мостовый уже сухие, но тротуары в нашем районе еще сочатся. Холодно.

Редакция внутренне живет самой полнокровной жизнью. По инициативе партбюро решили ознаменовать 35-тилетие «Правды» (5 мая) организацией юбилейной выставки, которая затем превратится в кабинет истории «Правды», а затем — в музей

«правды» и музей большевистской печати. Создана комиссия партбюро под председательством Поспелова.

Предполагается обширнейшая работа: собирание всех документов за 35 лет, реликвий, фотографий, воспоминаний старых правдистов, наиболее интересных оригиналов, комплектов и т. д. На первых порах порах, к 5 мая, решили организовать выставку в конференцзале 5-го этажа. Председателем Блисковский. Мне поручен раздел (1.5 стенда) — Отечественной войны. Сегодня собираю совещание военных корр-тов, чтобы подсказали — как интереснее сделать это и какие экспонаты нужны. Это должно быть совещание «выдумщиков».

Параллельно бурлит и учебная жизнь. По средам читаются лекции семинара публицистики, по вторникам — лекции по психологии.

Позавчера были в Доме Актера на творческом вечере артиста театра Вахтангова — В.Г. Кольцова. Были показаны отрывки из «Фронта», «Дороги победителей», Чеховского «Предложения», «Егора Булычева». Участвовали М.С. Державин, Мансурова, Астангов, Блажина и др. Очень хорошо.

После спектакля встретились с Рубеном Симоновым — художественным руководителем театра.

— Мы сразу были сегодня на двух веерах — сказал я., - творческий вечер Кольцова и творческий вечер Державина. Он отлично участвовал во всех сценах.

— Да, талантливейшие актеры, — сказал Симонов. — Они выросли у меня на глазах, и я просто любуюсь на них. Когда вы к нам?

— Как позовете.

— Вы этого спектакля не видели? Советую. Но приезжайте быстрее, а то я сам уеду в Армению.

Внизу, в подъезде, я увидел Державина. Месяца два назад вахтанговцы были у нас в доме культуры с показом для журналистов «Правды». Тогда, за сценой, за рюмкой (как раз в это время был оглашен по радио Указ об их награждении в связи с 20 или 25-тилетием). Мы долго с ним говорили. Он жаловался мне на скудость нового репертуара и рассказал между прочим о своей работе над образом советского генерала.

— Меня не удовлетворяло то, что я видел на сцене других театров. Не совсем устраивало и то, что я видел в жизни. После долгих поисков я создал свой тип. И. знаете, ко мне после спектакля нередко заходили генералы и говорили: «Вот такими мы и должны быть! Спасибо!»

Занятно и необычно: не театр черпает у жизни, а жизнь равняется по образу, созданному театром.

Я поздравил Державина с отличным вечером Кольцова и его собственного.

— Да, много пришлось поработать, — сказал он, — знаете, это труднее, чем полностью сыграть один спектакль. Надо не только быстро разгримироваться и загримироваться, но и внутренне перестроиться. Зритель-то артист! Да, кроме того, не просто играть, а подыгрывать товарищу! А завтра с утра снова на репетицию. Готовим «Русский вопрос» Симонова. Я играю Мерфи. Приходите смотреть запросто: я хочу посоветоваться.

Наконец-то решился, вроде, вопрос о переиздании «Вершины мира». Включена в план «Молодой гвардии». Сегодня буду писать заявку на договор. Надо будет не просто переиздать, а заново переделать книжку, показав весь объем нашего наступления на север, наиболее значительные походы и довести до сего дня.

Задумал также книжку «У последних параллелей» — цикл очерков из трех экспедиций «Садко», полюс и вывод «Седова». Предположительно 15 печатных листов. Хочу предложить издательству «Главсевморпути».

А после этого надо сесть за книжку «Они говорили…» Первую прикидку сделал. Должно получиться интересно. Надо будет посоветоваться с Поспеловым, Морозовым, а м.б. Александровым и Ждановым.

Вообще, хорошо бы в ближайшие 3–5 лет реализовать эту программу и дать еще книжку «Летные встречи». Тогда на покое можно будет засесть и за «Встречи журналиста». Это должно быть итогом моей журналистской деятельности. Задумал я ее лет 15 назад. В дальнем плане — за все годы газетного творчества. Может получиться интересно. Однако, размечтался, пане!

18 апреля.

Сиволобов поздравил меня с тем, что я уже «законнорожденный». 12 апреля секретариат ЦК утвердил меня зав. отделом информации. Получена выписка за подписью Жданова. Такие же выписки получены на Гершберга и Объедкова, Романчикова, Шишмарева.

Принято решение Политбюро о переводе «Правды» на непрерывный выход. Итак — снова! В ближайший понедельник уже работаем.

Позавчера был на читке новой пьесы в клубе Осоавиахима. Читал поэт Вершинин. Пьеса о Чкалове. В стихах. Мне звонил Байдук и очень просил послушать: считает большой удачей. Автор был у меня несколько дней назад, говорил о своей работе (работал 6 лет), об идее — внутренний дружеский конфликт между ясной волей Сталина и неорганизованной стихией Чкалова. Говорил, что очень понравилось Ольге Чкаловой, и она,

мол, обещала продвинуть ее («а она, знаете, бывала у т. Сталина на даче в день именин») и т. д.

Я пошел на читку. Был Байдук, сказал вступительное слово, но говорил не о пьесе, а о Чкалове. Был Микулин, Чкалова. Пьеса мне не понравилась. Тоже сказал открыто автору Микулин.

— Сталин у вас непрерывно говорит. И говорит напыщенно. Это неправильно. Мне приходилось много раз бывать у Сталина. Он всегда очень немногословен. И говорит очень просто. Но скажет немного, всего несколько слов, но они сразу по-новому освещают вопрос. Вот мне недавно рассказывал Черкасов о своей встрече. Он был там с женой. Ужинали. Сталин говорил очень немного, хотя и в домашней обстановке. Но эти несколько слов, которые он сказал, были для Черкасова откровением. А у вас все на так. И Чкалов — не такой — сплошной оратор. И пьесы нет, один разговор.

Чкалова тоже была обескуражена и спрашивала меня — участвовать ли ей в обсуждении. Я посоветовал не выступать.

24 апреля.

Все заняты выставкой к 5 мая. Я лично загружен по горло. Ребята охотно таскают мне фотоснимки, интересные документы и проч.

К юбилею Сенька выпускает «Правдист» на 36-ти полосах! Я написал вчера туда подвал — полосу о сопроводительных письмах военкоров — по их личным запискам ко мне. Получилось занятно. Назвал — «При сем препровождается…» В числе других привожу одно письмо из партизанского отряда Ковпака от некоего Филиппа Рудя, который писал, что с удовольствием будет сообщать обо всем интересном, «если позволит время и связь». Но где он, что с ним? Позвонил Вершигоре.

— Рудь? Как же, знаю. Он был политруком 2-ой роты. Отличный человек! Он раньше, кажется, работал в Черниговской газете и был корреспондентом «Правды Украины» до войны. И рота была хорошая, и он сам молодец. Жаль, погиб. Осенью 1942 года. Был жаркий бой, убили командира роты, он принял командование и тоже погиб.

Он долго и тепло рассказывал о нем.

— А не сохранилось ли у вас каких-нибудь документов, связанных с темой — «Правда» в тылу врага?

— Вряд ли. По-моему, нет. Тогда же мы никак не думали, что вы нам сейчас позвоните. Но вообще я должен вам сказать, что настоящая ценность газеты познается только там. Здесь газету читают два-три человека и часто не читают, а просматривают. Там читают 300–500 человек каждый номер, читают все, даже телефоны редакции. Лично мне «Правда» спасла жизнь. Я очень

хорошо помню этот номер — от 12 июня 1942 года. Меня сбросили в тыл для диверсионной работы. С радиостанцией. Ну, попал в расположение партизан. «А, шпион, и рация — немецкая». Рация была правда с английскими обозначениями, но тогда в отрядах еще не было людей, понимавших эту разницу. Сколько не доказывал — ни капли толку. Повели расстреливать. Перед расстрелом стали обыскивать и нашли в кармане этот номер «Правды» — я утром читал в штабе фронта перед отлетом и машинально сунул в карман. Я сразу уцепился: «Какой же я шпион, какой немец, если „Правда“ за вчерашний день у меня в кармане?» «Ну, мол, еще посмотрим, что за „Правда“ и что там написано». Ух, думаю, все-таки два часа выиграл. Ну, а где два часа — там и два года. Так и спасся.

Уже три дня стоят ясные солнечные дни. Теплынь. Днем ходим в костюмах. Но сегодня жестоко простыл.

Сегодня закончилась конференция министров иностранных дел в Москве. Результаты, вроде, скудные. Интересно, какое будет общее коммюнике. Яша Гольденберг говорит:

— Если осенью будет хороший у нас урожай — они будут гораздо сговорчивее. А если у них разразится или приблизится кризис — будут на задних лапках служить.

25 апреля.

Позвонил сегодня Валентин Аккуратов.

— Здравствуй! Вчера прилетел. Есть интересные новости. Нашли остров.

— Где?

— В 600–700 км. от Врангеля. Мы возвращались с разведки. Шли на одном моторе. Заметили остров в самом неподходящем месте — по всем старым представлениям — глубины, бассейн.

— Координаты?

— 76˚10 и 173˚ западной.

— Размеры?

— Примерно 30 км. на 25 км. Покрыт ледниковым щитом. Отчетливо видна замерзшая речка. Высота его небольшая, на глаз — метров 50, ровный низкий.

— С какой высоты видели?

— С 2500. Ниже опуститься не могли — один мотор, боялись. Но все члены экипажа видели отчетливо.

— С кем летел?

— С Крузе.

— А, может, это — паковое поле?

— Непохоже. Вокруг виден припай, паковые поля. Да и характер не льда, мы уже знаем ведь лед всякий. Дает тени.

— Когда это было?

— 19 марта. Мы вернулись на Врангель, сели. Потом получили мотор и пошли на Москву. Сейчас снова собираемся туда лететь. Задание — сесть.

— Давай уговоримся: прилетаете, подымаете флаг и даете оттуда мне радиограмму. Тогда и дадим в печать.

— О-Кей!

Занятно очень. И местечко хорошее — на стыке с американской зоной. Удобно. А сколько еще может быть земель в Арктике!

Сейчас, наконец, снова берутся за нее. Вызывали Афанасьева, дали инструкции.

Впрочем, писать не пришлось в газету ничего — острова там не оказалось. Очевидно, они приняли за остров большую льдину.

4 мая.

Все майские дни работал. 1-го давал в номер полторы полосы, второго тоже. Да еще возился все время с организацией выставки к 5 мая.

Ночью с 30 апреля на 1 мая меня вызвал Поспелов и спросил:

— Как сыграли наши баскетболисты в Праге?

В Праге шли баскетбольные соревнования на первенство Европы. Участвовало 14 стран. Мы к этому времени сыграли 2 игры — с Венгрией и Болгарией, обе встречи выиграли. Но особого интереса редакция к этому не проявляла: мы с трудом впихивали по 5 строк. Последнюю заметку дали, кажется, 29-го.

Оказалось, что звонил Маленков, звонил из кабинета Хозяина, сказал, что вот позавчера напечатали и больше не информируете читателя.

Я начал узнавать: никто в Москве еще не знал результатов. Спешно заказали Прагу. Удалось получить быстро. Оказалось, что выиграли снова. Дали строк 50. Поспелов немедля продиктовал через Поскребышева записку Маленкову. Наши выиграли первенство Европы.

7-го — День Радио. Сегодня звонил мне министр связи К.С. Сергейчук. Предложил свою статью, спросил — нельзя ли дать передовую.

Я поехал к Сергею Лапину, зампреду Всесоюзного Радиокомитета консультироваться к передовой. Разговор перепрыгивал с одного на другое, шел откровенно и непринужденно.

— Интересное дело, — говорил он… — Я ведь всю жизнь был газетчиком, а когда по окончании ВПШ меня направили сюда — я был внутренне недоволен. А сейчас очень увлекся, нельзя этим не увлечься. Недостатки? Мало у нас станций на длинных и средних волнах, а на коротких — там почти никто не слушает. Типичный

массовый заграничный приемник не имеет коротковолнового диапазона, это, по большей части, роскошный ящик, а внутри 2–3 лампы. У нас же вообще мало приемников, а существующие — малодоступны. Недавно Совет Министров обсуждал цены на приемники и забраковал. У нас нет доступного, народного приемника.

Мы увлекались проволочной трансляцией. Она очень несовершенна, срезает и искажает высокие тона, а заменить пока нечем. Да, кроме того, сеть мала у нас радиофицировано всего лишь 2 процента колхозов. Это — капля. Вещаем на 70-ти языках народов СССР и 33 иностранных.

Много он говорил о новом способе записи: магнитофоне. Это немецкая и очень совершенная система: точнейшее звучание, дешево, быстро, можно править звук, выбрасывать, устранять кашель, заикание и т. д. Показал мне ленту: узенькая полоска, матерчатого вида, серо-коричневатая.

Рассказал о Хозяине любопытные вещи. Он очень внимательно относится к вещанию, часто слушает.

— Мы знаем совершенно точно, что он любит. Он превосходно разбирается в музыке. К примеру, как-то нам позвонили и сказали, что он просит поставить «Полонез» Шопена в исполнении оркестра п/у Голованова. Поставили. Новый звонок: тот же «Полонез» в исполнении оркестра п/у Орлова. Поставили. И начались сердитые звонки слушателей: что у вас там не смотрят, одну и ту же пластинку ставите два раза подряд!

— А какой приемник у него?

— Дома — не знаю, а в кабинете — тарелка.

— То есть?

— Обыкновенный репродуктор сети. Да-да! Иногда нам заказывают целый концерт. Как-то ночью, часиков в 11 нам позвонили и сказали, что на даче гости, и просят дать концерт. Заказывали — и мы ставили. Самое трудное было заполнить паузы. Концерт длился часа два. Потом нам позвонили от его имени и благодарили. Иногда мы посылаем запись на пленку или пластинки домой. Посылали в дорогу в Берлин. И всегда нам аккуратным образом возвращает.

— Почему вы рано кончаете передачи? — спросил я.

— Не рано, а в 2 часа. Правда, сеть кончает в час. Это тоже имеет свою историю. Раньше у нас сеть кончала в полночь. Однажды, это было, кажется, в 1941 году, позвонили от него и сказали, что он просит — нельзя ли кончать в 3. Так и сделали. Посыпались звонки и письменные проклятия от москвичей. Оказывается, многие не выключали на ночь радио, чтобы слышать воздушную тревогу или вставать на работу. А как отменить? И вот

однажды в кулуарах, как раз перед выступлением Хозяина, за три-четыре минуты до начала, Пузин (председатель радиокомитета) стоял с Поскребышевым и объяснял ему это. Хозяин услышал и обернулся.

— Чем вы недовольны? — спросил он.

— Да вот, мы сейчас даем программы до 3 ч. ночи. Москвичи жалуются, что мешает спать.

— А как вы предлагаете?

— До часу, двух.

— Делайте, как знаете, — ответил он и пошел на трибуну.

Я рассказал, как Маленков интересовался баскетболом.

— У нас был подобный случай, — ответил Лапин. — Правда, до войны. Шел футбольный матч. Велась передача, как часто делается, со второго тайма. Позвонили от Хозяина и сказали, что он просит, чтобы комментатор рассказал, что было в первом тайме, и как он протекал. Созвонились с Синявским на «Динамо», и он успел перестроиться.

11 мая.

Стоят чудные дни: тепло, солнце. Сегодня я в первый раз за время с перехода на непрерывный выход — выходной. Очень много работы было с первомайскими днями, потом с выставкой по истории газеты. Открыли ее 8 мая. Вступительную речь произнес Поспелов. Потом выступал Креславский (секретарь партбюро) и огласил постановление партбюро, отмечающее активное и добросовестное выполнение этого задания группой товарищей, в т. ч. назвал и мою фамилию. Затем он огласил постановление редколлегии о премировании организаторов выставки и художников.

Вечером 8 мая состоялся торжественный вечер, посвященный 35-тилетию «Правды». Выступал Поспелов, затем был роскошный концерт. Я почти не был, т. к. писал передовую о Дне Победы. Зашел в зал, когда он уже кончался. Потом сидели с артистами за столом. Были Барсова, Михайлов, Иванов, Марецкая. Наши «башиловские» (с ул. Ст. Башиловка — С.Р.) жены стали требовать, чтобы спела Зина. Она страшно смутилась. И сколько маститые не настаивали — не стала.

Барсова в концерте разливалась ручьем и бисировала сколько угодно.

— Любопытно у вас выступать, — сказала она, когда я благодарил. Хороший народ.

Алексей Иванов приехал после «Риголетто» очень усталый, но пел и сидел долго.

— Вы — совсем правдист, — пошутил я.

— А в штат зачислите — перестану ездить, — ответил он. —

Я ведь так всегда в доверие втираюсь.

20 мая.

В субботу был у нас Борис Горбатов. Он сидел весь вечер, уехал поздно ночью, сидел взволнованный и горячий, толстый, похожий на японца.

— Как работается, — спросил я его.

— Отлично. Пока к нашему союзу писателей отношение превосходное. Только пиши!

Я сказал ему, что переиздаю «Вершину мира».

— Подожди, — сказал он. — Сейчас правительственная комиссия разрабатывает новые ставки и тиражи. Через 2–3 недели будет решение. Я тоже пока не подписываю договоров.

— Когда пойдет твоя пьеса «Закон зимовки»?

— Если бы я знал. Там нашлись полярные ортодоксы, которые никогда в Арктике не бывали, и говорят, что она неверна. А много ли театру надо — уже подслушал и струсил.

— Когда будете нас, грешных, принимать в Союз?

— Скоро. Там, кроме твоего, есть еще 4 заявления. Вот разом. Тут такие новости у нас!

Он рассказал, что руководство Союза написало письмо Хозяину о своих делах — о гонораре, тиражах, жилье и проч. Неожиданно их вызвали туда: Фадеева (генсека), Симонова (зам) и Горбатова (зам и секр. партгруппы правления).

Дело было в понедельник, 12 мая. Борис страшно волновался, чтобы не опоздать, и чтобы не было какого-нибудь недоразумения. Назначено было на 6 ч. вечера. Он приехал в бюро пропусков к 5 ч. Там выписали пропуск. Дали провожатого. Пришел он к Александру Николаевичу. Извинился, что рано. Тот засмеялся:

— Вы можете подождать вот в той комнате.

Большая комната, мягкая мебель. Стол, заваленный новейшими иностранными журналами, в том числе и «Лайфом» и газетами. Без 15 минут шесть приехал Фадеев. Время подходит, а Симонова нет. Они страшно нервничали. Без 10, без 5… Он появился без 2-х минут шесть. А в 5 минут седьмого А.Н.Поскребышев вышел и сказал: «Вас ждут.»

Они построились по старшинству — Фадеев, Грбатов, Симонов и вошли. За столом сидели Сталин, Молотов и Жданов. Сталин встал навстречу, с трубкой в руке, поздоровался с каждым и жестом пригласил садиться. Поздоровались и остальные. Молотов сразу сказал:

— Мы получили ваше письмо. Прочли. Ваши предложения правильны. Надо будет составить комиссию для выработки практических мер и утвердить их. Вот вы и будете нашей

комиссией.

Это посетителей сразу ошарашило. Уж очень все неожиданно. Первым опомнился Фадеев.

— Мы думали — будет комиссия ЦК.

Сталин улыбнулся и ответил:

— Вот вы и будете комиссией ЦК, нашей комиссией.

— Мы бы хотели, — сказал Фадеев, — чтобы туда вошли государственные деятели, — и посмотрел на Жданова.

Жданов сказал:

— Я согласен им помочь и могу войти в комиссию.

— Хорошо, — сказал Сталин.

— Мы бы просили ввести и т. Мехлиса, — сказал Фадеев.

— Мехлиса? — засмеялся Сталин. — Да он вас зарежет. Непременно зарежет, — повторил он, смеясь.

Фадеев объяснил, что они считают Мехлиса большим другом писателей, что он хорошо знает дела и нужды писателей.

Сталин согласился.

— Ну, раз просите, у нас возражений нет.

Разговор зашел об отдельных предложениях писателей, изложенных в письме.

— Вот, вы просите пересмотреть положение о тиражах, — сказал Сталин. Мы ввели тогда этот закон потому, что некоторые писатели предпочитают жить на переизданиях, а ничего нового не пишут. А нам надо, чтобы писатели творили новые веди.

Фадеев стал говорить, что они пишут, а положения о тиражах очень задевает материальные интересы писателей.

— Ну, что же, — сказал Сталин. — Мы не возражаем. Нам для писателей денег не жалко. Только учтите эти соображения.

В письме писатели жаловались на налоги — их берут не как с рабочих и служащих.

— Это надо пересмотреть, — сказал Сталин. — Это ведь писатели, они не мыло варят, а искусство делают.

Зашла речь о жилье. Тогда решили ввести в комиссию т. Попова, чтобы он им практически помог.

Фадеев сказал, что они сейчас расширяют работу и поэтому просят расширить штат союза до 70 человек. Говорят, что это нельзя, сейчас везде штаты сокращают.

— Мы сокращаем штат там, где он разбух, — сказал Сталин. — А это организация молодая, растущая. Можно дать. Ну, какие еще вопросы? Нет?

Хотя беседа шла очень непринужденно, но писатели решили, что уже всё, и пора уходить.

— Тогда у меня к вам есть вопрос, — сказал Сталин. — Над чем сейчас работают писатели?

Фадеев начал рассказывать. Сказал о том, что во время войны накопили много материала, много мыслей, кое-что уже появилось, еще больше будет многие работают над военными темами. Вот хуже — с показом труда, людей, современных тем будней. Да и меньше знают это писатели. Надо, чтобы они больше ездили по стране, наблюдали, жизнь изучали.

— Это правильно, — сказал Сталин. — Но не только в поездках и командировках дело. Вот Лев Толстой никуда не ездил, а писал.

Фадеев рассказал о других основных темах, над которыми трудятся писатели. Сталин внимательно слушал, потом сказал:

— Все это хорошо. И, все же, нет главного. А главная задача писателей, генеральная задача — это борьба с низкопоклонством перед заграницей.

И в течение получаса т. Сталин развивал эту мысль (между прочим, впервые он ее высказал на приеме папанинцев в 1838 г). Он обрисовал исторические корни. Петр I, несмотря на то, что выл выдающимся деятелем, и многое сделал для России, но не доверял способностям русских. Он наводнил Россию немцами, отсюда пошло низкопоклонство перед немцами. Следующая волна — это начало 19 века. Русские разбили наголову Наполеона, который считался непобедимым, завоевал всю Европу, завоевать хотел весь мир. А, все-таки, пошло низкопоклонство перед французами.

Сейчас мы разбили немцев, спасли всю цивилизацию Европы, справились с противником, перед которым трепетал весь мир. В этой войне советский человек показал, что он на три головы выше других. А, между тем, наблюдается низкопоклонство перед англосаксами. У военных этого уже нет, а среди интеллигенции — сильно развито это чувство. Вот Клюева. Сделала великое изобретение. А из-за низкопоклонства сама отдала в руки американцев, и они его присвоили. Вот вам и тема для литературы, острая, очень нужная.

— Какая тема для пьесы! — воскликнул Симонов. (Борис говорит, что он и подумать не успел, как Симонов поставил заявочный столб)

— Сколько тут драматических моментов, — подхватил Шолохов.

Беседа продолжалась в очень дружелюбном духе, очень непринужденно и просто.

Сталин спросил: «А что делает Тихонов?» Фадеев ответил, что пишет, переводит. Сталин сказал, что это очень хорошо: сильному человеку встряска полезна и он начинает лучше работать. Затем он спросил, над чем работает Ванда Василевская? Фадеев

ответил.

— А вам нравятся ее последние вещи? — поинтересовался Сталин.

Фадеев ответил, что не очень.

— А мне нравятся, — сказал Сталин, но таким тоном, что они почувствовали, что он просто высказывает свое личное мнение.

— Ну, какие еще вопросы? — опять спросил Сталин.

Симонов попросил увеличить объем «Нового Мира». Сталин сказал, что бумаги не жалко, но есть ли в журнале хорошие вещи. Вообще, журналы за последнее время стали лучше. Симонов заявил, что есть и он, как редактор, обещает улучшить журнал. Сталин согласился увеличить объем.

Фадеев сказал, что в Союзе есть еврейская секция. Есть отделения в Киеве, Минске. А журнала нет, был до войны, а сейчас нет. И сейчас еврейским писателям негде печататься.

— А почему не пишут на русском языке? — задал вопрос Сталин.

Фадеев ответил, что большинство еврейских писателей пишут на русском. Но есть старики писатели — Перец Маркиш, Фефер — которые пишут на еврейском.

— Это правильно, — сказал Сталин. — Им надо печататься. Но для журнала не хватит вещей. А надо выпускать альманах — пусть там печатают свои произведения. (Борис говорит, что еврейские писатели после этого известия прямо ликуют).

На этом беседа закончилась. Продолжалась она 1 час 10 минут.

27 мая.

Встретил в Кремлевке Б.И. Россинского.

— Ты зачем сюда? Больше дела — и врачи не нужны. Я всем интересуюсь, даже астрономией и медициной. Поэтому — и к врачам не обращался. И ты не ходи.

Вышел из поликлиники и на стоянке столкнулся с Кокки, Ильюшиным, и бывшими с ними Максимом Максимовичем Литвиновым и Яковом Захаровичем Сурицем (наш полпред в Бразилии). Все в штатском. Ильюшин, кажется, еще ниже, чем обычно, дипломаты — седые, пожалуй, даже важные. Поздоровались.

— Ты что нас забыл совсем, — попенял Ильюшин.

— Да вот все хочу посмотреть твою новую машину.

— Едем сейчас, — предложил он. — Немедля. Садись с Володей.

Поехали. Володя за рулем своего «Бьюика», Ильюшин ведет свою машину, с ним же дипломаты. Володя гонит — «надо чехлы снять с кресел, пока старики тянутся». От Кремлевки до

аэродрома — за 5 минут! Шофер он чудесный, расчет точнейший, реакция мгновенная. На спидометре — 80-100. Обгоняет впритык. На баранке — одна рука. У переезда к ул. Расковой внезапно выскочил и завернул грузовик. Я думал — в машину. Володя так спокойно про себя говорит: «Ну, и куда? Сюда что ли?» — и на всем скаку свернул вправо по бровке тротуара.

— Да, знаешь, — сказал он между прочим, — Я позавчера горел на этом хреновом «Забеле». Летим, вдруг Павел (брат) говорит: «Горим!» «Где?» (Он рассказывает так, как будто в полет просто из любопытства поинтересовался где горит. Впрочем, он настолько спокоен и привычен в воздухе, что психологически, видимо, так и было). Смотрю — из правого мотора так и хлещет пламя. Ну, начали тушить пожар — раз горит, надо потушить. Погасили в воздухе, а мотор-то не хочет работать. И так его, и сяк — нет. Плюхнулись в Саранске.

— Никуда сегодня не летишь?

— Да особенно и некуда. Сегодня пару полетов сделаю, а вот завтра надо смотаться в Астрахань на денек.

Приехали. В стороне от кольцевой дорожки, на площадке у ангара стоит громадная четырехмоторная машина — «Ил-18». Это и есть — оно. Я помню, как зимой прошлого года я ночью как-то ехал от Кокки и у Академии нам перегородил дорогу фюзеляж — его везли на аэродром. Он был в два раза шире шоссе, и мой шофер все уверял меня, что это дирижабль. Так он и выглядел действительно.

Светлозолотистая металлическая обшивка. Могучие моторы (Швецова, по 200 л.с., новые. «Ресурс у них маловат — 25 часов, я из них выжал 40, хорошие, не хуже американских», — говорит Володя.)

Высокие, убирающиеся ноги, далеко выдающаяся летная рубка.

По высокой стремянке (на 2 этажа) влезли в пилотский отсек, так как у двери в пассажирскую кабину работали. Вскоре приехали и дипломаты. Кабина театральный зал. 66 мест. По 5 кресел в ряд и бесконечные ряды. Кресла удобные, откидные, с движущимися подголовниками. Трубки люминесцирующего света вдоль бортов и плоские тюльпаны в центре. Трубы кондиционного воздуха. Полки для ручных вещей, карманы на креслах для мелочи. Багаж — в пузо машины. Три уборных. Буфет. Просторно, воздуха — полно. Обогрев. Ковры на полу. Приятная обшивка. Радиола. Светящиеся указатели. Громкоговоритель от пилота.

Две радиостанции (рубка между пассажирами и пилотом). С особым удовольствием Кокки показал мне пилотскую рубку. Великолепный обзор. Два управления. Автопилот. Телефон.

— Да ты сядь, погляди, как удобно.

Я сел в кресло и сразу захотелось нажать педали и подвигать рычажки. Приборов, ручек, стрелок — без числа.

— И ты их все знаешь? — пошутил я. — Какой ты умный!

— А ты думал?!

Все сделано культурно, чистенько, аккуратно.

— Можно с такой машиной выходить в люди? — спросил я Литвинова.

— Не стыдно куда угодно прилететь, — ответил он. — Тут мы догнали Америку.

Ильюшин рассказал, что у него разработано 4 варианта этого самолета: на 66 мест, спальный — на дальние расстояния — на 32 места, салон и еще какой-то, кажется, на 12 мест.

— Высота? — спросил Суриц.

— 10 000 метров. Кабина герметичная. Но, на всякий случай, будет и индивидуальное кислородное питание — баллоны под креслом.

— Скорость?

— рейсовая — 400 км/ч. На высоте 300–450 км/ч. На 7500 (после того, как поставят нагнетатели) — 500 км/ч. Владимир Константинович ходил в Ленинград и обратно за 3 часа. Вот думаем поставить ее на линию Москва — Сочи. Путь туда займет 3.5 часа, а сейчас на «Дугласе»- 5 ч. 50 минут.

— Добавьте к этому, — сказал Кокки, — что она дешевле летает, чем «Дуглас», берет на человека меньше бензина. Спокойнее в полете. В Аэрофлоте стонут: дайте нам ее скорее на Ленинград, и мы снизим цену до железнодорожного билета.

— Радиус с полной нагрузкой? — спросил я.

— 3000 км.

— То есть: все средние расстояния?

— Вполне, — улыбнулся Кокки.

Суриц только что прилетел из Бразилии. Он летел через океан на одном самолете (кажется, «Консолидейтед»), через Европу до Хельсинки — на другом, и оттуда — на третьем — на «Дугласе». Он говорит, что «Ил-18» вполне с ними равняется и даже лучше.

Обратно повез меня Ильюшин. Ехали вместе с дипломатами. Ильюшин сказал, что хочет написать об этом самолете сам в «Правду». Я одобрил, он обещал в ближайшие дни завести к Поспелову статью. Суриц расспрашивал меня что стоит посмотреть в театрах. Я порекомендовал «Глубокие корни» у Вахтангова и «Русский вопрос» Симонова.

— Я читал пьесу. Она очень плакатная, там нет драматургического элемента, действия, — сказал он. — Хотя

очень жизненна. Вот и в Бразилии сколько угодно таких жуков.

Я сказал, что приезжают грузины.

— А Хорава тоже? — спросил он. — Вот бы посмотреть его в «Отелло».

Рассказал я ми, как были недавно у нас англичане-журналисты. После осмотра редакции они вежливо спросили:

— Есть ли в редакции Красный уголок?

— Есть, — ответил Сиволобов и повел их в Дом Культуры. Они обалдели.

Дипломаты смеялись от души.

28 мая.

Сегодня позвонил генеральному прокурору СССР Горшенину.

— Ну, как вам передовая?

— Большое спасибо за нее. Лучшая из всех передовых сегодняшних газет. Особенно ценно то, что она спускает юбиляров на землю, конкретно указывает на задачи. Я приказал всюду ее проработать.

А я маялся вчера — что писать?!

Был сегодня у меня художник Кручина. Он задумал написать серию рисунков о Сталине — «Творец победы». Несколько принес с собой. Сам маленький, подвижный, худой, с острым лицом, седоват, в форме капитана. Рисунки мне понравились. В числе других — рисунок: Сталин в метро с детьми и женщинами, укрывающимися от воздушных налетов. Маленькая девочка прильнула к нему и обняла его, кругом — топчаны, женщины, спящие дети.

— А был такой факт? — спросил я.

— Да, мне рассказывал об этом Новиков, директор метро. В ночь с 5 на 6 ноября 1941 года Сталин приехал на ст. Маяковская. Сначала он остановился в начале зала, посмотрел, потом пошел по залу. В первые минуты его не узнали, затем кинулись к нему.

Другой рисунок: Сталине в госпитале сидит у постели раненого, положил на него руку. С соседней койки приподнимается боец, кругом сестры.

— А такой факт был?

— Да. Когда Еременко лежал раненый в госпитале (это было, видимо, летом 1941 г., если не ошибаюсь в датах, когда летчик Таран вывез раненого Еременко из окружения — Л.Б.), Сталин навестил его и обошел другие залы, беседовал с ранеными.

Я посоветовал ему написать письмо о своих планах Ворошилову. На том и порешили.

27 июля.

Ого, какой перерыв. И как-то сразу не придумаешь и не вспомнишь, о чем надо записать.

В последнее время много работаем. Месяц назад звонил Хозяин и сказал: поменьше занимайтесь экономикой, побольше политикой. Разговор был часа в 4 утра, в ту же ночь перестроили газету, и пошло в тот номер полторы полосы информации. Вновь вынесли «По Советскому Союзу» на первую полосу, и так — до сих пор. Идет в среднем около полосы в день, иногда больше. Серьезных экономических и с/х материалов редакция избегает.

Недели две-три назад Хозяин звонил снова. Тому месяца два разгорелась дискуссия: Большой театр поставил «Бориса Годунова». Зашел спор: надо ли оставлять сцену под Кромами. «Правда» высказалась «За», «Культура и жизнь», поправляя нас, против. Хозяин сказал, что сцены под Кромами — центральное место оперы, что гения нельзя исправлять и сокращать, а надо принимать целиком. Тем паче, что эта сцена — глубоко народная и правильная. Дали редакционный подвал, автор — Заславский.

Довольно много пишу. В прошлое воскресение писал отчет о физкультурном параде на «Динамо». Сегодня буду писать отчет о Дне флота, в следующее воскресенье — о Дне авиации.

Несколько дней назад был у Кокки. Говорили о делах, о даче, о футболе («я как лечу во время матча — обязательно наклоню самолет и смотрю цифры на щитах — результат»). Говорил, что очень много летает.

— За последний месяц в среднем выходит по 8 часов в день. В августе должен сдать две машины на госиспытания и начать третью.

Вот и сейчас, когда я был у него. В этот день он приехал с аэродрома в 6, потом совещание, потом вызвали к министру. В 12 ночи он поужинал со мной. В 1:30 начал прощаться.

— Рано вставать.

— Почему?

— В 5 утра улетаю в Молотов. Там кое-что надо сделать и в 4 дня быть обратно. Все-таки 2500 км. — надо поспать.

И был в 4 часа уже в Москве.

Много времени у него занимает подготовка к параду Дня авиации. Он будет командовать группой опытных машин. Готовясь, он проделал такой номер. В Подлипках собрался Генштаб смотреть новые машины. Он, на новой четырехмоторной Ил-18 прошел на 300–400 метрах, выключив на одной плоскости оба мотора и поставив их во флюгер.

— Все ахнули. Пожарные автомашины вызвали на поле. Вот и хочу Костю выпустить на ней в День авиации. Другой не потянет, а он — сможет. Только надо натаскать. Время. А эффектно получится, Лазарь? Дойдет?

P.S. Но этот номер не вышел — запретили. Володя летел на

новой четырехмоторной реактивной машине Сергея, а Костя — на пассажирской, но без рискованного номера.

30 сентября.

Вот и снова перерыв.

За это время побывал в отпуске (в Сочи) с 11 августа по 11 сентября. Прибавил 2,3 кг.

В газете давка. Письма о хлебозаготовках плюс отчеты об Ассамблее Объединенных Наций в Нью-Йорке. На это раз туда поехал Вышинский. Шум во всем мире. Американцы врут о войне с нами.

С 20 сентября начала выходить новая «Литературная газета». Забрали туда Оскара Курганова и Величко. Орган Союза писателей, свободомыслящий. Выходит 2 раза в неделю. В первом реконструированном номере Горбатов на полполосы обложил Трумэна, в дальнейших — разложили Маршалла и Бевина. Сегодня ВВС передавала ноту американского посла по этому поводу и спокойный ответ Молотова.

От нас в Управление пропаганды ушел Шепилов — первым замом. Говорят, что просят людей в «Культуру и Жизнь».

Сегодня был у меня летчик Галлай. Он работает сейчас на тяжелых. Предложил мне слетать с ним — просто так, для впечатлений, по маршруту Москва — Новосибирск — Ташкент — Москва. Около 7500 км., 22 часа. Я согласился.

Рассказывал, как недавно горел на 10 000. Загорелся крайний двигатель, пламя -2 метра, выбрасываться нельзя. Сбили скольжением и т. п. Скучно ему было! Он такой же веселый, живой.

Его кругосветный проект накрылся. Недавно слетали американцы почти по этому маршруту, на «Вулти» — 78 часов. А Шахурин похоронил тогда идею.

В Москве чудная погода. Уже две недели. Но резко похолодало.

«Геройские» жены чудят — развелся Громов!!

22 октября.

Замотался совсем за последнее время и никак не мог дотянуться до ручки. Начали довольно интенсивно готовиться к экзаменам в ВПШ, зубрил географию, историю. Кроме того, за последнее время изготовили две полосы, написал три передовых и т. п.

Сегодня проснулся — бело. И до сей поры падает. Первый снег!

В ВПШ и хочется и колется. Ругательски ругаю себя, что не пошел учиться в 45-м. Наши ребята — Гершберг, Капырин, Объедков — уже заканчивают в этом году. У них было два года,

программа узкая, прием без экзаменов, по окончании — право защиты диссертации без защиты кандидатского минимума. У нас, с этого года: прием по экзаменам (да еще конкурс — на 100 московских мест 3000 заявлений), расширенная программа (добавили логику, право, язык и пр.), срок — три года и кандидатский минимум.

Готовимся поступать всем кагалом — 16 человек, в т. ч. Марковский, Романчиков, Кузьмичев, Солодов, Шабанов, в т. ч. и полутехнические работники: Голубев, Пахомов, Юриков и др. Хорошо гоним географию, плохо историю, совсем не трогали русского. А экзамены, говорят, уже 12 ноября. Ух!

У меня — довольно смешное положение. В течение двух лет я — лектор ВПШ (читаю на газетных курсах при ВПШ), член кафедры журналистики при ВПШ. Т. е. учить других мне доверяют, а самому учиться — нет, сдавай экзамены.

На днях говорили об этом с Поспеловым. Он посмеялся, а затем вернулся к той мысли, которую высказал мне как-то года полтора назад на одном из приемов в ВОКСе. Он снова сказал, что считает, что мне надо специализироваться при кафедре журналистики. Что это конкретно — он сам не мог объяснить, но мысль его сводится к тому, что над обобщением опыта советской печати никто не работает, нет и учебных пособий, не по чему учить молодых.

— Вот взяли бы тему о работе информации или о передовых. Это же страшно важно. Могли бы и диссертацию написать.

Я сказал, что охотно готов это сделать, но для диссертации надо сдать кандидатский минимум, а для этого надо иметь диплом ВУЗа.

— А нельзя ли сдать минимум экстерном? — спросил он. — Так или иначе, вам надо держаться этого курса.

Уговорились, что он поговорит об этом с Заславским, и я поговорю и выясню.

Вчера я говорил с Заславским. Он сочувственно отнесся к этой идее, но тоже не мог выразить практически ее содержание. Он сказал, что очень будет рад, если я возьмусь за диссертацию. Сказал, что хотел бы привлечь меня и других правдистов к ведению семинаров на газетном отделении ВПШ. Сообщил, что собирается представлять нас в Ученый Совет ВПШ для утверждения членами кафедры. Вернулся к диссертации и заявил, что если можно обойти диплом кафедра всемерно поддержит в любом ВАКе (Высшая Аттестационная комиссия). При кафедре есть загадочный кабинет печати. Он ухватился, когда я сказал о том, что этот кабинет должен конкретно разрабатывать и обобщать опыт современной печати. «Вот бы вы взяли какую-

нибудь тему и вели ее,» — сказал он. Возник вопрос об издании учебных пособий по журналистике. Уговорились, что я выясню в Министерстве Высшего образования — можно ли сдавать экстерном и что для этого надо, а кафедра, в случае надобности, дает ходатайство об этом.

Сегодня напечатали доклад Жданова о международном положении. Он делал его на совещании компартий в Варшаве. Гул об этом совещании и до сих пор раскатывается по миру. Орут о возобновлении Коминтерна, об усилении Красной опасности и пр. Но вообще обстановка в мире стала хмурой. Народ все чаще и чаще спрашивает: неужели опять война? Американцы обкладывают нас со всех сторон, как медведя в берлоге: базы в Гренландии, в Иране, в Германии, на Аляске, в Китае и проч. Вот гады!

Сегодня опубликовано сообщение о том, что Бразилия порвала с нами отношения. Поводом послужила статья в «Литературке» об их президенте, награжденном Гитлером. Вообще, эта газета выступает очень резко и даже завела рубрику «Поджигатели войны». Номера — неровные: один сильнее, другой — слабее, но следят за ней, ждут выхода свежего номера. Вот только тема внутренних дел у них не идет пока, еще пороха не хватает. А ведь, помысли, эта газета должна быть кусачей и по этим делам.

Хороший абзац рассказал Мержанов. Композитор Сигизмунд Кац сказал диктору Левитану: «Когда ты умрешь, твое горло возьмут в Институт Мозга».

Звонил мне вчера Ботвинник. Последний год он не участвовал в турнирах. Не играл в чемпионате СССР, и звание чемпиона завоевал Керес, не ездил в Англию с командой. По сему поводу мы получали много писем.

— Я решил до матча на первенство мира выступить один раз, — сказал он. — Пусть и обо мне попишут в газетах (и я почувствовал, как он улыбнулся в телефон). Есть две возможности — чемпионат СССР или всеславянский турнир. Но важно, чтобы это было в декабре, т. к. позже я уже буду связан чемпионатом мира. Хочу просить вашей поддержки, т. к. мои соратники будут всемерно затягивать это дело: зачем Кересу испытывать судьбу? Сведите меня с Шепиловым.

Я обещал позвонить. Ботвинник сказал, что завтра (т. е. сегодня) он уезжает в Архангельское «работать», т. е. готовиться к матчу мира — он состоится 1 марта.

— Я отдыхал месяц в Барвихе и чувствую себя отлично, — сказал он.

— Играли в шахматы? — спросил я.

— Нет. Даже разучился. Давайте, попробуем!

Занятная история разразилась в «Огоньке». Есть там очеркист Алексей Глебов. Он именует себя писателем. Я помню его по фронту (Центральному, 1943). Ходил он в штатском, приехал как второй корреспондент ТАСС, был вечно пьян, болтлив, навязчив, и имел удивительный нюх и энергию на спиртное. Но пишет бойко. В «Огоньке» печатался часто.

Так вот, он публично заявил (и письменно в ЦК) о том, что зав. отделом информации журнала Ар Шинберг и зам. редактора Осипов берут взятки за помещение очерков (по 300–400 рублей). Началась история, проверки и т. д. Сейчас все это отмели, но выяснилось другое. Не так давно Глебов принес Шинбергу очередной очерк. Краткая суть: что-то около 1930 г. в СССР приехал американский гражданин Билл Матч. Он поселился в одной МТС Ставрополья (или Краснодарского края), работал там механиком, женился на колхознице. Началась война — пошел на фронт, отличился, был награжден. Потом уехал в Америку, получил там наследство. Подарил его — около 2 млн. долларов — советской власти на сирот и жертвы войны, порвал с Америкой и вернулся в СССР — свою обетованную страну. Правительство поблагодарило его и строит ему дом на юге. Очерк очень понравился. По моменту — прямо в точку. Шинберг предложил дать в № 42. Сурков прочел, предложил дать в октябрьский номер и сделать снимок. Надо посылать фотографа. Глебов заволынил: не надо снимать, «органы» против.

Зародилось сомнение. Позвонили в Наркомфин. Там смеются: бред, не было ни доллара. Позвонили в край: нет такой МТС, нет такого Билла. Все выдумано!

А тем временем, Глебов успел продать эту историю Мосфильму. Там быстро заключили с ним договор и придали ему в соавторы Льва Славина: писать сценарий художественного фильма, сплетая факт, реального Билла и художественную аранжировку. Выдали Глебову авансом 9000 рублей, доложили Большакову, тот ухватился, заявил в ЦК, в Совмин, включили в план 1948 года.

Сейчас начинается шум. Но Глебов принес бумажку от психиатрической лечебницы о том, что у него мания воображения.

Все это вместе — неплохая тема для рассказа. Или… для судебного очерка.

С неделю назад был у Кокки. Он рассказывал, как во время войны ему позвонил в Куйбышев нарком авиапрома и сказал, что Сталин вызывает его и других на совещание. Туман, облачность до земли. Приполз на брюхе («не бреющим, а лижущим»).

Оказалось — долетел только один, остальные — в радиусе. Сталин узнал:

— Не долетели?! А почему Коккинаки долетел? Ну ладно, соберемся завтра.

25 октября.

Вчера отметили именины Зины. Приехали ее родственники, пообедали. Купил Старки, алуштинского Токая, торт. Ничего. 40 лет! Завтра — мне 42. Время идет!

Диссертационные разговоры продолжаются. Позавчера Романчиков был у Поспелова, говорил — нельзя ли пройти нашей группе, поступающей в ВПШ без конкурсных препятствий. Поспелов поинтересовался: кто? Когда услышал и мою фамилию, сказал:

— А почему Бронтман? Нечего ему там делать, пусть прямо работает над диссертацией.

Вчера я говорил с зам. министра высшего образования Самариным. Он сказал, что в отдельных случаях Высшая Аттестационная комиссия разрешает сдачу кандидатского минимума лицам, не имеющим высшего образования. Нужно ходатайство дирекции ВПШ и, хорошо бы, редакции «Правды». Думаю, что и редакция и ВПШ сделают это.

Поручили нашему отделу вести судебные процессы над немцами. Позавчера начался процесс в Берлине (дает Корбатков), сегодня в Сталино (дает Ионов).

Политическая международная атмосфера густеет. Разорвали с нами отношения Бразилия и Чили. На Ассамблее — все круче драка.

Урожай — отличный. План хлебозаготовок почти полностью выполнен. Видимо, к 7 ноября будет весь.

Нашел листок с записью моей беседы с командующим военно-воздушными силами Вершининым. Суть такова:

В этом году День авиации проводился 3 августа. Отчет писал я. По окончании праздника я сразу позвонил, как обычно перед отчетом, Вершинину и спросил: как понравился праздник Хозяину. Вершинин сказал:

— Все очень понравилось. По окончании он пригласил меня и маршалов поехать с ним в Кремль. Мы только вернулись с обеда. Понравились все номера, отметил хорошую организованность, четкость, слаженность. Отметил темп, исключительное мастерство. Сказал, что сумели быстро освоить новую материальную часть.

— Кто из летчиков больше всего понравился?

— Потом в беседе говорил о тройке Ткаченко. Отметил Полунина — пилотаж на реактивном самолете. Похвалил строй

«Сталина» (летчики в строю изображали слово «Сталин») и звезды. Отметил четкость десанта.

— А новая техника?

— Да. Когда пролетали новые самолеты — он был очень оживлен, провожал взглядом каждую машину. Одобрительно отозвался о новой четырехмоторной машине Ильюшина. Спросил — как сели летчики, нет ли происшествий. А на обеде Большаков пожаловался, что не все успели заснять на цветную пленку, и спросил: нельзя ли повторить для цветного кино? Хозяин сказал, что парад был очень хороший, надо повторить. В общем, можете хвалить — не ошибетесь.

26 октября.

42 года!!

Ух! Эх!

31 октября.

Сейчас пришел из редакции необычно рано: 12:30 ночи. Зина говорит: «Не знаю, пускать или нет? Что-то подозрительно рано…»

Занимаемся до седьмого пота, готовимся в ВПШ. В этом году жесткие правила и условия: обычно принимали на заочное отделение 2,5–3 тысячи, нынче — 1000. Москве из них 100 мест. Приемные экзамены в объеме средней школы: по истории, по истории СССР, по истории партии, по русскому, по экономической географии. Географию почти закончили, историю не начинал, русский не буду (что знаю — то знаю), по истории партии дошел до 5-ой главы. Занимаюсь по 4–5 ч. — до работы и после. Трудно, в памяти не держится, да и сосредоточиться трудно. Профессиональная привычка знать ненадолго — до статьи.

МК дал нам одно место в ВПШ. А желающих — 22. Партбюро урезало список до 8 душ, и Поспелов обещал говорить с Сусловым и Кузнецовым о том, чтобы нашу группу приняли сверх лимита (Шабанов, Марковский, Романчиков, Кузьмичев, Солодов, Шур, Макаренко и я).

С защитой диссертации — темное дело. Думаю пока поступать, а то окажусь на мели.

Сенька просит написать в «Правдист» ко 30-тилетию что-нибудь по дневникам. Развернул и прочел вслух Зинке запись что-то за 12–13 октября 1942 года о том, какие цены тогда были на рынке. Она говорит: «Напиши сегодняшние для сравнения».

Ладно. Мясо 90-100р., масло 180-200р., картошка 7–8 р., молоко 6-7р. за кружку, яйца 30-40р. десяток.

13 ноября

От занятий аж дым идет из головы. Почти каждый день

консультанты то по русскому, то по истории, то по географии. Вчера было два, завтра опять два, сегодня — один. Начинаем понемногу втягиваться. Уже лучше откладывается в памяти.

Вчера был диктант по русскому. Готовились с трепетом, ибо никто никаких норм не помнит. Преподаватель дал два отрывка из «Моих университетов» и «Войны и мира». Оказалось — не так страшно. Я, например, написал без единой ошибки и по словам преподавателя оказался абсолютно грамотным.

В последние дни пришлось много работать. 7 ноября писал отчет о демонстрации на Красной площади. 10-го опубликована моя передовая о выборах, вчера — моя передовая и полоса о новых городах. Подготовил еще одну полосу и передовую о жилищах («Без трущоб»).

Сегодня в фотоотдел пришел пакет с фотоснимками и корреспонденцией «Незабываемый рейс». Автор — капитан Талинин. Кто он — ничего не известно, и сам он о себе ничего не пишет. В этой корреспонденции он описывает поездку т. Сталина на катере в районе Сочи, дату не указывает, но можно понять, что дело происходило недавно, месяц-два назад.

Сталин ездил на катере два раза. Первый раз он появился днем. Вместе с ним были Берия, Вознесенский, Булганин, Абакумов, Поскребышев, Власик. Он прошел на пограничный корабль и спросил у командира: какой ход? Тот ответил. Сталин сказал:

— Идите средним.

Прошел на катер и сел в кресло. Корабль пошел впереди, катер за ним. Сталин был в военной фуражке, в простом кителе без погон, брюки на выпуск. Берия — в шляпе и пиджаке. Булганин — в штатском. Только Поскребышев — в генеральской форме. Причалили. Сталин, обратившись к матросам, сказал:

— Чем отблагодарить вас, т.т. пограничники, за удовольствие, доставленное мне и моим друзьям, пройтись по морю?

Те ответили, что ничего не надо, они — на военной службе.

— Нет, надо отблагодарить, — возразил Сталин. — Товарищ Власик, организуйте для них ужин.

Уехал. Власик сказал, что через 40 минут привезет ужин. Ровно через 40 минут пришли машины с ужином. Началось веселье, тосты.

На следующий день Сталин со своими друзьями опять появился на берегу. Он приветливо поздоровался с экипажем и сразу прошел на катер, сел в кресло. Достал трубку с светло-желтым мундштуком, набил, закурил.

Командир обратился к нему и передал просьбу команды

сфотографироваться. Сталин взял трубку в руку:

— Ну что ж, можно сфотографироваться. Только поскорее.

И первым пошел на берег. Проходя мимо Власика, который приготавливал аппарат, он спросил:

— Надолго займет?

— Быстро, т. Сталин.

Снялись все вместе. Потом Сталин обернулся, посмотрел фон и шутливо обратился к Власику:

— Какой же ты фотограф, если не сумел хорошо выбрать фон? Надо на фоне корабля сниматься.

Он сам выбрал новое место и предложил сняться еще раз. Снялись.

Сталин снова пошел на катер. Он подозвал командира катера мл. лейтенанта Александрова и спросил:

— Скажите, мл. лейтенант, какой ход у корабля.

Тот ответил.

А каким можете идти наименьшим ходом?

Тот ответил.

— А еще меньшим ходом можете идти?

— Постараемся, т. Сталин.

— Идите малым ходом и как можно ближе к берегу.

Вышли в 14:05. Шли вдоль берега. Чудная природа. В 16:35 причалили. Там уже ждали машины.

Уходя, Сталин поднял руку и сказал пограничникам: «Благодарю».

На берегу собрались отдыхающие, радовались.

К корреспонденции приложено два снимка с обоими фонами — «флотцы с т. Сталиным». Сталин вышел очень хорошо: выглядит превосходно, лицо спокойное, чуть улыбающееся, очень свежее. На нем — привычный довоенный китель без погон, со звездочкой Г. Соц. Труда, мягкие брюки, ботинки, военная фуражка со звездой. Лица у матросов молодые, сияющие.

Будем пытаться напечатать в «Правде».

18 ноября.

Наконец-то Союз писателей дошел до нас, грешных. Еще месяцев шесть назад Союз поставил вопрос о привлечении в свои ряды публицистов и очеркистов. Был создана при Союзе секция очерка и публицистики. Решили влить «свежую кровь».

Ну, мы и пошли на заклание.

Первым к жертвенному алтарю сходил Ваня Рябов. Месяца три назад его вызвали на заседание приемной комиссии и разделали под орех по принципу: «не суйся со свиным рылом в калашный ряд» Ему сказали, что нечего лезть без книжек в писатели, напишите — тогда и приходите.

После того, как пролилась Рябовская кровь, состоялось заседание Президиума Союза. Там был дан бой. Выступил Заславский и разделал Соболева. Заславского поддержал Симонов. Соболев каялся. Постановили журналистов-публицистов принимать, но с мнения секции. Секции заявить, кого она имеет в виду.

Но секция оказалась большим католиком, чем сам папа римский. Вместо того, чтобы поставить вопрос о 60–70 журналистах, она робко решила аттестовать 5–6 человек. Предложили подать заявления: от нас — Рябову и мне, от «Известий»- Кудреватых, Белявскому, Осипову. Подали.

Воспользовавшись тем, что Заславский, Галин и Курганов были в отъезде, Борис Агапов созвал бюро секции (из четырех человек) и порешили меня, Осипова, Белявского рекомендовать в кандидаты. Я заявил, узнав об этом, что подачек от Союза мне не надо, тем паче, что Горбатов, Кожевников и Заславский рекомендовали меня в члены, и «за» это высказались Симонов, Поспелов, Сурков.

Заславский, Галин и Курганов потребовали созыва нового бюро. Оно состоялось 13-го ноября. «Было бурным, как Ассамблея Объединенных наций», говорит Заславский. Агапов, естественно, упирался, отстаивал свое мнение. Дважды голосовали и постановили рекомендовать в члены.

Вчера состоялось заседание приемной комиссии. Поехали мы с Рябовым. Что говорилось на заседании — не знаю. Меня вызвали, и Соболев сказал:

— Лазарь Константинович! Разрешите поздравить вас с неутвержденным еще решением президиума о приеме вас в члены Союза писателей.

На этом же заседании приняли в члены Союза Рябова, Белявского, Осипова.

Уже три вечера сижу и правлю свою стенограмму лекции о происхождении газетной ошибки. Выходит большая статья на 13–15 страниц. Просит ее журнал ЦКВЛКСМ «В помощь работникам комсомольской печати». Дам и в «Правдист». Получается я интересно.

Вот — тема для диссертации. Развить некоторые положения, добавить об ошибках смысловых, цитатных, перепутанных понятиях (Экслер), типографских, привести высказывания, дать методологию проверки.

24 ноября.

Звонил вчера Аккуратов. Рассказал интересные вещи. Он только прилетел из ледовой разведки, летал с Черевичным. Это был реабилитационный полет Черевичного: весной он разбил в

дым «Пе-8»: сразу сдохли два мотора на одном крыли, и он, на колесах, садился в тундре, разнес всё, чудом уцелели люди. Летали много, на «Ил-12». Как выросла техника! Раньше, если сдал один мотор, немедля садились. Теперь у них сдал один мотор. Шли над морем, ближайший лед за 700 км. (в этом году воды полно). Пошли туда, чтобы там плюхнуться на подходящую льдину. Дошли, а самолет тянет по-прежнему и на одном. Пошли дальше. И так шли на одном моторе 7 часов.

Рассказал он мне, что нынче летом, в июне, они завезли оленей на Врангель. Везли в самолете 15 штук, связанных. Выпустили, привились. «Только когда прилетает самолет, они выходят из тундры на песок к берегу, д.б. хотят обратно лететь».

Сообщил о том, что Буйницкого судил Суд чести, он снят, директором ВАИ назначен Ареф Минеев. Я не знал, но, оказывается, нынче летом — в июне, кажется, Буйницкий совершил полет на Полюс. Вылетели из Певека, самовольно дошли до 90о, обратно прошли через мыс Молотова и сели на Косистом. Летели на «Ил-12». Летчик — Метлицкий, штурман — Штепенко, радист, механик. В воздухе были 15 часов. На полюсе лед — 7 баллов!

Следовательно, это 11-ый советский самолет надо полюсом:

1) 5 мая 1937 — Головин на «Р-6»
2) 21 мая 1937 — Водопьянов на «ТБ-3»
3) 26 мая 1937 — Молоков, Алексеев, Мазурук (и я)
4) июнь 1937 — Чкалов на «Ант-25»
5) июль 1937 — Громов на «Ант-25-1»
6) август 1937 — Леваневский на «Н-209»
7) зима 1937 — Водопьянов на «ТБ-3» (поиски Леваневского)
8) зима 1937 — Мошковский (поиски Леваневского)
9) октябрь 1945- Титлов на «Си-37»

Десятый-…?

Можно написать целую книжку «Одиннадцать полетов».

— Ну, а на своей точке был? — спросил я его.

— Ходили, ходили с Крузе, искали, так и не нашли. Погода была плохая: видимость не больше километра, туман. Но я убежден, что она существует.

Позвонили мне из Высшей дипломатической школы — проф. Базилевич. Просит прочесть несколько лекций по журналистике, в частности — о корреспонденции, и провести семинар. Я в принципе согласился.

28 ноября.

Наконец-то решилось с ВПШ. 25-го Кузнецов дал указание допустить всех правдистов к экзаменам. Первый состоится во вторник, 2 декабря — диктант и литература. Затем — история

ВКП(б), история СССР и география. Гоним, жмем!

Вчера был у меня (зашел в кабинет) Василий Иванович Поляков из сельхозотдела. рассказал две занятных истории:

1) За последнее время сельхоз. ученые довольно сильно наваливаются на Лысенко за его теоретические работы по генетике, утверждая, что он практик, а науке не дал почти ничего. Лысенко взял и написал в Сочи Хозяину: так и так, идут у генетиков споры, какого направления придерживаться, говорят, что я — не генетик. Хозяин ответил, что настоящим ученым, работавшим для науки и для народа был Мичурин. Вот и понимай, как знаешь!

2) Хозяин достал где-то на Кавказе семена зонтичной пшеницы (на одном стебле — несколько колосьев) и прислал Лысенко, советуя попробовать разводить и акклиматизировать в других (не кавказских) местах. Лысенко написал, что думает испытать ее в двух пунктах: в Горках и в Одессе (в Горках у него Институт, в Одессе — опытная станция). Хозяин написал в ответ, что пшеницу надо разводить «не там, где Вам удобнее, а там, где ЕЙ удобнее. В Одессе — много солнца и мало осадков, в Горках — много осадков и мало солнца. Надо — где достаточно и солнца и влаги, например, где-нибудь в районе Киева».

Несколько дней назад Хозяин был в Малом театре на спектакле Ромашова «Великая Сила». Говорят, понравилось. Дня два назад у нас напечатали об этом спектакле подвал Заславского.

В городе только и разговоров, что об отмене карточек и денежной реформе. Все по-всякому превещают.

Звонил Кокки: что ж не еду, куда делся, что Зина, как ребята.

Звонил Пожидаев: уезжает под Москву, никак не наладит домашнюю жизнь, тянет на работу.

7 декабря.

Вчера сдали последние приемные экзамены в ВПШ. Все наши прошли вполне прилично, и когда Поспелову доложили о результатах, он был весьма доволен. Держали экзамены 8 душ: Шабанов, Шишмарев, Кузьмичев, Солодов, Макаренко, Романчиков, Шур и я.

Экзамены начались во вторник, 2 декабря. Был русский: диктант и вопросы по литературе. Я был абсолютно спокоен за успех диктанта и, тем не менее, получил только «хорошо» (правда, преподаватель сказал, что у меня выше «хорошо», но ниже «отлично» — сделал одну пунктуационную ошибку (лишняя запятая) и две спорных ошибки). Никто из нас «отлично» по диктанту не получил. По литературе мне достался вопрос «образ приобретателя у Гоголя в „Мертвых душах“». Я рассказал, дал

характеристику Чичикову. Экзаменатор меня спросил:

— А зачем Чичиков покупал мертвые души?

— Какими словами сам Гоголь характеризует Ноздрева и Плюшкина? (я не помнил)

— Ну как же, про Ноздрева он говорит «исторический человек», а про Плюшкина «прореха на человечестве».

Я обидчиво заметил, что понимаю, когда надо запоминать формулировки законов физики или, например, что такое «диктатура пролетариата», но формулы Гоголя я не обязан помнить наизусть. Он усмехнулся и поставил «хорошо».

Макаренко спросили образ Огнева во «Фронте» Корнейчука. Яшка ответил, что Корнейчук охамил печать и военкоров, и он, в знак личного протеста, не читал его пьесы. Экзаменатору понравилось и от поставил «отлично».

На следующий день сдавали Историю партии. Мне достался билет с вопросами «причина поражения 1-ой русской революции» и «Восьмой съезд партии». Я ответил на оба вопроса, но в 8-м съезде поставил на первое место принятие программы, а вопрос о середняке — на второе. Преподаватель сказал, что методологически это неправильно: вопрос о середняке был коренным и решающим. Экзаменаторы поспорили. Один стоял за «отлично», второй за «хорошо». В итоге выставили «хорошо».

В четверг была география. Мне выпали вопросы «Румыния» и «Восточная Сибирь». Я ответил, вышел далеко за пределы учебника. Меня попросили показать Нью-Фаунленд, Юго-Западную Африку и сказать, чья это колония, найти Индонезийскую республику, Кенигсбергскую область и Киргизию. Оценка «отлично».

Грише Романчикову выпала Индия и Закавказье. На двух листах блокнота я написал ему (мы сидели рядом) основные данные по Индии и главнейшие стройки Закавказских республик. Он ответил четко. Затем его спросили:

— Покажите Корею.

— Я там был.

— Это ничего не значит. Многие бывали, а показать не могут.

И сразу же за ним дама из МГК никак не могла найти на карте Иркутскую область и Урал.

Вчера была история СССР — то, в чем я чувствовал себя наиболее слабым, т. к. нет общего исторического представления. Но выпали вопросы по Семилетней войне и революционно-демократическому движению в 70-х г.г. 19-го века. О Семилетней войне я как-то, готовясь к передовым о взятии Берлина, прочел трехтомное исследование, а второй ответ построил на статье Ленина «Памяти Герцена» и «Развитие капитализма в России». В

итоге — «отлично».

Вообще, у всех наших ниже «хорошо» отметок нет, за исключением двух «удовлетворительно» по географии у Солодова и Кузьмичева.

Сейчас будем ждать решения мандатной комиссии.

Москва несколько дней назад взбесилась. Прошел слух о денежной реформе. Люди кинулись превращать вещи в ценности. «Мосторг» обычно продавал в день один-два ковра, тут в один день продал 250 ковров. Расхватали все в комиссионных, антикварных магазинах. Через день (дня три-четыре назад) на большинстве магазинов появились надписи «закрыто на учет». Продмаги почти ничего не отоваривают до сих пор. Все учреждения, заводы, издательства спешно расквитываются с долгами.

Слухов о характере реформы до хера. И москвичи кидаются из одной крайности в другую: то все вынимают вклады из сберкасс (Романчиков рассказывал, как зашел в сберкассу и рядом с ним ветхая старушка брала…45 тысяч!!), то обратно вносят.

Декрета ждут со дня на день, а его все нет.

В «Культуре и жизни» в дым разделали «Дым отечества» Симонова и основательно «Молодую гвардию» Фадеева. У нас два дня назад тоже выступили по ней (полтора подвала).

12 декабря.

На редкость лекционная неделя. Во вторник читал лекцию для слушателей газетного отдела Московский межобластной партийной школы — о репортаже. Вчера читал вступительную лекцию о корреспонденции для слушателей Высшей дипломатической школы МИДа, оказывается — т. Молотов сказал им, что дипломаты должны уметь писать в газеты и должны научиться этому. Вот они и учатся. Инициатором этого дела там является профессор Леонид Илларионович Базилевич — декан западного факультета и зав. кафедрой культуры языка. Очень вежливый и предупредительный человек средних лет. Он спрашивал меня, кто бы мог прочесть еще, я посоветовал: передовая — Гершберг, публицистическая статья — Азизян, фельетон — Заславский, международная информация — Леонтьев. Сам я обещал провести с ними еще три занятия по корреспонденции: разбор конкретной напечатанной корреспонденции и два занятия семинара. А завтра у меня лекция о корреспонденции в Московской партшколе. Надо будет подготовить лекцию об отчете.

Родилась идея написать книжку об опыте военных корреспондентов «Правды». Борис Полевой услышал и ухватился руками и ногами. Шабанов утверждает, что это «прямо в лист»

задачам кабинета истории «Правды». Вчера я сделал первую прикидку плана — может получится.

Надо записать историю доктора Ивана Федоровича Спарыкина (или Спарыхина? — неразборчиво «к» или «х» — С.Р.). Появился он у меня в кабинете году в 1945, в конце. Наш Забарский лечился у него в клинической больнице НКПС и на вопрос доктора: кто может ему помочь — направил его ко мне (я как раз перед этим писал о работах Неговского).

Вошел ко мне плотный мужчина, ниже среднего роста, с широким русским лицом, живыми глазами, седой (после он сказал, что ему 48 лет). Одет скромно. Отрекомендовался и коротко изложил дело. В течение многих лет он работает над проблемой лечения рака. Ему кажется, что нашел простой способ (лечение вспрыскиванием гидрата хлористого кальция). Каждый рак лечит успешно, есть больше десятка случаев: все удачные, ни одного рецидива.

Но условий — никаких. Он терапевт, и в клинической больнице, где он работает, требуют, чтобы он вел общих больных, а не раковых, лабораторию ему не дают, мышей для опытов он покупает на свои средства и сам их кормит из своего пайка. Его материальные условия: рабочая карточка, ставка 980 рублей и все. Приходится заниматься частной практикой и времени на научную работу почти нет. Ученый мир относится скептически. Я поговорил с Поспеловым, и мы решили взять шефство над Спарыкиным. Поспелов тут же позвонил министру транспорта Ковалеву и тот обещал заняться. После этого Спарыкин заходил ко мне десятки раз, я несколько раз звонил Ковалеву, напоминал ему, звонил министру здравоохранения Митереву, его заместителям, они обещали, но дело двигалось плохо.

В конце прошлого года Спарыкин пришел ко мне радостный и возбужденный.

— Лазарь Константинович, поздравьте меня: я больше не шарлатан и не авантюрист! Пять лет ходил в шарлатанах, хватит.

Оказалось, что накануне была московская конференция онкологов, и столичные светила — главный онколог страны проф. В.И. Казанский, известный радиолог проф. Ламперт и др. положительно отозвались о работах Спарыхина, а некоторое время назад больных Спарыхина смотрел главный бог онкологии ленинградский профессор Петров и одобрил метод.

Но на научном положении Спарыхина, да и на материальном, это никак не сказалось. Тогда у него явилась мысль написать письмо Сталину. Я посоветовался с Поспеловым, он дал согласие на отправку письма через «Правду». Предварительно я позвонил Казанскому — он подтвердил, что дело стоящее и перспективное.

Позвонил Ламперту — тот тоже. Позвонил зам. министра здравоохранения по научной части проф. Н.Н. Приорову — то же. Позвонил директору спарыхинской больницы — он обещал улучшить условия, выдать ему карточку «литера — Б» и орсовские обеды. («Больше ничего сделать не могу»).

И все в один голос:

— Он кулак. Держит свой метод в кармане и не раскручивает. А могли бы навалиться всем миром.

Спарыкин смеется:

— Ишь, какие хитрые! Они мне давно говорят — отдай это в онкологический институт. А там все профессора, да доктора. Возьмут каждый по крупной теме, а от Спарыхина останутся рожки да ножки. Вон Казанский мне давно предлагал: давайте работать вместе и славу пополам.

Написали письмо. Несколько раз переделывали. Потом послали в начале 1947 года. В этот период я дважды говорил о письме с Леонидом Александровичем Логиновым (у нас, в Серебряном, обедая и ужиная). Он обещал проследить и помочь. К письму я приложил свою записку, в которой рассказывал о разговорах с учеными и о бытовом положении Спарыкина.

Спарыхин продолжал заходить каждую неделю — нет ли вестей? Рассказывал о своем жизненном пути, как учился на рабфаке, как случайно познакомился с Н. Аллилуевой, и она тащила его за волосы, заставляя учиться в медицинском институте. Потом работал лечащим врачом-терапевтом («по всем болезням, как земский врач»). В годы Отечественной войны применил свою жидкость для лечения тяжелых ожогов, и она оказалась превосходной. Специальным приказом начальник СанУпра Кр. Армии (нынешний министр здравоохранения Смирнов Е.И.) выразил ему благодарность.

И вот в марте, не то в конце февраля этого года, он буквально прибежал ко мне.

— Что делается, Лазарь Константинович! Вызвал меня Приоров, говорит зачем писали письмо, мы бы и сами все сделали. Срочно пишите заявку, что вам нужно. Оказывается, заявление мое пришло к ним с резолюцией Жданова, и об этом деле знает и Ворошилов.

В общем, выделили ему две палаты на восемь коек, лабораторию, помощника, лаборантов, консультантов. Зашевелилось и НКПСовское начальство: дали ордер на… хлопчатобумажный костюм и повысили зарплату на… 5 рублей.

Потом Спарыхин исчез. И вот явился ко мне три дня назад.

— Со стороны научной — никаких жалоб у меня нет. Все помогают. Больных могу класть сколько хочу. Проблема кожного

рака решена окончательно. Сейчас успешно лечу рак груди, рак языка и лимфатических желез, в том числе и инкурабельные случаи. Проф. Малиновский в гинекологической клинике пробует попутно с другими методами мой метод и при лечении рака матки. Мне сдается, что моя жидкость действует не только местно, но и оказывает влияние и на весь организм. И вот сегодня приступаю к новому этапу: внутреннее использование жидкости. Буду вводить клизмой и — в других случаях лепешками через пищевод. Посмотрим.

И, прощаясь, пошутил:

— Вот подождите, Л.К., получу Нобелевскую премию — я Вам такой банкет устрою!

Но в этих его шутливых словах была очень большая уверенность в том, что эту премию он действительно получит.

ПРИМЕЧАНИЯ

{1}
{21}
{41}
{42}

notes

Примечания

1

Неразборчиво.

2

ЦАК — Центральный аэроклуб, ныне им. Чкалова.

3

ЦС ОАХ — Центральный Совет Осоавиахима. Комдив Уваров Николай Михайлович (1896-28. 08 1938) Член партии с 1924 года. Участник первой мировой войны. В гражданскую войну: командир взвода, роты, помощник командира полка, командир 241-го Крестьянского стрелкового полка. После войны: помощник командир 32-й Саратовской стрелковой дивизии; начальник отдела по войсковой подготовке командного состава Управления боевой подготовки штаба РККА; командир Уральской стрелковой дивизии; преподаватель Военной академии имени Фрунзе М. В.; командир и военный комиссар 3-го стрелкового корпуса; помощник командующего войсками Московского ВО.Приказом наркома обороны СССР № 2395от20. XI 1935 года Уварову Н. М. было присвоено персональное военное комдив. В 1935 году откомандирован в распоряжение Осоавиахима СССР на должность заместителя председателя Центрального Совета с оставлением в распоряжении НКО СССР. Дважды награжден орденом Красного Знамени (1921, 1921). На момент ареста — начальник управления авиации Центрального управления Осоавиахима СССР. Арестован 22. 03 1937 года. На предварительном следствии и в суде комдив в предъявленных ему обвинениях виновным себя признал. Приговорен ВК ВС СССР к ВМН 28. 08 1938 года и в этот же день расстрелян. Реабилитирован 11. 07 1957 года. (http://ymenaker.boom.ru/kom_div/2340.htm)

4

Алексеев Михаил Юлианович — советский лётчик-испытатель, майор.

Родился в 1903 году на территории нынешнего Люблинского воеводства (Польша). Окончил 6 классов гимназии и советскую школу 2-й ступени. В 1920 работал в Барнаульском губпродкоме.

В 1921 служил в заградительном отряде. В 1922 окончил школу младшего командного состава. В 1922–1924 — инструктор спорта и допризывной подготовки, в 1924–1925 работал в губкоме партии.

В армии с 1925. В 1926 окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС, в 1927 — Качинскую военную авиационную школу лётчиков. Был оставлен в ней лётчиком-инструктором, до 1933 был лётчиком-инструктором в других ВАШЛ.

С января 1934 — на лётно-испытательной работе в НИИ ВВС. В 1934 совместно с В.А.Степанчёнком и Э.Ю.Преманом выполнил на истребителях высотный перелёт Москва-Самара.

С мая 1935 — лётчик-испытатель ЦАГИ. Поднял в небо и провёл испытания самолётов АНТ-46, АНТ-37бис (ДБ-2Б), АНТ-44Д (МТБ-2). Участвовал в испытаниях самолёта СБ.

1.11.1936 на самолёте СБ с грузом 1000 кг достиг высоты 12.695 метров. Однако этот мировой авиационный рекорд не был зарегистрирован ФАИ.

2.09.1937 на самолёте СБ с грузом 1000 кг достиг высоты 12.246,5 метров. Это достижение было зарегистрировано ФАИ в качестве мирового авиационного рекорда.

С 1938(?) (в мае 1939) — лётчик-испытатель авиазавода № 156 (г. Москва).

За время лётной работы (1926–1939 гг.) освоил 46 типов самолётов.

Погиб 26 июля 1939 года при выполнении испытательного полёта на самолёте И-16 с мотором М-25А, снабжённом турбокомпрессором.

26.07.1939 в 20:36 с Центрального аэродрома (Ходынка) М.Ю.Алексеев выполнял первый полёт на самолёте И-16 с мотором М-25А, снабжённом турбокомпрессором. При наборе высоты произошёл отказ мотора. Лётчик попытался спасти самолёт и сделал попытку развернуться на 180°, чтобы сесть с обратным курсом на аэродром. При развороте была потеряна скорость, самолёт сорвался в штопор и упал в рощу на границе аэродрома (район нынешних Песчаных улиц). Лётчик умер, не

приходя в сознание, ночью 26 июля 1939.

Это была первая попытка увеличения потолка истребителя с помощью турбокомпрессора (ранее такая же идея была реализована на самолёте АНТ-42 (Пе-8)). Двигатель М-25 снабжался двумя турбокомпрессорами ТК-1. Они были включены параллельно и являлись 1-й ступенью наддува, а ПЦН (приводной центробежный нагнетатель) двигателя являлись 2-й ступенью наддува. Высотность двигателя увеличилась с 2.900 до 7.250 метров. В результате испытаний было установлено, что потолок самолёта И-16 возрос с 8.270 до 11.000 метров. Было решено перейти на более мощные двигатели М-62 и М-63 и испытать турбокомпрессоры с ними. После испытаний была выпущена небольшая серия самолётов И-16 с турбокомпрессорами.

Жил в Москве. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Наград не имел.

http://www.testpilot.ru/memo/30/alekseev.htm

5

Неразборчиво.

6

Вымарано.

7

Коккинаки.

8

ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н.Е. Жуковского.

9

Неясно.

10

Отдел эксплуатации, лётных испытаний и доводок ЦАГИ.

11

Тивель и Тардо — процесс Зиновьева-Каменева в 1936 г. Группа Закса-Гладнева.

12

Райвигер —?

13

«Моссельпромом» называли штурманскую остеклённую кабину в носовой части фюзеляжа самолёта.

14

Тайд — не установлен.

15

Оперод СОУ ОГПУ — Оперативный отдел Специального охранного управления ОГПУ. История подразделения:

Оперод ВЧК

Оперод ГПУ

Оперод СОУ ОГПУ — март 1931

Оперод ОГПУ март 1931 — июль 1934

Оперативный отдел (Оперод) ГУГБ НКВД СССР июль 1934 — ноябрь 1936

Оперативный отдел (Оперод) ГУГБ НКВД СССР ноябрь 1936 — декабрь 1936

2 отдел ГУГБ декабрь 1936 — июнь 1938

2 отдел 1-го Управления июнь-сентябрь 1938

3 спецотдел НКВД

3 отдел НКГБ

3 спецотдел НКВД июль 1941 — апрель 1943

Второе управление НКГБ апрель 1943

5 Управление МГБ — сентябрь 1949

7 Управление МГБ сентябрь 1949

7 Управление МВД СССР март 1953 — март 1954

7 Управление КГБ при СМ СССР

УОДК ВГУ КГБ при СМ СССР

7 Управление КГБ СССР

Оперативно-поисковое управление (ОПУ) ФСК РФ

Оперативно-поисковое управление (ОПУ) ФСБ РФ

16

Янсон Николай Михайлович (24.11.1882, Петербург — 20.6.1938), партийный и государственный деятель. Сын рабочего. С 1901 рабочий-металлист. В 1905 вступил в РСДРП, большевик. В нояб. 1905 пред. Ревельского совета рабочих депутатов. В 1906 арестован и сослан в Тобольскую губернию, бежал. Вел партийную работу в Петербурге и Ревеле. В 1907 уехал в США, секретарь социалистической федерации эстонских рабочих. В июне 1917 вернулся в Ревель, товарищ пред. городской управы, член Северо-Балтийского бюро ЦК РСДРП(б). После того как Эстония была оккупирована германскими войсками, Я. был арестован и выслан в РСФСР. В 1918-21 директор завода, затем пред. Самарского губернского профсовета. В 1921-23 пред. Московского районного отдела и секретарь ЦК союза металлистов. В 1923-34 член Президиума ЦКК. В 1923-27 секретарь ЦКК, в 1927-30 секретарь Партколлегии ЦКК, руководил чисткой партийных рядов от троцкистов и других представителей оппозиции. Одновременно в 1925-28 зам. наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР. В 1928-30 нарком юстиции РСФСР. В 1930-31 зам. пред. СНК РСФСР. С 30.1.1931 нарком водного транспорта СССР. 13.3.1934 понижен до зам. наркома. В 1934-37 член Центральной ревизионной комиссии. В июле 1935 потерял и этот пост. С окт. 1937 зам. нач. Главного управления Севморпути при СНК СССР — 6.12.1937 арестован. Приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1955 реабилитирован

17

Ушаков Георгий Алексеевич (17(30).1.1901, деревня Лазарево, ныне Амурской области, — 3.12.1963, Москва) исследователь Арктики, доктор географических наук (1950).

С детства Георгий Ушаков отличался любознательностью и тягой к знаниям. Его учителем был отец — единственный грамотный человек в Лазаревском. Первым «университетом» для Ушакова стала тайга.

В 11-летнем возрасте он переехал в Хабаровск и поступил в Коммерческое училище им. П.Ф.Унтербергера. Жил в ночлежном доме, работая газетчиком, таможенным переписчиком, учеником парикмахера и ювелира.

Здесь в 1916 г. состоялась встреча Ушакова со знаменитым исследователем Дальнего Востока, замечательным писателем В.К.Арсеньевым. Заметив в юноше оригинальные способности и трудолюбие, Арсеньев пригласил его участвовать в своей экспедиции. Арсеньев сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе Георгия Ушакова. С этого времени началась их дружба, продолжавшаяся всю жизнь. Настойчивость, энергичность, умение и желание работать с людьми, организаторские способности Ушакова вскоре были востребованы: постановлением СНК РСФСР от 10 июля 1926 г. его назначили руководителем экспедиции на о. Врангеля. С той поры Георгий Ушаков навсегда связал свою жизнь с Арктикой.

Высадившись с отрядом в количестве 59 человек на пустынный, необитаемый остров, Ушаков сделал первые шаги по его освоению и описанию (им была создана детальная карта о. Врангеля), стал первым губернатором островов Врангеля и Геральда, изучил быт и обычаи эскимосов.

В июле 1930 г. Георгий Алексеевич по разработанному собственному плану отправился совместно с Н.Н.Урванцевым, В.В.Ходовым и С.П.Журавлевым покорять Северную Землю. И за два года (1930–1932) четверка отважных совершила невероятное: они описали и составили первую карту громадного арктического архипелага Северная Земля.

В декабре 1932 г. его назначили первым заместителем начальника только что созданного Главного управления Северного морского пути. Начался новый период в жизни исследователя. С 1934 г. он уполномоченный правительственной комиссии по спасению экипажа и пассажиров парохода «Челюскин», затонувшего в Чукотском море.

В 1935 г. Георгий Алексеевич возглавил Первую

Высокоширотную экспедицию на ледокольном пароходе «Садко». В результате были совершены научные открытия, поставлен мировой рекорд свободного плавания за Полярным кругом (82°4'с.ш.). Одним из важнейших достижений экспедиции стало определение границ континентального шельфа, что и в настоящее время очень важно для интересов России в Арктике. Установлено проникновение теплых вод Гольфстрима к берегам Северной Земли, открыт остров, названный именем Ушакова.

К сожалению, эта экспедиция в Арктику стала последней для Георгия Алексеевича: его здоровье было подорвано. В 1936–1939 гг. он — первый начальник созданного Главного управления Гидрометслужбы СССР, далее занимал посты заместителя председателя Совета по изучению производительных сил страны при Академии наук, ученого секретаря Института мерзлотоведения АН СССР. Работал в Президиуме АН СССР.

В 1947 г. — он один из руководителей экспедиции в Бразилию для наблюдения за солнечным затмением.

В 1951 г. вышла в свет книга «По нехоженой земле» — о знаменитой экспедиции на Северную Землю.

Георгий Алексеевич Ушаков умер в Москве 3 декабря 1963 г. Он завещал похоронить себя на той суровой Северной Земле, которую открыл миру. Его последняя воля была выполнена: урну с прахом выдающегося землепроходца и первооткрывателя доставили на о. Домашний и замуровали в бетонную пирамиду.

Подробнее об Ушакове см. — http://www.vvv.ru/papers/textview.php3?paper =70

18

Серкин Иван Онисифорович, 1898 года рождения, из крестьян, уроженец г. Калуги, русский, гр-н СССР, с высшим образованием, с 1917 года состоял членом ВКП(б), в 1939 году за притупление бдительности и за связь с врагами народа БЕРГАВИНОВЫМ и другими, объявлен строгий выговор с предупреждением, впоследствии снятый с оставлением — на вид.

Бывший помощник начальника Политуправления Главсевморпути, к моменту ареста — и.о. начальника планово-финансового управления Главсевморпути.

Участник антисоветской право-троцкистской террористической организации. В 1934 году БЕРГАВИНОВЫМ — бывш. начальником Политуправления Главсевморпути (умер во время следствия) был вовлечен в антисоветскую право-троцкистскую организацию, существовавшую в Главсевморпути. В 1937 году входил в террористическую группу, по заданию БЕРГАВИНОВА, связанного через ГРИНЬКО (осужден к ВМН) с антисоветским право-троцкистским блоком, принимал участие в попытке совершить террористический акт против вождя ВКП(б) летом 1937 года во время встречи экспедиции Шмидта, возвратившейся с Северного полюса. Через БЕРГАВИНОВА знал об антисоветской деятельности врагов народа ВАРЕЙКИСА и ШЕБОЛДАЕВА (осуждены к ВМН). Вербовал других в антисоветскую организацию. После ареста БЕРГАВИНОВА возглавлял антисоветскую организацию в Главсевморпути. Изобличается показаниями соучастников ЦАТУРОВА С.С., ДУБИНИНА А.А., КАЦ И.М. и ПАНОВА (все арестованы) и очными ставками с ними.

19

Дейн — не установлен

20

Беравин — не установлен

21

Каганович Михаил Моисеевич (16.10.1888, деревня Кабаны Радомысльского уезда Киевской губернии — 1.7.1941), государственный деятель. Брат Л.М. Кагановича. Получил начальное образование. Рабочий-металлист. В 1905 вступил в РСДРП, большевик. Неоднократно арестовывался. В 1917-18 член штаба красногвардейских отрядов на станции Унеча (Черниговская губерния). В 1918-22 пред. Арзамасского военно-революционного комитета, пред. Суражского совета (Смоленская губерния), уездный продкомиссар в Арзамасе, секретарь Выксакого уездного комитета РКП(б). Участвовал в проведении карательных операций на селе. В 1923-27 пред. Нижегородского губернского совета народного хозяйства. При поддержке младшего брата переведен в Москву. В 1927-30 кандидат в члены, с июля 1930 по февр. 1932 член президиума ЦКК ВКП(б). В 1928-30 член Коллегии Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР. С нояб. 1930 член Президиума, в 1931-32 нач. Главного управления машиностроения и металлообработки, зам. пред. ВСНХ СССР. В 1932-36 зам. наркома тяжелой промышленности СССР, ближайший сотрудник Г.К. Орджоникидзе. С 1934 член ЦК ВКП(б). В 1934-39 член Оргбюро ЦК. Одновременно в 1935-36 нач. Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома. С дек. 1936 зам. наркома, в 15.10.1937- 11.1.1939 нарком оборонной промышленности (НКОП) СССР. С 1937 депутат Верховного Совета СССР. 11.1.1939 из НКОП выделен Наркомат авиационной промышленности СССР, во главе которого поставлен Каганович. Несмотря, а может быть, и благодаря близкму родству с Л.М. Кагановичем Каганович 10.1.1940 потерял свой высокий пост и назначен директором завода № 24 в Казани. В февр. 1941 на XVIII конференций был предупрежден, что если «не выполнит поручения партии и правительства, то будет выведен из состава ЦК и снят с руководящей работы». После того как И.В. Сталин сказал его брату о том, что Каганович «якшался с правыми», Лазарь не выступил в его защиту, но сообщил об этом брату по телефону. В тот же день Каганович застрелился. Его жена — Цицилия Юльевна (1896–1959). Их дочь Юлия (1919–1961) вышла замуж за известного скрипача Михаила Израилевича Фихтенгольца (1920–1971).

22

Нюхтиков Михаил Александрович (1906-98), заслуженный лётчик-испытатель СССР (1959), полковник, Герой Советского Союза (1957). Испытания ряда поршневых и реактивных бомбардировщиков Ту, истребителей Як и др. Летал на самолётах 232 типов.

23

Инженер-летчик НИИ ВВС М.А. Липкин

24

Альтовский Василий Иванович, начальник метеорологической станции ВВС, главный метеоролог перелета (Чкалов-Байдуков-Беляков). Вместе с В.И. Чекаловым возглавлял штаб перелёта.

25

H/y

26

«Regina»

27

См. прим. 4.

28

Чекалов Василий Иванович, начальник 8-го отдела ЦАГИ (ОЭЛИД)

29

Корзинщиков Сергей Александрович (1904–1943) — лётчик-испытатель ЦАГИ.

Корзинщиков Сергей Александрович — советский летчик-испытатель 1 класса (1940), майор.

Окончил теоретическую школу авиации в г. Егорьевске (1923), 1-ю военную школу летчиков (1924) и Высшую военно-авиационную школу воздушной стрельбы и бомбометания («Стрельбом») в г. Серпухове (1924).

Служил летчиком-истребителем в ВВС (1924–1928), летчиком-испытателем в Научно-испытательном институте ВВС (1928–1930).

С 1930 на летно-испытательной работе в ЦАГИ, где проводил летные испытания многих экспериментальных автожиров (1930–1940). 20 сентября 1934 он выполнил первый полет автожира ЦАГИ А-7.

В январе 1935 Корзинщиков участвует в поездке в Англию с целью закупки автожира С-30. Летом 1935 он проводит в ЦАГИ сравнительные испытания автожиров С-3 ˚Сиервы и А-8 и А-4.

Корзинщиков испытывал также опытные самолеты ряда ОКБ — ДИП (АНТ-29; 1935), СБ N 316 «Химический штурмовик» (1937), истребители И-220 (1939), И-26 (Як-1; 1940).

Известный летчик-испытатель, ученый и писатель М.Л.Галлай относит С.А.Корзинщикова к «корифеям», «представителям старой гвардии» отдела летных испытаний ЦАГИ, наряду с И.Ф.Козловым, М.М.Громовым и А.П.Чернавским. Именно Корзинщикову принадлежит крылатое изречение: «Настоящий летчик-испытатель должен свободно летать на всем, что только может летать, и с некоторым трудом на том, что, вообще говоря, летать не может». Помимо эффективной работы по летным испытаниям, к его заслугам нужно отнести активное и плодотворное участие в создании инженерных кадров летчиков-испытателей. Первую группу (1935 г.) «доморощенных» инженеров-летчиков составили Ю.К.Станкевич, Н.С.Рыбко и Г.М.Шиянов, а вторую, годом спустя, А.Н.Гринчик, М.Л.Галлай, Ф.И.Ежов, В.А.Карпов, В.С.Панкратов и И.И.Шунейко. Многие из них стали Героями Советского Союза, Заслуженными летчиками-испытателями СССР и оставили яркий след в истории отечественной авиации.

В годы Великой Отечественной войны — летчик-испытатель авиазавода № 84 (82).

Погиб 30 августа 1943 г. при перегоне истребителя Як-7Б.

Катастрофа произошла при попытке совершить вынужденную посадку на Як-7 N 1429 на аэродроме «Захарково». По словам В.Г.Мареева, он сорвался на последнем развороте.

Награжден орденами Ленина, Красной Звезды.

http://www.testpilot.ru/memo/40/korzinshchikov.htm

30

Осипенко Полина Денисовна (8. 10. 1907-11. 5. 1939) (в девичестве Дудник) Полина Денисовна — советская лётчица, капитан. Родилась 8 октября 1907 года в селе Новоспасовка, ныне село Осипенко Бердянского района Запорожской области (Украина), в семье крестьянина. Была девятым ребенком в семье. Украинка. Член КПСС с 1932. Окончила начальную школу, курсы птицеводов. Работала заведующей колхозной птицефермой.

В 1930 году решила научиться летать. Первая попытка поступить в Качинскую школу летчиков не увенчалась успехом, и Осипенко пошла работать в столовую пилотов. Хоть официанткой, но на аэродроме! Полеты училища происходили на нескольких площадках, куда к 12 часам на самолете У-2 привозили стартовый завтрак. В этих постоянных полетах летчики-инструкторы разрешали Полине подержаться за управление. Так она научилась летать на У-2. Затем, во время визита на Качу Ворошилова, она упросила его зачислить ее в училище, которое закончила В 1933 году.

Служила лётчиком, командиром звена в истрибительной авиации. Летом 1937 г. П. Осипенко побила три мировых рекорда высотных полетов с грузом и без нагрузки. В 1938 г. она возглавила беспосадочный перелет Севастополь Архангельск; ее экипаж установил также международный женский рекорд дальности полета по замкнутой кривой.

Жена летчика Осипенко А.С. (лентчика истребителя. воевавшего в Испании)

24-25 сентября 1938 года на самолёте АНТ-37 «Родина» (командир В.С.Гризодубова, штурман — М.М.Раскова) совершила беспосадочный перелёт Москва-Дальний Восток (Керби) протяжённостью 6450 км (по прямой — 5910 км). В ходе перелёта был установлен женский мировой авиационный рекорд дальности полёта.

За выполнение этого перелёта и проявленные при этом мужество и героизм 2 ноября 1938 Полине Денисовне Осипенко присвоено звание Героя Советского Союза.

После перелета Москва — Дальний Восток Осипенко — инспектор по технике пилотажа, наставник пилотов-истребителей. Избиралась делегатом XVIII съезда ВКП(б).

Майор Осипенко погибла в авиационной катастрофе 11 мая 1939 года во время учебно-тренировочных сборов вместе с начальник главной летной инспекции ВВС РККА А.К.Серовым.

Похоронена в Москве у Кремлёвской стены.

Награждена 2 орденамии Ленина, орденом Трудового Красного Знамени.

Имя Осипенко в 1939 г. присвоено Одесской военной авиационной школе, Днепропетровскому областному аэроклубу, Бердянскому учительскому институту. Её именем названы улицы и площади в Москве, Минске, Перми, Владимире, Элисте и других городах, райцентр и район в Хабаровском крае. В селе Осипенко установлен её бюст, в деревне Высокое Рыбновского района Рязанской области обелиск http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?hero_id=654

31

н/у

32

?

33

?

34

?

35

Шмидт Ютто Юльевич

36

Ворошилов Климент Ефремович

37

Молотов Вячеслав Михайлович

Леваневский

39

Громов

40

Громова

41

Газета «За индустрию».

«Известия»

43

Машина, самолет.

44

?

45

Имеется в виду, что Коккинаки планировал (обещал) поставить рекорд высоты на нровом самолете РВ-23-6 февраля 1937 в Севастополе были завершены испытания самолета «Рекорд высоты» (РВ-23), которые шли там с 19 декабря 1936. Машина была в 1935 предложена вед. и НИИ ВВС И.В.Часовниковым и поддержана ком. эскадрильи боевого применения НИИ ВВС А.И.Филиным. РВ-23 был построена в одном экз. на 23 заводе КЛ в Ленинграде. Легкий гидроплан или обычный биплан с двумя сменными комплектами крыльев и РЦ РЦФ54 мощностью 700 нр и металлическим винтом диаметром 2.9 м или М-25Е с импеллером. В ходе испытаний на колесах осенью 1936 в Подмосковье на Щелковском аэродроме ли Ф.Жеребченко и К.Рыков достигли высоты 13456 м. В Севастополь перебрались из Москвы так как водоемы замерзли. Испытания продолжили на поплавках. В первых же полетах выяснилось, что руление и посадка возможны тольков в спокойную погоду. Даже при небольшом волнении вода заливала нижнее крыло и это приводило к обледенению. Поэтому выше 100 м подняться не смогли (1965,6).

— см. Дейн (прим. 19)

47

?

48

Накоряков Николай Никандрович (1881–1970), участник российского революционного движения с 1899. С 1901 в РСДРП, большевик, затем меньшевик. В 1919–1920 в Белом движении. С 1922 в Госиздате. Один из организаторов издательства «Советская энциклопедия».

49

Бехер Ульрих (р. 1910), немецкий писатель. Живет в Швейцарии. В 1933-45 в антифашистской эмиграции. Черты экзотики и гротеска в драмах («Огненная вода», 1951), рассказах («Женщина и смерть», 1949); в романах («В начале пятого», 1957, «Охота на сурков», 1969, «Экс-казино Вильяма», 1973) судьбы немецкой антифашистской эмиграции, современные политические проблемы.

Барто Агния Львовна (1906–1981), поэтесса.

Родилась 5 февраля (17 н.с.) в Москве в семье ветеринарного врача. Получила хорошее домашнее воспитание, которым руководил отец. Училась в гимназии, где и начала писать стихи. Одновременно занималась в хореографическом училище, куда на выпускные зачеты приехал А. Луначарский и, прослушав стихи Барто, посоветовал ей продолжать писать.

В 1925 были опубликованы книжки стихов для детей — «Китайчонок Ван Ли», «Мишка-воришка». Беседа с Маяковским о том, как нужна детям принципиально новая поэзия, какую роль она может сыграть в воспитании будущего гражданина, окончательно определила выбор тематики поэзии Барто. Она регулярно выпускала сборники стихов: «Братишки» (1928), «Мальчик наоборот» (1934), «Игрушки» (1936), «Снегирь» (1939).

В 1937 Барто была делегатом Международного конгресса в защиту культуры, который проходил в Испании. Там она воочию увидела, что такое фашизм (заседания конгресса шли в осажденном пылающем Мадриде). Во время Отечественной войны Барто часто выступала по радио в Москве и Свердловске, писала военные стихи, статьи, очерки. В 1942 была корреспондентом «Комсомольской правды» на Западном фронте.

В послевоенные годы бывала в Болгарии, Исландии, Японии, Англии и других странах.

В 1940-50 выходят новые сборники: «Первоклассница», «Звенигород», «Веселые стихи», «Стихи детям». В эти же годы работает над сценариями детских кинофильмов «Подкидыш», «Слон и веревочка», «Алеша Птицын вырабатывает характер».

В 1958 написала большой цикл сатирических стихов для детей «Лешенька, Лешенька», «Дедушкина внучка» и др.

В 1969 вышла книга прозы «Найти человека», в 1976 — книга «Записки детского поэта». Умерла А. Барто в 1981 в Москве.

Использованы материалы кн.: Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. Москва, 2000.

http://www.hrono.ru/biograf/barto.html

51

Повременный сленг — «излишек пафоса».

ФАИ — FAI (Federal Aviation Institute) www.fai.org

53

«Волочаевские дни», 1937 год., художественный фильм

Имеется в виду первая воздушная экспедиция на Северный полюс, когда лётный отряд возглавлял Герой Советского Союза М. Водопьянов (самолёт СССР «Н-170», эжкипаж — командир Водопьянов, — второй пилот Г. К. Орлов, штурман Л. А. Ритсланд, механики В. Л. Ивашина, В. Д. Терентьев и Д. А. Тимофеев, бортрадист В. Ходов). Бортмеханик — Василий Ивашина.

http://www.flightsim.krsk.ru/polar/ice_as3.htm

55

?

«С колёс», «с пылу, с жару»

57

ХБУ?

58

Мульты?

Финн Константин Яковлевич [псевдоним Хальфина, 1904 —] беллетрист и драматург. Р. в Москве, в семье служащего. Учился в реальном училище. Работал в полтавской газете «Губернские известия» в качестве репортера. Печатается с 1927.

Ранние произведения Ф. носят на себе отчетливые следы влияния Чехова. В отличие от дореволюционных писателей Ф. останавливается не только на изображении гнетущего прошлого, но гл. обр. на противоречии и столкновении старых общественных форм и отношений с новыми, возникающими в социалистическую эпоху.

В одном из своих первых больших произведений («Третья скорость», 1930) Ф. разрабатывает тему коллективизации сельского хозяйства. Борьба партии с кулачеством, противодействие отсталой части крестьян механизации, организации посевной кампании и т. д. и т. д. — вот ряд конкретных вопросов, затронутых в этой повести. Строительству завода, выковыванию психологии нового человека в процессе творческого труда посвящено другое произведение Ф. («Большие дни», 1933). Типичны для творчества Ф. такие рассказы, как «Окраина» (переделан в одноименный сценарий), «Вторая ступень», «Семейная история», в к-рых изображена дореволюционная провинциальная глушь, безрадостное существование обитателей далеких окраин. Реалистический характер прозы Ф. сочетается у него с пристрастием к гротеску, к сатирической гиперболе.

Финн известен также как драматург, как автор комедий. Первая из них «Вздор» (пост. в театре им. МОСПС в 1934–1935) и следующая «Свидание» (пост. в б. МХАТ втором в 1935) посвящены борьбе с пережитками капитализма в сознании людей нашего времени, борьбе со «вздорными» представлениями о жизни, любви и ревности, к-рые еще живут в сознании многих интеллигентов, противопоставляющих свое индивидуалистическое «я» «миру», «толпе».

В «Большой семье» (пост. театром Сатиры в 1936–1937) Ф. продолжает разрабатывать излюбленную им тему любви и дружбы, а также проблему взаимоотношения «отцов и детей» в нашу социалистическую эпоху. Взаимная помощь советских людей друг другу соединяет их в единую семью — таков замысел пьесы. В своей последней пьесе «Сыновья» (пост. театром им. МОСПС в 1937–1938) Ф. варьирует ту же тему, останавливаясь на героической работе «сыновей» — молодого летчика и

авиаконструктора и на отношениях их с «отцами». Искусственность психологического конфликта, положенного в основу пьесы, штампованность отдельных образов, — все это делает пьесу мало удачной.

Особенностями драматургических произведений Ф. является прежде всего, так же как и в прозе, ярко выраженная гротескная струя, а также занимательная интрига, игра острыми комедийными ситуациями, живой, выразительный диалог.

Библиография: I. Мой друг. Повести и рассказы, изд. «Земля и Фабрика», М. — Л., 1930; Колхоз «Заря», Сборник рассказов, изд. «Земля и Фабрика», М. — Л., 1930 (в серии: «Массовая библиотека ЗиФ»); Третья скорость, Роман, изд. «Земля и Фабрика», М. — Л., 1930; Семья. Рассказы, изд. «Огонек», М., 1931 (в серии: Библиотека «Огонек», № 583); Большие дни. Повесть, Моск. т-во писателей, М., 1933; Окраина. Рассказы, ГИХЛ, М., 1933; Семейная история. Рассказы, Моск. т-во писателей, М., 1933; Василиса. Рассказы, изд. «Молодая гвардия», М., 1934; Свидание. Комедия в 3 актах, 8 картинах. Гослитиздат, М., 1935; Избранные рассказы, Гослитиздат, М., 1935; Большая семья. Комедия в 3 актах, 6 картинах, изд. «Искусство». М. — Л., 1937.

http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-7331.htm

Лежнев А. [1893 —] (псевдоним Абрама Захаровича Горелика) критик, один из теоретиков лит-ой группы «Перевал» (см.). Примыкал к социал-демократам меньшевикам.

Воззрения Л. на литературу и искусство целиком исходят из меньшевистско-ликвидаторской политики Троцкого — Воронского (см.) в отношении пролетарской культуры, в частности искусства и лит-ры. Эстетические и литературоведческие взгляды Л. эклектичны и в основе своей идеалистичны, поскольку они определены старыми буржуазными (Кант, Шопенгауэр, Бергсон) положениями о бессознательном, интуитивном, иррациональном характере художественного творчества. Эти установки приводят Л. к крайне реакционным выводам: ратуя за бестенденциозное искусство, за «моцартианство», против «сальеризма», «огромной волной» накатившего на современное искусство и «одно время совсем было его затопившего», Л. призывает советских писателей к возможно большей «искренности». Последняя для Л. — «не моральная, а художественная проблема». Лозунгом «искренности» Л. заранее оправдывает всякое контрреволюционное произведение, лишь бы оно было «искренним».

Повторяя Воровского, Л. ставит перед писателями как центральную проблему — «проблему видения», понимая последнее не в духе диалектических материалистов как познание объективной действительности для ее преобразования, а в духе иррационалистического интуитивизма. Выступая будто бы против схематизма лефовской фактографии, Л. на деле яростно борется лишь с пролетарским революционным искусством, которому он в целом бросает обвинение в «сальеризме», лефовщине и пр. Пропагандируя «эстетическую культуру» для писателя, Лежнев включает в это понятие развитие у художника свойств «наблюдательности», уменья слышать разговорную речь, «ощущения слова», но не обязывает писателя иметь определенное мировоззрение. Л. не видит опасности на фронте литературы и искусства в развитии необуржуазных и кулацких тенденций, в обволакивании этими идеями молодых ростков пролетарской литературы. Л., ограничивая проблему утверждениями о необходимости борьбы с приспособленчеством, с халтурой («У нас начинает образовываться тип получателей гонораров, а это куда хуже всякой явной правой опасности»), явно смазывает тем самым необходимость борьбы с враждебной идеологией.

Как и Воронский, Горбов и др. идейные вдохновители

«перевальства», Л. совершенно не понял пролетарского лит-ого движения, относясь к нему, как к агитке, как к «искусству», «цена которому медный пятак». Свысока третируя пролетарское творчество, Лежнев делает ставку на индивидуальное мастерство в ущерб классовой идеологии пролетариата и общественной роли лит-ры. Чревычайно характерна защита Лежневым правых тенденций в пролетарской лит-ре.

Лежнев известен как «теоретик» лозунга «нового гуманизма», с которым выступил «Перевал» в 1929–1930. В период обостреннейшей классовой борьбы этот лозунг объективно выражал сопротивление буржуазных элементов города и деревни развернутому социалистическому наступлению рабочего класса.

Защищая в своих теоретических и полемических статьях реакционные тенденции современной литературы, Л. неустанно борется с воинствующей марксистской критикой. В этом плане чрезвычайно характерны памфлетные (порою спускающиеся до пасквиля) выступления Л. в сборнике «Разговор в сердцах».

Библиография: I. Вопросы литературы и критики, изд. «Круг», М., 1926; Современники, Литературно-критические очерки, изд. «Круг», М., 1927; Литературные будни, изд. «Федерация», М., 1929; Русская литература за десять лет, в книге: Лежнев А. и Горбов Д., Литература революционного десятилетия, 1917–1927, изд. «Пролетарий», Харьков, 1929; Разговор в сердцах, «Федерация», М., 1930; Предисловие к сб. «Ровесники» и статьи в журнале «Новый мир».

II. Ермилов В., Гармонический обыватель, «На литературном посту», 1929, XI–XII; Лузгин Мих., Ответ Лежневу, «На литературном посту», 1929, X; Сельвинский И., Письмо в редакцию, «Литературная газета», 1929, № 20; Якубовский Г., Три критика, «Литературная газета», 1929, № 9; Бочачер М., Гальванизированная воронщина, «Печать и революция», 1930, № 3; Его же, Сердце-победитель, там же, 1930, № 4; Гельфанд М. и Зонин А., К дискуссии о творческом методе, там же, 1930, № 4; Против буржуазного либерализма в художественной литературе (дискуссия о «Перевале»), изд. Комакадемии, М., 1931.

III. Мандельштам Р. С., Художественная литература в оценке русской марксистской критики, ред. Н. К. Пиксанова, изд. 4-е, Гиз, М. — Л., 1928; Писатели современной эпохи, т. I, ред. Б. П. Козьмина, изд. ГАХН М., 1928.

61

Неразборчиво.

62

Эту реплику об Ахматовой мне сказали потом со слов Поспелова — ЛБ.